

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЬ.

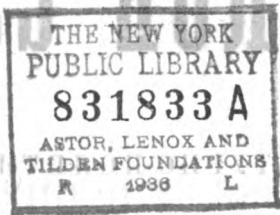
ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

7
1865.

March
МАРТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1865.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24-го апрѣля 1865 года.

Въ типографіи Рюмина и К^о.

УЪЗДНОЕ УЧИЛИЩЕ.

(Изъ романа: „Старое старится, молодое никогда.“)

I.

Баринъ Василій Ивановичъ Куроѣдовъ задалъ Васкѣ вопросъ: «схочешь ли, Васька, быть вольнымъ?»—Васька отвѣтилъ: «не знаю-съ».—Баринъ изволилъ захохотать надъ глупостью ребенка, а испуганный Вася заплакалъ.—Тѣмъ и началась его вольная жизнь.

Перваго августа Вася пошелъ въ училище и, по привычкѣ, завернулъ налѣво.

— Э, нѣтъ, братъ, не сюда! сказалъ ему прежній учитель Иванъ Ивалычъ:—ты теперь не *мой*; ступай-ка вонъ направо, въ *новое*...

Такъ Вася и пошелъ въ *новое*, вздохнувъ о старомъ.

Направо было все ново. Вывѣска съ новыми буквами, полы и столы крашенные заново, ребятишки, липнувшіе къ нимъ, какъ мухи къ клейстеру, смотритель, объявившій Васѣ нововость, что здѣсь ученіе начнется не просто, а послѣ молебна; законоучитель, такъ вспрыснувшій Васю святой водой, что ему стало весело, и наконецъ отецъ діаконъ, такъ громко возгласившій многолѣтіе учащимъ и учащимся, что кто-то изъ школяровъ въ углу шепнулъ: «лихо!»

— Это кто? спросилъ любопытный Вася, указывая на господина съ огромными, нечесаными волосами.

— Это учитель, отвѣтилъ старый Замерзаевъ.

— А это? Вася указалъ на другого, стриженаго гладко.

— Тоже учитель.

— И это?

— И это учитель.

— «Ну, ужь этакъ больно много: заучать совсѣмъ, до смерти», подумалъ новичокъ и началъ осматривать учителей.

Первый, на кого обратилъ вниманіе Вася, былъ учитель исторіи, Бѣлогорячкинъ, только-что спущенный со школьной скамьи, гимназистъ-лицейскій. Онъ носилъ огромнѣйшіе воло-сы, отброшенные назадъ, эспаньелку, за которую вѣчно ссорился съ зрителемъ, какъ за беззаконіе, плащъ на красной подкладкѣ и шапочку корабликомъ, какъ Рафаэль-Сан-ціо, такъ что вся Сибирь говорила впередъ: «а вотъ идетъ учитель Бѣлогорячкинъ.»—Готовъ бы я познакомить васъ и съ образомъ жизни Бѣлогорячкина, но дѣло въ томъ, что у него не было никакого образа жизни: видѣли его только пере-ѣзжающимъ съ квартиры на квартиру, а въ квартирѣ самой—штаны и сапоги на столѣ, а графинъ, шляпу или тарелку подъ порогомъ.

Вообще, это былъ типъ крайне-безпорядочный и странный; какъ всѣ художники и поэты. Впрочемъ художникомъ и поэтомъ онъ не былъ, его просто повихнула жизнь. На служ-бу онъ вѣчно опаздывалъ, но велъ себя въ классѣ щегольски, и даже поигрывалъ лорнетомъ или часами, а за пять минутъ до окончанія урока приходилъ въ какую-то агитацію и начиналъ сильно бѣгать по классу. Ругаться и шумѣть онъ не любилъ, и вообще, какъ человекъ гостиный, ученикамъ говорилъ *он*, даже любимое слово «анафема» употреблялось у него вмѣсто «милый другъ.»—А ну тека вы, анафема», — спрашиваетъ онъ урокъ. Анафема вскакиваетъ и весело распи-шетъ по Кайданову Александра Македонскаго или Юлія Цезаря. Въ своемъ учительскомъ кружкѣ онъ танцевалъ мазурку, какъ спущенный съ цѣпи, приплеталъ къ разговору ломанныя французскія или нѣмецкія фразы, рассказывалъ ухарскіе анекдоты и слылъ за разбитного малаго и лихого товарища; а въ городѣ онъ извѣстенъ былъ по анекдоту: какъ отстайвалъ эспаньелку отъ штатнаго зрителя и выхлопоталъ наконецъ докторское свидѣтельство, въ которомъ было сказано, что предъявителю сего бороды брить нельзя, потому что на вы-бритыхъ мѣстахъ у него выходятъ прыщи.

Агафонъ Ивановичъ Пупкинъ, пожилой господинъ, мрачный математикъ, заливающій за галстукъ,—словомъ, потасканный титулярный совѣтникъ. Этотъ носилъ форму, кокарду, галстукъ хомутный и вѣчно стоптанный лѣвый сапогъ. Домашній его образъ жизни—водка, трубка и скрипка. Прокуренный насквозь, желтобурый, небритый, онъ даже въ классѣ бредилъ только одно: «а пойдѣмъ затянуться къ стороженци». Въ училищѣ онъ почти всегда спалъ, даже на шалуновъ, недающихъ ему покою, ворчалъ какъ-то лѣниво: «Эй, ты, шельма, что решь? Я, братъ, тебя пореву по зубамъ, погоди!» Любимая его поговорка: «пятысотъ вваю!» не имѣла нисколько страха на учениковъ. Въ старшемъ классѣ онъ шутилъ и хвастался тѣмъ, что знаетъ задачу тройного правила во 105 членовъ, а объясняя правила *слѣпое* и *золотое*, иногда прибавлялъ съ улыбкой: «А есть, ребята, еще правило *двѣсичье*,—погодите, покажу». Въ обществѣ товарищей его звали Агафоша, ученики прозвали «безпалый», а новому директору извѣстенъ онъ былъ по одному нечаянному случаю. Разъ съ товарищемъ Махоркой они подвудили и по пальцу другъ другу откусили. — «Я, говорить, ему только попробовалъ, а онъ мнѣ напрочь отхватилъ, собака! Еще товарищъ называется! Посудите, ваше превосходительство, сами,—говорилъ онъ директору со слезами:—какое это товарищество—кусаться!»—И при этомъ титулярный совѣтникъ плакалъ.

Учитель русскаго языка, тупой семинаристъ, Федоръ Ивановичъ Короновоздвиженскій. Этотъ носилъ кисейную косыночку, на томъ основаніи, что человекъ потѣетъ, а косыночка грязнится,—помоешь—опять новенькая. Ходилъ онъ въ форменной фуражѣ на кожѣ, въ видѣ камилавки, а въ лѣтніе жары накидывалъ и сбрую суконную шинель съ стоячимъ воротникомъ, словомъ, какую обыкновенно мы встрѣчаемъ на архіерейскихъ пѣвчихъ и бурсакахъ. Пола ея полоскались въ воздухѣ, какъ мокрое бѣлье. Домашній бытъ его—жена, свинина и масляная каша, да какія-то книжки-грамматики, которыя онъ любилъ до страсти.

Въ училищѣ казался онъ тихъ, не любилъ крику и дранья, но за то на видѣ былъ такой дивообразъ, что на вопросъ: «какъ тебя зовутъ?» самъ смѣлый Вася отвѣтилъ съ испугу: «не знаю-съ». Уроки свои величалъ «лекціями», и передъ на-

чагѣмъ каждой тажъ пыхтѣль и кряхтѣль, какъ будто приготавлился везти телѣгу, а не грамматику. Востокова онъ зналъ отъ корочки до корочки, безъ запиночки, да не просто еще, а со штуками. Предложить, наприимѣръ, ученикамъ задать себѣ вопросъ такой: «на которой страницѣ говорится о глаголѣ страдательномъ?» — и дѣйствительно отвѣтить, на которой страницѣ и строкѣ. Зададутъ-ли ему вопросъ о причастіи и притяжательномъ, — и причастіе онъ знаетъ гдѣ стоитъ, и притяжательное всякое отыщеть. А ужъ о томъ, какъ онъ декламировалъ востокowski стихокъ: «хоть зимою и тепленько, а весною холодненько, но и въ стужѣ мнѣ не хуже» — объ этомъ и говорить нечего — просто умилительно. Ругался онъ всегда по латыни, такъ что ученики, озадаченные какимъ-нибудь азинусомъ или стультусомъ, не обижались, а просто думали: «по каковски это онъ ругается?» — Въ обществѣ ходилъ, озираясь, садился съ ужимкой на краешекъ стула и, раздвигувъ колѣни, вѣсилъ туда руки, какъ палки. Для разнообразія позы, запуская иногда большой палецъ за бортъ, а четырьмя барабанилъ себя по чреву, — и больше молчалъ. Въ кругу товарищей появлялся рѣдко, да хорошо и дѣлалъ, потому что тамъ его терпѣть не могли. Въ городѣ его никто не зналъ, даже анекдотовъ о немъ не слагалось, — просто только шла молва, что онъ чрезвычайно жадеетъ до денегъ.

Прибавьте сюда Звѣровидова, смотрителя, смотрящаго въ землю, законоучителя Пернатовѣщеносцева, мѣстнаго отца іерея, огромнѣйшаго росту, и учителя рисованія, Махоруку, маленькаго человѣка, франта на тоненькихъ ножкахъ, раздуреннаго, разурмяненнаго и извѣстнаго всему училищу подъ именемъ «ванашки», — и вотъ вамъ полный штатъ.

— Ну-ну, господа! понужаетъ смотритель учителей, какъ лошадей: «помолясь, да за дѣло!» — говорятъ добрые люди.

Кони просвѣщенія тронулись съ мѣстъ.

— У насъ, братъ, не то, что у васъ въ приготовительномъ, страшаетъ Замерзасевъ Васю: у васъ что? — *ракетика* одна, а у насъ здѣсь больно мудроно. У насъ — грамматика, исторія, географія, а учителей дѣлкихъ пять, — вотъ сколько! (Замерзасевъ щелкнулъ языкомъ, а Вася сосчиталъ учителей — дѣйствительно пять). — Какъ учнуть всѣ запаливать уроки, такъ только держись! Агафонъ Ивановичъ задачу заватитъ во

звизо доску: потъбешъ, потъбешъ, не съблаещь ни въ жисть! Такъ и молитву прочтуть, и домой уйдуть, ади! не адъбаеашъ проклятую, потому—во всю доску, больно велика!—А ты умъбешъ выговаривать *сиксилонъ*? а?..

— Нѣтъ, отвѣтилъ Вася робко.

— Ага? не умъбешъ, не бось, а я такъ умно.

— А закъмъ такіе большіе листы? — У Васи даже мельнуло: на змѣй бы хоронио такіе листы.

— Это не листы, это карты висятъ, объяснилъ Замерзаевъ.

— Экъ, какъ адъбобъ мудроно! думаетъ бѣдный Вася. Какія же это карты? — совсѣмъ не похожи: въ карты я игралъ съ Асафомъ, въ носки!

А географическія карты такъ и смотрять на него непостижимою мудростью.

Вшелъ Федоръ Ивановичъ.

— Ну, кто тутъ тивой? Эй! встаньте, новенькіе. Ты развѣ новенькій, азикусъ, съ волокобною величиной? Онеумъ дубнорумъ тебѣ надо запустить, стултусъ этакой!

Замерзаевъ присѣлъ, а Вася *новенькій* всвечилъ.

— Ну, грамматику себѣ купите,—слышите? Кто тутъ старики-то? Эй, Замерзайва, новажи имъ книжку-то.

Замерзаевъ вытащилъ изъ стола старую тряпку, по которой едва можно было догадаться, что это была некогда книга. По корешку ея видно было, какою усердія стоило обратить ее въ засаленную тряпку. Федоръ Ивановичъ поднялъ Востокова къ верху и, потрепавъ его передъ новичками, сказалъ: «вотъ она, грамматика-то, видите? Запишите и купите—да непременно сегодня же, чтобъ къ воскресенью я могъ задать урокъ.»

Все зашевелилось, зашеlestило бумагой. Поченивъ запи-салъ на тетради: «громадива», а Васька, выхвативъ у него карандашъ, съ усердіемъ выписалъ: «гром-аттика».

Короновоздвиженскій ушелъ.

— Господа новички! извольте въ моему классу заготовить географію. Она стоитъ въ вазнѣ-ѣ 50 или 70, что-то въ родѣ этого, вопѣкъ. Запишите!

Бѣлогорячанинъ обнелъ зорнетомъ классъ.

— О, да какіе тутъ маленькіе есть!—Исторію, господа маленькіе, купите; не русскую, конечно,—эту вамъ не нужно, а тавую—тамъ вамъ скажутъ какую! Въ вазнѣ это—Кагда-

нова исторію. Она-а... ст-о-ить... 70 или 5, что-то въ родѣ этого, копѣекъ.—Поняли?

— Вотъ-съ Кайданова! вскричалъ обрадованный Замерзаевъ, ощулавъ въ сумѣ своей исторію.

— Что такое?

— Кайданова-съ.

— Пусть Кайданова, положимъ, но зачѣмъ же такъ кричать? Это ты ей обрадовался?—стыдсь, братецъ, стыдись!— У него есть Кайданова, такъ онъ реветъ на все училище,—каково! Помилуй, Замерзаевъ, въ тебѣ благопріятія вовсе нѣтъ, а еще оставленъ ты на третій годъ.

— Извольте-съ.

— Да не нужна мнѣ она, твоя Кайданова: я безъ тебя ее знаю хорошо. Кажи вонъ имъ, если хочешь.

Николай Васильевичъ убѣждалъ, а новички бросились къ Замерзаеву—смотрѣть сокровище, исторію Кайданова.

— Ну-у!.. зѣвать оиать! Арифметика есть? Эй! вы, новодранцы!

Агафонъ Ивановичъ широко раскрылъ глаза при допросѣ. Замерзаевъ отвѣтилъ за всѣхъ:

Есть у нихъ, Агафонъ Ивановичъ, приходская-съ...

— А то какую тебѣ еще нужно, уѣздную, что ли? Не бываетъ она уѣздная-то: все одна арифметика здѣсь и тамъ.

— Приходская есть-съ! нищали новобранцы.

— Ну, есть, такъ и толковать съ вами нечего. Ступайте вонъ: ученье начнется завтра.

Все всполошилось и пошло.

— Ну-ну, потише нельзя ли?..

Такъ прошелъ первый день ученья. Мамынька испугалась, когда Вася прочиталъ ей по запискѣ, какія мудренныя книжки велѣно было купить.

— Какая такая болѣсть лихая, грамматика? Гдѣ ее взять-то, Васинька: ты мнѣ растолкуй?

— У смотрителя, мамынька.

— Да смотритель-то гдѣ, сынокъ?

— Да тамъ же, гдѣ книги продаютъ! крикнулъ Вася.

— Да ты не ори, смотри; я вѣдь и двухвостку тебѣ покажу.

— Ну да, чего тебѣ!

Вася отвернулся и ушелъ.

Такъ и поспорился онъ съ мамой изъ-за грамматики Востокова, которую еще не покупалъ и не видалъ. Что-жъ будетъ тогда, какъ вупить ее?

На другой день былъ урокъ исторіи, и съ Васей вышла та же исторія. Николай Васильичъ отмѣчалъ по списку учениковъ:

— Подполкинъ или Подпилкинъ?.. шутъ знаетъ, какъ сверху написано, — не разберешь!

— Подпалкинъ! закричали знатоки въ разъ.

— Ка-акъ?

— Подпалкинъ-съ.

— Что за Подпалкинъ такой? Это что еще за новость:— подъ палкой, что-ли, былъ? Который это?

Вася всталъ. Ученики засмѣялись надъ шуточкой учителя.

— А! вотъ господинъ Подпалкинъ. Очень-очень пріятно видѣть. А книга у васъ есть?

— Есть-съ.

Вася робко развязалъ сумочку и поднялъ въверху исторію.

— О, да курьезнатъ какая, тоненькая! Покажи-ка, покажи, что за исторія.

Вася показалъ. Николай Васильичъ разразился хохотомъ.

— Какая-жъ это исторія, братецъ, помилуй? Кто тебѣ далъ такую исторію?

— Мамынька-съ.

— А! мамынька. Молода твоя мамынька?

— Нѣтъ-съ, старуха.

— Ну, такъ ты растолкуй ей, что эта исторія здѣсь не годится,—понимаешь? Это священная исторія называется и употребляется для батюшки попа, а не для меня. Для меня нужно другую, не такую. Въ твоей о святыхъ людяхъ говорится, а въ моей о царяхъ. Понимаешь?

— Понимаю-съ, отвѣтилъ Вася сквозь слезы.

Молчали.

— Слушать! эй, задніе, не шумѣть!

Все приготовилось слушать.

— Ну-съ, и такъ, мы сегодня начнемъ исторію,—началь учитель торжественно и обратился ко всему классу. — Откройте страницу пѣрр-вую и читайте глазами за мной. — «Исторія это: гисторрр...эо! слово гр-эческое!..» И учитель

такъ началъ выворачивать слова греческія, что Вася только думалъ: «охъ, какъ здѣсь мудрено». — Впрочемъ лекція продолжалась недолго: строкъ черезъ десять Бѣлогоричинъ пересталъ орать, оттолкнулъ книгу и карандашъ и ушелъ къ сосѣду поболтать, — забылъ даже урокъ читать.

А мамынька бранить опять:

— Врашь ты, собака, пустяки, что исторія не годится! Отчего она не годится, когда книжка новехоньва? Самъ смотритель вчера ничею не сказалъ, а это нѣтко — учитель! О святыхъ, вишь, людяхъ прописано въ книгѣ, такъ эта ему не годится, а налиши-во о царяхъ какихъ нибудь, такъ ту онъ похвалить. Нѣту, батюшка Васенька, нѣту: не стану я еще покупать тебѣ новыхъ книжекъ, не думай! Вотъ тебѣ мой послѣдній сказъ: «сучи по этой, покуда не изотрется!» — и мамынька съ азартомъ ткнула пальцемъ въ «Начатки».

— Ну-съ, господа, а сегодня у насъ географія, началъ Бѣлогоричинъ, картинно раскинувшись на стулѣ и лоршируя Васю. — А гдѣ же тутъ мой господинъ Подвалкинъ, я не вижу? — А-а! вотъ онъ. — Ну что, какъ ваша мамынька: какую она дала вамъ географію?.. Ну-ка, кажи.

Вася показалъ.

Ну да, она. А землю ты видаль?

— Видаль-съ. Тятенька въ горшочикъ насыпалъ, — онъ двѣ токъ сажалъ, отхваталъ Вася смѣло.

— Ну, нѣтъ, братъ, дудки! Наша земля не такая: вотъ она какая. — Видишь?

Николай Васильичъ указалъ на шкафъ, гдѣ стоялъ голубой плобусъ: — Вася осовѣлъ.

— Кто здѣсь прошлогдній?

Приподнялся Замерзаевъ.

— Путка, Замерзайка, прыгни да достань нашу землю.

— Замерзаевъ, какъ кошка, прыгнулъ на столъ и стаянулъ на себя за погу земной шаръ.

— Вотъ наша земля: вакал, круглая, какъ шаръ.

Николай Васильичъ загнулъ обшлага, какъ-будто приготовляясь показать фокусъ, и ткнулъ пальцемъ земной шаръ. Отъ толчка уѣзднаго учителя картонная земля начала вращаться быстро.

— Ай, какъ вертится! раздалось со всѣхъ сторонъ, Головы поднялись.

— Поди не устоишь на этойкой? заключилъ Почечкинъ, обращаясь къ Васѣ.

А Николай Васильичъ отмѣтилъ крестъ, швырнулъ книгу и тетрадь и ушелъ опять къ сосѣду болтать. Такъ и кончился классъ географіи.

— А со мной вы будете учить грамматику, началъ Федоръ Ивановичъ со вздохомъ: первая часть ее называется *этимологія*.

— Эхъ! выговорилъ кто-то вслухъ.

— Ну, я тебя эхну, азинусь! У меня ты привкусишь языкъ. Зябликовъ съежился, какъ-будто озябъ.

— Смотрите же въ книжки: на первомъ листочкѣ, первая строчка написано: «грамматика есть руководство къ правильному» и прочее. Ну, вотъ это и выучить подтверже къ завтрашнему дню, доо... до... до параграфа второго. — Вонъ тутъ червячекъ въ книжкѣ стоитъ, — видите? Червячекъ этотъ *параграфъ* называется, — поняли? А вы, старые ступтусы, покажите новичкамъ червячекъ-отъ, и кресты-то проставьте, до вонъ я задалъ.

Словомъ, началось вліяніе школы. Здѣсь оно было гораздо сильнѣе, нежели въ приходскомъ: тамъ одинъ Иванъ Ивановичъ — здѣсь пять учителей, и требованія ихъ не только разнообразны, а часто взыскательны и даже нелѣпы.

— Да что мнѣ за дѣло, что ты учишь географію? бѣситъ семинаристъ! поэтому не нужно знать грамматику? Экое дурацкое разсужденіе! Чистѣйшій ты азинусь послѣ этого: ты совершенно не постигаешь своей пользы. Безъ географіи люди живутъ какъ нибудь, — не умираютъ. У насъ вонъ высшее заведеніе, семинарія, да и та плюетъ на географію, потому самому: чортъ ли въ ней, наука эта бесполезная. Ну, а безъ языка-то своего родного далеко не уйдешь. Письмецо ли къ отцу-матери написать, просьбицу ли кому настрочить, — и тутъ подавай грамматику! Словомъ, куда не сунься, — смотришь, нужна грамматика. Грамматика — мать наукамъ, ступтусъ ты этакой! — Понялъ?

— Учи мою географію! кричитъ запальчиво Бѣлогоричкинъ: вотъ что я тебѣ приказываю. Это тоже предметъ, онъ не мой! выдуманъ — правительствомъ, а не мама! Поставляю меня прави-

тельство учить географію, вотъ я и учу географію, и ты учи географію, — не умничай, учи, какъ слѣдуетъ, наизусть. Почему она неважна, когда съ ней можно объѣхать весь шаръ земной и нигдѣ не запутаешься? Училище, анафема, установлено не для того, чтобъ умничать: оно установлено для просвѣщенія юношества! — Ну, и пользуйся просвѣщеніемъ, какъ слѣдуетъ, не дури!.. А будешь умничать, такъ я тебя на записку да къ смотрителю, а онъ штанишки долой, да сзади припустить тебѣ какого нибудь македонскаго завоевателя — вотъ и будешь знать исторію. — Я съ вами, господа, церемониться не стану.

Вася дѣйствительно скоро узналъ, что здѣсь много не церемонились. Иванъ Ивановичъ бывало только кричалъ да стращаль, а здѣсь не кричали и не грозили, — просто говорили: «пойдемъ-ка, братъ, къ смотрителю!» — А зачѣмъ? — Вася скоро узналъ, зачѣмъ ходять къ смотрителю.

— Ахъ вы, шельмы!.. — Да понимаете ли вы, разбойники, что это математика! Вразумитесь-ли вы, головѣрѣзы, что безъ меня вамъ куска порядочнаго говядины не съѣсть! Формально вамъ говорю: съ деньгами насидитесь голодомъ, душегубцы! Что за человѣкъ безъ счету? — чурбанъ, больше ничего! Кругомъ обдеруть его, какъ липку, и долженъ молчать — потому счету не знаетъ! Пустое, кажись, дѣло — карты, а что сдѣлаешь безъ счету? — шишъ! и облупили тебя, какъ сидорову-возу! А какъ математику-то я знаю, такъ нѣтъ, шалишь, меня ужь не облупишь, какъ сидорову возу, я ихъ самъ облуплю. — Да-да, ребяташки, великое слово счетъ.

— Нѣтъ, Агафонъ Ивановичъ, извините, этого вы не говорите, возражаетъ Махорка. Положимъ, оно и цифра ваша великое дѣло, милліоны вы валяете на доскѣ, однако позвольте вамъ сказать: коли вы не съумѣете написать, такъ вамъ нечего будетъ и считать. Я хоша, конечно, человѣкъ простой и притомъ же не ученый, — не могу вамъ, такъ сказать, додлинно доказать исторически: что отъ чего началось? — а все же я это дѣло понимаю и такъ объ этомъ разсуждаю: что Мойсей, на примѣръ, сперва выучился писать, а потомъ написалъ законъ. Значить, видите ли: законъ выходитъ послѣ, а чистописаніе идетъ впередъ!

— Ну, братъ, доказалъ канальски — дважды-два!

— А не лезъ ли, господа-съ, по мѣстамъ? замѣчаетъ смотритель, смотря на часы.

Господа идутъ по мѣстамъ.

— Это кто отличился?

Звѣровидовъ указалъ на чернильное озеро послѣ чистонисанія.

— Говори скорѣй, простишь, — шипитъ Замерзаевъ бѣдному трусишкѣ Васкѣ.

— Я-съ!

— Свиныя-съ! отвѣтилъ глухо Звѣровидовъ и вайкнулъ сторожа подпереть.

— Да что это у тебя, Передрягинъ, на потолокъ: гнѣбды, что ли, пакки насидѣли? Что не обметаешь?

— Обметать-то обметаю, да не успѣваю, ваше вскородіе! Вашъ, опять жованой бумаги ваметали.

— Кто это отличился?

— Говори, простишь, — шипитъ Замерзаевъ бѣдному Васкѣ.

Молчаніе.

— Ты, что ли, зелье? Что не говоришь?

— Нѣтъ-съ, якей Богу не видалъ! Я это такъ-съ...

— Дуравъ-съ! Что не признаешься сразу? Возьми у него, сторожъ, шапку: я съ нимъ послѣ классовъ побесѣдую...

А голова Васкы въ то же время думаетъ: какъ бы изобрѣсти еще новую пакость; руки-ноги зудятъ и хотятъ пошарить, и никакіе училищныя страхи не уймуть этихъ ногъ и головы. Эхъ, искрометный реблчій возрастъ, все-то въ тебѣ вращать, смѣется, шалить!

Не успѣвъ зоркій Передрягинъ трубочку закурить, — смотришь: училищныя птицы взлетѣли на заборы, крыши и сидятъ на деревьяхъ въ смотрительскомъ саду.

— Это что такое? реветъ Звѣровидовъ. Вотъ я васъ ужо.

А училищныя птицы летятъ въ классъ и тамъ изобрѣтаютъ еще такія пакости, при видѣ которыхъ и самъ Звѣровидовъ становится въ тупикъ.

II.

Разъ Васька разсердился на мать — кажется, за то, что она не дала ему классы прогулять, — свирѣпо забрала книжонки, хлопнула дверь и ушла.

— Отца-то покойника нѣтъ на тебя, разбойника: онъ бы тебя продраль! закричала мама въ окно.

• Ну да, чего тебѣ отца! ворчалъ сердито Вася, и еще сердитѣе зашагалъ.

Въ классѣ мертвая тишина — преподавался русскій языкъ. Федоръ Ивановичъ сопѣлъ и готовился начать объ употребленіи буквы ъ, но пока чинилъ перышко и пощелкивалъ имъ съ такою любовью, какъ птица, разламывающая сѣмячки въ клѣткѣ. По сторонамъ, какъ статуэтки, стоятъ на волѣняхъ Азбучкинъ и Ижицынъ. Часы чикаютъ въ углу. Классъ точно спитъ, — лежитъ наповаль, скрипятъ перья, — списываютъ или переписываютъ какія-то задачки, въ родѣ семинарскихъ хрій. Мухи орутъ подъ потолкомъ: они не боятся Федора Ивановича.

— А фиту въ понѣшнему классу подготовили? началъ было Федоръ Ивановичъ, врякнувъ; но въ это время вошелъ становой Зудилкинъ.

— Отецъ твой, шепнулъ Вася Сидоркѣ и ткнулъ сосѣда въ бокъ.

Отецъ сильно качался на ногахъ и стучалъ каблукомъ; разорванный сюртукъ, сѣрые штанишки и грязная манишка — все было запачкано въ пыли, какъ у человѣка, валяшагося подъ заборомъ; комъ грязи или навозу воткнутъ въ небритый подбородокъ; правая рука, проткнутая гвоздемъ или стеклянкой, сунута въ карманъ, лѣвая нога глядитъ изъ сапога, какъ черепаха. Любопытныя головки дѣтей начали всвавивать, какъ фортепянные молотки.

— Кто здѣсь учитель? спросилъ сердито чиновникъ, не снимая коварды, какъ почтальонъ.

— Свиныте фуражку, отвѣтилъ Федоръ Ивановичъ.

— Не ваше дѣло меня учить! Вы, что ли, учитель?

— А что вамъ угодно?

— Учителя мнѣ угодно.

— Я учитель.

— Ну, вотъ теперь я сниму фуражку. — Здравствуйте!

Становой протянулъ Федору Ивановичу руку.

— Что же вамъ угодно?

— А вотъ постоитъ, погодите, — тише, говорятъ, ѣдешь, дальше будешь. Имѣю честь рекомендоваться: я чиновникъ теперь по удѣлу, а прежде былъ въ станovýchъ. Ну, тамъ

предводитель, мой отецъ покровитель, и все такое... Вы, конечно, его знаете?

— Длинногубовъ?

— Ага! онъ-съ самый и есть. Такъ вотъ-съ: попалъ я въ уголовную-съ, тамъ проволочка — сами знаете; дѣло тянулось года три, изъ меня посасывали этакъ... (чиновникъ представилъ, какъ изъ него посасывали въ уголовной). Это впрочемъ нечего вамъ рассказывать—это длинная пѣсня. А просто запросто: я Андрей Михѣичъ Стираксовъ и — Зудилвинъ тожъ, если хотите. У меня, какъ видите, про всякій случай, двѣ фамиліи — собственные, замѣтите!

— Я понимаю.

— Вы не подумайте однако, что это что нибудь эдакъ тамъ тово! . . . Ни ни, Боже сохрани! Батюшка мой, не тѣмъ будь помянуть, на этотъ счетъ былъ у!... звѣрь настоящій, я вамъ скажу. (Чиновникъ звѣрски погрозилъ пальцемъ). Вы имъ не шутите, — да! Стираксовъ я по отцѣ: отецъ мой былъ изъ духовныхъ, не тѣмъ будь помянуть. — Поняли?

— Я понимаю.

— Ну, вонечно, что грѣха таить: дьякономъ вотъ онъ тутъ былъ у Николы-Дѣвичяго; потомъ его въ дьячки шаркнули въ Маріи-египетской! Ну, да что объ этомъ толковать? вы, вонечно, знаете Марію-египетскую?...

— А гдѣ эта Маріа-египетская?

— Да низенькая этакая цервеночка, въ полгорѣ тамъ стоитъ, направо за Шагаловской, какъ начнешь спускаться, знаете, налѣво-то, мимо трактира Сеньки Огорошина.

— А? тутъ...

— Ну-ну, вотъ тутъ онъ и прослужилъ лѣтъ десятокъ, — теперь ужъ онъ въ землѣ-съ! (Чиновникъ грустно махнулъ въ землю). А славный былъ старикъ, живой-то-съ: испивалъ только маленько на послѣдяхъ, царство ему небесное! такъ въ одночасьи и окачурился.

— Ну, а какъ же вы вышли Зудилвинъ?

— А! я только это и хотѣлъ вамъ доложить-съ. Зудилвинъ, надо вамъ замѣтить, — материнская у меня фамилія. Она у насъ была изъ роду Зудилвиныхъ — надворнаго совѣтника дочь-съ. (Чиновникъ вздохнулъ). Я, знаете, грѣшный

человѣкъ, любилъ мою покойницу-съ, и вотъ на этомъ-то основаніи, замѣтите, и сыну моему закатилъ въ матушку—Зудилкина: пусть, думаю, поноситъ дѣдушку, надворнаго совѣтника!—Онъ вѣдь здѣсь, у васъ, въ училищѣ-съ?

— Кто это?

— Сынъ-отъ мой!

— Это Сидоръ, вѣжется?

— Ну, вотъ онъ самый и есть! Да чего? вы вѣдь знаете его, сына моего Сидорка, мошенникъ, протобестія, рака-ля-то!

— Извѣстенъ.

— Еще бы-съ! Весь Бестіаловскій переулочъ висѣльникомъ зоветъ; кому мой Сидорка не извѣстенъ. Эй, ты, шельма! гдѣ онъ тутъ? Гм! спрячется; значить, отъ отца! Онъ, знаете, чуетъ: «чѣе вощка мясо съѣла», и знаетъ, за чѣмъ я сюда пожаловалъ: — Сидоръ мой здѣсь?

Чинovníкъ провелъ красными глазами по классу.

— Зудилкинъ! вызвалъ наставникъ.

Зудилкинъ выставился изъ-за головъ.

— А!... мое вамъ-съ... Ну, вотъ-вотъ онъ самый и есть! Смотрите: образина какова—чистѣйшій звѣрь!... Гм! и рядышкомъ съ пріятелемъ посиживаютъ; каковы бестія-то!... А такая же, я вамъ доложу, будетъ шельма и тотъ — Подпалкинъ вѣдь?

— Да.

— Ну, да чего тутъ разговаривать! я знаю его: мальчишка огневоѣ тоже, какъ мой! Одно только... Эхъ, одно только!... (Чинovníкъ остановился и вздохнулъ). Мой, знаете, былъ; есть и будетъ сынъ г. бернскаго секретаря, Андрея Михѣича Стиравсова-съ (чинovníкъ потыкалъ пальцемъ въ грудь), а тотъ... тотъ просто вотъ что-съ—тьфу! (Чинovníкъ плюнулъ и медленно растеръ ногой). Мы вѣдь знаемъ кто онъ.

Учитель хотѣлъ было возразить, что Подпалкинъ не со всѣмъ плевка стоитъ, но чинovníкъ чуть не закрылъ ему ладонью ротъ.

— Ни! ни-ни! не говорите! знаю, знаю: ханъ-съ, и больше ничего.

— Что это онъ обо мнѣ рассказываетъ? думалъ испуганный Вася. Ну, какъ меня вѣснить?

Раздался звонокъ. По классу — гулъ и шумъ.

— Отпускъ? спросилъ удивленный чиновникъ.

— Нѣтъ, это *перемѣна* называется у насъ, отвѣтилъ учитель.

— А! «перемѣна», знаю. У насъ въ бурсѣ тоже была перемѣна-съ.— Эхъ! была-была, господинъ учитель, и перемѣна! все было въ бурсѣ!

— Вы, значить, тоже бурсачинки-то хватили?

— Хватилъ-съ; и, какъ видите, больно-таки хватилъ-съ.

— Я тоже, грѣшный человѣкъ, оттудова...

— А фамилія ваша?

— Короновоздвиженскій.

— Ну, такъ съ вами и говорить, значить, нечего! Сами знаете твердо: помните, чай, какъ отецъ ректоръ велить бывало принести беремечко, да запустить тебѣ, рабу божію, перемѣну, да не одну, знаете, а три заразъ! Вотъ *тѣ* такъ перемѣны были, прелестъ. Это что здѣсь ваши перемѣны: звякнетъ сторожъ въ колокольчикъ—и вся уже перемѣна! Нѣтъ-съ! помните, какъ бывало тамъ: въ такой тебя отзвонятъ полелеинъ, съ такимъ проздравятъ праздникомъ, что просто о-го-го! — А куда они-съ?

— На дворъ.

— Э, нѣтъ! вы, сдѣлайте милость, погодите. Вы, господинъ учитель, остановите ихъ для примѣрцу-съ.—А вы, ребята-шки, не ходите: я сейчасъ это, живо.

— По мѣстамъ.

— Я, знаете, не къ вамъ, господинъ наставникъ, шелъ было... здѣсь, что ли, мой почтеннѣйшій Агафонъ Иванычъ? Я ихъ знаю коротко-съ.

— Нѣтъ его сегодня.

— А, ну такъ, значить, все равно: вамъ въ ножки поклонюсь, господинъ... Какъ ваше имя отчество? Прошкольте, ради Христа, подлеца-то моего? Изъ рукъ вонъ!

— Да, это не мѣшаетъ ему всыпать малеько: онъ, признаться, и у меня пошаливаетъ порядкомъ,—изрядный азинусъ.

— Именно азинусъ. — Вы благороднѣйшій человѣкъ теперича: вы, значить, не балуете этихъ животинъ?

— Да коли стокуютъ, такъ чего на нихъ смотрѣть. Вспрыснулъ маленько, какъ цвѣтогъ этакій-какой, ну, и посвѣжѣ будутъ.

— Именно, именно «посвѣдѣ»; вы справедливо иволите выражаться. Драть ихъ, поддецовъ, больше ничего-съ. Что касается моего сорви-голова, я пропну васъ, посподинь учитель: ради самого создателя, дерите его не на животъ, а на смерть. Плетью обуха не перешибешь-съ, прутомъ въ могилу не стонишь,—это все пустяки-съ, бабы причуды.

— А ипаче ничего тутъ и не подблаетъ съ этою семейкой.

— Куда съ семейкой! послушайте: одинъ-отъ навязется, и то... Да вотъ вамъ недалеко Сидорка, вотъ этотъ самый подлецъ-отъ мой, вообразите: — сегодня поутру — этакъ ужъ на зарѣ, — пришелъ я изъ гостей. Ну, конечно, человекъ тамъ не спавши, измятый и все такое, одно слово: чортъ его знаетъ какъ, но только разсердилъ онъ меня маленько. Ну, я, знаете; человекъ горячій, и хотѣлъ было этакъ... (Чиновникъ показалъ кулакомъ, какъ онъ хотѣлъ. Учитель отшатнулся въ сторону). Ну, просто, знаете, хотѣлось мнѣ дать ему туза козырнаго. Какъ честный-благородный человекъ, не больше, какъ затрещину. И что-жъ, вы думаете, онъ со мною сдѣлалъ?

— Не знаю.

— Однако, какъ вы полагаете?

— Я ничего не полагаю.

— Убѣжалъ-съ! Да-съ, отъ отца родного убѣжалъ-съ! Вотъ они каковы-съ, нѣшныя дѣтки! Изъ подъ родительскаго благословенія, такъ сказать, бѣгутъ-съ, поддецы! — Вы сами благороднѣйшій человекъ теперича! Ну, посудите здраво: ну, есть ли тутъ хоть капля божескаго?

— Конечно, ни крохи.

— А! то-то и оно-то. Теперича-съ: пой; воржи его, поддеца, обувай, одѣвай его, каналью, да онъ же тебѣ наладетъ въ шапку, чтобъ помнить; знаете, напашенька Сидорку! А тутъ къ этому еще, — известно вамъ, жалованьишко наше какое, да и доходцы-то, знаете, нынче — въ одномъ карманѣ; свищъ, въ другомъ червяточинка. — Эхъ, господинъ учитель! вы благороднѣйшій человекъ теперича: вамъ, конечно, что толковать, сами знаете: ужъ нынче не сорвешь! Чуть этакъ лапку-то... смотришь и отрубилъ напроць. А тутъ еще; какъ они-то, чертенята, закуски тебѣ этакия подносятъ, отъ нихъ-то нѣтъ сыновняго почегу, такъ и-и какъ горво бываетъ!

(Чиновникъ съблалъ такую рожу, какъ-будто проглотилъ горчицу). Такая, я вамъ скажу, горень-скъ, что вотъ и плачешь да бьешь-сь!—Приважите-ка, господинъ наставникъ, принести хорошенкиныхъ.

Азбучкина и Ижидина замандировали за хорошенкиными, а чиновникъ, повачиваясь, отправился къ столу: и сразу выволокъ сына.

— Ой!

— Ну, не ойкай! Я не мамашенька, я, братъ, — отецъ! Крикнулъ чиновникъ на все училище. Я отецъ родной, а не всю другой!

И родной кри этомъ такъ сунуль Сидорѣ въ шею, что тотъ птицей пролетѣлъ черезъ классъ.

— Сюда, сюда, отцы родные, пожалуйста, поживѣ! махалъ становой Азбучкину и Ижидину, вопещимъ съ букетами.— Это вѣдь *его бляжородіе*, вамъ его бить нельзя. Вы только облуните его, какъ яичко, а я ужь самъ приложусь, гдѣ слѣдуетъ—по отечески отшлифую! Христа ради, только поживѣ, пова зудить руна!

Становой былъ въ авитаціи, потряхивалъ пучками и дѣйствовалъ, какъ бригадмейстеръ при видѣ огня.

— Серебряный, золотанькій, жемчужный мой папашенька! молилъ бѣдный Сидорка.

— Ну-ну-ну!

— Херувимчикъ! вскрикнулъ отчаянно ребенокъ.

— Цыцъ, собака! вотъ я тебѣ запущу херувимчикъ.— Что это, господинъ наставникъ, розги-то у васъ подгуляли? Училище, кажись, возлѣ полиціи, а розокъ нѣтъ! Эхъ, вспомнишь матушку-то семинарію! — Ну, да это для примѣра только, а тамъ у меня заготовлено для тебя, сахаръ-медовичъ,—въ солѣкъ лежать, въ корытѣ. Я тебя поподчую дома!

— Ай! вскрикнулъ Азбучкинъ. Ижидинъ отскочилъ.

— Кусается! чуть выговорилъ Азбучкинъ, и дѣйствительно изъ руви хлынула кровь.

— А! ну, сторожа надо довать, распорядился было Федоръ Иванычъ. Но Сидорка въ мгновение ока вылетѣлъ въ окно, обернулся назадъ, крикнулъ: «утоплюсь!» и полунагой понесся богъ знаетъ куда.

— Ну! идишь, — не утопишься, придешь. У меня, братъ, въ солдѣ лежать... бормоталъ какъ-то неудачно отецъ.

Классъ остолбенѣлъ.

— А нужно бы для примѣра, ухъ! какъ нужно бы всѣхъ васъ, разбойники!.. и становой, забывшись, погрозилъ на всѣхъ.

— Ну, извините и простите! обратился онъ къ наставнику: — напрасно беспокоилъ.

— Ничего-съ, отвѣтил находчивый Федоръ Ивановичъ и отдалъ приказаніе классу идти освѣжиться.

Ушелъ становой; прошла переменна; настала опять мертвая тишина чистописанія. Канапка ходитъ по классу, о чемъ-то мечтаетъ и улыбается себѣ. Ученики лежатъ на столахъ; опять трещать перья, а сердечки испуганныхъ шалуновъ бьются еще, какъ перепуганныя птицы.

Васѣ жарко и душно въ училищѣ; точно кто крикнулъ опять за окномъ, а передъ глазами такъ и мечется искаженное ужасомъ лицо Сидорки. По классу сонно бродитъ Канапка и поругиваетъ учениковъ за отчеркъ да росчеркъ; укушенный товарищъ показываетъ багровую руку, а въ ушахъ раздаются жалобныя стоны «папашенька, золотой!» У Васи болить голова, точно горячечный бредъ: столбенѣютъ товарищи, испуганные горячей человѣческой кровью. Ну-ну-ну! кричитъ злой становой; Сидорка виситъ гдѣ-то на соснѣ и пыхтитъ: «Вася, лѣзь сюда!»

— А какой, братъ, злой становой, — ой-ой! шипитъ Вася сосѣду Почечкѣ.

— Да, отвѣчаетъ сосѣдъ, и съезжился.

— А что думаешь, Зудилка гдѣ, — а?

— Не знаю, братъ.

— Поди, чай, утопъ?

— Не знаю.

— Ухъ! чай, страшный будетъ какой! — и Вася съезжился пуще сосѣда.

А солнце манитъ шалуновъ на улицу; полдень морить и душить училищной духотой. — «Хоть бы шарманку послушать», думаетъ Вася, — а городъ словно вымеръ, ни единого звука — жара! Хоть бы въ окошко посмотрѣлъ Вася отъ скуки — и то не на что: площадь пуста — одинъ пѣшеходъ. Часы по старому стучать въ углу, вѣчный труженикъ-маятникъ валить черезъ

пень володу, чуть-чуть покачиваясь изъ стороны въ сторону. Федоръ Иванычъ молчитъ, сапитъ и чинитъ съ любовью перышко, богъ знаетъ для кого.—Когда-то пройдутъ еще третьи-четвертые часы?!

Скучно смотритъ Вася въ окно на соборъ. Вспомнилось ему младенчество: стоитъ онъ съ отцомъ на колокольнѣ и смотритъ, какъ очарованный, на прелестную панораму рѣки-царя. У! какая широкая равнина водъ!—«Слабодная стихея, батюшка-разваскоринька», шепчетъ въ правое ушко волшебница Юновна, а въ лѣвое суровый отецъ отхватилъ: «ну, пойдемъ-ка домой!»— «Тогда я былъ маленькій, думаетъ Вася: какой я состроилъ соборъ, а тятя взялъ да разорилъ. Помню, какъ летѣли тогда паруса. Ухъ! какъ весело летѣли они, бѣлые, словно вольныя птицы.—А теперъ?» и Вася широко зѣвнулъ.

Вспомнились Васѣ и веселые дни. Идутъ они съ отцомъ на базарь...

— Эхъ, когда-то, сынокъ, ты будешь читать? весело спросилъ тятя: вотъ и прочелъ бы ты мнѣ по картинкѣ, какъ мышкы кота погребли.—Весело было тогда, думаетъ Вася теперъ: тятя картинку купилъ, ясно прочелъ ее питерскій дядя и громко смѣялся тятя живой.—Слышишь, слышишь, сынокъ, какъ они погребли казанскаго и астраханскаго?.. Вотъ и ты учишь такъ же читать.—А картинку онъ мнѣ подарилъ: какъ хотѣлось тогда угодить-то ему, какъ хотѣлось скорѣй и читать, и писать! А теперъ?.. Вася глубоко вздохнулъ.

Видится Васѣ отецъ: тятя крадется къ училищу, словно идетъ воровать. Шапочку снялъ онъ на улицѣ, робко идетъ на крыльцо и шопотомъ спрашиваетъ у наставника: — Что, батюшка, Иванъ Иванычъ, мой молодецъ не запаливается ли, отецъ? — Нѣтъ, ничего, отвѣчаетъ добрый Иванъ Иванычъ, а Вася весело смотритъ на родителя и учителя, и не страшно ему ничего. А теперъ?.. — Ой, какъ кричитъ становой! думаетъ Вася.—Страшно стало ему.

А отецъ, какъ живой, говорить: «наклонись, поцѣлую, сынокъ». Весело было тогда, думаетъ Вася, а холодная рука тяти скользитъ опять по щекѣ и шеѣ, сладостная дрожь пробѣгаетъ по всему тѣлу, смѣется въ окно веселое солнышко, а надъ ухомъ такъ и раздаются громкіе слова: «ученье свѣтъ, а неученье тьма, сынокъ!»—Сынку только невесело въ училищѣ!

Грустно смотритъ онъ на часы и въ окно, а двѣ крупныя слезы капнули на каткизисъ.

Батюшка преподааетъ законъ.

Вася вспоминаетъ маму: вспомнилъ, какъ поссорился утромъ: заняло его бѣдное сердечко и вздохнулъ онъ впервые, какъ желовѣкъ, начинающій жить!

Батюшка кашляетъ, харкаетъ и готовится изобразить картину: какъ мать читаетъ сосцы а вокшиъ собираетъ птенцы, и проч.

Но тутъ раздаются звонокъ; читають молитву; шумить училище; кто-то крикнулъ звонко: купаться, ребята! и стремглавъ ринулись училищныя шалуны. Вырвались они изъ своей душевной темницы и тутъ же забыли утопленника, становаго и законъ!.. Эхъ, дѣти-дѣти!..

III.

Какъ не плоха была школа, въ которой школили Васю и Сидорку, но она имѣла свое нестрасимое вліяніе на дѣтей. И дивнй хаосъ преподаванія, и дивіе родители, и учителя, и сама желтая комната съ черными столами и мрачнымъ смотрителемъ,—все врѣзывалось въ живтѣй и свѣжей памяти, все имѣло свою долю пользы или вреда.

Съ той поры, какъ Вася перешагнулъ порогъ этой желтой комнаты, онъ во многомъ измѣнился. Училище—то же общество, гдѣ на каждаго новаго ялена кладется особенный отпечатокъ. Посмотримъ, какой отпечатокъ положило оно на Васю.

Первѣе всего онъ научился, коненно, шалить, да не просто, а съ какимъ-то особеннымъ, училищнымъ удалствомъ и озорствомъ. Теперь онъ не восхищается простодушно голубкомъ и лягушкой, а ловить и продаетъ ихъ какому-то французу на жаркое. Галокъ и воронъ раскрашиваетъ зеленой краской, въ видѣ люпугаевъ, или вывѣшиваетъ такіе красныя маяшви на прудъ, что и самъ Звѣровидовъ, вѣрно, не угадалъ бы, какая это птица прилетѣла въ училище? Собаку и кошку связываетъ погами и заставляетъ грызться на потѣху шалуновъ. Разъ даже старому коту Дворецкому привязалъ на хвостъ нудели и зажегъ; Дворецкій неистово пронесся по избѣ и чуть не выпца-

рапаль. глава Мангѣ самой, а Васька въ восторгѣ бѣжать въ училище и рассказываетъ, какъ это хорошо вышло. — «Славно, говорить, точно Змѣй-Горынычъ, особливо въ потьмахъ». А ужь обь озорствѣхъ на улицѣ нечего и говорить: — оно превышало всякую мѣру, и не даромъ у насъ «уличный мальчишка» такая обидная брань для дѣтей. Ни одного забора не пропустилъ Васька, идя въ училище, вездѣ сдѣлавъ известнаго реда: надписи. А попадайся товарищи, такъ мимою накатятъ снѣговой шаръ и такъ уставишь его посреди Дворянской улицы, что и самъ блюститель порядка, полицеймейстеръ, не перескочитъ черезъ такой глобусъ. Разъ бѣшенныя лошади такъ шарахнулись въ сторону отъ этой новой планеты, что бѣдная прокурорша, кажется, и до сихъ поръ помнить, какой былъ молодець Вася!

И все бы это ни чего — рѣзвость свойственна дѣтямъ; но, къ сожалѣнію, при этой рѣзвости начинало уже проплядывать иногда что-то червчуръ размахистое. О смѣлости Васьки и говорить нечего? Онъ не только не боялся новаго сторожа Андронича, но не боялся даже самого свирѣпаго Звѣровидова. Плясалъ онъ и въ училищѣ на столѣ; плевалъ онъ и Андроничу въ шапку и въ карманъ, и даже разъ попробовалъ самому щеголеватому Махоркѣ поставить свади за пуговицу клясуна.

Успѣхи въ наукахъ оказались виднѣе всего въ рваныхъ выгахъ и во всевозможныхъ надписяхъ, которыми пестрились обложки. На грамматикѣ, на примѣръ, выписанъ былъ стихъ такой: «сія книга моя, сочинялъ ее чертъ, не я»; на тетради склоненій и спряженій эпиграфа такая: «сію тетрадь пора бить драть». Научился онъ по бѣготнѣ Николая Васильича угадывать — скоро ли кончится классъ; по походкѣ Агафоши: — сонно ли будетъ спрашивать математикъ, а по одному выходу смотрителя — сердитъ или не сердитъ Звѣровидовъ. Силенъ былъ Вася и въ лубошной училищной литературѣ: наизовъ прочиталъ нелѣпаго Бову-королевича и рапреславнаго витязя Еруслава Лаваревича, — а это не шутка! Плѣненъ онъ былъ восхитительнымъ Францискомъ Венеціаномъ, и прекрасной королевой Ренцывеной, даже на распѣвъ читалъ эту повмъ въ присутствіи дѣрни, и сама Юлиха со слезами прошипѣла: «о, какъ знатно учитываешь мой-отъ княжичекъ-гратотѣюшко!». А о чудесномъ произведеніи Ершова:

«Конекъ-Горбуновъ» Васька не могъ говорить безъ восторга: «Ухъ! какая, братъ, знатная книженція—вотъ бы украсть!»

Сквозь это, конечно, проглядывало иногда и что-то не ребячье, разумное, озабочивающее безпечнаго Васю, но, къ сожалѣнію, проглядывало оно не часто, да такъ опять и запыривалось и забывалось, какъ что-то суровое и жесткое, во все непрiloженное къ веселой и безпечной жизни ребятъ. Всплакнетъ ли мама надъ головой Васи,—выскажется ему горько, что онъ сирота, что ему теперь нужно больше учиться да брата учить.—Вася готовъ послушаться маму и поучиться,—да какъ тутъ поучишься? Надъ ухомъ болтаютъ училищную чепуху: «семьдесятъ семь покоевъ, а рцы да у», или задаютъ загадку: «кто два раза родился и два раза умиралъ?» Въ томъ углу бойко играютъ училищныя игры трикъ-тракъ и чотъ и не чотъ, а въ этомъ мастерски гнуть мѣхи, набиваютъ сажей, и такъ фукаютъ въ рожницу товарищу, такой раздастся звонкій и веселый смѣхъ, что заглушить онъ всякую суровую грамматику! Пригрозитъ ли Звѣровидовъ въ сердитый часъ: «я, братъ, тебя взбучу!»—Васѣ, конечно, очень извѣстно взбучиванье Звѣровидова, и готовъ бы онъ отъ него какъ нибудь отдѣлаться, да какъ отдѣлаешься? Развѣ можно упомянуть всѣхъ этихъ проклятыхъ Сеннахиримовъ съ эклиптиками и катетовъ съ гипотенузами? А тамъ еще растолкуй: кто такой Сеннахиримъ, да что такое гипотенуза? Повеволѣ будетъ скучно!

Отъ скуки, впрочемъ, Вася нашелъ самое вѣрное средство: онъ сталъ похаживать съ пріятелями *на пролетъ*. Казалось бы, неважно, что ребяташки сговорятся, вмѣсто училища, уйдти куда нибудь въ захоluste, въ оврагъ, и тамъ, какъ птицы, пролетаютъ все учебное время. Но въ этомъ уже много было и смѣлости, и ловкости, и умѣнья шельмовать. Во-первыхъ, нужно сдѣлать мастерски кислую рожу, надуть зрителя—отпроситься по болѣзни; во-вторыхъ, надобно такъ повести дѣло, чтобъ Звѣровидка не узналъ, что больной страдаетъ въ оврагѣ; а въ-третьихъ,—во время придти домой, чтобъ ни въ чемъ не заподозрила мама.—И это все Вася дѣлалъ отлично! А дальше стало обнаруживаться тоже самое и въ домашнемъ быту: то онъ скажетъ матери, что у нихъ сегодня нѣтъ ученья послѣ обѣда, потому что учителя именинники; то утромъ ней-

дети въ классъ, съ божбой увѣряя маму, что у нихъ теперь моютъ полы, такъ что мамѣ остается только подивиться: что за чистота соблюдается въ этомъ казенномъ училищѣ! То придумаетъ Васяна, что живъ велѣно принести: пятакъ на чернила да пятакъ на воду, между тѣмъ, какъ на чернила на воду велѣно принести только копѣйку; да и то велѣль сто-рожь, а не смотритель. — «За это, говорить, я разыграю вамъ лотерею». — Какой же маминъ придетъ въ голову, что Передрагичъ будетъ разыгрывать въ лотерею казенную воду изъ колодезя! — Такъ бѣдная мать и отдаетъ послѣдніе два пятачка. А съ деньгами еще веселѣе гулять на пролетѣ: колокольня и лавочка рядомъ, значить, яйца и калачъ есть, чего-жь еще? — Такъ вотъ и началось Васино новое ученіе?

— Это не годится закону не учиться, начинается батюшка. Придется вѣдь когда нибудь исповѣдаться въ лѣности, что тогда будетъ?..

Вася, послѣ такого отеческаго наставленія, въ самомъ дѣлѣ почуветь, что ребятишкамъ не годится закону не учиться, да какъ тутъ учиться; когда и самая крѣпкая память не можетъ удержать въ головѣ мудреныхъ текстовъ славянскихъ, — поневолѣ поплачешь надъ катихизисомъ!

— А вотъ я вамъ расскажу веселую басенку, начинается тупой семинаристъ: — «Полезно-ль просвѣщеніе?» — Полезно, слова нѣтъ о томъ!...

Ораторъ воодушевляется; степенно разводитъ руками направо и налѣво, часъ цѣлый толкуеть о пользѣ разныхъ книжекъ, коснется даже неисчерпаемыхъ пользъ грамматики Востокова, а кончитъ все-таки тѣмъ, что не объяснить дѣтямъ, что такое *просвѣщеніе*.

— Ну, это не совсѣмъ веселая басня, есть веселѣе, думаютъ дѣти; и рады рады, что слышать звонокъ и можно улыбаться на лицу отъ пользы просвѣщенія.

Веселѣе всего были классы Вьлогорычнина: Николай Васильичъ хотя былъ и пустой челоѣкъ, школовать, какъ гимназистъ, но у него было какое-то особенное умѣнье передавать дѣтямъ, шутя. Пошлыя шуточки сыпались у него градомъ, ученики часто хохотали залпомъ, но сквозь все это живо и весело слушали наставника и многое у нихъ оставалось въ памяти.

— А вотъ я вамъ разскажу анекдотъ, начинаетъ учитель, бѣгая по классу. Въ одномъ училищѣ былъ экзаменъ изъ географіи. Собрались родители, учителя и посѣтители. Учитель вызвалъ какого-то Вахорку и спросилъ: гдѣ стоитъ Парижъ? Вахорка взялъ палку и ткнулъ въ Атлантическій океанъ. — Правѣ! скомандовалъ учитель. Вахорка поѣхалъ съ палкой направо и доѣхалъ наконецъ до Парижа. — «Не больно, вишь, знать, малецъ-отъ по географіямъ ловокъ», замѣтилъ какой-то приващигъ сосѣду. — «Ну, молчи, отвѣтилъ сосѣдъ аршипникъ: экая важность, обмѣрился на три вершка».

Ученики смѣются.

— Смотрите, вы такъ не отличитесь у меня на экзаменѣ! заключаетъ наставникъ.

— Зачѣмъ же-съ? отвѣчаютъ веселые ученики: мы постараемся, — лихо отвѣтимъ.

И шумно звучитъ повтореніе экватора, эклиптики и меридіановъ.

— Законъ важнѣе всего! говоритъ грозно Звѣровидовъ, и дѣти послѣ класса узнаютъ, что законъ дѣйствительно важнѣе всего.

Приходитъ сонный математикъ, закатываетъ задачу во всю доску, которую, по словамъ лѣнтяя Замерзаева, не сдѣлаешь ни *въ жисть*. Скрипятъ грифеля въ мертвой тишинѣ и позѣвываютъ вздремнувшіе ученики. Тянется, тянется эта проклятая арифметика — такъ, кажется, и не дождешься, когда выпустятъ купаться. А тутъ еще Махорка теревитъ за какую-то рефлекцію да росчеркъ. — «Эхъ ты, ученье-свѣтъ», думаетъ плачущій Вася.

— Я есмь азинусъ! вотъ какъ будетъ настоящее! учить Федоръ Ивановичъ. А множественное число: мы есьмы, вы есте, они, онѣ суть. Вотъ какъ оно будетъ, стульгусь ты этакой, и наставникъ еще тюкнетъ грамматикой Востокова.

Вася, впрочемъ, не слышитъ настоящаго. Съ утра закатились они съ Сидоркой въ обрэгъ или на островъ магушки игуменья и ныряютъ тамъ въ озерахъ Чертопоаясь и Чертовой, какъ нырки.

— Не только Вася, самые учителя тяготились часто своей каждодневной работой.

— Никакъ отца командира дома нѣтъ? спрашиваетъ Агафша, пронохавши, что смотрителя нѣтъ дома.

— А чортъ его знаетъ! отзывается Бѣлогорячкинъ о начальствѣ.

— О чемъ бесѣдуете, господа? подхватываетъ Махорка, высунувшись изъ третьихъ дверей.

И тотчасъ составляется бесѣда,—обыкновенно на порогѣ перваго и втораго класса, чтобъ не шумѣли ученики.

— Скажи-ка чтонибудь веселое, Николаша?

Агафонъ Иванычъ обнимаетъ за талью Бѣлогорячкина.

— Да что я тебѣ скажу? Скучно, братъ, жить на вольномъ свѣтѣ, особенно тянуть эту анафемскую канитель: везешь, везешь года-отъ, какъ лошадь, а тамъ прїѣдетъ какойнибудь чортъ-ревизоръ и закатитъ тебѣ перцу-азра, вмѣсто спасиба.

— Ну, ты еще везешь! не усталъ ли?

— Я о себѣ не говорю, я въ этомъ отношеніи философъ. Я разсуждаю такъ: казенница она, матушка, такъ казенница и есть—вали ее, какъ черезъ пень володу. Не даромъ меня воспитали на казенный, не даромъ везли сюда на казенныхъ,—весь вѣкъ я буду казенный человекъ! А вотъ этакъ везти, какъ нашъ Иванушка-дурачокъ, это чортъ знаетъ что такое!—настоящій воль.—Здѣсь, что ли, онъ? Хоть бы надъ нимъ потѣшиться отъ скуки.

— Глазенацъ?—здѣсь, конечно, въ своемъ приготовительномъ: приготовляетъ намъ ословъ.

— Ступайте-ка, ребята, ктонибудь, позовите сюда гогу-магогу.—Знаете?

— Знаемъ-съ! закричатъ веселые ученики и бросятся звать приходскаго учителя на потѣху товарищей.

— А вчера я, братъ, слышалъ новое словцо: «служи-вать»—славное словцо! начинается Бѣлогорячкинъ. На дворѣ, гдѣ я живу, стоитъ какой-то отставной становой Зудилкинъ. Въ прошлую субботу или какъ—не помню, но только подъ праздникъ, приходитъ къ нему прїятель, какой-то Петръ Ставанычъ Незабудкинъ или Лязоблюдкинъ—чортъ ихъ знаетъ! но тоже, должно быть, закатило-мученикъ. Вотъ они, анафемы, и сговорись: за ночь устукать четверть. Ну, думаю; въ добрый часъ!—Легъ. Просыпаюсь подъ утро: на дворѣ горятъ

свѣчи; звонять колокола!—Фу! ты, анафема, празникъ, какъ есть,—и раздается страшный крикъ: «ура! побѣдили!»— Кого же спрашиваю хозяина.—Шведскаго, говорить, короля.— Какого чорта короля? думаю наконецъ, вотъ исторія-то Кай- данова. Напяливаю халатинку, иду, хозяинъ растаскиваетъ побѣдителей:—вцѣпились!—«Растолкуй, говорю, сдѣлай ми- лость: какого они тутъ побѣдили шведскаго короля?— Да про- сто, говорить, сударь, за ночь усидѣли четверть *шесекри* водки.— Вотъ тебѣ и Карлъ XII!

Слушатели хохочутъ.

— Слышннвъ, Зудилка, какъ отецъ-отъ твой шведскаго короля побѣдилъ? Правда, что ли?

Замерзаевъ ерошитъ Зудилку.

— Ну, отстань, я смотрителю отжалуюсь! кривнулъ Зу- дилкинъ и съ досады лягнулъ шутнива.

— Эти мнѣ извѣстны оба, поддерживаетъ разговоръ Ага- фоша. Андрюшка какъ-то нынче слабъ сталъ, поплосе- насъ, грѣшныхъ. А бывало: ухъ! молодець пить-то былъ! какъ воду, сучій сынъ! Съ удовольствіемъ смотришь бывало на него, какъ начнетъ, каналья, въ пересыпчову: хлопъ ста- канчикъ и огурчикъ, хлопъ рюмочку и рыжичекъ, а тамъ опять: хлопъ стаканчикъ и огурчикъ, хлопъ рюмочку съ ры- жичкомъ—просто прелесть! Ужъ не собьется, не бошь, нѣтъ! шалишь. До чортиковъ бывало дольемъ, а стаканчикъ и рю- мочка у него все своимъ чередомъ.— Отчетливо, шельма, пиль!

— А кто это изъ нихъ служебную палку изобрѣлъ? спро- силъ Махорка.

— А, это чудодѣйственный жезлъ-то, ну, это Питеръ. Тотъ мастеръ на эти штуки. Тотъ вѣдь жидконогій, тотъ пьетъ не- много, тотъ въ компаніи только хороши, какъ товарищи:— вотъ этакъ шведскаго короля побѣдитъ, ну, павость! какую выбудь учинить... Вотъ тутъ ужъ Петръ Стаканичъ употреб- ляется, это по его части—его, такъ сказать, специальность. Да вотъ хоть бы эта штука:—жезлъ вѣдь это чортъ знаетъ что такое! И какъ вѣдь, свѣтина, вредѣдателя-то озада- чить: старичинка просто сталъ въ тушикъ. Товарищи-то долго не могли понять что это за штука?

— А что это такое? спросилъ любопытный Бѣлогорья- нинъ.

— Да, «что такое», разрѣши-ка вотъ, братъ, я задамъ тебѣ задачу. Въ прошломъ году, въ казенной палатѣ былъ столоначальникъ, именно Петръ Стаканычъ Незабудкинъ. Человѣкъ онъ усердный, исправный и все такое казенное. Ну, трезвъ конечно съ утра, какъ подобаесть столоначальству и всякому иному прочему начальству. Садился за дѣла рано, вставалъ поздно, до выхода предсѣдателя ни съ мѣста! А на дѣлѣ оказывалось, что къ концу присутствія такъ иной разъ нарѣжется, хоть брось,—въ лыко не вяжетъ человѣкъ, на силу вытащутъ вонь.—Разрѣши-ка, какъ это сдѣлать?

— Ну, братъ, задача! это чортъ знаетъ что такое! Никакъ не пойму!..

— Ага! а ларчикъ просто открывался. Вотъ тутъ-то и помогъ ему чудодѣйственный жезлъ. Онъ просто заказалъ себѣ палку—ходить на службу,—жестяную, пустую, да въ нее, подлець, и ухаль цѣлый штофъ! Придетъ и поставитъ ее въ уголь, а чтобы не пахла, пожалуй, въ шкафчикъ запретъ, да и похаживаетъ туда за справочками.

— Ну, справочки, чортъ его обдери!

А слушатели опять захохотуть.

— Миръ честной компаніи! привѣтствуетъ честную компанію простодушный приходскій учитель.

— А! министерство просвѣщенія безъ сапогъ! Четверть вамъ почтенія, вершокъ уваженія! Ну, какъ у васъ приготовительный классъ шагаетъ? Поди, всякая тварь все точитъ букварь?

— Конечно. А то какъ бы ты думалъ?

— Ну, и рикметику на счетцахъ полагаютъ?

— Конечно, полагаютъ.

— И пишутъ люди и мыслети?

— Фигу давно ужъ прописали.

— Каково! Саженные, значить, успѣхи?

— Не безъ того.

— А-а!.. Представить къ ордену его!

Бѣлогорячкинъ принимаетъ директорскую позу и указываетъ на учителя.

Опять все смѣется надъ остротой Бѣлогорячкина. А ученики даже думаютъ: «ай-ай, какой умный, этотъ чортъ Николай Васильичъ».

— А ми не даромъ за тобой посылали, свѣтило помраченія. Потѣшь, другъ сердечный, тараканъ запечный: расскажи-ка, какъ у батюшки жена родила?

— Ну, ладно, скаль зубки-то; рассказывай самъ, воли охота есть.

— Да мнѣ чего рассказывать: — у меня и жены-то нѣтъ.

— Ему, братцы, и безъ жены тепло, заключилъ Пупвянь и подмигнуть.

— Агафоша! те!.. Экъ ты лягуль, душа. Вспомни, гдѣ мы съ тобой? — во храмъ просвѣщенія. — «И сіи младые юноши»...

— Ну да, толкуй, чего тебѣ. Юноши, чай, твои не понимаютъ? Какже, растопырь карманъ. Эго они въ первомъ смотреть немножко барашками, какъ придуть вотъ отъ него, а конни-ка, поди, вонъ второй, такъ ой-ой! Насъ съ тобой поучать.

— А все кто просвѣтилъ, поди, — Николай Васильчъ.

— Ну, братъ, свострилъ! Ай да отецъ Юаннь — бухнулъ.

— А ей-богу такъ.

— Дуракъ, ты дуракъ.

Одинъ только Федоръ Иванычъ съ батюшкой оставались больше молчаливыми слушателями. Федоръ Иванычъ не любилъ пустого разговору: это былъ человекъ книжка.

— Вы что ничего не скажете? спросилъ его приходскій.

— Да что молоть-то не дѣло, я пустяковъ не люблю. Я вотъ думаю теперича: откуда бы произвести корень слова *будни*. Чортъ ихъ обдери, эти будни! Они съ ума меня сводятъ цѣлую недѣлю.

— Экъ, нашель, что отыскивать, — отыскивалъ бы лучше корни праздниковъ.

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ. Вотъ, напримѣръ *убогій*, — это я знаю откуда, — это значитъ человекъ близкій у Бога. А *будни* теперича? Богъ знаетъ откуда ихъ произвести?

— Отъ слова *будить*, произвелъ Бѣлогорячкинь. Оттого я и терпѣть не могу будни, что меня рано будятъ на службу.

— Николай Васильчъ сплететь.

— Ай, идетъ! шепнулъ Николай Васильчъ и юрнулъ въ третій. Агафонъ Иванычъ обратился къ доскѣ, будто смот-

рить задачу, Короновоздвиженскій сѣлъ за кафедру, а приходскій остался на мѣстѣ,—струсилъ.

— Надулъ, надулъ! Какъ я ихъ поддѣлъ! хохоталь острѣе. Этотъ какъ осовѣлъ! Эхъ ты, чудо-юдо! А еще Ивановъ великимъ хотѣлъ прозвать!.

— Вы этимъ не шутите, смотрите: «идеть да идеть»,—въ самомъ дѣлѣ придетъ сердитый, заключаетъ поучительно Иванъ Ивановичъ.

И съ Федоромъ Ивановичемъ опять начинается важный разговоръ о книжкахъ.

— Читали вы новыи романъ Гончарова: «Обломовъ»? спросить Бѣлогоричинъ.

— Читать-то я читаль-съ, отвѣчаетъ Федоръ Ивановичъ по обломовски, да онъ мнѣ какъ-то не совсѣмъ по нутру, больно ужъ тово...

— Чего?

— Да Богъ ихъ знаетъ, этихъ новѣйшихъ писателей; они что-то больно ужъ... тово...

— Чего? допекаетъ Бѣлогоричинъ.

— Высоко больно заносятся— вотъ чего! Не нравятся они мнѣ: все пустяки пишутъ-съ. Про любовь тутъ какую-то замолоть,—смерть я этого не люблю. Нѣтъ, вотъ на прошлой недѣлькѣ напали мы съ батюшкой на книжки—ну, такъ ужъ книжки! Это Далевы рассказы.—Фу! какія знатныя книги! Просто, такъ забавно писать,—бѣда! Я во все горло хохоталь цѣлую ночь, и жену-то разбудилъ.

— Ну, то вѣдь наше родное-съ, то російская словесность, заключаетъ батюшка.

Конецъ такихъ бесѣдъ былъ всегда почти одинъ и тотъ же: или осуждалось суровое начальство, или проклиналась неблагоприятная учительская служба, или, наконецъ, просто охали о томъ, что денегъ нѣтъ.

— Что ты такой измятый? спрашиваютъ Агофону.

— Будешь измятый, чортъ ее обдери! Голова болитъ послѣ праздника, а тутъ еще въ карманѣ ни гроша.

— Какъ это, господа, денегъ-то у васъ не бываетъ? вступается наконецъ приходскій учитель. Это, ей-Богу, удивленія достойно! Получаете вы такую прорву, теперича,—четырнадцать цѣлковыхъ въ мѣсяцъ! и плачетесь еще на судьбу—

денегъ нѣтъ! Что же остается послѣ того намъ-то, грѣшнымъ? Я вонъ къ первому-то четыре съ полтинкой хвачу.

— Ну, дудки, братъ, врешь,—картофелемъ доберешь!

— Какой ужъ нынче картофель, и шелухи-то ни съ кого не сдерешь. Купечество все стало какіе-то жидоморинки, лаптещина, чиновники нарываютъ *своихъ* въ гимназію, да и мѣщанишки—чуть оперится кто,—топоршутся туда-жь! А тутъ, теперича, у меня остались только барскіе люди. Этихъ—самъ знаешь, голова,—чего еще лупить? Какой съ нихъ картофель?—Господь съ ними совсѣмъ, пусть ходятъ такъ.

— Экой ты чудакъ! А я хотѣлъ у тебя же взаимы—на табакъ...

Приходскій только махнулъ рукой.

— Это все пустякъ, господа, «денегъ нѣтъ»,—храбрится Бѣлогорячкинъ. А вы вотъ о чемъ погорюйте: квартиры у меня нѣтъ,—тюфякъ лежитъ у воротъ.

— Это какъ?

— Да такъ! Вообразите, въ три мѣсяца перемѣнилъ седьмую! Нанялъ одну—хозяйка свинья, тарелку подала немтую; нанялъ другую—хозяйинъ скотина, съ курами запираетъ ворота, да еще ворчить, когда поздно приду; нанялъ третью—оба скоты: и кормятъ скверно, и берутъ дорого, и грубятъ еще вдобавокъ. Наконецъ нанялъ три въ день, и всѣ ни къ чорту не годятся! Выволокъ все, собака, къ воротамъ:—«ступай, говорить, баринъ, на всѣ четыре стороны». — Такъ и теперь стоятъ тамъ: и комодъ, и тюфякъ.

— Ну, а къ ночи какъ?

— Да какъ къ ночи? Вопъ къ Агафонию переселюсь на время. А тамъ попробую еще найму: хорошо — останусь, а нѣтъ, такъ прощай Сибирь! и жить здѣсь больше не хочу, на Кавказъ улечу — червесовъ душить! Чортъ ее возьми, и службишку поганую!..

— Охъ, ты Анива-воинъ! храбрый какой вдругъ сталъ.

— Да похрабрѣ тебя, Иванъ болванъ! Держи-ка, я тебя поражу.

— Ну-ну-ну!.. Языкомъ, братъ, какъ хошь мели, а рукамъ воли не давай.

Но что всего хуже, что въ этихъ пошлыхъ бесѣдахъ принимали часто самое живое участіе ученики.

— Потѣшь, Николаша, чѣмъ нибудь, — просить опять мрачный математикъ, любящій все веселое.

— Да чѣмъ я тебя потѣшу, Агафша? Слыхалъ ты, на-примѣръ, новость такую: у насъ актеры завелись въ первомъ классѣ? я открылъ талантъ.

— Какъ?

— А вотъ я сейчасъ покажу тебѣ какъ. — Подпалкинъ, поди сюда! — Нутка, анафема, сострой печальную рожу.

Подпалкинъ въ присутствіи учителей строить печальную рожу. Учителя смѣются отъ скуки.

— Мастакъ! Ай да бестія! А нутка веселую! задаетъ мрачный математикъ.

Но объ веселой и говорить нечего — веселая выходила еще лучше. Руки въ боки, и Васька прямо пускается въ присядку подъ ногами учителей.

— Каковъ, каковъ! раздается со всѣхъ сторонъ.

— И знаете, какой онъ молодецъ! поджигаетъ Бѣлогорчанинъ: — къ смотрителю ходитъ отпрашиваться и новый способъ изобрѣлъ. На прошлой недѣлѣ у него бабушка умирала, на нынѣшней дѣдушка умираетъ, а на будущей оба умрутъ, и заливаеся горючими, а тотъ сдуру, какъ съ дубу, и отпускаетъ его! Третьяго дня лобъ себѣ нагрѣлъ объ печку, — тотъ пощупалъ, отпустилъ! Вчера въ корридорѣ поймалъ — стѣну лижетъ языкомъ. Спрашиваю: что ты дѣлаешь, бестія? — Языкъ, говоритъ, бѣлю: къ смотрителю иду проситься, — языкъ велитъ казать.

— Ахъ ты, азинусъ, гляди-ка, какъ онъ наострился. Ну, и испуганную умѣешь?

— И испуганную можно съ, отвѣчаетъ бойко Васька и строить испуганную рожу.

— Я вамъ говорю: лихой будетъ, анафема. — Сдѣлай же ты теперь, Подпалкинъ, вотъ что: ступай на квартиру къ учителю Махоркѣ съ этой же испуганной рожей — слышишь? — и скажи, что пріѣхалъ директоръ, а тебя послалъ за нимъ смотритель, — требуютъ его въ училище. — Мы его распотѣшимъ.

Училище приходитъ въ восторгъ отъ выдумки умнаго Николая Васильевича. Все ожидаетъ нетерпѣливо, что изъ этого выйдетъ?

Махорка, конечно, напяливаетъ мундиришко, треуголку и че-

резь четверть часа поназывается на площади, — съпутимъ шажкомъ торопится въ училище. Бѣлогоричинъ равставляетъ учениковъ въ дверяхъ и приказываетъ крикнуть: «ура!» при по-
явленіи учителя. Махорка останавливается на порогѣ, озада-
ченный, столбенѣетъ отъ крику, но образумившись, плюетъ,
ругается: «подлецы вы, господа!» и сердито убѣгаетъ домой.
А Подпалкинъ за такое представленіе получаетъ еще одобре-
ніе учителей.

— А сегодня, Подпалкинъ, мы состригаемъ съ тобой вотъ
какую штуку, начинаетъ веселый Бѣлогоричинъ.

— Какую-съ?

— Сдѣлай ты вотъ что: ступай сперва къ сторожу, дерни
у него шарановскаго и прослезись; а потомъ сострой не-
чальную рожу и маршь къ приходскому учителю, скажи:
«умеръ смотритель».

Васька стоитъ, думаетъ только: а что, какъ покойникъ за-
дѣтъ мнѣ деру?

— Ну, валяй. Что-жъ ты?

— Боюсь-съ

— Кого это?

— Смотрителя-съ.

— Э, вдоръ какой, трусишка! Укусить, что ли, онъ тебя?

— Высѣчетъ-съ.

— Дичь, братецъ, анафемская дичь! Откуда онъ узнаетъ
что ты? Да хоть бы и узналъ, такъ я тебя не выдамъ. Скажу:
я послалъ, вотъ и только!

Словомъ, кончится тѣмъ, что Васька идетъ, испуганный
Иванъ Ивановичъ бѣжить, а Бѣлогоричинъ опять дико хохотъ.

— Этакой ты олухъ царя небеснаго, мальчишкѣ дался об-
мануть!

Послѣдній фарсъ однако производилъ не совсѣмъ пріятное
впечатленіе на учениковъ. Положимъ, дѣти готовы были уго-
дить веселому наставнику и потѣшиться, надъ кѣмъ угодно, въ
училищной скукѣ, но въ душахъ ихъ уже рождался вопросъ:
такъ ли это должно быть? Давно ли этотъ простой и добрый
Иванъ Ивановичъ училъ ихъ слагать персты и шептать мо-
литвы, давно ли онъ благодушно прощалъ ихъ дѣтскія шало-

сти и доставлялъ такое великое торжество при переходѣ въ другой классъ.—Вася любилъ своего стараго наставника: неизменно являлся ему на улицѣ, ходилъ христосоваться на насху, славить на рождество,—словомъ, по своему выражалъ свою признательность. И вдругъ теперь говорятъ ему въ глаза: «это не учитель, это олухъ царя небеснаго, Иванушка-дурачокъ. Что долженъ почувствовать ребенокъ въ такую минуту? Что подумаетъ онъ въ послѣдствіи о своемъ новомъ наставникѣ?»

Но довольно. И изъ этого видно ясно, что училище дѣлало свое. То Вася видѣлъ, что ему не сладить съ безтолковыми требованіями своихъ пяти уродовъ-учителей, то онъ учится отъ нихъ истинное дѣло замѣнять бездѣльемъ и болтовней, то его манитъ солнце и вода на пролетъ, то наконецъ само училище душитъ его казеннымъ порядкомъ и пустотой! По-неволѣ будетъ искать онъ своей духовной жизни или въ шалостяхъ, или въ лѣности, или въ потѣхъ учителей. Эхъ, дитя! точно безконечная болѣзнь, тянутся твои лучшіе годы — училищная канитель, и преслѣдуетъ тебя, живого, одно убійственно-холодное ученіе твоихъ учителей. Какимъ-то методически казеннымъ образомъ кладутъ они на тебя клеймо нашей лѣниво-казенной жизни, и отвращаешься ты подъ нимъ и отъ дѣла, и отъ интересовъ науки, и отъ жизни самой! И задается послѣ-то одинъ тяжкій вопросъ: сотрешь ли ты это клеймо?

IV.

— Дурачье, естественное дурачье!—арканомъ тащутъ въ училище ребенка! А позвольте васъ спросить, какой въ этомъ прокъ? Нѣтъ, доведи его до сознанія, чтобъ онъ самъ пришелъ къ матери и сказалъ: «мама, въ училище хочу», — вотъ тогда будетъ прокъ! А то тянуть его, какъ лошадь, да хотятъ, чтобы были успѣхи! Чорта съ два будутъ успѣхи, дождайся, растопырь нарманъ, какже!.. Нѣтъ, оставь его дома, до тѣхъ поръ оставь, пока не придетъ сознаніе! Въ десять не придетъ—въ пятнадцать, придетъ; въ пятнадцать не придетъ — ну, въ двадцать придетъ, въ тридцать, наконецъ! а все-таки придетъ: вотъ тогда и учи его—вотъ тогда будутъ успѣхи!— Эхъ, жаль, время не приспѣло, а то я-бъ такой представилъ

проектъ о народномъ образованіи, что у меня сама бы дирекція встала вверхъ ногами!..

Такъ огрызнулся самъ съ собою Григорій Нивитичъ Звѣровидовъ, смотритель сибирскаго уѣзднаго училища.

— Да что ты, Гриша, не попробуешь? спросила робко жена.

— Чего это?

— Да проектъ твой представить.

— Молчи, Христа ради, не досаждай! Ты ничего не понимаешь, что у насъ тутъ творится! Какого чорта я попробую, когда у меня и директоръ Дубеногартенъ, и попечитель какой-то Колодниковъ, да еще князь... Ну, какого дьявола я попробую? — Ослы, естественное дурачье и больше ничего. Иной тоже зовется родителемъ, Лупыча дѣлаетъ учителемъ, да вдвоёмъ и лупятъ ребенка: «успѣвай, говорятъ, собачій сынъ, успѣвай!». А какого чорта успѣвать? Да меня этакъ лупи, такъ и я ни въ чемъ не успѣю. Нѣтъ, доведи его сперва, доведи!.. А для этого одно только средство — проектъ, который бы радикально перевернулъ всю эту чепуху вверхъ дномъ!

— Ну, въ Петербургъ попробуй...

— Чего это?

— Да проектъ твой представить. Тамъ, я думаю, есть ученые люди, — поймутъ.

— Есть, есть, какъ не быть умныхъ людей въ Петербургъ... Петербургъ наша голова, а мы ноги. Ты и представь туда свои проекты, а я не хочу.

— Да почему тебѣ не попробовать?

— Фу, ты баба-дура, наконецъ! Не бѣси меня, Христа ради. Какая тутъ, дьяволь, проба, когда время наше—тѣфу! и больше ничего? (Звѣровидовъ звѣрски плюнулъ на свое время). Возьмешь ли ты хоть это въ толкъ: я человѣкъ на службѣ, я человѣкъ вазенный, я, такъ сказать, продалъ себя въ кабалу! Представь-ка я туда, помимо ихъ, попробуй:—они здѣсь попробуютъ представить меня въ отставку! У насъ вѣдь это живо! Какъ бы у насъ было просто начальство,—ну, то дѣло другого рода, того я не боюсь. А это вѣдь все отцы-начальники, благодѣтели—эти какъ разъ упекутъ тебя подъ красную шапку!

Дѣна ужь только вздохнула.

Въ это время сторожъ подалъ смотрителю записку, съ надписью «въ собственныя руки». Письмоводитель директорской канцеляріи уведомлялъ, что директоръ третьего дня уже проговорился: что скоро ѣдетъ ревизовать училища и начнетъ, вѣрно, съ ~~всехъ~~.

— Эй, Передрагинъ, воротись!

Сторожъ воротился.

— Живо метлу, швабру, песокъ—ивалая: мети улицу, дворъ, крыльцо, сѣни, и смотри, чтобы все было на чыку, — ѣдетъ ревизоръ.

— Метлы нѣтъ, ваше вскородіе.

Это донесеніе сторожа до такой степени озадачило смотрителя, что въ первую минуту онъ не нашель, что сказать.

— Ахъ ты, животное!—въ этакое-то время... Ну, не вчера ли я на базарѣ былъ, что-жъ ты ничего не говорил?—а? Ревизоръ на дворѣ, а у него метлы нѣтъ въ рукахъ—сору вымести нечѣмъ! каково! Да на вотъ, наконецъ, тебѣ, собака, щетка, вотъ другая, вотъ третья!.

Звѣровидовъ началъ швырять къ ногамъ сторожа щетки, и столовую, и сапожную, и доловнюю.

— Пошелъ! вонъ она дастъ тебѣ еще четвертую, такую—половую!

— Да щетка тамъ есть, ваше вскородіе:—да щеткой ничего не подблаетъ, особливо на *улицѣ*.

— Ахъ ты, дулица—каналъ; въ этакое-то время «ничего не подблаетъ?» Каковъ! Ну, пошелъ, вонъ стащи вѣпни съ бани: возьми ихъ десятокъ; мало — два нагомець! перевяжи лыкомъ, натяни на палку, и вотъ тебѣ метла. — Понялъ, осель?

— Это можно-съ.

— Ну, живо же, живо!

Сторожъ убѣжалъ живо.

— Вотъ и ивольте тутъ служить! За что, спрашивается, мы деньги платимъ, хоть бы этому скоту, письменоводителю? При тебѣ тогда Христомъ-богомъ молилъ человека: какъ только пронюхаетъ, такъ сію минуту свистнулъ бы сюда!—Нѣтъ-съ, какъ деревянные, ничѣмъ ты ихъ не проймешь.

Еще пишеть каналья, какъ въ насмѣшку: «третьяго дня, говорить, проговорился». Ахъ ты, скотина!

— Да ты не сердись много-то, вредно.

— Да какъ тутъ не сердиться, помилуй? Такъ вотъ и жди — выйдетъ какая нибудь пакость! Вотъ посмотри: не успѣеть этотъ осель къ воротамъ выйти съ метлой, какъ тотъ шастъ на дворъ — вотъ те и ревизоръ!

Смотритель робко посмотрѣлъ въ окно.

— Смотри-ка вонъ, смотри, какъ лѣзеть, — а? Ахъ ты, каналья! — Живо, живо, что ты тамъ копаешься, какъ мертвый!.. кричалъ Звѣровидовъ въ форточку, и сторожъ живо уползъ въ баню за вѣниками.

— Не тревожься, успѣеть вымести все. Помнишь, какъ въ третьемъ году мѣсяцъ цѣлый ждали его? Онъ у васъ лѣнивъ, вашъ директоръ.

— Эхъ, отстань, пожалуйста, къ дьявуду, съ твоими нравоученьями! Лѣнivy они всѣ — представить человѣка къ награждѣ или чѣмъ нибудь поощрить. Я вотъ тридцать лѣтъ колочусь съ этими собаками, плюнуть на меня не хотятъ. А на пакости они не лѣнivy: живо напакостятъ, только ротъ разинь. Дай вотъ только въ дверь войти, и пошелъ опять: «Это что за безпорядки? Вы чего смотрите, смотритель?»

Смотритель забылъ всѣ проэскты въ свѣтѣ, напалили вицмундиришко и тотчасъ убѣжалъ въ классъ — извѣстить учителей.

Училище мгновенно приняло физиономію дѣлового уѣзднаго суда передъ ревизіей губернатора. Все приняло на себя работящій и озабоченный видъ.

Давно забылъ Звѣровидовъ базаръ и халатъ, и переселился въ классы почти почевать. Ходитъ онъ, какъ беременная баба въ послѣдній періодъ, ожидая какого-то невѣдомаго разрѣшенія отъ бремени. Ночи насквозь подготавливаетъ какія-то чистенькія вѣдомости, протоколы, да недосыгаемая для насъ свои счетныя книги; день-деньской слоняется нъ угла въ уголъ и заглядываетъ наконецъ въ такія мѣста, гдѣ цѣлый годъ были обгажены и стѣны, и потолокъ, а теперь все это моется, метется и посыпается пескомъ. Даже рамки въ классахъ покрываются лакомъ и самыя училищныя окна издаютъ рѣшительный свѣтъ. А ужъ о дѣйствующихъ лицахъ комедіи и говорить нечего. Ученикамъ запрещается на строго носить въ

это время физиономіи разбойниковъ или ходитъ нечесанн, какъ косматый дьяволъ. Все, не выключая самого Бѣлогорычкіна, стрижется, брѣется, моется и сильно готовится къ ревизіи. Болѣе всѣхъ, конечно, чувствуютъ оную сторожь и приходскій учитель, помогающій смотрителю письменно.

— Дьяволъ одинъ только завтракаетъ въ это время! кричитъ Звѣровидовъ на жену, и даже учителямъ своимъ, вмѣсто «ну-ну!» говоритъ теперь: «Пожалуйста, господа, — ѣдетъ, ѣдетъ!» А объ учителяхъ и говоритъ нечего: тѣ, точно скрипки, наигрываютъ въ одинъ голосъ: «повторяйте, повторяйте, ребятушки! Директоръ на дворѣ, господа».

— А не помянутъ ли его за здравіе? Поди, чай, смиреннѣйшій пріѣдетъ? спрашиваетъ религіозный Федоръ Ивановичъ.

— А не худо вы это придумали, Федоръ Ивановичъ, право. Положимъ тамъ, кто что не говори, а сила духовная все-таки великая сила,—помянуть не мѣшаетъ, отозвался батюшка-законоучитель.

И на другой же день съобща помянули они за здравіе Генриха Ивановича.

— Ну, только бы экзамены сдать, ужъ я тогда покажу себя: нарѣжусь, какъ сапожникъ! храбрился Махорка, которому вовсе нечего было сдавать.

— Э, ну ихъ къ ..... экзамены! Все пустяки! Самн сойдутъ какъ нибудь, а не сойдутъ—наплевать! Не повѣситъ на висѣлицу на базарѣ, шалить, феферу только задасть!—отличался безпардонный Бѣлогорычкінъ.

— А по мнѣ, такъ пріѣзжай не пріѣзжай—все равно. Видалъ я ихъ на своемъ вѣку довольно: и директоровъ, и инспекторовъ, и попечителей. Все, господа, вздоръ, громѣ вѣчности и соленого огурца!

И титулярный совѣтникъ безопасно и равнодушно махнулъ на все рукой.

— Охъ, нѣтъ, не говорите, господа! заключилъ тяжелымъ вздохомъ приходскій. Я бы Богъ знаетъ что отдалъ отъ себя, лишь бы только не было этихъ ревизоровъ на свѣтѣ! Это чистѣйшая холера! Въ третьемъ году, какъ спервоначалу-то онъ прибылъ къ намъ *въ директуру*, такъ со мной, съ позволенія сказать, вышло просто—фю! Отъ одного слова, я вамъ доложу, какъ Передрягинъ пріѣзжалъ сказать: «пріѣхалъ!» меня

просто такъ и поважило въ постель! И его превосходительству не представился.

— Экъ ты, братья! и училище-то замараль твоей репутаціей, а еще служака!

— Кромѣ шутокъ, захвораль, ей-богу! какъ честный человекъ. Что будешь дѣлать, братцы?—Чистѣйшая была холера.

— Ну, есть съ чего! Тебѣ-то что это топоридиться? Иъ тебѣ, я думаю, онъ и плюнуть не зайдетъ?

— Нѣтъ, извините, вы этого не говорите — не зайдетъ! «Зайдетъ онъ, вездѣ зайдетъ и все пронюхаетъ наскрозь!» На маленькихъ онъ еще пуще нападетъ. Это ужъ такой ехидный человекъ.

Учителя тотчасъ разбрелись.

— Ну-ну-ну! зубрите, зубрите, ребята, чтобы все было на зубокъ! Склоненія-то, спряженія-то потверже долбите. Христа-ради,—повторяетъ испуганный Федоръ Иванычъ. — Ревизоръ, ребятушки, на носу! объявляетъ онъ въ каждомъ классѣ. А тулъ училища такъ и несется на половину лошади:—все качается, склоняетъ и спрягаетъ.

— Ну, а тебя, Подпалкинъ, что спросить на экзаменѣ? Просклоняй ка мнѣ рожь.

— Именительный рожь, родительный роши, дательный рожу,—началь бойко Подпалкинъ.

— Взъть тебя за это и надо въ рожу, потому не зри те-перича,—ѣдетъ ревизоръ. Онъ, азинусъ, не свой братъ: онъ обоимъ намъ запуститъ олеумъ дубинорумъ! Вы зарѣжете меня, разбойники, безъ ножа!—выводитъ, наконецъ, труство Федоръ Ивановичъ. Цѣлый годъ я корплю надъ вами, какъ надъ моими собственными птенцами. А вы безсовѣстные, черти!... И не грѣшно тебѣ, дьяволь, такъ рѣзать меня,—а?

Федоръ Иванычъ съ чувствомъ ткнулъ Ваську въ грамматику и даже прослезился.

— Я-съ, Федоръ Иванычъ...

— Молчи ужъ, скотина,—«Федоръ Иванычъ». Давно я Федоръ Иванычъ; тридцать лѣтъ я, осемь, Федоръ Иванычъ, а врать все-таки не ври, потому — ѣдетъ ревизоръ, онъ не свой братъ.

— Я-съ, Федоръ Иванычъ, поторопился: рожь будетъ род...

— Вотъ-вотъ, за торопленье-то и надо тебя такъ попод-

чивать, чтобъ ты заржалъ! Ржи, вишь, теперича выходить у него родительный, а прежде онъ не зналъ. Ахъ ты, душегубецъ!

Другого Федоръ Иванычъ заставилъ просклонять *звонъ* или *трезвонъ*, назвалъ головорѣзомъ за какой то звательный падежъ и отрезвонилъ за уши.

— Повторяй—не зѣвай, повторяй—не зѣвай!..

— Я повторяю-съ! звякнулъ ученикъ.

— Нѣтъ, надобно васъ драть, такъ будете все знать! началъ наконецъ стихами отзванивать учитель русскаго языка.

— У меня задачку начинать съ самаго сверху, съ уголка,— слышите? подготавлиеть къ экзамену Агафонъ Иванычъ. Директоръ любитъ порядокъ, такъ и начинайте съ краишку...—Поняли?

— Поняли-съ, Агафонъ Иванычъ! рывкнулъ классъ.

— Ну-ну, ревьтъ, я пореву по зубамъ!— А который не додѣлаеть задачки, такъ внизу не мели мелко, — слышите? Чортъ съ ней, съ задачей, — пусть лучше не додѣлана: директоръ терпѣть не можетъ мелкихъ цифръ, —поняли?

— Поняли-съ! рывкнулъ снова классъ.

— Опять ревьтъ? — А говорите яснѣе, не гнусите такимъ манеромъ: гу-гу-гу! Директоръ сердится, когда гнусать подъ носъ:— отвѣчайте ему громко, — слышите?

— Слышимъ-съ!

— А главное, какъ говорилъ въ прошлый разъ: ни подъ какимъ видомъ не становитесь къ нему задомъ, — слышите? Директоръ бѣситя на того, кто станетъ задомъ;—становитесь передомъ.—Поняли все?

— Все-съ!

— Ну, то-то.

Бѣлогорякинъ поучаль, между тѣмъ, третій классъ:

— Смотрите, анафемы, у меня отвѣчать, какъ слѣдуетъ, а главное нигдѣ не останавливаться, — слышите? Что только попадетъ въ голову, такъ и катай на пропалюю! Остановить, — ну, тогда нечего дѣлать, стой; значить, очень ужъ заѣхалъ въ дичь:—держи ухо востро, подскажу. Не остановить—валяй съ Богомъ во всѣ лопатки. Главное, смотри въ оба на меня: покажу четыре пальца — вотъ тебѣ Генрихъ IV или Иванъ какойнибудь съ грозой, взгляну на ноги съ пальцемъ — ну, Людовикъ XI, съумасшедшій, чего еще разговаривать. На

грудь руку—ну, по рождествѣ слушалась; навадь ее загну—ну до Р. X. было.—Эхъ, вы!

Ученики засмѣялись.

— Ну, чего тутъ еще толковать? Главное — не унывать. Каплину — значить, англичанъ начинай; чихну — ну, француза катать — какую-нибудь варфоломеевскую, что-ли; а харкну или плюну — ну, тогда уже нечего дѣлать, нѣмецевъ за бока. — Смекнули?

— Смѣкаемъ-съ! Отхватили молодцы.

— Ну, а кто ни бельмеса не смекаетъ, тотъ шонатуеся какъ-нибудь, выучи хоть семилѣтнюю войну Марьи Терентьевны съ Фридрихомъ Хераусомъ. Авось отуманимъ нѣмца! — Достанется другой вопросъ, — ну, скажу: съотѣтъ легкокъ ему, позвольте задать потруднѣе! — Вотъ и всучимъ какъ-нибудь Марью Терентьевну. А Фридрихъ Хераусъ и самъ понравится: онъ вѣдь тоже колбаса.

Ученики опять засмѣялись.

— А главное, не робѣть, бойчѣе ври, тогда все будетъ зергуть. Такъ, что-ли, Подпалкинъ?

— Такъ-съ! хватилъ басомъ Подпалкинъ.

— Ишь, еще басить, анаема.

Махорка заказала принести каждому по двѣнадцать листовъ лучшей бумаги: писать прописи на показъ. Вороня съ прописями продолжалась недѣли двѣ: то азокъ не вручень, то буквы велики, то зачѣмъ тамъ у добра брюшко толсто да хвостъ закарювой, — и опять рвутъ и нишуть.

Иванъ Ивановичъ чуть только не потевалъ въ приготовительномъ, все училъ азбучниковъ, какъ вставать и кланяться директору.

Прошло двѣ недѣли, ревизоръ не прїѣзжалъ. Наконецъ, смотритель получилъ вторую записку, въ которой было сказано, что «директоръ третьяго дня уѣхалъ въ уѣздъ», а въ постскриптѣ прибавлено: *оно* будетъ экзавменовано по прїѣздѣ, — такъ *самъ* сказалъ.

Учителя вздохнули свободно; ученики принялись шалить, но смотритель не переставалъ смотрѣть, и еще чаще и азартнѣе началъ посѣщать классы.

— Это что за новость? крикнѣтъ онъ, всякій день, выдерживая ноги изъ чернильныхъ болотъ, — Одишь надили чернилъ?

Ахъ вы, канальи-каналы! Хоть бы вы на это время посостылись почкать газетные полы! Вѣдь вчера мыты, подлецы! — Не смѣть больше носить чернил!

— Да они-съ прописи на показъ... начинается Махорка.

— Такъ смотрите за ними! Что же вы не смотрите за ними? Развѣ такіе бывають прописи на показъ? Помилосердуйте! Я подошву промочилъ отъ вашихъ прописей на показъ! Развѣ нельзя было наконецъ раньше писать, когда были грязные полы?—Пощадите меня!..

Словомъ, не радъ былъ Махорка, что и поусердствовалъ.

— Задеру, если каплю найду на полу! храбрился онъ, въ свою очередь, по уходѣ смотрителя.

А въ секретномъ мѣстѣ ученики уже составили совѣтъ: какъ бы, въ самомъ дѣлѣ, уставить наконецъ прочно тѣ долговязыя чернильницы и пузырьки, которые кувыркаются подъ столъ и обливають газетный полъ?

— Эхъ вы, дураче! звонить Костя Сашенькинъ:—а я такъ молодецъ: я вонъ свой прилѣпилъ смолой, гузышпономъ къ столу. Совсѣмъ теперь не падаетъ, зубами не оторвешь, шельму, такъ и торчитъ!..

— Лихо, ай-да Косыка — штукаръ! закричалъ отъ восторга Подпалкинъ:—завтра же приволоку полную шапку смолы!

Вася дѣйствительно приволокъ, и классъ торжествовалъ: теперь всѣ пузырьки стоятъ твердо, какъ солдаты на часахъ.

Разъ Звѣровидовъ пришелъ послушать лекцію Федора Ивашча, заворотилъ фалды и усѣлся на столъ. Представьте же положеніе начальства: смола разогрѣлась и смотритель прилипъ къ столу.

— Эй, Передрягинъ! заорала онъ на весь домъ, отдирая штанишки:—это что еще за новость?..

Вбѣжалъ испуганный сторожъ.

— Что это у тебя за радость на столѣ, смотри!

Удивленный Передрягинъ не только посмотрѣлъ, а даже колунулъ на ногу и, обнюхавъ основательно, доложилъ по начальству:

— Это, ваше вскородіе, не радость — смола-съ.

— А откуда она взялась?... пошелъ опять экзаменовать смотритель сторожа.—Что стоишь, ничего не говоришь,—а? Или мнѣ за тебя еще подставлять шею директору и просить:

«намыльте, ваше превосходительство, сдѣлайте милость!» — Вѣдь это еще величайшее счастье, что я самъ попалъ на это мѣсто: ну, а что, если бы господинъ директоръ сѣлъ на такую гадость? Тогда что? а?

Сторожъ такъ смотрѣлъ тупо и глупо, какъ-будто въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ задать вопросъ: что вышло бы тогда, еслибѣ самъ генераль сѣлъ въ такую гадость?

— Смотрю, ваше вскородіе, да не вижу-сь, оправдывался бѣдный Передрагинъ. Вишь, опять успѣли наметать смолы-сь.

— Кто это отпичился?

Словомъ, началось опять слѣдствіе и оказалось, что на этомъ мѣстѣ лѣпешечку налѣпилъ какой-то Сеня Зайчиковъ, трусивѣйшій изъ училищной челяди. У Зайчикова только прядали и краснѣли ушки, когда Звѣровидовъ обратился въ нему съ допросами. А Вася, облупившій четыре колеса у дядюшкин Вавилы, думаетъ: «Господи, какъ спросить: кто принесъ?»

Но и вырвавшись изъ училища-острога, живые мальчуганы не чувствуютъ теперь себя вольнѣе. Учителя наяриваютъ, какъ скрипки, одно и то же: «повторяйте, повторяйте, ребята!» И ребята въ самомъ дѣлѣ чувствуютъ, что пужно повторять.

За полночь сидитъ Вася надъ Востоковымъ, качается, какъ маятникъ, и бормочетъ про себя:

— Образы выраженія дѣйствій, или наклоненіе глагола, образы выраженія дѣйствій... и опять одно и то же въ сотый разъ.

— Что же это такіе за образы? думаетъ заботливая мама. Какъ мудрено ихъ тамъ учать!

— Союзы суть связи или противоположенія между понятіями и пр.—Вася опять качается и съ новымъ азартомъ начинаетъ: союзы суть связи, противоположенія... и прочую чепуху.

— Какіе же это союзы съ образами, Васинька, ты все упоминаешь? Союзы-то вѣдь пришиваютъ къ сапогамъ.

— Не знаю я, мамынька, отвѣтилъ Васинька и аппетитно зѣвнулъ.

— Ложись-ка, сыновъ, *спатеньки*: головка будетъ болѣть. Книжку-то подъ головы подсунь — вотъ и не забудешь до завтра.

— Не все еще выучилъ, мамынька, отвѣтилъ грустно сыновъ, и

еще пуще началъ качаться и бормотать: междометія звукоподражательныя: авъ-авъ, гау! мяу-мяу!

— Ну, сынонь, я ужъ лягу,—заключила еще грустнѣе мамынька. Такъ и не дослушала, бѣдная, лаю и мяуканья сына.

— Сейчасъ и я, мамынька, доучусь до конца. — Баць, пырь, шасть! баць, пырь, шасть!

— А когда это бацнетъ къ намъ директоръ? думаетъ Вася на сонъ грядущій, заботливо крестить Востокова, цѣлуетъ въ корешокъ и укладываетъ подъ подушку.

Утромъ неожиданно вошли въ классъ два господина, большой и маленькій.

— Эй, служитель! пошелъ, скажи смотрителю: я пріѣхалъ,— началъ большой, обращаясь къ Федору Иванычу.

Маленькій завертѣлся передъ сторожемъ.

— Послушай, служивый, доложи, братецъ, тамъ твоему господину штатному смотрителю, что его превосходительство господинъ директоръ пожаловали.

— Это что за птица? подумали ученики, глядя на маленькаго.

— Вы кто такой? спросилъ большой учителя русскаго языка.

Короновоздвиженскій отвѣтилъ.

— И что-жъ у васъ это—первый классъ?

— Точно такъ-съ! отвѣтилъ маленькій, вмѣсто оробѣвшаго Федора Иваныча.

— А сколько здѣсь учениковъ?

— Тридцать три, отвѣтилъ опять маленькій.

— Вы откуда это узнали?

— Изъ списка, ваше превосходительство,—тамъ, на стѣнѣ.

— И вѣрно онъ говорить? обратился большой къ учителю.

Учитель поручился за вѣрность.

— Ну, вы хорошій ревизоръ.

Прошлись по классамъ.

— Здѣсь что-жъ такое—старшій классъ?

— Точно такъ-съ, отвѣтилъ вывернувшійся изъ подъ руки смотритель въ мундирѣ.

— Скажите, отчего тутъ мало?

— Семь удостоено перевода и два прошлыхъ, ваше превосходительство.

— И только! ну, это несообразно съ первыми, это надо какъ нибудь устроить: — ну, уравнивайте, наконецъ! оттуда переводите больше.

— Постараюсь, ваше превосходительство!

Смотритель отъ усердія какъ юнился.

— А вы преподаете законъ?

Батюшка отвѣтилъ низкимъ поклономъ.

— Приятно слышать.—Господинъ инспекторъ! потрудитесь заняться закономъ божіимъ, а я покажу и посмотрю нова.

Маленькій тоже отвѣтилъ низкимъ поклономъ.

— Такъ вотъ онъ, новый инспекторъ, — говорятъ, превосходно знаетъ языки,—шепталъ Бѣлогоричкинъ Агафонъ.

Директоръ ушелъ на дворъ смотрѣть училищные завулки. По корридору начали бродить тѣни учителей, прислушиваясь у дверей: какъ-то идетъ первый экзаменъ?

Директоръ и инспекторъ представляли два типа ревизоровъ, такихъ же противоположныхъ, какъ буря и тишина. Директоръ принялъ манеру князя Колодникова, попечителя округа, и хотя не говорилъ еще законоучителямъ, какъ тотъ: «я тебя въ форточку вышвырну, батька!» не грозилъ приходскимъ учителямъ: «въ солдаты тебя упеку сію минуту!»—однако ревизіи его боялись, какъ огня. Словомъ, это былъ одинъ изъ числа тѣхъ генераловъ, которыхъ посылаютъ у насъ что нибудь устроить или разгромить. Дубиногартенъ былъ посланъ въ Сибирь устроить тамошнюю гимназію, и въ доказательство того, что его трусили сильно, здѣсь можно привести подлинныя слова Ивана Иваныча и то, что случилось съ нимъ въ третьемъ году, когда директоръ былъ еще вновь.—Инспекторъ, напротивъ того, былъ человекъ погнутый службой, постный и религіозный, кланялся чрезвычайно низко, говорилъ тихо, жалобно, умигательно, и экзаменовалъ, повидимому, чрезвычайно легко.

— Съ вашего благословенія, батюшка,—сядемте!—началь новый экзаменаторъ. И дѣточекъ-то усадите, а меня грѣшнаго благословите.

— Извольте-съ, отвѣтилъ густо батюшка, и съ удовольствіемъ усадилъ дѣточекъ и благословилъ ревизора.

— Теперь приступимъ-съ. Вы, отецъ святой, потрудитесь спросить, а я послушаю-съ.

— Очень хорошо-съ.

Ученики, ободренные такимъ предложеніемъ, заключили: «О, да это смиренный!»—Послѣ двухъ-трехъ несвязныхъ отвѣтовъ, принявъ веселый и смѣлый видъ, такъ принялись отхватывать катихизисъ Филарета, что экзаменатору оставалось только, какъ алебастровому факиру, покачивать головой.

— Такъ-съ, дѣтунки, точно такъ-съ! Именно, могущество божье; справедливо, изволите говорить премудрость...

— А нельзя ли, батюшка, спросить у дѣтушекъ исторій-ву какую нибудь, хоть ветхенькую?

— Можно-съ, отчего же?.. согласился батюшка и спросилъ исторію о дочеряхъ Лавана.

— Какъ ихъ звали, позвольте узнать? началъ нѣжно экзаменаторъ и подсѣлъ къ самому старшему ученику, Чепарухину.

— Лилія и Эпатрахиль, отвѣтилъ бойко Чепарухинъ.

— Немного оно, знаете, не такъ; но впрочемъ очень хорошо.

Задали еще нѣкоторые вопросы; — оказалось, что Моисей далъ заповѣди чуть ли не на горѣ Елеонской.

— Ну-съ, повтореньице у нихъ немножко подгуляло; но впрочемъ законъ, батюшка, хорошъ. Такъ я и донѣсу его превосходительству: законъ у васъ хорошъ. — Благословите меня, грѣшнаго.

Батюшка приподнялся и приготовился...

— Ахъ, извините: позвольте еще одинъ вопросикъ сдѣлать!..

Экзаменаторъ отдернулъ руку изъ подъ креста батюшки и обратился къ дѣтушкамъ:

— Вотъ, господа, вы рассказали мнѣ исторію Авраама и все такое; отъ васъ я узналъ, что Авраамъ былъ человекъ добрый, принималъ странниковъ и проч... Но мнѣ бы желательно было узнать отъ васъ главное: гдѣ жилъ Авраамъ?—вотъ что, господа. Можетъ быть, со временемъ, и самому мнѣ захочется съѣздить къ такому гостепріимному старичку. — Не такъ ли, батюшка?—Какъ вы полагаете, господинъ!.. какъ васъ?

Сзади приподнялся Замерзаевъ-старшій, дѣтина чуть ли не въ полтора раза выше самого ревязора; на подбородкѣ сильно пробивался пухъ.

— Нутка, Замерзаевъ, на послѣдяхъ-то отличись, братецъ!

заговорилъ одобрительно батюшка. Вотъ, господину экзаменатору хочется знать: гдѣ живетъ Авраамъ? Имъ, вишь, съѣздить къ нему желательно. Отвѣтъ-ко: гдѣ?

— Въ Бесарабской области, въ Кишиневѣ-съ! бухнулъ Замерзаевъ-старшій.

— Это Авраамъ-то? Дитя мое, господь съ вами! что ужъ это такое, наконецъ? трагически заговорилъ экзаменаторъ и отступилъ шагъ назадъ.

— Перемѣшалъ, братъ, перемѣшалъ, вѣрно, съ генераль-губернаторомъ. Полно, неправильно говоришь!

Батюшка замахалъ большими рукавами, какъ крыльями.

— Нѣтъ, ужъ лучше кончимъ. — Благословите, и я уйду!..

Ревизоръ тотчасъ принялъ благословеніе и вышелъ.

— Что, каковъ этотъ? спросилъ высунувшійся Бѣлогорячкинъ.

— Отмѣнно-хорошій человѣкъ. Вотъ ревизоръ, такъ ревизоръ; я этакихъ еще и не видывалъ на моемъ вѣку: моментально допрашиваетъ все, и между тѣмъ ни къ чему не придирается.

— Говорятъ, онъ лингвистъ, больше грекъ или латинистъ, — игралъ словами Бѣлогорячкинъ.

— А Господь его вѣдаетъ. Любопытно бы знать, какъ зовутъ такую персону?

— Василій Николаичъ, кажется, Чашечкинъ, Ложечкинъ или Блюдечкинъ, что-то въ родѣ этого, — чортъ его знаетъ.

— Отмѣнно-хорошій человѣкъ и, должно быть, хорошій христіанинъ?

Изъ перваго раздался громкій крикъ: директоръ началъ экзаменовывать русскій языкъ.

— Это Федора Иваныча пудрить; пойдти, никакъ, послушать.

Бѣлогорячкинъ ушелъ.

— Ну, вѣрно и поминовеніе не помогло, подумалъ батюшка и не пошелъ слушать.

— Ну-съ, господинъ инспекторъ, теперь вы займитесь тамъ математикой, а я здѣсь поговорю вотъ съ этимъ господиномъ!

Директоръ указалъ на вспотѣвшаго Федора Иваныча.

Инспекторъ поклонился и пошелъ опять экзаменовывать.

— Какъ вѣсть зовуть, г. Пупкинъ? спросилъ онъ учителя математики.

— Агафонъ Ивановъ-съ.

— Давно вы изволите находиться на службѣ, почтеннѣйшій Агафонъ Ивановичъ?

— Да вотъ въ маѣ отмаю-съ полный срокъ.

— Ого! А чинокъ?

— Титулярный.

— Садитесь, дѣтки.—Это бѣда, ей-Богу, какъ туго идти у насъ чины по министерству! Шутка сказать: двадцать-пять, и только титулярный?

— Только-съ, больше не дають.

— Богъ знаетъ, что это такое «не дають». Ну, ордена бы давали!

— Учителямъ орденовъ не полагается.

— Это ужасно! Ну, денежную бы награду!—это, знаете, стоитъ много крестика. Вы, конечно, получали денежные награды?

— Ни одной.

— Ахъ, Боже мой! Да растолкуйте мнѣ, ради Бога: какъ же это такъ?

— Такъ случилось-съ. Хотѣлъ было покойникъ директоръ представить къ наградѣ, да маленькое обстоятельство подвернулось.

Агафонъ Ивановичъ плюнулъ въ уголь и не досказалъ про маленькое обстоятельство: какъ его въ нетрезвомъ видѣ вывели изъ собора отъ заутрени, на часку.

— Ай-ай-ай! какъ плохо вамъ министерство народнаго просвѣщенія. Извините меня, Агафонъ Ивановичъ, но мнѣ все здается, что вы настоящій служака?—крестикъ къ вамъ присталь бы, кажется?

— Не дадутъ-съ, не на такомъ я мѣстѣ.

— Ну, надобно бы какимъ нибудь манеромъ ухитриться сдѣлать это...

Инспекторъ такъ углубился въ этотъ вопросъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ ухитриться... Но въ эту минуту таковой опять раздался крикъ въ сосѣдяхъ, во второмъ, что онъ испуганно добавилъ:

— Ахъ, сдѣлайте милость, задайте чтонибудь—никакъ сюда идетъ!

Учитель задалъ и вызвалъ ученика.

— А у васъ хорошіе приемы задавать, видно вы большой практикъ! Чтобы вамъ къ намъ въ гимназію?

— Не примутъ-съ.

— Будто?

— Ни за какія коврижки-съ.

— Каково! это ужасно! Двадцать нять лѣтъ человѣкъ на одномъ мѣстѣ,—да это, по моему, можно одичать! Какъ вы полагаете?

— И дичаемъ отличѣйшимъ манеромъ-съ!

— Но, однако, есть у васъ какіянибудь частныя занятія—уроки, на примѣръ? — Давно вы въ Сибири?

— Пять лѣтъ, уроковъ нѣтъ.

— Ну, квартирка, наконецъ, казененькая?

— Шесть рублей плачу-съ за собачью конуру-съ.

— Ай, какъ плохо все по нашему министерству! Богъ знаетъ, что это такое: въ одномъ училищѣ пользуются казенной квартирой, въ другомъ не пользуются! Значить, на нѣтъ и суда у насъ нѣтъ! Это ужъ такъ законъ...

— Не законъ, а счастье инымъ, заключилъ философіи титулярный.

— Да! счастье инымъ...

Въ сосѣдяхъ раздался крикъ.

— Ахъ, страхъ какой! Неужели онъ все этого одного... Какъ его, вашего толстяка?

— Учителя русскаго языка?

— Мнѣ даже совѣстно за него! Позвольте, однако, полюбопытствовать.

Инспекторъ такъ искусно подврался къ двери и заглянулъ въ щочку, что даже ученики подумали: «ой, какой мастеръ подврадываться!»

— Г. инспекторъ, пожалуйста сюда! раздалось еще громче.

Въ открытую дверь высунулся смотритель и чуть было не спибъ господина инспектора.

— Иду, иду!..

— Полюбуйтесь успѣхами вотъ этого господина.

Директоръ указаль на Бѣлогорячина.

— Каково вамъ покажется? у него не знаютъ даже Генриха Птицелова!

При этомъ восклицаніи инспекторъ съежился въ такой вопросительный знакъ, какъ будто жалостливо хотѣлъ спросить Бѣлогорячина: «ну, какъ же это не знаютъ у васъ Генриха-Птицелова?»

— Я, ваше превосходительство... въ рамкахъ программы... началъ витчевато обвиненный!

— Молчите, не говорите ни слова! Я исковеркаю всё—ваши рамы и программы! Это не сапожникъ, милостивый государь, это—король! (Директоръ всталъ во весь ростъ). — Или вы не понимаете, что такое король?

— Здѣсь, ваше превосходительство, преподается Кайдановъ по сокращенной,—виѣшался смотритель.

— Ну-съ?

— Въ сокращенной у него обо всемъ говорится коротко.

— Ну-съ?

— Вѣроятно, и объ этомъ государѣ сказано только, что онъ былъ птицеловъ.

— Дичь! этого не можетъ быть.

— Точно такъ, ваше превосходительство!

— Дичь, дичь! вамъ говорить. Не можетъ быть, чтобы государь, жившій пятьдесятъ лѣтъ, занимался только однимъ ловленіемъ птицъ! Обязанность государя—великая обязанность.

Но на это никто ничего не отвѣтилъ, всё почтительно промолчали.

— Кончилось! сконандоваль генераль.

У всѣхъ отлегло на сердцѣ.

— Вы тоже кончили? обратился онъ инспектору.

— Немножко еще взглянуть-съ.

— Такъ идите, взгляните!..

Махорка-щоголевъ встали подалъ прописи на показъ, и генераль такъ углубился въ разсматриваніе почерка, какъ въ философію Гегеля.

— Какъ васъ зовутъ?

— Петръ Егоровъ, ваше превосходительство.

— Фамилію я спрашиваю!

— Г. Махорка,—отрекомендовалъ смотритель.

- Директоръ оглянулъ г. Махорку съ ногъ до головы.
- Вы чѣмъ занимаетесь?
- Преподаю чистописание, ваше превосходительство!
- Нѣтъ, не то я хотѣлъ спросить. Вы что такое: архитекторъ, пейзажистъ, портретистъ или что?
- Учитель, ваше п-во, отвѣтилъ робко Махорка.
- Это что же такое вы подали?
- Прописки, ваше п-во!
- Вижу, что не рогожи. Какого же это класса?
- Забыли помѣтить, ваше п-во!
- А! забыли помѣтить. — Это вы отказались отъ чина?
- Я-съ, ваше п-во! отвѣтилъ Махорка со вздохомъ.
- Почему?
- Нечѣмъ жить, ваше п-во! Шесть человѣкъ дѣтей, седьмой въ брюхѣ, жалованья 4 рубля съ полтиной въ мѣсяцъ, а за производство съ меня же...
- Но тутъ Махорка совершенно сбился въ объясненіи своего положенія и только въ заключеніе добавилъ, что отказаться его заставила нужда.
- Гм! нужда! А вы знаете, что такое чинъ?
- Не могу доложить, ваше п-во!
- Это монаршая милость! — Понимаете?
- Понимаю, ваше п-во! отвѣтилъ Махорка, захлебываясь.
- И ясно?
- Ясно, ваше п-во!
- Какъ же вы осмѣлились отказаться?
- Виновать, ваше п-во!
- Я спрашиваю: какъ вы осмѣлились? крикнулъ генераль.
- Никогда не буду, ваше п-во!
- Завтра въ девять часовъ явиться ко мнѣ — и прочіе всѣ. — Служитель! платье.
- Передрягинъ трусливо подаль шинель. Инспекторъ почтительно донесъ, что поцѣлъ моншаль, и опять завертѣлся около генерала. — Ревизоры молчали, сошли съ крыльца. Смотритель посмотрѣлъ имъ въ хвостъ.
- Что, скотина? началъ Федоръ Ивановичъ съ Подъякина.
- Испугался-съ, Федоръ Ивановичъ; больно кричить!
- Испугался ты, азивусь, — меня-то въ какіе дураки влопали.

— Э, полноте, Федоръ Ивановичъ! Кто же ругаетъ учениковъ въ такіе высокаторжественные дни? Сегодня на нашей улицѣ праздникъ,—болталъ Бѣлогорячинъ.

— Хорошо вамъ, Николай Васильичъ, смѣяться:—вы изъ воды сухи выльзаете, а я вотъ—такъ насилу стою. Годъ-отъ съ ними маешься-маешься, да тутъ еще тебя за нихъ...

Федоръ Ивановичъ прослезился.

— А пусть его зается, чортъ съ нимъ:—брань, говорятъ, на вороту не виснетъ! Это все еще цвѣтки, Федоръ Ивановичъ-съ, ягодками мы завтра съ вами полакоимся. Вотъ дома-то, что намъ скажетъ?—по генеральски отшаркаетъ, поди!

— Ну, нѣтъ-съ, я завтра не пойду: скажусь просто больнымъ.

— А награду-то?

— Пусть награждаетъ васъ!

Федоръ Ивановичъ махнулъ рукой.

— Да мы-то хватимъ,—объ насъ не безпокойтесь.

— Ну, и слава Богу-съ.

На другой день смотритель и учителя стояли въ директорской пріемной. Жара и скука. Лица потны, полны ожиданія и тоски. Часы стучали, стучали и наконецъ зашипѣли,—вушушка прокувовала десять.

Иванъ Ивановичъ густо кашлянулъ въ горсть.

— Ну, выходи, что ли, распевай, чортъ Карлычъ! болтнулъ Бѣлогорячинъ, и такъ двинулъ стулъ, что тотъ визгнулъ.

— Полно, Николаша, не блажи. Ты знаешь пословицу: «не тронь, такъ не воняетъ».

— Да что онъ, варваръ, не выходитъ наконецъ? ноги у меня устали.

— Хорошенечко его проговорилъ батюшка.—Это въ самомъ дѣлѣ не годится никуда. Я по милости его превосходительства и обѣдню сегодня не служилъ, да, кажется, за часъ пришелъ раньше васъ. Это хуже архіерея нашего.

— Э, батюшка, охота вамъ стоять: я на вашемъ мѣстѣ давно бы ушелъ.

— Ну-съ, это мы оставимъ пока. Уйти не годится; это не дѣло вы говорите. Твори волю пославшаго, говорить писаніе; порядокъ-съ того требуетъ. Нѣсть, говорятъ, власть, аще...

— Никанъ идетъ,—завключилъ смотритель.

Двери отворились. Учителя повлонились.

— Господа! я вызвадь васъ сюда сказать вамъ мои начальническія замѣчанія.

— Ну-ка, ну!.. подумали господа, — молчатъ.

— Учитель Бѣлогорячкинъ, я благодарю васъ перваго...

— Это за что же? подумаль Бѣлогорячкинъ и выдвинулся впередъ.

— У васъ отвѣчаютъ бойко и смѣло. Что не знали Генриха-Птицелова, въ этомъ вы непричинны. Это, по моему, пустой государь и на самомъ дѣлѣ не заслуживаетъ того, чтобъ знали его въ училищѣ! Забудьте, что было вчера; трудитесь такъ еще годъ, и я предложу вамъ перейти въ гимназію. Впрочемъ... э... тамъ сдѣлано кое что въ вашу пользу. Смотритель скажетъ вамъ что. Я распорядился...

Бѣлогорячкинъ повлонился. Директоръ заглянулъ въ памятную книжку.

— Учитель грамматики. — Гдѣ-жъ учитель грамматики?

— Болѣнъ, ваше п-во! донесъ смотритель.

— Напрасно. Такъ вы передайте ему отъ моего имени: грамматика у него хороша; превосходно отвѣчали наизусть, и пусть только онъ займется практически. Онъ старый учитель, и практика ему, вѣроятно, извѣстна.

Директоръ подошелъ къ батюшкѣ и сказалъ тихо:

— Законъ вашъ тоже хорошъ. Я постараюсь видѣться съ владыкой и поговорю съ нимъ о васъ.

— Радъ стараться! — навлонился батюшка, держа руку подъ сердцемъ.

— А вами я недоволенъ. Почему? — вы это знаете сами, и я не нахожу нужнымъ объясняться! — Можете идти.

Генераль отвернулся и ушелъ.

Смотритель остался одинъ, — ждетъ приказаній.

— Что же это такое? подумали учителя, сходя съ лѣстницы.

Вотъ тотъ каменный образъ нашихъ бездушныхъ школъ, которыя наконецъ даже само министерство признало совершенно бесполезными, въ прежнемъ ихъ составѣ! Да хорошо еще, если онѣ были только бесполезны, а то... Ну, къ счастью нашему, «старое старится и умираетъ».

Г. Печанинъ.

ВИНОВАТА-ЛИ ОНА?

ГЛАВА V.

Девусть Джоржа Вававора въ Палатъ Депутатовъ.

Чувство гордости, переполнявшее сердце Джоржа Вававора, было чувство вполне законное. Не шутка попасть въ члены Палаты Депутатовъ, хотя бы то было всего на одну сессію. По лѣвую руку отъ входа въ нашъ отечественный форумъ, между двухъ позолоченныхъ лампъ, находится дверь, около которой подсосѣдилась привилегированная старая торговка яблоками и апельсинами, державшая свой товаръ, какъ должно полагать, исключительно для членовъ палаты да для рс-слаго полисмена, охраняющаго входъ. Эта-то дверь ведетъ въ самую залу засѣданія, и никто, кромѣ членовъ палаты, не имѣетъ права входить ею. Не разъ съ тайною завистью останавливался я передъ этой дверью и горевалъ о томъ, что, видно, такъ и умру, не переступивъ ни разу ногою за ея завѣтный порогъ. Мало ли мнѣ входивъ заказано, такъ же какъ и любому другому смертному? Запрещенный же плодъ, говорятъ, всегда сладовъ; но на одинъ только плодъ и текутъ у меня слюнки: на тотъ, который растетъ такъ недосягаемо-высоко, подъ защитою пилисменовой булавы!

Безъ сомнѣнія, много проходитъ этой завѣтной дверью и такихъ людей, знакомство съ которыми не Богъ вѣсть какая находка. Англія избираетъ своихъ шестьсотъ пятьдесятъ четыре представителя не сплошь изъ доблестивѣйшихъ сыновъ своихъ; попадаютъ и Джоржи Вававоры, и Кальдеры Джонсы, и Ботсы.

Честолюбивый бѣднякъ можетъ утѣшиться тѣмъ, что деньги, — одинъ только деньги открываютъ доступъ въ этотъ рай честолюбію богача.

Но, хотя Англія и не всегда шлетъ безъ примѣси въ Палату Депутатовъ одинъ цвѣтъ своихъ сыновъ, — все же цвѣтъ ея гражданъ попадаетъ въ эту палату. Не даромъ вмѣняетъ себѣ англичанинъ за величайшую честь право выставить вслѣдъ за своимъ именемъ буквы: *M. P.* *). Никакая ученая степень, никакой титулъ не могутъ сравниться съ этимъ почетнымъ наименованіемъ.

Проходя между лампъ, мимо торговли апельсинами, подъ покровительствомъ мистера Бота, Джоржъ Вавазоръ живо ощущалъ чувство гордости, только что описанное мною. Въ Джоржѣ не было недостатка въ чувствахъ подобнаго рода; минутами онъ былъ способенъ свято и честно поднимать высокое дѣло служенія своему народу. Въ природѣ его былъ не одинъ задатокъ на хорошаго и, быть можетъ, даже великаго человѣка. Онъ былъ не мистеру Боту чета; тотъ родился съ мелкой душонкой; Вавазоръ же сознательно воспиталъ въ себѣ всѣ свои пороки. Онъ умѣлъ отличать добро отъ зла, но предпочиталъ зло, приучивъ себя считать его дѣломъ болѣе сподручнымъ. Бѣдняжка же мистеръ Ботъ, напротивъ, вполне былъ убѣжденъ, что поступаетъ, какъ нельзя лучше. Онъ былъ лизоблюдь и наушникъ, но и не подозрѣвалъ, что дѣлаетъ дурно, стараясь выйти въ люди посредствомъ лизоблюдства и наушничества. Тщеславіе сливалось въ немъ съ подлостью, наглость съ трусостью, и миѣ вается, что въ политической своей дѣятельности онъ былъ не слишкомъ-то разборчивъ на средства, не смотря на исповѣдуемую имъ либеральную доктрину; но онъ былъ искренно убѣжденъ, что человѣку, желающему составить себѣ политическую карьеру, безъ этихъ средствъ обойтись нельзя, и что онѣ вполне позволительны.

Въ минуты раздумья, которыя иногда находили на Джоржа Вавазора, онъ чувствовалъ сильное искушеніе перерѣзать себѣ горло и, такимъ образомъ, разомъ положить конецъ своему испорченному существованію. Тоскливо спрашивалъ онъ

*) Member Parliament, т. е. членъ парламента.

самого себя: да неужели и впрямь для него уже нѣтъ болѣе возврата? и каждый разъ порѣшалъ, что нѣтъ. Такъ и теперь: вслѣдъ за движеніемъ честной гордости, о которомъ я говорилъ, въ немъ шевельнулось старое, безнадежное чувство. И въ самомъ дѣлѣ, что же оставалось ему дѣлать, удрученному такимъ тяжкимъ бременемъ, какъ долгъ его Алисъ, да еще въ виду увеличенія этого долга до неопредѣленныхъ размѣровъ? Но мужество его не такъ-то легко было сокрушить, и онъ рѣшился доиграть игру до конца.

Мистеръ Ботъ взялъ новаго депутата подъ свое покровительство не потому, чтобы между ними существовала предварительно кака-либо особенно тѣсная дружба, а просто потому, что для мистера Бота важно было павербовать побольше сторонниковъ въ свою партію, а для Вавазора важно было примкнуть къ какой нибудь партіи. Поддерживать ту партію, которую застаешь уже въ силѣ, — дѣло неблагодарное. Никто не мѣшалъ нашему герою записаться въ ряды приверженцевъ правительства; но, въ такомъ случаѣ, имя его стало бы въ концѣ и безъ того уже длиннаго списка, и прошло бы незамѣченнымъ. Мистеръ же Пализеръ только что начиналъ подниматься въ гору, и вокругъ него, почти помимо его желанія, образовывалась партія. Если ему суждено было достигнуть власти — а что онъ ея достигнетъ, объ этомъ положительно пророчествовали мистеръ Ботъ и другіе, — тогда люди, привѣтствовавшіе новое свѣтило, прежде чѣмъ оно достигло своего зенита, могли ожидать себѣ награды.

Вавазоръ былъ не въ разговорчивомъ расположеніи духа, когда, опираясь на руку мистера Бота, вошелъ въ переднюю Палаты Депутатовъ, и въ тайнѣ досадовалъ на болтливость своего товарища. Его тревожило не недовѣріе къ своимъ собственнымъ способностямъ, не сомнѣніе въ собственномъ мужествѣ, — страшила его прошлая его жизнь, страшило еще болѣе то, до чего могла его довести роковая необходимость въ будущемъ, и что грозило отнять всякій нравственный авторитетъ у его рѣчей и навѣски заградить ему доступъ къ высшимъ должностямъ.

— Вы, конечно, уже имѣете понятіе о препіи въ парламентѣ? спросилъ мистеръ Ботъ.

— Да, отвѣчалъ Джоржъ, не желая пускаться въ дальнѣйшіе разговоры.

— И много вы ихъ слышали?

— Нѣтъ, немного.

— Но вы слышали ихъ съ галлерей, теперь же вы услышите преніе, сидя въ самой залѣ собранія, и вы увидите, что это совсѣмъ иное дѣло. Тотъ, кто никогда не былъ членомъ палаты, не можетъ составить себѣ настоящаго понятія о парламентѣ; мало того, ему никогда не постигнуть самую суть англійской конституціи. Я еще въ молодыхъ годахъ почувствовалъ, что на этомъ пути лежитъ мое призваніе, и, хотя работа эта самая трудная и неблагодарная, я съ нею и не думаю разстаться... Какъ поживаете, Томпсонъ? Вы знакомы съ Вавазоромъ? Онъ только что избранъ представителемъ Чельсійскаго округа, и вотъ я ввожу его въ парламентъ. Нынче, я думаю, мы не будемъ заявлять оппозиціи, — такъ, что ли? Посмотрите, вонъ идетъ Фарингквартъ; когда этотъ человѣкъ говоритъ, можно слышать, какъ муха пролетитъ въ собраніи; а между тѣмъ, онъ только и нарываетъ, какъ бы у кого перехватить полкрану, другую взаймы. — Какъ ваше здорорье, милордъ? — И мистеръ Ботъ низко поклонился мимо проходившему лорду, торопящемуся въ залу собранія, на сколько позволяли ему старья, еле-передвигавшіяся ноги. — Вы, конечно, знаете, кто это?

Оказалось, однакожь, что Вавазоръ этого не зналъ, въ чемъ и принужденъ былъ сознаться.

— А я было думалъ, что вы посвящены во всѣ эти вещи, проговорила Ботъ.

— Ну, нѣтъ, что касается пэрства, то я вовсе не посвященъ во всю его подноготную, отвѣчалъ Вавазоръ съ презрительнымъ подергиваньемъ губъ.

— Но какъ же этого-то не знать? Вѣдь это виконтъ Мидльсексъ; онъ будетъ сладко говорить объ ирландской церкви. Отцу его девяносто лѣтъ, а ему самому за шестьдесятъ. — Однако, войдемте же въ залу. Только послушайте вы, Вавазоръ, моего совѣта и не помышляйте говорить рѣчи въ эту сессию. Для того, чтобы изъ вашего ораторства могъ быть какой нибудь толкъ, вамъ нужно сперва ознакомиться со всей парламентской процедурой. Внѣшняя процедура — первое дѣло; ужъ вѣрите мнѣ, что это такъ...

— Это мистеръ Вавазоръ, новый представитель Чельсийскаго округа.

Такъ отрекомендовалъ мистеръ Ботъ нашего героя сторожу, стоявшему у входа въ залу; сторожь дружески улыбнулся и какъ-будто подмигнулъ глазомъ. Затѣмъ Джоржъ Вавазоръ подъ крылышкомъ мистера Бота вступилъ въ самое святое святыхъ.

Страннымъ показалось Вавазору, что когда онъ направился къ столу писмоводителя, чтобы принять обычную присягу, и затѣмъ возвратился на свое мѣсто, никто не обратилъ на него особеннаго вниманія. У него, конечно, и въ мысляхъ не было произвести эффектъ своимъ появленіемъ, но настоящая минута была такъ глубоко знаменательна для него, что полное равнодушіе окружающихъ шло въ разрѣзъ съ его собственнымъ настроеніемъ. Когда онъ сѣлъ на свое мѣсто, нѣсколько человекъ знакомыхъ подошло къ нему и поздоровались съ нимъ; но дѣлали они это какъ бы мимоходомъ.

Какъ ни старался Вавазоръ избѣгнуть сосѣдства мистера Бота, но это ему не удалось. Господинъ этотъ ходилъ за нимъ по пятамъ и, то и дѣло, подавалъ ему совѣты, которыхъ, между тѣмъ, нашъ герой не могъ пона не слушаться. — И такъ, онъ очутился назади мистера Паллизера и возлѣ самаго мистера Бота.

Пренія уже начались, когда наши депутаты разсѣлись по своимъ мѣстамъ. Какъ скоро Джоржъ на столько совладѣлъ съ своимъ волненіемъ, чтобы умѣть критически относиться къ дѣлу, онъ нашелъ, что исторія эта пока прескучная. А между тѣмъ, говорилъ самъ канцлеръ казначейства, и мистеръ Паллизеръ сторожилъ его, тожно хотъ сторожить мышъ. Ораторъ, какъ и подобаеть канцлеру казначейства, такъ и сыпалъ цифрами; но при каждомъ новомъ бюджетѣ, который изрекали его уста, мистеръ Ботъ наклонялся къ своему принципалу и явственно напощывалъ ему собственныя свои комментаріи, клонившіеся все больше и больше къ тому, чтобы доказать, что канцлеръ казначейства что ни слово скажетъ, то совретъ.

Вавазору казается, что мистеру Паллизеру эти усердныя подназыванья не совсѣмъ-то по душѣ. Если онъ и слушалъ ихъ, то слушалъ съ такимъ видомъ, какъ-будто не ему го-

ворять, и только изрѣдка дѣлалъ нетерпѣливое движеніе головой.

Но мистеръ Ботъ былъ неперемоннаго десятка: чѣмъ больше сторонился отъ него мистеръ Паллизеръ, тѣмъ неотвязнѣе преслѣдовалъ онъ его своими напоптываніями.

По поводу рѣчи министра не воспослѣдовало особенно жаркихъ преній, и когда онъ сѣлъ на свое мѣсто, мистеръ Паллизеръ и не подумалъ возражать ему, какъ ни подбивалъ его къ этому мистеръ Ботъ. Тѣмъ дѣло на этотъ вечеръ и покончилось. Насталъ чередъ лорда Мидльсекса. Благородный пэръ поднялся съ своего мѣста съ сверткомъ бумагъ въ рукахъ и съ жаромъ повелъ рѣчь о различныхъ церковныхъ реформахъ. Но увы! прежде чѣмъ онъ успѣлъ договориться до настоящаго пафоса, депутаты одинъ за другимъ повалили къ выходу. Мистеръ Паллизеръ всталъ, а за нимъ послѣдовалъ и мистеръ Ботъ, который таки ухитрился подцѣпить его въ передней подъ руку. Зала все пустѣла и пустѣла, но благородный лордъ старался изъ всѣхъ силъ поддерживать пылъ своего краснорѣчія, дѣлалъ видъ, что и не замѣчаетъ бѣгства своихъ слушателей. Трудно было представить себѣ болѣе печальное положеніе. Онъ зналъ, что въ газетныхъ отчетахъ не будетъ напечатано и двадцатой доли того, что онъ говорилъ. Проработавъ въ потѣ лица своего цѣлые дни и недѣли надъ собираніемъ фактовъ, онъ начиналъ убѣждаться, что трудъ его пропалъ даромъ. Когда онъ, собравшись съ духомъ, окинулъ взглядомъ собраніе,—въ немъ проснулось опасеніе: чтобы какой нибудь недоброжелатель не вздумалъ провѣрить число оставшихся наличныхъ членовъ, и тѣмъ окончательно погубить его. А между тѣмъ, онъ всею душою былъ преданъ своему дѣлу. Его девизъ былъ не то, что девизъ Вавазора — о рѣчной плотинѣ; онъ твердо вѣровалъ, что работаетъ на пользу и счастье людей, и проработалъ такимъ образомъ цѣлую жизнь. Но тѣ, для кого онъ такъ трудился, упорно отказывались признать дѣйствительность его заслугъ. Развѣ-развѣ, когда кости его будутъ покоиться въ могилѣ, люди помянутъ его добрымъ словомъ и признаютъ, что онъ кое-что да сдѣлалъ. Будемъ надѣяться, что хоть эта поздняя благодарность утѣшитъ его тѣнь. Но пока—въ его положеніи было мало утѣшительнаго. Президентъ

сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и, сохраняя выраженіе привѣтливости на лицѣ, глядѣлъ на злополучнаго оратора; но кромѣ президента, никто его не слушалъ. Изъ стенографовъ только двое оставались на мѣстахъ, да и тѣ очень мало поводили своими перьями, зная, что работа ихъ все равно пропадетъ даромъ. Вазазоръ досидѣлъ до конца, такъ какъ тутъ ему представлялся случай ознакомиться съ частью той парламентской процедуры, которую мистеръ Ботъ совершенно справедливо представилъ ему дѣломъ такой важности для новичка. И вотъ онъ узналъ въ заключеніе, какъ производится «провѣрка членовъ». Кто-то пробормоталъ что-то на задней скамьѣ, и президентъ мигомъ смекнулъ въ чемъ дѣло. Самъ по себѣ, этотъ высокій самовникъ до конца бы глядѣлъ сквозъ пальцы на фактъ, на который обращали теперь его вниманіе; но тутъ дѣлать нечего; онъ провѣрилъ составъ собранія, и такъ какъ наличныхъ членовъ оказалось всего двадцать три, то онъ поспѣшилъ избавиться себя и несчастнаго лорда Миддлсекса отъ напраснаго труда. Легко можно вообразить себѣ, съ какими чувствами благородный лордъ возвратился домой. Человѣкъ онъ былъ съ большими денежными средствами; были у него и дѣти, которыми онъ могъ по праву гордиться, и жена, вѣровавшая въ него, какъ въ Бога; жизнь его не была занята на ни однимъ чернымъ дѣломъ. Казалось бы, все ему было дано. А между тѣмъ, какъ бы вы думали, кому онъ завидовалъ въ эту минуту?—Въ началѣ этого же засѣданія говорилъ Фарингкартъ, бобыль бобылемъ, никѣмъ нелюбимый, члѣвъкъ; сидѣвшій чѣмъ уши въ долгахъ и ухидившій отъ долговой тюрьмы, только благодаря своему званію депутата. А между тѣмъ, триста человѣкъ, притаивъ дыханіе, внимали его словъ. Въ тѣхъ мѣстахъ его рѣчи, гдѣ онъ смѣялся, они вторили его смѣху; когда онъ съ нетоварианствомъ говорилъ о дѣйствіяхъ министра, все собраніе замирало, точно испанскій амфитеатръ въ минуту, когда быку наносится роковой ударъ. Какъ скоро разносился слухъ, что этотъ отпѣтый человѣкъ собирается говорить, депутаты, разсѣянные по читальнымъ и курильнымъ комнатамъ, спѣшили въ залу собранія. Галерея ломилась отъ напора постороннихъ посѣтителей; у стенографовъ потъ проступалъ на лбу, и они едва успѣвали перевертывать страницы, исписанныя ихъ ретальными пальцами. Когда же, онъ съ одо-

бенно ядовитою иронією. принадлея отдѣлывать перваго министра, тогда всѣ въ одинъ голосъ порѣшили, что министру ничего болѣе не остается, какъ завербовать оратора въ ряды своихъ товарищей, не смотря на ходившіе про него дурные слухи. Человѣка, умѣющаго мстить такими громами, надо задобрить, чтобы онъ мстилъ имъ только противъ вашихъ враговъ.—И этому-то человѣку завидовалъ лордъ Мидльсексъ, сидя одинъ съ своимъ горемъ да съ чистою совѣстью въ тишинѣ своего кабинета.

Мистеръ Ботъ вышелъ изъ комнаты вслѣдъ за мистеромъ Паллизеромъ, и Вавазоръ возвращался домой одинъ. Онъ упорно старался завѣрить себя, что положеніе, завоеванное имъ,—дѣло великое, но въ немъ уже начинало пробуждаться то странное человѣческое чувство, которое отнимаетъ у всякаго приобрѣтеннаго блага половину его цѣны. Будничный директоръ засѣданія далеко не соответствовалъ ожиданіямъ нашего героя. Великіе мужи, имена которыхъ гремѣли въ газетахъ, сидѣли по своимъ мѣстамъ молчаливые, угрюмые и, повидимому, безучастные; при первомъ же удобномъ случаѣ, они кинулись изъ палаты ни дать, ни взять, какъ мальчишки изъ школы. Чтобы попасть въ эту палату, Вавазоръ все поставилъ на карту, а теперь у него вдругъ являлось сомнѣніе: ужъ полно, стоило ли покупать эту удачу такую дорогою цѣною?

Но мужество не покидало его и онъ оставался при своей рѣшимости биться до конца. Завтра же онъ отправится въ улицу Королевы Анны и будетъ искать вниманія у той, которая обѣщала горячо сочувствовать его политическимъ стремленіямъ. Въ ея глазахъ, по крайней мѣрѣ, блескъ завоеваннаго имъ положенія еще не потускнѣлъ отъ прикосновенія дѣйствительности. Она видѣла драму только изъ лжи и добродушно вѣрила, что платья актеровъ изъ настоящаго бархата и мечи ихъ изъ настоящей стали.

VI.

ДАРЪ ЛЮБВИ.

Когда до Алисы дошла вѣсть объ избраніи ея двоюроднаго брата, она рѣшилась настроить себя на торжествующій ладъ.

Не даромъ же! принесла она все въ жертву своему желанію— видѣть его политическимъ дѣятелемъ; безуміемъ было бы теперь съ ея стороны отказываться отъ участія въ его торжествѣ. Если она теперь не могла радоваться, то какая же радость оставалась ей въ жизни? Она обѣщалась быть его женою, обѣщалась потому, что желала слѣдить его интересы съ своими, желая дѣйствовать съ нимъ въ его борьбѣ и служить ему смиренно. И вотъ, благодаря ей, онъ добился удачи на политическомъ поприщѣ; какъ же ей было не радоваться за него! Но она чувствовала, что всѣ усилія ея въ этомъ отношеніи напрасны и что послѣдствія сдѣланной ею ошибки начинаютъ сказываться ей съ страшною силою.

Первое извѣстіе объ избраніи Джоржа принесла Алисъ. ея горничная, и она тотчасъ же сѣла написать ему поздравительную записку. Но оказалось, что дѣло это не совсѣмъ легкое: она ни слова не писала къ нему съ самаго того дня, когда онъ ушелъ отъ нея, глубоко оскорбленный ея холодною, и она не знала, съ чего начать. Нѣтъ ужъ, подумала она, лучше подожду его самого,—на словахъ будетъ легче, чѣмъ на бумагѣ.— Но вузипѣ Кэтъ она высказалась письменно и ухитрилась придать своему письму торжествующій тонъ. Еще прежде того получила она отъ Кэтъ длинное письмо, наполненное пзліяніями самой искренней, безпредѣльной радости. Бѣдняжкѣ Кэтъ въ ея уэстморлендской глуши казалось, что братъ ея всего уже достигъ и поборолъ единственное препятствіе, стоявшее поперекъ его дороги.—Я горжусь имъ, писала она Алисъ; когда я подумаю, что онъ завоевалъ себѣ мѣсто въ парламентѣ безъ протекціи, безъ всякой посторонней помощи, силою одного своего ума. (Кэтъ позабыла существенную помощь, которую оказали ему Алисины деньги), и когда я вспомню, что онъ одержалъ эту побѣду въ столицѣ, среди самаго богатаго и взыскательнаго населенія богатѣйшаго города въ мірѣ, то я не могу не гордиться моимъ братомъ. Сознайся, Алиса, вѣдь и ты гордишься твоимъ возлюбленнымъ?—Возлюбленнымъ!—Нѣтъ, подумала Алиса, не возлюбленный онъ мой, и самъ онъ это очень хорошо знаетъ. — А если онъ не возлюбленный твой, то что же онъ такое для тебя? И что ты такое для него, если ты не его милая?—И почувствовала Алиса, что ступила на роковой путь и что неотразимая сила

вещей влечетъ ее на дно пропасти. Она погрузилась въ угрюмое раздумье и долго-долго не могла справиться съ отвѣтомъ на письмо кузинѣ.

Въ тотъ же день у нея былъ слѣдующій разговоръ съ отцомъ:

— Такъ вотъ какъ! Джорджъ добился таки представительства, замѣтилъ мистеръ Ваваторъ, приподнимая брови.

— Да, счастье ему улыбнулось. Надѣюсь, папа, что вы этому рады?

— Ну, мнѣ, коли хочешь знать правду, нисколько. Онъ купилъ себѣ представительство на какихъ нибудь три мѣсяца; а позвольте узнать, на чьи денежки онъ его купилъ?

— Охота вамъ, папа, вѣчно говорить о деньгахъ.

— Когда ты разсуждаешь о цѣнности покупки, то прежде, чѣмъ рѣшишь, хорошо или дурно поступилъ повунцикъ, ты должна знать, во сколько ему обошлась эта покупка. Потраченной имъ суммы оказалось достаточно, чтобы открыть передъ нимъ двери парламента, по той прямой причинѣ, что до общихъ выборовъ остается всего нѣсколько мѣсяцевъ. А сколько онъ забралъ у тебя? Если не ошибаюсь, двѣ тысячи?

— Такъ что-жь? Если при слѣдующихъ выборахъ ему понадобится еще столько же, то я и не задумаюсь ему дать.

— Ладно, ладно, милая; если тебѣ такъ хочется пойдти въ міру, то я тебѣ помѣшать не могу. Говоря откровенно, я не стану тужить, если онъ оберетъ тебя, какъ личку, и свадьба ваша въ заключеніе все-таки не соестопся.

На это Алмса ничего не отвѣчала. Въ этомъ отношеніи собственное ея желаніе начинало все болѣе и болѣе совпадать съ желаніемъ отца.

— Я говорю тебѣ мое мнѣніе безъ утаекъ, продолжала онъ. По мнѣ, худшаго для тебя исхода, какъ выйдти за него замужъ, и быть не можетъ. Ты говоришь мнѣ, что рѣшилась быть его женою; и я знаю, что отговаривать тебя—напрасный трудъ. Но я убѣждена, что какъ скоро онъ приберетъ къ рукамъ все свое состояніе, онъ самъ отъ тебя откажется, и только тогда ты будешь спасена. Зная мое мнѣніе о немъ, ты же должна удивляться, что меня вовсе не радуетъ тотъ фактъ, что онъ прибрался въ парламентъ съ помощью твоихъ денегъ.

На слѣдующее утро явился Джоржъ.—Читатель припомнить, конечно, подробности ихъ послѣдняго свиданья. Онъ просилъ ее запечатлѣть примиреніе ихъ—поцѣлуемъ и получилъ отвѣзъ. Она съ содроганьемъ отшатнулась отъ его прикосновенія и безъ словъ дала ему почувствовать, что любви къ нему въ ея сердцѣ нѣтъ и слѣда. Онъ ушелъ отъ нея глубоко оскорбленный. Послѣ того онъ въ два пріема обращался къ ней съ просьбою о деньгахъ, а теперь явился сообщить ей о томъ, какую службу сослужили ему эти деньги.—Когда онъ вошелъ въ комнату, Алиса взглянула на него почти украдкой;—она уже начинала его бояться. Но этотъ робкій взглядъ нѣсколько успокоилъ ее: шрамъ, разсѣкавшій его лицо, почти сгладился; послѣдніе слѣды гнѣва исчезли съ этого лица. Онъ пришелъ къ ней, видимо, съ самыми миролюбивыми намѣреньями. Нѣкоторая изысканность въ его туалетѣ свидѣтельствовала, что онъ собирается еще разъ попытать счастья въ роли любовника.

Алиса заговорила первая.

— Какъ я рада, Джоржъ, вашему успѣху, начала она. Поздравляю васъ отъ всего сердца.

— Благодарю, моя дорогая. Но прежде, чѣмъ я поведу рѣчь о другомъ, дайте же мнѣ высказать вамъ мою признательность за денежную помощь, которую вы мнѣ оказали. Безъ нея мнѣ не было бы удачи.

— О, Джоржъ, прошу васъ, не говорите объ этомъ.

— Напротивъ, дайте мнѣ высказаться теперь, чтобы болѣе къ этому предмету не возвращаться. Если вы хоть съ минуту подумаете, то сами поймете, что, рано или поздно, я долженъ же бы былъ о немъ заговорить.

— Ну-ну, хорошо; въ такомъ случаѣ говорите скорѣе, чтобы намъ больше не возвращаться къ этому разговору.

— Надѣюсь, что, отдавъ такимъ образомъ ваше состояніе въ мое распоряженіе, вы были увѣрены, что отдали его въ надежныя руки?

— О да, конечно.

— И я такъ это понималъ. Излишне было бы говорить вамъ, что безъ этихъ денегъ я не могъ бы балатироваться въ эти выборы; а я долженъ былъ воспользоваться открывавшеюся теперь вакансією, потому что безъ этого мнѣ нечего было и

думать объ успѣхѣхъ при будущихъ выборахъ. Иначе я, конечно, не въ правѣ былъ бы расходовать такъ много денегъ на покушку представительства, долженствующаго продолжаться всего только одну сессію.—Понятно это для васъ, Алиса?

— Да, кажется.

— Каждый вамъ это подтвердить, даже вашъ отецъ, хотя онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, смотритъ на мое желаніе быть членомъ парламента, какъ на чистѣйшее безуміе.—Но возвратимся къ денежному вопросу: обстоятельства такъ сложились, что осенью я, по всѣмъ вѣроятіямъ, буду принужденъ обратиться къ вамъ съ просьбою о новой ссудѣ.

— Мои деньги къ вашимъ услугамъ, Джорджъ.

— Благодарю васъ, Алиса. А теперь я долженъ сообщить вамъ, какой я планъ имѣю въ виду. Вы слышали, конечно, что между мной и дѣдомъ состоялось нѣчто въ родѣ примиренія?—Какъ только я свалю съ плечъ вторые выборы, такъ я намѣреваюсь сказать ему о моемъ долгѣ вамъ.

— Но не будемте говорить объ этомъ теперь, Джорджъ. Я хочу, чтобы вы вполне наслаждались настоящимъ вашимъ успѣхомъ, а для этого вы должны выкинуть на время всѣ денежные заботы изъ головы.

— Хорошо, я изгоню ихъ, по крайней мѣрѣ, на то время, которое пробуду съ вами, отвѣчалъ Джорджъ. Смотрите, вотъ я пускаю ихъ по вѣтру! — И приподнявъ правую руку, онъ дунулъ на кончики пальцевъ.—Пускай себѣ разлетятся на всѣ четыре стороны. Вообще, не мѣшайте подчасъ отвязаться отъ подобнаго рода заботъ, хоть на время.

Не мѣшаетъ-то оно не мѣшаетъ, да не всегда-то это можно сдѣлать безнаказанно. Когда печень у человѣка до того разстроена, что отказывается служить ему, то неблагоразумно съ его стороны стараться выкинуть изъ головы это обстоятельство въ ту самую минуту, какъ онъ садится за обѣдъ.

— Я уже вступилъ въ исправленіе своей должности, заговорилъ Джорджъ.

— Да, я читала объ этомъ въ газетахъ. Кругъ моихъ парламентскихъ знакомыхъ очень ограниченъ, но я случайно-знаю того самаго депутата, который васъ, какъ говорится, представилъ.—Мистеръ Ботъ вамъ пріятель?

— О, нѣтъ, отнюдь не пріятель; но мнѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, придется дѣйствовать въ политикѣ съ нимъ за одно.

— А! вотъ то же самое говорятъ и про мистера Паллизера, когда хотѣтъ оправдать его въ томъ, что онъ такого господина принимаетъ къ себѣ въ домъ. Мнѣ кажется, что будь я политическимъ дѣятелемъ, я старалась бы дѣйствовать за одно только съ такими людьми, которые мнѣ приходились бы по душѣ.

— Такъ мистеръ Ботъ вамъ нрѣдко не нравится?

— Нельзя сказать, чтобы я особенно долубливала его, но у меня нѣтъ въ отношеніи его никакого положительно неприязненнаго чувства.

— Онъ пошлѣйшій болванъ, проговорилъ Джоржъ, и столько же имѣетъ правъ на званіе джентльмена, какъ и вашъ лакей.

— Котораго у меня нѣтъ.

— Но въ парламентѣ онъ составитъ себѣ извѣстнаго рода карьеру.

— Я не совсѣмъ ясно понимаю, что именно требуется для успѣха въ парламентѣ. Думаете ли вы, что его стремленія схожи съ вашими?

— Нулагаю, что его честолюбіе не простирается далѣе желанія занять должность прихвостня при какойнибудь парламентской звѣздѣ первой величины, съ жалованьемъ, если это окажется возможнымъ, а то такъ, и безъ жалованья.

— А къ чему стремится ваше честолюбіе?

— О, что касается моего честолюбія... Знаете ли, Аниса, есть вещи, о которыхъ человѣкъ никому не говорить.

— Будто? Но это, должно быть, ужасныя вещи.

— Школьникъ, садясь за свое первое стихотвореніе, не говоритъ даже своей сестрѣ, что онъ надѣется со временемъ превзойти Мильтона. Проповѣдникъ, обдумывая свою проповѣдь, не повѣряетъ даже женѣ свои мечты о томъ, что тысячи слушателей будутъ обращены имъ на путь истины,—въ душѣ онъ все же имѣетъ эту увѣренность.

— А вы, хотя и умалчиваете объ этомъ, надѣяетесь со временемъ сравняться съ Чатамомъ и обратить тысячи слушателей къ вашей политической доктринѣ,—такъ, что ли?

— Меня радуютъ ваши насмѣшки надо мною. Оттѣнокъ старой ироніи въ вашемъ голосѣ напоминаетъ мнѣ наше бы-

лое, — то бывшее, на которое, я надеюсь, намъ скоро можно будетъ оглянуться безъ горечи. Не такъ ли, милая?

Ея игривость разомъ исчезла. И нужно же было ему подступиться къ ней съ этой неловкой попыткой вѣжности!

— Не знаю; отвѣчала она угрюмо.

Прошло нѣсколько минутъ, въ продолженіе которыхъ онъ сидѣлъ молча и вертѣлъ въ рукахъ небольшой разрывной ножъ, валявшійся на столѣ. Лезвее этого ножа было стальное, ручка литая и украшена поволотой, и вся-то цѣна этому предмету была какихъ нибудь пять шиллинговъ.

— Кто вамъ подарилъ этотъ ножъ? спросилъ онъ вдругъ.

— Боже мой! съ какой стати вы предлагаете мнѣ этотъ вопросъ и, главное, предлагаете его такимъ тономъ?

— Я спросилъ васъ просто потому, что если это чей нибудь ножикъ, то я не хочу его держать въ рукахъ.

— Это подарокъ мистера Грея.

Онъ съ шумомъ бросилъ ножъ на столъ и оттолкнулъ его отъ себя съ такою силою, что онъ пролетѣлъ черезъ весь столъ и упалъ на полъ возлѣ самой Алисы.

— Джорджъ, проговорила она, наклонясь и подымая ножъ: ваша горячность безразсудна; прошу васъ не повторять подобныхъ выходки.

— Это случилось помимо моего желанія, и я прошу васъ извинить меня. И нужно же мнѣ было такъ неудачно выбрать себѣ игрушку!—А кто подарилъ вамъ вотъ эту вещь-цу?—И онъ взялъ со стола небольшую складную линейку слоновой кости.

— Этой мнѣ никто не дарилъ, я сама купила ее на глупѣйшемъ базарѣ.

— Ну, это другое дѣло. Вы подарите мнѣ эту линейку въ тотъ день, когда между нами воскреснетъ старая любовь.

— Такая бездѣлушка не годится въ подарокъ, проговорила Алиса еще угрюмѣе прежняго.

— Ничуть не бывало; для такого рода подарка все годится, лента ли, перчатка ли, обломокъ ли шести-пенсовой монеты.—Такъ какъ же? Согласны вы подарить мнѣ что нибудь такое, что я могъ бы принять, зная, что вы отдаете мнѣ и сердце ваше вмѣстѣ съ этимъ подаркомъ?

— Если вамъ угодно, возьмите линейку, проговорила она.

— А сердце?... спросилъ онъ.

Нѣтъ! одно изъ двухъ: или ему слѣдовало имѣть болѣе мѣдннй лобъ, чѣмъ онъ имѣлъ, или ужь, быть честнымъ человекомъ. Будь онъ мошенникъ съ головы до ногъ, онъ удовольствовался бы возможностью прибрать къ рукамъ ея деньги и не тревожился бы заботою о ея любви. Но на дѣлѣ было иначе. Ему пужно было для успокоенія совѣсти услышать изъ ея усть, что она его любитъ.

— Такъ какъ же съ сердцемъ то, Алиса? переспросилъ онъ.

— Будемте лучше говорить о политикѣ, Джоржъ, проговорила она.

Шрамъ началъ явственно обозначаться на его лицѣ. Куда дѣвался легкій, добродушный тонъ, принятый имъ въ началѣ? Заложивъ оба большіе пальцы въ проймы жилета, онъ уставился на нее пристальнымъ взглядомъ.

— Алиса, проговорилъ онъ, развѣ такъ честные люди поступаютъ? Вы сказали мнѣ, что согласны быть моею женою, и послѣ этого-то вы такъ безжалостно терзаете меня,—хорошо ли это?

— Я не терзаю васъ, по крайней мѣрѣ, у меня нѣтъ этого въ намѣреніяхъ.

— Скажите: подразумѣвалось ли что нибудь въ этомъ письмѣ, которое вы написали мнѣ изъ Уэстморленда, или нѣтъ?

— Зачѣмъ вы стараетесь, Джоржъ, завѣрить меня, что въ немъ подразумѣвалось болѣе, чѣмъ оно говорило?

— А коли такъ, то не лучше ли разомъ высказать всю правду?

Алиса и рада была бы это сдѣлать, но у нея не хватало духу. Она угрюмо молчала и думала только: хоть бы поскорѣе кончилось это свиданье! Она чувствовала, что потеряла всякое право на самоуваженіе.

— Послушайте, Алиса! я рѣшительно становлюсь въ тупикъ, какъ мнѣ понимать вашъ настоящій образъ дѣйствій, въ связи со всѣмъ вашимъ прошлымъ. Вы для меня живая загадка.

— Боюсь, что не въ моей власти подсказать вамъ разгадку.

— Когда вы любили меня въ самомъ началѣ—а что вы любили меня, въ этомъ вы не можете не сознаться, я—умѣлъ читать въ вашемъ сердцѣ. Да и какой молодой человекъ не сдумаетъ

разобрать самую поэтическую страницу въ своей жизни?— Потому вы разошлись со мною, осудивъ меня, быть можетъ, слишкомъ строго за мою проступки. Не и это было для меня понятно: я зналъ, что женщины вообще склонны строго относиться къ подобнаго рода проступкамъ. Мнѣ казалось, что я не разучился понимать васъ и тогда, когда мнѣ сказали о вашей помолвкѣ съ этимъ джентльменомъ изъ Кембриджшейра; мнѣ казалось, какъ нельзя болѣе, таинственнымъ съ вашей стороны искать какого нибудь средства залечить вашу рану. Не васъ я обвинялъ, а себя за то, что довелъ васъ до такой печальной крайности.

Тутъ Алиса сдѣлала нетерпѣливое движеніе, какъ бы собираясь перебить его, но промолчала, хотя онъ и остановился, выжидая, что она скажетъ.

— Когда я узналъ, что вы оттолкнули отъ себя роковое лекарство, продолжалъ онъ, это меня нисколько не удивило. Я ничего не имѣю сказать противъ самого джентльмена: онъ могъ бы быть отличнымъ мужемъ для всякой другой женщины, только не для васъ, и вы не могли это не понять. — При этихъ словахъ она снова взглянула на него и взгляды ея на этотъ разъ изобразилось то же гнѣвное выраженіе, которое исказило ея лицо; казалось, она готовилась вступитъ съ нимъ въ бой, но и тутъ она не сказала ни слова, и онъ продолжалъ: — Наконецъ, Алиса, вы снова согласились быть моею женою; мнѣ казалось, что такъ тому и быть надлежитъ. Быть можетъ, я увлекался тщеславною мечтою, но это было естественно съ моей стороны. Я думалъ, что старая любовь воротилась и снова согрѣла ваше сердце. Скажите: на моемъ мѣстѣ, не поддались ли бы и вы тому же заблужденію? Я сказалъ себѣ, что вы поступили, какъ честная, любящая и порядочная женщина. — Последнее слово неприятно отозвалось въ ухахъ Алисы и она сердито застучала по полу ногою. Это движеніе не ускользнуло отъ Джорджа, но онъ сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, и продолжалъ: — Но настоящій вашъ образъ дѣйствій превращаетъ для меня все остальное въ загадку. Вы сказали мнѣ, что согласны быть моею женою, и этимъ, какъ мнѣ казалось, дали мнѣ залогъ примиренія и любви, а между тѣмъ, ваше обращеніе со мною дышетъ ледяною холодностью. Какъ долженъ я по-

нимать все это? Намедни я попросилъ у васъ поцѣл-
 лья... Тутъ онъ взглянулъ на нее пристальнымъ взгля-
 домъ; изъ-за полураскрытыхъ губъ виднѣлись оконечно-
 сти его бѣлыхъ зубовъ; старый шрамъ какъ бы раскрылся
 и красною чертою перерѣзывалъ его лицо. Онъ при остано-
 вился и, казалось, выжидалъ, не дастъ ли она ему теперь то,
 о чемъ онъ безуспѣшно просилъ ее тогда. Я готовъ подумать,
 что въ эту минуту въ немъ говорила неподдѣльная страсть,
 подъ вліяніемъ которой онъ позабылъ все, что было корыст-
 наго и безчестнаго въ его видахъ на нее, и помнилъ только
 нанесенную ему обиду.—Я просилъ у васъ поцѣлья; если вы
 дѣйствительно согласны быть моею женою, то подобная
 просьба не заключала въ себѣ ничего такого, что могло
 бы смутить васъ. Но скажите, что долженъ я думать о ва-
 шемъ обѣщаніи, если вы отказываете мнѣ въ обыкновенныхъ,
 обычныхъ ласкахъ, столь естественныхъ между женихомъ и
 невѣстою?

Алиса почувствовала, что дальѣе отмалчиваться невозможно.

— Удивляюсь, проговорила она, какъ вы не можете понять,
 что я слишкомъ много выстрадала за все это время.

— И это вашъ единственный отвѣтъ?

— Не знаю, какого вамъ еще нужно отвѣта.

— Полноте, Алиса, не кривите душою; вы очень хорошо
 знаете, какого отвѣта мнѣ нужно и какого я въ правѣ доби-
 ваться.

— Никто еще до сихъ поръ не обвинялъ мнѣ въ криво-
 душіи.

— Вы знаете, какъ нельзя лучше, чего я желаю: я желаю
 увѣренности, что женщина, которая обѣщалась быть моею
 женою, дѣйствительно меня любитъ.

Она поднялась съ своего мѣста и онъ послѣдовалъ ея
 примѣру. Въ рукахъ у него была маленькая линейка, кото-
 рую она ему позволила взять, но онъ держалъ ее съ такимъ
 видомъ, какъ-будто не зналъ, что ему съ ней дѣлать.

— Такъ какъ же, Алиса, проговорилъ онъ:—дождусь я отъ
 васъ какогонибудь отвѣта?

— Не теперь только, Джоржъ; вы слишкомъ раздражены,
 чтобы меня выслушать.

— Что-жъ, развѣ я не имѣю полнѣйшаго права быть раз-

драженнымъ? Или вы не видите, что вашъ образъ дѣйствій въ отношеніи меня изъ рукъ вонъ оскорбителенъ.

— Ничего я не вижу; знаю только, что у меня болитъ голова и что на душѣ у меня очень тяжело. Прошу васъ, оставьте меня.

— Такъ возьмите же назадъ вашъ подарокъ! воскликнулъ онъ, бросая линейку на диванъ, стоявшій позади ея; а вотъ и та побрякушка, которую я было хотѣлъ, чтобы вы носили на память обо мнѣ.—И съ этими словами онъ вынулъ какой-то предметъ изъ жилетнаго кармана и швырнулъ его въ каминъ. Затѣмъ онъ быстрыми шагами направился къ двери; у порога онъ еще разъ остановился и обернулся къ ней.—Алиса, проговорилъ онъ, когда вы останетесь однѣ, подумайте безпристрастно, если можете, о вашихъ поступкахъ со мною.

Первымъ движеніемъ Алисы, когда она услышала шумъ захлопнувшейся за нимъ наружной двери, было отыскать побрякушку, брошенную имъ въ каминъ.

Читатель найдетъ это движеніе довольно пошленькимъ, но оно было совершенно естественно съ ея стороны. Имъ руководило не личное желаніе и даже не любопытство; въ немъ просто на просто сказалось то чисто женское чувство, которое не любитъ, чтобы даромъ пропадала какая нибудь цѣнная вещь.—И такъ, она раскопала лопаткою пепель въ каминъ и отыскала кольцо, заброшенное въ него Джоржемъ. Кольцо оказалось очень дорогое; по срединѣ былъ вдѣланъ рубинъ, а по бокамъ два небольшихъ брильянта; но одинъ изъ брильянтовъ выскочилъ отъ сильного толчка во время паденія и, сколько не искала его Алиса въ кучѣ золы, ей такъ и не удалось его найти. Она бережно завернула кольцо въ листъ почтовой бумаги и положила его въ свой рабочій ящикъ. Затѣмъ она снова сѣла пораздумать о своемъ положеніи, но голова ея и въ самомъ дѣлѣ трещала, и она была не въ состояніи додуматься до какого нибудь окончательнаго рѣшенія.

ГЛАВА VII.

ОБМАНУТЫЯ ОЖИДАНИЯ МИСТЕРА ЧИЗСАГЕРА.

Когда мистрисъ Гринау осталась одна послѣ достопамятнаго обѣда, даннаго ею обоямъ ея поклонникамъ, она задала

себѣ не на шутку вопросъ: какъ поступить при настоящемъ положеніи ея дѣлъ? Три выхода открывалось передъ нею: она могла принять предложеніе мистера Чизсакера, могла взять капитана Бельфильда и могла подать карету, какъ тому, такъ и другому.

Многого говорило въ пользу мистера Чизсакера: спальни, наподобныя мебелью краснаго дерева, въ немалой мѣрѣ содѣйствуютъ удобствамъ сей брэнной жизни; кучи удобренія, хотя и не совсѣмъ умѣстны въ романсѣ, но очень полезны въ сельскомъ хозяйствѣ; а мистрисъ Гринау вовсе не пренебрегала существенными благами жизни.

Что же касаетея до личности ихъ обладателя, то мистрисъ Гринау понимала, что, при всей его шероховатости, умная жена всегда сумѣетъ исправить или, по крайней мѣрѣ, смягчить эти недостатки. Но она была уже разъ замужемъ, по расчету — какъ она въ настоящемъ случаѣ, не обинуясь, прямо знавалась передъ самой собою, — а теперь, думала она, не худо бы отвѣдать брака по любви. Первый ея бракъ задался, какъ желъзя лучше. Ухаживанье за старикомъ Гринау было для нея не слишкомъ обременительно и не затянулось въ долгій щикъ; награда за труды вполне соответствовала ея ожиданіямъ, и она питала искреннее чувство признательности къ его памяти. Женившись она была съ самымъ счастливымъ характеромъ; природа наградила ее отличнымъ лицеваженіемъ, на прошлое свое и на будущее она глядѣла равно свѣтло. Къ чему жадничать? рассуждала она сама съ собою. Денегъ у нея и своихъ довольно, а потому ей не надобно денегъ мистера Чизсакера. На этомъ она и порѣшила, но въ то же время порѣшила, что не худо бы присовокупить спальни съ мебелью изъ краснаго дерева къ родовому имуществу. Ванзорровъ и скупотаты, чтобы онѣ достались ея племянницѣ, Кэзъ.

Теперь ей оставалось рѣшить: идти ли ей замужъ по любви, и если да, то остановить ли свой выборъ на капитанѣ Бельфильдѣ? — Какъ ни странно въ это покажется, но ее не пугала ни бѣдность его, ни шероховатость, ни наивность къ вранью. Что за бѣда, думала она, что онъ вретъ неблизки про свои инкерманскіе подвиги? Развѣ и у нея дѣтъ своихъ Инкермановъ, которые она умѣетъ пускать въ нихъ не хуже

самого капитана Бельфильда? У него есть долги, это такъ, но что же прикажете дѣлать человѣку, когда у него нѣтъ наличныхъ денегъ? Она и сама забирала въ долгъ корсетъ и перчатки въ до-гринанскій періодъ своихъ походовъ. Страшила ее опасность совсѣмъ иного рода. Кто поручится ей, что, въ одно прекрасное утро, другая мистрисъ Бельфильдъ не предъявитъ свои права? А ну, какъ окажется, что онъ совсѣмъ не капитанъ, а какой нибудь искатель приключеній самого низшаго разряда? Впрочемъ ее успокоивало то соображеніе, что мистеръ Чизакеръ, звавшій его столько лѣтъ, навѣрное не преминулъ бы выболтать всякое обстоятельство, говорящее не въ его пользу, если бы оно было ему извѣстно. Но какъ бы то ни было, она находилась въ нерѣшимости, какъ ей распорядиться капитаномъ Бельфильдомъ.

Часу въ десятомъ вечера, Жанета принесла своей госпожѣ обычный ея ужинъ, состоявшій изъ арагута, къ которому прибавлялось небольшое количество хереса.

— Жанета, обратилась къ ней мистрисъ Гринау, размѣшивая сахаръ въ стаканѣ:—я боюсь, что наши гости повздорили сегодня другъ съ другомъ.

— А-то какъ же бы вы думали, сударыня? Еще бы имъ не грызться!

При подобнаго рода разговорахъ Жанета обыкновенно становилась за стуломъ своей госпожи. Если разговоръ затягивался, она понемногу опускалась на кончикъ стула и обѣ женщины продолжали бесѣдовать вмѣстѣ, причемъ Жанета никогда не забывала, что она служанка, а мистрисъ Гринау не упускала изъ виду, что она госпожа.

— Но скажи, пожалуйста, Жанета, съ какой стати имъ ссориться? Это ужасно глупо.

— Не знаю, сударыня, глупо ли оно, или нѣтъ, только оно вполне естественно. Если бы за мною два молодчика волочили въ одно и то же время, то меня нисколько не удивляло бы, что они другъ другу головы нарываютъ размозжить. Иныя дѣвушки еще нарочно для потѣхи натравливаютъ своихъ обожателей другъ противъ друга. Ну, на мой вкусъ, и одного обожателя за разъ довольно.

— Ты еще очень молода, Жанета.

— Такъ-то оно такъ, сударыня; но что-жъ изъ этого? Да-

рожь, что я на видъ такая молоденькая, а не потаюсь: бывали и у меня обожатели.

— Неужто ты воображаешь, что я хочу окружить себя обожателями, какъ ты ихъ называешь?

— Этого я, сударыня, не знаю; можетъ быть, вы этого и не хотите, да тѣмъ не менѣе они около васъ увиваются. Я того только и жду, что, не доѣхавъ до Ойлимида, они всадытъ другъ другу по пулѣ въ лобъ. Развѣ-развѣ за цуншемъ успокоятся; а то дѣло плохо. — И сказавъ это, Жанета тихонько опустила на стулъ.

— Ахъ ты, глупенькая! Да они сегодня вовсе и не вернутся вмѣстѣ въ Ойлимидъ. Развѣ ты не замѣтила, что капитанъ Бельфильдъ ушелъ отъ меня раньше мистера Чизсавера?

— Какже, сударыня, замѣтила, только я поняла это такъ, что онъ, можетъ, отправился за пистолетами.

-- Не безпокойся, Жанета, драться они не будутъ:—дуэли теперь вышли изъ моды у джентльменовъ.

— Неужто, сударыня? Ну, въ такомъ случаѣ, конечно, дамъ теперь повольготнѣе. Можетъ статься, со временемъ, и нашъ братъ перейметъ эту моду. Дай-то Богъ! мнѣ оно будетъ на руку, потому что человѣкъ я миролюбивый и терпѣть не могу смотрѣть, какъ это мужчины грызутся промежь себя.—Такъ вы говорите, сударыня, что мистеръ Чизсаверъ и капитанъ Бельфильдъ не подерутся другъ съ другомъ?

— Да нѣтъ же, глупенькая, выкинь ты эту мысль изъ головы.

— Такъ вотъ какъ! А я было только того и ждала, что эту исторію напечатають во всѣхъ газетахъ и, чего добраго, одинъ изъ нихъ лишится жизни, только не знала, кому-то изъ нихъ лучше быть убитымъ? Я ужъ такъ про себя порѣшила, что капитанъ Бельфильдъ ни за что не получить смертельной раны, окромя развѣ сердечной раны; ну, это, сударыня, сами знаете, совсѣмъ другое дѣло.

— Но, скажи на милость, Жанета, съ какой стати имъ ссориться? Вѣдь глупѣе этого ничего выдумать нельзя.

— Такъ, сударыня, глупо ли оно, умно ли, я не знаю; только не ссориться имъ никакъ нельзя. Есть, конечно, такія

вещи, которыя можно подѣлить поровну; ну, а этого добра не подѣлишь.

— Какого такого добра, Жанета?

— Да вашу милость, сударыня.

— Меня удивляетъ, Жанета, какъ ты можешь говорить такія вещи; какъ-будто я, въ моемъ положеніи, хоть однимъ словомъ дала кому нибудь изъ нихъ право надѣяться? Сама ты знаешь, что это неправда, и грѣшно тебѣ говорить такія вещи.—И мистрисъ Гринау привела въ дѣйствіе носовой платокъ. Жанета, въ знакъ раскаянья, тоже сочла нужнымъ поднести фартухъ къ глазамъ.

— Что и говорить, сударыня, вы все время держали себя примѣрнымъ образомъ, и ужъ подлинно можно сказать, что вы мученица были.

— Это правда, Жанета.

— И не ваша вина, что джентльменамъ дурь взбрела въ голову....

— Но мнѣ прискорбно звать, что они поссорились. Сама ты знаешь, какіе они были друзья закадычныя: просто, можно сказать, души другъ въ другѣ не чаяли.

— А вотъ, когда отъ васъ выйдетъ рѣшеніе либо тому, либо другому, тогда все опять пойдетъ на ладъ.—Тутъ произошла небольшая пауза.—Мнѣ такъ думается, сударыня, что мистеру Чизсакеру вашимъ мужемъ не бывать. Оно, конечно, денегъ у него и куры не клюютъ...

— Что мнѣ въ его деньгахъ, Жанета? Я всегда буду относиться къ мистеру Чизсакеру, какъ къ доброму другу, который не оставилъ меня въ пору тяжелаго испытанія; но болѣе, чѣмъ другомъ, онъ для меня никогда не будетъ.

— Такъ, стало быть, вы предпочтете капитана, сударыня? Мнѣ и самой всегда казалось, что ужъ коли выбирать, такъ выбирать капитана. Онъ супротивъ мистера Чизсавера куда лизъ себя авантюрище будетъ.

— Да мнѣ-то оно, душа моя, все равно, ято пятый и десятый.

— Ну, а что бѣденъ онъ, такъ и по-сказать, что проку въ излишнемъ богатствѣ? Была бы только съ его стороны любовь, а денегъ у васъ и своихъ довольно.

— Говорятъ тебѣ, что онъ мнѣ все равно, что пятый и десятый, — повторила мистрисъ Гринау.

— А будто оно и всегда такъ будетъ? отважилась Жанета уже на прямой вопросъ.

— Однако, на что-жъ это похоже? Съ которыхъ это поръ служанки стали себѣ позволять допрашивать свою госпожу, разсѣвшись на стулѣ?—Ступай спать, слышишь ли? Скоро десять часовъ.

— Что же я такого дурного сказала, сударыня? спросила Жанета, вставая со стула.

— Сама я виновата, что избаловала тебя, продолжала мистрисъ Гринау.—Извольте идти внизъ и ложиться спать. На будущей недѣлѣ мы уѣзжаемъ отсюда и надо будетъ передъ укладкой пересмотрѣть весь мой гардеробъ.

Когда мистеръ Чизакеръ проснулся на слѣдующее утро, первую его мыслью была мистрисъ Гринау; съ горькимъ чувствомъ припомнилъ онъ тѣ жалкія истины, которыя она ему высказала наканунѣ. Да! теперь онъ и самъ видѣлъ ясно, что не такъ взялся за дѣло ухаживанья и твердо рѣшился избѣгать напередъ подобныхъ же приманокъ. Она поставила ему въ упрекъ, что онъ слишкомъ мало распространялся о своей любви. Что-жъ? онъ немедленно исправить эту ошибку. Она не велѣла ему черезъ каждыя пять словъ хвастаться своимъ богатствомъ,—съ этой минуты онъ о своихъ деньгахъ не заикнется. Ему и въ голову не приходило, что дѣло его въ конецъ проиграно. Сказать правду, ему порядкомъ надоѣла вся эта процедура ухаживанья, и онъ отъ души желалъ скорѣйшей развязки; но онъ вовсе не былъ расположенъ отступить отъ своихъ притязаній.—И такъ, онъ рѣшился еще разъ попытать счастья и для этого сталъ собираться въ Норвичъ. На этотъ разъ онъ не надѣлъ ни шитой рубашки на розовой подкладкѣ, ни лакированныхъ сапоговъ, столь жестоко осмѣянныхъ капитаномъ Бельфильдомъ; но, тѣмъ не менѣе, нарядъ его отличался большою изысканностью. На ноги онъ напялил кожаные яркаго цвѣта штилеты. Онъ надѣлъ новый охотничій казакинъ, изукрашенный очень вычурными пуговицами, и жилетъ съ необыкновеннымъ шитьемъ, изображавшимъ лисьи головы. Нарядъ его довершался шляпою съ низкой тульею, перчатками изъ собачей кожи и хлести-

комъ. Подкативъ къ гостиницѣ, гдѣ онъ обыкновенно останавливался въ Норвичѣ, онъ передалъ возжи содержателю гостиницы, выпилъ въ буфетѣ рюмку вишневыи и твердыми, рѣшительными шагами направился къ дому своей возлюбленной.

— Что мнѣ трусить передъ бабой? разсуждалъ онъ съ самимъ собою. Однако, проходя мимо знакомой кондитерской, онъ завернулъ въ нее и выпилъ еще рюмку вишневыи для куражу.

— Мистрисъ Гринау дома, утвердительно обратился онъ къ Жанетѣ, не удостоивая даже выразиться въ формѣ вопроса.

— Какже, сэръ, дома,—отвѣчала Жанета, разомъ смекнувъ, что тутъ затѣвается что-то рѣшительное.

Минуту спустя, онъ очутился лицомъ къ лицу съ своей богиней.

— Мистеръ Чизакеръ! васъ ли я вижу? Какъ это вы попали въ Норвичъ не въ базарный день? — Этими словами встрѣтила его вдовушка. Странное дѣло! почему бы ему не побывать въ Ноорвичѣ и по простымъ днямъ, такъ же какъ и всякому другому? Или ужъ въ самомъ дѣлѣ воображаютъ, что онъ такъ и прикованъ къ своей фермѣ? Нѣтъ, онъ долженъ показать вдовушкѣ, что она ошибочно о немъ судить.

— У. меня, мистрисъ Гринау, нѣтъ положенныхъ дней, чтобы ѣздить въ Норвичъ, отвѣчалъ онъ. Я вообще изъ тѣхъ людей, про которыхъ никто напередъ не можетъ сказать, что вотъ они сдѣлаютъ то-то и то-то; въ одномъ только смѣло можно за меня поручиться на всякое время,—это, что я плачу чистаганомъ... Но тутъ онъ вспомнилъ, что ему запрещено хвастать своими деньгами и постарался загладить свою ошибку.— Можно, пожалуй, и еще кое въ чемъ за меня поручиться, ну, да объ этомъ мы пока не станемъ говорить.

— Что-жъ вы не садитесь, мистеръ Чизакеръ?

— Покорно благодарю; съ вашего позволенія, я на минутку присяду.—Мистрисъ Гринау! Я въ такомъ ужасномъ состояніи духа, что долженъ непремѣнно выйти изъ него такъ или иначе; не то—я съ ума сойду и бѣдъ большихъ надѣлаю.

— Боже мой! что съ вами такое приключилось? Вы, если не ошибаюсь, собираетесь на охоту? проговорила мистрисъ Гринау, осматривая его нарядъ.

— Нѣтъ, мистрисъ Гринау, я не собирался на охоту. Одѣлся я такъ потому, что думать было поохотиться по дорогѣ сюда, но почему-то не могъ сдѣлать ни одного выстрѣла. Переодѣваться мнѣ не захотѣлось, вотъ я и явился къ вамъ въ этомъ нарядѣ. Коли такъ разсуждать, не все ли равно, во что одѣтъ человѣкъ?

— Дѣйствительно все равно, лишь бы онъ былъ одѣтъ прилично.

— Надѣюсь, мистрисъ Гринау, что меня въ этомъ отношеніи нельзя упрекнуть?

— Еще бы! Вы одѣваетесь не только прилично, но даже щеголевато.

— Ну, за этимъ я, мистрисъ Гринау, не гонюсь. Я люблю, правда, чтобы на мнѣ все было аккуратно. Есть люди, которые думаютъ, что ужъ коли человѣкъ обрабатываетъ свою землю, то онъ и долженъ ходить вѣчно въ грязи! Они, конечно, правы относительно тѣхъ хлѣбопашцевъ, которымъ и самимъ-то надо кормиться землею, да еще и ренту платить... Тутъ онъ вспомнилъ, что опять коснулся запрещеннаго предмета разговора, и во время остановился. — Но опять-таки повторяю: не все ли равно, что у человѣка на плечахъ, когда на сердцѣ у него кошки скребуть?

— Не знаю, мистеръ Чизакеръ, какая у васъ можетъ быть кручина, но мнѣ это состояніе духа слишкомъ хорошо знакомо съ той поры, какъ я лишился моего милаго Гринау.

Мистеръ Чизакеръ рѣшительно не зналъ, какъ ему приступить къ задуманному объясненію. Послѣднія слова безутѣшной вдовушки ни на волосъ не уменьшили затруднительность его положенія. А между тѣмъ, онъ ясно видѣлъ, что надо же договориться до чего нибудь рѣшительнаго. Пора темныхъ намековъ прошла. Не сама ли мистрисъ Гринау связала ему, что онъ долженъ побольше распространяться о своей любви? Вотъ онъ для того собственно и вишневки вынулъ, и новые штiblеты надѣлъ, чтобы смѣлѣе высказать обуревавшую его страсть. Но какъ, съ чего начать? Въ этомъ состояло для него все затрудненіе.

— Мистрисъ Гринау! воскликнулъ онъ наконецъ, вскакивая со стула:—милая мистрисъ Гринау, голубушка мистрисъ Гри-

нау, согласны ли вы быть женою... Уф! прорвалось таки наконецъ.—Все что мое, будетъ вашимъ,—подъ этимъ я, конечно, главнымъ образомъ разумѣю свою руку и сердце. О, Арабелла! вы не знаете, какъ я способенъ любить! Въ цѣломъ Норвичѣ не найдете вы другого человѣка, который былъ бы такъ способенъ любить женщину. Съ самой той поры, какъ я увидѣлъ васъ въ Ярмутѣ, я былъ самъ не свой. Спросите у моихъ домашнихъ и они скажутъ вамъ, что я былъ, какъ въ воду опущенный; даже хозяйство мнѣ опостыло. Не знаю, заглядывалъ ли я и шесть разъ въ счетную книгу съ самаго іюля мѣсяца.

— Но развѣ это моя вина, мистеръ Чизсакеръ?

— А то чья же? Куда бы я ни пошелъ, всюду мысль о васъ преслѣдуетъ меня. Я ужъ рѣшилъ: если вы не согласитесь переѣхать въ Ойлимидъ и сдѣлаться его хозяйкою, я и самъ въ немъ ни за что не останусь.

— Какъ! вы хотите покинуть Ойлимидъ?

— Хочу. Я сдамъ ферму въ аренду, а самъ отправлюсь куда нибудь путешествовать. Что мнѣ въ этомъ уголкѣ, когда избранница моего сердца не хочетъ раздѣлить его со мною! Правда, у меня тамъ все есть, что только можно купить на деньги, да не на радость всѣ эти удобства, когда любовь замѣшалась въ дѣло.—Знаете ли, что я теперь ни во что ставлю и богатство, и всю эту суету? Повѣрите ли, я уже мѣсяца три, какъ не сводилъ счета съ моимъ банкиромъ!

— Но чѣмъ же я-то могу вамъ помочь, мистеръ Чизсакеръ?

— Вамъ стоитъ сказать одно только слово: скажите, что вы согласны быть моею женою. Я просто буду васъ на рукахъ носить,—вѣрьте моему слову. А что на счетъ вашихъ денегъ, такъ я объ нихъ и не думаю. Я не то, что иные, прочіе: мнѣ вы сами по себѣ дороги. Вы до конца дней будете моею милою жонушкой, моей кралечкой.

— Нѣтъ, мистеръ Чизсакеръ, вы требуете невозможнаго.

— Но почему же невозможнаго? Послушайте, Арабелла!.. и съ этими словами мистеръ Чизсакеръ брякнулся передъ ней на колѣни. Вишневка видимымъ образомъ начинала дѣйствовать. Стать-то на колѣни было недолго, но при этомъ штроблеты его слегка затрещали. Въ пылу увлеченія, онъ этого, конечно, и не замѣтилъ; но обстоятельство это не ускользну-

до отъ мистрисъ Гринау и не на шутку смутило ея опасеніемъ: а ну, какъ онъ не въ состояніи будетъ подняться на ноги безъ ея помощи?

— Полноте, мистеръ Чизсакеръ, проговорила она, не дурачьтесь, — встаньте.

— Не встану я, пока не услышу отъ васъ, что вы согласны быть моею.

— Въ такомъ случаѣ, вамъ придется простоять на колѣняхъ всю свою жизнь, а это, согласитесь, будетъ очень неудобно. Прошу васъ, мистеръ Чизсакеръ, оставьте мою руку въ покоѣ, слышите ли?

Руку ея онъ выпустилъ, но колѣбно-преклоненную позу и не думалъ покидать.

— Что за шутовская поза, продолжала мистрисъ Гринау. Вы наконецъ меня заставите оттолкнуть васъ. Развѣ вы не слышите? кто-то идетъ.

Но мистеръ Чизсакеръ ничего не слышалъ.

— Я не встану, отвѣчалъ онъ, пока вы мнѣ не дадите позволенія надѣяться.

— И, подите вы со всѣми съ вашими глупостями. Говорятъ вамъ — вставайте. Ну вотъ, я такъ и знала...

Тутъ и Чизсакеръ разслышалъ шумъ шаговъ; онъ было началъ примѣряться, какъ ему встать съ полу, но въ эту самую минуту дверь отворилась и вошелъ капитанъ Бельфильдъ.

— Извините, заговорилъ онъ: — Жанеты мнѣ не поцалось на встрѣчу, а потому я позволилъ себѣ войти безъ доклада; если не ошибаюсь, я могу поздравить моего друга, Чизсакера, съ успѣхомъ?

Пока онъ говорилъ, мистеру Чизсакеру удалось, хотя и не безъ усилій, подняться на ноги.

— Я попрошу васъ выйти изъ комнаты, капитанъ Бельфильдъ, проговорилъ онъ. Я имѣю до мистрисъ Гринау одно крайне важное дѣло, о чемъ каждый порядочный человѣкъ на вашемъ мѣстѣ могъ бы и самъ догадаться.

— Какъ не догадаться, дружище, отвѣчалъ капитанъ Бельфильдъ. Такъ что-жъ, поздравлять васъ что ли?

— Я попрошу васъ, сэръ, выйти изъ этой комнаты, повторилъ мистеръ Чизсакеръ, наступая на него.

— Я готовъ, если мистрисъ Гринау этого делаетъ.

Мистрисъ Гринау почувствовала, что настала ей пора вмѣшаться въ дѣло.

— Господа, заговорила она, позвольте васъ попросить не затѣвать ссоръ въ моей гостиной.—Капитанъ Бельфильдъ! во избѣжаніе недоразумѣній, я должна вамъ сказать, что поза, въ которой вы застали мистера Чизакера, была принята ~~имъ~~ по собственной доброй волѣ, безъ всякаго съ моей стороны поощренія.

— Мнѣ и самому такъ казалось, мистрисъ Гринау.

— Кому какое дѣло, что вамъ казалось, сэръ? перебилъ его мистеръ Чизакеръ.

— Господа, господа, это, наконецъ, ни на что непохоже. Капитанъ Бельфильдъ! я, кажется, буду принуждена попросить васъ удалиться: Послѣ того, что случилось, я поставлена въ необходимость дать мистеру Чизакеру рѣшительный отвѣтъ.

— Конечно, конечно, отвѣчала Бельфильдъ. Я найду другой случай засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе. Быть можетъ, вы позволите мнѣ побывать у васъ вечеркомъ?

На это мистрисъ Гринау отвѣчала не совсѣмъ рѣшительнымъ наклоненіемъ головы, и капитанъ удалился. Какъ только захлопнулась за нимъ дверь, мистеръ Чизакеръ сдѣлалъ новую попытку броситься на колѣни, но этому мистрисъ Гринау положительно воспротивилась.

— Полноте, мистеръ Чизакеръ, осадила она его,—пора кончить эту комедію.

— Комедію! повторилъ онъ, прижимая руку къ сердцу и рисуясь въ своихъ штиблетахъ.

— Конечно, одно изъ двухъ: или это комедія, или недоразумѣніе. Въ послѣднемъ случаѣ, вся вина за случившееся падаетъ на меня, и я смиренно прошу у васъ прощенія.

— Но вѣдь вы, не правда ли, согласны быть моею женою?

— Нѣтъ, мистеръ Чизакеръ, мужа своего я схоронила, будетъ съ меня и одного брака.

— Чортъ побери!—воскликнулъ мистеръ Чизакеръ, взбѣшенный этимъ новымъ появленіемъ на сцену мистера Гринау. Воскличаніе его, бесспорно, грѣшило противъ правилъ вѣжливости, но даже мистрисъ Гринау не могла не почувствовать, что въ его положеніи подобная выходка извинительна.

— Разстанемся друзьями, проговорила она, протигивая ему руку.

Но онъ повернулся изъ ней спиною, чтобы скрыть пробившуюся у него слезу. Должно догадать, что онъ искренно любилъ ее, и взялъ бы ее даже и тогда, если бы ему сказали, что все ея состояніе пошло прахомъ.

— Что-жъ, вы не хотите дать мнѣ руку въ залогъ примиренія? проговорила она.

— Эхъ, подумайте прежде, чѣмъ вы провожаете меня. Право подумайте, настаивалъ онъ. Если вамъ мой образъ живни не нравится, то только скажите, все можно будетъ переменить. Я и ферму брошу, если вамъ неприятно сосѣдство скотнаго двора. Я все готовъ для васъ сдѣлать, мистрисъ Гринау! Если бы вы знали, какъ я васъ крѣпко полюбилъ!

На этомъ мѣстѣ голосъ его оборвался и выдалъ слезы, которыя онъ такъ тщательно скрывалъ.

Мистрисъ Гринау была слегка растрогана. Конечно, ни одной женщинѣ не пришло бы въ голову выйти замужъ за челоуѣка изъ-за того только, что онъ передъ ней расплакался, и мистрисъ Гринау, менѣе чѣмъ кто-либо, была способна на такую глупость; но это не мѣшало ей чувствовать къ нему со-страданіе.

— Другъ мой, заговорила она, дотрогиваясь рукою его руки:—выкиньте эту мысль изъ головы.

— Вамъ-то хорошо говорить... какъ я ее выкину изъ головы? отвѣчалъ онъ, чуть не всхлипывая.

— Полноте, полноте, продолжала она. И что нашли вы, мистеръ Чизсанеръ, въ такой старухѣ, какъ я, когда столько молодыхъ дѣвушекъ готовы Богъ знаетъ что дать за одно ваше ласковое слово.

— Ненужно мнѣ молодыхъ.

— Ну вотъ, хоть бы Чарли Ферстеръ, чѣмъ она вамъ не жена?

— Нашли кого! съ негодованіемъ восклицнулъ онъ.

— Или моя шлеминница, Кэтъ Ваваторъ, у которой есть свое маленькое состояніе, не говоря уже о ея красотѣ и талантахъ.

— Богъ съ ней совсѣмъ, мистрисъ Гринау.

— Это вы потому такъ говорите, что ни разу не взгля-

нули на дѣло съ настоящей точки зрѣнія.—Слушайте, мистеръ Чизакеръ! если я приглашу ее на будущее лѣто къ себѣ въ Ярмоутъ, общаетесь ли вы серьезно подумать объ этомъ дѣлѣ? Вамъ нужна жена, а лучшей жены вамъ не найдти, хоть изъѣдите всю Англию.

— Мистрисъ Гринау, въ настоящую минуту я ни о какой другой женщинѣ не могу думать...

— Кромѣ моей племянницы?

— Нѣтъ, кромѣ васъ самихъ. Я человѣкъ, какъ есть, убитый. Въ жизнь свою я не повѣрилъ бы, что любовь меня такъ перевернетъ. Я просто не знаю, куда дѣваться. Ну да, что толковать? Видно, надо мнѣ собираться назадъ въ Ойлимидъ. Опостылѣлъ мнѣ этотъ Ойлимидъ, на всегда опостылѣлъ.

— Это вамъ теперь только такъ кажется. Еще посмотрите, какъ весело заживете въ немъ съ моею племянницею.

— А вы тогда что будете дѣлать, мистрисъ Гринау?

— Что я буду дѣлать?

— Ну да, что вы будете дѣлать?

— Когда вы женитесь на Кэтъ? Какъ что? Я буду наѣзжать къ вамъ и гостить по цѣлымъ мѣсяцамъ; стану нянчить вашихъ ребятшекъ,—на то я и бабушка буду.

— Нѣтъ, я не на счетъ этого...

Онъ остановился въ нерѣшимости, такъ что, наконецъ, мистрисъ Гринау сама спросила у него, что онъ хочетъ сказать.

— Вѣдь вы не выйдите замужъ за этого, какъ его? — Бельфильда.

— Полноте, мистеръ Чизакеръ:—ужь это просто на просто гнусная ревность. Какое право имѣете вы допрашивать меня—пойду ли я замужъ за того или за другого? По всѣмъ вѣроятіямъ, я навсегда останусь вдовою, но я вовсе не намѣрена связывать себя какими бы то ни было обѣтами.

— Вы не знаете, мистрисъ Гринау, что это за человѣкъ; я вамъ, какъ другъ, говорю: берегитесь его. Оно, конечно, хорошо на словахъ разсуждать о томъ, что не слѣдъ человѣку, коли онъ ухаживаетъ за женщиной, слишкомъ много толковать про свои деньги; а не повѣрю я, чтобы толь какаянибудь могла быть хорошимъ мужемъ. Ну, а ужь по части лганья онъ собаку съѣлъ.

— А если такъ, то почему же вы были съ нимъ такіе пріатели?

— Г-м! почему? Потому что я глупъ былъ; понравился онъ мнѣ, должно полагать, своими бойкими, веселыми рѣчами.

— Ну, вотъ видите ли! А мнѣ вы хотите помѣшать слѣдовать вашему примѣру.

— Если вы выйдете за него замужъ, мистрисъ Гринау, я чувствую, что не одобровать ему отъ меня; вотъ вы сами увидите. Я чувствую, что стерпеть это будетъ свыше моихъ силъ. Какъ подумаю, что этотъ подлый оборванецъ можетъ слѣлаться вашимъ мужемъ!—Ну-съ, а теперь полагаю, что мнѣ всего лучше убираться отсюда.

— Конечно, если вы намѣрены такъ честить моихъ друзей.

— Хороши друзья, нечего сказать! Ну, да объ этомъ мы пока помолчимъ. Вѣдь сколько я ни говори, изъ этого толку никакого не будетъ.

— Вотъ если бы вы побольше говорили съ моей племянницей, Кэтъ Вавазоръ, то изъ этого могъ бы быть толкъ, мистеръ Чизсаверъ.

На это онъ ничего не отвѣчалъ и съ горечью въ сердцѣ отправился во свояси.

— Ну, думалъ ли я когда нибудь, что меня такъ скрутить любовь? воскликнулъ онъ про себя, ложась въ тотъ вечеръ въ постель.

Когда капитанъ Бельфильдъ, вѣрный своему слову, явился въ этотъ вечеръ на квартиру мистрисъ Гринау, его не приняли. Жанета объявила, что у госпожи ея болитъ голова и она не можетъ къ нему выйти.

ГЛАВА VIII.

Въ первыхъ числахъ апрѣля, лэди Монкъ давала большой балъ. Городекой домъ лэди Монкъ былъ настоящій дворецъ, и балы ея славились въ цѣломъ Лондонѣ. Обыкновенно она давала ихъ по-два или по-три каждый сезонъ, и значительную часть своего времени тратила на приготовленія къ этимъ торжествамъ. Они составляли ея специальность, а потому неу-

дача въ такомъ важномъ дѣлѣ была бы для нея крайне прискорбна. Но неудачи были ей почти неизвѣстны. Она умѣла выбирать такіе дни, когда не предвидѣлось ни интересныхъ преній въ парламентѣ, ни другихъ какихъ либо событій въ великосвѣтскихъ кружкахъ, которыя грозили бы отвлечь посѣтителей отъ ея бала.

Всѣми было признано, что ѣздить на балы лэди Монкъ—составляетъ одинъ изъ признаковъ порядочности. Въ числѣ ея посѣтителей были такіе, которые неизбѣжно приглашались каждый разъ, какъ она давала балъ, и точно такъ же неизбѣжно являлись на приглашеніе. Люди эти вовсе не стояли на особенно короткой ногѣ ни съ ней, ни съ ея мужемъ, но ихъ всюду принимали и они преклонялись передъ этимъ фактомъ. Были и такіе посѣтители, которыхъ она звала изрѣдка, для того только, чтобы отъ нихъ какъ нибудь отдѣлаться и не быть принужденной приглашать ихъ въ другой разъ. Въ этотъ разрядъ входили люди, имѣвшіе, быть можетъ, самыя законныя права на ея гостепрѣимство, старинные друзья ея мужа, молоденькія дѣвушки, любившія отъ души повеселиться, почтенныя матроны, знававшія всю родню лэди Монкъ. Наконецъ, третій разрядъ состоялъ изъ людей, которые сами всячески домогались чести получить отъ ея сіятельства пригласительный билетъ. Противъ этого-то лэди Монкъ вела постоянную войну; дай она имъ поблажку, они наводнили бы ея гостиную—и тогда прощай репутація ея баловъ! Но, тѣмъ не менѣе, ей и въ голову не приходило всѣмъ имъ поголовно запереть двери своего дома; она знала, что безъ уступокъ дѣло не обойдется, но старалась, по возможности, ограничить количество этихъ уступокъ. Такъ, когда одинъ изъ фактотумовъ ея по этимъ дѣламъ объявилъ ей, что мистеръ Ботъ домогается приглашенія, она было на отрѣзъ отказалась принять его. Тщетно выставляли ей на видъ, что герцогиня Сентъ-Бонгай этого желаетъ; она только презрительно усмѣхнулась. Но когда ей сказали, что этого желаетъ мистеръ Паллизеръ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, не прѣдетъ самъ, если не будетъ приглашенъ мистеръ Ботъ, то она уступила. Для нея особенно важно было, чтобы лэди Гленкора явилась на ея праздникъ, а она знала, что безъ мужа лэди Гленкора не поѣдетъ.

— Борго, обратилась она однажды утромъ къ своему племяннику, послушай-ка, что я тебѣ скажу!

— Борго въ это время гостилъ въ домѣ своей тетки, къ великой досадѣ сэра Казмо, которому племянничекъ успѣлъ до смерти надобѣсть. Между теткой и племянникомъ происходили за послѣднее время долгіе разговоры съ глазу на глазъ, и они, повидному, начали лучше понимать другъ друга, чѣмъ въ Моншэдѣ. Лэди Монкъ передала Борго коротенькую записочку, и когда тотъ пробѣжалъ ее, замѣтила:

— Какъ видишь, она не боится пріѣхать.

— А мнѣ такъ кажется, возразилъ Борго, что она всему этому дѣлу не придаетъ большой важности.

— Если бы дѣйствительно таково было твое убѣжденіе, то ужъ лучше бы съ твоей стороны было бросить это дѣло. Одно только и можетъ служить тебѣ оправданіемъ: это глубокая увѣренность въ ея привязанности къ тебѣ.

Борго уставился въ каминъ почти съ свирѣпымъ выраженіемъ на лицѣ; тетка, между тѣмъ, слѣдила за нимъ пытливымъ взглядомъ.—Ну что-жь, проговорила она, если ужъ на то пошло,—можно и бросить это дѣло.

— Мнѣ, какъ видно, одинъ конецъ — повѣситься, проговорилъ онъ.

— Если ты намѣренъ говорить такой вздоръ, Борго, то лучше и не показывайся мнѣ на глаза. Я дѣлаю все, что могу, чтобы поправить твою первую неудачу, но если ты будешь такъ глупо держать себя, то я на все махну рукой.

— И прекрасно сдѣлаете.

— Или ты начинаешь трусить? Ужь этого-то, при всѣхъ твоихъ недостаткахъ, я бы отъ тебя никакъ не ожидала.

— Нѣтъ, я не трусь. Я хоть завтра готовъ вызвать его на дуэль и драться, на какихъ угодно условіяхъ.

— Полно, Борго, вѣдь ты самъ знаешь, что говоришь пустяки. Ну, кто нынче дерется? Да и вообще, слыханное ли дѣло—вызывать человека на дуэль изъ-за того только, что тебѣ хочется отнять у него жену? Еще хоть бы ты ее, по крайней мѣрѣ, и впрямь у него отнялъ.

— Легко сказать.—отнялъ! За мной бы дѣло не стало, если бы я только зналъ, какъ взяться. Никто не скажетъ про меня, чтобы я былъ трусь.

— Но полагаю, что многое тутъ и отъ нея зависить?

— То есть вы хотите знать, любить ли она меня? — Думаю, что да.

— Слушай, Борго: во всей этой исторіи, по моему мнѣнію, если кто былъ обиженъ, такъ это ты. Послѣ всего, что произошло между вами, казалось бы, что ты былъ въ правѣ считать лэди Гленкору своею женою. Мистеръ Паллизеръ по моему поступилъ крайне предосудительно, отбивъ у тебя такую выгодную партію. Съ его стороны, было бы смѣшно и требовать, чтобы жена послѣ всего этого любила его. — Ты знаешь, я сама терпѣть не могу, чтобы замужнія женщины позволяли себѣ какія бы то ни было вольности. Когда лэди Мадлейпъ Мадлинъ разошлась съ своимъ мужемъ, — я же первая отъязала ей отъ дома, хотя и была убѣждена, что мужъ обходится съ ней изъ рукъ вонъ грубо, и что всѣ эти толки про ея отношенія къ полковнику Грагаму были не болѣе, какъ пустая сплетня. Я того мнѣнія, что въ этихъ вещахъ излишняя строгость никогда не мѣшаетъ. Но въ настоящемъ случаѣ совсѣмъ другое дѣло; я всегда буду смотрѣть на замужество лэди Мленворы съ мистеромъ Паллизеромъ, какъ на трагическій эпизодъ въ ея жизни. Бѣдняжка! Ее отдали замужъ точь въ точь, какъ въ католическихъ странахъ молоденькихъ дѣвушекъ запираютъ въ монастырь. И точно такъ же, какъ я не задумала бы помочь монахинѣ бѣжать изъ монастыря, такъ и теперь совѣсть моя совершенно спокойно относительно моего участія въ этомъ дѣлѣ. Если тебѣ нужно передать ей что нибудь, то на балу это всего удобнѣе будетъ сдѣлать.

Борго по прежнему глядѣлъ на Робонъ, вылавливъ въ каминѣ и не отвѣчалъ ни слова.

— Совѣтую тебѣ, Борго, подумать о томъ, что я сказала, предостерегая лэди Монъ, давая ему этимъ знать, что аудіенція кончилась. Но онъ не трогался съ мѣста.

— Быть можетъ, ты еще что нибудь желалъ бы мнѣ сказать? — спросила она.

— У меня денегъ нѣтъ, проговорилъ онъ, не сводя глазъ съ камина.

— У тебя вѣрно денегъ нѣтъ, замѣтила она почти огнѣнно.

— Да я-то чѣмъ же виновать? Дѣлать я ихъ не умѣю. Будь у меня хоть двѣсти фунтовъ, съ которыми бы я могъ извернуться на первое время, я бѣжалъ бы съ нею, и думаю, что она охотно бы за мною послѣдовала. Если бы она тогда пріѣхала въ Монкшэдъ, все дѣло было бы давнымъ давно улажено.

— Я не могу тебѣ помочь, Борго. У меня нѣтъ и пяти фунтовъ, которыми я могла бы располагать, какъ своими.

— Но у васъ есть...

— Что у меня есть? Говори! воскликнула лэди Монкъ.

— Не дастъ ли мнѣ Казмо взаймы? проговорилъ онъ рѣшительнымъ голосомъ.

Этотъ Казмо былъ не дядя его, а двоюродный братъ. Что касалось перваго, то никакія убѣжденія въ мірѣ не заставили бы его снова раскошелиться для племянника. Но у него былъ сынъ, имѣвшій свое собственное хорошее состояніе; на этого сына Борго и рассчитывалъ, какъ на непочатый еще денежный источникъ.

— Не знаю, проговорила лэди Монкъ:—мы съ нимъ не видимся. Но думаю, что врядъ ли.

— Въ такомъ случаѣ, дѣло плохо. И какъ подумать, что человѣкъ долженъ погибнуть изъ-за того только, что у него въ критическую минуту не оказалось въ рукахъ какихъ нибудь двухсотъ фунтовъ!—Тетушка, продолжалъ Борго, отважно хватаясь за послѣднее средство, у васъ есть брилліанты: не достанете ли вы мнѣ денегъ подъ залогъ ихъ? Ручаюсь вамъ, я бы выкупилъ ихъ при первыхъ же деньгахъ.

Грозно поднялась лэди Монкъ съ своего мѣста, услышавъ подобное предложеніе, но свиданье между теткой и племянникомъ таки кончилось тѣмъ, что она обѣщала ему какъ нибудь извернуться, чтобы достать ему денегъ. Не даромъ же онъ былъ ея любимецъ; съ роднымъ своимъ сыномъ она была въ ссорѣ, съ дочерью почти никогда не видалась; весь скудный запасъ любви, который вмѣщало ея сердце, сосредоточился на Борго. И такъ, она обѣщала достать ему денегъ, хотя и знала, что для этого ей придется пуститься на какую нибудь безсовѣстную выдумку передъ мужемъ.

Въ это же утро лэди Гленкора отправилась въ улицу Ко-

ролевы Анны съ дѣлью уговорить Алису ѣхать на балъ лэди Моукъ; но Алиса объ этомъ и слышать не хотѣла.

— Какъ же я поѣду, когда я съ ней незнакома? отвѣчала она на убѣжденія лэди Гленнора.

— Такъ что-жь изъ этого? Половина людей, которые тамъ будутъ, незнакома съ нею.

— Но они вращаются въ томъ же кругу, какъ и она, они знакома между собою; а я буду только вамъ въ тягость безъ малѣйшаго удовольствія для себя самой.—И что это вамъ вдругъ пришла такая охота?

— Мистеръ Фицджеральдъ будетъ тамъ, проговорила лэди Гленнора измѣнившимся голосомъ. Я знаю, что онъ тамъ будетъ, хотя мнѣ и никто не поворилъ.

— Тѣмъ болѣе причинъ вамъ остаться дома, медленно проговорила Алиса. Меня же это отнюдь не можетъ прельстить.

Лэди Гленворъ почему-то неловко было прямо высказать своему другу, что она ищетъ въ ней защиты отъ себя самой; но дорого бы она дала, чтобы Алиса поняла намекъ, скрытый въ ея словахъ. — А я было думала, что вы поѣдете со мною, проговорила она.

— Это было бы прямо противъ всѣхъ моихъ правилъ, отвѣчала Алиса. Я терпѣть не могу ѣздить въ домъ въ незнакомымъ людямъ. Лучше и не просите меня.

— Ну, что-жь дѣлать! Если вы не хотите, то я и настаивать не буду.—За минуту передъ тѣмъ, лэди Гленнора было сдѣлала движеніе, чтобы достать письмо, все еще лежавшее у нея въ карманѣ; но при послѣднихъ, холодныхъ словахъ Алисы она оставила это намѣреніе.

— Что-жь, продолжала она съ тѣмъ отпѣнкомъ ребяческаго комизма, вторымъ такъ мило владѣла, — авось онъ меня не укуситъ.

— Конечно, онъ васъ не укуситъ, если вы сами ему не поддадитесь.

— Знаете ли, Алиса, хоть и всѣ говорятъ, что Плантэгетъ одинъ изъ умнѣйшихъ людей въ цѣломъ Лондонѣ, мнѣ порой кажется, что онъ величайшій изъ клупцовъ. Вскорѣ послѣ того, какъ мы переѣхали жъ Лондонъ, я сказала ему, что, по моему, лучше бы было не ѣздить намъ въ домъ въ

этой женщи́нѣ. И что же бы вы думали! онъ отвѣчалъ мнѣ на это?—Онъ отвѣчалъ, что терпѣть не можетъ никакихъ эксцентричностей и что не видитъ причины, почему бы его женѣ не ѣздить въ лѣди Монкъ точно такъ же, какъ и во всякій другой дождь. И мало того, что онъ настаиваетъ, чтобы я ѣхала, онъ еще навязываетъ мнѣ мою дуэнну. Милѣйшая мистрисъ Маршамъ тоже тамъ будетъ.

— Отъ этого вамъ, полагаю, ни тепло, ни холодно.

— Не совсѣмъ-то такъ. Во-первыхъ, что за удовольствіе знать, что за вами вѣчно слѣдитъ полисмэнъ, ни дать, ни взять, точно вы уличный воришка. И потомъ, во мнѣ сидитъ бѣсенокъ, который подбиваетъ меня надуть полисмэна; я понимаю, что женщина можетъ пуститься во всѣ нелегія, ради одного удовольстія доказать своему полисмэну, что она похитрѣ его будетъ.

— Если бы вы знали, Гленкора, какъ мнѣ больно слушать отъ васъ такія рѣчи.

— Такъ согласитесь же ѣхать со мною, тогда у меня, по крайней мѣрѣ, будетъ такой полисмэнъ, котораго я сама себѣ выбрала. Скажите, что вы поѣдете.

Алиса колебалась.

— Ради Бога, скажите! и въ голосѣ ея звучала такая убѣдительная просьба, что грѣшно было Алисѣ упорствовать въ своемъ отказѣ.

— Такіе выѣзды слишкомъ идутъ въ разрѣзъ съ цѣлымъ складомъ моей жизни. Къ тому же, Гленкора, у меня и самой невесело на душѣ, и не до баговъ мнѣ въ настоящую минуту. Еще я могла бы себя принудить, если бы дѣйствительно не была убѣждена...

— Ну, да хорошо-хорошо, не будемъ объ этомъ больше говорить. Я и одна какънибудь справлюсь. Если онъ пригласитъ меня танцовать, то я пойду съ нимъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Обѣщаетесь ли вы, по крайней мѣрѣ, приѣхать ко мнѣ на другое утро послѣ бала? проговорила леди Гленкора, уходя.— Алиса обѣщалась, и пріятельницы разстались.

Оставшись одна, Алиса почувствовала горькое раскаянье въ томъ, что поддалась себялюбивому побужденію и упустила

тила случай спасти, быть может, лэди Гленкору отъ дѣйствительной опасности. Но раскаянье пришло слишкомъ поздно; для успокоенія своего, она остановилась на той мысли, что случайная встрѣча на балу не можетъ имѣть такихъ серьезныхъ послѣдствій, какъ нѣсколько дней, проведенныхъ вмѣстѣ въ деревнѣ.

(Продолженіе будетъ).

ПЕРЕЛОМЪ ВЪ УМСТВЕННОЙ ЖИЗНИ СРЕДНЕ- ВѢКОВОЙ ЕВРОПЫ.

IX.

Въ XIII столѣтїи блаженный Рихальмъ, аббатъ шентальскаго монастыря, написалъ очень любопытное изслѣдованіе «о козняхъ и коварствахъ демоновъ противъ людей». Книга Рихальма была выпущена въ свѣтъ послѣ смерти автора и разошлась во многихъ спискахъ по тогдашнимъ монастырямъ. Издатель этой книги—монахъ, которому Рихальмъ диктовалъ результаты своихъ наблюденій,—зналъ хорошо умственные потребности своихъ будущихъ читателей и умѣлъ оцѣнить высокія достоинства издаваемого сочиненія. «Это очень печальное обстоятельство,—говоритъ издатель въ предисловіи къ труду Рихальма,—что мы не знаемъ ничего или знаемъ такъ мало подробностей о продѣлкахъ нашихъ невидимыхъ враговъ. Я хочу теперь обнародовать открытія аббата, который занимался въ теченіе всей своей жизни наблюденіями надъ демонами, который ихъ видѣлъ и слышалъ, который зналъ всѣ ихъ ухищренія.» Аббатъ Рихальмъ занимался своимъ дѣломъ, какъ добросовѣстный ученый изслѣдователь, и умѣлъ съ замѣчательною ясностью передавать свои наблюденія читателямъ. «Думаютъ вообще, пишетъ онъ, что каждый человѣкъ искушается и терзается демономъ. Это—грубое заблужденіе. Вообразите себѣ, что вы погружены въ воду совсѣмъ съ головою. Вода давитъ васъ сверху, давитъ снизу, давитъ справа и слѣва: вотъ наглядное изображеніе зловредныхъ духовъ, которые окружаютъ и смущаютъ васъ со всѣхъ сторонъ; они безчисленны, какъ пылинки, носящіяся въ солнечномъ лучѣ, и даже еще безчисленнѣе; воздухъ—ничто иное, какъ туча демоновъ». — «Человѣкъ, продолжаетъ нашъ изслѣдователь, не можетъ ни говорить, ни думать, ни дѣйствовать безъ того, чтобы его не искуша-

ли черти. Они привязаны къ намъ такъ тѣсно, что почти отождествляются съ нами; ихъ тѣло простирается надъ нашимъ тѣломъ, оно впитывается въ наше тѣло, оно сливается съ нашимъ тѣломъ; вотъ почему они говорятъ нашими устами и дѣйствуютъ нашими членами.» Послѣ этого ясно, что самыя простыя отправленія нашей физической жизни оказываются продуктами дьявольскаго коварства. Такъ, на примѣръ, кашель есть голосъ одного демона, призывающаго къ себѣ на помощь своихъ товарищей». Высказавъ эту новую истину, Рихальмъ самъ дивится своему открытію. «Кто бы могъ это подумать!» восклицаетъ онъ. Почтенный аббатъ боится даже, что читатели примутъ его не за дурака, а за чародѣя.—Само собою разумѣется, что всѣ мельчайшія проявленія зла составляютъ проказы неутомимыхъ чертей. «Укушенія блохъ и вшей, говоритъ аббатъ, производятся демонами. Если бы кто нибудь сказалъ мнѣ прежде такую штуку, я бы назвалъ его полоумнымъ; но теперь я знаю это навѣрное, по моему собственному долготѣльному опыту.» Черти искушаютъ и тиранятъ всѣхъ людей, но, по своему неисчерпаемому коварству, они привязываются съ особеннымъ ожесточеніемъ къ тѣмъ избраннымъ личностямъ католическаго міра, которыя стремятся достигнуть нравственнаго совершенства. Разумѣется, монахи терпятъ отъ демоновъ больше, чѣмъ міряне. Въ монастыряхъ ухищренія дьявольскія нѣтъ числа. Ночью демоны мѣшаютъ спать монахамъ для того, чтобы монахи спали днемъ, когда надо работать или молиться. Когда монастырскій колоколъ призываетъ монаховъ въ церковь, тогда всѣ черти поднимаютъ величайшую возню и тревогу; всѣ черти собираются въ кучу, и самые ретивые подзадориваютъ лѣнливыхъ и вялыхъ. «Что вы, чароѣды, здѣсь дѣлаете? зачѣмъ вы не идете въ церковь? Бѣгите, чторонитесь, не мѣшайте!» Тогда они врываются въ капеллу, вельдъ за монахами, и пѣлая армія бѣсовъ бросается тотчасъ въ глаза аббату, такъ что тотъ поневолѣ смыкаетъ отяжелѣвшія вѣки. Въ это время другіе лиходѣи создаютъ искусственный мракъ, и бѣдный аббатъ уносится въ царство сновидѣній. А когда спитъ аббатъ, тогда ужъ о простыхъ монахахъ нечего и спрашивать: вся церковь наполняется ихъ храпѣніемъ, и бѣсы торжествуютъ побѣду.—Рихальмъ много разъ испыталъ на самомъ себѣ, что черти терпѣть не могутъ душеспасительныхъ книгъ; какъ только Рихальмъ принимался за душеспасительное чтеніе, черти тотчасъ заставляли его зѣвать и мареняли на него глубокій сонъ; но Рихальмъ, какъ человѣкъ опытный, умѣлъ обороняться противъ ихъ коварства искусственнымъ мѣрами; онъ обнажалъ свою руку, чтобы холодъ отгонялъ отъ него сонъ; тогда черти

производили въ второй руки невмоясанный зудъ, подобный укушению многихъ блохъ; Рикальмъ убиралъ руку подъ расу; рука согреваема, и тогда уже не оставалось никакой возможности бодрствовать и читать; аббатъ закрывалъ глаза, сознавая свое человеческое безсиліе и неутомимость нравескихъ козней.—Работа также не нравилась дьяволу; когда монахи трудятся, черти стѣсняютъ ихъ дыханіе или бросаются въ нимъ на ноги и на руки и, такимъ образомъ, ежесекундно возбуждаютъ въ нихъ желаніе опонить отъ трудовъ. Когда, однажды, Рикальмъ, вмѣстѣ съ монахами, носилъ камни въ монастырскомъ саду для построенія оградъ, одинъ изъ мѣстныхъ чертей сталъ декламировать возмусеяншія стихи Гоція, прославлявшіе прелести празднои и изнѣженной жизни. «Кто это сказалъ, прибавилъ исуситель, тотъ былъ человекъ ослеплый. Вамъ бы слѣдовало устроить себѣ жизнь по примѣру Гоція; невозможно долго выдержать тяжелую работу, къ которой васъ приневоливаютъ.»—Когда монахи садятся за столъ, черти дѣлаютъ имъ всякія пакости; иной разъ они отнимаютъ у монаховъ аппетитъ, чтобы довести ихъ до разслабленія; чаще всего, они заставляютъ ихъ ѣсть такъ много, что у нихъ раздувается животъ и начинается тошнота. Когда, въ большіе праздники, подается къ столу короее вино, тогда прибѣгаютъ стаи чертей и канавляютъ монаховъ до положенія ризъ. А когда монаху необходимо пить вино, тогда тѣ же черти внушаютъ ему къ вину непобѣдимое отвращеніе. Такое несчастіе испыталъ на себѣ самъ Рикальмъ, которому вино было необходимо для поддержанія здоровья.—Вся наука Рикальма основана на непосредственномъ наблюденіи; онъ говорилъ съ демонами, слышалъ ихъ рѣчи и проникалъ во всѣ тайны ихъ разговоровъ и злоумышленій. Въ своей способности слышать и понимать языкъ чертей, недоступный для большинства смертныхъ, аббатъ шентальскій видѣлъ проявленіе особеннаго вдохновенія. Онъ боялся, что этотъ даръ возбудитъ въ душѣ его пагубную гордость, и, во избѣжаніе этого зла, распорядился такъ, что его изслѣдованіе осталось неизданнымъ до самой его смерти. Опасенія скромнаго Рикальма были основательны: твореніе опытнаго демонолога вошло въ славу, и монахи XIII вѣка выразили о немъ ту мысль, что оно «должно сдѣлаться настольною книгою для философовъ, теологовъ и аскетовъ». Въ этомъ сужденіи нѣтъ ничего удивительнаго. Величайшіе средневѣковные мыслители, Альбертъ Бельскій, Рожеръ Беконъ, Фома Аквинскій, Бонавентура, Негръ Достопочтенный, Жерсонъ, все безъ исключенія, по всѣмъ правиламъ аристотелевской логики, съ величайшею добросовѣстностью

ломали себѣ головы надъ мудренными и очень спеціальными вопросами, касавшимися до нечистой силы и до ея разнообразных сношеній съ людьми. Аристотелевская логика давала этимъ людямъ возможность вводить въ свое изслѣдованіе тончайшія подраздѣленія и разграниченія понятій; но никакая логика въ мірѣ не можетъ отвѣтить ни да, ни нѣтъ на вопросъ о томъ: соотвѣтствуютъ ли разбираемымъ понятіямъ какія нибудь явленія живой дѣйствительности? Логика помогала средневѣковымъ философамъ превосходно анализировать галлюцинаціи; логика выводила изъ этихъ галлюцинацій все, что можно было изъ нихъ вывести; но такъ какъ исходная точка всего изслѣдованія была выбрана неудачно, то и заключенія оказывались чрезвычайно странными и дикими даже у такихъ людей, которые были гораздо умнѣ простодушнаго Рихальма. Лютеръ считается великимъ историческимъ дѣятелемъ, и его дѣйствительно невозможно выкинуть изъ исторіи человѣческаго ума, а между тѣмъ, этотъ самый Лютеръ имѣлъ несчастье неоднократно видѣть чорта собственными глазами и пускать ему въ фізіономію собственную чернильницу. Лютеръ утверждалъ не хуже Рихальма, что хлѣбъ, который мы ѣдимъ, вода, которую мы пьемъ, воздухъ, которымъ мы дышемъ, платье, которое мы носимъ, словомъ, все, что составляетъ нашу жизнь, — принадлежитъ дьяволу и безчисленнымъ его бѣсенятамъ. Онъ былъ твердо увѣренъ въ томъ, что всѣ наши болѣзни производятся лукавыми продѣлками чертей, и что, на этомъ основаніи, люди должны лечиться не лекарствами, а психическими средствами. — Пока человѣческій умъ усиливался проникнуть въ ту высшую и таинственную область, которая навсегда останется для него недоступною, — до тѣхъ поръ лучшія умственные силы гениальныхъ мыслителей тратились постоянно на собираніе и комментированіе разныхъ галлюцинацій, подобныхъ изслѣдованіямъ аббата Рихальма. Люди хотѣли понять то, что само по себѣ непостижимо, и, расслабляя свой умъ въ этой непосильной и невозможной работѣ, теряли способность отличать истину отъ нелѣпости и дѣйствительность отъ горячечнаго бреда. Романтики и реакціонеры западной Европы стараются увѣрить всѣхъ и каждого въ томъ, что средніе вѣка были золотымъ временемъ истиннаго благочестія. Эти господа морочатъ себя и свою довѣрчивую публику. На самомъ дѣлѣ, въ средневѣковой жизни не было ни настоящей религіи, ни настоящей науки, а была какал-то очень безобразная смѣсь тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ, при благопріятныхъ условіяхъ, можетъ выработаться то и другое. Область, религіи, въ которой должно господствовать чувство, была загромаждена

нелѣпыми тонкостями схоластической діалектики. Монахи и священники католической Европы диспутировали о догматѣ вмѣсто того, чтобы проводить въ жизнь истину религіознаго ученія. Область чистаго знанія была завалена неразрѣшимыми вопросами и фантастическими представленіями. Средневѣковое ученье, то есть тѣ же монахи и священники, диспутировали о высокихъ матеріяхъ вмѣсто того, чтобы скромно изучать видимыя явленія. Для умственнаго и нравственнаго совершенствованія человѣчества, для спасенія европейскихъ мозговъ отъ галлюцинацій аббата Рихальма было необходимо отдѣлить навсегда область положительнаго знанія отъ области схоластическихъ умствованій, сосредоточныхъ въ католическихъ монастыряхъ.—Въ этой статьѣ я постараюсь показать въ общихъ чертахъ, какимъ образомъ и при какихъ условіяхъ совершилось это необходимое размежеваніе двухъ существенно различныхъ отраслей человѣческой дѣятельности.

X.

Начиная съ XII-го вѣка, а быть можетъ и гораздо раньше, мы замѣчаемъ постоянно возрастающій разладъ между клириками и мірянами, между католическою церковью и гражданскимъ обществомъ. Свѣтская власть ведетъ ожесточенную борьбу противъ іерархіи и наконецъ, въ началѣ XIV столѣтія, одерживаетъ надъ нею рѣшительную побѣду. Представители католицизма уступаютъ неодолимому напору физической силы, но въ теоріи продолжаютъ поддерживать свои притязанія во всей ихъ средневѣковой неумѣренности. Папы XIV столѣтія живутъ въ Авиньонѣ и чувствуютъ на себѣ всю тяжесть французскаго вліянія, но въ то же время они всѣми силами стараются утѣрить себя и другихъ, что они по прежнему расплачуютъ судьбою царей и народовъ, казня и милуя по своему благоусмотрѣнію всѣхъ сильныхъ и великихъ міра. Папы этого періода рассылаютъ свои буллы во всѣ концы католической Европы, боясь, повидимому, что, безъ этой предосторожности, ихъ лекомысленная паства совсѣмъ забудетъ о ихъ существованіи. Шумная литературная дѣятельность авиньонскихъ папъниковъ, общирность ихъ претензій, совершенно не соответствующая размѣрамъ ихъ наличныхъ силъ,—возбуждаетъ въ дегадливыхъ католикахъ насмѣшливое презрѣніе, котораго они даже вовсе не желаютъ скрывать. Странствующие рыцари XIV вѣка, при удобномъ случаѣ, совершенно безпристрастно грабятъ самого папу

наравнѣ со всѣми остальными смертными. «По дорогѣ въ Испанію, говоритъ Шлоссеръ, Бертранъ провелъ свои дикія орды черезъ Авиньонъ и другія мѣстности южной Франціи, чтобы доставить имъ случай поживиться на счетъ тамошняго населенія и папы. Въмѣсто потребованной ими огромной суммы денегъ, Урбанъ V предложилъ имъ разрѣшеніе церкви грабить, жечь и убивать; но хищники насмѣшливо отвѣтили ему, что безъ его разрѣшенія они обойдутся, а безъ денегъ никакъ. Папа былъ вынужденъ уплатить имъ двѣсти тысячъ золотыхъ флориновъ и вознаградилъ себя за этотъ убытокъ налогомъ на французское духовенство» (Т. VIII. стр. 393). Но если папа былъ безсиленъ и беззащитенъ, то и вся масса католическаго духовенства находилась въ такомъ же печальномъ положеніи. Свѣтская власть, въ лицѣ всѣхъ своихъ крупныхъ и мелкихъ представителей, непремѣнно хотѣла сравнять права клириковъ съ правами мірянъ, а клирикп, разумѣется, считали это неслыханное стремленіе такой тяжкой обидой, послѣ которой и на свѣтѣ жить не стоитъ. Набравши себѣ несмѣтное количество земель и капиталовъ, епископы и аббаты очень убѣдительно доказывали королямъ, баронамъ и юристамъ, что религія строго запрещаетъ духовенству платить подати, налагаемыя свѣтскою властью. Это не наше имущество, говорили клирики; это все принадлежитъ нищимъ и убогимъ, вдовицамъ и сиротамъ. Смѣемъ ли мы расхищать на суетныя предпріятія воинственныхъ и жестокихъ правителей то, что вручено намъ для облегченія челоуѣческихъ страданій? — На эту аргументацію, подкрѣпленную почтеннымъ количествомъ почтенныхъ цитатъ, короли и бароны отвѣчали обыкновенно насильственнымъ захватываніемъ того, чего имъ не давали добровольно. Народъ обыкновенно глубоко сочувствовалъ этому насилію, и, надо сказать правду, свѣтская власть была поставлена всѣмъ теченіемъ прежнихъ историческихъ событій въ такое безвыходное положеніе, при которомъ насиліе было безусловно необходимо. Клерикалы, пользуясь невѣжествомъ и суевѣріемъ мірянъ, дѣйствуя своими увѣщаніями на полоумныхъ стариковъ или на слабыхъ женщинъ въ теченіи многихъ вѣковъ, успѣли добыть въ свою пользу громадную массу завѣщаній и дарственныхъ записей. Приобрѣтая постоянно, они никогда не выпускали и не могли выпустить законнымъ путемъ изъ своихъ рукъ ни одного клочка земли. Что попадало въ церковь, то оставалось на вѣчныя времена церковнымъ достояніемъ. Личности умирають, фамиліи и династіи исчезаютъ безъ слѣда, но корпораціи безсмертны. Если бы короли и бароны не выжимали иногда силу то, что было за-

хвачено въ пользу церкви хитростью, то духовенство сдѣлалось бы наконецъ единственнымъ собственникомъ, владѣтелемъ всей западной Европы; а мірянамъ, всѣмъ безъ исключенія, пришлось бы превратиться въ тѣхъ нищихъ, которымъ католическіе монахи раздають, утромъ и вечеромъ, у монастырскихъ воротъ, даровыя порціи супа и хлѣба. Народу вовсе не нравилась подобная перспектива, и поэтому народъ очень добросовѣстно поддерживалъ правительство, когда оно, нуждаясь до зарѣзу въ деньгахъ, принималось выжимать сокъ изъ зажиточныхъ монсиньоровъ. Такія выжиманія облакались иногда въ очень оригинальныя формы. Въ 1218 году правитель или *подеста* итальянскаго города Фано потребовалъ отъ мѣстнаго епископа, чтобы онъ, пользуясь безопасностью за городскими стѣнами, вносилъ извѣстную сумму денегъ на ремонтъ этихъ спасительныхъ стѣнъ. Епископъ, разумѣется, поддерживалъ достоинство своего званія, то есть, отказался на отрѣзъ и разразился приличнымъ количествомъ цитатъ и аргументовъ. Но *подестѣ* хотѣлось получить деньги, а не проповѣдь. Чтобы смягчить сердце и развязать кошелекъ его преподобія, *подеста* запретилъ всѣмъ городскимъ обывателямъ продавать епископу съѣстные припасы, и нечестивые итальянцы выполнили эту инструкцію съ тапкомъ неподдѣльнымъ усердіемъ и съ такою буквальною точностью, что почтенный прелать, скрежеща зубами, принужденъ былъ дорогою цѣною откупиться отъ голодной смерти. Маневръ итальянскаго *подесты* повторился, съ нѣкоторыми усовершенствованіями, во Франціи.

Въ 1259 году, графъ ангулемскій отлучилъ отъ гражданскаго общества все духовенство своего города. Онъ запретилъ всѣмъ горожанамъ вступать съ клириками въ какія бы то ни было торговныя сношенія; кромѣ того, онъ запретилъ клирикамъ пользоваться водою городскихъ фонтановъ и колодцовъ. Разумѣется, никакая полиція въ мірѣ не могла бы услѣдить за точнымъ исполненіемъ этихъ удивительныхъ предписаній. Но сами горожане сочувствовали распоряженіямъ грознаго феодала, и духовенству пришлось такъ круто, что оно, гонимое голодомъ и жаждою, принуждено было выселиться изъ Ангулема.

Отказываясь платить налоги, клирики не хотѣли также подчиняться дѣйствию общихъ уголовныхъ законовъ. У нихъ былъ свой собственный судъ, при которомъ они могли безбоязненно нарушать всѣ права остальныхъ гражданъ. Папа Целестинъ III, царствовавшій въ самомъ концѣ XII вѣка, установилъ для духовенства слѣдующую таксу наказаній: за воровство или убійство

клиричь лишается духовнаго званія; за вторичное преступленіе его отлучаютъ отъ церкви; за третье — его поражаютъ самымъ тяжкимъ проклятіемъ; наконецъ, за четвертое — несправедливаго и законсѣлаго грѣшника предають въ руки свѣтскаго правосудія, которое, разумѣется, немедленно исправляетъ виновнаго висѣлицею, колесомъ или казнями нибудь другими, столь же назидательными средствами.

Такимъ образомъ, глава католической церкви торжественно объявлялъ *три раза* укрывать своихъ преступныхъ подчиненныхъ отъ преслѣдованій свѣтскихъ трибуналовъ; только третье убійство уравнивало клирика съ простыми смертными, и только четвертое подводило его подъ общій уголовный законъ. Португальскій король донъ-Педро Правосудный нагляднымъ образомъ показалъ неудовлетворительность этого церковнаго постановленія. Одинъ португальскій священникъ совершилъ убійство; за это церковный судья отнялъ у него священство. Педро велѣлъ одному каменщику убить разжалованнаго преступника и, вслѣдъ затѣмъ, за сдѣланное убійство отнялъ у этого каменщика право тесать камни. Духовенству вовсе не понравилось это распоряженіе. Не давая съ своей стороны обществу никакихъ гарантій, клирики желали въ то же время, чтобы общество самыми строгими мѣрами гарантировало ему полную неприкосновенность личности и имущества. Такія несправедливыя требованія, разумѣется, были несомнѣны съ развитіемъ общественной жизни и всегда возмущали нравственное чувство народныхъ массъ. Когда католическое духовенство было сильно и когда оно дѣйствительно пользовалось своими неестественными привилегіями, тогда оно возбуждало противъ себя въ обществѣ зависть и ненависть. Когда же духовенство, сдѣлавшись слабымъ, продолжало заявлять слезливымъ тономъ свои чудовищныя притязанія, тогда на него посыпались со всѣхъ сторонъ презрительныя насмѣшки и грубыя оскорбленія. Раздраженное общество мстило жестоко за многолѣтнее поруганіе своихъ разумныхъ правъ.

Къ ужасу и негодованію клириковъ, юристы или, по тогдашнему, легисты сформулировали и привели въ систему требованія свѣтской власти и общественнаго мнѣнія. Тутъ коса нашла на камень; теорія нанала на теорію; ученость сразилась съ ученностью; крюкотворство и пронырство встрѣтились лицомъ къ лицу съ пронырствомъ и крюкотворствомъ. Равняясь съ своими противниками въ нравственной неразборчивости, легисты имѣли на своей сторонѣ то огромное преимущество, что, они все-таки, добросовѣстно или недобросовѣстно, сражались за правое дѣло. Они говорили клири-

камь: вы извращаете смыслъ текстовъ, вы искажаете исторію, вы подрываете основанія общества, вы ссылаетесь на подложные документы; и всѣ эти суровыя обвиненія были справедливы. Представили свѣтской власти ревностно старались придавать этимъ обвиненіямъ самую обширную гласность, а народныя массы съ восторгомъ подхватывали на лету эти официальные выраженія тѣхъ мыслей и желаній, которыя волновали всѣ умы и давно искали себѣ возможности вырваться на свободу.

XI.

Праздность, богатство, и отсутствіе отвѣтственности развращаютъ обыкновенно какъ отдѣльную личность, такъ и цѣлыя сословія или корпораціи. Католическое духовенство, долго господствовавшее надъ умами и кошельками средневѣковыхъ европейцевъ, пропиталось насквозь всѣми пороками, составлявшими естественное и необходимое слѣдствіе его привилегированнаго положенія. вмѣсто того, чтобы служить мірянамъ примѣромъ безукоризненной нравственности, клирики развращали ихъ своимъ вліяніемъ. Уже въ XII столѣтіи еретики отличались отъ католиковъ преимущественно скромностію и цѣломудріемъ. Кто не пьянствовалъ и не развратничалъ, того католическое начальство брало на замѣчаніе, какъ подозрительнаго человѣка. Если, чего Боже сохрани, оказывалось, что этотъ воздержный человѣкъ осмѣливается читать въ своемъ домѣ біблію,—участъ этого лиходѣя была рѣшена. Читаетъ біблію—значить еретикъ, и при томъ самый опасный, потому что онъ посягаетъ на право духовенства, которое, очевидно, не можетъ позволить всякому простому смертному изучать и понимать по своему священное писаніе. На такого человѣка необходимо подать доносъ, а за доносами у клириковъ никогда не останавливалось дѣло. Доносить и клеветать, значило, по ихъ мнѣнію, жить и дѣйствовать. «Около 1170 года, говоритъ Лоранъ, одинъ реймскій клирикъ, встрѣтивъ одну молодую дѣвушку, гуляющую безъ провожатаго, захотѣлъ ее соблазнить; она отклонила его любезности, говоря, что на вѣки погубить свою душу, если когда нибудь лишится дѣвственности. Ревностный клирикъ понялъ изъ этого суроваго отвѣта, что дѣвушка принадлежитъ къ богомерзкой сектѣ манихеевъ. Пылая усердіемъ, онъ составилъ доносъ противъ той, которая отказалась удовлетворить его сластолюбіе. Дѣвушку эту сожгли; входя на костеръ, она не произнесла ни одной

жалобы и не пролила ни одной слезы.» (*La Réforme*, p. 110). Желая возвысить свою власть въ глазахъ мірянъ, Григорій VII обрекъ все католическое духовенство на самую строгую одинокую жизнь. Великій папа не сообразилъ только того простого обстоятельства, что кускомъ пергамента невозможно пересоздать челоуѣческую природу. Плоды соборнаго рѣшенія и папскаго декрета о безбрачїи духовенства далеко не соотвѣтствовали намѣреньямъ Григорія VII и его совѣтниковъ. Плоды получились вотъ какіе. «Архіепископъ Кентерберійскій, говоритъ Шлоссеръ, также былъ публично осмѣянъ, когда вздумалъ прибѣгнуть къ высшей духовной власти, и городская полиція жестоко отомстила духовенству, арестовавъ его любовницъ и выставивъ ихъ на позоръ, какъ публичныхъ женщинъ.» (Т. VIII. Стр. стр. 450). Еще непочтительнѣе поступилъ съ чешскимъ духовенствомъ императоръ Венцеславъ: «онъ выгребоваль еднажды, говоритъ Шлоссеръ, всѣхъ любовницъ пражскаго духовенства, и выставилъ ихъ къ позорному столбу, вмѣстѣ съ прелатами, у которыхъ онѣ жили.» (Т. VIII. стр. 533). Эти печальныя событія происходили въ концѣ XIV столѣтія, а въ XIII столѣтіи произошелъ случай еще болѣе замѣчательный. Датчане и фризы потребовали отъ своихъ клириковъ чтобы они взяли себѣ любовницъ, лишь бы только «не оскверняли ложе другихъ людей». (*Rammer. Geschichte der Hohenstaufen. Band. VI. s. 261*). Всѣ монашескіе ордена, безъ исключенія, были увлечены въ тотъ же омутъ безнравственности, въ которой тонула вся масса католическаго духовенства. Въ каждомъ вѣкѣ было нѣсколько чистыхъ и энергическихъ личностей, добросовѣстно стремившихся къ аскетическому совершенству и смотрѣвшихъ съ ужасомъ и отвращеніемъ на гадости современной дѣйствительности. Эти личности проповѣдывали противъ пороковъ словомъ и примѣромъ, увлекали за собою многихъ послѣдователей, давали монастырямъ строгіе уставы, оживляли на короткое время фанатическія страсти мечтателей, основывали новые ордена и умирали съ тою простодушною надеждою, что спасли навсегда честь и достоинство католическаго монашества. Но само собою разумѣется, что сила обстоятельствъ брала свое, не смотря ни на какіе подвиги Бернардовъ, Петровъ Достопочтенныхъ, Доминиковъ и Францисковъ Ассизскихъ. Въ два-три десятилѣтія, новые ордена такъ ловко устѣвали потускнѣть и загрязниться, что ихъ никто въ мірѣ не сумѣлъ бы отличить отъ самыхъ старыхъ. Чѣмъ строже были требованія новыхъ уставовъ, тѣмъ сильнѣе развивалось лицемеріе и тѣмъ искуснѣе оказывались монахи въ приспанїи себѣ разныхъ лажекъ, увертокъ и влудныхъ оправданій.

Прикрываясь благовиднѣйшими предлогами, монахи дѣлали какъ разъ все то, что строго запрещено было уставами ордена. Всѣмъ монахамъ, безъ исключенія, предписывалось отречься отъ міра и отъ всѣхъ его суетныхъ интересовъ. Но, уже съ XII вѣка, монахи взялись за изученіе права и стали заниматься адвокатурою. Множество соборовъ дѣлали имъ за это суетное стремленіе строгія замѣчанія; имъ запрещали изучать законы, но запрещенія эти были безсильны; ихъ стыдили и бранили, они выслушивали брань и пропускали ее мимо ушей. «Пламя жадности, говоритъ одинъ соборъ, въ 1131 году, возжигаетъ сребролюбіе монаховъ; они смѣшиваютъ правду съ неправдою, чтобы пріобрѣсти себѣ какъ можно больше денегъ». — «Не постыдно ли для монаховъ, говоритъ другой соборъ въ 1269 году, гоняться за суетнымъ блескомъ судебного краснорѣчія? Эти болтуны думали сравняться съ Цицерономъ! Они были скорѣе похожи на квакающихъ лягушекъ.» А монахи все-таки продолжали сутяжничать и, когда начальство подступало къ нимъ слишкомъ близко, оправдывались тѣмъ, что они хлопочутъ не изъ-за денегъ и не изъ честолюбія, а для того, чтобы защитить отъ притѣсненій сильнаго и богатаго—вдовъ и сиротъ, убогихъ и немущихъ. Начальство наконецъ утомилось и махнуло рукою на монашествующихъ юристовъ.—Пріобрѣтая себѣ репутацію ловкихъ дѣльцовъ, соперники Цицерона выдвигались впередъ и поступали на государственную службу. Монахъ становился чиновникомъ. Соборы гремѣли противъ этихъ поразительныхъ нарушеній монастырскаго устава, но монахи не унимались, а свѣтская власть вербовала себѣ опытныхъ законовѣдовъ, не обращая вниманія на покрой ихъ одежды.—Монахи изучали медицину и хирургию, и лечили людей ланцетомъ и микстурами, между тѣмъ, какъ католическіе уставы допускали, въ случаѣ болѣзни, только постъ и молитву. Монахи пускались въ коммерческія предпріятія; монахи отдавали деньги въ ростъ; монахи занимались банкирскими спекуляціями. Тутъ благочестивымъ людямъ оставалось только ахать и разводять руками. «Деньги, пишетъ строгій францисканецъ, Св. Бонавентура,—этотъ смертельный врагъ нашего ордена возбуждаютъ въ нашихъ братьяхъ такую алчность, что прохожіе боятся съ ними встрѣчаться и бѣгутъ отъ нихъ, какъ отъ нагихъ грабителей. Наша бѣдность есть ужаснѣйшая ложь. Мы просимъ милостыни, какъ бѣдняки, и плаваемъ въ роскоши».

Усердно поклоняясь золотому тельцу, влирики всѣхъ сортовъ неутомимо грызлись между собою за барыши. Ссорамъ, сплетнямъ, взаимнымъ жопрекамъ и скандальнымъ выдумкамъ не было конца.

«Францисканцы и доминиканцы вырывали другъ у друга щедроты вѣрующихъ, ссорились между собою изъ-за собиранія милостыни, переманивали другъ у друга adeptовъ и взаимно воровали другъ у друга даже проповѣди; они проповѣдывали одни противъ другихъ, и публично, на церковной кафедрѣ, читали скандальную хроникку враждебнаго ордена. Эти взаимныя обвиненія засвидѣтельствованы въ особенномъ мирномъ договорѣ, заключенномъ между обоими орденами въ 1255 году и возобновленномъ въ 1278 году». (La Réforme, p. 171). Если мы припомнимъ, что основатели этихъ орденовъ, Доминикъ и Францискъ, умерли—первый въ 1221 году, а второй въ 1226 году,—то мы увидимъ ясно, съ какою неудержимою быстротою развращались до мозга костей самыя строгія общины католическихъ монаховъ. Ненавидя другъ друга, нищенствующіе ордена презирали всѣхъ остальныхъ монаховъ; бѣлыхъ бенедиктинцевъ они называли неучами и полу-мірянами, а черныхъ—юрдецами и эпикурейцами. «Одна обѣдня нищенствующаго монаха, говорили они, стоитъ четырехъ обѣдней простаго священника». Бѣлые и черные монахи также вели между собою ожесточенную войну и старались уронить другъ друга во мнѣніи свѣтскаго общества. «Я часто видалъ, пишетъ Петръ Достопочтенный, какъ черный монахъ, встрѣчаясь съ бѣлымъ, смѣялся надъ нимъ, точно будто онъ видѣлъ въ немъ какое нибудь странное чудовище, кентавра или химеру. Отчего эти монахи, имѣющіе одного общаго отца, до такой степени ненавистны другъ другу? Причина ихъ вражды заключается въ гордости. Черные монахи, имѣющіе за себя свою древность, не могутъ простить бѣлымъ того, что послѣдніе отбили у нихъ уваженіе народа, а бѣлые, съ своей стороны, гордятся тѣмъ, что обновили орденъ Св. Бенедикта».—«Клирики, жадуется генераль францисканцевъ-миноритовъ, Св. Бонавентура, ненавидятъ насъ хуже, чѣмъ жидовъ, за то, что мы знаемъ ихъ пороки. Подавленные своимъ невѣжествомъ, они завидуютъ намъ, потому что мы больше ихъ нравимся вѣрующимъ; наконецъ, они боятся, что убавятся ихъ доходы, вслѣдствіе той милостыни, которую мы собираемъ; тутъ и есть главная причина ихъ жестокой ненависти, потому что они гораздо больше заботятся о грязномъ барышѣ, чѣмъ о спасеніи человѣческихъ душъ». Въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, католическое духовенство старалось, такимъ образомъ, всѣми силами подрывать свое вліяніе на умы народныхъ массъ, и, не смотря на безпредѣльное простодушіе и долготерпѣніе средневѣковой публики, эти добросовѣстные и неутомимыя старанія увѣнчались наконецъ вождѣльнымъ успѣхомъ. Уже съ XIII вѣка, вплоть

до самой реформаціи, то есть, до XVI столѣтія, всѣ западные европейцы, знатные и простые, ученые и неученые, умные и глупые, всѣ въ одинъ голосъ кричатъ, поютъ и пишутъ, что духовенство никуда не годится. Народу нравились въ это время всего больше тѣ пѣсни, сказки или романы, которые смѣле и рѣзче другихъ осмѣивали и позорили іерархію. Въ XII вѣкѣ появилась латинская поэма сатирическая *Reinardus Vulpes* (Рейнардь Лиса), въ которой неизвѣстный авторъ продергивалъ съ безпощадной рѣзкостью властолюбіе и жадность римскаго первосвященника. Поэма эта произвела фуроръ; ее передѣляли на старо-французскій языкъ и на старо-нѣмецкій; ее учили наизусть; картины изъ этой поэмы составляли любимое украшеніе комнатъ; эти картины проникали даже въ монастыри и увеселяли собою спасающихся отшельниковъ. А въ поэмѣ встрѣчаются, между прочимъ, такіе эпизоды: авторъ описываетъ аллегорическій корабль, составленный изъ всевозможныхъ грѣховъ. «Дно сдѣлано изъ дурныхъ мыслей; борты изъ измѣны, сплочены гнусностью и постыдными дѣлами очень хорошо закрѣплены. Изъ плутовства сдѣлана мачта, якорь—изъ коварства и вѣроломства, корма выкована изъ подлости, изъ жестокости и изъ пронырства; корабль обложенъ сѣрымъ сукномъ, вытканымъ изъ лицемерія, лѣности и развратной жизни». И на этомъ кораблѣ, представляющемъ символъ всякаго зла, сидитъ въ чинѣ адмирала самъ папа; кардиналы—его помощники, а экипажъ составленъ изъ священниковъ и изъ всевозможныхъ монаховъ.

Въ началѣ XV вѣка, гусситы, какъ извѣстно, стали истреблять католическихъ священниковъ и монаховъ, какъ дикихъ звѣрей. Этотъ дурной примѣръ оказался соблазнительнымъ даже для самихъ католиковъ. «Постоянные злоупотребленія и грабительства духовенства, пишетъ *кардиналъ* Юліанъ Чизарини, такъ озлобили нѣмцевъ, что, того и гляди, они, подобно гусситамъ, перебьютъ духовенство и сожгутъ монаховъ».— Императоръ Сигизмундъ въ это же самое время подробно развиваетъ ту же неутѣшительную мысль: «Я боюсь, пишетъ онъ, что нѣмецкіе горожане поступать съ іерархіей точно такъ же, какъ чехи; уже городъ Магдебургъ выгналъ своего архіепископа вмѣстѣ со всѣми канониками и, подобно гусситамъ, разграбилъ ихъ имущества; союзные же Магдебургу ганзейскіе города готовятся послѣдовать этому примѣру; по слухамъ, и на Рейнѣ собрались тысячи мірянъ, чтобы заставить городъ Вормсъ выдать духовенство и евреевъ; нассаусцы хотятъ взять приступомъ замки своихъ епископовъ, а бамбергцы ведутъ открытую войну съ духовенствомъ за привилегіи, данныя имъ королемъ».— Около этого

же времени; папскій секретарь, Леонардо Аретино, обращается къ монахамъ съ слѣдующею меночительною рѣчью: «Васъ, говоритъ онъ, называютъ комедьянтами, и вамъ этимъ названіемъ дѣлаютъ слишкомъ много чести; потому что вы хуже канатныхъ плясунъ; тѣ надѣваютъ маску, чтобы забавлять зрителей, а вы носите маску добродѣтели, чтобы разорять вѣрующихъ; актеры разыгрываютъ свои фарсы въ несвященномъ мѣстѣ, вы же оскверняете святилища храмовъ... Ваше лицемѣріе возрастаетъ вмѣстѣ съ вашими притязаніями на совершенство; величайшими лицемѣрами въ вашей средѣ оказываются тѣ, которые прикидываются самыми добродѣтельными; гробы поваленные, они блестятъ снаружи; загляните подъ оболочку,—вы не найдете ничего, кромѣ гнили!.. Посмотрите на этихъ смиренниковъ, съ потухшимъ взглядомъ, съ опущенными глазами,—вы бы приняли ихъ за святыхъ угодниковъ; но если вы оскорбите ихъ въ ничтожнѣйшей мелочи, ихъ ярость и ихъ гнѣвъ разразятся; они покажутся вамъ агамемнонами, ахиллами или какиминибудь другими героями, еще болѣе вспыльчивыми и надменными.» Чтобы оцѣнить все значеніе этой жестокой тирады, надо помнить, что это говоритъ не какойнибудь легкомысленный поэтъ или озлобленный пролетарій, а солидный ученый, жившій при папскомъ дворѣ на готовыхъ и очень сытныхъ хлѣбахъ. Другіе знаменитые богословы и ученые XV и XVI столѣтій, Клеманжи, д'Алльи, Жерсонъ, Эразмъ повторяютъ тѣ же самыя упреки въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ. Изъ всѣхъ фактовъ и свидѣтельствъ, собранныхъ въ этой главѣ, не трудно вывести то заключеніе, что, начиная съ XII вѣка, нравственное могущество католической іерархіи постоянно ослабѣвало, по мѣрѣ того, какъ утрачивалась его нравственная чистота. Къ началу XV вѣка духовенство сдѣлалось до такой степени грязнымъ, что всѣ стали его презирать, и до такой степени безсильнымъ, что всѣ могли безнаказанно наносить ему оскорбленія.

ХІІ.

Навлекая на себя ненависть и презрѣніе общества, католическое духовенство не только подтачивало свое собственное могущество, но еще, кромѣ того—что гораздо важнѣе,—порождало и воспитывало въ народныхъ массахъ равнодушіе, или даже враждебное чувство къ самой католической религіи. Въ цвѣтуція времена своего господства, духовенство старалось и дѣйствительно сумѣло слить

въ одно неразрывное цѣлое свои личные интересы съ интересами религіи. Выражаясь точнѣе: оно подставило свои интересы на мѣсто интересовъ религіи, такъ что быть религіознымъ человѣкомъ, на языкъ простодушныхъ католиковъ—значило угождать во всемъ аббатамъ монахамъ. Это было, безъ сомнѣнія, очень выгодно для духовенства, пока оно пользовалось всеобщимъ уваженіемъ невѣжественныхъ и суевѣрныхъ варваровъ; но, какъ только духовенство окосорило себя своею безнравственностью въ глазахъ поумнѣвшаго средневѣкового общества, такъ уже для него, то есть, для духовенства, не осталось возможности ухватиться за принципъ и удержать себя такимъ образомъ отъ окончательнаго паденія. Массы понимали это, какъ нельзя лучше, и, отвергиваясь отъ духовенства, отвергивались въ то же самое время и отъ католическаго принципа. Надо было быть очень ученымъ богословомъ, чтобы отдѣлить религіозную истину отъ тѣхъ произвольныхъ прибавокъ, украшеній и искаженій, которыя были пущены въ ходъ властолюбивымъ и корыстолюбивымъ клирикомъ. Трудъ этотъ былъ не по силамъ массы, и она быстрыми шагами шла отъ слѣпого обожанія къ такому же слѣпому и неразборчивому отрицанію. Такъ оно и было дѣйствительно въ XIV и въ XV столѣтіяхъ. Клирическая политика и клирический обманъ, называвшійся въ средніе вѣка благочестивою хитростью (*fraus pia*), пропитали насквозь и переработали своимъ опошляющимъ вліяніемъ всѣ составныя части католическаго клира. Папы и монахи поддѣлывали легенды, поддѣлывали чудеса и, наконецъ, съ величайшимъ успѣхомъ поддѣлывали даже цѣлыя догматы.—Святой Діонисій считался патрономъ Франціи, а святой Іаковъ Компостельскій—патрономъ Испаніи; о томъ и о другомъ существовало множество разсказовъ, выдававшихся за неопровержимую истину; въ этихъ разсказахъ изображалось подробно, какъ святой Діонисій Аренагитъ прибылъ во Францію, а святой Апостоль Іаковъ въ Испанію, и какъ они тамъ жили, и что они тамъ дѣлали, и какъ они тамъ умерли. Между тѣмъ, достоверно извѣстно, что первый изъ этихъ святыхъ никогда не былъ и не могъ быть во Франціи, а второй никогда не былъ и не могъ быть въ Испаніи. Сочинить святого съ цѣлою исторіею, съ мощами и съ чудесами ровно ничему не стоило средневѣковымъ клирикамъ. Вотъ какой случай разсказываетъ лѣтописецъ *Glavog Radmirus* монахъ XII вѣка. «Одинъ человѣкъ изъ простонародья, нарлатаръ отшельникъ, занимался расквашиваньемъ мочалъ и продавалъ добываемыя кости, называя ихъ мощами. Совершивъ въ Галліи бесчисленное множество плутней, онъ пришелъ въ одинъ альпійскій городъ. Тамъ, по своему

обыкновенію, онъ собралъ кости перваго попавшагося покойника, и сталъ утверждать, будто ангель открылъ ему, что это — мощи святого Юста. Вслѣдствіе этого слуха, сбѣжалось невѣжественное населеніе сосѣднихъ деревень, и тутъ же, при помощи мелкихъ подарковъ, было совершено много чудесъ. Аббаты тотчасъ начали эксплуатировать эти чудеса и святого сфабрикованнаго мошенникомъ, не смотря на то, что просвѣщенные люди, и въ томъ числѣ монахъ Glauber, открыли обманъ и обличили пройдоху.» (Laurent, La Réforme, p. 80). Соорудить исторію мнимой святости было чрезвычайно легко, потому что отъ такой исторіи не требовалось ни малѣйшаго правдоподобія. Здѣсь господствовалъ во всемъ своемъ величій знаменитый принципъ: *credo, quia absurdum* (вѣрю, потому что нелѣпо). До какой дерзости доходили составители этихъ исторій, это ясно видно изъ двухъ легендъ: о святомъ клювѣ и о святой слезѣ. Вотъ какимъ образомъ извѣстный французскій эллинистъ Генрихъ Этьеннъ, рассказываетъ легенду святаго клюва, которую онъ совершенно справедливо ставитъ на одну доску съ самыми нелѣпыми баснями Геродота: «Когда Никодимъ снялъ Спасителя со креста, онъ собралъ нѣсколько капель его крови въ аплецъ своей перчатки, которымъ онъ, послѣ того, сдѣлалъ нѣсколько великихъ чудесъ. Вслѣдствіе этого, терпя преслѣдованія отъ іудеевъ, онъ разстался съ своею реликвіею посредствомъ удивительно-замысловатой выдумки. Написавши на пергаментѣ всѣ чудеса и всю исторію этой святости, онъ вложилъ кровь, вмѣстѣ съ этимъ пергаментомъ, въ большой птичій клювъ и, завязавши его какъ можно тщательнѣе, бросилъ его въ море, поручая его милосердію божію. Случилось же такъ, что, тысячу или тысячу двѣсти лѣтъ спустя, этотъ святой клювъ, поплававши достаточно по всемъ морямъ востока и запада, прибылъ въ Нормандію. Тутъ его выбросило море въ прибрежные кусты. Одинъ нормандскій герцогъ въ этихъ мѣстахъ охотился за оленемъ, и вдругъ олень вмѣстѣ съ собаками куда-то пропалъ; оказалось, что олень стоитъ между кустами на колѣняхъ, а собаки рядомъ съ нимъ, совсѣмъ смиренны и тоже на колѣняхъ. Это зрѣлище до такой степени умилело добраго герцога, что онъ приказалъ тотчасъ расчистить это мѣсто, гдѣ и нашелся святой клювъ. Тогда герцогъ основалъ на этомъ мѣстѣ аббатство, которое до сихъ поръ называется по этой причинѣ аббатствомъ Клюва; оно владѣетъ такими богатыми помѣстьями, что одинъ клювъ питаетъ, очевидно, множество животныхъ.» (Ibid. p. 87). Въ XVII столѣтіи, бенедиктинскіе монахи напечатали книжку подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Истинная исторія святой слезы, пролитой

ВАШИМЪ Спасителемъ надъ Лазаремъ: какъ и къмъ она была при-
 несена въ монастырь Святой Троицы Вандомской. Кромѣ того,
 многія превосходныя (beaux) и стѣбныя (insignes) чудеса, случив-
 шіяся въ теченіе 630 лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ она была чудес-
 нымъ образомъ посвящена этому святому мѣсту.» Въ этой книгѣ,
 бенедиктинцы рассказываютъ, безъ малѣйшаго смущенія, что когда
 Спаситель оплакивалъ смерть Лазаря, тогда ангель подхватилъ одну
 слезу, вложилъ ее въ маленький сосудъ, въ которомъ она сохра-
 няется до сихъ поръ; потомъ вложилъ первый сосудъ во второй,
 побольше, и вручилъ все это Магдалинѣ. Магдалина привезла эту
 святиню во Францію, когда она, вмѣстѣ съ Лазаремъ, съ Марфою;
 со святымъ Максиминомъ и со святымъ Келидоніемъ, пріѣхала въ
 марсельскую гавань. Когда Магдалина почувствовала приближеніе
 смерти, она призвала къ себѣ епископа ахенскаго, Максимиана, и
 отдала ему святую слезу, которую тотъ тщательно хранилъ въ те-
 ченіе всей своей жизни. Потомъ святая слеза попадаетъ какимъ-то
 маеромъ въ Константинополь, потомъ, въ 1040 г., она появляется
 въ Вандомскомъ монастырѣ и начинаетъ творить чудеса.—Легенды
 о святомъ влѣвѣ и о святой слезѣ любопытны, какъ образчики той
 безумной дерзости, съ которою корыстолюбивое духовенство уродо-
 вало даже евангеліе своими негѣпостями. Такимъ образомъ, кли-
 рикалы ворвались первые, съ своими безнравственными тенден-
 ціями и безтолковыми фантазіями, въ самую священную твер-
 дую религію. Мудрено ли послѣ этого, что скептики, ободренные
 этимъ примѣромъ, пошли за клирикалами туда же, съ своею неумо-
 лимою критикою? Клирикальная фантазія была неистощима и не-
 умолима: аббаты и монахи показывали католикамъ куски Ноева
 ковчега, рога Моисея, бороду Аарона, перья архангела Гавріила,
 святое сѣно, т.е. сѣно, лежавшее въ ясляхъ, свѣчку, горѣвшую въ
 минуту рожества Христова, Колоссальныя размѣры выдумки ни-
 когда не пугали изобрѣтателей; въ Кельхѣ до сихъ поръ лежатъ
одинадцать тысячъ дѣвъ, которыя совсѣмъ не были дѣвами и ни-
 когда не исповѣдывали христіанской религіи. Исторія этой груды ко-
 стей очень поучительна. Легенда утверждаетъ, что въ Брета-
 ни жила одна принцесса, Урсула и что какой-то языческій король по-
 просилъ ея руки. Урсула новинясь внушенію свыше, потребо-
 вала себѣ отсрочки, собрала 11,000 дѣвъ и пустилась съ ними въ
 морское путешествіе. Три года продолжалось ихъ плаванье. Когда
 приблизился день, назначенный для свадьбы, тогда, по молитвѣ Ур-
 сулы, поднялась буря, которая перенесла на материкъ всю дѣв-
 ственную армію. Одинадцать тысячъ дѣвъ ѣдутъ вверхъ по Рей-

ну до Кельна, потомъ плывутъ въ Базель, оттуда идутъ пѣшкомъ въ Римъ, возвращаются назадъ по той же дорогѣ и, въ окрестностяхъ Кельна, погибаютъ подъ ударами дикихъ гунновъ. Зачѣмъ ихъ было именно одиннадцать тысячъ, зачѣмъ онѣ плавали по морю и шлялись по материку — объ этомъ легенда, по своему простодушію, ни мало не заботится. Легенда эта была составлена въ началѣ XII вѣка по тому случаю, что въ окрестностяхъ Кельна было найдено нѣсколько женскихъ скелетовъ. Въ 1123 году, Норбертъ, основатель ордена премонстратовъ, нашелъ еще много скелетовъ; наконецъ, въ 1155 году, монахи напали на такую богатую массу костей, что ее пришлось разработывать въ теченіе девяти лѣтъ, подъ руководствомъ двухъ аббатовъ. Въ это время исторія 11,000 дѣвъ была уже сочинена и пущена въ ходъ. Но вдругъ, вмѣстѣ съ женскими скелетами, стали попадаться скелеты мужчинъ; монахи смутились, но, къ счастью, у одного изъ нихъ была сестра, Елисавета изъ Шенау, страдавшая галлюцинаціями, которыя считались въ то время видѣніями и откровеніями свыше; эта монахиня сгордила, вмѣстѣ съ своимъ изобрѣтательнымъ братомъ, новую кучу нелѣпостей для объясненія мужскихъ скелетовъ. Все это сошло за чистую монету, потому что Елисавету считали блаженною. Стали рыть дальше: нашли кости дѣтей. Это уже было совсѣмъ не кстати, потому что бросало невыгодную тѣнь на репутацію дѣвственныхъ спутницъ Урсулы. Елисаветы въ это время уже не было на свѣтѣ. Обратились за совѣтомъ къ какому-то ученому монаху, и тотъ наложилъ на легенду третій слой безсмыслицы, такъ что и дѣтскія кости оправдали свое существованіе. Спрашивается теперь, откуда же взялась эта масса костей, съ которою монахи возились десятки лѣтъ, напрягая свои мускулы и изощряя свою фантазію?—Ларчикъ открывался очень просто. Тутъ было римское кладбище; вмѣстѣ съ костями находились саркофаги, латинскія надписи, оружіе, посуда — вещи очень извѣстныя всѣмъ антикваріямъ и не оставляющія ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ того, кому принадлежатъ скелеты. Принадлежатъ они римскимъ язычникамъ различнаго пола и возраста. О дѣвственныхъ мученицахъ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Къ довершенію комизма, новѣйшіе нѣмецкіе ученые доказали, что самая Урсула, считающаяся католическою святою и покровительницею города Кельна, была языческою богинею. Все это нисколько не мѣшало вырытымъ костямъ приносить кельнскому духовенству обильные доходы. Механика была очень незамысловата. «Каждый день, пишетъ одинъ

правдивый монахъ XI столѣтія, ходятъ отъ одной церкви къ другой разныя бродяги, которые приеидывались слѣпыми, разслабленными или бѣсноватыми; они валяются по ступенькамъ храмовъ, или по гробницамъ святыхъ, а потомъ увѣряють всѣхъ, что получили исцѣленіе; эта поддѣлка чудесъ производится для того, чтобы привлекать щедроты вѣрующихъ.» Предпримчивость духовенства была такъ велика и изобрѣтательность его такъ роскошна, что даже многіе соборы считали необходимымъ сдерживать эту оргію клирикальнаго воображенія. Уже въ IX вѣкѣ, ахенскій соборъ упрекаетъ епископовъ въ томъ, что они фабрикують чудеса для приобрѣтенія денегъ. Въ 1215 году, при Иннокентіѣ III, латеранскій соборъ говоритъ, что «въ очень многіхъ мѣстахъ пускають въ ходъ ложныя легенды и ложныя документы, для того, чтобы обманывать вѣрующихъ, и тянуть изъ нихъ деньги.» Въ 1261 г. майнцскій соборъ описываетъ подробно тѣ фокусы, посредствомъ которыхъ клирики морочили простой народъ. Такія же точно обвиненія повторяются въ XIV и XV столѣтіяхъ.

ХІІІ.

Подчиняясь финансовымъ и политическимъ соображеніямъ, клирики поддѣлывали цѣлыя догматы и даже старались извратить нравственное чувство католической паствы. Духовенство самымъ наивнымъ образомъ боготворило себя, какъ отдѣльную корпорацію, стоящую безконечно выше гражданскаго общества.— «Мірянинъ, говоритъ кардиналъ Даміанъ, какъ бы онъ ни былъ благочестивъ, не можетъ выдержать сравненія, даже съ очень несовершеннымъ монахомъ; золото, даже нечистое, драгоцѣннѣе чистой мѣди.» Но и это показалось недостаточнымъ; въ XII вѣкѣ, аббатъ монастыря св. Тьерри сталъ доказывать, что монахи уподобляются самому Богу, потому что небо называется по латыни *coelum*, а келья— *cellula*, и еще потому, что монастырская жизнь ничѣмъ не отличается отъ райскаго блаженства. Умные католики смотрѣли съ неодобраніемъ на это идолопоклонство, ставившее святыхъ на мѣсто Бога. «Въ одномъ соборѣ этого королевства, пишетъ Клеманжи, ученый богословъ XIV вѣка, читають отъ доски до доски подвиги святыхъ и, въ то же время, едва читають по нѣскольку строкъ изъ священнаго писанія. Служеніе Богу исчезаетъ съ лица земли. Пре-

ступленія вѣрующихъ католиковъ составляли, очевидно, для духовенства важнѣйшій источникъ доходовъ. Чѣмъ крупнѣе и многочисленнѣе были грѣхи, тѣмъ трусливѣе становился грѣшникъ и тѣмъ сподручнѣе было обирать его въ пользу церкви. Это обстоятельство даетъ намъ право предположить *a priori*, что католическая мораль должна была не обуздывать, а напротивъ того, поощрять пороки наклонности средневѣковыхъ европейцевъ; взглядываясь въ историческія данныя, мы видимъ, что это предположеніе совершенно оправдывается дѣйствительными фактами. Вотъ, наприимѣръ, какую легенду рассказываетъ кардиналъ Даміанъ, причисленный католическою церковью къ лику святыхъ: «Одинъ человекъ, прожившій всю свою жизнь въ грѣхѣ, умираетъ внезапною смертію. Бѣсы и ангелы спорятъ между собою за его душу; ангелы начинаютъ уступать, видя слишкомъ ясныя доказательства виновности покойника, но въ это время появляется Пресвятая Дѣва. Сначала пораженные ужасомъ, демоны оправляются и обращаются къ правосудію Мадонны. Марія отвѣчаетъ, что Иисусъ Христосъ не позволитъ сатанѣ захватить такого человека, который передъ своею смертію обратился съ молитвою къ Богоматери. Черти настаиваютъ на своемъ и говорятъ, что покойникъ совершилъ громадный грѣхъ, въ которомъ онъ не покался. Чтобы спасти виновнаго, Мадонна воскрешаетъ его и приказываетъ ему пойти немедленно въ монастырь на исповѣдь. Монахи дали ему разрѣшеніе и онъ тотчасъ вошелъ, вслѣдъ за своею покровительницею, въ царство небесное.» Упитанные такими легендами вѣрующіе католики были твердо убѣждены въ томъ, что «человекъ, читающій ежедневно молитвы, никогда не будетъ осужденъ на адскія мученія въ тотъ день, когда онъ услѣлъ ихъ произнести.» Поэтому, католическія легенды, какъ искусно-разставленныя ловушки, были очень полезны для денежнаго и политическаго могущества епископовъ. Я не стану утверждать, что епископы въ изобрѣтеніи этихъ легендъ руководствовались дѣйствительно тѣмъ тонкимъ и глубокимъ психологическимъ расчетомъ, который указанъ въ предидущихъ строкахъ. Какъ составлялись эти легенды—этого я не знаю. Но какъ онѣ дѣйствовали—это намъ достоверно извѣстно. Мы знаемъ, какъ нельзя лучше, что средневѣковые люди грѣшили очень храбро, а потомъ, когда дѣло доходило до расплаты, ударялись въ самое подлое ханжество и платили за формальное отпущеніе грѣховъ самыя несообразныя цѣны. Важнѣйшій догматъ елериальной нравственности, знаменитый догматъ индульгенцій, весь построенъ на этой психологической особенноти средневѣковаго чело-

вѣчества. Когда оказалось въ обществѣ много охотниковъ покупать себѣ формальное отпущеніе грѣховъ, тогда изворотливымъ казуистамъ клирикальнаго лагеря было уже совсѣмъ не трудно отыскать приличное догматическое оправданіе для такихъ своеобразныхъ коммерческихъ оборотовъ. Сначала представители духовной власти отпускали грѣхи тѣмъ людямъ, которые, изъявляя сердечное раскаянье, старались, кромѣ того, по совѣту или по приказанію священника, загладить сдѣланное преступленіе добрыми дѣлами. Противъ этого трудно найдти какое нибудь основательное возраженіе: раскаянье и серьезное исправленіе должны примирять преступника, какъ съ его собственною совѣстью, такъ и съ человѣческимъ обществомъ. Но такъ какъ отъ священника зависѣло назначить кающемуся грѣшнику ту программу, по которой онъ долженъ былъ совершать свои подвиги искупленія, то, разумѣется, клирикальному произволу открывался самый широкій просторъ. Такъ, на примѣръ, поссорившись съ императоромъ Генрихомъ IV, папа Григорій VII общалъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ грѣшникамъ, которые встанутъ противъ Генриха и примѣнутъ къ его противнику Рудольфу. Съ политической точки зрѣнія, этотъ маневръ былъ очень искусенъ, но куда же дѣвалось, при подобномъ распоряженіи, необходимое раскаянье, и почему же нарушеніе присяги, участіе въ мятежѣ и злодѣянія междоусобной войны превратились вдругъ въ добрыя дѣла, способныя мгновенно заглаживать самыя позорныя преступленія?—Когда начались крестовые походы, тогда папы укоренили въ народныхъ массахъ ту мысль, что переѣздъ въ Палестину очищаетъ крестоносца отъ всѣхъ прежнихъ грѣховъ. При такомъ гуртовомъ прощеніи, очевидно не могло быть и рѣчи о дѣйствительномъ нравственномъ исправленіи и совершенствованіи каждой отдѣльной личности. Когда папы начали вести ожесточенную борьбу съ Гогенштауфенами, особенно съ Фридрихомъ II, тогда папамъ сдѣлались до зарѣзу необходимы очень значительныя суммы наличныхъ денегъ. Вотъ тутъ-то и началась въ обширныхъ размѣрахъ продажа вѣчнаго блаженства за звонкую монету; и тутъ явилась необходимость подтасовать новый догматъ, который и былъ изобрѣтенъ великимъ казуистомъ схоластическаго богословія, доминиканцемъ Фомаю Аквинскимъ, прозваннымъ *doctor angelicus*. — Фома утверждаетъ, что одинъ вѣрующій можетъ своими заслугами искупить грѣхи другого вѣрующаго, потому что вѣрующіе суть члены одного общаго духовнаго тѣла — церкви; стало быть, если одинъ членъ церкви сдѣлалъ больше подвиговъ, чѣмъ сколь-

во было нужно для его собственнаго спасенія, то излишекъ его заслугъ можетъ быть обращенъ въ пользу другихъ членовъ. Но этотъ избытокъ заслугъ не остается въ распоряженіи отдѣльной личности, а поступаетъ въ общую сокровищницу церкви, которая распределяетъ эти духовныя блага по своему благоусмотрѣнію. Актъ индульгенціи состоитъ именно въ томъ, что папа, какъ казначей духовнаго сокровища, вынимаетъ оттуда нѣкоторую долю запасныхъ заслугъ и отдаетъ эту долю тому человѣку, котораго онъ хочетъ спасти отъ адскихъ мученій или отъ чистилища. «Въ этомъ случаѣ», говоритъ неустрашимый діалектикъ Фома, нѣтъ надобности принимать въ соображеніе вѣру или дѣла того лица, которое получаетъ индульгенцію; тутъ имѣетъ значеніе только *сокровище заслугъ*, находящееся въ распоряженіи церкви; это сокровище вѣнстоцимо, и церковь распределяетъ его, какъ ей угодно и какъ того требуютъ ея интересы.» Фома ухитрился подчинить господству папы даже души умершихъ; онъ доказалъ очень убѣдительно, что папа можетъ давать индульгенціи тѣмъ душамъ, которыя *уже находятся* въ чистилищѣ: какъ только эта индульгенція выдана, такъ душа сію минуту переносится въ рай; папы воспользовались аргументаціею Фомы и даже предоставили нѣкоторымъ церквамъ право вѣчныхъ индульгенцій; это значило, что за каждую обѣдню, отслуженную въ этой церкви, можно было выводить изъ чистилища по одной душѣ; само собою разумѣется, что за эти особенныя обѣдни и цѣна была совсѣмъ особенная; въ Римѣ было пять такихъ привилегированныхъ церквей, и на каждой изъ нихъ красовалась вывѣска, обращающая вниманіе прохожихъ на спеціальныя достоинства предлагаемыхъ обѣдней. — Для продажи индульгенцій живымъ грѣшникамъ, римскій дворъ устроилъ таксу всѣхъ грѣховъ: маленькіе грѣхи были подешевле, большіе — подороже, а самый крупный и отборный товаръ по части грѣховъ былъ доступенъ только очень богатымъ людямъ. Но папы постоянно нуждались въ деньгахъ, и имъ пришлось, вслѣдствіе этого, не только понижать тарифъ этой духовной таможи, но даже разсылать во всѣ концы католической Европы множество разнощиковъ, которые предлагали отпущеніе грѣховъ, встрѣчнымъ и поперечнымъ за самую умѣренную цѣну. Дѣло дошло до того, что многіе искуснѣйшіе агенты и комиссіонеры папскаго двора стали продавать отпущеніе *будущихъ* грѣховъ. Тутъ эллирическая нравственность произнесла, очевидно, свое послѣднее слово. Дальше этого финансовая гениальность идти не можетъ. Тутъ даже самые блззкоруніе люди

увидѣли ясно, что клириказы систематически поощряютъ преступленіе, съ тѣмъ, чтобы потомъ тѣмъ же систематически брать съ него взятки. Тутъ должно терпѣніе обманутыхъ и обобранныхъ массъ и всеобщее негодованіе выдвинуло впередъ Лютера.

XIV.

Какъ бы ни были значительны клирикальныя злоупотребленія, однако надо замѣтить, что постепенное и неудержимое увяданіе католическихъ идей обуславливается преимущественно не злоупотребленіями, а другими, гораздо болѣе важными и глубокими причинами. Дѣло въ томъ, что свѣтское общество и католическая церковь всегда радикально расходились между собою въ своихъ взглядахъ на жизнь и на обязанности человѣка. Лучшие представители католическаго принципа, люди «безукоризненной чести и непятнаго нравственности», ненавидѣли міръ, хотѣли звести за собою все человѣчество въ монастырь, терзали свое тѣло голодомъ и розгами, и превращали совершенно сознательно свою жизнь въ медленное самоубійство. Міряне, напротивъ того, хотѣли жить въ свое удовольствіе, и обыкновенно пропускали мимо ушей горячую проповѣдь самоистязанія. Кто былъ правъ—клирики или міряне,—этого я рѣшать не берусь, но достовѣрно извѣстно изъ исторіи то, что тенденціи мірскаго общества одержали рѣшительную побѣду. Массу всегда пугали строгія требованія искреннихъ аскетовъ, старавшихся своею проповѣдью разрушить всѣ связи, соединяющія человѣка съ другими людьми. Масса, въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, склоняла голову передъ тѣми проклятіями, которыми клириказы поражали всѣ проявленія жизни, чувства и мысли; но, не осмѣливаясь возражать противъ этихъ проклятій, масса продолжала любить все то, что проклиналось великими проповѣдниками. А проклиналось ими очень многое; весь міръ былъ, по ихъ мнѣнію, царствомъ сатаны, и спасеніе могло быть найдено только въ монастырѣ. Съ высоты своего клирикальнаго величія, св. Амшельтъ осуждаетъ даже крестовые походы, какъ суетное земное предпріятіе, отвлекающее людей отъ подвиговъ созерцательной жизни. Св. Берваръ же находитъ словъ, чтобы выразить свою радость, когда ему удастся привлечь въ монастырь новаго адепта. Когда же родители или родственники удерживаютъ въ мірѣ молодыхъ фама-

тиковъ, тогда гнѣву св. Бернара нѣтъ предѣловъ. «Вы мнѣ не родители, пишеть онъ отъ имени одного юноши, вы—мои враги. Что я имѣю отъ васъ, кромѣ грѣха и бѣдствія? — Вамъ мало того, что вы, несчастные, бросили несчастнаго въ эту жизнь несчастья; вамъ мало того, что вы, грѣшники, родили грѣшника во грѣхъ; вы еще хотите изъ зависти отнять у меня божественную благодать, которая спасаетъ меня отъ смерти; вы стремитесь превратить меня въ добычу геенны». Когда же мірское вліяніе родителей одерживало верхъ, тогда Бернаръ разражался проклятіями противъ самого юноши, покидающаго монастырское убѣжище. «Богъ призвалъ тебя къ себѣ, писалъ онъ, и вдругъ ты покидаешь его, чтобы идти вслѣдъ за дьяволомъ. Твои родители ввергаютъ тебя въ пасть льва; они погружаютъ тебя въ бездну смерти; черти караютъ тебя и готовы тотчасъ схватить свою добычу». — Люди XII вѣка были вообще очень невѣжественны, но фанатики даже въ то время находили возможность проклинать зловредную науку. «Монахи, говоритъ кардиналъ Даміанъ, оставляютъ духовныя упражненія, чтобы знакомиться съ глупостями земной науки. Не значитъ ли это покидать цѣломудренную супругу, чтобы связываться съ блудницами театра?» — «Они называютъ себя философиями, говоритъ Бернаръ, а мы гораздо справедливѣе можемъ назвать ихъ любопытными и вздорными людьми; наука вѣка сего опяняетъ, но не даетъ милосердія; она наполняетъ, но не питаетъ; она раздуваетъ, но не поучаетъ; она засоряетъ умъ, но не укрѣпляетъ». Такимъ же тономъ говорятъ о наукѣ и всѣ другіе клирикалы и въ числѣ этихъ другіхъ мы встрѣчаемъ даже Петра Достопочтеннаго, того самого, который учился въ магометанской Испаніи, переводилъ коранъ и укрылъ въ своемъ аббатствѣ несчастнаго Абеяра, гонимаго соборами, папою и св. Бернаромъ. Наконецъ, въ XIII вѣкѣ, Доминикъ и Францискъ проклинали собственность и трудъ. Чтобы достигнуть совершенства, человѣкъ долженъ, по ихъ мнѣнію, нищенствовать, молиться, голодать и стегать себя почаще розгами или плетью. Противъ этого опаснаго обоготворенія нищества и праздности возсталъ, въ томъ же XIII вѣкѣ, парижскій университетъ, и во главѣ его, ученый и здравомыслящій богословъ, Вильгельмъ de Sancto Amore, написавшій противъ нищенствующихъ монаховъ книгу подъ заглавіемъ: «De Periculis Ecclesiae» (Объ опасностяхъ церкви). «Трудъ, говоритъ Вильгельмъ, есть назначеніе человѣка; это законъ, который далъ ему Богъ, создавая его въ состояніи нравственнаго совершенства; это обязанность, возложенная на него

послѣ его грѣхопаденія. Мы естественнымъ образомъ обязаны дѣлать то, что необходимо для существованія человѣчества; безъ труда человѣчество погибнетъ; стало быть, мы рождены для того, чтобы трудиться». — «Жизнь, продолжаетъ онъ, налагаетъ на насъ обязанности; мы должны дѣйствовать, развертывать по всѣмъ направленіямъ наши человѣческія способности; трудъ на пользу общества стоитъ выше подвиговъ созерцательной жизни». Съ точки зрѣнія политической экономіи, разсужденія Вильгельма безукоризненны, но средневѣковыхъ клириковъ подобныя разсужденія могли только привести въ негодованіе. Вильгельмъ говорилъ, что человѣчество погибнетъ, если никто не будетъ трудиться. А что за дѣло было клирикамъ до гибели человѣчества? По мнѣнію св. Бернара, сынъ обязанъ проклинать своихъ родителей за то, что они, грѣшники, родили его, грѣшника, на свѣтъ во грѣхѣ. Такія проклятія направлены, очевидно, противъ самаго существованія человѣчества и, слѣдовательно, противъ всего того, что, такъ или иначе, поддерживаетъ это грѣховное существованіе. Поэтому, нищенствующіе монахи утверждали совершенно послѣдовательно, что «трудъ есть преступленіе». Но, не рѣшаясь высказать прямо ту мысль, что они хотятъ истребить человѣчество, они призывали къ себѣ на помощь логику супранатурализма и сулили своимъ слушателямъ, что «земля будетъ приносить плоды въ безпредѣльномъ изобиліи, когда всѣ люди, оставивъ полевыя работы, посвятятъ всѣ свои силы молитвѣ». Эти проповѣди были, однако, неопасны для Вильгельма, потому что народъ плохо вѣрилъ подобнымъ обѣщаніямъ и смотрѣлъ на нищенствующихъ монаховъ не столько съ сочувствіемъ, сколько съ недоумѣніемъ. Бѣлое духовенство враждовало съ новыми орденами; народные поэты, напримѣръ, Rutebeuf и авторъ романа *о розѣ* (*Roman de la Rose*) относилась къ доминиканцамъ и францисканцамъ недружелюбно и насмѣшливо. Словомъ, общественное мнѣніе было на сторонѣ Вильгельма; его поддерживалъ парижскій университетъ; ему сочувствовало все умное сословіе тогдашней Франціи; но противъ него выступили два опасные противника, два знаменитые писателя XIII вѣка; за доминиканцевъ заговорилъ Фома Аквинскій, а за францисканцевъ—генераль ихъ ордена, Бонавентура. Надо сказать правду, эти діалектики, оставаясь на чисто теологической почвѣ, своими аргументами и цитатами разбили въ прахъ всю политическую экономію Вильгельма de Sancto Amore. Они даже не стали разбирать вопроса о томъ, что вредно и что полезно для человѣчества. Этотъ вопросъ не имѣлъ для нихъ ни малѣйша-

го смысла. Они доказали только ссылками на высшіе авторитеты, что абсолютная бѣдность возведена уже очень давно въ идеалъ нравственнаго совершенства. Утвердивши эту мысль на неизблѣмыхъ основаніяхъ, они совершенно справедливо назвали еретикомъ и врагомъ религіи того дерзкаго человѣка, который осмѣливался осуждать нищенство монаховъ, какъ преступленіе противъ естественныхъ законовъ общества. Противники ихъ говорили, что міръ созданъ Богомъ, и что, вслѣдствіе этого, человѣкъ не обязанъ ненавидѣть міръ. «Не вещи, созданныя Богомъ, рассуждали они, производятъ несовершенство, а производить его слабость человѣка, неумѣющаго пользоваться благами жизни.» Этотъ аргументъ былъ пущенъ въ ходъ противъ нищенства, то есть, противъ абсолютнаго презрѣнія къ земнымъ благамъ и къ физическому труду. Бонавентура доказалъ неопровержимо, что надо сдѣлать одно изъ двухъ, или признать это сужденіе несостоятельнымъ и противнымъ религіи, или же приложить его ко всѣмъ проявленіямъ католической нравственности. Такъ какъ земныя блага созданы Богомъ, говоритъ Бонавентура, такъ какъ женщины созданы Богомъ, такъ какъ бракъ учрежденъ Богомъ, такъ какъ свободная воля дарована Богомъ, — то совершенство, стало быть, состоитъ въ томъ, чтобы жить въ роскоши, жениться, пользоваться свободною волею.» — Противникамъ нищенствующихъ орденовъ поставлена такимъ образомъ безвыходная дилемма: или они должны оправдать нищенство, какъ стремленіе къ идеалу, или же они должны осудить всѣ монашескіе обѣты, какъ дерзкія попытки человѣка на всегда отречься отъ того, что создано для него Богомъ. — Не смотря на сочувствіе общества, Вильгельмъ de Sancto Amore потерпѣлъ въ официальномъ мірѣ полнѣйшее пораженіе. Папа осудилъ книгу «De Periculis», какъ «нечестивое, гнусное, отвратительное» сочиненіе. Онъ приказалъ ее сжечь и объявилъ врагами церкви тѣхъ людей, которые осмѣлятся защищать ее такъ или иначе. Онъ написалъ множество писемъ къ французскому королю, къ архіепископамъ и епископамъ для того, чтобы добиться строжайшаго исполненія этого приказанія. Парижскій университетъ струсилъ и попятился назадъ; доктора, поддерживавшіе идеи Вильгельма, отказались отъ своихъ заблужденій, для того, чтобы сохранить свои должности. Но самъ Вильгельмъ остался непоколебимымъ и говорилъ даже не разъ — какъ, свидѣтельствуютъ его враги, — что онъ готовъ идти на смерть за свои вѣрованія. Тѣ же враги обвиняютъ Вильгельма въ томъ, что онъ убѣждалъ своихъ слушателей твердо стоять за правое дѣло. Эти ужасныя обвиненія очень правдоподобны; Вильгельма

отрѣшили отъ должности, Вильгельма выгнали изъ Парижа, а Вильгельмъ все-таки не изъявилъ ни малѣйшаго желанія раскаяться. Папа то грозилъ ему разными ужасами, то старался обратить его на путь истины кроткими совѣтами и обольстительными обѣщаніями, но Вильгельмъ былъ такъ грубъ и неочтителенъ, что не обращалъ никакого вниманія на всѣ эти начальственные демонстраціи. Тогда папа, съ сокрушеніемъ сердца, объявилъ во всеуслышанье, что Вильгельмъ повергнутъ дьяволомъ въ «бездну упрямства». А Вильгельмъ заупрямился еще сильнѣе, и даже осмѣлился апеллировать на рѣшеніе папы во вселенскому собору. Апелляція эта осталась, разумѣется, безплодною тратою словъ, потому что вселенскаго собора въ то время не было, и несправимый Вильгельмъ остался, до самой своей смерти, въ крайности, въ изгнаніи и въ «безднѣ упрямства». Вильгельмъ de Sancto Amoge, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, считался очень опаснымъ писателемъ. Въ XVIII столѣтіи, его сочиненія были напечатаны, но французское правительство, по просьбѣ доминиканцевъ, запретило продавать эти сочиненія, *подъ страхомъ смертной казни*.—Побѣда схоластикова надъ представителемъ утилитарнаго направленія была блистательна, но безплодна. Можно было согнать профессора съ кафедры, можно было сжечь его сочиненія, не мудро было даже и самого автора взвалить на костеръ, но уничтожить радикальное противорѣчіе между аскетическимъ идеаломъ и стремленіями живой дѣйствительности было совершенно невозможно. Жизнь не подчинилась католическому уставу; напротивъ того, она сама проникла въ монастыри и своимъ неотрашимымъ вліяніемъ превратила въ мертвую букву самыя строгіе уставы. Монахи ѣли много, монахи развратничали, монахи занимались учеными изслѣдованіями и судебными процессами, монахи вели торговлю и наживали себѣ капиталы — ясное дѣло, что дѣйствительная жизнь одерживала побѣду надъ требованіями идеала. Столкновенія между живыми инстинктами человѣческой природы и монастырскими понятіями о нравственномъ совершенствѣ описаны очень наглядно и остроумно во многихъ произведеніяхъ средневѣковой поэзіи. — Утомившись шумомъ лагерной жизни и чувствуя приближеніе старости, герои рыцарскихъ романовъ часто удаляются въ монастырь, но они и въ монастырѣ хотять жить по своему, заявляя тамъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, всю свою феодалную необузданность. Одинъ изъ такихъ героевъ, Ренуаръ, никогда въ жизни своей не бывалъ въ церкви; по какому-то особенному случаю, онъ рѣшается поступить въ монастырь; его брѣютъ, постри-

гають, одѣвають въ монашеское платье; онъ ко всему этому церемоніалу присматривается и молчитъ; превративши рыцаря въ монаха, аббатъ приказываетъ своему новому подчиненному поститься по четыре дня въ недѣлю, носить на голомъ тѣлѣ власяницу и каждую ночь читать положенныя молитвы. Тутъ бывшій рыцарь выходитъ изъ себя; онъ кричитъ на весь монастырь, что аббатъ вретъ чепуху; потомъ онъ клянется самыми страшными клятвами, что онъ, во всякомъ случаѣ, будетъ ѣсть жирныхъ каплуновъ и отличную дичь, будетъ пѣть, когда ему вздумается, и все, что ему будетъ угодно. — Другой рыцарь, Вильгельмъ Курносый, поступивши въ монахи, нагоняетъ страхъ на весь монастырь. Онъ ѣсть за шестерыхъ, пьетъ во все свое уловольствіе, и въ пьяномъ видѣ дѣлаетъ всѣмъ своимъ товарищамъ самыя чувствительныя неприятности. Однажды аббатъ посылаетъ его за рыбою и предупреждаетъ его, что ему придется идти черезъ лѣсъ и что тамъ водятся мошенники, которые, по всей вѣроятности, постараются отнять у него деньги или съѣетныя припасы, закупленные для монастыря. — Хорошо, отвѣчаетъ Вильгельмъ. Со мной не сладятъ. Я возьму свое оружіе. — Нѣтъ, возражаетъ аббатъ, уставъ св. Бенедикта положительно запрещаетъ намъ употребленіе меча. — А если они на меня нападутъ? — Ты ихъ попросишь, сынъ мой, именемъ Бога, оставить тебя въ покоѣ. — А если они захотятъ взять у меня шубу, рубашку, сапоги, чулки? — Надо все отдать имъ, сынъ мой, отвѣчаетъ аббатъ. — Правила рыцарства, по моему, гораздо лучше, оретъ Вильгельмъ; рыцари сражаются съ Турками и часто проливаютъ свою кровь, а вы только и дѣлаете, что пьете и ѣдите, и спите! — Уже съ XIII вѣка, поэты стали относиться враждебно не только къ клирическимъ злоупотребленіямъ, но даже къ основнымъ принципамъ толпизма. Одинъ нѣмецкій *миннезингеръ* въ пѣснѣ о возвращеніи Фридриха Барбароссы, говоритъ, что императоръ уничтожитъ всѣ монастыри, что монахи женятся на монахиняхъ и что всѣ они вмѣстѣ примутся пахать землю и обрабатывать виноградники. Когда, въ началѣ XIV вѣка, папа Климентъ V уничтожилъ орденъ тамплиеровъ, одинъ англійскій поэтъ написалъ пѣсню о будущемъ уничтоженіи всѣхъ остальныхъ орденовъ. Какъ бы мы ни относились къ этому историческому факту — благосклонно или недоброжелательно, — во всякомъ случаѣ, самое существованіе факта не подлежитъ сомнѣнію: общество отталкивало прочь схоластическій идеаль.

XV.

Разладъ между католическою доктриною и свѣтскимъ обществомъ выразился съ особенною рѣзкостью въ ихъ взглядахъ на женщину. Трудно представить себѣ болѣе рѣшительную противоположность. Средневѣковые богословы постоянно стараются отзываться о женщинѣ самымъ оскорбительнымъ образомъ. «Женщина, пишетъ Гуго *de Sancto Victore*, есть причина зла, начало заблужденія, источникъ грѣха; она соблазнила человѣка въ рай, она продолжаетъ соблазнять его на землѣ, и она же увлечетъ его въ бездну ада.» — «Женщина, говоритъ Винцентій изъ Бове, есть сладкій ядъ, дающій вѣчную смерть; это факель сатаны, дверь, черезъ которую входитъ дьяволъ.» — Специалистъ по части демонологіи, епископъ Вильгельмъ Овернскій, утверждаетъ, что черти являюся всегда подъ видомъ женщины. — Аристотель смотритъ на женщину презрительно въ всѣхъ остальныхъ философовъ древности. «Природа, говоритъ онъ, всегда стремится создать мужчинъ; женщинъ же она создаетъ только по безсилію или случайно.» Фома Аквинскій, цитируя эти слова, совершенно соглашается съ ними и прибавляетъ отъ себя то замѣчаніе, что мужчина есть типъ совершенства, а женщина — типъ несовершенства. «Даже безъ грѣхопаденія, продолжаетъ онъ, женщина была бы подчинена мужчинѣ, потому что у мужчины, естественнымъ образомъ, имѣется больше разсудка.» Повторяя мнѣнія Августина, Фома утверждаетъ, что женщина создана только для того чтобы рождать дѣтей, «подобно тому, какъ земля необходима для того, чтобы сѣмена производили растенія.» «Въ самомъ дѣлѣ, разсуждаютъ Августинъ и Фома, женщина очевидно создана не за тѣмъ, чтобы помогать мужчинѣ въ его трудахъ, потому что, разумѣется, мужчина могъ бы быть для мужчины болѣе полезнымъ помощникомъ. И конечно, не за тѣмъ она создана, чтобы утѣшать мужчину: развѣ два друга мужескаго пола не были бы счастливѣе вмѣстѣ, чѣмъ мужчина и женщина?» — При такомъ взглядѣ на женщину, бракъ, безъ сомнѣнія, долженъ казаться зломъ. Такъ оно и было дѣйствительно. — Презрѣнными людьми оказываются, такимъ образомъ, по приговору Вантадура, всѣ искренніе аскеты, потому что всѣ они отплевывались отъ любви, какъ отъ самаго лютаго изъ дьявольскихъ искушеній. Тутъ можно сдѣлать два предположенія, и оба они приводятъ насъ къ тому результату, что внутренняя, умственная связь между средневѣковымъ идеаломъ и обществомъ была чрезвы-

чайно слаба даже въ то время, когда церковь господствовала надъ государствомъ. Одно изъ двухъ: или Бантадуръ сознательно направилъ свои слова противъ этого идеала, или же онъ написалъ эти слова безъ особеннаго умысла, увлекаясь воспѣваніемъ любви и стараясь, какъ можно ярче, выразить свое благоговѣніе къ этому чувству. Въ первомъ случаѣ, мы видимъ смѣлую оппозицію; во второмъ — еще того хуже; во второмъ мы видимъ, что поэтъ можетъ совершенно забывать, игнорировать и оставлять безъ вниманія тѣ идеи, которыми живутъ лучшіе представители его религіи.—Поэты были, большею частью, безукоризненными католиками, и сами считали себя даже вѣрующими и ревностными католиками, но все ихъ міросозерцаніе, всѣ ихъ симпатіи и тенденціи были радикально противоположны тѣмъ мыслямъ, чувствамъ и стремленіямъ, которыя вырабатывались въ настоящихъ твердыхъ католицизма лучшими представителями его. Значить, католицизмъ былъ всегда, для огромнаго большинства западныхъ европейцевъ, собраніемъ догматовъ, формулъ и обрядовъ, которымъ они придавали очень важное значеніе, но изъ которыхъ они не извлекали никакихъ руководящихъ началъ для своей вседневной, практической и умственной, жизни. Жизнь развивалась по своимъ собственнымъ, внутреннимъ законамъ, совершенно независимо отъ неподвижнаго принципа, и когда она дошла въ своемъ развитіи до яснаго самосознанія, тогда она начала разрывать даже ту чисто-внѣшнюю связь, которая соединяла ее съ католицизмомъ. Католическіе богословы утверждаютъ, что даже бракъ не оправдываетъ собою любви къ женщинѣ; поэты, напротивъ того, оказались такими пакоствниками, что возвеличили и обоготворили свободную любовь. Это, разумѣется, было съ ихъ стороны очень дурно и безнравственно, но тутъ дѣло не въ томъ. Поэты высказывали только то, что въ данную минуту чувствовало и думало большинство ихъ современниковъ. Поэзія отражала въ себѣ дѣйствительную жизнь. Въ дѣйствительной жизни рыцарь становился на колѣни передъ женщиною, съ которою онъ не былъ связанъ брачнымъ союзомъ. Эта женщина брала его руки въ свои руки, подобно тому, какъ это дѣлалъ сюзерень, принимая отъ своего вассала присягу въ вѣрности. И рыцарь, стоя такимъ образомъ на колѣняхъ передъ постороннею женщиною, давалъ ей торжественную клятву обожать ее вѣчно и служить ей вѣрно до самой смерти. Дама принимала эту клятву, давала рыцарю кольцо и, поднимая его съ колѣнъ, цѣловала его въ губы. И рыцари были твердо убѣждены въ томъ, что «супругъ нарушилъ бы законы че-

сти, если бы вздумалъ обращаться съ своею законною супругою, какъ съ дамою своего сердца.» Дамою сердца непремѣнно должна была быть посторонняя женщина, потому, какъ говорили поэты и рыцари, что жена зависитъ отъ мужа и ни въ чемъ не можетъ отказать ему, а любовь должна быть совершенно свободна. Все это очень непохвально, но я совсѣмъ не для того и распространяюсь объ этихъ обычаяхъ, чтобы восхвалять ихъ. Я хочу только обратить вниманіе читателя на то обстоятельство, что всѣ эти обычай и понятія сформировались и окрѣпли именно въ то время, когда католическая церковь полновластно господствовала надъ обществомъ. Всѣ эти обычай и понятія діаметрально-противоположны католическимъ принципамъ, а между тѣмъ, католическіе принципы позволили имъ развернуться и не могли ихъ подавить даже тогда, когда они, католическіе принципы, находились въ самой цвѣтущей порѣ своего могущества.

XVI.

Католическое духовенство было испорчено; притязанія католической іерархіи были несовмѣстимы съ существованіемъ государства; догматы католицизма были изуродованы, поддѣланы и перетолкованы, сообразно съ узкими житейскими выгодами клерикальной корпораціи; наконецъ, все католическое міросозерцаніе, какъ понимали его лучшіе представители католицизма, находилось въ непримиримомъ противорѣчій съ инстинктами и стремленіями свѣтскаго общества. Всѣ эти причины, взятые вмѣстѣ, объясняютъ намъ совершенно удовлетворительно полное историческое банкротство католическихъ идей. Равнодушіе къ нимъ стало обнаруживаться очень рано: уже въ половинѣ XII столѣтія одинъ соборъ говоритъ съ укориною о такихъ людяхъ, которые презираютъ церковныя церемоніи. Съ XIII вѣка индифферентизмъ становится уже хроническою болѣзнію католическихъ народовъ и постепенно превращается даже въ сознательное невѣріе. Соборы постоянно принимаютъ разныя карательныя мѣры противъ тѣхъ людей, которые по воскресеньямъ не ходятъ въ церковь. Латеранскій соборъ, въ 1214 году, приказываетъ каждому католику причащаться, во крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ годъ. Это приказаніе было вывано тѣмъ фактомъ, что очень многіе католики не причащались совсѣмъ никогда. Простой народъ, по словамъ Альберта Великаго, жившаго

въ XIII вѣкѣ, скучаль въ церкви и считаль для себя болѣе удобнымъ проводить воскресные дни въ кабакахъ. Во времена Альберта Великаго число индифферентистовъ было такъ значительно, что Альбертъ находилъ возможнымъ раздѣлить ихъ на нѣсколько рядовъ. Одни, *неотрующіе*, — ослѣплены руководствомъ дьявола и отвергають снасительную силу религіи. Другіе, *равнодушные*, — заняты житейскими дѣлами, увлечены денежными оборотами и со всѣмъ не думаютъ о религіи. Третьи, *нечестивые*, — запятнаны преступленіями и, привязавшись къ своему гнусному образу жизни, не хотятъ очищать свою совѣсть молитвою и покаяніемъ. — Духовенство, разумѣется, было очень недовольно охлажденіемъ католической паствы; принимались противъ религіознаго равнодушія самыя разнообразныя мѣры, но дѣло съ каждымъ десятилѣтіемъ шло все хуже да хуже. Въ XIV вѣкѣ, одинъ авиньонскій епископъ погрозилъ церковнымъ проклятіемъ тѣмъ авиньонскимъ католикамъ, которые отлынивали отъ богослуженія; но врядъ ли проклятіе могло быть особенно страшно для тѣхъ легкомысленныхъ людей, которые были равнодушны къ религіи. Многіе соборы XIV вѣка пытались устроить особаго рода инквизицію для выслѣживанія тѣхъ людей, которые не исповѣдывались и не причащались. Другіе соборы, не зная, что дѣлать съ этими безчувственными людьми, запретили имъ входить въ церкви. Потомъ противъ индифферентистовъ была пущена въ ходъ система денежныхъ штрафовъ. Всѣ эти мѣры только раздражали общество, плодили доносчиковъ и лицемеровъ, превращали равнодушныхъ людей въ ненавистниковъ католицизма и, вообще, постоянно расширяли ту бездну, которая отдѣляла католическую церковь отъ католическихъ народовъ. Люди, отлученные отъ церкви, говорили открыто, что они по прежнему ѣдятъ и пьютъ съ великимъ удовольствіемъ, и что поля ихъ не перестаютъ приносить имъ обильныя жатвы. А иногда дѣло доходило до того, что отлученные міряне произвольно присвоивали себѣ духовныя обязанности, со всею надлежащею серьезностію, служили обѣдни, какъ настоящіе священники. — Иерархія сама, въ теченіи многихъ столѣтій, заботилась о томъ, чтобы превратить католицизмъ въ собраніе внѣшнихъ обрядовъ, на которые народъ долженъ былъ смотрѣть съ благоговѣніемъ. Иерархія сама мѣшала народу слушать или читать священное писаніе на родномъ языкѣ. Влѣдствіе этого, католикъ считаль себя католикомъ единственно потому, что въ извѣстные дни ходилъ въ церковь и въ извѣстныя времена года отказывался отъ мясной пищи. Когда католикъ выучивался прези-

рать пьяныхъ и развратныхъ монаховъ, когда онъ начиналъ от-носиться равнодушно и насмѣшливо къ соблюденію внѣшнихъ формальностей, тогда разрывалась всякая связь между католическою партіею и его частною жизнью, тогда ему ровно ничего не стоило жить и умирать совсѣмъ безъ религіи. Отрѣшвившись отъ раболѣп-наго уваженія къ духовенству, католикъ, какъ ученикъ, вырвавшій-ся на свободу, не зналъ границъ своей шаловливой радости, осмѣи-валъ сплошь, безъ всякаго дальнѣйшаго разбора, все, что онъ недав-но уважалъ по приказанію строгаго учителя. *Le Roman du Renard* представляетъ, въ цѣломъ своемъ составѣ, очень яркій образчикъ такого сплошнаго осмѣянія; и этотъ образчикъ тѣмъ болѣе замѣ-чательнень, что «Романъ о Лисицѣ» былъ, какъ я замѣтилъ выше, любимую умственною пищею средневѣковыхъ читателей.—Осмѣивая испорченность духовенства, авторъ этого романа осмѣиваетъ за одно католическую религію, во всѣхъ ея обрядахъ. Такъ, напри-мѣръ, преступную лисицу отлучаютъ; эту церемонію исполняетъ осель. При этомъ описываются во всѣхъ подробностяхъ—но, разумѣется, въ карикатурномъ видѣ,—всѣ обряды экскоммуни-каціи. Но лисица не унываетъ. «Что мнѣ дѣлать? восклицаетъ она съ насмѣшкою. Меня отлучаютъ отъ церкви. Теперь мнѣ придется отказываться отъ пищи до тѣхъ поръ, пока я не почувствую голода или аппетита. Теперь супъ мой не будетъ кипѣть до тѣхъ поръ, пока подъ нимъ не разложатъ огня». Сло-вомъ, лисица находитъ, что сокрушаться не о чемъ, потому что все пойдетъ по прежнему. Надѣлавши множество грѣховъ, лисица отправляется на исповѣдь, перечисляетъ всѣ свои преступленія, объявляетъ прямо, что совсѣмъ не желаетъ исправляться, и полу-чаетъ торжественное прощеніе.—Вся католическая обѣдня осмѣи-вается самымъ циническимъ образомъ.—Ложась спать, лисица мо-лится Богу, проситъ себѣ заступничества, произноситъ двѣнадцать разъ *Pater noster* и поминаетъ въ своихъ молитвахъ «всѣхъ во-ровъ, всѣхъ мошенниковъ, всѣхъ подлецовъ и всѣхъ развратни-ковъ».

И все это читалось съ величайшимъ увлеченіемъ современниками Людовика Святого. Массу вели къ невѣрію чисто-отрицательныя причины, то есть, несовершенства господствующей религіи. Но у мыслящихъ людей тогдашняго общества были и положительныя причины: на этихъ мыслящихъ людей дѣйствовали, съ неотразимою и постоянно возрастающею силою, два вліянія, въ высшей степени враждебныя католическимъ идеямъ,—вліяніе древней Греціи и влі-

яніе Арабовъ. — Греція проникла даже въ тотъ лагерь, къ которому принадлежали самыя ревностныя защитники католицизма; вся схоластика была построена на діалектикѣ Аристотеля, и случилось не разъ, что Аристотель, неотразимымъ обаяніемъ своей логической послѣдовательности, увлекалъ какого нибудь добросовѣстнаго католическаго богослова къ такимъ умозаключеніямъ, которыя никакъ не могли быть одобрены папою и соборами. Средневѣковыя ученики Аристотеля страстно любили своего учителя и видѣли въ его книгахъ высшее проявленіе человѣческой мудрости. *Нравственная философія* Аристотеля читалась на ряду съ евангеліемъ, или, точнѣе, *Нравственная философія* пользовалась предпочтеніемъ». (La Réforme p. 338). Эта преступная любовь католиковъ къ язычнику повела за собою самыя гибельныя послѣдствія. Ученикамъ захотѣлось, во что бы то ни стало, спасти обожаемаго учителя отъ адскихъ мученій. Богословы написали нѣсколько книгъ «о спасеніи Аристотеля». Въ схоластическомъ мірѣ появилась та опасная мысль, что языческіе философы получили вѣчное блаженство за чистоту своей нравственности и за благотворное вліяніе на развитіе человѣческой мысли. Дерзкіе умы стали разрабатывать эту идею: «если, рассуждали они, Платонъ и Аристотель попали въ рай, то, значитъ, вообще люди могутъ спастись во всякой религіи; индифферентизмъ былъ, такимъ образомъ, возведенъ на степень философской доктрины. Этому систематизированію индифферентизма содѣйствовало въ значительной степени вліяніе арабскихъ скептиковъ и преимущественно Аверроэса, который не только презиралъ все, но даже отвергалъ безсмертіе души и, вмѣсто личнаго Бога, признавалъ только безличную совокупность вѣчныхъ законовъ природы. Средневѣковыя католики называютъ Аверроэса «бѣшеною собакою, которая, увлекаясь отвратительною яростью, лаетъ постоянно противъ Христа и противъ католической религіи». Въ XIII столѣтіи, эта бѣшенная собака нашла себѣ многихъ послѣдователей въ парижскомъ университетѣ и во всей католической Европѣ. Парижскій епископъ нѣсколько разъ предавалъ проклятію эти вредныя идеи; Альбертъ Великій и Фома Аквинскій писали противъ нихъ ученые трактаты; но аверроизмъ продолжалъ дѣйствовать на умы и подрывать авторитетъ католицизма. Въ половинѣ XIII вѣка, одинъ папскій легатъ запретилъ діалектикамъ заниматься богословіемъ, а богословамъ пускаться въ богословскія изслѣдованія, говоря, что смѣшеніе богословія съ философіею ежедневно порождаетъ новыя заблужденія. Всѣ лукавыя вольнодумцы съ радостью ухватились за

это запрещеніе; они объявили, что не смѣютъ углубляться въ непостижимыя тайны богословія, и стали развивать такія философскія доктрины, которыя были совершенно противоположны установленнымъ догматамъ. Папа и парижскій соборъ съ величайшимъ негодованіемъ возстали противъ этой коварной тактики. «Нѣкоторые люди утверждаютъ, писалъ папа, что есть вещи истинныя по философіи, но неистинныя по религіи, точно будто могутъ существовать двѣ противоположныя истины, и точно будто истина, находясь въ противорѣчій съ Священнымъ Писаніемъ, можетъ заключаться въ книгахъ тѣхъ проклятыхъ язычниковъ, о которыхъ сказано: я погублю мудрость мудрецовъ». Запрещенныя мысли хитрили, вилили, принимали на себя различныя маски и все-таки прокладывали себѣ дорогу въ общество. Въ XIV вѣкѣ, Петрарка говоритъ о множествѣ людей, систематически презиравшихъ католическую религію: «Если бы казни уголовного правосудія не пугали ихъ гораздо больше, чѣмъ наказанія божьи, пишетъ онъ, они осмѣлились бы нападать не только на ученіе о сотвореніи міра, но даже на католическую религію и на священный догматъ Христа. Въ своихъ официальныхъ рѣчахъ, они клянутся, что ихъ разсужденія не затрагиваютъ религіи; но въ частныхъ бесѣдахъ они позволяютъ себѣ всевозможныя богохульства, шутки и сарказмы, которыя вызываютъ, со стороны ихъ слушателей, восторженныя рукоплесканія. Разумѣется, эти преступныя насмѣшки не могли долго удовлетворять человѣческую мысль; отвергнувъ религію, дойдя до атеизма и до полнаго матеріализма, мыслители XV в. стали искать себѣ новой работы; богословіе уже потеряло для нихъ всякую занимательность; они не считали его больше за науку, и, вслѣдствіе этого, они принялись съ величайшимъ увлеченіемъ за изученіе природы и классической литературы. Паденіе Константинополя, переселеніе многихъ ученыхъ грековъ въ Италію, великія морскія открытія и изобрѣтеніе книгопечатанія были тѣми внѣшними историческими событіями, которыя дали могущественное развитіе новому направленію умственной дѣятельности, одержавшему рѣшительную побѣду надъ средневѣковою схоластикою.

Въ XV столѣтіи побѣда была уже одержана: католическій богословъ, Петръ д'Альби, жалуется, что богословіе забыто и что богословы занимаются исключительно свѣтскими науками. Правда, реформація снова, на цѣлыя два столѣтія, выдвинула впередъ безисходныя теологическія диспуты, но въ то время, когда Лютеръ и Кальвинъ диспутировали, было уже много мыслящихъ людей, за-

нимавшихся серьезными научными изслѣдованіями. Математика, астрономія, физика, механика и анатомія развивались втихомолку въ то самое время, когда вся западная Европа была наполнена шумомъ протестантскихъ сектъ, интригами іезуитовъ и кровопролитными сценами религіозныхъ войнъ.—Положительная наука росла и укрѣплялась.

Д. Ишаревъ.

МЕЖДУ ЛЮДЬМИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПЕРЕДЪ ОТЪВЗДОМЪ.

I.

Предсѣдатель нашъ не жилъ въ ладу съ совѣтниками палаты; онъ считалъ ихъ ниже себя, хотѣлъ, чтобы они уважали его и слушались. Но они только притворялись, что слушались его и уважали, а за глаза ругали его и хвастались передъ служащими, что предсѣдателя они упекуть. Члены предсѣдателя тоже не любили сильно, да и служащіе съ сторожами желали, чтобы онъ провалился. Эта нелюбовь происходила отъ того, что онъ мучилъ хорошихъ переписчиковъ, ругалъ писцовъ, столоначальниковъ и сторожей, и вообще со всѣми, даже съ секретарями обращался: «эй ты!» Но при всемъ этомъ, онъ хотѣлъ сдѣлать служащимъ много полезнаго, только это полезное выходило у него въ грубой формѣ. Сидитъ онъ въ своемъ кабинетѣ и вдругъ призываетъ секретаря: — Эй ты, какъ тебя?... Ну, напиши мнѣ проектъ... такого рода, какъ бы тебѣ сказать?... Ну, однимъ словомъ, я хочу устроить, чтобы чиновники спшили себѣ платье дешевле... Да живо... Понялъ? — Секретарь былъ у насъ смиренный; предсѣдателя онъ всегда боялся; закричитъ предсѣдатель: позвать секретаря! онъ и бѣжитъ въ кабинетъ, а какъ предсѣдатель засыплетъ его словами, онъ и растеряется. Кромѣ этого, секретарь зналъ хорошо только свою часть

по канцеляріи, и всё проекты были для него мученьемъ. Скажетъ секретарь: понялъ, и выйдетъ, растерявшись. Сядетъ онъ на свое мѣсто и начнетъ думать. Члены пристають къ нему съ разными посторонними вопросами, а онъ боится позабыть, что ему говорилъ председатель. Члены подсмѣиваются.

— Что, каково?

— Ахъ, отстаньте!...

— Что онъ опять?

— Да вотъ какую-то чуху выдумалъ: платье шить хотеть.

Члены хохочутъ.

— Кому?

— Чортъ его знаетъ кому... Ничего не понялъ.

Пойдетъ въ канцелярію и просить дѣло, и какое ему нужно дѣло, самъ не знаетъ. Дашь ему какоенибудь дѣло. Онъ подержитъ въ рукахъ, очнется и скажетъ: нѣтъ ли въ архивѣ вотъ какихъ подобныхъ дѣлъ?...

— Какихъ?

— Да чтобы тамъ были проекты какіенибудь.

Не поймутъ секретаря, смотря на него, думаютъ: чего же ему надо? А онъ осердится.

— Скорѣе! Ахъ, право!,— и уйдетъ назадъ въ присутствіе. Пойдетъ въ архивъ, спроситъ архиваріуса, тотъ самъ ничего не знаетъ, такъ что если какое мнѣ нужно дѣло, онъ отираетъ архивъ и говоритъ: бери хоть всё, чортъ съ ними, а я почему знаю, какія такія у меня дѣла и гдѣ какое лежатъ?... Придетъ назадъ ни съ чѣмъ, роется въ законахъ и не найдетъ онъ ничего подобнаго въ законѣ, и зазоветъ двухъ-трехъ бухгалтеровъ, начавшихъ службу съ нимъ въ палатѣ съ копистовъ. Тѣ кое-что смыслятъ и посовѣтуютъ ему самому сочинить проектъ, да спроситъ какогонибудь совѣтника, какъ лучше сочинить.

А такихъ проектовъ председатель много заказывалъ, и одни изъ нихъ или забывались председателемъ, или сочинялись съ помощью бухгалтеровъ и столоначальниковъ черезъ полгода.

Такъ и теперь председатель задумалъ два огромныхъ проекта: увеличить жадованье служащимъ палаты и ея вѣдомства, и основать при палатѣ сберегательную кассу. Кроме этого, онъ задумалъ награждать человекъ пятнадцать ерденами и деньгами, и выпросить въ палату другихъ совѣтниковъ. Два проекта были известны

не только въ палатѣ, но и во всей губерніи; въ палатѣ за это предсѣдателя прозвали вѣзломшнымъ и самодуромъ, а въ губерніи удивлялись его уму. Остальное онъ держалъ въ секретѣ.—Когда было все готово, предсѣдатель объявилъ, что онъ ѣдетъ въ Петербургъ и желаетъ проститься со всѣми чиновниками.

Раньше этого я часто совѣтовался въ разныхъ дѣлахъ съ своимъ ближайшимъ начальникомъ, Павловымъ, котораго очень любилъ предсѣдатель. Онъ былъ человекъ неглупый, смыслилъ кое-что въ наукахъ, умѣлъ ловко осмѣять кого угодно въ палатѣ и заинтересовать разговоромъ кого угодно. Заѣхавши сюда изъ-за тысячи верстъ, потому что въ палатѣ служили его братья, онъ, по протекціи ихъ, скоро попалъ на должность помощника. Другую должность повыше ему пришлось бы долго ждать, потому что у совѣтниковъ были на примѣтѣ люди, давно прослужившіе въ палатѣ. Но вотъ пріѣхалъ предсѣдатель; Павлову какъ-то разъ случилось нести къ предсѣдателю бумаги. Предсѣдатель хотѣлъ его срѣзать на словахъ, но Павловъ былъ не робкій, самъ закидалъ словами предсѣдателя и самого рѣзалъ фактически. Съ этихъ поръ предсѣдатель такъ довѣрился Павлову, что не могъ жить безъ него и постоянно съ нимъ совѣтовался. Павловъ меня полюбилъ за честность и еще болѣе за то, что я работалъ въ палатѣ за него, такъ какъ онъ ничего не дѣлалъ, а былъ только чѣмъ-то въ родѣ адъютанта предсѣдателя.

Въ палатѣ я работалъ много, послѣ обѣда спалъ, потомъ пилъ чай полчаса и въ это время дома занимался палатной работой. Читать было некогда, да и то приходилось читать урывками. Станешь писать дневникъ—лѣнь, изъ головы ничего не лѣзетъ. Попинешь, попинешь и сходишь въ питейную лавочку, выпьешь рюмку водки. Больше всего я боялся отупѣть и сдѣлаться дуракомъ. Кромѣ этого, мнѣ страшно опротивѣло губернское общество. Мнѣ хотѣлось ѣхать въ Петербургъ для того, чтобы поучиться и поуменьтъ. Каждую недѣлю я видѣлъ въ городѣ пріѣзжающихъ столичныхъ жителей, и всѣ эти люди очень хвастались тѣмъ, что они знаютъ много такого, чего не знаютъ въ провинціи. Но не нравилось мнѣ то въ этихъ людяхъ: пріѣдетъ человекъ изъ столицы, задаетъ всѣмъ шику, говоритъ свысока: пожалуйте, батюшка, любезнѣйшій, и тому подобное; рисуется, особенно коверкаетъ свою походку, когда говорить—манетъ руками или

дѣлаеть ими тактъ въ каждому слову, и на все смотритъ съ презрѣніемъ. Всѣ эти манеры провинціалы перенимали отъ столичныхъ, и слово батюшка вошло въ поговорку начальниковъ, и служащіе стали коверкать походку и махать руками при разговорѣ, что выходило очень смѣшно. Провинціалы, уѣзжавшіе въ столицу по какимъ нибудь дѣламъ, привозили домой много пыли; къ нимъ стекались братья съ товарищами, выпрашивали у нихъ столичныя новости и, по случаю пріѣзда своего товарища, устраивали для него вечеръ. Миѣ не случалось бывать на такихъ провинціальныхъ вечерахъ, и что тамъ дѣлается, — я судить не могу. Но на гуляньяхъ эти господа старались казаться какими-то иными людьми; для насъ, молодыхъ людей, жившихъ только въ одномъ губернскомъ городѣ, они казались очень смѣшными. Мы имѣли знакомыхъ человѣка два-три студентовъ, жившихъ здѣсь исключительно уроками, и они намъ кружили головы столичною жизнью. — Тамъ настоящей западъ, тамъ дверь въ Европу, оттуда просвѣщается Россія. Тамъ только и можно жить образованному, умному человѣку; тамъ только и можно жить свободно, свободно мыслить и разсуждать, тамъ всякому провинціалу можно поумнѣть и найти настоящую дорогу.

— Но какъ жить человѣку безъ средствъ?

— О, тамъ можно найти какое нибудь занятіе, напримѣръ, уроки, службу въ частныхъ конторахъ. Бѣдному человѣку тамъ всякій помогаетъ.

Были и другіе совѣтники, которые говорили, что бѣдный человѣкъ тамъ не пронадеетъ и даже даровую пищу найдетъ, напримѣръ, гдѣ-то у Демидова. Миѣ хотѣлось ѣхать въ Петербургъ не для службы, а учиться; но у меня не было денегъ. Просить денегъ не у кого, и я думалъ, что въ такомъ большомъ городѣ не скоро найду частныя занятія; учить... но чему я, провинціалъ, буду учить столичныхъ?.. Смѣшно. — Все-таки я днемъ и ночью мечталъ о Петербургѣ. Во снѣ я видѣлъ себя въ какомъ-то большомъ городѣ, или собирався куда-то ѣхать. Сталъ я говорить о своемъ желаніи Павлову, тотъ смѣялся надо мной и обѣщалъ мнѣ выхлопотать въ палатѣ хорошую должность. Пошелъ я къ предсѣдателю и высказалъ свое желаніе.

— А отчего вамъ здѣсь не живется?

— Надоѣло, учиться хочется.

— Вотъ глупости. Живите-ка, батюшка, здѣсь, а нечего глупости говорить... Ну, какъ вы тамъ будете жить?

— Вѣдь живутъ же люди.

— А, вамъ совѣтникомъ хочется пріѣхать сюда!

Онъ засмѣялся и послалъ меня въ палату.

На председателя нечего было надѣяться. Хотѣлъ я подать прошеніе о переводѣ въ какое нибудь министерство, но нашелъ это негнѣпностью. Пришлось служить въ палатѣ. И я рѣшилъ, что, лишь только у меня будетъ сто рублей, непременно уѣду въ Петербургъ, а для этого и въ отставку выйду.

Передъ отъѣздомъ председателя чиновники собрались послѣ обѣда въ бібліотеку. Собралось ихъ человѣкъ сто. Чиновники собирались только потому, что имъ приказывали собираться, и смѣшно было видѣть эту огромную толпу разношерстныхъ характеровъ въ разнокалиберныхъ костюмахъ. Всѣ они какъ-будто удивлялись и радовались, что собрались сюда въ одну массу не для занятій, а для чего-то важнаго, и никто не сознавалъ здѣсь того, что и отъ него требуется частичка голоса, частичка знанія. Каждый говорилъ, что хотѣлъ: одинъ говорилъ о начальникѣ, другой смѣялся надъ товарищемъ и проч. Вонъ какой-то служащій вытаскиваетъ бумажку, на которой написано нѣмъ-то: «смири, смири, смири, Владычице», и говорить: смотрите, что Крюковъ написалъ!—Его окружаютъ человѣкъ десять служащихъ и подзываютъ Крюкова, смѣются надъ нимъ, что онъ передъ началомъ занятій всегда пишетъ эти слова, чтобы не обращать вниманія на насмѣшки и больше сработать... Вонъ чиновники контрольнаго отдѣленія состязуются съ чиновниками отдѣленія казначействъ: вы что?—А вы дрянъ!—Вы взыточники и совѣтникъ вашъ плутъ.—И вы хороши. Нашъ совѣтникъ золото, славный человѣкъ.—Чего вы толкуете! нашъ ревизскій умнѣе вашихъ, и мы всѣ умнѣе васъ.—Вотъ ужь!—и т. п. Всѣ кричатъ, каждый стоитъ за свое отдѣленіе, готовъ драться, и каждый хочетъ высказать свои способности, свой умъ, но не можетъ, его перекрикиваютъ. Хаосъ необъяснимый и никто этимъ не обижается, только одинъ сторожъ стоитъ въ дверяхъ и ухмыляется. Такъ вотъ и кажется, что ему хочется сказать: экъ ихъ! Всѣхъ бы связать на одно лыко да въ воду спустить, а те какъ люди кричатъ о чемъ-то; сорять только погаными пошпиресками...

Но вотъ вошелъ въ прихожую председатель съ Павловымъ; сторожъ бросился къ нему снимать шубу, въ комнатѣ вмигъ все смогло; писцы и помощники стали застегивать пуговицы у сюрту-

ковъ, многіе высморкались и стали къ стѣнѣ. Предсѣдатель вошелъ въ комнату въ вицмундирѣ, на которомъ красовались четыре ордена. Онъ поклонился и расшаркался. Ему поклонились всѣ, ногіе чувствовали неловкость.

— Садитесь, господа, безъ церемоніи.

Совѣтники, столоначальники, бухгалтеры и контролеры сѣли за огромный столъ; писцы не двигались отъ стѣны.

— А вы?

Многіе замаялись, придвинулись ближе къ стѣнѣ и никто ничего не сказалъ. Предсѣдатель и Павловъ стояли у конца стола. Предсѣдатель взялъ свертокъ отъ Павлова и началъ рѣчь:

— Господа!.. Я васъ собралъ сюда для того, чтобы... какъ вамъ сказать... для того, чтобы заявить вамъ мою искреннюю, душевную благодарность въ томъ благомъ дѣлѣ, какое я, при помощи вашей, могъ осуществить... Правда, мнѣ много стоило труда пробудить васъ отъ рутиннаго состоянія, но я все-таки сдѣлалъ вамъ кое-что...

Онъ остановился. Всѣ смотрѣли на него, какъ на что-то особенное; многіе ничего не понимали, человѣка два-три улыгнулись.

— Тутъ не надъ чѣмъ смѣяться... Я надѣюсь, вы останетесь мнѣ много благодарны... Теперь, уѣзжая въ Петербургъ, я хочу выхлопотать для васъ много полезнаго, и, если Богъ поможетъ мнѣ, вы будете счастливы. Вотъ я хочу выхлопотать вамъ прибавку жалованья, хочу основать сберегательную кассу на социальныхъ началахъ... Что вы скажете на это?... Господа!..

Совѣтники пошевелились, посмотрѣли другъ на друга, столоначальники и прочіе посмотрѣли на совѣтниковъ, писцы — кто въ окна, кто на совѣтниковъ, и никто ничего не сказалъ.

— Я васъ спрашиваю, господа.

— Это, должно быть, хорошо, только тово... сказалъ старшій совѣтникъ.

— И такъ, я ѣду въ Петербургъ и надѣюсь много для васъ выхлопотать. Но мнѣ бы не хотѣлось служить... здѣсь; хотя и жаль, да дѣлать нечего... А можетъ быть, я приѣду назадъ... Прощайте!

Онъ поклонился и пошелъ назадъ. Кто-то сказалъ ему вслѣдъ: покорно благодарю. Павловъ обидѣлся за собраніе и сказалъ:

— Что же вы, господа, не поблагодарили его?

— За что?

— Какъ за что? А библиотека развѣ худое дѣло?

— Тебѣ она хороша—ты библиотекарь, да еще съ нимъ ѣдешь, ну, и благодари, сказалъ одинъ бухгалтеръ. А другой бухгалтеръ еще лучше выразился:

— А я думалъ, что онъ водкой насъ угостить передъ отъѣздомъ; а то, вишь ты, проститься захотѣлъ! Невидаль какая...

Надъ этимъ всё размѣялись громко и всё, недовольные чѣмъ-то, разошлись по домамъ, говоря, что председателю кто-то сочинилъ рѣчь, да и тутъ-то онъ не умѣлъ ее хорошенько сказать. Только потревожилъ ихъ напрасно, а то спали бы себѣ славно...

Когда председатель уѣхалъ съ Павловымъ, я чувствовалъ въ палатѣ какую-то пустоту, чего-то не доставало въ палатѣ. А не доставало двухъ людей: председателя, который кричалъ и мучилъ служащихъ, и Павлова; который развлекалъ служащихъ своими разговорами. Мнѣ стало досадно, что они уѣхали, а я долженъ виснуть въ этомъ городѣ.

II.

Послѣ отъѣзда председателя палата словно повернулась; вверхъ дномъ. Съ перваго разу бросался въ глаза беспорядокъ, а потомъ для служащихъ насталъ какой-то праздникъ; одинъ только секретарь по прежнему работалъ, какъ волъ, чуть не за всѣхъ совѣтниковъ. Однимъ словомъ, безначаліе началось страшное: каждый совѣтникъ дѣлалъ, что хотѣлъ, и не слушалъ другого; дѣла стали запускаться, чиновники начали пьянствовать; хотѣли окончательно закрыть библиотеку.

Такъ продолжалось два мѣсяца, и о председателѣ всё забыли; даже секретарь, который, какъ ни старался вразумить совѣтниковъ, что надо дѣлать,—махнулъ на все рукой и сталъ меньше заниматься. Работы въ канцеляріи было много, и такъ какъ я исправлялъ должность протоколиста и хранилъ ключи отъ шкафа съ дѣлами канцеляріи, то секретарь часто посылалъ за мной.

Разъ у меня послѣ обѣда были гости, и я самъ былъ выпивши. Прибѣгаетъ сторожъ и говорить: секретарь зоветъ сію минуту, съ нимъ не ловко что-то... Прихожу я въ присутствіе. Секретарь сидитъ блѣдный, дѣла разбросаны на полу. Я думаю: не сходить ли за докторомъ?

— Батюшка, Петръ Васильичъ, помоги—пропали...

— Что такъ?

— Ахъ, бѣда-бѣда!..

И секретарь закрылъ лицо руками.

— Да что такое?

— Ревизоръ вѣдь ѣдетъ, завтра... ночью будетъ... и онъ вытаращилъ на меня глаза. Меня покоробило, но въ головѣ блеснула мысль: я въ Петербургъ буду проситься.

— Вотъ я письмо отъ предсѣдателя получилъ... Накликалъ на насъ бѣду!.. Писнеть: ужъ ревизоръ уѣхалъ... Ахъ, омазия!..

— Такъ что же? У насъ все хорошо, развѣ что въ другихъ отдѣленіяхъ.

Это его успокоило, но не совсѣмъ.

— Охъ, не говорите! Что у насъ хорошаго-то? Ахъ, пропалъ я.— Гдѣ Бжиловъ?

— Онъ на заводѣ.

— Ахъ, какъ бы за нимъ сходить?

— Да сегодня воскресенье: онъ, я думаю, въ лѣсу, а идти-то четыре версты.

Онъ никогда не заглядывалъ въ шкафъ. А въ шкафу дѣла лежали, какъ попало, и ихъ могъ найти только я одинъ. Описи у насъ не было. Я съѣздили на заводъ и привелъ вольнонаемнаго писца канцеляріи Кирилова сильно хмѣльнаго. Съ нимъ и съ секретаремъ я провозился до пятого часу утра, перебирая дѣла, которыя были въ большомъ беспорядкѣ.

Такого сюрприза, какъ ревизоръ, да еще отъ министра, никто не ожидалъ. Для секретаря это было просто какою-то смертью съ острою косою, и онъ думалъ, что его непремѣнно отдадутъ подъ судъ, тѣмъ болѣе, что онъ никогда не видалъ въ палатѣ ревизоровъ. Вся жизнь его была трудная, особенно, когда онъ сдѣлался секретаремъ;—поневоѣ растеряешься. Цѣлый мѣсяцъ мы приводили дѣла въ порядокъ и кое-какъ настроили ихъ, за то перепутали бумаги, отшивъ ихъ изъ одного дѣла и пришивъ къ другимъ, и въ канцеляріи остановилось текущее дѣлопроизводство. Хорошо еще, что ревизоръ долго заставлялъ ждать себя.

Когда секретарь, на другой день послѣ полученія предсѣдательскаго письма, объявилъ въ палатѣ о ревизорѣ, онъ сказалъ имъ,

что онъ человѣкъ строгій, гдѣ онъ не ревизоваль, вездѣ, какъ са-ранча, оставилъ послѣ себя слѣды.

Многихъ такъ поразила эта вѣсть, что они захворали. Въ городѣ заговорили всѣ, что наконецъ-то и на палату придетъ строгій судья и этотъ судья поразить ихъ и разорить до основанія всю палату. Наконецъ, совѣтники пришли къ тому заключенію, что бѣду надо какъ нибудь поправить; взятку ревизоръ не возьметъ, нужно дѣла привести въ порядокъ. И началась во всей палатѣ работа. Столоначальники, бухгалтеры и контролеры метались изъ стороны въ сторону, дразнили другъ друга ревизоромъ и всячески старались привести дѣла въ порядокъ, но ихъ очень трудно было приладить.

— Ты что, приготовился? спрашиваетъ бухгалтеръ контролера.

— Наплеваль бы я. Есть мнѣ когда!

«Хитрить» думаетъ бухгалтеръ; погоди, какъ онъ тебя вздуеть. Вотъ меня такъ не за что,—у меня все на отличку.

— Я, братъ, какъ пріѣдетъ ревизоръ, въ больницу уйду, говорить столоначальникъ столоначальнику.

— Ну, и шалишь. Ты въ больницу и я въ больницу; а подъ судъ—такъ обоимъ подъ судъ.

— Ну, нѣтъ. Я ужъ охлопоталь это дѣло въ канцелярію...

Столоначальники возненавидѣли столоначальниковъ, бухгалтеры издѣвались надъ бухгалтерами, — словомъ, всѣ ожесточились другъ на друга, завидовали, желали, чтобы собрату было хуже; но все-таки каждый боялся за себя. Больше всѣхъ трусилъ секретарь, и надъ нимъ издѣвались бухгалтеры, и онъ надъ ними.

— Вы не бойтесь; мы видѣли всякія ревизіи: ревизоры только пугать умѣютъ.

— У васъ все такъ! А какъ будетъ туго, вы и заскачете горошкомъ.

— Неужели вы боитесь?

— Если бы можно, я бы въ отставку вышелъ.

— Да вамъ-то чего бояться?

— Какъ чего? скажетъ: ты секретарь, ты что смотришь? Вотъ и служи!.. Тридцать три года прослужилъ, да какъ подъ судъ отдасть. Хорошо, вамъ легко судить.

Секретаря всѣ любили и соглашались съ нимъ, что дѣло дѣйствительно дрянъ.

III.

Я съ нетерпѣньемъ ждалъ прїѣзда ревизора. Какъ прїѣдетъ онъ, думалъ я, погляжу, что это за штука такая: если молодой да ласковый, я буду просить его, чтобы онъ перевелъ меня въ Петербургъ; если онъ старикъ и злой, я напишу ему прошеніе и всетаки буду проситься. Что будетъ, то и будь!.. И эта мысль не довела мнѣ нигдѣ покою, но я ее никому не высказывалъ.

Ревизора ждали два мѣсяца, но онъ не изволилъ являться; не прїѣзжалъ и предсѣдатель. Всѣ палатскіе чиновники, кромѣ секретаря, рѣшили, что ревизоръ не будетъ.

Наконецъ прїѣхалъ предсѣдатель, объявилъ по отдѣленіямъ, что ревизоръ будетъ на дняхъ. Прїѣхалъ и Павловъ изъ отпуска.

Была суббота. Въ этотъ день мнѣ слѣдовало дежурить, но я нанялъ дежурить другого служащаго изъ вольнонаемныхъ, а самъ ушелъ къ Павлову. У Павлова я изрядно напоздравлялся и о палатѣ совсѣмъ забылъ. Вдругъ пришелъ къ намъ сторожъ и объявилъ, что въ палату прїѣхали три ревизора, и Павлова зоветъ предсѣдатель. Зашелъ я въ палату; тамъ уже было въ сборѣ полпалаты служащихъ. Секретарь бѣгалъ, бѣсился, распекалъ всѣхъ и особенно меня. Но я плохо понималъ, что тамъ происходило,—мнѣ спать хотѣлось. Помню только, что столоначальники и прочіе подначальные начальники были сами не свои. Далъ мнѣ секретарь переписать что-то: я навралъ. Онъ обругалъ меня и велѣлъ снова переписать; я улизнулъ домой и легъ спать. Утромъ мнѣ говорили, что секретарь два раза посылалъ за мной, но меня не могли добыться, и хозяинъ рѣшился только отдать сторожу ключи отъ шкафа.

На другой день въ палатѣ всѣ служащіе были въ сборѣ съ десяти часовъ; изъ нихъ многіе пришли даже часу въ шестомъ. Всѣ трусили. Совѣтники велѣли всѣмъ застегнуть сюртуки на глухо, причесать волосы и чѣмъ нибудь заняться. Предсѣдатель самъ осмотрѣлъ служащихъ и дѣлалъ замѣчанія; одному: у тебя волосы длинны; другому—брюки прорваны; третьему—двухъ пуговицъ форменныхъ недостаетъ.

Наконецъ пришелъ ревизоръ, низенькій, старый, вострый человекъ; съ нимъ были два помощника. Онъ важно оглядѣлъ стѣны, служащихъ, спросилъ о столоначальникахъ, отдалъ предписаніе, ве-

гѣль написать ему вѣдомости о числѣ дѣлъ и бумагъ, важно прошелся по всѣмъ отдѣленіямъ и назначилъ ревизію съ завтрашняго дня.

Можно представить себѣ, въ какомъ неонисанномъ ужасѣ были столоначальники и прочіе господа; они просто тряслись отъ испугу.

— Вотъ онъ, дьяволъ!

— Да! отгуляли, чертъ возьми!..

Не зная, что дѣлать, они отпирали шкафы. Отворять шкафъ и смотреть:—какъ ввязаться, съ которой полки? Чертъ его знаетъ, какое дѣло онъ спроситъ. Зналъ бы да вѣдать, вотъ это бы привелъ въ порядокъ... Вытащить человѣкъ дѣло, посмотреть въ него, сдѣлаетъ плачевный видъ, поскоблеть на листахъ кое-что и бросить его назадъ.—Такъ прошло время до вечера. Всѣмъ хотѣлось отличиться передъ ревизоромъ, но какъ и чѣмъ? Мучило всѣхъ еще то: съ какого отдѣленія начнетъ онъ ревизію? А мучило ихъ это потому, что по началу на это отдѣленіе онъ сильно нападетъ, а потомъ ему скучно сдѣлается и онъ уже нехотя будетъ ревизовать.—Одинъ столоначальникъ подалъ прошеніе въ отставку, двое—бухгалтеръ и контролеръ,—прислали рапорты, что они нездоровы...

Началась ревизія съ питейнаго отдѣленія. Прочія отдѣленія успокоились, поздравили наивно питейныхъ съ ревизіей и занялись прилаживаніемъ своихъ дѣлъ. Къ счастью ихъ, что ревизоръ ревизовалъ цѣлый мѣсяцъ одно питейное отдѣленіе. Питейные столоначальники говорили, что онъ просто ѣстъ ихъ, но столоначальники были люди храбрые, кончившіе курсъ въ гимназіи, и свое дѣло хорошо знали. Съ ними ему легко было возиться и они на каждый его вопросъ отвѣчали беззапѣчиво. Онъ велъ себя очень любезно со всѣми, помощники его были тоже вѣжливы. Но когда онъ сталъ ревизовать другія отдѣленія, то тамъ открылось много беспорядковъ: столоначальники не знали, что говорить, терялись, носили не тѣ дѣла, тряслись; тутъ-то ревизоръ и показалъ себя! Кричалъ, срамилъ ихъ на всю палату... Такимъ порядкомъ онъ ревизовалъ палату три мѣсяца, и въ это время мучилъ чиновниковъ своими допросами, стараясь всячески открыть какое-то зло...

Къ атому-то ревизору я попалъ въ переписчики. Ему нуженъ былъ переписчикъ, но въ провинціи трудно найти такого переписчика, который бы умѣлъ скрывать секреты. А секретарь любилъ меня за то, что я, когда переписывалъ секретныя бумаги, никому объ нихъ не говорилъ. Разъ я переписалъ бумагу; ревизору по-

правилось; онъ похвалилъ меня за то, что я пишу правильно и разбираю его почеркъ, и онъ избралъ меня переписчикомъ. У ревизора мнѣ случалось бывать часто, и мнѣ каждый разъ хотѣлось вы-сказать ему свое намѣреніе, но все не удавалось.

Въ это время пріѣхалъ ко мнѣ дядя съ теткой. Дядю назначили почтмейстеромъ и онъ проѣздомъ остановился у меня. Раньше, за-долго до его пріѣзда, я писалъ къ нему письма, въ которыхъ я звалъ его къ себѣ въ гости. Разъ какъ-то онъ пріѣзжалъ въ губер-нскій городъ, пришелъ ко мнѣ на квартиру, но меня не было дома. Онъ отыскалъ таки меня на рыболовствѣ и сдѣлалъ выговоръ за то, что онъ не засталъ меня. Въ письмахъ своихъ онъ постоянно упрекалъ меня въ какой-то непочтительности къ воспитателямъ; я ему отвѣчалъ длинными письмами. Переписка шла между нами каждую недѣлю, — благо письма отправляли даромъ.

По обычаю, мнѣ бы слѣдовало ихъ обнять, какъ только они вы-шли изъ повозки, но мнѣ показалось это глупостью и униженіемъ. Кое-какъ они вытѣзли изъ повозки; тетка заплакала — вѣроятно отъ радости, — дядя улыбался. Они имѣли такой видъ въ это время, что я сравнилъ ихъ съ деревенскими жителями.

— Вотъ и гости, Петръ Васильичъ! Примете ли вы своихъ вос-питателей? сказала тетка ласково, но и какъ-то ядовито. Впрочемъ, въ голосѣ ея слышалось какое-то горе, на лицѣ отразилось болѣз-ненное состояніе. Мнѣ жалко ея стало.

— Отчего же не принять, я радъ вамъ.

— То-то. Ужь не женился ли? — и она улыбнулась.

— Да если бы и женился, такъ жена будетъ рада вамъ.

— Все же...

Дядя улыбался, моргалъ глазами, лѣзъ обнимать меня и гово-рилъ: у, ты мой миленькой! Я замѣтилъ, что онъ былъ выпивши.

Когда они вошли въ мою комнату, то тетка замѣтила: вотъ вы гдѣ поживаете! Какъ же вы живете-то здѣсь? — Казалось, этими сло-вами она выражала свое самолюбіе: я вѣдь почтмейстерша.

— По моему, — ладно.

Дядя цѣловалъ меня, высказывая, что онъ радуется, во-первыхъ тому, что я служу хо рошо и получаю порядочное жалованье, а во-вторыхъ, ему показалось, что я его встрѣтилъ любезно.

Тетка раздѣлась, развязала узелокъ; втащили перину и сундукъ.

Послѣ осмотра вещей и удостовѣренія, что все цѣло, она сѣла и сказала:

— Не знаешь ли, Петръ Васильичъ, гдѣ бы мнѣ купить косу къ головѣ?

— На что?

— Да какъ же! Теперь вѣдь я почтмейстерша, надо бюджетъ съ визитами ѣхать, а у меня волосы почти все вылѣзли; скажутъ: какая это чумичка, почтмейстерша-то? — Срамъ... Они вѣдь модницы, осмѣютъ.

Это она говорила тономъ собственнаго достоинства, которымъ хотѣла удивить меня: теперь, молъ, я сама начальница, и потому надо, чтобы въ моей наружности все было хорошо. Я молчалъ.

— Да вотъ еще чепчикъ къ ночи надо купить.

Я сказала, что я не знаю, гдѣ продаютъ такія вещи. Стали пить чай.

— Ну, какъ ты служишь? спросилъ меня дядя.

— Ничего, хорошо.

— Ну, и ладно. Не служи только, какъ отецъ твой служилъ... Главное, будь къ начальству почителенъ.

— Да начальство-то всякое есть.

— Ну, все же. Ты знай, что если палочку поставятъ, да велатъ кланяться—и поклонимся.

— Ни за что. Вѣдь вы тоже не поклонитесь?

— То я, то ты. Я, слава те Господи, послужилъ, а ты еще только въ люди вышелъ.

— У насъ теперь ревизоръ, и если бы вы были на моемъ мѣстѣ, то убѣдились бы въ томъ, что все наши начальники—дрянь.

— Ты этого не говори... Мнѣ можно говорить, а ты—молодъ.

А ты вотъ лучше къ ревизору поддѣлайся.

— Я у него часто бываю.

— Вотъ и прекрасно. Попроси, чтобы онъ тебѣ должность далъ.

— Я думаю, онъ самъ дастъ.

— Ну, надѣйся! Подъ лежачаго и вода не побѣжить, говорить поговариваютъ. А ты, какъ онъ дастъ тебѣ хорошее мѣсто, попроси его, чтобы онъ опредѣлилъ меня назначею.

— Я и самъ-то еще не знаю: дастъ онъ мнѣ должность или нѣтъ. Да мнѣ и не хочется просить у него должности.

— Ну, и дуракъ, значить. Ты пойми, что я старъ. У меня толь-

ко на тебя надежда... А какъ ты должность получишь, старайся деньги копить, да чинъ получить—это главное. Потому я тебѣ невѣсту найду богатую... Ты, братъ, замѣнешь чудо. И мнѣ будетъ любо; всѣмъ свиньямъ буду говорить: что! какво я племянника воспиталъ, — а?.. Дядя былъ очень веселъ.—Ну, поцѣлуй меня!—Я поцѣловалъ его.

— Что же ты меня-то не поцѣловалъ? И обнять не хотѣлъ, какъ мы прѣехали...

Я поцѣловалъ тетку, но это показалось ей неискреннимъ. Она обидѣлась.

— Ужъ больно ты умнѣе сталъ! Другую, вѣрно, вмѣсто меня нажилъ.

Мои воспитатели гостили у меня только два дня. Сначала я радъ былъ имъ, но на другой день они надѣли мнѣ: мнѣ нужно было постоянно сидѣть съ ними, рассказывать что нибудь, ходить съ ними къ ихъ знакомымъ и выслушивать ихъ капризы. Оба они вели себя, какъ должностные важные люди. Дядя ходилъ въ губернскую контору не иначе, какъ въ мундиръ, шпагъ и треугольникъ, старался передѣлать свою походку по губернски, махалъ руками, начиналъ говорить свысока, но все выходило у него какъ-то смѣшно. Я замѣтилъ, что онъ занимался туалетомъ больше, чѣмъ прежде: мылся дольше, мазалъ волоса помадой и больше прежняго ругалъ начальство. Теперь я почтмейстеръ, самъ начальник! Мнѣ давно бы слѣдовало быть почтмейстеромъ, а они все трясли съ меня деньги. Да и теперь турнули меня вонъ куда...

— Теперь вы отдохнете. Тамъ только одинъ разъ въ недѣлю наборъ и одинъ разъ почта приходитъ.

— Да жалованье-то мало: всего одиннадцать рублей. А развѣ я того заслуживаю?

— Все-таки вы теперь хозяинъ.

— Да я теперь долженъ быть первый въ городѣ. Я этимъ судьямъ да городничимъ плевать буду. Они всѣ теперь мнѣ должны кланяться.

Тетна не храбрилась, но она держала себя какъ-то вяло, мало сидѣла, больше лежала и, лежа, думала. Я замѣчалъ ей, что она тамъ будетъ большою барыней, — она осталась довольна этимъ.

— Слава тебѣ Господи, что я почтмейстерша! Не послѣдняя же я кака нибудь... Право!

— Вамъ нужно ладить съ тайными барынями.

— Мнѣ-то? Ни за что. Первая ни за что никому не поклонюсь! Да я и дома все буду сидѣть; гдѣ мнѣ, старухѣ, знаться съ модницами? ихъ, поди, много тамъ.

Дядя купилъ ей косу и чепчикъ. Она приладила это на голову; и въ какомъ восторгѣ она оглядывала себя въ зеркалѣ.

— Ахъ, какъ идетъ!

— Не очень.

— Ты ничего не знаешь. Ты женись напередъ; попадется жена модница—утреть тебѣ носъ.

— Да это-то къ вамъ нейдетъ.

Она посмотрѣлась въ зеркало, чавкнула губами отъ удовольствiя, улыбнулась и стала еще старательнѣе охранивать свою голову. Въ этомъ нарядѣ и надѣвши хорошее шоломовое платье, она пошла къ почтовымъ. Шла она странно, точно кто толкалъ ее впередъ: шагнетъ разъ пять, не покачнется, словно нава какая; вѣтеръ ее толкнетъ впередъ, то на бокъ, и пойдетъ она скоро, переваливаясь съ боку на бокъ. Пришла она домой недовольная.

— Смѣются надо мной, смеются, что я почтмейстершей стала.

— Что такъ!

— Платье, говорятъ, у васъ хорошее, чепчики, говорятъ, вы нынче носите.

— Вамъ бы приличнѣе шляпку надѣть—здѣсь вѣдь губернской...

— Я почтмейстерша, мнѣ чепчикъ приличнѣе носить.

— У, дура; я говорилъ тебѣ: надѣнь шляпку, такъ нѣтъ. Ну, кто ходить по улицѣ въ чепчикѣ? сказалъ ей дядя.

— Да вѣдь я платномъ заглядывалась. Всѣ смѣются, а нѣтъ что-бы радоваться.

Дядѣ и теткѣ не понравилось жить у меня. Имъ показалось, что я не радъ имъ.

— Нѣтъ, какой ты племянникъ?

— Я вамъ готовъ всѣмъ угождать, но если я не имѣю много денегъ, чтобы угостить васъ богато...

— Не угостить, а ты косишься. Ишь, ученъ больно сталъ. Почтайте, говорить, книжку, а мнѣ на службу надо. Плевать мнѣ въ твои книги! Ты, братъ, живешь, а я все вижу. Нѣтъ, братъ, я уѣду и больше ни ногой къ тебѣ,—говорилъ дядя.

Передъ отъѣздомъ я сказалъ дядѣ:

— Мнѣ хочется ѣхать въ Петербургъ.

— За какии лѣшми?

— Служить хочу.

— А здѣсь тебѣ еще не служба?..

— Я тамъ доучиваться буду.

— Доучиваться! А меня ты знаешь?

— Здѣсь я не могу доучиться, а тамъ къ этому больше возможности...

— А! тебѣ не нравится съ нами жить. Ишь, дядя старъ сталъ, такъ и немилъ больше? Чортъ съ нимъ, издыхай онъ, а я, молъ, и знать его не хочу.... Безсовѣстный ты эдакой. За это, знаешь, тебя отодрать нужно хорошенько.

— А если я, выучившись, сдѣлаюсь хорошимъ человѣкомъ,—могу тогда больше и лучше помогать вамъ.

— Ну-ну!.. Служи-ка, братъ, на одномъ мѣстѣ; ты знаешь: камешокъ на одномъ мѣстѣ обростаеъ.

— Ну, подумалъ я, съ нимъ толковать не стоитъ. Стань его уговаривать, онъ хуже озлится. Но все-таки мнѣ не хотѣлось, ѣхать безъ его согласія, иначе онъ будетъ думать, что я обижаю его. Я замолчалъ, а онъ сталъ мнѣ рассказывать свою тяжелую жизнь, какъ онъ изъ почтальоновъ сдѣлался почтмейстеромъ, никому не кланяясь, что и всѣ его товарищи, никуда не ѣздя, дослужились хорошихъ мѣстъ и теперь благоденствуютъ. Я представилъ себѣ положеніе дяди и то, что онъ рассчитывалъ на меня въ будущемъ, и это онъ отчасти самъ говорилъ мнѣ. Вотъ ревизоръ сдѣлаеъ меня бухгалтеромъ въ палатѣ, рисовалъ онъ мнѣ мое будущее. Всѣ мнѣ будутъ кланяться. Сердце дядино будетъ радоваться, когда онъ увидитъ меня бухгалтеромъ: «такой молодой» — бухгалтеръ! Вотъ, значитъ, ты умный человѣкъ. Всѣ твои сочиненія гроша не стоятъ противъ такой должности. Женись ты на секретарской дочери, чинъ и домъ получишь... Казначеемъ тебя сдѣлаютъ! Ишь ты! мой племянникъ казначей, а я почтмейстеръ! а?—и дядя щелкнулъ языкомъ. Вотъ я и буду радоваться, да казать всѣмъ флугу: каковъ, молъ, я, черти вы эдакіе... А то, ишь ты, выдумалъ въ Петербургъ, учиться вздумалъ...

— Ну-съ, я буду казначеемъ, а потому что?

— А какого тебѣ чорта нужно?

— Я совсѣмъ оглублю тогда, да еще дѣтей дураковъ надѣлаю.

— Ты мнѣ этого не говори. Ты самъ глупъ и больше ничего. А если ты будешь туда проситься, то не знай больше меня, и я тебя знать больше не хочу! Чортъ съ тобой.

— Дядю, подумалъ я и, проводивъ дядю, рѣшился, при первомъ же удобномъ случаѣ, поговорить объ этомъ предметѣ съ равнорядомъ.

IV.

Какъ человѣкъ робкій, неумѣвшій говорить, я боялся высказать ревизору на словахъ свое желаніе, и поэтому написалъ ему письмо, въ которомъ подробно изложилъ свое желаніе ѣхать въ Петербургъ, и для удостовѣренія того, что я умѣю сочинять, я предлагалъ ему прочесть какую нибудь свою драму. Ревизоръ прочесть письмо при мнѣ и при чтеніи нѣсколько разъ улыбался.

— Тамъ вы сочинитель? спросилъ онъ меня и самъ засмѣялся. И не краснѣете.

— Что краснѣете? Вы драматическій писатель? ха-ха-ха!..

Я осердился; мнѣ обидно сдѣлалось. Ну, думалъ я, что я надѣлалъ?..

— Я вамъ скажу, что сочинители все ни къ чему негодный народъ... Впрочемъ я васъ испытаю. Приготовьте мнѣ черезъ двѣ недѣли рекрутскій уставъ.

— Очень хорошо.

— Я васъ проэкзаменую.— Ступайте!

Когда я выходилъ изъ комнаты, то слышалъ, какъ онъ хохоталъ, рассказывая своему помощнику про меня.

Мнѣ сдѣлалось досадно, что я написалъ ему это письмо.

Когда я сказалъ товарищамъ, что ревизоръ велѣлъ мнѣ приготовить рекрутскій уставъ, они заговорили: ну, братъ, должность онъ тебѣ хочетъ дать... Экое, подумаешь, счастье людямъ... Сталъ я читать законъ,—плохо понимаю; инныя статьи вовсе не понимаю, да и читать много некогда. Дѣла подъ руками не было, посоветоваться не съ кѣмъ, и я не знаю, о чемъ меня будетъ спрашивать ревизоръ. Пришелъ я къ нему храбро, думая: если онъ обручаетъ меня и не согласится перевести въ Петербургъ, я поступлю на должность по паходству, куда приглашали меня за тридцать рублей въ мѣсяцъ.

Ревизоръ спросилъ меня:

— Вы читали рекрутскія дѣла?

— Нѣтъ.

— Отчего же вы не читали?

— Вы ведѣли мнѣ читать законъ, а дѣлъ мнѣ, безъ вашего разрѣшенія, никто бы не далъ.

— Вотъ вамъ два дѣла. Ступайте въ ту комнату, прочитайте и скажите: какъ, отчего и почему?

Рекрутскія дѣла у меня никогда не бывали въ рукахъ; о рекрутскомъ уставѣ я не имѣлъ никакого понятія. Прочитавши законъ, я узналъ очень немного, но, вѣроятно, столько же, сколько и онъ зналъ. Теперь мнѣ попались дѣла уже рѣшенные, и я долженъ сказать о нихъ свое мнѣніе: похвалить палату или нѣтъ. Дѣла были маленькія— на десяти-двадцати листахъ. Читалъ я ихъ два часа и путался на докладахъ, сочиненныхъ тяжелымъ канцелярскимъ слогомъ; мнѣ казалось, что палата сдѣлала вѣрно, по крайней мѣрѣ, такъ выходитъ по человѣчески, да и въ законѣ такъ же писано. Я рѣшился сказать, что дѣла рѣшены правильно, и угадалъ. Но ревизоръ хотѣлъ сбить меня съ толку нѣкоторыми канцелярскими неправильностями, разными разспросами и указаніями на статьи закона. Я хотя и отряхнулъ неповоротливо, но попадалъ, на что слѣдовало.

— Теперь я вижу, что вы читали законъ, кое-что смыслите... Вы хотите ѣхать въ Петербургъ, а не знаете, что это за городъ?.. Вы представте себѣ, что вашъ Орѣхъ, въ сравненіи съ Петербургомъ, — дрянной уголь, деревня; тамъ одинъ кварталъ больше вашего города. Вы мечтаете, что вы геній. Удивительно! Да вы и доклада хорошенько не въ состояніи сочинить, не только что печатать ваши маранія. Получше вашего брата сочинители тамъ голодаютъ.

— Перепиской я никому не принесу пользы.

— Врете, вы отечеству принесете пользу.

— Себѣ я приношу только пользу ту, что я получаю жалованье, какъ переписчикъ; а переписываю я не отечеству, а людямъ обыкновеннымъ, какъ и я.

— Вотъ вы и вольнодумствуете. Знаете, что съ вами за это можно сдѣлать?

Много онъ говорилъ мнѣ о томъ, какъ трудно жить въ Петербургѣ бѣдному человѣку, и что я, желая ѣхать туда, возмечталъ о себѣ очень много. Наконецъ, видя мое смиреніе, онъ сказалъ, что приметъ во мнѣ участіе, переведетъ, но съ условіемъ, если

я не буду тамъ сочинять; въ противномъ случаѣ, онъ не переведетъ. Чтобы подумать объ этомъ, онъ далъ мнѣ сроку десять дней.

Думать мнѣ было нечего, потому что если онъ согласился меня перевести, то гораздо лучше будетъ для меня, если я скажу ему, что я сочинять не буду. Такъ я и сказалъ.

— Ну, и хорошо. Я васъ переведу и принимаю въ этомъ участіе, какъ отецъ. Вы тамъ будете одинокій человекъ, соблазна будетъ много. Но помните, что тамъ надо трудиться, а вы съ чистымъ почеркомъ найдете работу. Кромѣ департамента, вы можете заниматься въ кварталѣ. Тамъ дадутъ вамъ рублей восемь. Черезъ два года я сдѣлаю васъ помощникомъ столоначальника... Главное, почитайте меня, ласковы будьте съ служащими и не глядите изъ подлобья на начальниковъ. — Понимаете?

— Вѣроятно, думалъ я, чиновники тамъ почище здѣшнихъ. Ужь если ревизоръ рассуждаетъ такъ, то что хорошаго можно ожидать отъ его товарищей? — Однако, я очень радовался, что ревизоръ далъ мнѣ слово перевести меня, и сказалъ объ этомъ секретарю. Тотъ былъ тоже радъ и съ своей стороны не утерпѣлъ, чтобы не сказать обо мнѣ чиновникамъ. Вся палата узнала объ этомъ.

— Что, братъ, совѣтникомъ захотѣлось быть?

— Ишь не сидится пташкѣ!

— Смотри, коли ревизоромъ будешь, не забывай своихъ товарищей: пирога сдѣлаемъ, — говорили старики.

— Гдѣ ему... Онъ хоть похвастаетъ.

— Вѣрите вы ему!

— Чего вѣрить, всякій на его мѣстѣ получилъ бы то же.

— Счастье этимъ дуракамъ... Дурацкое это счастье, — завидовали молодые.

— Молчи, — сочинитель... Ужо онъ насъ опишетъ, говорили тѣ, которые не любили меня.

Послѣ этого ревизоръ скоро уѣхалъ. Мнѣ опять сдѣлалось скучно. Въ надеждѣ, что я, можетъ быть, скоро уѣду отсюда, я не влюбилъ палату сильнѣе прежняго. Мнѣ казалось, что я уже доживаю здѣсь послѣдніе дни; работа не шла на умъ, книги плохо читались; я только и думалъ о Петербургѣ: какъ я приѣду туда, какъ я буду жить, каково-то мнѣ тамъ будетъ... Ахъ, какъ бы скорѣе уѣхать туда! Но дни шли за днями, шли мѣсяцы, городъ все болѣе и бо-

лѣе казался противнымъ... Въ палатѣ я уже гордился, надничалъ надъ писцами, какъ впрочемъ, думалъ: погодите, уѣду жѣ я отъ васъ, досадно вамъ будетъ, проклянете вы мое счастье, потому что всѣмъ вамъ хочется хоть однимъ глазкомъ посмотреть на Петербургъ...

— Ишь какъ переваливается! А тоже свою персону показать хочеть, издѣвались надо мною.

— На тѣ, молъ, еще моей персоны не достовало...

V.

Прошло три мѣсяца со времени отъѣзда ревизора и объ немъ въ палатѣ всѣ забыли. Сначала, какъ водится, всѣ перекрестились, пожелали ему всякихъ чертей и болѣзней; пождали два мѣсяца—не смѣнять ли какого нибудь совѣтника съ должности, не отдадутъ ли кого нибудь подъ судъ. Но ничего особеннаго не случилось, и чиновники вошли въ прежнее состояніе, дѣла начали совершаться по прежнему. Но вотъ на четвертый мѣсяць получили въ палатѣ запросъ отъ министерства. Запросъ большой. Чиновники общими силами написали ловкое объясненіе. Отослали его и сказали: «знай нашихъ» и сдѣлали пирушку... Черезъ недѣлю послѣ этого, одного совѣтника перевели въ другую губернію, предсѣдателя причислили къ министерству. Чиновники сказали, что ревизоръ шутитъ старшихъ, и стали ждать себѣ бѣды. Доругали на прощаньи самодура предсѣдателя, и на прощаньи собрали по подпискѣ денегъ и поднесли ему подарокъ. Секретарь получилъ орденъ, одного бухгалтера сдѣлали совѣтникомъ, двухъ етолоначальниковъ отделили подъ судъ, и начался скрежетъ зубовъ у чиновной палаты: — Погодите, еще не то будетъ! говорили одни. — Онъ насъ всѣхъ прибереть! говорили другіе. — Наконецъ и я получилъ письмо отъ ревизора, которымъ онъ увѣдомлялъ меня, что я могу теперь подать прошеніе въ такой-то департаментъ и ѣхать, когда будутъ требовать отъ меня формулярный списокъ. Служащіе завидовали мнѣ больше прежняго, еще потому, что видѣли письмо ревизора, и запрашивались на поздравку. Одно было только сомнѣніе, это то—если тамъ вакансію замѣстятъ другимъ чиновникомъ, не дождавшись моего прошенія? Все-таки я надѣялся на переводъ и съ каждой почтой ожидалъ изъ Петербурга запроса отъ департамента на мое прошеніе. Я написалъ

дядѣ, что буду служить въ министерствѣ, и черезъ ревизора могу выиграть по службѣ много. А ѣду я на свои деньги, которыя я получу отъ лотереи. Въ эту лотерею я задумалъ розыграть старыя книги и подаренныя мнѣ дядей часы. Предполагалось получить сорокъ рублей, да жалованье. Вхоть было можно, даже я рассчитывалъ эти деньги употребить на поѣздку назадъ, если меня, по какому нибудь случаю, не переведутъ. Дядя все-таки злился и сталъ писать ко мнѣ рѣже.

Прошло четыре мѣсяца и о моемъ переводѣ не было и слуху. Чиновники сначала очень интересовались моимъ переводомъ; потомъ стали смѣяться надо мной.

— Что, братъ, вѣрно подлилъ только?

— Ты, поди, теперь славно тамъ поживаешь.

— Не ѣзди, братъ, послужи съ нами. Пословица говоритъ: вездѣ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ.

И это продолжалось каждый день. На лотерею никто не подписывался. А тутъ повторилась старая исторія, которая едва-едва меня не задержала и не оставила навсегда въ Орѣхѣ.

Какъ-то я шелъ изъ палаты. Вдругъ попадается мнѣ старая знакомая, Степанида Кириловна. Она была жена станціоннаго смотрителя и часто ходила прежде къ матери Ольги, жила около нихъ и постоянно пьянствовала.

— Здравствуйте, Петръ Васильичъ! сказала она.

— Здравствуйте.

— Давно не видались, сударинь. Ольгу Семеновну не видали?

— Нѣтъ. А что?

— Да она вѣдь овдовѣла.

— Такъ что же?

— Экой злодѣй... Вѣдь вы ея женихъ были.

— Такъ что же, что женихъ? Вѣдь она все-таки вышла замужъ, и между нами не было очень близкихъ отношеній!

— Ну-ну, полноте. Овдовѣла, бѣдняжка! Такая жалость. Мать при смерти.

— Что такъ?

— Да водку все пила,—воянна сдѣлалась. Провѣдайте.

— Ловко ли это будетъ?

— Ничего, право. Пойдемте теперь!

— Теперь я не могу, потому что сплетничать, пожалуй, стануть.

— А вы не женились? Я слышала, вы въ Петербургъ собираетесьъ.

— Въ Петербургъ ѣду, а не женился.

— Ну, вотъ и женитесь.

— Вы, Степанида Кириловна, передайте только Ольгѣ Семеновѣ и ея мамашѣ. Я бы зашелъ къ нимъ, да понижаютъ: холодно. Если это не будетъ холодно, то пусть онѣ извѣстятъ меня. — Она ушла.

— Зачѣмъ я сказалъ это? думалъ я. Если я пойду къ Ольгѣ, то опять пробудится моя страсть, опять я буду думать о ней и она обо мнѣ. Теперь она женщина, испытавшая супружескую жизнь, знаетъ всѣ приемы этой жизни, потому что около года была замужемъ. Опять эти ласки и заискиванья... И зачѣмъ эта баба встрѣтилась со мной и наговорила мнѣ столько вздору?

Черезъ день я получилъ отъ Ольги записку. Она писала, что мамаша ея рада видѣть меня и даже что-то хотеть сообщить мнѣ важное.

VI.

— Что же это такое важное хотеть сообщить мнѣ ея мать? думалъ я во всю дорогу. Ужь не замужъ ли за меня она хотеть спихнуть свою дочь? — Покорно благодарю.

Квартира Ольги заключалась въ двухъ комнаткахъ съ кухней; другую половину дома занимала теща, съ сыномъ чиновникомъ и дочерью, дѣвицей годовъ пятнадцати. Ольга сидѣла около больной матери своей и утирала глаза платкомъ. Мать лежала блѣдная и постоянно кашляла.

— Ахъ, какъ я вамъ благодарна, голубчикъ! Здравствуйте, Петръ Васильичъ. Садитесь. Охъ! — и она закашлялась.

Ольга тяжело вздохнула. Кажется, ее давило какое-то горе. — Она мнѣ поклонилась и подала руку. Рука была холодная.

— Давненько мы съ вами не видались, проговорила мать. —

— Да, цѣлый годъ.

— А сколько перемѣны-то! Вотъ Оля замужемъ была, ребеночка недавно скоронила. Ну, да Богъ съ нимъ; успѣлъ и мужъ умереть.

— Что же онъ больной былъ?

— Чихоточный... Ну, а вы какъ поживаете?—Поставь-ка, Оля, самоваръ.

Ольга ушла ставить самоваръ, а мать ея начала рассказывать о себѣ и о мужѣ Ольги.

— Вы не говорите, Петръ Васильичъ, какая моя жизнь прожлятая,—просто мученье, да и только... Еще когда онъ былъ живъ, я захворала; вотъ теперь пятую недѣлю не встаю съ кровати, ноги отнялись, пухнуть... Кашель проклятый смучилъ. А все, будь оно проклято, съ води... Пить бы не надо. И вы не пейте.

— Я пью, да такъ, балуюсь.

— Охъ, вредно, родной.—Ну, какъ ваши?

— Ничего. Почтмейстеромъ теперь...

— Ну, слава Богу. О чемъ я говорила-то?... Вотъ и память всю отшибло...

— А каковъ былъ мужъ Ольги Семеновны?

— Ахъ, и не говори! Сначала такой славный былъ, только кашлялъ постоянно. Нерада я, что и отдала ее за него. Дура я, дурища...

— Что же дѣлать!

— Да-да, воля божья! Такой, знаете ли, напriansый, пьющій, все ее, бѣдную, бить лѣзеть. Ну, и вступишься. Онъ-то еще ничего, Богъ съ нимъ, Оленьку любилъ, одѣвалъ хорошо, и меня не обижалъ, а вотъ мать его—просто змѣя. Эдакой я въ живнь свою не видала... Я вотъ тоже поколачивала Олюшку,—такъ маленькую, на то я родная мать, а то она, эхидна, скупая-прескупая, всѣмъ ее попрекать стала, и меня туда же. Цѣлый день крикъ.

— Ты, шлюха, опять самоваръ ставишь! Закричала какая-то женщина въ духнѣ.

— Я свой ставлю,—послышался нѣжный Ольгинъ голосъ.

— Я тебѣ дамъ. Ты сходила по воду-то? Твои дрова-то?

— Да гость къ маменькѣ пришелъ.

— Я тебѣ дамъ гостя! Всякихъ нялопаевъ принимаешь, всякой драни самоваръ ставить. Не смѣй угли брать!

— Я лучинкой достану...

— Ахъ ты, шлюха! Ахъ, Господи, нѣтъ у меня ногъ-то, а то я бы тебѣ задала,—сказала громко черезъ силу мать Ольги.

Въ дверяхъ показавалась женщина лѣтъ сорока восьми, толстая, румяная.

— Докудова это вы будете командовать. Завтра чтобы васъ не было,—закричала эта толстая баба.

— Я тебѣ дамъ! прошипѣла мать Ольги.

— Что-о?

— А вотъ тебѣ!—и мать Ольги плюнула на толстую женщину. Мнѣ становилось неловко отъ этой сцены.

— А ты кто такой? вдругъ спросила меня толстая женщина.

— Я пришель къ Анисѣ Васильевнѣ.

— А! не успѣлъ муженекъ-то умереть, она и жениховъ подзы-ваешь. Такъ вотъ же вамъ!—и она, сдернувъ съ гвоздя висѣвшее шолковое платье Ольги, утащила его.

Мать озлилась; съ нею сдѣлался нервный припадокъ. Пришла Ольга, заплакала.

— Чей этотъ домъ?

— Тещи... Она вотъ ужъ вторую недѣлю гонить насъ.

— Что же вы не ѣдете? Эдакъ она измучитъ васъ.

— Куда ѣхать, Петръ Васильичъ.

— Отправьте мать въ больницу, а сами на квартиру съѣзжайте или къ родственницѣ.

— Неловко маменьку оставить, она не можетъ жить безъ меня.

Мать очнулась. Я ей посоветовалъ уѣхать въ больницу.

— Я это хочу, да боюсь,—уморять.

— Тамъ вамъ спокойнѣе будетъ.

— Похлопочите вы, ради Бога; а ее пошлю къ родственницѣ.

Эту родственницу я часто видалъ. Она была вдова, получала большую пенсію и, кромѣ этого, имѣла свой домъ; но она была скупая женщина.—Отправился я къ ней; она сказала, что у нея негдѣ жить Ольгѣ. Я сообразилъ, что, нанявши квартиру Ольгѣ, неловко будетъ жить одной, безъ матери, жить работой, да и работы скоро не найдешь. Оставить ихъ тутъ долѣе не было возможности. Я рѣшился найдти имъ квартиру. Квартиру эту я нашель имъ недалеко отъ своей квартиры—двѣ маленькія комнаты за два рубля въ мѣсяцъ, съ тѣмъ, чтобы стряпать за эту же плату въ хозяйской кухнѣ.—Когда я сообщилъ это матери Ольги, она очень осталась довольна.

Такимъ образомъ, мнѣ привелось устроить Ольгу и мать ея. Но чѣмъ имъ было жить? Безъ работы имъ нельзя было жить; да къ

тому же, матери нужно было покупать лекарства. Я далъ имъ своихъ пять рублей и совѣтовалъ что нибудь заложить, когда понадобятся деньги, потому что своихъ денегъ у меня больше не было.

Въ палатѣ узнали про это и стали смѣяться надо мной.

— Смотри-ка, петербургскій-то выходецъ шпигуется! Любовницу на содержаніи держать.

— Ай-да хватъ! Даромъ что смиренный, а свое дѣло знаетъ.

— Скоты! думалъ я; но убѣждать ихъ не сталъ, потому что не поняли бы.

VII.

Послѣ рассказаннаго случая, здоровье матери Ольгиной становилось все хуже и хуже. Каждый день я ходилъ къ ней и каждый день она становилась ко мнѣ ласковѣе прежняго. Ольга радовалась, когда я приходилъ, и мнѣ часто доводилось говорить съ ней, но мы говорили только о ея скверномъ положеніи.

Разъ я пришелъ утромъ. Мать спала. Ольга читала книгу. Я подошелъ къ ней; она улыбнулась, весело поглядѣла мнѣ въ глаза и крѣпко сжала мою руку.

— Какъ вы добры, Петръ Васильичъ,—сказала она нѣжно; голосъ ея дрожалъ. Мнѣ неловко стало отъ этихъ словъ. Я понималъ, что она или любитъ меня, или расположена ко мнѣ болѣе, чѣмъ къ другимъ. Въ это время я привязался къ ней болѣе прежняго. Но теперь я уже крѣпко держался тѣхъ убѣжденій,—какова должна быть моя жена; а Ольгу я понималъ такъ: она была смиренная, любящая женщина; она въ жизни много перетерпѣла горя и теперь для нея настаетъ тоже незавидная жизнь. Какъ бы худа ни была мать, но она жила все-таки подъ покровительствомъ ея, потому что, при ея неразвитіи и неумѣньи жить самостоятельнымъ трудомъ, ей плохо придется жить одной. Въ провинціи работы для женщины мало: нашлепнешь и вывяжешь немного, плату за это дадутъ небольшую, да и такихъ рабочехъ женщинъ, которыя бьются изъ-за куска хлѣба, много, очень много, и всѣ онѣ не жалуютъ свою работу. Идти въ услуженіе тоже ей не подъ силу, во-первыхъ потому, что хотя она и умѣетъ стряпать и печь, мыть и мести, но все-таки она не при-

вышла къ этой работѣ; во-вторыхъ, ею будутъ понукать, попрекать, а станутъ мужемъ клѣбомъ, назовутъ еще блеручкой, да и отъ лагеевъ ей не будетъ спуску; она или выйдетъ отсюда развращенной, или сбѣжитъ, не вынесши тяжелой жизни; а въ-третьихъ, ей все-таки не дадутъ хорошаго жалованья. Учить дѣтей она не можетъ, быть нянькой ей тоже незнакомое дѣло, да и въ чиновный домъ ее не возьмутъ, потому что жены будутъ ревновать къ ней своихъ мужей. — Да, положеніе такой молодой женщины гадко въ провинціи. Вѣдь нужно же было умереть мужу, да еще издыхать матери! Имѣй она свой или материнъ домъ, она могла бы получить кое-что съ квартиры, и на нее все-таки никто бы не указалъ нахально пальцемъ. А то сколько мать не работала для нея и для себя, все было съѣдено и пропито; осталось только нѣсколько посуды и платьевъ старыхъ, да еще немногое приобрѣтено отъ мужа. — Остается выходить замужъ. Этакое педлое положеніе. Ольга была уже не дѣвица, и я хотѣлъ говорить съ ней, какъ съ практической женщиной.

— А вѣдь есть много такихъ молодыхъ женщинъ, которыя живутъ хорошо и при такомъ положеніи, въ какомъ находитесь теперь вы, Ольга Семеновна, — сказалъ я.

Сказавши это, я ругалъ себя, — зачѣмъ я не могу сказать ничего лучше.

— Какія же это?

Мнѣ стыдно сдѣлалось за мои слова. Я посмотрѣлъ на нее робко; она смотрѣла на меня.

— Какія? Вы ихъ знаете?

— Слыхалъ я объ нихъ; но я не стану говорить.

— А вѣдь меня хотѣли сдѣлать такой раза три, жеманите? когда я еще была дѣвницей, передъ тѣмъ, какъ вы сказали маманиѣ...

— И хорошо вы сдѣлали, что устояли.

— Да, я бы пропала.

Она тяжело вздохнула, пересѣла на другой стулъ и стала мять платье.

Мы молчали минуты четыре. Я цокалывалъ ее папиросой.

— Мнѣ и такъ тяжело — сказала она, и папиросы не взяла. Я догадался, что сдѣлалъ невольность: въ провинціи всѣ мужчины, желающіе заинтересовать женщину, предлагаютъ ей сначала папиросы, потомъ сласти, а потомъ уже нахально обращаются съ ней.

— Что мнѣ дѣлать, Петръ Васильичъ? Вы мужчина, все больше моего знаете.

— Что я скажу ей, подумаль я? Сама на себя она не можетъ положиться, потому что ей трудно одной бороться съ жизнью и подлыми людьми.

— Ахъ, если бы мамаша выздоровѣла!.. Нѣтъ, лучше бы... сказала она шопотомъ и не договорила; но понятно было, что-то тяготило ее.

Проснулась мать.

— Ну, что вы говорили?

— Да все на счетъ Ольги Семеновны.

— Устройте ее какъ нибудь, Петръ Васильичъ.

— Не знаю какъ.

— Наниши ты дядѣ, можетъ онъ и возьметъ ее.

Это я считала тоже неудобнымъ. У дяди, положимъ, она будетъ сыта, но каково будетъ ей жить на чужихъ хлѣбахъ, когда ее станутъ попрекать? Тамъ она совѣмъ заглохнетъ. Нѣтъ, ей нужно или работу какую нибудь по своимъ, или выйти замужъ за хорошаго человека, по ея характеру.

VIII.

Прошелъ мѣсяцъ. Мать умерла. Знакомые ея, при моей помощи, пособили намъ сбыть ее въ могилу. Много было тутъ пролито слезъ дочерью; самому хотѣлось плакать при видѣ горестнаго положенія Ольги. — Одна я теперь, одна! Въ жизни я была ей тягостью, замужество мое стубило ее... Добрая ты была, мамаша!..

Были, какъ водится, поминки, но престоеніе: три гостя — пріятельницы покойной, я да Ольга. Гости выпили водки, вспомнили добродушіе покойницы и расплакались. Дошло до наивностей.

— Петръ Васильичъ, ты останься съ Оленькой ночевать.

— Съ чего вы взяли, что я останусь?

— Да вѣдь вы женихъ.

— Всея я не женихъ и не хочу, чтобы люди хуже говорили про Ольгу Семеновну. Вы кто нибудь останьтесь съ ней.

Я сталъ прощаться съ Ольгой.

— Вы смотрите — держите ухо востро, а то онъ обокрадутъ васъ.

— Ахъ, зачѣмъ вы уходите?

— Нельзя.

— Посидите!.. Нѣтъ, приходите завтра, ради Бога.

— Вы завтра ищите другую квартиру, да вамъ нужно жить съ женщиной. Здѣсь вамъ нельзя больше жить. Вѣдь вы будете думать о мамашѣ?

Ольга заплакала.

Вотъ и извольте находиться въ такомъ положеніи. Молодая, восемнадцатилѣтняя женщина, красивая, осталась рѣшительно одна.

Положеніе Ольги меня сильно печалило. Въ продолженіи мѣсяца я хорошо познакомился съ нею и убѣдился, что она хочетъ жить честно, хочетъ трудиться, и меня опять по прежнему мучило намѣреніе жениться на ней. Теперь я убѣдился, что она, испытавши замужнюю жизнь и горе, будетъ стараться приобрѣтать себѣ какъ нибудь деньги и не будетъ требовать моихъ денегъ; у насъ будетъ трудъ хотя и разнообразный, за то мы будемъ помогать другъ другу въ матеріальныхъ средствахъ. Но будетъ ли она помогать моему развитію? Вопросъ этотъ сильно пугалъ меня. Она сама неразвитая женщина, но что же дѣлать, если она неразвита? Но за то она говоритъ прямо, что чувствуетъ и нисколько не стѣсняется своимъ незнаніемъ. Она прямая, честная женщина. Чего же еще надо? А я-то что такая за особа?

Но какъ устроить ея положеніе? Везти въ Петербургъ съ собой я не могу, потому что я самъ не знаю тамошней жизни.—Надо спросить ея совѣта.

Я пришелъ къ ней на новую квартиру. Она жила съ дѣвушкой, швейей, уже невѣстой какого-то писца, перебивающейея кое-какъ. Дѣвушки дома не было. Ольга шила свадебное платье.

— Какъ вы долго не бывали, Петръ Васильичъ!

— А что?

— Скучно очень.

— Я съ вами давно хотѣлъ поговорить объ очень важномъ предметѣ.

Ольга покраснѣла и задумалась.

— Я васъ знаю давно, т. е. прежде я зналъ васъ только лично, а не зналъ, что вы за дѣвушка были. Теперь я васъ узналъ.

— Что же вы узнали?

— То, что вы добрая, честная женщина.

— Еще что?

— Мнѣ ж этого достаточно. Ну, а вы меня узнали.

— Я? мало. По наружности трудно судить о мужчинахъ. Вы у меня бывали много разъ, а я у васъ ни одного.

Мы замолчали. Немного погодя, она сказала: трудно что-то. Я пришелъ тоже къ тому заключенію, что она права.

— Но дѣло вѣдь вотъ въ чемъ, Ольга Семеновна: нынче я ъду въ Петербургъ.

— Совсѣмъ?

— Да.

Она поблѣднѣла и принялась сильнѣе шить, но иногда словали не впопадъ.

— А вамъ не хочется, чтобъ я ѣхалъ?

Она ничего не сказала, только проглотила слюну.

— Зачѣмъ вамъ ѣхать?

— Учиться хочу.

— Да вы развѣ мало знаете?

— Очень мало.

— Ну, тамъ вы другихъ людей найдете; а между нами какіе же люди!

Она вышла на дворъ. Оттуда она пришла съ красными глазами.

— Я не могу оставаться здѣсь, но надо подумать и рѣшить, какъ намъ лучше устроиться.

— А вы къ чему это говорите? спросила она меня строго.

— А вы согласны быть моимъ другомъ?

— Какимъ другомъ?

— Быть женой?

— Вы уже разъ обманули...

— Капризничаетъ, думалъ я. Но, вѣроятно, она не капризничала, а ей тяжело было въ это время.

— Поѣзжайте! Я буду жить, какъ Богъ велитъ.

— Зачѣмъ падать духомъ? Надо терпѣть.

— Терпѣть! сказала она громко; на глазахъ появились слезы.

И сказала-то она, какъ словно внутренность моя повернулась.

— Экая проклятая жизнь! думалъ я дома. Или оставаться здѣсь, или бросить ее?— Эка штука! Женюсь я на ней здѣсь и захрасну между этими людьми, отъ которыхъ я такъ давно хочу бѣжать. Оставить ее здѣсь... Но она-то какъ будетъ биться? Терпѣть ей годъ, ждать...

А если мнѣ тамъ не повезеть, если я самъ себя не выручу тамъ; если, наконецъ, я увлекусь тамъ и забуду ее? Нѣтъ я ее не забуду. Я буду работать для нея. Я ее вызову туда.

Черезъ день я пришелъ къ ней; она приняла меня сухо.

— Я думала, вы уже уѣхали.

— Видите ли, я бы женился на васъ здѣсь, да я не знаю петербургской жизни. Когда я поживу тамъ мѣсяць, то напишу вамъ подробно, тогда вы сообразите: ѣхать вамъ туда или нѣтъ.

— Я вѣдь не навязываюсь.

— Не къ тому я говорю. Вы сами поймите, что я не могу васъ взять съ собой, во-первыхъ потому, что на свадьбу нужны деньги.

— Какія?

— Попу за исповѣдь рубль. — Все-таки на свадьбу выйдетъ рублей десять, да доплестись до Петербурга намъ обоимъ будетъ стоить рублей пятьдесятъ; а если меня не опредѣлять тамъ, то намъ трудно будетъ жить.

— Въ такомъ случаѣ, я буду ждать.

— Да, надо ждать. Тамъ и обвинчаемся.

Когда я сталъ прощаться, то сказалъ ей: а можно поцѣловать?

— Ни за что, — я не такая.

И такъ, я рѣшился жениться на ней, по не раньше, какъ въ Петербургѣ.

IX.

На другой день послѣ этого разговора, въ палатѣ получилась бумага изъ министерства, которую просили изъ палаты мой формуляръ. Всѣ меня поздравили; я подалъ прошеніе въ отпускъ и поѣхалъ къ дядѣ — проститься. — Что-то дядюшка сважетъ? Каково-то это будетъ для тетки? Неужели они еще будутъ препятствовать мнѣ? — Это меня всю дорогу мучило; но еще заботило меня то: какъ бы уговорить дядю помочь Ольгѣ?

Дядя меня никакъ не ожидалъ. Я пріѣхалъ утромъ, часу въ одиннадцатомъ, къ почтовому дому, въ которомъ помѣщалась контора и жилъ почтмейстеръ. Я увидалъ дядю въ окно.

— Это къ намъ. Какой такой чортъ! сказалъ голосъ изъ окна.

Я понялъ, что это говорилъ мой дядюшка. — Черезъ три минуты въ воротахъ показалась тетка въ старомъ ситцевомъ платьѣ, съ скалкой

въ лѣвой рукѣ, а за ней дядя въ халатѣ и съ папирской во рту. Увидѣвъ меня, онъ улыбнулся, а тетка обтерла фартукомъ свои мучныя губы.

— А! это ты, племянничекъ... Что? сказалъ дядя.

Я посмотрѣлъ на него. На лицѣ я не замѣтилъ никакой улыбки.— Есть такіе люди, на желтомъ лицѣ которыхъ ничего не замѣтишь, будь ты какой угодно физиономистъ.—На лицѣ дяди мнѣ вообще рѣдко случалось замѣчать улыбку.

— Какъ это вы надумались посѣтить насъ? спросила тетка.

Я подошелъ сначала къ теткѣ, поцѣловалъ ее.

— Смотри, что намъ дали! сказалъ дядя, указывая на дворъ и домъ.

Теперь я замѣтилъ, что онъ какъ-то зло улыбался; обстановка, какъ видно, ему не нравилась: ему хотѣлось, какъ почтмейстеру, жить въ каменныхъ хоромахъ, а онъ жилъ въ старомъ деревянномъ домѣ, который соединялся съ сараями. На полу доски, въ правой сторонѣ березовыя дрова.

— Мѣсто чисто провинціальное; деревней пахнетъ, за то воздухъ хорошъ.

— Кхе! дядя кашлянулъ и разсмѣялся, и, какъ хозяинъ-начальникъ, сказалъ:

— Ты посмотри, гдѣ почтмейстеръ-то живетъ!

— Ахъ, Петинька, что это за жизнь-то,—говорила тетка, постоянно охая.

— Губернскимъ не пахнетъ.

Взошелъ я по шаткой лѣстницѣ.

— Это крыльцо... Уздний городъ—последній городъ, дрянъ... Я въ заводахъ лучше живалъ, и т. п.

Сначала дядя разспрашивалъ меня о новостяхъ; тетка слушала и улыбалась. Я говорилъ о политикѣ, дядя ругалъ Гарибальди и всѣхъ тѣхъ политическихъ дѣятелей, о которыхъ онъ вычиталъ въ «Сынъ Отечества», высказавши притомъ, что этотъ журналъ и «Воскресный Досугъ»—самые лучшіе въ мірѣ журналы. Теперь я замѣтилъ, что дядя занимался чтеніемъ; а занимался онъ чтеніемъ потому, во-первыхъ, что ему было скучно, а во-вторыхъ, ему, какъ почтмейстеру, хотѣлось похвастаться новостями передъ корреспондентами. Онъ читалъ только «Сынъ Отечества» и «Воскресный Досугъ»; другіе журналы и газеты онъ и въ руки не бралъ: тѣ не для насъ писаны, говорилъ онъ.—Особенно дядя любилъ картинки. Каррикатуры

его смѣшили, и онъ хвастался: «славно, какъ въ «Сынѣ Отечества» отрисовали!.. это вѣрно, найтъ муцедъ съдой... Кроме позитива, происшествій и картинокъ, дядя ничѣмъ не интересовался; случалось, читалъ онъ повѣсти, но рѣдко, и то хвалилъ только такую повѣсть, если въ ней была концомъ смерть, вражда или вообще насиліе. Иначе его трудно было заинтересовать.

Теперь онъ выглядывалъ настоящимъ уѣзднымъ почтмейстеромъ, какихъ у насъ весьма много. Хотя у него и была прежняя простота, но она мѣшалась съ личнымъ достоинствомъ: а почтмейстеръ, я начальникъ, я отдѣльная въ городѣ власть и никого не боюсь. Онъ дѣйствительно никого не боялся: въ контору ходилъ въ халатѣ, кромѣ пріемныхъ дней, почту отправлялъ тоже въ халатѣ, почтальоны и почтосодержатель его слушались, съ городскою аристократіею онъ не хотѣлъ знаться. Сидитъ онъ, напримѣръ, у створеннаго окна; черезъ дорогу, въ большомъ домѣ, живетъ какой-то уѣздный тузъ. Дядя ругается: ишь дьяволъ, какой докъ нажалъ, и шестера дѣласть.— Вотъ прошелъ како-то служащій, понюхался дядѣ, дядя кивнулъ головой и говоритъ мпѣ: дрянъ, шельма!.. Женился нынче хочеть. Въ приданое дають дьроватый сапогъ; да блоху на арканѣ,—хохочеть.— Вышла изъ воротъ барскаго дома ватага вристократовъ и аристократокъ; дядя отходитъ прочь отъ окна и говоритъ громко: ма доплонюсь и шапки виюгда не синюю, хоть вы и губернаторскіе клеветы. (Это слово онъ гдѣ-то вычиталъ и ему оно очень понравилось. Это слово, по его понятію, было похабное, хуже всѣхъ ругательныхъ словъ). И начинаеть онъ рассказывать дѣлыя исторіи обѣ этикъ клеветакъ.

Прежде дядя любилъ ходить пѣшкомъ, теперь онъ ѣздитъ, и тетка тоже ѣздила; а дядица была почтовая, даровая. Теперь его знаютъ весь городъ и всѣ ему кланялись, а это ему очень нравилось. Тетка жъ тоже кланялась; но она рѣдко выходила съ мужемъ,—ей и лѣнь было, и почему-то мелочно казалось показаться на улицѣ; она такъ любила свою комнату, что постоянно послѣ обѣда сидѣла у окна и наблюдала за всѣмъ, что происходило на улицѣ и въ барскомъ домѣ.

— Ну, какъ ревизоръ? спросилъ меня дядя.

— Уѣхалъ.

— А вѣдь ты просился въ Петербургъ.

— Просился.

— Я тебѣ говорилъ раньше свое мнѣніе...—онъ сказалъ это тономъ начальника, какимъ не говорилъ раньше.

Пришелъ крестьянинъ получить письмо, и дядя ушелъ въ контору, которая помѣщалась въ квартирѣ дяди, въ небольшой угловой комнатѣ. Подсѣла ко мнѣ тетка.

— Ну, какъ Ольга? спросила она меня.

— Положеніе ея плохое...

— Я говорила самому, чтобы ее взять къ намъ, да онъ говорить: самимъ тѣсно будетъ.

— Вы, мамаша, позвольте мнѣ жениться на ней?

Тетку это какъ-будто удивило. Она долго молчала; наконецъ сказала:

— Да вѣдь у ней ничего нѣтъ.

— Да вѣдь и вы такъ же выходили замужъ.

— Я дѣвица была. Да и прежде проще было, а нынѣ дорого-визна страшная.

— Все-таки можно жить.

— Ты самъ знаешь, не маленькій. Ты выросъ. Мы тебя вскормили, вспоили. Ты и прежде насъ не слушался, въ Орѣхъ самъ уѣхалъ, теперь безъ нашего спросу въ Петербургъ ѣдешь...

— Мнѣ бы не хотѣлось такъ дѣлать. Вы Ольгу знаете.

— Дѣлай, какъ знаешь, а мы къ тебѣ на свадьбу не поѣдемъ.

Пришелъ дядя.

— Слышишь? онъ на Олютѣ жениться хочетъ.

— Еще лучше!

Дядя долго ворчалъ, но отказа не давалъ, потому, вѣроятно, что думалъ: онъ, можетъ быть, не поѣдетъ въ Петербургъ—Послѣ обѣда я сказалъ имъ, что черезъ недѣлю ѣду въ Петербургъ. Это ихъ поразило. Они долго блѣднѣли.

— Ну, что ты скажешь на это? спросила тетка дядю.

— Ну вот! сказалъ только дядя.

Въ этихъ словахъ высказывалось горе. Дядя тяжело вздохнулъ. Мнѣ жалко ихъ стало обоихъ. — Зачѣмъ мнѣ ѣхать? Не поѣду, подумалъ я и хотѣлъ сказать имъ это, но языкъ не поворачивался.

— Богъ съ тобой, Петръ Васильичъ! сказалъ дядя.

Ему какъ-будто плакать хотѣлось.

— Я, папаша, только съѣзжу.

— Богъ съ тобой! сказала тетка и заплакала.

— На себя пеняй. Кто тебѣ велѣлъ женить брата? — сказалъ дядя и ушелъ въ контору.

Тетка стала упрекать меня во всежѣ, что она знала худого за мной, но больше плакала. Жалко мнѣ было ихъ обоихъ, хотѣлось воротить назадъ свое слово, но я не могъ этого сдѣлать. Мнѣ представлялся Орѣхъ со всѣми людьми, вся моя жизнь за всеъ прожитое тамъ время; меня манилъ къ себѣ Петербургъ, меня тащило туда что-то.

— Что ты тамъ будешь дѣлать? — шары продавать? — сказалъ мнѣ дядя, пришедши изъ конторы.

— Я буду служить въ министерствѣ...

Дядя долго молчалъ.

— Подикось, безъ тебя тамъ мало людей шатается безъ мѣсты!

Я сказалъ, что ревизоръ меня полюбилъ и туда уже послали мой формуляръ.

— А если тебя не переведутъ?

На этомъ-то я и самъ задумывался. Кто знаетъ, какіе тамъ порядки: можетъ быть, въ то время, какъ посланъ былъ оттуда запросъ, уже вакансію мою зашѣтели.

— Ну я такъ съѣзжу.

— Этакой богачъ. Служилъ бы зналъ, а не шатался безъ дѣла... Все бы ты ѣздилъ; этакъ, братъ, никакой должности никогда не получишь.

X.

Жизнь обоихъ супруговъ была скучная, тѣмъ болѣе, что занятій мало. Встанутъ они въ шесть-семь часовъ, напьются чаю. Послѣ чаю дядя отправляется въ контору; если тамъ дѣлать нечего, онъ свистигъ, поетъ, барабанить по столу пальцами и радъ перады по-стороннему человѣку, съ которымъ можно потолковать о житей-бытѣ. Придетъ почта, получаютъ бумаги, почтальонъ сообщаетъ новости, и эти новости обсуждаются дядей и теткой цѣлую недѣлю. Тетка стряпаетъ въ кухнѣ. Пробыетъ десять часовъ, дядя выпьетъ рюмку водки и опять скучаетъ. Въ двѣнадцатомъ часу опять выпьетъ рюмку водки и хочетъ обѣдать. Обѣдъ всегда бываетъ въ первомъ часу, и послѣ него до шестого часу супруги спятъ. Послѣ

обѣда опять скука: идти некуда, да и те въ модѣ въ этомъ городѣ. И случается дядя, прерываетъ свою скуку и городъ. И проминаютъ они городъ еще потому, что содержаніе дорого, жакованье мало, доходовъ нѣтъ, и бываетъ часто, что дядя беретъ займы бумагу въ судовъ, потому что каменныхъ денегъ на этотъ предметъ недостаетъ.

У нихъ я прожилъ четыре дня и скучалъ такъ, какъ никогда. Наконецъ, нужно было ѣхать. Какъ разъ къ отъѣзду пріѣхали два родственника: дядя Антипинъ съ зятемъ.

— Вотъ, господа, посмотрите на парня! въ Петербургъ ѣдетъ, — сказалъ дядя. Онъ злился въ это время.

— Хорошее дѣло, сказалъ Антипинъ.

— А какъ, по вашему, ѣхать ему или нѣтъ?

Родственники толковали дядѣ, что я хорошо дѣлаю, но дядя все злился. Тетка плакала.

— Коли такъ, нѣтъ тебѣ благословенія! закричалъ дядя.

— Полно! уговаривали его родственники.

— Не ваше дѣло. Прокляну его.

Но все-таки онъ далъ мнѣ шесть рублей денегъ.

Крѣпко я обнялъ тетку и горько плакала она въ это время. Дядя тоже утиралъ глаза, но онъ крѣпко злился на меня, говоря: выкормили соколика и знать насъ не хотятъ.

— Не забывайте меня, говорилъ я имъ, сѣдаясь въ повозку.

— Не забывай, Петинька. Въ люди выйдешь, вспоми насъ, — говорила тетка.

Да ненужно быть на ихъ мѣстѣ, чтобы понять душевное состояніе этихъ добрыхъ людей.

XI.

Но тяжелѣе всего мнѣ было расставаться съ Ольгой. Изъ словъ ея и обращенія я понималъ, что она любила меня, и любила давно. Да и къ кому же ей больше привязаться, когда мы росли вмѣстѣ года четыре? И мнѣ припомнилось, что въ это время мы сильно были расположены другъ къ другу, у насъ не было ссоръ и тѣмъ болѣе дракъ. Потому Ольгу любили наши родственники, мои родные, называли ее родной, я скучалъ объ ней, когда ея не было у насъ.

Уѣхалъ я въ уѣдный городъ служить, прожилъ тамъ два года, и страшно мнѣ хотѣлось жить въ Орѣхѣ, познакомиться съ Ольгой, какъ слѣдуетъ, устроить нашу жизнь такъ, чтобы не мѣшать другъ другу, и, женившись на Ольгѣ, имѣть въ ней хорошаго, настоящаго друга и виѣстѣ съ ней учиться и развиваться. Это я хотѣлъ устроить и дошелъ до этого безъ всякой посторонней помощи, тѣмъ болѣе безъ книгъ; а въ жизни я видѣлъ все какой-то разладъ, сътованіе на судьбу и людей; въ романахъ же и вообще въ любви на разные манеры, кончающейся женитьбой или смертью героевъ, ничего похожаго не было на мой планъ. — Приѣхалъ я въ Орѣхъ, сходилъ къ Ольгѣ и засталъ ее и мать ея въ такомъ же положеніи ихъ умственнаго состоянія, какъ и прежде; только Ольга выросла и стала красивой, нѣжной и здоровой дѣвушкой. Я ее полюбилъ крѣпче, но, увлекаясь ею, все-таки не могъ узнать ея поближе, т. е. сходится ли она, или похожа ли на мой идеалъ. Чѣмъ дальше я вглядывался въ ея лицо, все больше и больше я любилъ ее, любилъ даже такъ, что готовъ былъ жениться на ней. Ольга всегда улыбалась, когда я приходилъ къ ней, жала мнѣ крѣпко руку, въ пасху, когда мать ея заставила насъ похристосоваться поцѣлуями, она крѣпко поцѣловала меня въ третій разъ, а я только прикасался губами къ ея лицу, и слышалъ я, какъ крѣпко билось ея сердце въ это время; многимъ женихамъ она отказала, не смотря даже на ихъ чиновничество; но и при всемъ этомъ, она никогда не сказала мнѣ ни одного любезнаго слова, когда она бывала со мной; ей неловко было, что я тутъ, и она крѣпче работала, краснѣла, не поднимала головы. Тогда я догадывался, что она меня любитъ, но любить скромно, по своему, не любезничаешь, не вѣшается на шею, и за это я полюбилъ ее еще больше. Когда я узналъ, что Ольга выходить замужъ, — цѣлый день я былъ въ агитаціи, ругалъ себя и, наконецъ, пришелъ къ тому заключенію, что Ольга меня не любитъ и считаетъ за обманщика, или мать сбываетъ ее съ своихъ рукъ. Прошелъ мѣсяць-два; мнѣ чаще и чаще стало приходиться въ голову сожалѣніе, что я не женился на Ольгѣ. Были у меня друзья, но эти друзья приучали меня пить водку, играть въ карты; я начиналъ тупѣть и лѣнился заниматься своимъ развитіемъ. И въ это время я приходилъ къ тому заключенію, что отъ Ольги я требовалъ многого, даже невозможнаго при ея воспитаніи. Умень ли я-то? думалъ я. Что я могу дать ей, чѣмъ я разовью ее? Я толь-

но считаю себя умнымъ, во мнѣ самолюбія много, а люди считаютъ меня дуракомъ. Павловъ говорилъ, что я плохо развитъ, ре-визоръ смѣялся надо мной. Чѣмъ я гордился? Тѣмъ, что мнѣ уда-лось напечатать въ губернскихъ вѣдомостяхъ двѣ статьи, которыми я самъ не сочувствовалъ и за которыя меня же обругалъ печатно мой товарищъ? Дуракъ же я послѣ этого. — Впрочемъ я успокоилъ се-бя тѣмъ, что такихъ дураковъ, какъ я, еще очень много, и всѣ эти дураки — въ томъ числѣ и я, — при всемъ своемъ неразвитіи и непониманіи многого, считаютъ себя большими умниками, на све-смотреть свысока да еще требуютъ, чортъ знаетъ отъ кого, невоз-можнаго.

Черезъ годъ я увидалъ Ольгу женщиной, имѣвшей ребенка, пе-рестерпѣвшей много горя въ замужествѣ. Въ мѣсяцъ я узналъ отъ нея болѣе, чѣмъ въ пятнадцать лѣтъ, и этому помогло то, что она могла говорить со мной, какъ женщина, свободно. Вотъ что гово-рила она о своей замужней жизни — Въ домъ я была работница: ставила самоваръ, топила печь, мела полы и должна была слушать-ся мать, мужа, брата, сестру и не выходить изъ воли ихъ. Де-негъ мужъ мнѣ давалъ, и не хотѣлъ, я работала на сторону. А мнѣ хотѣлось работать, потому что я привыкла къ этому. Скучно было, я рада что какую нибудь книжку дадутъ читать, но книги бы-ли старыя; французскіе романы, глупые — да и мужъ толковалъ мнѣ что мнѣ надо медицину учиться, я могу быть повивальной бабкой, и говорилъ мнѣ часто объ этомъ. Мужъ хворалъ, я боялась, чтобы онъ не умеръ: куда я дѣнусь съ ребенкомъ?.. Умеръ онъ, мнѣ жалко его стало, потому что онъ добрый былъ и ласкалъ иногда.

— А замужъ хочется? спросилъ я ее послѣ этого разговора.

Она помолчала.

— Не найдешь такого мужа, какого мнѣ надо.

— А если я буду вашимъ мужемъ?

— Вы? Я уже говорила вамъ, что я васъ мало знаю, а ино-гда больно хочется за васъ выйти. Да говорить объ этомъ не стоитъ.

— Нѣтъ стоитъ: вѣдь вы меня любите?

— А вы?

— Любить люблю, только будете ли вы такая, какая вы теперь?

— Не знаю. Это отъ васъ будетъ зависѣть. Да не стоитъ го-ворить, что тутъ напрасно голову ломать, колѣи вы уѣзжаете.

— Не могу же я остаться...

— Богъ съ вами!

Послѣ этого я недѣлю не былъ у ней, — обдумывалъ, какъ лучше сдѣлать дѣло: меня тянуло въ Петербургъ болѣе, чѣмъ я любилъ Ольгу. Я рѣшился быть холоднѣе къ ней и уѣхать.

По прїѣздѣ въ Орѣхъ отъ дяди, я пошелъ къ ней проститься, такъ какъ завтра мнѣ нужно было ѣхать, а сегодня у меня вечеромъ назначена была лотерея. Она казалась холоднѣе ко мнѣ, чѣмъ раньше.

— Я въ монастырь пойду, сказала она мнѣ.

— Значить, вы меня не любите.

— Ахъ, не говорите.

Она молчала долго.

— Ну, а вы поѣдете ко мнѣ.

— На какія деньги я поѣду? Ну, я прїѣду къ вамъ: вы думаете, я съ вами жить стану? — покорно благодарю.

— Не лучше ли намъ теперь обвѣнчаться, а потомъ я уѣду, — вы пока поживете здѣсь.

— Глупо, кажется. Нѣтъ ужъ поѣжайте... Не судьба вѣрно, — и она заплакала.

— Прощайте!

— Когда вы ѣдете?

— Завтра.

— Тамъ вы точно ѣдете?

— Завтра.

Ольга замолчала, лицо ея поблѣднѣло. Жалко мнѣ ея было; я такъ дядю и тетку не жалѣю. Однако я подошелъ къ ней, подалъ ей руку. Она подала мнѣ свою руку, а на меня не глядѣла; мнѣ самому неловко было...

— До свиданья, сказалъ я.

Она молчала.

— Ольга Семеновна!

— Что?

— Прощайте!

Она ничего не сказала... Я ушелъ. Затворяя двери, я видѣлъ, какъ она плакала.

— Зачѣмъ я пошелъ къ нимъ въ то время, когда получилъ записку отъ Ольги? упрекалъ я себя. Не ходи я, и ничего бы не было.

Вечеромъ была лотерея. Гостей было двѣнадцать человѣкъ. Всѣ

перепились, разцѣловали меня, пожелали мнѣ счастья и каждый разстался со мной другомъ, прося написать каждому письмо о Петербургѣ. Всѣ они упрекали меня Ольгой и спрашивали: повезу ли ее въ Петербургъ; многіе совѣтовали мнѣ не возить ее: ты тамъ хорошую, образованную найдешь.

Съ лотереи я получилъ тридцать рублей, да изъ палаты взялъ жалованья за этотъ мѣсяцъ и за будущій. Такимъ образомъ, у меня составилось шестьдесятъ рублей, кромѣ тѣхъ, которыя я истратилъ на билетъ за третій классъ на пароходъ и за багажъ.

Утромъ я отправился къ Ольгѣ. Она складывала свои вещи.

— Буда вы?

— На квартиру. Я нашла за городомъ квартиру за пятьдесятъ коп. въ мѣсяцъ. Хозяйка—старуха, кажется, добрая; живетъ она съ дочерью. Дочь вдова-солдатка и работаетъ на пристани. Всего только одна изба, да ладно съ меня.—А вы совсѣмъ?

— Сейчасъ ѣду.

— Прощайте. Я бы пошла проводить васъ, да некогда. Пишите. Я ей далъ пять рублей, но она обидѣлась и не взяла.

— Я не нищая, слава Богу. Вамъ самимъ пригодятся.

Съ тоской я ушелъ на пароходъ, но за то тамъ я съ нетерпѣньемъ ожидалъ отплытія. Человѣкъ шесть меня провожали и завидовали моему счастью. Наконецъ пароходъ тронулся, обернулся по большой рѣкѣ; сотни рукъ сняли шапки отплывавшимъ, махали платнами. Всѣ отъѣзжающе-палубные перекрестились, улынулись, только мнѣ было скучно: я уѣзжалъ отъ той, которой я бы могъ составить счастье.—Что-то будетъ съ ней? думалъ я... Ну, да мнѣ самому свое счастье дороже... И казалось, какъ-будто она стояла на горѣ, въ сторонѣ отъ людей, глазѣющихъ на отплывающій пароходъ и говорящихъ: счастливички! Но въ далекѣ я могъ видѣть только ея желтое платье, движущееся отъ вѣтра. Сердце сжалось у меня, когда я подумалъ: каково-то ей, бѣдняжкѣ, въ это время? и я отвернулся отъ берега и сталъ смотрѣть на пароходный міръ, откуда слышалось въ разныхъ мѣстахъ: прощай, Орѣхъ! дрянной ты городишка... То ли дѣло вонъ тамъ-то, у насъ... Разлюли житье!..

Ф. Рѣшетниковъ.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РУССКАГО НАРОДОПАСЕЛЕНІЯ.

(СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ).

Доселѣ мы говорили о смѣшеніи инородческихъ племенъ съ русскимъ народомъ посредствомъ скрещенія, — это непосредственный, прямой способъ физиологическаго сліянія племенъ. Кроме этого, есть еще много второстепенныхъ, посредствующихъ способъ, также многозначительно содѣйствовавшихъ метисаціи племенъ или подготовлявшихъ, обуславливавшихъ ее. Всѣ эти побочныя, второстепенныя, вспомогательныя условія сліянія племенъ заключаются, главнымъ образомъ, въ физико-этнографической средѣ.

Сюда относятся, во-первыхъ, взаимное приселеніе, сосѣдство и сожителство племенъ. Часто одного вліянія среды и сосѣдства достаточно, чтобы началась измѣнчивость племени, подготовля его къ физиологическому сліянію и объединенію съ другимъ племенемъ. Фактовъ на это много. Ляйль послѣ многихъ изслѣдованій; произведенныхъ имъ вмѣстѣ съ медиками, живущими въ невольническихъ штатахъ, согласно свидѣтельству всѣхъ, кто только обращалъ должное вниманіе на этотъ предметъ, нашелъ, что, при отсутствіи всякой смѣси породъ, у негровъ, находящихся въ близкомъ соприкосновеніи съ бѣлыми, черепъ и вообще тѣло съ каждымъ поколѣніемъ болѣе и болѣе приближаются къ европейскому типу по своему виду, по конфигураціи. Мало того, что въ этихъ странахъ измѣняются формы негра, но перемѣняется даже составъ его тѣла. Прунеръ-Бей, подтверждая наблюденіе, которое уже и прежде было извѣстно, но только подвергалось разнымъ возражені-

дль, говорятъ, что въ Африкѣ кровь негра и темнѣе, и гуще, чѣмъ кровь европейца; а докторъ Визиньё (Visinier), въ теченіи многихъ лѣтъ занимавшійся медициною въ Луизианѣ, удостовѣряетъ, что въ этой странѣ кровь негра, напротивъ, замѣтно жиже и блѣднѣе. Разумѣется, и умственная сторона не изъята отъ подобнаго видоизмѣненія. Г. Лисбоа прямо говоритъ, что въ Бразиліи, вопреки всѣмъ предосторожностямъ, направленнымъ къ тому, чтобы держать негровъ въ невѣжествѣ,—негръ-креоль, уже съ первыхъ поколѣній, является по умственнымъ способностямъ выше, чѣмъ первоначальные его родичи. Наконецъ, уважаемый нашъ сотрудникъ Реклю (Reclus), собственными наблюденіями подтверждая все предыдущее, выражается объ этомъ предметѣ слѣдующимъ образомъ, въ одной изъ своихъ статей, помѣщенныхъ въ журналѣ *Revue des deux Mondes*: «даже въ физическомъ отношеніи, негры постоянно стремятся приблизиться къ своимъ господамъ-владѣльцамъ. У негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ уже не тотъ типъ, какъ у негровъ въ Африкѣ. У нихъ рѣдко видишь кожу чернаго цвѣта, хотя почти всѣ ихъ предки были куплены на Гвинейскомъ берегу; у нихъ вѣтъ столь выдающихся скулъ; столь толстыхъ губъ; такого приплюснутаго носа, такихъ курчавыхъ, на подобіе шерсти, волосъ, такой свѣтлой физиономіи, такого остраго лицевого угла, какъ у ихъ собратьевъ въ Старомъ Свѣтѣ. Въ теченіе полутораго вѣка они, въ отношеніи наружности, по крайней мѣрѣ, на четверть сократили разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ бѣлыхъ». Точно также, подъ вліяніемъ одной новой этнографической среды, подъ вліяніемъ вѣкового сосѣдства съ русскими, сибирскіе инородцы весьма замѣтно измѣняются и мало по малу приближаются къ обрусенію. Вслѣдствіе сосѣдства, всего удобнѣе и чаще должно было случаться самое сврещеніе между племенами и, такимъ образомъ, видоизмѣняющее дѣйствіе среды усиливалось черезъ это ¹⁾. Общимъ результатомъ было то, что мно-

1) Вслѣдствіе русской колонизаціи, этнографическое сліяніе или сближеніе инородческихъ племенъ съ русскимъ населеніемъ стало неизбежнымъ. Оно началось съ XVII вѣка. Дополн. къ акт. Истор. т. VII, № 23; русское торговое общеніе съ вогулчанами въ Верхотур. узвѣдъ въ 1676—1682 г. Дополн. VII, № 74, стр. 345 (приселеніе буритъ въ Тувинскому острогу въ 1676 г.). Доп. VII, № 62; якуты съ русскими сближаются въ Якутѣ и промышл. Допол. IV, № 39 въ Тобольскѣ татарскія юрты. Доп. IV, стр. 155; нагазы илгемскому воеводѣ о выполнении русскихъ городовъ и волостей инородческими юртами, (тоже и другія сибирскимъ воеводамъ). Доп. IV № 84; о наборѣ татарскихъ и черемисскихъ семей въ китайскій острогъ въ Верхотур. узвѣдъ. Доп. IV, № 96; татарскія юрты въ Тюмени и около. Доп. IV, № 111, стр. 265. Доп. IV № 133, грам. 111 (1663—1664): о прикочевкѣ подъ Нарчинскъ ясачныхъ тунгусовъ.

гя племена, одно за другимъ, довольно быстро русѣли и русѣють. Это замѣчали всѣ путешественники по Сибири, начиная отъ Гмелина, Палласа, Георги, Фалька и до Кастрена, Миддендорфа, Врангеля, Ермана и многихъ другихъ. Прежде всего, русскіе въ Сибири поселились въ сосѣдствѣ съ угро-финскими племенами—вогуличами и остяками. И вотъ, эти племена отъ долговременнаго сосѣдства съ русскими мало по малу многое перенимали отъ нихъ, и отъ вѣшняго подражанія незамѣтно переходили къ внутреннему усвоенію многихъ привычекъ и признаковъ русской народности. «Сосѣдство и обращеніе съ русскими, говоритъ Лепехинъ, ввели у вогуличей, при бракахъ на русскихъ дѣвицахъ и измѣненіи ихъ вида,—и русскую одежду, и мужчины отъ одежды русскихъ крестьянъ никакой отмѣны не имѣютъ» ¹⁾. Поэтому венгерскій путешественникъ Регули, какъ мы уже сказали, выключилъ большую часть ихъ изъ этнографической части своей карты, такъ какъ они уже совсѣмъ обрусѣли и многіе въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія совершенно слиты и сравнены съ русскими государственными крестьянами ²⁾. Объ остякахъ Кастренъ пишетъ: «окруженные русскими и татарами, они, начиная съ языка, утратили все собственное и національное. Татарское вліяніе относительно слабѣе и незначительнѣе; напротивъ, русское вліяніе оказалось въ религіи, въ нравахъ и обычаяхъ, во всемъ образѣ представленій и чувствованій народа. Все различіе состоитъ только въ различной степени культуры русской и остячской. Совершенно какъ русскіе, остяки строятъ свои юрты или чумы, только хуже. Болѣе южные остяки на Иртышѣ занимаются также земледѣліемъ» ³⁾. Въ жалкой деревушкѣ нижней Лумповольской остяки живутъ вмѣстѣ съ русскими: юрты ихъ, построенныя по русскому образцу, стоятъ рядомъ съ русскими избами. Вслѣдствіе этого остяки, по выраженію Кастрена, руссифицированы ⁴⁾. О вліяніи русскаго господства на иртышскихъ остяковъ Кастренъ пишетъ: «такъ какъ русское господство впервые утвердилось на Иртышѣ и отсюда мало по малу распространилось на востокъ и западъ, то

Доп. VI, № 93, стр. 314 (выѣзжіе семейные калмыки въ русскихъ деревняхъ)
 Доп. VI, стр. 318: выѣзжіе калмыки. Доп. VI, стр. 329: якуты въ русскомъ острогѣ. Доп. VI, № 114: русскіе ильмскіе поселенцы среди ивородцевъ въ верхолонекской сторонѣ Ангары—1674 г. Доп. VI стр. 118: приселеніе баунтовскихъ тунгусовъ къ острогу яровинскому, и проч.

¹⁾ Лепехина, Дневн. Записки, ч. III стр. 18.

²⁾ Записки геогр общ. 1849 г. кн. III стр. 159—165.

³⁾ Kastren's, Reiseberichte und Briefe aus den Jahr 1845—49 s. 50.

⁴⁾ Kastren's, Reiseberichte; die Ostjaken in jeglicher Hinsicht russificirt, s. 114.

естественно, что иртышскіе остяки лучше могли усвоить плоды русскаго образованія, чѣмъ прочія родственныя имъ племена. Они уже давно крещены и очень усердно соблюдаютъ религіозные обряды греческой церкви. О христіанскомъ ученіи они не имѣютъ никакого яснаго понятія, но безусловно вѣруютъ въ его истинность и, болшею частью, уже забыли свой религіозно-языческій культъ. Только, съ возрастаніемъ цивилизаціи, иртышскіе остяки начинаютъ оставлять свои природныя добродѣтели — справедливость и честность; и въ прочихъ областяхъ, около городовъ и большихъ деревень, — лжи, обмана и плутовства между остяками замѣчается уже болѣе, чѣмъ у колонистовъ. Пьянство есть общій порокъ у остяковъ, и лѣность составляетъ главное препятствіе ихъ благостоянію. Если взглянуть на внѣшнюю цивилизацію, то иртышскіе остяки имѣютъ рѣшительное преимущество передъ прочими своими братьями. Они живутъ въ порядочныхъ, на русскій образецъ построенныхъ домахъ, занимаются скотоводствомъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и земледѣліемъ, торговлею и другою промышленностью цивилизованной жизни. Охота считается уже только побочнымъ промысломъ, а рыболовствомъ занимаются лишь тогда, когда мало другихъ средствъ къ пропитанію. Что касается, наконецъ, до управленія, то иртышскіе остяки, съ уничтоженіемъ ихъ племенного дѣленія, забыли также свои старыя статуты и судятся теперь уже по русскому судопроизводству» ¹⁾).

Даже якуты, отличающіеся удивительною устойчивостью своей національности въ своемъ главномъ отечествѣ, въ Якутскомъ краю, — здѣсь, на берегахъ Енисея, въ Туруханскомъ краю, отъ сосѣдства съ русскими, сильно русѣютъ. Такъ, осѣдлые якуты, живущіе въ деревнѣ Шорохиной, на правой сторонѣ Енисея, въ 30 верстахъ отъ Туруханска, вмѣстѣ съ русскими, утративъ совершенно не только свой народный языкъ и характеръ, но и самый наружный типъ и усвоивъ всѣ обычаи русскихъ, съ которыми почти вполне слились, сами уже желаютъ уничтоженія у себя особаго инородческаго управленія и обращенія въ совершенныхъ русскихъ крестьянъ, какими они въ дѣйствительности уже и стали. На пути отъ Нарыма до Томска, Кастрень встрѣчалъ обрусѣлыхъ татаръ: «большая часть сѣверныхъ татаръ, замѣчаетъ онъ, приняли христіанство, и уже ни по нравамъ, ни по наружному виду не отличаются замѣтно отъ русскихъ». — «Они уже стали теперь образованными и живутъ, какъ мы», говорилъ Кастрену русскій вучерь, похваляя татаръ. Точно также, и отъ

¹⁾ Kastren's, Reiseberichte, s. 122—124.

устья Чулыма и по Оби до Амборскихъ юртъ татары почти совершенно обрусѣли. «Природные жители мѣстности, говорить Кастрень, состоятъ изъ татаръ, которые не только приняли христіанскую религію, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перемѣнили также и свой матерній языкъ на русскій» Далѣе, и самоѣды отъ сосѣдства съ русскими тоже постепенно русѣютъ. «Обскіе самоѣды (томскіе, живущіе на самой Оби), пишетъ Кастрень, уже всѣ приняли образъ жизни русскихъ крестьянъ и отличаются отъ нихъ только своими грубыми понятіями, своимъ бѣдственнымъ положеніемъ, а также — лѣнностью, безпечностью и совершеннымъ равнодушіемъ къ своему интеллектуальному и экономическому совершенствованію. Они живутъ въ домахъ, построенныхъ и расположенныхъ, какъ русскіе, только меньшихъ размѣровъ... Главный промыселъ у нихъ, какъ и у туземныхъ русскихъ, — рыболовство. Какъ русскіе, занимаютъся они также скотоводствомъ, изъ нужды поступаютъ въ услуженіе къ русскимъ крестьянамъ и купцамъ. Между ними есть искусные кузнецы, плотники, столяры и другіе ремесленники. Вообще безспорно, что русская культура въ Томской губерніи пустила болѣе глубокіе корни между туземными природными племенами, чѣмъ въ сосѣднемъ округѣ тобольскомъ. Вслѣдствіе ихъ преобладающей цивилизаціи, томскіе остяки, хотя и не всѣ, но начинаютъ уже строиться и жить такъ же, какъ и русскіе. Годъ отъ году возрастающее уменьшеніе дикихъ оленей и успѣхи цивилизаціи побуждаютъ, какъ остяковъ, такъ и самоѣдовъ, перемѣнять свои оленьи шубы на русскую одежду. Русское вліяніе оазывается, какъ въ одеждѣ и жилищахъ, такъ и въ прочей экономіи лѣсныхъ самоѣдовъ. Особенно заслуживаетъ замѣчанія, что на рѣкахъ Кети, Паробелы, Чоѣ и Чулымѣ жители начинаютъ уже держать лошадей, — а на Чулымѣ и коровъ. Употребленіе соли и хлѣба, которое, по особеннымъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, болѣе или менѣе всеобще у лѣсныхъ самоѣдовъ, также должно приписать вліянію русской цивилизаціи»¹⁾. Въ Енисейской губерніи, отъ сосѣдства съ русскими, также мало по малу обрусѣли многіе качинскіе татары, койбалы, котты и проч. Городъ Красноярскъ имѣлъ вліяніе даже на обрусѣніе татаръ — самаго неуступчиваго племени. «Около Красноярска, говорить Кастрень, находится деревня ясачныхъ. Ясачные эти не знаютъ никакого другого языка, кромѣ русскаго, но, тѣмъ не менѣе, выдаютъ себя за потомковъ качинскихъ татаръ, которые, по словамъ одного старика, прежде жили въ странѣ Качи, но по приходѣ русскихъ от-

1) Kastren's, s 165.

кочевали въ ихъ теперешнія, далеко южнѣ лежащія жилища. Этотъ же старикъ сказывалъ, что отецъ его былъ еще совершеннымъ татаринкомъ. Число качинцевъ у Красноярска состоитъ только изъ 240 м. д. которія всѣ причислены къ качинской управѣ. Съ 1833 года, они платятъ уже обыкновенныя крестьянскія государственныя подати. Въ образѣ жизни они нисколько не разнятся отъ русскихъ крестьянъ; только фizioномія ихъ еще сохраняетъ татарскій отпечатокъ¹⁾. Въ Иркутской губерніи буряты все больше и больше подвергаются русскому вліянію. Свой кочевой, пастушескій образъ жизни они перемѣняютъ на русскій осѣдло-земледѣльческій бытъ; свои юрты и свои костюмы—на русскіе дома и на русскую одежду, усвояютъ русскій языкъ, а около Иркутска и вблизи большихъ русскихъ селъ утрачиваютъ даже рѣзкія черты или выпуклости своего монголо-бурятскаго обличья. Подражаніе русскимъ нравамъ и обычаямъ—и въ томъ числѣ даже дурнымъ,—напримѣръ, картежничеству, у многихъ бурятъ доходить до страсти. Приверженность молодого бурятскаго поколѣнія къ русскимъ нравамъ и обычаямъ уже до того усиливается и распространяется, что возбуждаетъ оппозицію и антагонизмъ со стороны шамановъ и стариковъ²⁾. Далѣе, тунгусы по ленскому тракту, отъ сосѣдства съ русскими поселенцами, отъ близкаго знакомства съ русскими звѣропромышленниками, также иногда болѣе или менѣе русьютъ. Въ ближайшихъ къ Орменѣ деревняхъ, по ленской долинѣ, по словамъ Ермана, знакомство русскихъ съ ихъ сосѣдами, тунгусами, стало уже очень интимнымъ³⁾. Отъ обращенія съ русскими тунгусы значительно наострились и образовались, стали, какъ говорятъ тамошніе русскіе, «хитрые и образованные». На станціи Псковской Ерманъ нашель общество, смѣшанное изъ тунгусовъ и русскихъ. Нѣкоторые тунгусы довольно хорошо говорили по русски. Даже якуты, особенно неподатливые на совершенное обр-

1) Kasten's, s. 202—203.

2) По свидѣніямъ, сообщеннымъ г. Болдоновымъ, природнымъ бурятомъ, кончившимъ курсъ въ иркутской семинаріи, теперешнимъ бурятскимъ учителемъ при Балаганской дувѣ, старики бурятскіе говорятъ въ укоръ молодому поколѣнію: «вы — молодые, у васъ все нынѣ пошло по новому—русскому обычаю... Нынѣ вы все плясаете по русскимъ гордамъ и деревнямъ и, нахватавшись тамъ всего русскаго, презираете все старое, бурятское, и васъ стариковъ». Молодые, по словамъ г. Болдонова, отвѣчаютъ имъ: «старые бурятскіе обычай теперь легодны; да вы, старики, нигдѣ не бывали, ничего не видали и не знаете: вы уже, съ вашими старыми бурятскими обычаями, отжили свой вѣкъ» и проч. Слова эти намъ сообщены были по бурятски.

3) Erman, Reise В. II, s. 210.

сѣніе, отъ сосѣдства съ русскими, болѣе или менѣе русьліи цѣлыми семействами. Въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII столѣтія, въ самомъ городѣ Якутскѣ находилось много якутскихъ юртъ, среди русскихъ домовъ. Но въ послѣдніе 30 лѣтъ, замѣчаетъ Враггелъ, «уже исчезли всѣ якутскія юрты, видѣнныя въ городѣ еще въ 1793 г. капитаномъ Биллингсомъ между обывательскими домами». Въ Нохторскихъ юртахъ якутскіе мужчины, по словамъ Ерманна, бѣгло говорили по русски и даже гордились знаніемъ этого языка. Наконецъ, среди ледяныхъ тундръ сѣверо-восточной Сибири, на берегахъ Колымы и Ангоевъ, не осталось безслѣднымъ русское сосѣдство съ туземными племенами. «Отъ непрерывныхъ сношеній съ русскими, говоритъ Враггелъ, покоренные народы переняли у нихъ образъ жизни, одежду, устройство жилищъ и, наконецъ, замѣнили оленей собаками. Языкъ побѣдителей также постепенно получалъ преимущество и дѣлался общимъ. По крайней мѣрѣ, почти всѣ туземцы понимаютъ теперь нашъ языкъ и говорятъ по русски».

Вліяніе физико-этнологической среды на результаты смѣшенія племенъ нѣсколько видоизмѣняется и разнообразится различными мѣстными условіями—географическими, этнографическими и статистическими. Во-первыхъ, наибольшая приспособленность племени къ мѣстнымъ условіямъ внѣшней природы и наибольшая его численность даютъ ему перевѣсъ въ средѣ или въ борьбѣ и мирномъ сожителствѣ съ другими племенами, наименѣе приспособленными къ физической средѣ и, сравнительно, слишкомъ малочисленными ¹⁾. Русскіе колонисты Сибири вездѣ, гдѣ болѣе или менѣе легко приспособлялись къ внѣшнимъ жизненнымъ условіямъ и преобладали численностью,—легко приобретали національно-физиологическій перевѣсъ и господство надъ туземными племенами. Но гдѣ они водворялись самыми малолюдными поселеніями среди многочисленнѣйшаго племени, давно приспособившагося къ климату и всѣмъ физико-географическимъ условіямъ мѣстной природы, гдѣ они, по малочисленности своихъ промышленныхъ, умственныхъ и физическихъ силъ, въ приисканіи средствъ къ жизни и приспособленіи къ внѣшнимъ физическимъ условіямъ не могли соперничать съ туземнымъ племенемъ, давно научившимся или навѣвшимъ пользоваться мѣстными естественными данными и жить сообразно съ ними,—тамъ русскіе колонисты невольно становились въ зависимость отъ туземнаго господствующаго племени, часто нуждаясь въ немъ, и, такимъ образомъ, не-

1) Darwin.

избѣжно уступали его преобладающему вліянію. Такъ случилось, напримѣръ, въ Якутской области, въ Жиганскѣ, въ Обдорскѣ. Какъ только подѣзжаетъ путешественникъ къ Якутску, такъ замѣчаетъ наибольшую приспособленность къ туземной физической средѣ наиболѣе многочисленнаго якутскаго племени, чѣмъ малочисленнаго русскаго населенія. «Чѣмъ далѣе на сѣверъ подавались мы, пишетъ Врангель, тѣмъ пустыннѣе во всякомъ отношеніи становились берега Лены; у Олекмы примѣтны еще послѣдніе слѣды садовничества и земледѣлія, но далѣе они исчезаютъ совершенно; жители достаютъ себѣ пропитаніе исключительно однимъ скотоводствомъ и рыбною ловлею. Кромѣ станковъ, весьма рѣдко гдѣ попадаются небольшія селенія, да и тѣ, съ ихъ обывателями, находятся въ бѣдственномъ состояніи. Пріѣзжавшіе къ намъ со станковъ гребцы были покрыты рубищами жалкаго вида, удручены недостаткомъ и нуждою, что замѣтно особенно на русскихъ вѣрстанцахъ, которые встрѣчаются до станка Улаханы, находящагося верстахъ въ 50 отъ Якутска; оттуда далѣе на сѣверъ все народонаселеніе состоитъ изъ однихъ только якутовъ, которые, какъ *природные туземцы, свыклись съ суровымъ климатомъ, протекающими отъ него недостатками и средствами пособить себѣ гораздо болѣе, нежели чужеземные переселенцы, а оттого и подвержены нуждѣ меньше русскихъ*» ¹⁾. Тоже замѣчаетъ Ерманъ ²⁾. Вслѣдствіе такой наибольшей и давней приспособленности къ мѣстной средѣ и по причинѣ преобладающей численности, якутское племя, естественно, и воспреобладало надъ русскимъ населеніемъ Якутскаго края. Начиная съ Кантинской станціи, по словамъ Ерманна, русское населеніе вездѣ смѣшано съ якутами, и якутскій элементъ повсюду преобладаетъ, господствуетъ надъ русскимъ. По наибольшему практическому знакомству съ мѣстными источниками промышленности и благосостоянія, якуты лучше русскихъ занимаются рыболовствомъ, звѣроловствомъ, скотоводствомъ, большею частью богаче русскихъ. И вслѣдствіе этого, русскіе, особенно бѣдные, поневолѣ должны были раболѣпно относиться къ богатѣйшимъ и вліятельнѣйшимъ якутамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ якутской національности. Не даромъ даже якутки съ нѣкоторою племенной гордостью говорятъ, что «теперь русскіе такъ же мыслятъ, какъ и они, и уже не гнушаются болѣе браковъ съ якутами.» — «Дѣйствительно, прибавляетъ по этому случаю Ерманъ, зависть и ненависть завоевателей къ бо-

¹⁾ Врангеля, Поляр. путеш. 1, стр. 165.

²⁾ Erman, Reise. II, s. 227.

гатымъ азіятцамъ обратилась теперь въ уваженіе, въ почтеніе. Якуты теперь и умственно соперничаютъ съ русскими, часто перехитряютъ ихъ и возбуждаютъ въ русскихъ удивленіе своими умственными успѣхами. Якутъ спорить съ русскимъ о преимуществѣ и древности своего города Якутска, гордится имъ. Онъ, съ чувствомъ достоинства своей націи, говоритъ даже передъ западнымъ путешественникомъ о «городѣ якутовъ», о цѣлости и устойчивости своего національнаго устройства и. т. п. Послѣ всего этого, нѣтъ ничего неестественнаго, страннаго, что это, гордое своею народностью, племя одержало фізіологическое преобладаніе надъ русскою національностью. Въ самомъ дѣлѣ, посредствомъ взаимныхъ браковъ, русскіе приняли отъ якутовъ ихъ фізіологическій типъ. Наньки якутскія, вскармливая своею грудью русскихъ дѣтей и отъ чрева матерей имѣя на нихъ полное вліяніе, вмѣстѣ съ молокомъ своимъ передавали имъ свои якутскія чувствованія, привычки, понятія, суевѣрія и свой якутскій языкъ. Поэтому русскіе всѣ говорятъ по якутски, начиная отъ Олекмы и до Колымы ¹⁾. Еще далеко не доѣзжая до самаго Якутска, путешественникъ повсюду въ русскихъ селахъ слышитъ большею частью только якутскій языкъ, встрѣчаетъ фізіономіи, уже немного отличающіяся отъ якутскихъ и значительно уклонившіяся отъ чисто-русскаго типа. Русскіе между якутами, по свидѣтельству Ермана, не только оставили свой русскій языкъ, но и всѣ русскіе христіанскіе нравы и обычаи. Напримѣръ, они, по якутски, весь великій постъ ѣдятъ скоромное. Женщины русскія, глядя на якутокъ, сдѣлались такими же страстными охотницами до табакокуренія, какъ и эти послѣднія ²⁾. Много переняли русскіе отъ якутовъ въ пищѣ, одеждѣ и жилищахъ ³⁾. Цѣлая слобода русскихъ крестьянъ въ Якутскомъ краю объякутились. Въ 180 верстахъ отъ Якутска къ юговостоку, на р. Амгѣ, лежитъ Амгинская слобода, въ которой поселены русскіе крестьяне; но крестьяне эти не умѣютъ говорить по русски, всѣ говорятъ по якутски и ничѣмъ не отличаются отъ якутовъ: они поженились на якуткахъ, объякутились сами и народили дѣтей якутовъ, привыкли, какъ настоящіе якуты, къ мясной и молочной пищѣ, по якутски одѣваются и проч. ⁴⁾. Точно также русскіе, заброшенные движеніемъ рус-

¹⁾ Врангель, I, стр. 170. Повеѣдка въ Якутскѣ Н. Щукина, стр. 135, 228—229.

²⁾ *ibid.* s. 242.

³⁾ Повеѣдка въ Якутскѣ—Н. Щукина, стр. 229, 242.

⁴⁾ Reise, Erman. II. 233.

своей колонизации въ Жиганскіе улусы, въ среду тунгусовъ и якутовъ, поневолѣ должны были тамъ объякнуться, потому что ихъ всего тамъ не больше 200 человекъ об. пола, тогда какъ якутовъ—2,184 д. Поэтому, сообщаетъ протоіер. Хитровъ, «по фізіономіи, образу жизни, языку и нравамъ, здѣшнихъ русскихъ, такъ же какъ и тунгусовъ, которыхъ числомъ не болѣе 446 душъ, слѣдуетъ причислить къ якутамъ,—такъ во всемъ слились они съ этими послѣдними» ¹⁾. Въ низовой части Колымы «русскіе, по словамъ Врангеля, чрезъ смѣшеніе съ юкагирами и анкойскими якутами, также заимствовали отъ нихъ многое въ одеждѣ, въ жилищахъ, въ образѣ жизни и даже въ чертахъ лица» ²⁾. Точно также въ Обдорскѣ, въ суровой полярной тундрѣ, типъ и бытъ самоѣдовъ и остяковъ; обусловленный самою полярною природою, вслѣдствіе неотразимаго вліянія физико-этнографической среды, совершенно воспреобладалъ надъ ничтожною горстью русскихъ поселенцевъ: они живутъ, по словамъ Кастрена,—по остяцки и самоѣдски, à la samojède, такъ же стали ѣсть сырую рыбу, обзавелись оленями, заговорили языкомъ остяцкимъ или самоѣдскимъ ³⁾. и проч. Всѣ подобныя измѣненія русско-сибирской народности въ чуждой физико-этнографической средѣ происходятъ, въ сущности, въ силу того общаго естественнаго факта или закона, по которому «разновидности одного вида, когда онѣ распространяются въ область другихъ видовъ, въ нѣкоторой степени приобрѣтаютъ признаки послѣднихъ» ⁴⁾.

«Когда двѣ или болѣе равновидностей, говоритъ Дарвинъ, возникали на разныхъ точкахъ вполне сплошной области, среднія разновидности должны были, по всей вѣроятности, возникать въ промежуточныхъ полосахъ, но онѣ должны были, по большей части, прожить недолго, ибо эти среднія разновидности, по извѣстнымъ намъ законамъ распредѣленія замѣняющихъ другъ друга видовъ и рѣзкихъ разновидностей, существуютъ на промежуточныхъ полосахъ въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ формы, ими связуемыя. По одной этой причинѣ, среднія разновидности должны быть подвержены опасности случайнаго истребленія; а во время процесса дальнѣйшаго видоизмѣненія, черезъ естественный подборъ, они почти постоянно должны быть побѣждены и вытѣснены связую-

¹⁾ Записки Сибирск. отдѣл. географ. общ. 1856 г. кн. I, стр. 66.

²⁾ Врангеля, Поляри. путеш. I, стр. 237.

³⁾ Kastren's, Reiseerinnerungen 1838—1844, s. 278—281.

⁴⁾ Darwin, s. 159.

щими ихъ формами; ибо эти формы, существуя въ большемъ количествѣ особей, будутъ въ цѣломъ представлять болѣе уклоненій, приобретать болѣе преимуществъ» ¹⁾. Этотъ естественный законъ осуществился, какъ кажется, въ судьбѣ приалтайскихъ самоѣдскихъ племенъ — койбаловъ, бельтировъ, сагайцевъ, ассановъ, коттовъ, аринцевъ, моторовъ и многихъ другихъ. Отставши отъ полярной вѣтви самоѣдскаго племени, во время переселенія или вытесненія его монгольскими и татарскими племенами съ юга на сѣверъ—въ полярныя тундры, эти разрозненные остатки или члены самоѣдской семьи сосредоточились въ предгорьяхъ и степяхъ приалтайскихъ—въ степи койбальской, сагайской, бельтирской и проч. Тутъ они, стѣсненные, съ одной стороны, татарами съ сѣверо-запада, съ другой—горными калмыками съ юга, со стороны Алтайскихъ и Саянскихъ горъ, естественно, очутились въ промежуточной между ними полосѣ. Съ распространеніемъ русской колонизаціи, возникли русскія поселенія Томской и Енисейской губерніи и стѣснили ихъ еще болѣе со всѣхъ сторонъ. И вотъ они сначала подверглись вліянію татаръ и калмыковъ; вслѣдствіе этого, всѣ эти промежуточныя разновидности самоѣдскаго племени, по выраженію Кастрена, быстро и совершенно татаризировались. Съ другой стороны, окруженные со всѣхъ сторонъ русскими, они подверглись также ихъ вліянію и много переняли русскаго. Такъ, койбалы, составлявшіе некогда чистую разновидность или вѣтвь самоѣдскаго племени ²⁾, стѣснившись въ промежуточной полосѣ въ меньшемъ количествѣ, между татарами и русскими, сначала подверглись татарскому вліянію, потомъ — русскому и, такимъ образомъ, мало по малу поглотились подавляющей силой этихъ двухъ народностей ³⁾. Телеуты или бѣлые калмыки, находясь между татаръ и русскихъ, по свидѣтельству Георги, частью отатаризировались, частью усвоили русскіе нравы и обычаи ⁴⁾. Точно также моторы, ассаны, аринцы и другія племена, находясь въ той же промежуточной полосѣ и въ меньшемъ числѣ, частью подъ гнетомъ ихъ истребились и вымерли, частью поглощены были окружающими и наиболѣе многочисленными народностями—татарскою, калмыцкою и русскою. Котты, жившіе въ послѣднее время по р. Удѣ и Ангарѣ, въ

1) Darwin, über die Entstehung der Arten, s. 204.

2) Pallas, Reise III, s. 373. Fischer Sibir. Gesch. I, 139 и 170.

3) Kastren' s. Reiseberichte und Briefe, s. 322—323. Георг. опис. нар. ч. III, стр. 13. см. также о койбалахъ въ записк. сибир. отдѣл. геогр. общ. 1863, кн. VI, стр. 109—117.

4) Георг. Опис. в: род. ч. II, стр. 135—160.

промежуточной области между русскими и бурятами, частью обурятались, частью обрусѣли. Русскіе, какъ многочисленнѣйшее племя въ средѣ этихъ инородцевъ, мало по малу и тѣхъ, и другихъ подчиняють своему вліянію. Теперь, какъ котты, такъ и буряты въ Нижнеудинскомъ округѣ—на половину русскіе, на половину монголы. Обрусѣлые котты находятся въ деревняхъ по Ангарѣ, въ Барнаулѣ и Еланскѣ, около Канска ¹⁾.

Физико-этнографическая среда смѣшенія племень, безусловно, имѣетъ вліяніе на фізіологическій и патологическій типъ смѣшаннаго народонаселенія. Вліяніе этнологическихъ развѣтвленій на различіе въ ростѣ ясно доказано фактами статистики. Прекрасные труды Будена, помѣщенные въ его медицинской географіи (*Géographie médicale*), внесли въ этнографію этотъ совершенно новый элементъ антропологическихъ наблюдений, у насъ, къ сожалѣнію, еще невызвавшій никакихъ изслѣдованій. Во Франціи живописныя карты, различнымъ образомъ оттѣненныя, изображающія распредѣленіе извѣстнѣй (изъ рекрутской повинности) по недостатку роста въ различныхъ департаментахъ, такъ сказать, наглядно представили Галлію временъ Цезаря. Систашъ (*Sistach*), занимаясь періодомъ, болѣе новымъ, составилъ новую карту этнологическихъ различій роста во французскомъ народонаселеніи. У насъ, къ сожалѣнію, еще ничего подобнаго не сдѣлано. Между тѣмъ, мѣстныя статистическія изслѣдованія роста русскаго народонаселенія много пролили бы свѣта на его этнологическій составъ, этнографическое распредѣленіе и фізіологическій типъ. Не даромъ низшая рекрутская мѣра роста русскаго населенія Вологодской и отчасти Архангельской губерніи, происшедшаго большею частью изъ обрусѣлыхъ зрянъ и отчасти самоѣдовъ, составляетъ только 2 арш. 2 $\frac{1}{2}$ верш., тогда какъ у жителей другихъ губерній, гдѣ преобладаетъ наиболѣе чистый славяно-русскій элементъ,—2 арш. 3 и 4 верш. Не даромъ средній ростъ казанскаго народонаселенія, представляющаго большой процентъ смѣшенія съ чувашами и черемисами, не больше 2 арш. 3,74 верш.; а въ сибирскомъ народонаселеніи, гдѣ происходила наибольшая смѣсь русскаго населенія съ рослымъ племенемъ мордовскимъ, средній ростъ представляетъ 3 арш. 4,92 верш. Также точно и въ Сибири этнологическое вліяніе должно было отразиться на ростѣ смѣшаннаго народонаселенія. Напримѣръ, въ Обдорскомъ и Березовскомъ краю, гдѣ рослые русскіе люди смѣшались съ малорослыми самоѣдами и остягами, самый высокій ростъ

¹⁾ Kastren' s, Reiseberichte, s. 387.

представляет только 5,6 фут. ¹⁾). Словоцовъ замѣчаетъ о сибирскомъ народонаселеніи: «прежніе путешественники, со включеніемъ аббата Шаппа, свидѣтельствовали о плотности, великорослости сибиряковъ, въ чемъ была увѣрена и гвардія императорская; нынѣ же этотъ мужественный размѣръ сталъ очень рѣдокъ въ Сибири, особенно въ классѣ простонародномъ. Какъ же должно быть изъяснимо такое измѣненіе жителя? вліяніемъ климата или перемѣною нравовъ? Если вліяніемъ климата, по подобію сосенъ и лиственницъ, то, при возможномъ улучшеніи его, надлежало бы организму сибиряка мужаться болѣе и болѣе, потому что укороченность человѣческаго размѣра и толстая пластинка прилична только климату полярному. Стало бытъ, прежнее крупное, высокое поколѣніе людей безпрекословно свидѣтельствовало о нравственной чистотѣ родителей и предковъ, какъ настоящее—о происхожденіи отъ невоздержныхъ, болѣзненныхъ родителей, происшедшихъ отъ посельщико- или ихъ пріятелей. Добродушный сибирякъ иногда впадаетъ въ недостойную связь съ преступнымъ пришельцомъ» ²⁾). Мы думаемъ, что не одни эти причины, а вѣроятно и этнологическое вліяніе оказало тутъ свое дѣйствіе. Кромѣ суроваго климата ³⁾ и разслабленности или болѣзненности сильныхъ отцовъ,—и малорослость, слабость, вообще физическая недоразвитость сибирскихъ инородческихъ племенъ, наприм. самоѣдовъ, остяковъ и проч., при смѣшеніи съ русскимъ племенемъ, также оказали свою долю вліянія на физическое развитіе послѣдняго, тѣмъ болѣе, что многіе сибирскіе крестьяне, мѣщане и даже купцы суть ничто иное, какъ обрусѣлые малорослые самоѣды, остяки, вогулы, калмыки и т. п. Что русская организація и структура претерпѣвала въ Сибири значительныя измѣненія, подъ вліяніемъ племенной метисаціи,—это, кажется, безспорно. Напримѣръ, по берегамъ рѣкъ большого и малаго Анюя живеть уже почти совсѣмъ русское народонаселеніе, по образу быта, одежды, устройства, по языку и вѣроисповѣданію. Но все это народонаселеніе росту малаго, приземистаго и носить всѣ признаки полярно-народнаго типа. Причина этого этнологическаго явленія, очевидно, заключается въ томъ, что народонаселеніе обоихъ Анюевъ есть ничто иное, какъ обрусѣлыя или слившіяся съ русскими колонистами туземныя племена — чуванцы, ламуты и проч. Эти-то

¹⁾ Erman, Reise B. 1, s. 696.

²⁾ Словоцова, Историч. обозр. Сибири. кн. II, стр. 3.

³⁾ Климать, безспорно, имѣетъ вліяніе на ростъ; см. у Кеттлѣ Sur l'homme, I. t. II. p. 23.

племена, по причинѣ мѣстнаго преобладанія своего типа и своей численности, при сліяніи съ русскимъ населеніемъ, передали ему или на своихъ обрусѣлыхъ натурахъ сохранили свой первоначальный фізіологическій типъ. Врангель такъ обрисовываетъ этотъ типъ: «не смотря на сближеніе и почти совершенное сліяніе съ русскими, туземцы сохранили, однакожъ, нѣчто отличительное въ образованіи лица, внѣшнемъ видѣ, приемахъ и вообще въ образѣ жизни. Подобно всѣмъ обитателямъ полярныхъ сѣверныхъ странъ, они невысокаго роста, но широкоплечи и крѣпкаго тѣлосложенія. Голова ихъ, противъ туловища, слишкомъ велика; руки и ноги слишкомъ коротки; лицо плоско и широко; большія щеки суживаютъ ротъ и даютъ ему слишкомъ круглую форму. Волосы черны и косматы, а маленькіе, узкіе глаза лишены огня и выраженія» ¹⁾. На берегахъ малаго Анюя живетъ также нѣсколько семействъ, которыя имѣютъ всѣ признаки русской народности, русскихъ нравовъ и обычаевъ, говорятъ по русски и держатся русской вѣры. Они имѣютъ продолговатое обличье, блѣлый цвѣтъ лица, почти черные глаза и волосы, росту средняго;—какого же племени эти люди? Это—или обрусѣлые юкагиры, или русскіе, посредствомъ браковъ и смѣшенія принявшіе черты юкагировъ. «Въ очеркѣ лица, говоритъ Врангель, юкагиры почти совершенно сходны съ здѣшними русскими, или здѣшніе русскіе, можетъ быть, похожи на юкагировъ. Темные, почти черные глаза и волосы, продолговатое, довольно правильное лицо и удивительная —особенно у женщинъ,—близна тѣла составляютъ отличительные черты тѣхъ и другихъ. Вообще они стройны и средняго росту... Лишась своего единственнаго богатства — домашнихъ оленей, немногіе мало-анюйскія семейства юкагировъ принуждены были отказаться отъ кочевой жизни, поселились здѣсь, приняли христіанскую вѣру и постоянно утрачиваютъ свою народность, нравы и обычая. Господствующій языкъ у нихъ нынѣ—русскій ²⁾. Этнологическія вліянія проявляются также и на мѣстныхъ патологическихъ различіяхъ народонаселенія. Такъ напр., нѣсколько наглядныхъ картъ, составленныхъ Буденомъ, показали намъ, что распредѣленіе грыжи, близорукости и испорченности зубовъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ племени (во Франціи). Во всѣхъ этихъ различныхъ отношеніяхъ, какъ и въ отношеніи роста, существуетъ самая поразительная противоположность, на примѣръ, между населеніемъ Бретани и населеніемъ

¹⁾ Врангель, Поляр. путешеств. II, стр. 113—114.

²⁾ Ibid. II, стр. 83—84.

Нормандіи; и Бертильонъ доказаль статистическими данными, что эти два населенія, столь противоположныя по своему происхожденію, занимають два крайнія положенія въ лѣстницѣ смертности во Франціи. «Такъ какъ у каждаго племени, говоритъ Брока, есть своя организація, свой физиологическій типъ, точно также есть у него и свой типъ патологическій, выражающійся въ его преобладающихъ болѣзняхъ, въ его сопротивленіи нѣкоторымъ болѣзненнымъ влияніямъ, иногда даже въ исключительной способности подвергаться такимъ страданіямъ, которыя не имѣють никакой силы надъ другими расами. Такимъ образомъ, *тома*, этотъ достойный любопытства нарывъ, который не щадить почти ни одного изъ туземцовъ новой Каледоніи, который, какъ у насъ оспа, почти никогда не бываетъ два раза у одного и того же человѣка, — не развивается у бѣлыхъ, живущихъ на этомъ островѣ. Негры, столь склонные къ чахоткѣ, даже въ ихъ собственной странѣ, гораздо менѣе бѣлыхъ подвергаются воспаленію печени, кровавому поносу и перемежающимся лихорадкамъ. Болѣзни сердца и артерій, столь общія между англичанами въ Англіи, чрезвычайно рѣдко встрѣчаются у индусовъ; а ракъ, который такъ свирѣпствуетъ у насъ, почти неизвѣстенъ въ новой Зеландіи, въ южной Африкѣ и у индѣйцевъ Канады», и проч ¹⁾. Если бы у насъ медики подобнымъ образомъ изслѣдовывали болѣзни у разныхъ племенъ, въ разныхъ краяхъ Россіи, и собирали матеріалы для сравнительной этнологической патологіи, то, безъ сомнѣнія, оказались бы многія эндемическія и племенные болѣзни, и разныя этно-патологическія явленія, имѣющія, конечно, влияние и на результаты метисаціи племенъ. Такъ напр., въ Нижнеколымскомъ округѣ господствуетъ нѣсколько болѣзней, которыя, по словамъ доктора Кибера, «имѣють здѣсь ходъ совсѣмъ отличный отъ замѣченнаго въ Европѣ и въ другихъ странахъ». Такова именно странная болѣзнь, называемая *мирякъ*, родъ сыпи и болячекъ на лицѣ, рукахъ и ногахъ, чаще всего случающаяся съ женщинами и сопровождающаяся обыкновенно сильнѣйшими истерическими припадками ²⁾. Другая ужасная болѣзнь, которую докторъ Киберъ назвалъ *elephantiasis*, представляющая, по его наблюденіямъ, родъ коросты или проказы арабской, отъ которой на больномъ кожа морщится, какъ на слонѣ (*elephants*), съ нѣкоторыми отиѣнами, зависящими, по словамъ доктора Кибера, отъ климата и свойства жителей, — тоже свирѣпствуетъ только

¹⁾ Рѣчь Брока о соврем. движеніи въ антропологіи. Загран. Вѣстн. Т. I, 207.

²⁾ Враггель, 1230.

между сѣверовостоchno-сибирскими полярными племенами ¹⁾. Точно также, по общему мнѣнію верхоянскихъ жителей, свирѣпствующее у нихъ повѣтріе, обнаруживающееся сильнымъ стѣсненіемъ въ груди, головною болью и стреляніемъ въ ухахъ, и обусловливаемое тамошними рѣзкими климатическими переходами отъ тумановъ къ морозамъ, господствуетъ только въ окрестностяхъ Верхоянска и гибельна только для коренныхъ, туземныхъ и постоянныхъ жителей верхоянскихъ, а не для пріѣзжихъ ²⁾. По свидѣтельству Ерманна, въ сѣверныхъ частяхъ Тобольской губерніи, между остяками, въ юртахъ кевашинскихъ, сосновскихъ, кондинскихъ и другихъ господствуетъ эндемическая болѣзнь—сильное гноетеченіе и воспаленіе глазъ, тогда какъ между русскими этой болѣзни не замѣчается, а если и бываетъ, то рѣдко ³⁾. Между бурятами, по особеннымъ условіямъ ихъ пищи (сырой говядины и т. п.) и скотоводства, несравненно чаще, чѣмъ между русскими, встрѣчаются страданія отъ внутреннихъ паразитовъ особенно отъ ленточныхъ глистовъ, такъ какъ у бурятъ и домашній скотъ—лошади, собаки и особенно овцы, тоже страдаютъ ленточными глистами, гадатидами или серозными пузырями въ печени, большею частью весною, за недостаткомъ пищи, отъ червей *cysticerci* въ мозгу (по бурятски *хатаръ*), или паразита многоголовика *cysticercus polycephalus* и проч. ⁴⁾.—Уважемъ здѣсь еще на одно странное патологическое явленіе, свойственное тоже только нѣкоторымъ сѣверно-поморскимъ и сѣверо-восточнымъ племенамъ, и совершенно чуждое русскимъ, особенно въ средней и южной Россіи и Сибири. Георги пишетъ о самоѣдахъ: «многіе, особливо изъ женщинъ, чрезвычайно пугливы. Когда такіе люди испугаются или нечаянно увидятъ нѣчто странное и такъ далѣе, то бѣгаютъ, такъ какъ и лопарскія женщины, внѣ себя и приходятъ какъ въ чувство не скоро и при великой слабости. Иные не могутъ терпѣть свисту, нечаяннаго къ нимъ привосновенія, да и самаго малаго шуму или стуку, и оттого становятся бѣшены. Сіе свойственно имъ обще съ остяками, тунгусами, якутами и всѣми, въ ближайшихъ къ сѣверу мѣстахъ живущими, народами; почему и надобно искать тому причины въ мѣстоположеніи и сусѣдныхъ

¹⁾ Дневн. Записки доктора Кибера. Сибир. Вѣстн. 1824 г. Ч. I, стр. 3 — 6.

²⁾ Врангель, Полярн. путш. II, стр. 354.

³⁾ Ерман, Reise B. I, 566, 568, 573.

⁴⁾ Доктора Кашина, О вицѣ и бытѣ бурятъ.

ныхъ страшилищахъ, которыми пугаютъ ихъ съ самаго младенчества»¹⁾).

Всѣ подобныя эндемическія и племенные болѣзни и страданія, кромѣ общаго патологическаго значенія, имѣютъ еще для насъ важность по отношенію къ метисаціи или смѣшенію сибирскихъ племенъ съ русскимъ народомъ. Онѣ нерѣдко обуславливаютъ особенный патологическій и вообще интеллектуально-физическій характеръ смѣшаннаго населенія. Такъ напримѣръ, чѣмъ объяснить то странное явленіе русской народной жизни, что именно только въ сѣверныхъ областяхъ, въ странѣ лопарей, самоѣдовъ, зырянъ, остяковъ, якутовъ и проч., среди русскаго населенія изстари являлись особаго рода вликуши, имеряки, трасовицы, бѣсноватыя женщины и проч., — люди, страдавшіе нервными и истерическими припадками? Мы думаемъ, что русскіе сѣверные поселенцы наслѣдовали это предрасположеніе къ нервно-истерическимъ припадкамъ отъ туземныхъ племенъ, черезъ смѣшеніе съ ними; или его сохранили и внесли въ русское населеніе обрусѣлые лопари, зыряне, самоѣды, остяки, якуты и другіе сѣверные инородцы, вошедшіе въ составъ тамошняго русскаго населенія. Или вотъ другой, болѣе положительный фактъ. Неблагопріятная физико-этнографическая среда ленской долины, начиная отъ Петровской деревни, въ 86 вер. отъ Качуга, по всему Киренскому округу, вплоть до Витима, естественно, не могла обуславливать вполне здоровое физиологическое развитіе туземнаго смѣшаннаго народонаселенія. Съ одной стороны, здѣсь физическая среда обуславливаетъ сильное развитіе и распространеніе зоба и кретинизма, съ другой—вкругомъ живутъ тунгусы слабого физическаго сложенія, составляющіе какъ бы исключеніе изъ общей массы здороваго и умнаго тунгускаго племени. Ермавъ, путешествовавшій по ленской долинѣ въ 1829 г. и наблюдавшій тамъ въ русскихъ деревняхъ зобы и кретинизмъ, говорить: «зобъ и кретинизмъ обыкновенно развиваются въ плодородныхъ равнинахъ или рѣчныхъ долинахъ, обильныхъ водами, но, въ то же время, съ одной или съ обѣихъ сторонъ стѣсненныхъ скали-

¹⁾ Георги, Опис. народ. Ч. III, стр. 5—6. Н. Щукинъ пишетъ: «между жителями Якутской области есть такъ называемые имеряки. Мнѣ свазывали, что слово это происходитъ отъ якутскаго—имерехъ, что значить: вздрагивать, бѣсноваться... Если подлѣ имеряка крикнуть, онъ начинаетъ драться, кидаться на всѣ стороны, иногда дѣлаетъ то, что передъ нимъ дѣлають, кривляется, повторяетъ ваши слова и проч. Въ Колымѣ и Зашиверскѣ есть другой родъ бѣснующихся—это наши вликуши. Если одна изъ нихъ закричитъ, то и прочія тоже дѣлають. Педуть этотъ, если можно такъ назвать его, существуетъ между женщинами». (Поѣздка въ Якутскъ, стр. 236).

тими горами, лежащихъ, большею частью, не выше 3,000 ф. высоты. Въ такихъ междугорныхъ рѣчныхъ долинахъ необходимо циркулирующая атмосфера бываетъ обыкновенно аномально нагрѣта, и необыкновенно влажна. Для растительности подобная атмосфера бываетъ весьма благоприятна, но неизвѣстно, вслѣдствіе какихъ своихъ свойствъ она неизбѣжно производитъ кретинизмъ. Сначала дѣйствіе ея обнаруживается только продолжительнымъ зобомъ. Потомъ этотъ зобъ, усиливаясь и передаваясь отъ генерации къ генерации и достигая известной величины и расширенія, является причиной или вѣрнымъ предвѣстникомъ полного кретинизма, уродующаго черепъ и сопровождающагося страданіями мозга и нервовъ. Ленская долина, отъ Петровской станціи до Дубровской, представляетъ именно всѣ подобныя благоприятныя физическія условія для развитія зоба и кретинизма. Застой и сгущеніе атмосфернаго воздуха, чрезвычайно сильное дѣйствіе солнца и большая влажность, производимая Леной и со всѣхъ сторонъ вливающимися въ нее притоками—явленія, о которыхъ здѣсь можно судить даже зимой по мѣстнымъ скопленіямъ облаковъ, сопровождающимся снѣжными сугробами въ отдѣльныхъ изгибахъ долины, а также аномальнымъ преломленіемъ свѣта,—всѣ эти причины въ жаркія лѣта ленской страны усиливаютъ развитіе мѣстной эндемической болѣзни. Какъ въ долинѣ Манчівенне Фодерѣ признаетъ роскошныя деревья спутниками кретинизма, такъ точно, по словамъ Ермана, между скалами ленской долины, отъ 55° до 57° с. ш., близко къ холоднѣйшему меридіану земли, являются характеристическими чертами прекрасныя и разнообразныя хвойныя или красныя лѣса, такъ же какъ при подошвѣ Mont Cenis—лавровыя и фисташковыя деревья (*Pistacia*). Особенно замѣтны и распространены зобы на Ленѣ между 1050 и 606 пар. фут. надъ моремъ, такъ же какъ въ Европѣ высота отъ 1000 пар. ф. надъ ур. м. представляется самою благоприятною для кретинизма, а высота 750 пар. ф. является крайнею границею этого феномена. Также аналогичны факты, что въ ленской долинѣ деревни, какъ напр. Туруцкая и Рижная, по причинѣ благоприятнаго положенія близъ нагрѣтыхъ скалъ и особеннаго обилія водъ, гораздо болѣе подвержены зобамъ, чѣмъ другія, близко къ нимъ лежащія деревни, и что женщины подвергаются этому эндемическому уродству легче, чѣмъ мужчины; но взрослые пришельцы—иностранцы никогда не страдаютъ имъ. «Достоинно вниманія, прибавляетъ Ерманъ, что не нужно было и двухъ полныхъ столѣтій, чтобы совершенно здоровую русскую расу сдѣлать очень близкою

къ кретинизму» ¹⁾. При такой физико-андемической средѣ, уродующей здоровое русское население, не менѣе невыгодна была для здороваго физиологическаго сложенія и развитія народонаселенія и этнографическая среда ленской долины. По всей ленской долинѣ Киренскаго округа, гдѣ русское народонаселеніе уродовалъ зобъ и кретинизмъ, недоставало обновительнаго, оживительнаго племенного элемента для физическаго и умственнаго улучшенія туземнаго населенія. На долю слабого, изуродованнаго русскаго народонаселенія Киренскаго округа выпаде жребій смѣшиваться съ такимъ же слабымъ племенемъ туземныхъ тунгусовъ. Тунгусы Киренскаго округа несравненно слабѣе по тѣлосложенію, чѣмъ тунгусы-живущіе далѣе, начиная съ Витима. «Мы, пишетъ Н. Щукинъ, видѣли тунгусовъ въ Киренскомъ округѣ: тѣ были худы, тощи, слабы, а витимскіе отличались большою рослостью, плотностью и мускулистыми членами» ²⁾. И вдобавокъ ко всемъ этимъ невыгодамъ физико-этнографической среды, все ленское, киренское русское населеніе, по крайней скудости средствъ въ жизни, много ослабляло свое физическое и умственное развитіе крайне-дурнымъ содержаніемъ, худою, малопитательною пищею. «У здѣшняго крестьянина, замѣчаетъ Щукинъ, цѣлое дѣто постъ, говядина и дичь бываетъ только осенью и зимою. Обыкновенная пища—бурдуць и овощи. Бурдуць есть мука, разваренная въ кипяткѣ, родъ клейстера или свиного корма, а потому ленскихъ жителей называютъ бурдушниками» ³⁾. И вотъ, при такихъ во всѣхъ отношеніяхъ невыгодныхъ условіяхъ племенной метисаціи, при этомъ двойственномъ и обоюдномъ несовершенствѣ племенныхъ континентовъ смѣшенія,—удивительно ли, что все народонаселеніе ленской долины Киренскаго округа стоитъ на низшей степени физическаго и умственнаго развитія? Урожденные кретинизмомъ, получающіе большой процентъ наростанія на счетъ туземныхъ слабыхъ, тощихъ осѣдлыхъ тунгусовъ, смѣшанные жители Киренскаго округа, естественно, — мелки, вялы и особенно глуховаты. Изъ этой смѣси произошло поколѣніе оригинальное и по наружному виду, и по внутреннимъ достоинствамъ. «Вообще, замѣчаетъ далѣе Щукинъ, о нравственности киренскихъ жителей можно отовариться съ похвалою, но о душевныхъ способностяхъ и наружномъ видѣ можно сказать развѣ то, что съ нѣкотораго только времени появились довольно стат-

¹⁾ Erman, Reise B. II, s. 218—221.

²⁾ Поездка въ Якутскъ, стр. 148.

³⁾ Ibid. стр. III. См. также Erman, Reise B. II, s. 213.

ные молодые люди, а престрашные зобы остались только у стариковъ въ орленгской волости. Народъ мелкій, вялый, лѣнливый и безпечный. Въ отвѣтахъ всегда неопредѣленность. Напримѣръ, если спросишь у крестьянина: какъ тебя зовутъ? онъ не будетъ отвѣчать утвердительно, а сперва скажетъ: ась?—Какъ тебя зовутъ?—Кого?—Тебя.—Меня?—Да!—Меня зовутъ Иваномъ.—Это замѣчаніе относится только до волостей орленгской, макаровской и подкаменской. Въ витемской же волости, по Ангарѣ и Илиму, народъ бойкій и говоритъ языкомъ, отъзывающимся Москвою. Начиная съ Витима, жители уже не тѣ, но бойки, расторопны и говорятъ нарѣчіемъ близкимъ къ московскому. Витимъ дѣлитъ жителей Лены на двѣ половины, по душевнымъ способностямъ. Вверху простота и вялость; внизу—хитрость и расторопность. Вѣроятно, это различіе заключается въ породѣ челоуѣка, особливо на однообразныхъ берегахъ Лены¹⁾. Дѣйствительно, дальше, начиная съ Витима, русское племя смѣшивалось уже съ другимъ, здоровымъ, мощнымъ и устойчиво-крѣпкимъ племенемъ якутскимъ, — и вотъ населеніе вышло крѣпче и сильнѣе тѣлосложеніемъ, бойче, расторопнѣе и развитѣе умственно. Между станціями Жербою и Умаханомъ кончается Киренскій округъ вретинизма и слабыхъ русьющихъ тунгусовъ, и начинается Якутская область. — Съ другой стороны, и сами русскіе, посредствомъ сближенія и смѣшенія съ разными сибирскими племенами, привили къ нимъ нѣкоторыя ужасныя прилипчивыя болѣзни, напримѣръ, оспу и особенно сифились. Миллеръ, въ статьѣ «О воспѣ и прививаніи оной», помѣщенной въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», свидѣтельствуетъ: «ни одинъ изъ природныхъ въ Сибири народовъ не зналъ воспы, пока россияне не къ нимъ не внесли. Да и послѣ вступленія туда россиянь прошло немалое время прѣжде, какъ она начала у тамошнихъ природныхъ народовъ оказываться. А когда сіе учинилось, тому можно указать время и годъ. Помалу она стала далѣе и далѣе распространяться, токмо весьма тихо; а до Камчатки она не дошла еще и понынѣ (по 1755 годъ)²⁾. Сифились, вмѣстѣ съ русской колонизаціей и метисаціей, къ несчастью, проникъ болѣе или менѣе почти ко всѣмъ сибирскимъ инородцамъ — остякамъ, самоѣдамъ, приалтайскимъ племенамъ, бурятамъ, якутамъ и проч., и производитъ между ними страшныя опу.

¹⁾ Повѣдка въ Якутскѣ, стр. 33—45, 48—49, 51, 69—70, 101 102.

²⁾ Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служація. Январь, 1755 г. стр. 38.

стошенія ¹⁾. Не напрасно поэтому нѣкоторыя сибирскія племена всѣ болѣзни, появившіяся у нихъ съ приходомъ русскихъ, приписываютъ вліянію русскихъ. Такъ напримѣръ, туруханскіе инородцы, говоритъ г. Костровъ, убѣждены — и не безъ основанія, — что всѣ вообще болѣзни переходятъ къ нимъ отъ русскихъ, до появленія которыхъ они, по мѣстнымъ преданіямъ, не знали никакой прилипчивой болѣзни. А потому, во время какой-либо эпидеміи, они прекращаютъ всякія сношенія съ русскими, бѣгутъ въ самыя отдаленныя мѣста, и никакая мѣстная власть не имѣетъ на нихъ въ то время вліянія. Русскаго, командированнаго начальствомъ въ подобное время къ юртамъ ихъ они останавливаютъ на ружейный выстрѣлъ, съ предвареніемъ, что дальнѣйшее приближеніе будетъ стоить ему жизни» ²⁾.

Таково было разнообразное вліяніе среды въ сферѣ сибирской метисаціи племенъ. Кромѣ сосѣдства или среды, также нѣсколько способствовало сближенію и сліянію инородческихъ племенъ съ русскими — принятіе ими русской вѣры и вступленіе въ русскую службу. Единство распространяемой повсюду господствующей вѣры и единство государственнаго устройства, такъ сказать, механически и невольно объединяютъ всѣ племена и народы въ одно цѣлое съ русскимъ народомъ. Издатель «Описанія народовъ» — сочиненія Георга, справедливо замѣчаетъ: «пріемлющіе христіанскую вѣру, пріемлютъ и главное російское нарѣчіе, обряды жизни, одѣяніе и нравы, и хотя не вдругъ и не въ первомъ колѣнѣ учиняются и хорошими гражданами, но конечно перестаютъ быть тѣмъ, что были. Единственность учрежденія государства весьма премудро помогаетъ сему и исполненіями шагами приближаетъ грубыхъ народовъ къ единой метѣ всеобщаго просвѣщенія Россіи, соединенія чудеснаго во едино тѣло и во едину душу, и, такъ сказать, сплавленія во исполнина, непоколебимаго сотнями вѣковъ» ³⁾. Посредствомъ крещенія, инородцы издавна стали сближаться и объединяться съ русскими ⁴⁾. Крещеніе давало инородцамъ право жениться на русскихъ

¹⁾ См. Опис. Народ. Георга, Путеш. Палласа. Также въ Современникъ за 1863 г. кн. 2: отъ Тобольска до Березова.

²⁾ Зап. Сибир. отд. 1858 г. кн. IV, стр. 96.

³⁾ Введен. къ Опис. Народ. Георга, стр. 8—9.

⁴⁾ Наприм., изъ Калмыковъ алтайскихъ новокрещены въ XVII вѣкѣ. — Дополн. VII, N 72, Грам. III. Юкагиры-новокрещены и толмачи. — Доп. IV, стр. 46. Братскіе въ XVII в. крестились въ селенгинскомъ, нерчинскомъ, баргузинскомъ, иркутскомъ и илискомъ острогахъ. — Доп. VIII, стр. 312. 1681 г. Актъ о построеніи монастыря въ Селемгивскѣ для обращенія бурятъ. Доп. VIII, № 99 и проч.

женщинахъ и производить новое русское поколѣніе. Московское правительство въ XVII вѣкѣ, какъ мы видѣли, постоянно предпринимало крестить сибирскихъ инородцевъ, и женщинъ ихъ выдавать замужъ за русскихъ. Ленехинъ говоритъ о вогуличахъ: «вогуличи съ 1722 года, въ которомъ они просвѣщены крещеніемъ, совсѣмъ стали отчужденны, и право христіанства сдѣлало ихъ свободными—брать за себя русскихъ дѣвокъ, отчего рѣдкихъ, по крайней мѣрѣ, по рѣкѣ Тавдѣ, можно видѣть, у которыхъ осталось» прежнее соотвѣтствующее ихъ природѣ тѣлосложеніе ¹⁾. Православіе до такой степени было враждебно каждой народности, до такой степени подрывало чѣлостъ, сохранность и самобытность ея и вело къ слянію, къ объединенію съ русскою національностью, что, не безъ основанія, разныя племена долго и упорно противились пропагандѣ русской вѣры, боялись и боятся ея, какъ символа и средства уничтоженія своей народности. Смотри на свою природную вѣру, какъ на символъ и необходимое условіе не только своей народности, но и своего матеріальнаго быта и благосостоянія, они, естественно, въ русской вѣрѣ видѣли подрывъ ихъ благосостоянія, а съ нимъ—и народности.

«У самоѣдовъ, говоритъ Кастрень, выраженія: «быть христіаниномъ» и «быть русскимъ»—равнозначительны. Остяки хотя большею частью уже крещены, но не хотятъ ничего больше знать о христіанствѣ, такъ какъ они, подобно самоѣдамъ, боятся того, что нельзя быть никому истиннымъ христіаниномъ, не сдѣлавшись въ то же время совершеннымъ русскимъ» ²⁾. Чукотцвй шаманъ Тнѣпо, на проповѣдь миссіонера Аргентова, отвѣчалъ: «Вы—люди русскіе, Богъ далъ вамъ и вѣру русскую, и лошадей; потому у васъ и вѣра русская, и ѣздите вы на лошадяхъ, а самъ Богъ на небѣ. Мы люди чукчи, Богъ далъ намъ и вѣру чукотцкую, и оленей; потому у насъ и вѣра чукотцкая, и ѣздимъ мы на оленяхъ, а самъ Богъ на небѣ. И такъ вы, русскіе, вѣруйте по русски и оставайтесь съ вашими лошадьми; а мы, чукчи, будемъ вѣровать по чукотцки и останемся съ нашими оленями. Богъ же, присматривающій за всѣми народами и за всѣми вѣрами, будетъ глядѣть съ неба и видѣть—по русски ли живутъ русскіе, по чукотцки ли чукчи». Другой чукочъ, Ульвѣкъ, отвѣчалъ миссіонеру: «Я молодъ былъ, русскіе предлагали мнѣ свое знакомство, лаская дружбой; сопротивляться было нельзя, и я крестился. Теперь я гляжу на бывшее иними

¹⁾ Дневн. Зап. путеш. ч. III, стр. 28.

²⁾ Kastren's, Reiseb. und Briefe Sibir. s. 81.

глазами, стариковскими. Что принесло намъ крещеніе? Испыталъ я на себѣ, видѣлъ и надъ другими, что, крестившись, люди бѣднѣютъ: стада у нихъ умяляются, олени пропадаютъ, переводятся; да и самыя люди переводятся и пропадаютъ иногда неладно, съ тѣхъ поръ, какъ начали креститься. Стариковъ почти вовсе не стало. Многіе умерли не по людски. Въ старину не водилось этого съ нашимъ народомъ. Бывало, всѣ наши умирали по нашему. Нѣтъ, я не позволяю никому креститься, и самъ хочу умереть по человѣчески.» Молодой человѣкъ, съ косою, съ черными кудрями по плечамъ, съ правильными чертами лица и съ черными, какъ смоль, глазами, задумчиво стоялъ, опершись о треногъ шатра, когда Ульвѣкъ говорилъ эти рѣчи. Это былъ шаманъ. Когда Ульвѣкъ кончилъ, онъ, оборотясь къ своимъ, выразительно произнесъ: «не надобно!» а къ миссіонеру: «не хотимъ!» и вышелъ вонъ. Сынъ Ульвѣка, Танптанъ, говорилъ: «мы живы оленями и безъ нихъ нельзя намъ быть живыми въ здѣшнемъ краѣ. Уменьшенія въ стадахъ не желаемъ, къ нищетѣ нерасположены и не хотимъ креститься»¹⁾. Но, съ другой стороны, нужда въ русскихъ людяхъ, не смотря на весь религіозно-племенный антагонизмъ, на все желаніе не креститься, побуждала и такихъ свободолюбивыхъ, гордыхъ своею народностью и непреклонныхъ инородцевъ, какъ чукчи, — объединяться съ русскими посредствомъ принятія ихъ вѣры. Тотъ же упорный Ульвѣкъ говорилъ: «мы любимъ независимость и волю, и просторный свой край. Холодъ, снѣга и льды—наша стихія, и все наше намъ хорошо. Но какъ обойдтись безъ табуа и желѣза,—мы неумѣемъ, а то и другое къ намъ идетъ отъ русскихъ. Отъ русскихъ же иногда пользуемся мы и водочкой.... Я часто твержу моимъ дѣтямъ: держитесь русскихъ поближе, безъ нихъ намъ не прожить»²⁾. Такое чувство нужды въ русскихъ и матеріальной зависимости отъ нихъ, да часто недобросовѣстныя и принудительныя мѣры и дѣйствія миссіонеровъ побуждали и побуждаютъ многихъ инородцевъ волей-неволей, хотя большею частью совершенно лицемѣрно и наружно, принимать русскую вѣру. Крещеные или такъ называемые яечные инородцы, желясь на русскихъ, селились или въ русскихъ деревняхъ и городахъ, или особо, въ отдѣльныхъ деревняхъ, подъ названіемъ осѣдлыхъ инородцевъ. Такихъ деревень, гдѣ живутъ одни давно крещеные и новокрещеные осѣдлые инородцы, теперь въ Сибири уже много, и они мало по-малу умно

1) Зап. сибир. орд. 1858 г., кн. IV, стр. 46—49.

2) Ibid. стр. 50.

жаются. Инородцы эти все болѣе и болѣе русѣютъ, а многіе уже совсѣмъ обрусѣли. Только наружное пріятіе русской вѣры нисколько не приноситъ пользы ихъ уму, не пресвѣщаетъ ихъ дѣйствительно, существенно. Для дѣйствительнаго предотвращенія инородцевъ отъ суевѣрія русскаго народа, необходимы миссіи учительскія, научно-просвѣтительныя и, главнымъ образомъ, миссіи естественно-образовательныя, такъ какъ все религіозное міросозерцаніе всѣхъ сибирскихъ племенъ и народовъ всецѣло обращено къ природѣ, основано на незнаніи, рабскомъ страхѣ и религіи природы. Служба также представляла инородцамъ возможность усвоить много русскаго. Уже въ XVII вѣкѣ много было въ Сибири служивыхъ инородцевъ. Московское правительство постоянно предписывало сибирскимъ воеводамъ: «а будетъ кто изъ ясачныхъ людей похочетъ креститься своею волею, и тѣхъ людей велѣтъ крестить, а крестя, мужескій полъ устривать въ государеву службу и верстать ихъ государевымъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ, смотря по людямъ, кто въ какую статью пригодится въ выбылыя служивыхъ русскихъ людей мѣста, и выдавать за нихъ замужъ инородческихъ же крещенныхъ жонокъ и дѣвокъ»¹⁾. Какъ въ XVII вѣкѣ было много казаковъ изъ сибирскихъ инородцевъ, такъ и теперь они есть. Такъ наприм., буряты забайкальскіе составляли въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія 4 казачьихъ полка или отряда, до 600 человекъ каждый, а тунгусы — 5-й отрядъ въ 500 человекъ²⁾. Въ Иркутскѣ постоянно встрѣчаются на улицахъ казаки-буряты. Такая служба инородцевъ въ городахъ, сожителство съ русскими казаками и солдатами, вообще постоянное обращеніе съ русскими, не могутъ оставаться безъ всякаго вліянія на ихъ племенной характеръ. Они невольно болѣе или менѣе усваиваютъ понятія, языкъ и даже отчасти наружный видъ русскихъ казаковъ и солдатъ. Только служба, съ ея казарменнымъ содержаніемъ и тяжелой дисциплиной, весьма часто доводила и доводитъ инородцевъ вольныхъ, природныхъ степняковъ, до деморализаціи и до вымирания. Такъ было въ древней Россіи, наприм., съ служивыми татарами и мордвой³⁾. Такъ было и въ новое время, въ Сибири, съ бурятами.

Торговля сношенія и особенно ярмарки также отчасти служили

¹⁾ Дополн. III. № 83, стр. 310—311. № 62 и мн. др.

²⁾ Ерман, Reise, II, s. 197.

³⁾ Дополн. Т. VI, № 37.

способами сближенія сибирскихъ инородцевъ съ русскими ¹⁾. Нѣкоторыя племена сибирскія, единственно только посредствомъ торговли и ярмарокъ, постепенно сближаются съ русскими. Такъ, г. Матюшкинъ пишетъ о чучвахъ: «русскіе довольствовались покореніемъ ближайшихъ племенъ и долго не имѣли никакихъ сношеній съ чучвами. Навонецъ торговля сблизила оба народа. Сначала, не довѣряя русскимъ, чуччи многочисленными вооруженными толпами выступали только на границы своего отечества, но мало по малу увѣрившись многолѣтними опытами въ миролюбіи своего побѣдителя, сдѣлались довѣрчивѣе, и нынѣ, какъ мы видѣли, приходятъ съ своими жонами, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ въ русскія владѣнія для выгодной обѣимъ сторонамъ торговли. Постоянное сообщеніе и обращеніе съ русскими имѣло выгодное вліяніе на дикарей и замѣтно смягчило грубые нравы ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ, подобно юагирамъ, чуванцамъ, корякамъ и другимъ народамъ, хотя и гордые своею самостоятельностью, чуччи постепенно покорятся и совершенно сольются съ русскими» ²⁾. Ярмарки, при развитіи умственнаго и нравственнаго вліянія русскихъ, тѣмъ удобнѣе могутъ способствовать сближенію сибирскихъ племенъ съ русскимъ населеніемъ, что онѣ сильно привлекаютъ инородцевъ изъ ихъ трудно-доступныхъ, объединенныхъ жилищъ—изъ тайги, изъ тундры и т. п. Напримѣръ, какіе нибудь нелюдимые камасинцы, въ высшей степени недовѣрчивые и мнительные, весьма охотно оставляли тайгу и любили съ жонами сѣзжаться на ярмарку въ Аджѣ, около 6 декабря ³⁾. На обдорскую ярмарку въ 1854 г. собралось инородцевъ изъ сѣверной тундры до 4,738 человекъ обоюга пола, въ томъ числѣ самоѣдовъ 1,857 и остяковъ 2,881, Русскіе до того сливались съ инородцами, что ихъ почти вовсе незамѣтно было на ярмаркѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ они, т. е. промышленники, носятъ инородческую одежду, и съ остяками и самоѣдами говорятъ на ихъ языкѣ ⁴⁾. Подобныя ярмарки и вообще торгово-промышленныя сношенія тѣмъ легче и успѣшнѣе могли бы вести сибирскихъ инородцевъ къ совершенному сліянію съ русскими, если бы русское купечество и вообще русское племя не злоупотребляло ихъ простосердечною довѣрчивостію. Довѣрчивость многихъ ино-

¹⁾ Ярмарки въ Сибири стали возникать уже въ XVII в. Наприм. на Илимѣ Усть-Кутская ярмарка около 1656 г. Доп. IV, № 24. На торгъ въ Тобольскъ сѣзжалась камыки, напр. въ 1664 г. Доп. IV, № 138, стр. 360.

²⁾ Врангеля, Полярн. путеш. I. 342—343.

³⁾ А. Мартоса, Письма о восточн. Сибири. М. 1827, стр. 6 и .

⁴⁾ Тобольск. губерн. вѣдом. 1854 г. № 76.

родцевъ къ русскимъ иногда доходить до поразительныхъ проявленій искренности, честности и добросовѣстности. Но русскіе, къ сожалѣнію, воздаютъ за это довѣріе, по большей части, грубымъ обманомъ, хитростью, мошенничествомъ, насиліемъ и явнымъ грабежомъ, когда, напримѣръ, простодушныхъ дѣтей природы спаиваютъ водкой за какой нибудь дрянной ножицъ, деруть съ нихъ соболей 10, за картузь табаку — нѣсколько дорогихъ лисьихъ шкуръ, беззаконными долгами закабалютъ инородцевъ за собою и т. п.

Наконецъ, самое важнѣйшее вспомогательное средство народообразованія составляютъ школы, образованіе. Просвѣщеніе хотя и не передѣлываетъ существенно физиологическихъ особенностей разноплеменныхъ поколѣній, но можетъ глубоко преобразовывать умственную и нравственную природу ихъ, а хорошее, всесторонне физиологическое воспитаніе, какъ извѣстно, можетъ даже облагородивать и совершенствовать самую организацію или физическую структуру — пластику тѣла. Поэтому, самое лучшее средство развитія въ необразованныхъ племенахъ высшихъ началъ человѣчности и физическаго совершенствованія суть хорошія училища общечеловѣческаго образованія, хорошее воспитаніе. Какъ учреждаемые теперь въ Европѣ международныя школы могутъ служить самымъ могущественнымъ и самымъ разумнымъ средствомъ объединенія всѣхъ образованныхъ націй въ одно просвѣщенно-развитое и общечеловѣческое братство, не во имя грубой, деспотически-соединительной силы, а во имя разума, во имя общечеловѣческой идеи, истины, науки, во имя общечеловѣческаго знанія и просвѣщенія, такъ и междуплеменные школы могутъ служить самымъ разумнымъ и дѣйствительнымъ способомъ сближенія и соединенія многообразныхъ племенъ въ одну общечеловѣчески-развитую и наиболѣе хорошо-организованную національность. Къ сожалѣнію, въ Сибири и до сихъ поръ нѣтъ хорошихъ между-племенныхъ школъ. Если иногда и устроились по мѣстамъ кое-какія школы, то онѣ не развивали и не распространяли предварительно въ молодыхъ инородческихъ поколѣніяхъ общечеловѣческихъ началъ просвѣщенія, нисколько не затрогивали и не развивали въ нихъ живыхъ умственныхъ и нравственныхъ потребностей общечеловѣческаго, братскаго соединенія племенъ, нисколько не затрогивали и не развивали въ нихъ тѣхъ живыхъ общечеловѣческихъ умственныхъ симпатій и влеченій, которыя необходимо обуславливаютъ общечеловѣческое развитіе и братскій союзъ племенъ. Школы эти только и, большею частію, грубо подрывали коренныя, естественныя основы племенныхъ народностей. Поэтому, многіе сибирскіе инородцы смотрѣли на учре-

ждавшіяся для ихъ дѣтей русскія школы не какъ на средство необходимаго, общечеловѣческаго умственнаго объединенія съ русскою народностью, а какъ на прямое орудіе совершеннаго, радикальнаго искорененія ихъ народности, притомъ въ самыхъ зародышахъ или сѣменахъ ея—въ молодыхъ поколѣніяхъ. «Страхъ остяковъ къ образованію и цивилизаціи, говоритъ Кастренъ, исходитъ изъ того глубоко-вкорененнаго убѣжденія, что всякое извнѣпріобрѣтенное просвѣщеніе можетъ подорвать ихъ національность и сдѣлать ихъ русскими. Поэтому, когда устроены были школы въ Вахѣ, Югаѣ, въ верхнемъ Лумповольскомъ селеніи и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ,—остяки весьма недовольны были и сильно протестовали противъ школъ, какъ противъ подрыва ихъ народности.—«Я, прибавляетъ Кастренъ, хотѣлъ было убѣдить бѣдныхъ людей, что школы учреждаются для ихъ собственнаго блага, но остяки не хотѣли и слушать такихъ рѣчей, а только увѣряли, что они, такъ же какъ и отцы ихъ, вѣрно служатъ царю и безъ умѣнья читать и писать. Думая, что чрезвычайное ожесточеніе, какое вызвано было у простодушныхъ остяковъ устройствомъ школъ, можетъ быть, имѣло болѣе глубокое основаніе, чѣмъ простая любовь къ старому, доброму времени, я заставилъ своего толмача спросить одного старѣйшаго остяка и услышалъ отъ него такую жалобу: 1) они боятся, что всякій, научившійся читать книги и писать, не захочетъ оставаться при дикомъ образѣ жизни отцовъ, и, слѣдовательно, школа будетъ отнимать у отцовъ опору ихъ старости; 2) знаютъ они изъ прежнихъ примѣровъ, что остяки, которые воспользовались русскимъ образованіемъ, дѣлались не апостолами, а врагами своего народа, нерѣдко предавались разврату, безпечности и безнравственной жизни ¹⁾. Эта жалоба остяковъ, выражая грустное свидѣтельство о негодности или неудовлетворительности русскихъ училищъ, служитъ въ то же время яснымъ доказательствомъ, что русскія школы, при лучшемъ устройствѣ, дѣйствительно, могли бы представлять одно изъ самыхъ сильныхъ средствъ умственнаго и нравственно-бытового преобразования или возрожденія инородческихъ поколѣній въ образованныя русскія генерации. При всей, однако же, антинациональности существующихъ для сибирскихъ племенъ русскихъ школъ, буряты, на примѣръ, весьма охотно отдають въ нихъ своихъ дѣтей. Въ 1818 году, учреждена была въ Верхнеудинскѣ русская школа вмѣстѣ для бурятъ и для русскихъ, въ которой дѣти бурятскихъ начальниковъ или тайшей учились русскому языку, а

¹⁾ Kastren's Reiseberichte und Briefe, s. 18. 115—116.

а русскія кунеческія дѣти изучали бурятскій и монгольскій діалекты. По словамъ г. Болдопова, буряты начинаютъ сознавать важность и даже необходимость русской грамоты въ сношеніяхъ съ русскими ¹⁾. Въ школахъ при степныхъ думахъ балаганской, идинской, аларской, усть-ордынской дѣти ихъ учатся русскому языку, читаютъ русскія книги и вообще получаютъ элементарное русское образованіе. Но особенно въ городскихъ русскихъ училищахъ, въ семинаріяхъ, гимназіяхъ и университетахъ буряты, подъ вліяніемъ русскаго образованія, значительно видоизмѣняются. Въ лицѣ покойнаго Банзарова, этой замѣчательной личности, въ лицѣ г. Болдонова, бурятскаго учителя при балаганской думѣ, кончившаго курсъ въ иркутской семинаріи, въ лицѣ г. Пирожкова, бурятскаго учителя при иденской думѣ, кончившаго курсъ въ петербургскомъ университетѣ, въ лицѣ иркутскаго священника Доржеева и другихъ, мы видимъ замѣчательные примѣры обрусѣнія буряты путемъ русскаго образованія. Банзаровъ, благодаря русскому университетскому просвѣщенію, сдѣлался даже, по справедливымъ словамъ г. Савельева, не только замѣчательнымъ русскимъ ученымъ, но и «вполнѣ европейцомъ по образованію и идеямъ». Замѣчательная личность Банзарова служитъ намъ положительнымъ и отряднымъ доказательствомъ того, что наши сибирскія племена, посредствомъ даже нашего гимназическаго и университетскаго образованія, можно постепенно возводить на степенъ приблизительно-европейской цивилизаціи и значительно уподоблять европейцамъ; что стоитъ только принять общія рациональныя и дѣйствительныя мѣры для повсемѣстнаго разумнаго, естествопознавательнаго образованія дѣтей ивородческихъ, чтобы изъ нихъ зародилось новое европейское поколѣніе; что не миссіонерства и т. п. а единственно общечеловѣческое и, главнымъ образомъ, естественно-научное просвѣщеніе молодыхъ ивородческихъ поколѣній можетъ ихъ сдѣлать новыми, европейскими поколѣніями. Разнымъ образомъ, въ лицѣ этого замѣчательнаго воспитанника русскаго университета—Банзарова, и въ этой жаждѣ знаній, какую мы замѣчаемъ въ людяхъ, подобныхъ г. Болдонову, мы видимъ новое, такъ сказать, этнографическое доказательство той, уже давно высказанной мысли, что университетъ въ Сибири необходимъ не только для самаго русскаго населенія, для возбужденія, развитія

¹⁾ По словамъ г. Болдопова, буряты говорятъ: «надобно намъ выучить своихъ дѣтей русской грамотѣ, до крайней мѣры, онѣ умѣли бы читать и писать и могли бы записывать для памяти. Нынѣ трудно безграмотному; народъ сталъ хитрый, нѣтъ прежней простоты; а то, не зная грамоты, можно обманываться на каждомъ шагу. Нынѣ все пошли какіе-то расестры, поддѣлки ж. усодвія».

и усиленія въ немъ умственныхъ импульсовъ и силъ въ борьбѣ съ сибирской природой, но и для умственного развитія, усовершенствованія и возвышенія природнѣхъ сибирскихъ племенъ, для возбужденія и вызова ихъ, спящихъ и тщетно тратящихся, но небѣдныхъ, — здоровыхъ и свѣжихъ умственныхъ силъ къ полезной и производительной общественной дѣятельности; для облагороженія ихъ общественной жизни и просвѣтленія ихъ міросозерцанія свѣтомъ естественныхъ знаній и высшей цивилизаціи, для удовлетворенія ихъ живыхъ умственныхъ порывовъ и способностей къ просвѣщенію. Разныя сибирскія племена, смысленныя, способныя, какъ напримѣръ, тунгусы, якуты, буряты, татары, чукчи и проч., коснѣютъ въ грубомъ невѣжествѣ единственно по нашей винѣ, потому что мы, русскіе, призванные исторіей и поставленные самой географіей въ непосредственное, жизненно-бытовое и, такъ сказать, воспитательное отношеніе къ нимъ, для того, чтобы возвести ихъ, путемъ общечеловѣческаго интеллектуальнаго развитія, на степенъ высшихъ народностей, — больше развратили, испортили и забили ихъ, чѣмъ просвѣтили, и начинаемъ умственное и нравственное преобразованіе ихъ народностей вовсе не съ того, съ чего слѣдовало бы начать, — начинаемъ съ распространенія суевѣрія, хитрости, обмана, пьянства и болѣзней, а не съ распространенія естественнаго и средствъ просвѣщенія.

Какъ ни жалки, напримѣръ, на видъ самоѣды, но они, по словамъ г. Абрамова, «умны, разсудительны». Обучавшіеся въ березовскомъ училищѣ, въ 1844 по 1849 годъ, самоѣдскія дѣти показали необыкновенныя способности въ ученіи, особенно въ арифметикѣ, рисованіи и чистописаніи ¹⁾. Великій, священный долгъ содѣйствовать умственными и матеріальными средствами образованію молодыхъ инородческихъ поколѣній лежитъ особенно на высшихъ и богатыхъ классахъ русскаго народа. Какъ грустно, однакожъ, что у насъ именно эти-то богатые сословія русскаго народа всего болѣе равнодушны, холодны къ подобному великому дѣлу. Новый печальный примѣръ этого социально-преступнаго индифферентизма къ умственнымъ, народо-образовательнымъ интересамъ и обязанностямъ — особенно со стороны купечества, — между прочимъ, проявился недавно при учрежденіи въ Иркутскѣ общества грамотности... А относительно воспитанія инородческихъ поколѣній, у насъ въ цѣлое полустолѣтіе и болѣе, на пространствѣ 260,441 кв. м., изъ числа 70 милл. жителей, едва въ од-

¹⁾ Отисъ Березовскій, стр. 355.

ной личности проблеснетъ одна какая нибудь человѣчная мысль относительно инородческихъ поколѣній, и потомъ заглохнетъ безъ отъклика опять на полстолѣтіе и болѣе. Такъ, на примѣръ, въ 1805 году бывшій томскій гражданскій губернаторъ Хвостовъ, нашедши въ Туруханскѣ у разныхъ людей 5 мальчиковъ изъ тунгусовъ и остяковъ, отданныхъ на вскормленіе безъ возврата бѣднымъ родителямъ, тяготившимся воспитаніемъ ихъ, по случаю худыхъ промысловъ звѣря и рыбы, рѣшился взять ихъ на свое содержаніе и постоянно воспитывать на свой счетъ 5 ясачныхъ сиротъ, и ходатайствовалъ у министра внутреннихъ дѣлъ о приказаніи губернскому начальству постоянно отыскивать и отдавать ему на воспитаніе подобныхъ несчастныхъ сиротъ изъ ясачныхъ Туруханскаго края ¹⁾. Грустно, что подобныя мысли не находятъ сочувствія и не возникаютъ въ нашемъ купечествѣ, отяжелѣвшемъ большею частью до безсмыслія въ грубыхъ наслажденіяхъ своимъ богатствомъ.

IV.

Въ заключеніе, взглянемъ на умственное, нравственное и лингвистическое развитіе сибирскаго народонаселенія, какое обуславливается его многосоставнымъ этнологическимъ складомъ.

Умственный и нравственный типъ сибирскаго народонаселенія представляетъ такую же пестроту свойствъ, какъ и его физиологическій типъ, такіе же разнообразныя оттѣнки, какъ разнообразны этнографическіе контингенты, вошедшіе въ его составъ. По всему видно, что и этотъ умственный и моральный типъ его такъ же еще не обозначился ясно, не сложился въ одно определенное цѣлое, какъ не сложился еще въ одинъ цѣльный образъ и его физиологическій типъ. Поэтому и взгляды различныхъ путешественниковъ и писателей на умственный и нравственный характеръ сибирскаго народонаселенія также различны,—еще не установились и не получили строгой определенности и типической характеристичности.

Ураль, образующій гидрографическій и вообще географическій раздѣлъ Европы и Азіи, составляетъ также и этнографическій раздѣлъ между великорусскимъ и сибирскимъ народонаселеніемъ. Лишь только спуститься съ него, сейчасъ начинается замѣтно

¹⁾ Записки Сибир. отд. 1858 г. кн. IV, стр. 130—131.

другой потокъ народной жизни. Врангель такъ выражаетъ свое впечатлѣніе: «Коль скоро перешагнете за Уральскій хребетъ или, по тамошнему, за каменный поясъ, слѣдовательно, вступите въ Сибирь собственно, васъ поражаютъ самымъ неожиданнымъ образомъ рѣдкое добродушіе и привѣтливость обитателей сей страны, которую все еще представляютъ себѣ столь многіе—особенно иностранцы,—ужасною, холодною пустынею, наполненною злодѣями и преступниками. Въмѣсто того, путешественникъ встрѣчаетъ здѣсь—именно въ южной части,—роскошную растительность, хорошо воздѣланныя поля, отличныя почтовые дороги, большія, хорошо устроенныя деревни и совершенную безопасность, какую едва ли можно найти въ образованнѣйшихъ государствахъ Европы.—Вездѣ принимали насъ съ радушнымъ гостепрѣимствомъ и безкорыстіемъ, и, безъ малѣйшей задержки, тотчасъ отправляли далѣе. При перемѣнѣ лошадей—случалось ли то днемъ или ночью,—вещи наши лежали на большой дорогѣ безъ всякаго присмотра, и часто, при малѣйшемъ изъясненіи на счетъ того опасенія, намъ отвѣчали простосердечно: «не бось, тутъ ничего не украдутъ» ¹⁾. Всѣ эти нравственныя черты значительно идеализированы и преувеличены Врангелемъ. Это простодушіе и гостепрѣимство сибирскихъ жителей свидѣлствуютъ о преобладаніи въ сибирскомъ народонаселеніи непосредственно-натуральной простосердечности и естественности нравовъ надъ искусственностью, холодно-разсудочною разсчитаностью и образованною формальностью жизни. Въ такой, по культурѣ совершенно новой, дѣйственной странѣ, какъ Сибирь, въ области первобытной, дикой простоты и естественности, русское племя, въ своихъ туземныхъ, въ Сибири рожденныхъ поколѣніяхъ, естественно, уже вслѣдствіе новой географической локализаци и этнографической среды, усвоило много новыхъ, туземныхъ нравственныхъ и умственныхъ свойствъ. Не зная новой земли и ея природы, оно даже находило выгоднымъ усвоить понятія и обычаи природныхъ сибирскихъ племенъ, какъ внушенныя мѣстными опытами и мѣстной природой ²⁾. Среди дикой, первобытной простоты и естественности, вдали отъ образованнаго міра, оно, естественно, подъ воспитательнымъ, вліяніемъ [дикой природы и дикихъ племенъ, нисходило на степень патриархальной простоты, натуральности, непосредственности и даже дикости. Оттого нѣтъ еще въ немъ разумно-сознательной жизни, а просто непосредственная, естест-

¹⁾ Полярн. Пут. I, стр. 150—151.

²⁾ Erman, Reise II. s. 171—172.

венная инстинктивность мотивируется не то поступками, отношеніями, жизнью. Не было и нѣтъ умственной борьбы, умственного соперничества и состязанія, обусловливаемых высоко-образованнымъ и плотно-сложеннымъ обществомъ,—нравствалась и не развивается, вслѣдствіе того, и умственная изощренность, изворотливость; холодно-разсудочная расчетливость и расчетитанность въ общественныхъ отношеніяхъ. Между тѣмъ, вокругъ, изъ всѣхъ улусовъ, аймаковъ, чумовъ и юрть, постоянно вѣяло дикою, первобытно-патриархальною простотою, естественностью и дикостью. Во всѣхъ концахъ Сибири и отовсюду, путемъ постоянного смѣшенія и скрещенія, приливать въ физиологическій, умственный и нравственный составъ русскаго племени потокъ разноплеменной инородческой крови, со всѣми ея непосредственно-натуральными свойствами первобытной, дикой естественности и простоты. И вотъ, такія первобытныя, безсознательно-инстинктивныя нравственныя качества, какъ необыкновенное простодушіе, гостепрѣимство и т. п., свойственныя и всѣмъ природнымъ племенамъ Сибири, стоящимъ на низшей степени умственного и нравственного состоянія,—подъ вліяніемъ мѣстнаго природнаго воспитанія и этнологическаго смѣшенія, развились и въ русскомъ народонаселеніи Сибири. Вездѣ, гдѣ русскіе смѣшивались съ инородческими племенами, они усвоили себѣ тѣ же умственныя и нравственныя черты, какія воспитывались и въ туземныхъ племенахъ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ физико-географическихъ и этнографическихъ условій. Такъ наприм., русскіе въ Жиганскомъ улусѣ, совершенно слившись съ якутами и тунгусами, приняли и нравственный характеръ этихъ племенъ—флегматическій темпераментъ, патриархальную простоту нравовъ, гостепрѣимство ¹⁾. Въ Киренскомъ округѣ, при неблагоприятныхъ физическихъ условіяхъ ленокской долины, смѣшались русскіе—запорожцы, курскіе, воронежскіе и малороссійскіе поселенцы,—съ туземными слабыми, тонкими, мелкими, вялыми, простодушными тунгусами; да кромѣ того, до 112 д. осѣдлыхъ тунгусовъ обрусѣли и вошли въ составъ этого русскаго населенія. И вотъ, весь этотъ смѣшанный и перерожденный изъ тунгусовъ русскій народъ вышелъ мелокъ, вялъ, просто до невѣроятности, даже глупъ ²⁾.

Вся умственная жизнь коренныхъ сибирскихъ племенъ, въ борьбѣ съ природой, состоитъ въ постоянномъ и рабски-пассивномъ созерцаніи умственныхъ и физическихъ силъ съ климатическими

¹⁾ Зап. сибир. отд. 1856 г. кн. 1, стр. 66—67.

²⁾ Щукинъ, Поведака въ Якутскѣ, 85—148.

переменами года, съ условіями естественныхъ источниковъ промышленности. Такъ точно и русское народонаселеніе, воспитываясь въ однихъ съ инородцами физико-географическихъ условіяхъ и смѣшиваясь съ инородческими племенами, естественно, усвоило ихъ туземно-природное, такъ сказать, годичное умственное настроеніе, годовой умственный складъ. И какъ естественныя, климатическія условія годовой природной экономіи однообразно, монотонно смѣняются каждый годъ, вѣчно по однимъ и тѣмъ же физико-космическимъ законамъ,—такъ же монотонно, однообразно смѣняется и годовой умственный циклъ міросозерцанія русскаго народонаселенія, вполне сеобразно съ годичнымъ міросозерцаніемъ и умственнымъ настроеніемъ коренныхъ сибирскихъ племенъ. Напримѣръ, какъ якугиры, анюйскіе якуты, чуванцы, ламуты, тунгусы, такъ и смѣшавшіеся съ ними русскіе поселенцы низовой части Колымы совершенно одинаково мыслятъ весь круглый годъ, испытываютъ одинаковое напряженіе умственныхъ и физическихъ силъ: «Съ каждымъ временемъ года, говоритъ Врангель, переменяются занятія колымскихъ жителей, которымъ недостатокъ образованности, естественное положеніе и тяжкій климатъ не позволяютъ думать ни о чемъ иномъ, кромѣ удовлетворенія необходимыхъ потребностей жизни. Вся ихъ смысленность, вся дѣятельность ограничивается тѣмъ, чтобы не пропускать благоприятнаго времени для каждаго промысла, и когда изсянетъ одинъ источникъ пропитанія, тотчасъ пользоваться другимъ, гдѣ только онъ откроется. За промысломъ рыбы въ большихъ рѣкахъ слѣдуетъ ловля въ рѣчкахъ; потомъ идетъ крупная морская рыба, за нею сельди и наконецъ рыба, которую ловятъ сѣтями подъ льдомъ. Та же преемственность въ ловлѣ птицъ, та же годичная обычность въ ловлѣ дикихъ оленей,—и всё умственныя и физическія силы направлены къ одной цѣли—къ годовому обезпеченію матеріальной жизни въ борьбѣ съ суровымъ климатомъ¹⁾. Умственный, міросозерцательный циклъ русскихъ жителей Западной Сибири такъ же однообразно, самоѣдско-остяцки смѣняется зимой, лѣтомъ, осенью и весной: Какъ туземно-природное годовое міросозерцаніе остяковъ вращается около годовыхъ переменъ Оби и сокращенно выражается въ двухъ словахъ: «Обь—нашъ богъ!»—такъ и окрестные русскіе, смѣшавшіеся съ остяками или происшедшіе изъ обрусѣлыхъ остяковъ, тотъ же самый умственный кругъ помысловъ, стремленій, надеждъ и потребностей циркулируютъ около одного годично-продуктивнаго центра—Оби, и сущность своего годового міросозерцанія выражаютъ только

¹⁾ Полярн. путеш. Врангеля I, стр. 244—255.

немного переиначенными словами: «Объ — наша мать»! Совершенное, сугробно-тундряное, ничѣмъ невозмутимое умственное затишье и спокойствіе, нарушаемое только временнымъ и убійственно-однообразнымъ напряженіемъ умственныхъ и физическихъ силъ для изысканія и запаса средствъ годового обезпеченія, — вотъ умственный характеръ и русскихъ, и аборигеновъ въ Сибири, особенно сѣверной. Лишь только угрюмый Борей напомнить унылымъ свистомъ осеннихъ вѣтровъ о наступленіи длинной гиперборейской зимы и, словно мулла древне-сибирскаго татарскаго царства, монотонно, уныло звучавшій съ минаретовъ тобольскихъ, возвѣститъ про обычное наступленіе восточно-татарскаго или полярно-гиперборейскаго умственнаго покоя, — такъ все погружается въ эту мертвяно-тундряную умственную спячку.

Ерманъ такъ характеризуетъ этотъ умственный складъ жителей тобольскихъ: «здѣсь быстро укореняется, утверждается убѣжденіе въ строгой естественности и климатически-обусловленной неизбѣжности жизненныхъ отношеній, такъ что при каждомъ знакомствѣ съ новымъ кругомъ жителей Тобольска остается одно, особенно успокоивающее, усыпляющее и мирно, невозмутимо настроивающее впечатлѣніе. Именно теперь, при наступленіи зимы, въ первый разъ въ Россіи мы чувствуемъ въ Тобольскѣ склонность къ спокойному состоянію. Любопытно видѣть, какъ здѣсь повсюду такъ цѣлесообразно пригнаны, закончены всѣ приготовленія къ предстоящей борьбѣ съ элементами, съ стихіями, какъ, окруженный богатыми запасами, между твердо-упертыми стѣнами своего тепло-натопленнаго дома, каждый ужъ напередъ увѣренъ въ побѣдѣ, и ничего не остается больше ожидать, какъ только того, когда снѣгъ еще рѣзче и явственнѣе отдѣлится отъ окружающаго внѣшняго міра уже обозначившіяся границы его тѣсной отчизны, и врывающіяся въ его надежный больше рѣзимія бури могутъ доставлять ему мирное удовольствіе перазительнаго контраста. Здѣсь впервые у русскаго народа замѣчается со всею очевидностью особенное соединеніе полнѣйшаго, безчувственнаго равнодушія и страха къ труду съ регестральнымъ устремленіемъ всѣхъ тѣлесныхъ и умственныхъ силъ къ удовлетворенію первыхъ потребностей. Остроуміе и энергію таланта обнаруживаютъ только въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе возвратиться къ вождельннѣйшему и вѣрному покою, и поэтому въ высшей степени заботятся и помышляютъ объ одномъ годѣ. О постоянномъ совершенствованіи физическаго и умственнаго состоянія индивидуумовъ — мало рѣчи, потому что въ каждый отдѣлъ новаго періода люди эти опять заняты тою же заботою, какъ это было въ ближайшій предшествующій періодъ,

и поэтому въ нихъ возбуждается и развивается отнюдь не болѣе, какъ одно и то же старое, напередъ разсчитанное проявленіе силъ. Такъ, все вниманіе жителей тобольскихъ и всѣ силы ихъ обращены тогда главнѣйшимъ образомъ на пищу и теплоту, и неудивительно поэтому, что, сообщая извѣстія о городѣ, часто по необходимости приходится говорить о средствахъ жизни и о матеріяхъ для одежды»¹⁾. Въ Россіи хоть близость западныхъ цивилизованныхъ сосѣдей, хоть неотразимое навѣваніе западнаго вліянія ослабляетъ иѣсколько гнетущее восточное настроеніе духа русскаго народа. Тамъ мануфактурная промышленность, фабрики и заводы, литература и университеты хоть сколько нибудь разнообразятъ умственное движеніе и направленіе мыслящихъ силъ, и царь, немолчнымъ шумомъ пароходовъ, будя промышленный духъ приволжскаго населенія, могущественно влечетъ и вліяя мужицкія умственные и физическія силы на заработки въ Петербургъ, Москву, Казань и проч. А здѣсь, въ отдаленной Сѣверной Сибири, еще всѣ умственные силы направлены на борьбу съ суровыми стихіями полярнаго климата за годовое существованіе и пропитаніе, и длинная, всемертвица зима Обдорска, Березова, Туруханска, Нижне-Колымска гонитъ людей въ тепло-закупоренныя хижины на долговременный физическій и умственный покой, оцѣпляетъ на открытой тундрѣ и въ глухихъ, мрачныхъ и смрадныхъ юртахъ и домахъ, въ вѣрбой неподвижности закупориваетъ и умственные, и физическія силы. «Суровость климата, говоритъ Врангель, голодъ и недостатки, кажется, препятствуютъ здѣсь совершенному развитію физической природы человѣка, и такое вліяніе оказываетъ климатъ и на умственные силы сѣверныхъ сибиряковъ; кровь течетъ медленно въ ихъ жилахъ, сердце ихъ бьется вяло и чувства, если не истреблены, то, по крайней мѣрѣ, почти совершенно подавлены. Незнакомые съ наслажденіями жизни, располагающими обитателей другихъ, болѣе счастливыхъ земель къ радости и печали, къ любви и ненависти, народы полярныхъ странъ живутъ или, лучше сказать, прозябаютъ въ убивающемъ однообразіи, непрерывной борьбѣ съ недостатками, голодомъ и стужей, и, незамѣтно переходя отъ юношества къ старости, безъ всякаго сожалѣнія оставляютъ потомъ живнѣ, представляющую имъ одни лишенія, безъ радостей и безъ наслажденій»²⁾.

Такой умственный и нравственный застой отразился во всѣхъ про-

¹⁾ Estlin, Reise. B. 1 s. 458—459.

²⁾ Докладъ ген. П. 314.

явленіяхъ сибирскаго народа. Проѣзжайте вы по этой безпредѣльной низменной равнинѣ сибирской, особенно по скучной, однообразной, озерно-березниковой равнинѣ тобольской или степи бабаринской, — томительнѣйшую тоску навѣтъ на васъ эта словно пустынная жизнь, эта мертвенная монотонность молчаливой, неслышной, сугробной жизни, невыражающейя живыми и шумными потоками раздольной, разнообразной пѣсни волжско-русской. Всюду неумолчная, вездѣ раздающаяся пѣсня русская — тутъ какъ-будто прерывается, замолкаетъ и забывается въ шумѣ борьбы и смѣшенія разныхъ племенъ. Русскимъ, происшедшимъ отъ татарокъ, вогулокъ, остячекъ и проч. — она какъ-будто ужь и не по сердцу; они забыли пѣсни праматери своей — земли русской, а новыхъ еще не сложили, не спѣли, такъ какъ и смѣшанные племена еще не слились и, такъ сказать, не спѣлись между собою. Другимъ русскимъ сибирякамъ, обрусѣвшимъ изъ инородцевъ, пѣсня русская еще болѣе не по сердцу, а своя — унылая, монотонная, безсодержательная, давно забылась. А затѣмъ, можетъ ли пѣться веселая русская пѣсня безъ горя и тоски, спокойно и весело этимъ, такъ называемымъ въ Сибири, *несчастливымъ* или ихъ дѣтямъ, когда не своей волей они пришли въ Сибирь? «Природный сибирякъ», говоритъ Кастрень, пользуется у русскихъ хорошею славою по своей простотѣ нравовъ, по своему гостеприимству и по добродушію: все это отчасти справедливо. Но что касается до выраженія сибирскимъ народомъ радостей, наприм. пѣсней, танцевъ, общественныхъ или семейныхъ праздненствъ, то все это принадлежитъ къ чрезвычайнымъ рѣдкостямъ, по крайней мѣрѣ, въ Тобольской губерніи. Кто привыкъ видѣть, какъ въ Россіи потокъ жизни шумитъ по всѣмъ краямъ, тотъ не будетъ чувствовать себя въ сибирской тишинѣ вполнѣ довольнымъ. Это не та тишина, которая питается во внутреннемъ, мирномъ, безмятежномъ существѣ души, но мать ея — холодъ, равнодушіе и жесточенность. И мыслимо ли что другое, какъ не жесточеніе въ этой странѣ, въ которой большая часть народонаселенія состоитъ изъ злодѣевъ или ихъ потомковъ? Да, прибавимъ мы, и мыслима ли пѣсня веселая, радостная по этимъ деревушкамъ и селамъ, что тянутся и дѣлаются по одной только горемычно-безпредѣльной и тяжело-карательной дорогѣ въ каторгу, гдѣ каждаго недѣлю проходитъ, въ цѣпяхъ, съ мозолями на ногахъ, до 190 человекъ злосчастныхъ каторжниковъ и ссыльныхъ, а въ годъ до 10,000? Тутъ возможна только эта изрѣдка, *раздающаяся унылая пѣсня, грустно-монотонная, слезоточивая.* — Намъ довелось слышать эти пѣсни въ Западной Сибири. Заунывно-протяжный, монотонно-унылый стонъ ихъ отзывается какою-

то глубокою, гнетущею, унылою скорбью и грустью. Это словно будто не пѣсня, а погребальное, похоронное оплакиванье партій ваторжныхъ и слезоплачевное, монотонно-рыдательное причитаніе надъ гробами Мертваго дома ¹⁾. Или это будто уныло-протяжный, монотонно-восточный отголосокъ пѣсни татарской о давно-прошедшей сибирской татарщинѣ.

Отъ сближенія и смѣшенія русскаго народа съ сибирскими племенами, въ умственной и нравственной организаціи его развились или усилились многія дурныя, восточныя свойства. Такъ, немало въ немъ татарскаго и монгольскаго. Восточная лѣнь, флегматизмъ, любовь къ покою, умственный квіетизмъ, страсть къ роскоши и щегольству — это уже не только русское національное наслѣдіе, а значительный прибавокъ монголо-татарской крови. Умственная малодѣятельность и усыпленность сибиряковъ обуславливается не только климатическими и экономическими причинами, но отчасти и этнологическимъ вліяніемъ. Въ Западной Сибири она очень легко могла быть унаслѣдована, путемъ смѣшенія, отъ восточной породы туземныхъ татаръ, остяковъ и другихъ тамошнихъ племенъ, которымъ, можно сказать, прирождены эти свойства. Финны, къ которымъ принадлежатъ смѣшивавшіеся съ русскими вогулы, остяки и пр., по словамъ Кастрена, любятъ покой—это ихъ стихія ²⁾. Татары—не менѣе того. Многіе западно-сибирскіе казаки произошли отъ татарокъ, и въ нихъ отразилась умственная и нравственная дремота татарскаго племени. «Остается въ нихъ еще, пишетъ Степановъ, какое-то усыпленіе—останокъ продолжительной душевной болѣзни. Они боятся и даже не хотятъ думать; бездѣйственность имъ наслажденіе. Они, кажется, потеряли вовсе духъ воинственный. Они робки и недовѣрчивы» ³⁾. Въ умственной и нравственной жизни иркутскаго населенія, особенно купечества, мѣщанства, духовенства и большей части чиновничества и военнаго сословія замѣчается то же стремленіе къ умственному квіетизму, покою, то же маломысліе и даже совершенное бессмысліе, то же полнѣйшее отсутствіе или крайняя ограниченность умственныхъ интересовъ и преобладаніе надъ ними потребностей чувственно-жиз-

¹⁾ Когда мы проезжали по Западной Сибири (на святой прошлаго года), около Тюмени шла огромная партія; и жители придородныхъ селъ, особенно молодежь женщины, большими кучами собирались верстъ за 5 на встрѣчу партіи и, сидя при дорогѣ, пѣли свои грустныя пѣсни.

²⁾ См. прекрасную характеристику у Кастрена — *Reiseerinnerungen*; s. 133. *Friede ist ihm sein Alles*, и проч.

³⁾ Опис. Евис. губ. ч. II, стр. 98.

вотныхъ, грубо-матеріальныхъ, та же восточная лѣнь, нѣга и спячка, тотъ же умственный и нравственный застои, та же восточная страсть къ роскоши и щегольству. Георги замѣтилъ у иркутскихъ жителей китаизмъ въ нравахъ, въ убранствѣ домовъ и въ разныхъ обычаяхъ. По словамъ Ермана, въ иркутскихъ природнѣхъ сибирякахъ много монголизма и китаизма. Въ Забайкальи, какъ мы уже замѣтили, простой народъ, во многихъ отношеніяхъ, находитъ даже выгоднымъ усвоить бурятскіе обычаи. Обрусѣлые ясаинные, осѣдлые инородцы изъ бурятъ, тунгусовъ, остяковъ и проч., образуя новыя русскія деревни, дѣлаются совершенными русскими крестьянами, приносятъ въ умственный и нравственный складъ сибирскаго крестьянства много бурятскаго, тунгусскаго, остяцкаго и т. д., напримѣръ, привычку къ безвѣчной, нечистой и грязной жизни, свои языческія суевѣрія и т. п. и передаютъ эти недостатки изъ рода въ родъ.

Объ умственной жизни якутскихъ жителей Шуккинъ замѣчаетъ: «кончившіе курсъ ученія и поступившіе на службу и къ гражданскимъ обязанностямъ отличаются отъ неученыхъ только умѣньемъ называть науки. Всагдашній разговоръ о тѣлбахъ и расчетахъ заставляетъ покидать науки и слѣдовать общему стремленію. Дарованія здѣсь мѣраются знаніемъ указовъ и умѣньемъ употреблять ихъ;— по болѣеишей части, не кстати. Читеніемъ книгъ почти не занимаются. Хотя въ жсторіе и получаютъ московскія газеты, но въ нихъ читаютъ только одни законы, и, встрѣчаясь другъ съ другомъ спрашиваютъ: нѣтъ ли новаго указа въ законахъ? Воспитаніе дѣвицъ ограничивается однимъ умѣньемъ читать и писать. Въ собраніяхъ каждый слидитъ чинно на своемъ стулѣ, не вставая съ мѣста: ходить по комнатамъ считается неприличнымъ, говорить женщицъ съ мужчиною—преступленіемъ. Здѣсь разсуждаютъ: о чемъ, кромѣ Худоо, можетъ говорить мужичва дѣвицъ? и проч. 1).

Дурною особенностью сибиряковъ признаютъ страсть къ расточительности и роскоши, и она, по всей вѣроятности, наслѣдована отчасти отъ восточныхъ предковъ и сосѣдей, особенно татаръ. Кастрень говорить: «что особенно отличаетъ сибиряка отъ природнаго русскаго,— это его чрезвычайная слабость къ роскоши и жуированью жизнью. Онъ не любитъ, какъ русскій, копить свои капиталы, но, по словицѣ, «оочно направляетъ свой ротъ въ мѣшокъ съ лакомой пищей. Сибирякъ извѣстенъ своимъ талантомъ—жить не по своимъ доходамъ. Въ городахъ часто блестящій экипажъ составляетъ все его движимое и недвижимое имущество, а въ селахъ жорѣдко

1) Повѣдка въ Якутскѣ, стр. 233—234.

можно слышать поговорку, что имѣнне сибиряковъ состоятъ въ самоварѣ»¹⁾. Вообще умственный и нравственный образъ сибирскихъ племенъ, во многихъ мѣстахъ, сильно отразился на умственномъ и моральномъ характерѣ русскаго сибирскаго населенія; много нехорошаго произошло въ немъ отъ смѣси, путемъ обоюднаго, взаимнаго влiянiя. Напримѣръ, русскiе казаки, служилые, торговые и промышленные люди, особенно воеводы, дѣяки, подъячiе и вообще приказные люди, наконецъ, разныя губернскiя власти, въ родѣ Якобiевъ, Трескиныхъ, Коховъ и т. п., своимъ безчеловѣчнымъ деспотизмомъ, самоуправствомъ, самодурствомъ, придиричливостью, нападками, гоненiями и проч. сильно запугали, застращали и забили бѣдныхъ инородцевъ, показали имъ свои отталкивающiя, отвратительныя свойства и примѣры, и такимъ образомъ, въ этихъ, отъ природы открытыхъ, простосердечныхъ, довѣрчивыхъ людяхъ развили скрытность, хитрость, притворство, ложь, обманъ и т. п. «Къ несчастью, говорить Брангель, напр., объ юкагирахъ, — отъ сообщенiя съ русскими, на которыхъ смотрятъ они, какъ на своихъ поработителей, между юкагпрами вкоренилось притворство и скрытность, и особенно въ торговлѣ всегда стараются они обмануть противную сторону»²⁾. Н. Шукiнъ замѣчаетъ: «якуты, при врожденной способности къ воровству и мошенничеству, отъ обращенiя съ русскими, чрезвычайно усовершенствовались во всѣхъ тонкостяхъ великой науки плутовства»³⁾. Это же должно сказать объ остякахъ, самоѣдахъ, тунгусахъ, бурятахъ и вообще о всѣхъ сибирскихъ инородцахъ. И русѣя, входя въ составъ русскаго народа, племена эти вносятъ съ собою въ русскую народность всѣ эти дурныя свойства, развившияся подъ влiянiемъ русскихъ же дурныхъ людей и нравовъ. Общее невѣжество усиливаетъ ихъ. Наконецъ, характеристическiй недостатокъ сибиряковъ — духъ ябедничества и сутяжничества, въ которомъ давно ихъ упрекаютъ, развился именно, съ одной стороны, вслѣдствiе дурнаго влiянiя русскаго приказнаго духа, подъячества, чиновничества, съ другой — вслѣдствiе столкновенiя и борьбы русскихъ и инородческихъ правъ, интересовъ и понятiй, а также вслѣдствiе естественно-свободолюбиваго, самоуправнаго характера природныхъ инородческихъ сибиряковъ, требовавшаго протеста за каждую дѣйствительную или

1) Kastren' s. Reiseberichte, s. 156.

2) Полярн. путеш. II, стр. 85.

3) Повѣдка въ Якутскѣ, стр. 247.

мнимую обиду и несправедливость ¹⁾. Только развитіе просвѣщенія и разумное устройство земскаго самоуправленія и гласнаго судопроизводства можетъ уничтожить эти свойства сибиряковъ и заѣмнить ихъ разумнымъ гражданскимъ сознаниемъ права и высшимъ интеллектуально-юридическимъ смысломъ.

Взглянемъ еще съ другой стороны на сибиряковъ. Кастренъ заѣмчаетъ въ своихъ путевыхъ извѣстіяхъ: «То правда, что въ Сибири крестьяне сами брѣются, свой табакъ курятъ, охотно ходятъ въ сортукахъ, краснорѣчивыми устами говорятъ (?), мало вѣрятъ въ духовъ и привидѣнія, осмѣиваютъ всякія секты и всякихъ сектантовъ, и т. п. За то русскій имѣетъ болѣе благородное чувство, чистый и открытый характеръ (?), и далеко высшій, лучшій смыслъ. Въ Россіи уже не рѣдкость, что крестьянинъ читаетъ и пишетъ, а въ Сибири есть даже купцы, которые едва ли умѣютъ подписывать свое имя. По своимъ преобладающимъ знаніямъ, ссыльные въ Сибири пользуются даже извѣстнымъ уваженіемъ за ихъ такъ называемое мастерство, и они сами считаютъ себя людьми далеко лучшаго, высшаго рода, чѣмъ природные сибиряки (?)²⁾. Въ этихъ словахъ Кастрена умственные и нравственные достоинства природныхъ русскихъ, конечно, преувеличены, но о сибирякахъ — много правды. Дѣйствительно, едва ли не единственную отрадную черту сибиряковъ составляетъ то, что они, болшею частью, не такъ суевѣрны и предрасудочны, какъ великорусскій народъ, особенно п. остой, мало вѣрятъ въ духовъ и привидѣнія, не имѣютъ слѣпото, фанатическаго пристрастія и привязанности къ церковной буквѣ и обрядамъ, не выдумываютъ никакихъ сектъ и расколовъ, а напротивъ, смѣются надъ ними и пр. Это умственное достоинство и преимущество сибиряковъ передъ великорусскимъ народомъ доказывается ихъ прошлой исторіей. Тогда какъ умственная жизнь великорусскаго народа въ XVII и даже XVIII вѣкѣ исполнена, омрачена тьмою суевѣрій, предрасудковъ, расколовъ, ознаменовалась драматическими проявленіями изуверства и фанатизма, возникновеніемъ сотни сектъ и толковъ, бунтами религиозными, раскольничьими), въ Сибири русскіе казаки, служилые, торговые и промышленные люди всѣ свои умственные силы употребляли на географическія, минералогическія, зоологическія и этнографическія развѣд-

¹⁾ Записки Кузмина. Атеней (1858 г.) Ч. II. Подробное объясненіе развитія въ сибирякахъ ябедничества и сутяжничества; см. у Н. Щукина—Повздки въ Якутскѣ, стр. 236—241.

²⁾ Reisebericht, s. 157—158.

³⁾ См. напри. Русскій расколъ старо брядетва, стр. 138—162.

жи и открытія, изощрали ихъ въ борьбѣ съ климатомъ и природою сибирскою, въ ловкостяхъ промышленныхъ, и всецѣло поглощены были самыми практическими, материальными стремленіями и замятіями. У нихъ, слѣдовательно, больше изощралися природный здравый смыслъ, разсудокъ, и некогда было подвергаться разнымъ фантазмагоріямъ празднаго и суевѣрнаго воображенія¹⁾. Съ первыхъ поколѣній, сибиряки стали даже холодны къ дереву, къ богослуженію; богослуженію предпочитали они игры и сходбища веселія, такъ что вызвали даже строгіе царскіе указы противъ такого анти-религіознаго направленія²⁾. Тогда какъ въ Велико-росіи въ одно XVII столѣтіе до того усилился духъ пустынножителства, противоположнаго аскетизма и отшельничества, что въ одно это столѣтіе возникло до 220 монастырей и пустыней, — въ Сибири много-что развѣ два-три монастыря основалось, и тѣ отчасти съ цѣлью миссіонерскою. Бродяжничество монаховъ и монахинь, ханжей, косматыхъ юродивыхъ и сумасбродныхъ женщинъ-пророчицъ въ Сибири было невѣдно и несмыслимо. О религіозныхъ предметахъ сибирскіе мужики почти никогда не толкуютъ; развѣ рѣдко когда, при случаѣ, придетъ имъ на мысль что, нибудь, относящееся до религіи, и то тогда только, когда столкнутся они съ какимъ-нибудь ученымъ драмойремъ. Въ нихъ нѣтъ такихъ фанатическихъ экстацій и увлеченій, чтобы, въ порывъ своихъ сомнѣній, начать распространять свое ученіе, создавъ свой дождь, какъ это чрезвычайно обычно было въ Россіи. Тамъ «что мужикъ — то вѣра, что баба — то толкъ». Здѣсь, въ Сибири, и мужики, и бабы равно апатичны къ сектантству, равно осмѣиваютъ всякихъ сектантовъ и не любятъ всякакъ «*ахотниковъ*» — правоучителей. Религіозно-обрядовый индифферентизмъ сибиряковъ видѣнъ также изъ того, что они вообще плохо соблюдаютъ посты. Даже въ престонародьи, сидонъ и рядомъ, вѣдять скромное въ постные дни. И нисколько неудивительно, а напротивъ, весьма естественна эта холодность большей части сибирскаго народа въ церковнымъ обрядамъ. Большая часть его суть обрусѣнне инородцы — татары, остяки, буряты, якуты и т. п. Но физиономіи, по образу жизни, по языку, они и дѣти ихъ остались совершенными русскими, но по религіи большей частью — ни то, ни се, т. е. ни православные, ни чистые языческіе инородцы. Ерманъ замѣчаетъ не только объ якутахъ обрусѣлыхъ, но и о самихъ обьякутившихся

1) См. отписки сужилыхъ людей въ Дополн. къ акт.-историч. Т. II—VIII.

2) А. И. IV, № 35. А. А. Э. III, № 264.

русскихъ, живущихъ по якутскому тракту на Ленѣ: «они между якутами забыли и оставили не только христіанскій, т. е. русскій языкъ, но и всѣ христіанскіе нравы и обычаи. Именно, они теперь безъ всякаго страха ѣдятъ скоромное во весь великій постъ». Обрусѣлые ясашные и осѣдлые инородцы, давно крестившіеся и сдѣлавшіеся уже совсѣмъ русскими крестьянами, живутъ, можно сказать, безъ всякой религіи. Изъ всѣхъ подобныхъ фактовъ можно заключить, что сибиряки вообще болѣе склонны къ натурализму, къ индифферентизму и скептицизму, тогда какъ великорусскіе, особенно старообрядческіе жители болѣе склонны къ легковѣрію, супранатурализму, старовѣрству и мистицизму. По словамъ Ермана, самая рѣчь сибиряковъ выражаетъ отчасти характеръ скептицизма. Въ Россіи все старообрядческое народонаселеніе догматически убѣждено, напримѣръ, что кто пьетъ чай и кофе, куритъ табакъ, брѣшетъ бороду, сѣчетъ и ѣстъ картофель, тотъ еретикъ и т. п.—и большая часть старовѣровъ крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ не станутъ и слушать, что картофель, чай и табакъ — полезныя естественныя произведенія, и т. п. Въ Сибири все это—чаепійство и табакокуреніе, и бритые бороды, и разведеніе картофеля,—привилось сразу, безпрекословно и даже съ особеннымъ усердіемъ. Въ то время, какъ въ Россіи, во многихъ губерніяхъ, крестьяне чуть не бунтовали противъ картофеля, — въ Сибири не только крестьянскія бабы усердно ухаживали за нимъ въ огородахъ и на пашняхъ, но даже буряты засѣвали его цѣлыми десятинами изъ усердія къ увазамъ правительства, изъ-за кафтановъ и медалей. Между тѣмъ, какъ въ Великороссіи старовѣрская партія возстала противъ «бѣсовской табаки», царь Алексѣй Михайловичъ издалъ запрещеніе разводить табакъ, и особенно запрещено было въ Сибири сѣять и распространять табакъ,—въ Сибири, не смотря на всѣ запретительныя наказы, табакъ сильно и быстро распространился.—Въ Россіи все старовѣрское народонаселеніе признаетъ догматомъ вѣры, что кто, напримѣръ, представляетъ землю шаромъ, тотъ еретикъ. Въ Сибири всякій смѣшленный крестьянинъ смѣло выслушаетъ и повѣритъ всему, что ясно, вразумительно и основательно растолкуютъ ему изъ области естественныхъ наукъ, и даже сами любопытствуютъ, спрашиваютъ о разныхъ естественныхъ предметахъ. По словамъ г. Болдонова, даже буряты съ неотступною любознательностью слушали и расспрашивали его, когда онъ объяснялъ имъ что-то изъ исторіи мірозданія. — Живя среди дикой, грандіозной природы сибирской, происходя нрѣдко изъ буряты, тунгусовъ и другихъ природныхъ сибирскихъ племенъ, воспитывающихся подъ непосредственнымъ вліяніемъ при-

роды, вѣрующихъ въ силы и явленія природы, поклоняющихся горамъ, лѣсамъ, рѣкамъ и проч., природные сибиряки, напимѣръ, обрусѣлые ясачные, осѣдлые инородцы, дѣти и внуки ихъ, гораздо безпредразсудочнѣе и ближе къ природѣ, къ естествознанію, чѣмъ какіе нибудь фанатически-предупрежденные великорусскіе старообрядческіе люди, гораздо болѣе склонны и близки къ натурализму, хотя непосредственному, совершенно безсовнательному болѣе склонны къ простому, естественному мышленію и міросозерцанію, чѣмъ къ мистико-супранатуралистическимъ грезамъ и бреднямъ. Изъ нихъ, при научномъ воспитаніи и образованіи, скорѣе могутъ выходить сибирско-русскіе Банзаровы, индефферентисты, чѣмъ кievско-великорусскіе Аскоченскіе, старовѣрскіе поповцы.—Умъ природнаго сибиряка свѣтлѣе, острѣе, прямѣе и рѣвче во взглядахъ и пониманіи, смѣлѣе и откровеннѣе, точнѣе и рѣшительнѣе въ мысляхъ и сужденіяхъ, безпредразсудочнѣе въ нововведеніяхъ, чѣмъ умъ природнаго великорусскаго старообрядческаго простолюдина. Въ этомъ отношеніи г. Кузминъ, намъ кажется, справедливо замѣтилъ о минусинскихъ крестьянахъ: «Сравнительно, минусинскій крестьянинъ умнѣ великороссійскаго: онъ ловець, смѣль... Когда Петръ I объявилъ незаслуженное гоненіе клоку волосъ, растущему ниже рта, и когда въ Россіи многіе бояре сходили отъ этого съ ума, — смышленные сибиряки всѣ выбрились безпрекословно, удивляясь тому, что царь напрасно безпокоится»). Та только бѣда, то только горе, что нѣтъ средствъ для умственнаго развитія сибиряковъ. Умъ ихъ крайне неразвитъ. Оттого, у нихъ часто замѣчается—особенно въ глуши сель,—чрезвычайная бѣдность слова: многіе крестьяне, когда хотятъ развить или выразить какую нибудь мысль, сильно затрудняются въ подборѣ и сочетаніи словъ, и не могутъ высказать свою мысль рѣчью неотрывочною, полною, цѣльною, плавною, ясною и отчетливою. Сибиряки—простаки, единственно по отсутствію образованія, знаній, по разбросанности въ маленькихъ обществахъ, въ глуши, по лѣсамъ, тайгамъ и тундрамъ, по небывалости, по отсутствію не съ образованными европейцами, а съ первобытными, дикими ордами Азіи.—Приведемъ, въ дополненіе, сравнительную характеристику г. Степанова: «крестьяне европейской Россіи, говорятъ онъ, страивуютъ по отдаленнѣйшимъ концамъ имперіи, работаютъ въ большихъ губернскихъ городахъ, въ портахъ, въ обѣихъ столицахъ; они извозничаютъ даже въ чужіе края. Большая часть крестьянъ европейской Россіи подвергнута опытамъ труднымъ, въ которыхъ

1) Записки Кузмина. Атеней, ч. II стр. 334.

воля ихъ встрѣчаютъ всегдашніи препятствія. Они видятъ и переносятъ многое, они становятся свидѣтелями происшествій великихъ. Кругъ свѣдѣній европейскихъ крестьянъ несравненно обширнѣе въ сравненіи съ сибирскими, и самыя дѣйствія ихъ должны бы были образованнѣе, судя по той ломкѣ и обработкѣ воли, которая производится въ шкодѣ дворянскаго управленія, но вся обширность ихъ свѣдѣній не заключаетъ въ себѣ никакой пользы; ибо неправильное понятіе о большомъ количествѣ предметовъ, которые имъ встрѣчались, составляютъ до того чудовищную смѣсь въ умѣ ихъ, что они даже затрудняются передавать свои идеи словами. Всѣ поступки ихъ сиротливы и дерзки. Сибиракъ Енисейской губерніи не бывалъ далѣе Иркутска и Томска. Онъ мало видѣлъ свѣтъ. Но все это, что онъ видѣлъ, постигъ съ точностью, ясно, чисто и безъ закиночекъ можетъ передавать другому, что знаетъ. Онъ—свѣтъ умомъ и смѣлъ въ объясненіяхъ. Онъ слишкомъ увѣренъ самъ, что имѣетъ хорошия умственные способности; но въ томъ-то и заключается вся погрѣшность; ибо, не вѣдая свойства истиннаго ума, полагаетъ, что онъ способенъ въ проискахъ, лукаствѣ и плутовствѣ¹⁾).

Скажемъ, въ заключеніе, нѣсколько словъ о лингвистическомъ смѣшеніи въ Сибирѣ. Какъ, по своему физиологическому развитію, славяно-русскій народъ, вслѣдствіе воспріятія и претворенія въ свою плоть и кровь разнообразныхъ племенныхъ континентовъ, подъ вліяніемъ различной примѣси чужой крови, въ теченіи своего историко-географическаго распротраненія и этнографическаго развитія, мало по малу разнообразился и видоизмѣнился на разнообразныя, довольно замѣтныя областныя отмѣнности или разновидности, — такъ и по языку своему, вслѣдствіе лингвистическаго сближенія, обобщенія и сліянія съ разноязычными племенами, онъ тоже весьма замѣтно разнообразился, образуя различныя новыя нарѣчія. Это областное образообразеніе его лингвистической организаціи или распаденіе его языка на различныя областныя нарѣчія обуславливалось общаго естественнымъ закономъ лингвистическаго подбора и расхожденія язычныхъ признаковъ. Авг. Шлейхеръ, прекраснопонимавшій теорію Дарвина въ языковѣдѣніи, въ общихъ чертахъ, такъ разирываетъ этотъ естественный законъ лингвистическаго раздробленія и развитія: «Въ языкахъ или нарѣчіяхъ, говоритъ онъ, немного различія между собою, мы видимъ недавнія еще дѣленія одного общаго имъ, основнаго языка; тѣмъ отличнѣе другъ отъ друга языки одного племени, тѣмъ ранѣе полагаемъ мы ихъ выдѣ-

¹⁾ Опис. Енис. губерніи. ч. II; стр. 101.

лежѣ изъ общаго, основнаго языка, приписывая имъ различіе болѣе продолжительному особому развитію... Различія, обозначаемаыя словами—языкъ, нарѣчіе, поднарѣчіе, говоръ, образовались постепенно и переходятъ одно въ другое... Мы и въ историческое время видимъ, какъ одни роды и виды языковъ постепенно уничтожаются, а другіе расширяются на ихъ счетъ. Въ примѣръ того, напомнимъ только о расширеніи индо-европейскаго племени и о вымираніи америнскихъ языковъ... Въ настоящій періодъ жизни человѣчества, въ борьбу за существованіе остаются побѣдителемъ преимущественно языки индо-европейскаго племени; они находятся въ постепенномъ расширеніи и уже овладѣли мѣстами, множествомъ другихъ языковъ»¹⁾. По этому закону, и славяно-русскій языкъ, какъ языкъ индо-европейской семьи или группы, вслѣдствіе географическаго распространенія и расширенія своего среди разныхъ — финскихъ, тюрко-татарскихъ и манчжуро-монгольскихъ языковъ, почти вездѣ являлся между ними побѣдителемъ. Но въ то же время, вслѣдствіе измѣненія лингвистической среды, вслѣдствіе усвоенія многихъ мѣстныхъ разноязычныхъ элементовъ—финскихъ, татарскихъ, монгольскихъ и т. д., путемъ естественнаго лингвистическаго или язычнаго подбора, онъ, естественно, видоизмѣнялся и видоизмѣняется на многія областныя нарѣчія, распавшись уже предварительно на три главныя нарѣчія — малорусское, бѣлорусское и великорусское. Такъ, напримѣръ, вслѣдствіе распространенія славяно-русской новгородской колонизаціи по Двинѣ, Печорѣ, по сѣверному поморью и приуралью, среди зырянъ, самоѣдовъ и лопарей, — древнеславянскій новгородскій языкъ, постепенно видоизмѣняясь подъ вліяніемъ мѣстныхъ топографическихъ впечатлѣній, накопленіемъ новыхъ комбинацій, выраженій и формъ, и воспринявши въ свой органическій составъ и строй множество словъ зырянскихъ, самоѣдскихъ и лопарскихъ, — такимъ образомъ, естественно, организовалъ особое, типическое архангельское нарѣчіе. Его пѣвучая, протяжная на концѣ звучность, его говоръ на распѣвъ есть наслѣдіе язычной вокализаціи древней заволоцкой чуди — предковъ нынѣшнихъ архангельскихъ зырянъ, такъ же какъ совершенно подобная, возвышенно-протяжная на концѣ вокализація вятчанъ есть прямое наслѣдіе изъ говора туземныхъ вотяковъ. Другой лингвистическій контингентъ, обуславившій обильное развитіе въ архангельскомъ говорѣ провинціализмовъ и возведеніе его на степень отличительнаго

¹⁾ Письмо Шлейхера. Заграничн. Вѣстн. 1861 г. т. II, стр. 254, 256, 261, 263. Его же см. Die Deutsche Sprache, 1860, стр. 43 и 44.

областного нарѣчія, принадлежит также къ остаткамъ языка первобытной чуди. Эти лингвистическіе остатки, вравшись мало по малу въ языкъ русскихъ переселенцевъ, сохранились въ немъ, между тѣмъ, какъ самый народъ, у котораго они были заимствованы, обрушивши или истребившись, исчезъ изъ страны, нѣкогда имъ занимаемой, передавъ архангельской вѣтви русскаго языка и оставивъ въ ней единственную память въ названіяхъ множества урочищъ, топографическихъ типовъ и формъ. Таковы, напримѣръ, названія множества рѣкъ въ Архангельской губерніи, кончающіяся на *и*, *уи*, *та*, *си*: Волонга, Паденга, Палуга. Еще замѣтнѣе видоизмѣнились и оразнообразился русскій языкъ въ архангельскомъ нарѣчіи черезъ усвоеніе множества словъ изъ нынѣ существующихъ языковъ постепенно русьющихъ сосѣдственныхъ народовъ—самоѣдовъ и зырянъ, лопарей и финновъ, и въ особенности изъ языка самоѣдовъ. Такъ, Кольскій уѣздъ преимущественно заимствовалъ лопарскія, Онежскій—финскія выраженія, южный Мезенскій и Шенкурскій уѣзды усвоили много зырянскихъ словъ; сѣверный Мезенскій уѣздъ изобилуетъ самоѣдскими словами. Самымъ нечистымъ нарѣчіемъ говорятъ русскіе сосѣди зырянъ, по средней Печорѣ; за то и зырянскій языкъ здѣсь такъ сильно смѣшался съ русскимъ, что со временемъ, по всей вѣроятности, исчезнетъ вмѣстѣ съ финскою народностью, какъ исчезъ безвѣстно на Двинѣ, въ силу того закона, что народъ, занимающій высшую степень образованія, и языкъ, достигшій высшей и наиболѣе разнообразной организаціи, выразительности и наибольшаго расширенія, легко уничтожаютъ національность и языкъ менѣе развитаго народа. Такимъ образомъ, путемъ лингвистическаго подбора и смѣшенія, развилась особая организація и образовался особый словарь архангельскаго нарѣчія, въ которомъ на 300 провинціализмовъ приходится едва ли не на половину смѣшанныхъ выраженій и до 50 чисто финскихъ словъ ¹⁾. Организовавшись такимъ образомъ и въ то же время сохранивъ коренныя основы древне-славянскаго новгородскаго языка,—сѣверное поморское нарѣчіе, путемъ преобладавшей архангельской и вологодской колонизаціи Сибири ²⁾,—распространилось и по большей части сибирскихъ колоній, и во многихъ

¹⁾ Шренка—областные выраженія русскаго языка въ Арханг. губ. Записки геогр. общ. 1850, кн. IV, стр. 121—167. Здѣсь напечатано собраніе словъ, вошедшихъ въ составъ арханг. нарѣчія изъ туземныхъ языковъ—зырянскаго, самоѣдскаго, лопарскаго и финскаго.

²⁾ Устюжскій летоп. Сѣвери. Архивъ. 1822 г. ч. II, № 7, стр. 323: о колонизаціи Сибири изъ сѣверныхъ поморскихъ областей. См. также Доп. къ А. И. т. III. № 14; Доп. VI; № 19.

мѣстахъ сообразно сибирскому языку свою преобладающую, господствующую вокализацию и структуру. «Случайный рѣчь архангельскаго простолюдна, говорить Шремкъ, въ тотчасъ скватите ет различительное отличие отъ языка московскаго — рѣзкими выговоромъ гласнаго звука о.». Самыя древнія изъ областныхъ выраженій архангельскаго языка суть сохранившіеся въ немъ остатки языка русскаго въ томъ видѣ, какъ говорили имъ за нѣсколько столѣтій въ Великомъ Новгородѣ и отчасти въ другихъ странахъ Россіи; эти слова, въ свое время, бывшія общимъ достояніемъ русскаго народа, но которыя въ сердцѣ Россіи, вышедъ мало по малу изъ употребленія, живутъ теперь только въ глуши лѣсовъ архангельскихъ и отдаленныхъ дебряхъ Сибири, гдѣ извлекаетъ ихъ изъ забвенія любопытный путешественникъ... Между сибирскими провинциализмами много встрѣчается общеупотребительныхъ и въ Архангельской губерніи, но неслыханныхъ нигдѣ въ прочихъ краяхъ Россіи»¹⁾.

Въ Сибири, русскій, преимущественно сѣверо-поморскій, архангельскій языкъ, распространившись вмѣстѣ съ колонизаціей и метисаціей, хотя и сохранилъ общую природу русскаго языка, но въ то же время видоизмѣнился, подъ вліяніемъ мѣстныхъ инородческихъ языковъ и физико-географическихъ отпечатковъ, на новыя разнообразныя нарѣчія, воспринявъ въ себя различныя лингвистическія контингенты изъ языковъ туземныхъ сибирскихъ племенъ. Русскіе въ Сибири уже въ XVII вѣкѣ стали изучать языки сибирскихъ инородцевъ, а эти — русскій языкъ. Нѣкоторые русскіе вазакі и служилые, а также торговые и промышленные люди уже тогда знали по якутски, по тунгуски, по калмыцки, по бурятски и по монгольски. Точно также инородцы уже съ XVII в. стали усваивать русскій языкъ²⁾. Такимъ образомъ, съ одной стороны, сами русскіе, смѣшиваясь съ инородческими племенами и невольно осваиваясь съ ихъ мѣстными представленіями и обычаями, усваивали, вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ слова, выраженія и названія. Съ другой стороны, инородцы, смѣшиваясь съ русскими, русскія и усваивая русскій языкъ, невольно вносили въ составъ его много своихъ словъ. Особенно привносились и воспринимались въ составъ русскаго языка такія инородческія слова, которыя выработаны были инородцами подъ вліяніемъ мѣстныхъ физическихъ и бытовыхъ условий, которыя выражаютъ особенности мѣстной инородческой культуры и жизни, отличительныя свойства или принадлежности ихъ жилищъ, одеж-

1) Вѣстн. геогр. общ. 1850, кн. IV, стр. 123.

2) Доп. МШ. № 61, стр. 294, г. V, стр. 52, г. VI, стр. 300—301; Док. III, № 98. Толмачи были изъ инородцевъ.

ды, вообще зоолого-экономическаго быта и т. п. Такъ, изъ языка охотничьихъ, звѣроловныхъ племень переходили и переходятъ въ составъ русскаго языка преимущественно слова терологическаго значенія и примѣненія, т. е. касающіяся звѣрей, охоты, звѣрныхъ продуктовъ, ихъ культуры и примѣненія, лѣсовъ, звѣроловныхъ орудій и т. п. Отъ племень прирѣчныхъ, рыболовческихъ усвоились разныя слова гидрографическаго, пхтіологическаго содержанія и значенія. Отъ племень оленеводческихъ—слова, касающіяся оленей, оленеводства, мховъ, тундры и проч. Такъ, напри- мѣръ, въ Березовскомъ краю, вслѣдствіе смѣшенія русскаго и въ частности сѣверо-поморскаго населенія съ остяками, въ составъ мѣстнаго русскаго нарѣчія вошло множество словъ остяцкихъ. Изъ 78 словъ русскихъ, тамъ приходится до 28 словъ чисто остяцкихъ, которыя существенно вошли въ составъ русской рѣчи. Таковы, напри- мѣръ, остяцкія слова: 1) *амкь* — часть оленьей и собачьей упряжи, — ремень изъ оленьей, медвѣжьей или волчьей шкуры; 2) *важань* — рыболовная сѣть, на подобіе мѣшка, до 14 сажень длины; 3) *варь* — перегородка устья рѣки или сора изъ тонкихъ колевъ; 4) *вотлинь*—тонкія и длинныя волокна мерзлой ивы (талины, *salix alpegragia*), на подобіе мочала, употребляемыя ино- родцами и русскими для чищенія металлической посуды и на дру- гія потребности; 5) *шма*—конусообразная морда, вышиною отъ 3 до 4 аршинъ, для ловли рыбы; 6) *кальданитъ*—промышлять рыбу *каль- даномъ* — особаго рода рыболовною сѣтью, и т. д. Всѣ эти сло- ва преимущественно характеризуютъ особенности оленеводческаго и рыболовческаго быта, страну тундры и мелкаго березника, вы- ражаютъ разныя топографическія особенности или урочища ры- боловныхъ рѣкъ, особенно касаются рыбъ во всякомъ ихъ видѣ, рыболовныхъ мастей, рыбной пищи, а также—оленей, оленьей у- пряжи, разнаго употребленія и примѣненія оленьихъ кожъ, харак- теризуютъ страну березника въ разныхъ примѣненіяхъ бересты къ жилищамъ, къ разнымъ домашнимъ принадлежностямъ и т. п. Въ юговосточной Сибири, гдѣ русское населеніе смѣшивалось, глав- нымъ образомъ, съ пастьушескимъ, скотоводческимъ племенемъ мон- голо-бурятскимъ, —русскій языкъ преимущественно наполнялся и наполняется словами бурятскими. Въ Забайкальской области бурятскій языкъ даже почти господствуетъ надъ русскимъ. По сло- вамъ Ермана, по Ангарѣ и въ Забайкальи монгольскій языкъ сдѣ- лался живымъ языкомъ ¹⁾. «Едва ли есть другая страна, замѣчаетъ,

¹⁾ Reise, II, s. 70: das Mongolische ist schon hier eine lebende Sprache ge- worden.

между прочимъ, Ерманъ, наиболѣе свойственная или способная къ монгольскому и буддйскому образованію, какъ Иркутская губернія. Здѣсь почти каждый русскій казакъ имѣетъ обычай изучать бурятскій языкъ, потому что этотъ діалектъ столько же употребителенъ между ними, какъ и матерній языкъ». Вслѣдствіе этого, преобладающее лексическое нарощеніе и главные провинціализмы забайкальскаго русскаго нарѣчія всѣ произошли изъ монголо-бурятскаго языка. Изъ этого источника оно преимущественно наполнилось терминологіей зоолого-географической, словами, относящимися къ разнымъ родамъ, признакамъ и возрастамъ скота, къ обычаямъ скотоводства, къ разнымъ продуктамъ скотоводческимъ, къ пастбищамъ, къ пастбищнымъ, степнымъ и горнымъ урочищамъ и т. п. Вслѣдствіе такого нарощенія, изъ 150 провинціализмовъ забайкальскаго нарѣчія насчитывается до 76 или даже до 90 монгольскихъ словъ, вошедшихъ существенно, органически въ составъ русскаго говора ¹⁾.

1) Такъ какъ въ печати нигдѣ нѣтъ образчиковъ этого оригинальнаго, сѣшаннаго русско-бурятскаго нарѣчія, то, въ видѣ матеріала для словаря областныхъ нарѣчій, мы приведемъ здѣсь нѣсколько монголо-бурятскихъ словъ, употребляемыхъ въ Забайкальской области, въ Нерчинскомъ округѣ, съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ обрусѣвыхъ тунгузскихъ словъ: 1. *Лема*, (монгольское) ладно, годится; 2. *Ана*, *анэкэй* (монг.) — междометіе удивленія. 3. *Адали* (монг.) подобно, сходно, 4. *Араки* (монг.) молочное вино, а отсюда — *араковать* — гулять, пьянствовать. 5. *Арца* (монг.) остатки отъ гонки молочнаго вина. 6. *Арсунь* (монг.) сушеный творогъ. 7. *Азлязъ* (монг.) халать въ родѣ кафтана. 8. *Арбанайка* (монг.) $\frac{1}{3}$ кипичнаго чаю. 9. *Аргалъ* (монг.) сухой скотскій пометъ, употребляемый для топлива и дымленія шкуръ. 10. *Бага* (монг.) свертокъ чая байховаго до $\frac{1}{4}$ фунта. 11. *Балчи* (монг.) китайская полущелковица. 12. *Баречинъ* (монг.) лекарь. 13. *Богонъ* (монг.) выбродокъ, незаконнорожденный. 14. *Болджоръ* (тунгуз.) сѣздъ, собраніе, сходка. 15. *Воровчанъ* (монг.) годовалый теленокъ. 16. *Бортогонъ* (монг.) чай, имѣющій одинаковую доброту съ кирпичнымъ, только несжатый въ кирпичи, а продаваемый въ камышевыхъ цабикахъ. 17. *Быркель* (монг.) деревянный колапъ для гонки молочнаго вина. 18. *Буда* (монг.) китайская крупа изъ проса, *цаганъ буда* — рисъ, сарацнское пшено. 19. *Бурма* (монг.) сѣмена кислицы или конскаго щавеля, употребляемая, какъ чай. 20. *Бургасникъ* (монг.) снопы изъ талника, употребляемые вмѣсто дровъ. 21. *Бутанъ* (монг.) хлѣмикъ среди степи съ тарбаганьими норами; погогорка: «*нэкой ты бутанъ.*» 22. *Гайно* — логовище звѣря 23. *Ганза* (монг. и тунгуз.) мѣдная трубка. 24. *Гунанъ* (монг.) трехгодовалый быкъ. 25. *Гуранъ* (монг.) самецъ дикой козы. 26. *Гуджиръ* (монг.) степная горькая глауберова соль, употребляемая для приправы въ кирпичный чай, состоящая болѣею частью изъ воднаго сѣрно-лиссаго натра. 27. *Гутумы* (монг.) теплая обувь изъ козихъ шкуръ, съ дичными голяшками. 28. *Даганъ* (монг.) жеребенокъ по 3-му году; 29. *Даланъ* (монг.) думиря. 30. *Дарханъ* (монг.) вузвѣць. 31. *Дылбай* (монг.) дарокъ, наравно, щедно. 32. *Джираджитъ* (монг.) наслаждаться. 33. *Дулжа*

Уничтожая и претворяя въ свой органическій составъ языки большей части сибирскихъ племенъ, и самъ видоизмѣняясь, вслѣдствіе того, въ характеристическія нарѣчія,—русскій языкъ, однакожь, не вездѣ одерживалъ полный перевѣсъ и потому не вездѣ господствуетъ надъ инородческими языками. Такъ, въ Якутскомъ краю, какъ національность русская не устояла противъ народности якутской, такъ и языкъ русскій уступилъ господство языку якутовъ. Или, по выраженію Ермана, русскій талантъ языкознанія здѣсь блистательно обнаружился въ обращеніи съ якутами. «Начиная съ Песковской станціи по якутскому тракту, крестьяне въ своихъ пнтимныхъ и частныхъ отношеніяхъ, на ряду съ матернимъ языкомъ, употребляютъ другой, якутскій: всѣ говорятъ между собою по якутски. Русскіе въ Якутскѣ, вмѣстѣ съ воспитаніемъ, вмѣстѣ съ молокомъ матерей и нянекъ-якутовъ, сроднились съ якутскимъ языкомъ. «О воспитаніи дѣтей, говоритъ Врангель, заботятся здѣсь мало; ребенка съ малолѣтства отдають обыкновенно какой-либо якуткѣ, которая, вскормивъ жосильно и по крайнему своему разу-

(монг.) ольховая кора, употребляемая для крашенья. 34. *Дунунь* (монг.) четырехлѣтній быкъ. 35. *Жумбура* (монг.) еврашекъ, степной звѣрокъ. 36. *Зудуръ* (монг.) грязь, неприятность; *зудурный*—грязный, неприятный. 37. *Ирэнъ* (монг.) кладеный баранъ. 38. *Инджиганъ* (монг.) дѣтенышъ дикой козы, козленокъ. 39. *Кавардакъ* (монг.) жаркое изъ печени и сердца барана, молдо изсрошенныхъ; виногреть. 40. *Каптура* (монг.) кисель для табаку. 41. *Качирикъ* (монг.) двухгодовалый теленокъ. 42. *Кизигиы* (монг.) поволя на конской уздѣ. 43. *Кондолой* (монг.) задняя часть хребта у лошади. 44. *Кулусунъ* (монг.) оверный камышь, употребляемый для топлива. 45. *Кумул* (монг.) шкура шея дикой козы, употребл. на ремня и конскую сбрую или на подошвы обуви. 46. *Курма* тулгузская одежда до колъвъ. 47. *Курешикъ* (монг.) молодой барашекъ отъ 1 до 6 недѣль. 48. *Куэнь* (монг.) затверднѣе железъ; 49. *Кутумичъ* (монг.) проволоиикъ, проволоатый. 50. *Курсунъ* (монг.) лепешка изъ творога или изъ толченыхъ ягодъ. 51. *Курсэнъ* (монг.) мѣсъ груди барана, съмешанный съ кѣжею и ногомъ жаренный на вертелѣ или рожнѣ и живомъ огнѣ,—закомое кушенье бурятъ. 52. *Кылымъ* (монг.) носовыиычный, худозыиычный, картавый. 53. *Малахай* (монг.) шапка. 54. *Манейка* (монг.) ожерелье изъ стеклянныхъ шариковъ или корольковъ, вытѣнниваемыхъ у итайцевъ. 55. *Моржамъ* (монг.) кораллъ. 56. *Мангиръ* (монг.) степной лужъ. 57. *Мума* (монг.) дельга, авонкая монета. 58. *Мурусунъ* (монг.) вискарь. 59. *Мѣдѣмъ* (монг.) суеты, хлопоты. 60. *Оланджа* пугливый; робкій. 61. *Омароча* (тулгузск.) легкая берестяная лодка, употребляемая ороочами. 62. *Орогда* (тулгузск.) шапка изъ головной шкуры дикой козы съ ушами, а иногда и съ фожками; употребляемая для приманки ковъ и другихъ звѣрей. 63. *Пантмы*—рога изюбри. 64. *Сундула* (монг.) вдвоемъ влать верхомъ. 65. *Сынсурта* (монг.) перерослая мерлушка, шкура белугодового барашка. 66. *Гамаръ* (монг.) стрѣла съ колбой. 67. *Тарбаганъ* (монг.) сурокъ. 68. *Таталинъ* (монг.) баранья похлебка. 69. *Таракинъ* (монг.) головной мозгъ. 70. *Тагаць* (монг.) желѣзный тренож-

мѣнью, года черезъ два или три возвращаетъ воспитанника—конечно, уже нѣсколько объякученнаго, — родителямъ; дома онъ дорожаетъ и, научившись нѣсколько грамотѣ у священника или причетника, посвящается постепенно въ таинства сибирской торговли пушнымъ товаромъ, или опредѣляется въ писцы какого-либо присутственнаго мѣста для достиженія чиновъ, на которые и въ Якутскѣ бывають крайне падки. Такимъ первоначальнымъ воспитаніемъ здѣшняго юношества объясняется съ перваго взгляда страннымъ кажущееся явленіе, что даже въ нѣсколько высшемъ кругу общества якутскій языкъ играетъ почти столь же главную роль, какую французскій въ обѣихъ нашихъ столицахъ. Это обстоятельство крайне поразило меня на одномъ блестящемъ праздничномъ обѣдѣ, который давалъ богатѣйшій изъ здѣшнихъ торговцовъ мѣхами въ именины своей жены. Общество состояло изъ областного начальника, почтеннѣйшаго духовенства, чиновниковъ и нѣкотораго числа купцовъ, но большая часть разговоровъ была такъ испещрена фразами изъ якутскаго языка, что я, по незнанію его, принималъ въ бесѣдѣ весьма слабое участіе¹⁾. Н. Шукинъ пишетъ: «Олекминскъ—это первый, такъ сказать, якутскій городъ, гдѣ на улицахъ и въ домахъ русскій языкъ замѣняется якутскимъ. Въ Якутскѣ старушки нерѣдко толкуютъ между собою по якутски. Этотъ языкъ господствуетъ здѣсь между всѣми классами, какъ у насъ въ сто-

нии надъ котломъ. 71. *Таракъ* (монг.) квашеное варное молоко. 72. *Тарасунъ* (монг.) молочное вино изъ кобыльаго молока. 73. *Таторъ* (монг.) задняя подруга у сѣдла. 74. *Толой* (монг.) сѣрый заяцъ, особенной породы, перемѣняющій цвѣта шерсти. 75. *Тулугуль* (монг.) двухгодовалый барашекъ. 76. *Тулухъ* (монг.) кожаный мѣшокъ, сшитый изъ всей шкуры теленка или небольшого звѣря. 77. *Тымѣнъ* (монг.) верблюдъ. 78. *Тырликъ* (монг.) тулупъ, крытый матеріей монгольскаго покроя. 79. *Урлуй* (монг.) пострѣлъ, растеніе. 80. *Ушканъ* (монг.) заяцъ. 81. *Урма* (монг.) сметана. 82. *Утунг* (монг.) злой духъ. 83. *Урианъ* (монг.) запаехъ на зиму полевыхъ мышей изъ хлѣба, кореньевъ, луковиць. *Урианчить*—разорять мышей. 84. *Узурусъ* (монг.) шкура полугодового барана. 85. *Ургудукъ* (монг.) измученная, сухая скотина, завалающаяся и поднимаемая. 86. *Хылзанный* (монг.) пѣщивый, лысый. 87. *Хамунъ* (монг.) частотка, зудъ. 88. *Харамчить* (монг.) завидовать. 89. *Цумуга* монгольская кость, или кость съ козломъ. 90. *Челдонъ* (монг.) сымально-каторжный. 91. *Черпелъ* (монг.) годовалый жеребенокъ. 92. *Чумбуръ* (монг.) поводъ у лошади. 93. *Шѣкна* (монг.) вареная кровь. 94. *Шилъ* (монг.) уха, кушанье. 95. *Шиктуръ* (монг.) дурной запахъ, зловоніе.—Заняты изъ рукописнаго сборника словъ и выраженій, употребляемыхъ въ Забайкальской Области въ Нерчинскомъ округѣ, составленнаго свещ. Боголюбскимъ. Руконисъ Сифир. отд. Георг. Общ.

¹⁾ Мозарн. Путеш., 1, стр. 170—171.

лицахъ французскій. Нѣтъ ни одного жителя, который бы не зналъ по якутски. Да и неудивительно: въ домѣ нянька, кухарка, кучеръ — всѣ якуты. Дитя, съ появленія чувства слуха, поражается звуками якутскаго языка, поступая въ исправленіе обязанностей гражданина, имѣетъ дѣло, по большей части, съ якутами. Здѣшній житель, отъ обращенія съ нимъ, нечувствительно перенимаетъ всѣ ихъ обычаи, и лучше говорить на якутскомъ языкѣ, нежели на отечественномъ. Житель Якутска въ разговорѣ съ жителемъ Россіи понимаютъ другъ друга не совершенно; надобно прибѣгать къ объясненіямъ и повтореніямъ. Кромѣ словъ мѣстныхъ, настоящія русскія употребляются здѣсь не въ обыкновенномъ значеніи. Напримѣръ, здѣсь дрова называютъ саженими, муку провіантомъ, капусту—щами. Здѣсь говорятъ: я былъ на берегу и покупалъ сажени. Много ли у васъ посажено щей? А ходя по гостинному двору, спрашиваютъ: крупичатый провіантъ есть? Сверхъ этого, во многихъ примѣтно сильное заиканіе¹⁾. — Такъ видоизмѣняется славяно-русскій языкъ и, въ теченіи столѣтій, мало по малу образуются новыя областныя нарѣчія, все далѣе и далѣе уклоняющіяся отъ древне-славянскаго языка, все болѣе и болѣе наполняющіяся новыми, разноплеменными лингвистическими контингентами. И національность русская постоянно организуется, нарастаетъ, тѣется новыми этнологическими тканями, распадаясь на областныя варіететы, различія, и языкъ русскій постоянно творится, видоизмѣняется, разнообразится, распадаясь на областныя нарѣчія и говоры.

А. Щаповъ.

¹⁾ Походка въ Якутскѣ, стр. 133, 228—229.

РАЗВИТІЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ТИПА ВЪ ГЕОЛОГИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.

I.

По увѣренію деревенскихъ бабъ, у некрещенаго дитяти нѣтъ души, а паръ. Спросите бабу, что такое душа, что такое паръ, и она отвѣтитъ «не знаю». Зачѣмъ же понадобилась бабѣ гипотеза о парѣ? Просте потому, что она не могла выдумать ничего другого. И баба довольна собой, какъ-будто она придумала паровую машину. Образованный человѣкъ скажетъ, что баба несетъ вздоръ; но образованный человѣкъ будетъ неправъ, ибо гипотеза бабы нисколько не хуже множества остальныхъ гипотезъ, которыя онъ признаетъ несомнѣнными истинами. Дѣло въ томъ, что въ человѣкѣ есть потребность-знать, чего онъ не знаетъ, и на вопросы, волнующіе его, онъ самъ же сочиняетъ и отвѣты, какіе ему кажутся лучшими. Кто не особенно изобрѣтателенъ, тотъ слушаетъ другихъ и усвоиваетъ то, что подходитъ подъ его умственные способности; а кто надѣленъ болѣе счастливымъ воображеніемъ, тотъ пускается въ разныя сочинительства и доходитъ своимъ умомъ до нелѣпостей, иногда дѣйствительно колоссальныхъ. Едва ли есть на свѣтѣ человѣкъ, у котораго не нашлось бы въ головѣ гипотезъ на половину собственного изобрѣтенія. Разумѣется, это очень дурно, но въ большинствѣ случаевъ, людямъ было невозможно поступать иначе. Конечно, это относится только до такъ называемыхъ необразованныхъ сословій. Образованные, повидимому, должны бы находиться въ лучшемъ положеніи, но увы! грамотность не всегда приноситъ имъ пользу, и если бы всѣхъ людей можно было превратить въ ходячіе фонари, такъ чтобы свѣтились только тѣ головы, въ которыхъ помѣ-

щаются послѣднія знанія, то міръ представилъ бы любопытное зрѣлище великаго мрака, въ которомъ мелькали бы только кое-гдѣ свѣтящіяся точки, а всѣ остальные двуногіе фонари бродили бы, какъ тѣни, наталкиваясь другъ на друга. Этотъ опытъ былъ бы весьма назидателенъ для многихъ такъ называемыхъ образованныхъ людей, потому что они очутились бы въ одномъ обществѣ съ бабой, сочинившей гипотезу о парѣ, которая казалась имъ такой великой нелѣпостью. Къ сожалѣнію, счастливыя изобрѣтенія, благодѣтельныя для человѣчества, не всегда могутъ быть осуществлены на практикѣ. Къ такимъ принадлежитъ и мысль о фонаряхъ, которая, при всей своей назидательности, не принесетъ никому никакой пользы, и темные фонари будутъ считать себя по прежнему свѣтящимися точками.

Особенно счастливую изобрѣтательность выказали люди въ гипотезахъ о происхожденіи земли. Нѣкоторыя изъ этихъ гипотезъ отличались замѣчательной простотой, какъ напр. народное понятіе о томъ, что земля стоитъ на трехъ китахъ; другія же, напротивъ, были гораздо хитрѣе и стоили ученымъ геологамъ большихъ умственныхъ усилій. И по народнымъ, и по старымъ гипотезамъ ученыхъ, земля обвинялась обыкновенно въ какихъ-то чудовищныхъ катастрофахъ: то вдругъ она зальетъ себя всю водой, то начнетъ выкидывать огонь, лаву; то такъ, по неизвѣстной причинѣ, заморитъ всѣ свои живыя существа, сожжетъ всю растительность и т. п. Убѣжденіе въ правдоподобности подобныхъ ученій поддерживалось общераспространеннымъ мнѣніемъ о кончинѣ міра, которое такъ часто проповѣдывалось, особенно въ прошедшія столѣтія, и тѣми физическими явленіями, которыхъ простые люди не понимали, а ученые толковали вкривъ и вкось. Дѣйствительно, въ природѣ есть много явленій, предъ которыми человѣкъ чувствуетъ вполне свое безсиліе; возьмемъ хотя молнію. Когда знаешь, что она убиваетъ, то во время грозы, разумѣется, извинительно трусить за свою жизнь. Еще ужаснѣе дѣйствуетъ землетрясеніе. Человѣкъ съ пеленокъ составилъ себѣ о землѣ понятіе, какъ о чемъ-то твердомъ, непоколебимомъ, и вдругъ онъ чувствуетъ, что его твердая опора дрожитъ, что все рушится и падаетъ; иллюзія всей жизни исчезаетъ въ одно мгновеніе, человѣкъ теряетъ вѣру въ точку опоры, и въ его воображеніи рисуется уже бездна, въ которую летитъ земля, и затѣмъ смерть всего живого, мракъ и т. д. Картина, безъ сомнѣнія, страшная, и если бы земля могла точно полетѣть въ бездну, а вмѣстѣ

съ нею разлетѣлись бы по разнымъ сторонамъ и люди, и при этомъ пришлось бы брякнуться по дорогѣ о какое нибудь мировое тѣло, летѣть лѣтъ тысячу, то нечего и говорить, что такое путешествіе можетъ испугать кого хотите. Но дѣло въ томъ, что ничего подобнаго не можетъ никогда случиться. — На землѣ постоянно дѣйствуютъ тѣ же силы, какія дѣйствовали на ней миллионы лѣтъ назадъ; и нынче, и тогда силы эти подчинялись однимъ и тѣмъ же законамъ!.. Все идетъ самымъ медленнымъ, постепеннымъ шагомъ, тихо, спокойно, безъ великихъ ужасовъ и катастрофъ, созданныхъ суевѣрными умами. Ошибка людей заключалась, между прочимъ, еще и въ томъ, что они хотѣли сдѣлать маленькій масштабъ своей жизни мѣркой въ хронологіи земли. Но выдуманная нами секунды и минуты только мѣшаютъ ясному пониманію дѣла. Земля не знаетъ ни минутъ, ни часовъ, ни лѣтъ; въ жизни земли нѣтъ ни прошедшаго, ни настоящаго, ни будущаго, но есть только постепенно слѣдующіе одинъ за другимъ физическіе процессы (въ обширномъ смыслѣ слова) и постоянное движеніе вещества, и перемѣна формы. Въ процессахъ земной жизни человѣкъ совершенно такое же послѣдовательное явленіе, какъ и всякая другая форма; поэтому наше теперешнее настоящее есть только извѣстный моментъ въ геологической жизни земли, совершенно подобный всѣмъ предыдущимъ. Пройдутъ сотни тысячъ лѣтъ, и для будущихъ людей мы будемъ такимъ же прошедшимъ и такой же геологической рѣдкостью, какую теперь составляютъ для насъ ископаемые остатки мегатеріумовъ. Человѣкъ преувеличиваетъ значеніе своего настоящаго, полагая его чѣмъ-то законченнымъ, какимъ-то послѣднимъ моментомъ природы. Ничего этого нѣтъ въ дѣйствительности. Теперешній моментъ земной жизни есть такое же переходное время, въ которое природа творитъ каждую минуту свое дѣло, какъ это было за десятки, сотни тысячъ и миллионы лѣтъ. Пройдутъ года, нынѣшнія формы растительной и животной жизни смѣнятся другими, болѣе совершенными, и въ слѣдующія геологическія эпохи земля покроется иными растеніями, иными животными. Сколько вѣковъ потребуется для этого—наука не знаетъ, но она знаетъ, что такое естественный и непреложный ходъ земной жизни.

Какія же это силы, дѣйствующія и теперь, какъ они дѣйствовали за миллионы лѣтъ? Силы эти: воздухъ и вода. Какъ только образовалась земная кора, а воздухъ и вода приняли свою капельную и газообразную форму, то тотчасъ же и началось ихъ вліяніе на землю, непрекращающееся до нынѣ. Море начало плескаться въ голые

торчащія скалы и, вѣвѣтъ съ воздухомъ, разрушая и подмывая скалы, отрывало отъ нихъ песчинку за песчинкой и создавало то, что въ обыденной жизни зовется землей. Сколько нужно времени, чтобы море успѣло нанести столько песку и глины, чтобы выслать свое дно и образовать берега и долины наносной землей, нельзя опредѣлить, разумеется, въ точности. Разрушенія и осажденія происходили не вездѣ съ одинаковой силой и одинаковой быстротой; мѣстами являлись перерывы, мѣстами остановка; но вода повсюду являлась разрушающимъ элементомъ и точила камень капля за каплей, отрывая отъ него песчинки и размывая то, что отъ соединенія съ воздухомъ образовывало матеріалъ, удобно разлагающійся въ водѣ. Не смотря на трудность опредѣленія эпохи осадочныхъ образованій, геологи однако рассчитали, что р. Миссисипи образуетъ во 100,000 лѣтъ осадочный слой толщиной въ 600 футовъ. Въ Англіи толщина осадочныхъ слоевъ составляетъ слишкомъ 70,000 футовъ, и если основываться на расчетѣ, принятомъ геологами для вычисленія періода образованія осадочнаго слоя Миссисипи, то почва Англіи потребовала для своего образованія не менѣе 12,000,000 лѣтъ. Но цифра эта еще мала, потому что, по мнѣнію англійскихъ геологовъ, масса осадочныхъ слоевъ Англіи представляетъ въ своемъ образованіи пробѣды.

Кому случалось наблюдать надъ дѣйствіемъ морей и рѣкъ, подмывающихъ и размывающихъ скалистые берега, для того должна быть ясна какъ сущность самаго процесса образованія осадочныхъ пластовъ, такъ и необъятное время, необходимое для превращенія твердо стоящей скалы въ туновую* форму, которая зовется землей, глиной, пескомъ. Этотъ самый процессъ продолжается повсюду и нынче; вездѣ вода дѣлаетъ то, что она дѣлала и всегда, и слѣдовательно на нашихъ глазахъ совершается то измѣненіе въ поверхности земли, которое со временемъ дастъ ей иной видъ противъ нынѣшняго. Эта медленность измѣненій, совершенно почти незамѣтная въ сравнительно кратковременную жизнь одного человѣка, порождала ту увѣренность въ неподвижность существующаго порядка на землѣ, которая, путемъ преданія, передалась теперешнему поколѣнію людей и только въ недавнее время опровергнута тщательными изслѣдованіями новѣйшихъ геологовъ. Такимъ образомъ, рѣки и моря, намывшія сотни тысячъ футовъ земли, наслоившія наносы въ долинахъ и дельтахъ, продолжаютъ то же дѣло и на нашихъ глазахъ, и будутъ продолжать его вѣчно, пока имъ будетъ что подмывать. Процессъ этотъ,

совершающийся съ едва замѣтной медленностью теперь, шелъ такъ же медленно прежде и такъ же медленно будетъ идти впередъ.

Кромѣ воздуха и воды, въ образованіи земной поверхности участвовали и органическія силы. Когда море, размывъ кристаллическія породы, выстлало свое дно разными осадками, то на этой почвѣ образовался животный и растительный міръ. И здѣсь является та же медленность и постепенность образованія, какая обнаруживается въ дѣйствіи воды. Мириады маленькихъ животныхъ боролись и борятся съ громадной силой океана, размывающаго гернокаменные породы и совершенно бессильнаго сломить дѣятельность этихъ маленькихъ существъ, работающихъ день и ночь въ теченіе милліоновъ лѣтъ. Существо это—полипъ; а работа его—коралловые рифы и острова. Постройки полиповъ древнѣйшихъ временъ послужили матеріаломъ для образованія новыхъ осадочныхъ пластовъ, которые произошли частью изъ разрушенія самихъ коралловъ, а частью изъ наносовъ, и такимъ образомъ создали древнѣйшую почву для высшихъ растительныхъ организмовъ и многіе отлогіе морскіе берега. Въ настоящее время коралловые рифы ограничиваются только экваторіальнымъ поясомъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Тихаго и Индѣйскаго океановъ развѣтвіе коралловъ такъ велико, что группы коралловыхъ рифовъ и острововъ занимаютъ пространство въ нѣсколько тысячъ кв. миль.

Не менѣе важную—если только не большую,—роль играли въ образованіи земли микроскопическія панцирные растенія и частью инфузорія. Они образовали цѣлыя горы, цѣлые пласты изъ остатковъ своихъ труповъ и скелетовъ. Эти маленькія животныя, которыхъ надо считать билліонами, чтобы наполнить пространство въ 1 куб. дюймъ, обладали такой силой размножаемости, что если бы не существовало никакихъ помѣхъ ихъ плодовитости, то, по словамъ Эренберга, потомство одного такого, невидимаго простымъ глазомъ животного могло бы въ теченіе 8 дней наполнить пространство, равное объему всего земнаго шара, а въ слѣдующій часъ—пространство вдвое большее. Этотъ выводъ мы оставляемъ на отвѣтственности Эренберга, который хотя былъ и великимъ ученымъ, но могъ, конечно, и ошибаться. Кромѣ того, подобная скорость размноженія можетъ привести читателя въ заблужденіе относительно быстроты образованія самихъ толщъ, Эренбергъ предполагалъ безпрепятственное размноженіе и полное удовлетвореніе въ пищѣ, чего никогда не бываетъ въ природѣ. Слѣдовательно, приводимая имъ быстрота размноженія есть идеальная; въ дѣйствительности же, накопленіе толщъ, а потому и разви-

тіе организмѡвъ, послужившихъ ихъ основаніемъ, шло такимъ же медленнымъ путемъ, какъ и другія отложенія, какъ оно совершается и нынче, на нашихъ глазахъ, на землѣ и въ глубинѣ моря, хотя мы этого и не замѣчаемъ.

Другое обстоятельство, пожалуй еще болѣе важное, заключается въ разрѣшеніи вопроса, откуда взялись всѣ эти организмѡы и созданныя ими толщи. Можетъ показаться, что все это составлетъ новыя образованія, явившіяся какъ бы изъ ничего. Но не такъ происходило и происходитъ дѣло въ природѣ. Земля заключаетъ въ себѣ матеріаль и силу для всего, что на ней возникаетъ и происходитъ; ни одинъ атомъ не переходитъ на нее извнѣ, изъ мірового пространства. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ земля, на ней не убавилось и не прибавилось ни одной частички, но происходила постоянно только перемѣна формы. Эта-то перемѣна формы и можетъ ввести въ заблужденіе и породить мысль объ образованіи какъ бы дополнительной матеріи, несуществовавшей прежде. Напримѣръ, выросъ огромный новый лѣсъ тамъ, гдѣ его прежде не было; пустыни покрылись хлѣбными растеніями или вмѣсто ста тысячъ людей явилось сто милліоновъ. Вся эта новая жизнь образовалась изъ элементѡвъ, существовавшихъ и раньше въ природѣ, но только въ другой формѣ. Вещества, послужившія для образованія лѣса, хлѣбныхъ растеній и людей, имѣли прежде газообразную или капельножидкую форму, или составляли твердыя тѣла. Въ формѣ питательнаго вещества и процессомъ поглощенія и дыханія они пришли въ новыя соотношенія и образовали новыя химическія соединенія, совершенно непохожія на вещества, послужившія ихъ основаніемъ. Такъ, соединеніе ртути съ сѣрой создаетъ кпноварь, неимѣющую ничего общаго ни съ ртутью ни съ сѣрой. Какъ скоро жизнь растеній и животныхъ кончается, они опять распадаются на тѣ элементы, изъ которыхъ произошли. Разумѣется, такое перемѣщеніе вещества должно имѣть вліяніе на измѣненіе поверхности земли; такъ оно и есть въ дѣйствительности: милліоны лѣтъ непрерывныхъ поглощеній и разложеній скопляются наконецъ въ видѣ новыхъ слоевъ земли; но эти новые слои больше ничего, какъ старое вещество, занимавшее прежде въ иной формѣ иное мѣсто. Этотъ же процессъ повторялся въ жизни инфузорій, микроскопическихъ растеній и полевыхъ. Полевыя, напримѣръ, поглощаютъ изъ воды совершенно незримые атомы углекислой извести и выдѣляютъ ее изъ себя въ формѣ коралла. Известь эта была въ другой формѣ,

въ другомъ мѣстѣ, но, размытая и поглощенная водою, она была унесена въ море и тамъ послужила матеріаломъ новому образованію. Такимъ образомъ, и здѣсь вода является такимъ же агентомъ разрушенія и созиданія, какимъ является она въ наносахъ, произведенныхъ ея исключительной дѣятельностью. Вездѣ и всюду вода, вмѣстѣ съ воздухомъ, проникаетъ въ землю; вездѣ она растворяетъ, разлагаетъ или раздробляетъ твердыя тѣла и переноситъ ихъ изъ одного мѣста въ другое. Такой непрерывной работой вода сглаживаетъ земныя неровности, смываетъ возвышенія и выполняетъ пустоты и углубленія. Подобный процессъ сглаживанія, продолжающійся день и ночь, изъ года въ годъ, въ теченіи неизмѣримаго пространства времени, долженъ бы кончиться тѣмъ, что вода наконецъ смочетъ всё возвышенія и выполнитъ углубленія и затѣмъ зальетъ всю землю. Но въ этомъ случаѣ водѣ противодѣйствуетъ другая сила—вулканизмъ: вода смываетъ и сглаживаетъ всё неровности, а вулканизмъ, напротивъ, ихъ возстановляетъ, выдвигая горы и поднимаемая цѣлые матеріки.

Съ самаго начала образованія твердой коры земли и до нашихъ дней вулканизмъ продолжаетъ свою работу, производя то повышеніе, то пониженіе материковъ. И эта работа совершается такъ же медленно и постепенно, какъ размывающій и осаждающій трудъ воды. Я приведу нѣсколько примѣровъ поднятій и пониженій, происходившихъ въ историческія времена и мѣстами продолжающихся теперь. Такъ называемыя Клеопатровы бани, т. е. гробницы близъ Александріи (въ Египтѣ), заливаются теперь волнами Средиземнаго моря, но, разумѣется, они были построены выше морского уровня, слѣдовательно, мѣстность опустилась. Нѣсколько разрушенныхъ городовъ покрыты теперь водою озера Мензале, чего, разумѣется, не было прежде. Въ торфяникахъ близъ Аббевиля (во Франціи) нашли на днѣ стоящія стволы ольхи, ивы и орѣшника. Если бы снять слой торфа, лежащій надъ ними, то море проникло бы въ страну и залило бы ее на нѣсколько пядей. А какъ ольха и орѣшникъ не могли, разумѣется, расти подъ морской водою, то очевидно, что долина эта опустилась. Въ Гренландіи весь берегъ отъ 60° до 70° с. ш. опускается постоянно въ продолженіи послѣднихъ четырехъ столѣтій, такъ что древнія сваи, вбитыя въ берегъ для привязыванія лодокъ, погрузились постепенно, и приходилось переносить нѣсколько разъ отъ берега деревянныя постройки. Близъ Неаполя, по сѣверо-восточному берегу Байской бухты, произошло довольно, вначительное поднятіе

земли (до 25 футовъ), и есть положительныя доказательства, что поднятіе это совершилось послѣ начала шестнадцатаго вѣка. Береговыя пространства Чили и Перу также доказываютъ, что прежнее морское дно, поднялось на 85 футовъ, и по найденнымъ въ землѣ остаткамъ, заключаютъ, что поднятіе это совершалось съ тѣхъ поръ, какъ страна была заселена впервые перувианскимъ племенемъ. Восточный берегъ Швеціи, по новѣйшимъ наблюденіямъ, поднимается постепенно надъ уровнемъ Финскаго залива, и по измѣреніямъ оказалось, что окрестности Стокгольма повышаются въ столѣтіе на 1 футъ. Подобное же, но прекратившееся возвышеніе происходило и въ западной части Швеціи, гдѣ морскія отложенія являются на высотѣ 600 футовъ. Слѣдовательно, если принять, что и здѣсь возвышеніе совершалось по 1 футу въ столѣтіе, то для поднятія берега или мѣстности на высоту 600 футовъ потребовалось 60,000 лѣтъ. Наконецъ, послѣдній фактъ: островъ Критъ въ западной своей оконечности поднялся на 25 футовъ, а восточная его часть понизилась до того, что развалины древнихъ городовъ находятся теперь подъ водою.

Всѣ эти наблюденія, разумѣется, нельзя считать достаточными для составленія полной картины постепенныхъ пониженій и повышеній материковъ, какъ въ прежнія времена, такъ и нынче; очень можетъ быть, что и многія другія страны повышаются или понижаются теперь, но въ такой слабой степени, что измѣненіе въ ихъ уровни не можетъ быть замѣчено въ короткій срокъ человеческой жизни. Изъ наблюденій, сдѣланныхъ въ Швеціи, видно, что годичное повышеніе этой страны составляетъ $1\frac{1}{5}$ линіи въ годъ: понятно, что такое незначительное измѣненіе уровня можетъ быть замѣчено только чрезъ довольно значительныя промежутки времени, а слѣдовательно, и нынѣ живущія, и послѣдующія поколѣнія людей могутъ жить съ спокойной увѣренностью въ стойкость земли и ея неподвижность, какъ если бы она и дѣйствительно лежала на трехъ китахъ. Между тѣмъ, эти незначительныя повышенія или пониженія, не продолжавшіяся постоянно десятки и сотни тысячъ лѣтъ, измѣняли нѣсколько разъ совершенно географію земли. Такъ, было время, когда пустыня Сахара представляла морской бассейнъ, когда Сѣверная Америка составляла одинъ материкъ съ Африкой, Азорскими островами и Португаліей, и когда, слѣдовательно, можно было совершать путешествіе въ Америку иѣнкомъ. Время это въ климатическомъ отношеніи было болѣе печально для Европы, чѣмъ наше, потому что Гольфстремъ имѣлъ другое направленіе и на согрѣвалъ сѣвера Европы,

и потому климатъ былъ суровѣе и распространеніе ледниковъ и накопленіе льда было такъ велико, что геологи назвали это время ледянымъ періодомъ. Изъ этого не слѣдуетъ однакожъ, чтобы вся земля была покрыта сплошнымъ льдомъ, какъ это думали нѣкоторые; льду было только больше, чѣмъ нынче, т. е. ледники были глубже и ледъ заходилъ дальше въ долины. Въ Европѣ было тогда холоднѣе, но зато въ Сѣверной Америкѣ теплѣе, чѣмъ нынче, потому что Гольфстремъ направлялъ свое теченіе туда. Въ это время сѣверная Европа была погружена вся въ воду, за исключеніемъ самыхъ большихъ горныхъ возвышенностей Англіи, Швеціи и Финляндіи. За этимъ періодомъ наступила пора постепеннаго возвышенія материковъ; Англія и Франція соединились въ одну страну, большая часть Сѣвернаго моря превратилась въ сушу, и сѣверъ Европы выступилъ изъ морской глубины. Послѣ этого явилось опять погруженіе, и Англія отдѣлилась отъ Франціи снова проливомъ.—Теперь мы переживаемъ вновь періодъ возвышенія сѣверо-запада Европы, и есть нѣкоторое основаніе предполагать, что лѣтъ тысячь черезъ двѣсти Англія и Франція соединятся снова.

Изъ этихъ указаній читатель видитъ, что на землѣ не существовало никогда повсемѣстныхъ погруженій въ воду; погружалась то одна, то другая часть; за погруженіемъ слѣдовало повышеніе, и все это дѣлалось такъ медленно и спокойно, что ни людямъ, другому растительному и животному міру не предстояло никогда опасности какихъ нибудь внезапныхъ катастрофъ, уничтожавшихъ мгновенно всякую жизнь. Случаи болѣе быстрыхъ возвышеній, когда земля поднималась сразу на нѣсколько футовъ или когда образовывались мгновенные провалы, или когда изверженія огнедышущихъ горъ засыпали цѣлыя мѣстности, какъ это случилось напр. съ Геркуланумомъ, составляютъ самыя рѣдкія исключенія, повторяющіяся, можетъ быть, разъ въ нѣсколько столѣтій и необнимавшія никогда значительныхъ пространствъ. Общимъ же неизмѣннымъ правиломъ остается тотъ медленный процессъ, по которому изо дня въ день, изъ года въ годъ, изъ тысячелѣтія въ тысячелѣтіе, вода въ видѣ дождя, источниковъ, рѣкъ и морей разрушаетъ по песчинкѣ твердыя породы и сноситъ ихъ въ долины, а съ другой стороны—вулканизмъ, съ тою же медленностью, поднимаетъ или опускаетъ материкъ; такъ было прежде, такъ дѣлается и на нашихъ глазахъ, такъ будетъ дѣлаться и впередъ.—Читателю, можетъ быть, покажется, что я повторяю слишкомъ часто одну и ту же мысль; но я дѣлаю это нарочно, потому что не

убѣжденъ, что мнѣ удалось обратить достаточно его вниманіе на ту медленность и постепенность геологическихъ процессовъ, которые лежатъ въ основѣ всѣхъ измѣненій земной поверхности и во всей жизни ея растительнаго и животнаго міра.

II.

Задолго до древнѣйшаго, баснословнаго періода исторіи, когда существовали еще многія, нынѣ вымершія породы животныхъ, какъ то: мамонтъ, носорогъ, пещерный левъ, пещерный медвѣдь и другія, — человѣкъ уже былъ обитателемъ земли. По тѣмъ открытіямъ, которыя сдѣланы до настоящаго времени, древность человѣка на землѣ можно считать, по крайней мѣрѣ, во 100,000 лѣтъ. Но это еще не доказываетъ, чтобы человѣкъ не могъ жить ранѣе. Заключение о присутствіи человѣка или извѣстныхъ какъхънибудь животныхъ въ тотъ или другой періодъ земной жизни можно составить только по ихъ остаткамъ; сохраненіе же остатковъ составляло и въ прежнія времена такую же трудность, какую оно представляетъ нынче. Какъ только организмъ перестаетъ существовать и теряетъ способность противодѣйствовать разлагающему вліянію влажности, воздуха и теплоты, то сейчасъ же наступаетъ процессъ разложенія или гніенія. На открытыхъ мѣстахъ всякое мертвое органическое тѣло истлѣваетъ въ самый короткій срокъ; только твердыя части, какъ кости, противятся еще нѣсколько долѣе разрушающей силѣ воздуха, теплоты и влажности, да и тѣ не могутъ сохраниться долго. Извѣстно, что мѣстности, которыя на памяти достовѣрной исторіи были покрыты густымъ населеніемъ, когда довольно высокая куятура создала уже много памятниковъ человѣческой изобрѣтательности, не сохранили почти никакихъ слѣдовъ присутствія человѣка въ этихъ мѣстахъ. Нѣсколько жалкихъ монетъ, кирпичей или осколковъ каменной посуды, вотъ все, что оставили милліоны людей, жившіе въ мѣстности, можетъ быть, цѣлый рядъ вѣковъ. Когда голландское правительство рѣшилось осушить Гарлемское озеро, то антикваріи, слѣдившіе за работою выкачиванія воды съ начала и до конца всей операціи, остались весьма недовольны своею ученою поживой, потому что нашли только два погибшихъ испанскихъ судна и оружіе того времени. А между тѣмъ, извѣстно, что берега Гарлемскаго озера были заселены въ теченіи многихъ вѣковъ наро-

домъ, достигшимъ довольно высокой культуры, народомъ промышленнымъ и производительнымъ; на водахъ озера происходило много кораблекрушений, морскихъ битвъ, въ волнахъ его погибло множество людей; куда же дѣлись всё ихъ остатки? Очень просто — разрушились или были поѣдены рыбами и другими животными. Поэтому на сохраненіе остатковъ человѣка, т. е. его костей или произведеній, нужно смотрѣть, какъ на случайность, явившуюся вслѣдствіе какихъ нибудь особенно благоприятныхъ обстоятельствъ. Случайности эти, разумѣется, не могли представляться часто, и потому понятно, что ископаемые остатки человѣка должны попадаться весьма рѣдко. Чтобы кости животныхъ и людей могли сохраниться, нужно, чтобы они были занесены въ весьма короткое время слоемъ такой земли, которая бы помѣшала ихъ разложенію. На равнинахъ и возвышенныхъ мѣстахъ это могло случиться съ великимъ трудомъ; слѣдовательно, нужна была помощь воды, т. е. рѣки или потока, которые бы занесли остатки въ мѣста удобныя для ихъ сохраненія и закрыли бы ихъ слоемъ земли. Подобные случаи и бывали дѣйствительно. Водяные потоки заносили кости многихъ животныхъ въ трещины или пустоты земли и закрывали ихъ тамъ или слоемъ ила, или же пустоты наполнялись известковыми капельниками. Въ такихъ пещерахъ и находятъ обыкновенно ископаемыхъ животныхъ. Виды эти большею частью уже несуществующіе нынче, и какъ кости ихъ, намытые и перемѣшанные большею частью вмѣстѣ, находили въ пещерахъ, то и животныхъ называли пещерными. Но къ случайности сохраненія, составляющей исключеніе изъ общаго мірового порядка, присоединяется еще случайность и самаго открытія подобныхъ остатковъ. Мѣсть, сохранившихъ ихъ, не должно быть много; отыскивать ихъ съ корзинкой или лопаткой совершенно невозможно, а потому приходится ожидать тѣхъ случаевъ, когда долбленія земли для какихъ нибудь особенныхъ цѣлей, какъ напр. ломка камня, проведеніе дорогъ, рытье колодезевъ, обвалы береговъ и т. п., натолкнутъ людей совершенно неожиданно на подобную находку. Случай эти, разумѣется, рѣдки, а потому рѣдки и самыя открытія. Всё эти обстоятельства, взятые вмѣстѣ, объясняютъ, почему ископаемые остатки человѣка такъ незначительны; разумѣется, для составленія заключенія о томъ, что человѣкъ жилъ на землѣ далеко ранѣе баснословнаго періода, совершенно достаточно и этихъ незначительныхъ остатковъ; но одного такого заключенія еще недостаточно, являются новые вопросы — какой это былъ человѣкъ, чѣмъ отличался онъ отъ

выпѣ живущаго, какое мѣсто принадлежать ему въ постепенномъ развитіи формы? вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, является убѣжденіе, что на основаніи ископаемыхъ остатковъ, найденныхъ до сихъ поръ, никакъ нельзя утверждать, чтобы не нашлись кости человѣка болѣе древняго, тѣмъ болѣе, что вопросъ этотъ явился въ наукѣ только въ самое послѣднее время. Нужно полагать, что съ увеличеніемъ числа людей, занимающихся этимъ вопросомъ, увеличится и число открытій; а слѣдовательно, явятся отвѣты и на такіе вопросы, которые до сихъ поръ остаются еще неразрѣшенными.

Первое открытіе, указывающее на древность человѣка на землѣ, было сдѣлано еще въ 1715 году. Въ лондонскомъ гравіѣ было найдено, вмѣстѣ съ слоновымъ зубомъ, кремневое орудіе копьеобразной формы. Оно хранится теперь въ британскомъ музеумѣ. Достоверность этого открытія подтверждается тѣмъ, что въ гравіѣ, на которомъ стоитъ Лондонъ, найдено было впоследствии много костей слона, носорога и гиппопотама. На находку кремневаго орудія не обратили однако тогда вниманія и скоро о ней забыли. Точно также не посчастливилось и многимъ другимъ открытіямъ, сдѣланнымъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Какъ чедовѣрчиво принимались подобныя открытія учеными, нежелавшими разстаться съ старымъ убѣжденіемъ, что человѣкъ явился на землѣ только въ современную намъ геологическую эпоху, можетъ служить примѣромъ открытіе археолога Буше-де-Пертеса. Убѣжденный въ томъ, что древность человѣка гораздо значительнѣе той, какую ей приписываютъ, и что въ прежнихъ геологическихъ наслоеніяхъ непременно должны найдти слѣды ископаемаго человѣка, Буше-де-Пертесъ тщательно изслѣдовалъ наносы послѣднихъ образованій и наконецъ въ каменоломняхъ долины рѣки Соммы, близъ Амьена, ему удалось найдти кремневые топоры, ножи, копья. Подобныя же открытія были сдѣланы потомъ въ Англіи и признаны англійскими геологами за несомнѣнные человѣческія произведенія, современные многимъ угасшимъ млекопитающимъ. Изъ всего этого стало ясно, что человѣкъ жилъ въ одно время съ мамонтомъ; съ 1858 года никто изъ ученыхъ не сомнѣвается болѣе въ правильности этого заключенія. — Обратимся однако къ фактамъ.

Въ Даніи въ торфяныхъ болотахъ, въ береговыхъ дюгахъ и въ кучахъ раковинъ, насыпанныхъ небольшими холмиками вдоль восточныхъ береговъ датскихъ острововъ, найдено значительное количество разныхъ орудій изъ камня, рога, бронзы и желѣза. При изслѣ-

дованіи торфяниковъ okazaдось, что въ нихъ погребены три совершенно разнохарактерныя растительности.

Въ нижнихъ слояхъ, какъ въ самихъ болотахъ, такъ и по краямъ ихъ, найдены стволы обыкновенной сосны, достигающіе 3 футовъ въ діаметръ. Эти могущіе сосновые лѣса смѣнились потомъ дубомъ, стволы котораго сохранились въ болѣе высокихъ слояхъ болота; наконецъ, въ настоящее время дубъ замѣнился въ Даніи вездѣ букомъ. Въ отдаленный періодъ сосновыхъ лѣсовъ Данія уже была обитаема человѣкомъ, потому что подъ сосновыми деревьями были найдены каменные орудія. Этому же времени соответствуютъ и остатки, найденные въ кучахъ раковинъ. Какъ далеко отстоятъ отъ насъ это время—сказать опредѣлительно нельзя, несомнѣнно только то, что оно заходитъ далеко за предѣлы преданія, потому что во времена римлянъ Данія, какъ и нынче, была покрыта буковыми лѣсами. Датскіе геологи полагаютъ, что минимумъ разстоянія этого періода отъ нашего времени составляетъ 4000 лѣтъ, но Лайбелль замѣчаетъ совершенно справедливо, что наблюденія относительно скорости нарастанія торфа не позволяютъ принять это число вѣковъ вчетверо больше.

Въ эпоху развитія дубовыхъ лѣсовъ въ Даніи жила уже другая племена. Каменные орудія смѣняются издѣліями изъ бронзы; люди уже болѣе искусны, въ войнѣ и занимаются ею, какъ видно, съ любовью и довольно специально, потому что готовятъ себѣ мечи, сабли и щиты изъ этого металла. «Бронзовый періодъ» предполагаетъ въ людяхъ гораздо большее развитіе, и такія познанія, какими не владѣли люди каменнаго періода. Это видно прежде всего изъ самого приготовления бронзы. Морло указываетъ на это обстоятельство, какъ на весьма сильное доказательство довольно высокаго развитія искусства, ибо бронза есть сплавъ девяти частей мѣди съ одною частью олова и требуетъ смѣси чистыхъ металловъ. Мѣдь хотя и попадаетъ довольно часто въ чистомъ состоянціи, но олово, напротивъ, весьма рѣдко. Следовательно, нужно было умѣть открыть руду, извлечь изъ нея чистый металл и наконецъ приготовить сплавъ. Очевидно, что прежде чѣмъ люди дошли до такого развитія, имъ пришлось перенести весьма много вѣковъ, и переходъ отъ каменнаго вѣка къ бронзовому дался имъ, разумѣется, не легко. Постепенность этого перехода можно прослѣдить на качествѣ издѣлій, которыя въ началѣ были только простымъ повтореніемъ издѣлій каменнаго вѣка, и только въ концѣ бронзоваго періода достигаютъ уже болѣе гнѣшей отъ дѣлки.—На каменныхъ остаткахъ этого времени видно, что всѣ

жизнь достигла далеко высшаго развитія сравнительно съ простымъ, дикимъ бытомъ людей каменнаго періода. Между остатками попадаются кости домашняго быка, лошади и барана; собаки гораздо больше, чѣмъ въ каменный періодъ. Очевидно, что простое звѣроловство сѣнилось уже второй формой экономическаго быта. Судя по черепахѣ, и развитіе умственныхъ способностей людей этого вѣка было далеко выше періода предыдущаго. Черепа людей каменной эпохи были малы, довольно круглы и съ сильно выдающимися надбровными выпуклостями; у людей же бронзоваго періода форма головы гораздо совершеннѣе—черепа ихъ больше и продолговатѣе.

Люди, поселившіеся въ буковыхъ лѣсахъ, были развитѣе людей бронзоваго періода. Приготовление желѣза гораздо труднѣе приготовленія бронзы. Желѣзо въ природѣ не бываетъ никогда чистымъ и выдѣленіе его изъ руды требуетъ не только особенныхъ знаній, но и особенныхъ приборовъ; слѣдовательно, помимо техническихъ познаній, нужна была еще и изобрѣтательность. Въ остаткахъ отъ этого времени, кромѣ желѣзныхъ орудій, не найдено ничего такого, что бы опредѣляло степень особенной экономической культуры: тѣ же кости домашняго быка, лошади и барана; зеренъ хлѣбныхъ растеній не найдено, но за то собаки еще больше и развитѣе, чѣмъ въ бронзовый періодъ. Что же касается до человѣческихъ череповъ, то они имѣютъ совершенно ту же форму, какъ и черепа предыдущей эпохи.

Въ тѣ же періоды—каменный, бронзовый и желѣзный,—жизнь на югѣ Европы была развитѣе, чѣмъ на сѣверѣ. Къ такому заключенію приводятъ остатки, найденные въ Швейцаріи. Въ чрезвычайно сухую зиму 1853—54 г., сначала на Цюрихскомъ озерѣ близъ Мейлена, а потомъ и въ другихъ швейцарскихъ озерахъ, были найдены остатки строеній на сваяхъ, и между ними много разныхъ предметов домашняго быта. Это были поселенія, подобныя описаннымъ Геродотомъ. На вбитыя глубоко сваи настигалась платформа и на ней строились избушки или шалаши. Дюмонъ-Дюрвилъ нашелъ такія же жилища въ Новой Гвіанѣ, у папуасовъ Дорейскаго залива. Причину такой системы построекъ объясняютъ невозможностью защититься отъ нападеній непріятельскихъ другимъ путемъ; слѣдовательно, озерныя поселенія были своего рода крѣпости, придуманныя человекомъ въ каменный періодъ. Геродотъ рассказываетъ, что описываемыя имъ фракійскія племена, поселившіяся такимъ же образомъ на озерѣ Празинѣ, сохранили свою независимость и отбѣлились отъ Ксеркса, благо-

даря только тому, что их жилища находились на срединѣ озера. Число поселеній, найденное въ швейцарскихъ озерахъ, чрезвычайно значительно; онѣ были на озерахъ Констанскомъ, Невшатальскомъ, Женевскомъ, Цюрихскомъ и на большей части малыхъ озеръ. Одни изъ нихъ принадлежали каменному, другія бронзовому періодамъ. На Женевскомъ озерѣ насчитали ихъ болѣе 20, на Невшатальскомъ 12, и на Биенскомъ 10. Нѣкоторые изъ этихъ деревень заключали, по догадкамъ ученыхъ, до 300 деверанныхъ палашей, слѣдовательно, могли имѣть населеніе около 1000 душъ. Доле насчиталъ въ Вангенѣ, на Констанскомъ озерѣ, до 40,000 свай.

Въ наиболѣе древнихъ поселеніяхъ, соответствующихъ каменному періоду, найдены предметы, сдѣланные изъ камня, рога и кости; тамъ же найдены топоры и елинья изъ нефрита, котораго нѣтъ въ Европѣ и, по мнѣнію минералоговъ, онъ былъ завезенъ съ востока; найдены также янтарь. Въ другихъ озерныхъ поселеніяхъ того же періода открыты амбевиковые и діоритовые топоры и острія стрѣлъ изъ кварца; остатки какой-то ткани изъ плетенаго льна, куски обугленныхъ стеблей пшеницы, зерна пшеницы, ячменя, нѣсколько круглыхъ булокъ, полныя колосья ячменя, встрѣчающагося въ египетскихъ муміяхъ, небольшія яблони и груши, косточки дикихъ сливъ, зерна малины, ежевики, буковые и другіе орѣхи. Все это найдено въ землѣ между сваями. Изъ костей животныхъ открыли — медвѣдя, барсука, куницу, хорька, горностая, волка, лисицу, дикую кошку, ежа, бѣлку, полевую мышъ, зайца, бобра, свинью, казулю, лося, зубра, дикаго быка. Изъ домашнихъ животныхъ: нѣсколько породъ домашняго скота, барана, козу, свинью, собаку, лошадь, осла. Всѣ большія кости большихъ животныхъ расколоты, такъ что очевидно, это дѣлалось для извлеченія изъ нихъ мозга. Подобнымъ же образомъ расколоты кости, находившыя и въ датскихъ торфяныхъ кучахъ. Изъ сравненія найденныхъ костей заключаютъ, что въ каменный періодъ было въ болѣешемъ употребленіи мясо дикихъ, чѣмъ домашнихъ животныхъ; между прочимъ, оказывается, что тогда ѣли лисицу, а зайца нѣтъ, т. е. вкусъ былъ совершенно противоположный нынѣшнему. Костей человѣка найдено очень мало и только одинъ черепъ. По наружному виду онъ подходит къ существующему нынѣ среднему типу, слѣдовательно, непохожъ на круглую форму череповъ изъ датскихъ торфяниковъ. Разумѣется, по одному черепу нельзя вывести никакихъ точныхъ заключеній; тѣмъ не менѣе, по всѣмъ остальнымъ остаткамъ можно догадываться, что каменный періодъ Швей-

царинъ стоитъ много выше въ развитіи жизни населенія противъ людей той же эпохи, жившихъ въ Даніи. Тамъ нѣтъ слѣдовъ ни хлѣбныхъ растений, ни домашнихъ животныхъ; здѣсь же не только найдены доказательства нѣкоторой земледѣльческой культуры и болѣе развитаго пастушескаго быта, но и болѣе высокая степень искусствъ. Этому, разумѣется, не слѣдуетъ удивляться, потому что и въ наше время мы видимъ, что два даже смежныхъ народа могутъ находиться на разной степени цивилизаціи. Но хотя жители озерныхъ поселеній въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и выше своихъ датскихъ современниковъ, но въ общемъ характеръ культуры тѣ и другіе принадлежатъ все-таки одному каменному періоду.

Теперь мы перейдемъ къ открытіямъ, доказывающимъ еще большую древность человѣка, именно — одновременное существованіе его съ мамонтамиъ.

Д-ръ Шмерлингъ, изъ Льежа, болѣе 30 лѣтъ назадъ, изслѣдовалъ сорокъ пещеръ, находящихся въ долинѣ Мааса и, вмѣстѣ съ костями пещернаго медвѣдя, слона и носорога, принадлежавшими къ угасшимъ видамъ, нашелъ и кости человѣка. Въ числѣ человѣческихъ остатковъ попадались чаще другихъ отдѣльные зубы и кости, отдѣленные отъ прочихъ частей скелета. Ни скелеты животныхъ, ни человѣка не попадались въ полномъ составѣ, но обыкновенно въ довольно странномъ численномъ отношеніи частей. Такъ, въ Энгисовой пещерѣ найдено нѣсколько череповъ и весьма малое, относительно, число другихъ костей скелета; а въ пещерѣ Энгигуль, напротивъ, множество мелкихъ костей и только два маленькихъ обломка черепа. Подобное же отношеніе замѣчено и въ остаткахъ пещернаго медвѣдя.

Въ пещерѣ Энгисъ Шмерлингъ нашелъ кости, по крайней мѣрѣ, трехъ человѣкъ. Черепъ одного, молодого, лежалъ рядомъ съ зубомъ мамонта и сохранился вполне, но былъ такъ ломокъ, что при выкапываніи разсыпался. Другой черепъ, взрослогаго человѣка, удалось сохранить достаточно. Этотъ черепъ былъ найденъ въ одномъ слои съ зубомъ носорога, нѣсколькими костями лошади, сѣвернаго оленя и нѣкоторыхъ жвачныхъ животныхъ. Кости человѣка встрѣчались въ пещерахъ вообще на разныхъ глубинахъ, иногда выше, а иногда ниже костей слона, медвѣдя, носорога, плены. Вмѣстѣ съ костями найдено нѣсколько и краевыхъ ножей.

На этихъ фактахъ Шмерлингъ основалъ выводъ, что въ окрестностяхъ Льежа человѣкъ жилъ одновременно съ пещернымъ медвѣдемъ и другими угасшими животными. Но много пужно было времени

на то, чтобы выводъ этотъ признали правильнымъ даже первоклассныя свѣтила ученаго міра. Чарльзь Лайелль, видѣвшій коллекцію Шмерлинга еще въ 1833 г., усомнился въ предполагаемой древности ископаемыхъ остатковъ и не обратилъ вниманія на доказательства, собранныя уже тогда Шмерлингомъ. Лайелль отнесся къ открытію совершенно равнодушно и приводитъ въ свое оправданіе слѣдующее: «...я могу сказать, что открытіе, прямо противорѣчащее всей совокупности предыдущихъ изслѣдованій, обыкновенно принимается съ большимъ недоувѣріемъ. Слѣдовать для повѣрки шагъ за шагомъ за каждымъ наблюденіемъ и доказательствомъ бельгійскаго ученаго было въ 1832 году крайне трудною задачею даже для хорошаго геолога и остеолога. Опускаться, подобно Шмерлингу, день за днемъ, съ помощью веревки, привязанной къ дереву, ко входу перваго отверстія въ пещеру Энгисъ, гдѣ найдены наиболѣе сохранившіеся человѣческіе черепа и, проникнувъ такимъ образомъ въ первую подземную галлерею, проползати далѣе на четверенькахъ сквозь узкій проходъ, ведущій въ болѣе обширныя камеры, наблюдая тамъ, при свѣтѣ факеловъ, недѣля за недѣлей и годъ за годомъ, надъ рабочими, разламывающими твердую, какъ мраморъ, сталактитовую кору, чтобы по кускамъ извлечь изъ подъ нея почти столь же твердую костяную брекцію; стоять цѣлые часы въ грязи, подъ капающею со стѣны водою, чтобы намѣтить положеніе и предупредить потерю малѣйшей отдѣльной косточки, и подъ конецъ всего, употребивъ столько времени, усилій и энергіи для исполненія столь многоаго, увидѣть въо-слѣдствіи, какъ плодъ всѣхъ трудовъ, дурно принятое сочиненіе, противорѣчащее предразсудкамъ ученой и неученой публики; принявъ все это во вниманіе, едва ли можно удивляться не только тому, что проѣзжающій путешественникъ не остановился для провѣрки этихъ фактовъ, но и тому, что профессора льежскаго университета, живя богъ о богъ, дали пройти четверти столѣтія, не принявъ на себя защиты вѣрности доказательствъ ихъ неутомимаго и геніальнаго соотечественника». Однимъ словомъ, и тутъ повторилось то же, что случилось со всѣми выходящими изъ ряду открытіями, если онѣ слишкомъ рѣзко противорѣчили рутинѣ и укоренившемуся предразсудку. За то тѣмъ усерднѣй взялись ученые за этотъ вопросъ въ настоящее время, и тотъ же Лайелль написалъ для публики популярное сочиненіе о древности человѣка.

Древность человѣческихъ костей, найденныхъ въ пещерахъ Льежа, доказывається, во-первыхъ, исчезновеніемъ столькихъ видовъ хищныхъ

и травоядныхъ животныхъ. Это не могло совершиться въ короткій промежутокъ времени и, какъ извѣстно, случилось до эпохи образованія датскаго торфа и швейцарскихъ озерныхъ жилищъ. Во-вторыхъ, значительными перемѣнами въ физической географіи окрестностей Льежа. Пещеры, въ которыхъ найдены кости, находятся на вертикальныхъ обрывахъ, часто въ 200 и болѣе футовъ надъ уровнемъ потока. Между отверстіями пещеръ, расположенныхъ на противоположныхъ сторонахъ долинъ, есть соотвѣтственность; такъ что очевидно, что до образованія нынѣшней долины Мааса, пещеры составляли непрерывный рядъ пустотъ, соединенныхъ подземными каналами. Сколько же нужно было времени, чтобы размыть плотную и крѣпкую землю и образовать долину Мааса съ ея боковыми вѣтвями? «На это можно возразить, замѣчаетъ Ляйелль, что, судя по настоящему ходу измѣненій, никакого числа лѣтъ не хватило бы для произведенія подобныхъ превращеній въ физической географіи страны; оно, можетъ быть, и такъ, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что скорость этихъ измѣненій была прежде гораздо быстрѣе.» Очевидно, что продолжительность періода, отдѣляющаго насъ отъ людей, оставившихъ свои кости въ пещерахъ Льежа, обнимаетъ громадное время, для опредѣленія котораго, даже нѣсколько приблизительными цифрами, мы имѣемъ весьма слабую возможность; такъ что въ такой же степени будетъ безошибочно сказать, что этимъ костямъ болѣе 100,000 лѣтъ, какъ и болѣе 300,000 лѣтъ. Для геолога такія численныя величины, разумѣется, ничего не значатъ, ему важно знать ту эпоху, къ которой относится извѣстная геологическая находка, и если ему сказать, что какой нибудь остовъ принадлежитъ постъ-плиоценовымъ пластамъ, то геологъ знаетъ, что для нагляднаго представленія продолжительности эпохи у него пѣтъ масштаба. Но обыкновенные читатели бывають нѣсколько требовательнѣе, и хотя какое человѣческое воображеніе не въ состояніи представить себѣ разницу между 100,000 и 300,000 лѣтъ; но человѣкъ съ положительнымъ складомъ ума считаетъ себя удовлетвореннымъ только въ томъ случаѣ, когда ему доложить, что вотъ этой косточкѣ 100 т. лѣтъ, а этой 200 или 300, т. е. это называется быть основательнымъ.

Въ 1857 году, въ пещерѣ близъ Дюссельдорфа, въ долинѣ Неандерталь, пашли еще человѣческой скелеть. Пещера находится на склонѣ ущелья долины и соединяется съ поверхностью земли расщелиной, засыпанной грязью и камнями; черезъ эту расщелину, какъ думаютъ, и было занесено въ пещеру человѣческое тѣло. Въ изѣ,

гдѣ нашли человѣческія кости, былъ найденъ также медвѣдь. Полагаютъ, что скелетъ человѣка былъ полный, но что рабочие раскидали и затеряли значительную часть костей. О значительной древности этого скелета заключаютъ по тому, что кости его потеряли много органическихъ частицъ и прилипаютъ въ языку. Это признакъ всѣхъ ископаемыхъ костей одного періода съ мамонтомъ, следовательно, и древность неандертальскаго скелета должна быть одинакова съ древностью находокъ Шмерлинга. Но скелетъ неандертальскій, кромѣ своей древности, замѣчательнъ еще по особенному устройству черепа, такъ что многіе вѣдущіе ученые, собравшіеся въ Боннѣ въ 1857 году, выразили сомнѣніе въ томъ, чтобы эти кости принадлежали человѣку. Это мнѣніе, однако, опровергнуто, и теперь никто не сомнѣвается въ томъ, что это былъ дѣйствительно скелетъ человѣка, но человѣка съ весьма слабо развитымъ мозгомъ и необыкновенно развитымъ туловищемъ.

Но самое любопытное открытіе было сдѣлано, конечно, въ Оряньякѣ, недалеко отъ подошвы Пиреней. Рабочій, чинившій дорогу, замѣтилъ, что кролики, преслѣдуемые охотниками, прячутся въ нору, вырытую у подошвы одного холма. Рабочему вздумалось освидѣтельствовать нору: онъ просунулъ туда руку и, въ крайнему своему удивленію, вытащилъ длинную кость. Рабочій началъ копать и черезъ нѣсколько часовъ работы наткнулся на обломокъ скалы. Сдвинувъ его, онъ увидѣлъ пещеру до 8 футовъ вышины, 20 фут. ширины и 7 глубины. Вся пещера была наполнена костями, между которыми рабочій различилъ два человѣческихъ черепа. Это интересное открытіе, разумѣется, огласилось и привлекло толпы любопытныхъ; узнавъ о находкѣ и мѣстный меръ, д-ръ Амьель, и въ качествѣ блюстителя общественнаго порядка распорядился предать кости христіанскому погребенію на приходскомъ кладбищѣ. Черезъ восемь лѣтъ посѣтилъ Оряньякъ одинъ ученый (Ларте), но деревенскій пономарь не могъ уже указать ему ямы, въ которой похоронили кости. Хорошо еще, что г. Амьель, будучи медикомъ, осмотрѣлъ и сосчиталъ кости до ихъ погребенія; оказалось 17 скелетовъ обоюго пола и различныхъ возрастовъ; были даже почти младенцы. По его же замѣчанію, судя по взрослымъ скелетамъ, племя было небольшого роста. Такимъ образомъ, благодаря остроумію Амьеля, наука лишилась навсегда одной изъ лучшихъ геологическихъ находокъ. — Пусть читатель не думаетъ, что все это случилось когда

ябудь очень давно или въ палеолитическихъ владѣніяхъ; напротивъ, дѣло происходило въ 1852 году и во Франціи.

Въ 1860 г. Ларте предпринялъ математическое изслѣдованіе слоевъ, еще нетронутыхъ, какъ въ пещерѣ, такъ и передъ ней, и оказалось вотъ что: на площадкѣ передъ пещерой найдены слои золы и древеснаго угля, толщиной въ семь дюймовъ, въ самой же пещерѣ его не было. Тутъ же найдены куски песчаника, покраснѣвшаго отъ жара; большое количество костей, кремневыхъ ножей, пращей, метательныхъ орудія, круглый, плоскій камень, съ углубленіемъ въ серединѣ, стрѣлы, разные орудія изъ рога сѣвернаго оленя и шило, сдѣланное изъ рога козули. Въ числѣ костей животныхъ оказались: пещерный медвѣдь, бурый медвѣдь, барсукъ, пещерный левъ, пещерная гіена, волкъ, мамонтъ, сибирскій носорогъ лошадь, зубръ, сѣверный олень и т. д., всѣ эти кости лежали передъ пещерой, но съ ними не было ни одной человѣческой кости; послѣднія находились только внутри грота. Кроме того, что похоронилъ Амьель, Ларте удалось найти около десяти человѣческихъ костей и коренной зубъ. Между костями, лежащими вѣжъ и внутри грота, замѣчена большая разница: первыя всѣ поломаны, обглоданы, полусъѣдены, исцарапаны; тогда какъ кости, лежащія внутри грота, совершенно цѣлы и не повреждены. Геологи полагаютъ, что пещера служила мѣстомъ погребенія, и это мнѣніе они основываютъ, между прочимъ, на томъ, что кости скелета находились въ ихъ естественномъ относительномъ расположеніи, и что пещера была заперта плитой.

Скажу еще нѣсколько словъ объ открытіяхъ Буше-де-Пертеса, имѣвшихъ такое вліяніе на поворотъ мнѣній геологовъ. Буше-де-Пертесъ нашелъ всего три или четыре обломка человѣческаго скелета, но онъ былъ счастливъ на кремневые орудія. Долина Соанны, въ тѣряникахъ который рылся де-Пертесъ, заключала въ себѣ много и другихъ остатковъ болѣе ближайшихъ эпохъ, и заслуга этого ученаго именно въ томъ, что онъ сумѣлъ отличить орудія глубокайшей древности отъ тѣхъ болѣе позднѣйшихъ каменныхъ полированныхъ орудія, которыя извѣстны подъ названіемъ «кельтскихъ топоровъ». Если читатель съ словами «каменный топоръ» и «каменный ножъ» соединяетъ представленіе о тѣхъ полированныхъ стальныхъ орудіяхъ, которыми прославились Шеффилдскія мастерскія, то мое описаніе, разумѣется, не удовлетворитъ его ожиданій. Впрочемъ изъ остроумныхъ возраженій, дѣланныхъ учеными-свенти-

нами, приписывавшими кремневыя орудія вулканизму и морозу, можно видѣть, что наружность этихъ издѣлій мало напоминала искусство человѣка. И дѣйствительно, только при большомъ навыкѣ можно отличить кремьнь, приготовленный намѣренно, отъ кремня подобной же случайной формы. Кремневыми топорами называютъ куски плоскаго кремня, величиной отъ 6 до 8 дюймовъ, имѣющіе клинообразную форму и заостренные откалываніемъ ихъ края. Ножи, наконечники стрѣлъ и копій приготовлялись совершенно тѣмъ же способомъ и отличаются отъ топоровъ своей меньшей величиной и болѣе продолговатой формой. Подобныя орудія приготовляются еще и нынѣ австралійскими дикарями, съ той однако разницей, что австралійцы обтачиваютъ кремьнь, слѣдовательно, ушли дальше по пути прогресса, чѣмъ ископаемые обитатели Соммы, достигавшіе той же цѣли простымъ откалываніемъ. Кроме того, австралійскія орудія заостриваются только съ одного конца.—Въ числѣ доказательствъ несомнѣнной подлинности амьенскихъ орудій, Ляйель приводитъ, между прочимъ, мнѣніе профессора Рэмсея, какъ лучшаго авторитета въ этомъ дѣлѣ: «впродолженіи болѣе нежели двадцати лѣтъ, говорить Рэмсей, подобно другимъ работникамъ по этому же предмету, я ежедневно имѣлъ въ рукахъ камни, обдѣланные природными вліяніями или рукою человѣка, и кремневыя топоры Амьена и Аббевиля кажутся мнѣ такими же несомнѣнными искусственными предметами, какъ наши нынѣшніе шеффилдскіе ножи». Но если читатель не желаетъ знать мнѣній авторитетовъ, а хочетъ составить собственное заключеніе, то пусть онъ обратитъ вниманіе на то, что кремневыхъ инструментовъ нашли далеко болѣе тысячи и что всѣ они отличались однообразіемъ внѣшняго вида, одноформенной правильностью очертанія и одной системой заострѣнія. Все это нельзя объяснить ничѣмъ другимъ, какъ искусственнымъ ихъ приготовленіемъ. Были скептики, которые сомнѣвались, чтобы можно было обить кремьнь такимъ образомъ безъ помощи металлическаго молотка. Но Ивэнсъ убѣдилъ ихъ, что это возможно: кускомъ круглaго камня, насаженнаго на рукоятку, онъ приготовилъ совершенно подобныя же овальныя орудія. Однимъ словомъ, ученые авторитеты признали, что кремневыя орудія, найденныя Буше-де-Пертесомъ, приготовлены дѣйствительно человекомъ и что человекъ этотъ жилъ вмѣстѣ съ мамонтами, пещерными медвѣдями и другими угасшими видами животныхъ въ очень отдаленную отъ насъ эпоху, далеко заходящую за предѣлы преданія и баснословныхъ временъ.

Здѣсь я привелъ главнѣйшіе факты по излагаемому мною вопросу; но есть много и другихъ подобныхъ же открытій, сдѣланныхъ въ Англіи, во Франціи, въ Италіи, въ Египтѣ и въ Америкѣ. Перечислять ихъ я не считаю необходимымъ, потому что они не прибавляютъ ничего къ общему понятію о значительной древности человѣческаго рода. Мое дѣло только въ томъ, чтобы обратить вниманіе читателя на эти вопросы, и если онъ заинтересуется ими и захочетъ изучить ихъ подробнѣе, то въ концѣ статьи найдетъ имена авторовъ, которыми я пользовался, и которые, конечно, удовлетворятъ его любознательство несравненно всестороннѣе, чѣмъ моя статья.

III.

Чтобы усвоить себѣ вполнѣ теорію прогрессивнаго развитія, разработанную въ послѣднее время Дарвиномъ совершенно на иныхъ началахъ, чѣмъ у предшественниковъ его, нужно составить себѣ вполнѣ ясное понятіе о томъ, какое могущественное вліяніе обнаруживаетъ время, когда въ немъ повторяется неизмѣнно, не остававшаяся ни на одну минуту, въ теченіе многихъ вѣковъ, одинъ и тотъ же процессъ. Мы видимъ уже, какіе явились поразительные результаты вслѣдствіе вѣкового дѣйствія воды, подтачивавшей по песчинкѣ первозданныя скалы и создавшей наконецъ громадныя толщи наносовъ; мы видѣли уже, какія происходятъ перемѣны въ физической географіи земли, когда цѣлыя матеріи, опускаясь или поднимаясь въ годъ всего на одну линію, продолжаютъ этотъ процессъ безостановочно въ теченіе цѣлаго ряда тысячелѣтій. Съ лица земли исчезли цѣлыя огромныя пространства суши, соединявшей нѣкогда Европу съ Америкой; съ другой стороны, изъ морской бездны поднимались новыя матеріи, какъ Англія, Швеція, Сѣверная Германія, Финляндія. Совершенно тотъ же процессъ медленнаго, но постоянно развитія происходилъ и во всей органической природѣ земли — въ растеніяхъ и животныхъ. И здѣсь постоянное накопленіе, въ теченіе многихъ тысячелѣтій, однородныхъ признаковъ и постепенное ослабленіе другихъ создало наконецъ современную намъ флору и фауну; нѣтъ сомнѣнія, повидимому, ничего общаго съ животными и растеніями прежнихъ геологическихъ эпохъ, какъ нынѣшняя физическая географія Европы не повела на географію ледянаго періода.

Если читатель представляет себѣ весь ходъ подобныхъ измѣненій, то, разумѣется, его не затруднить представленіе и тѣхъ перемѣнъ, какія произошли съ человѣкомъ со времени появленія на землѣ первой человѣкообразной формы и до тѣхъ развитыхъ типовъ, какіе представляетъ въ наше время кавказское племя.

Сторонники теоріи отдѣльныхъ твореній смотрятъ на это дѣло нѣсколько иначе. Главнѣйшее огорченіе для нихъ составляетъ анатомическое приравненіе человѣческой формы къ формѣ обезьяны. Подобныя мысли, разумѣется, не явятся у того, кто знаетъ, какъ слѣдуетъ понимать значеніе времени и продолжительности періодовъ, обуславливавшихъ перемѣну формы.

Исторія развитія позвоночныхъ животныхъ показываетъ, что въ основѣ каждаго животнаго лежитъ всегда яйцо, какъ бы онѣ ни были различны по формѣ. Кажется, между человѣкомъ и курицей нѣтъ ничего общаго, а между тѣмъ, исторія ихъ развитія совершенно аналогична. Процессъ начинается дѣленіемъ желтка, потомъ является спанная струна, потомъ образуется тѣло. Въ одномъ изъ моментовъ этого развитія куриный зародышъ похожъ вполне на человѣческой. Такое же сходство замѣчается и вообще въ зародышахъ всѣхъ позвоночныхъ. Это сходство бываетъ обыкновенно тѣмъ болѣе и продолжительнѣе, чѣмъ болѣе животныя сходны между собою въ взросломъ состояніи. Такимъ образомъ, собака съ кошкой бываютъ болѣе сходны, чѣмъ собака съ курицей; человѣкъ съ собакой тоже болѣе сходенъ, чѣмъ съ птицей. Но больше и дальше всего человѣческой зародышъ сходенъ съ зародышемъ обезьяны. Только въ позднѣйшій періодъ развитія между дитятею человѣка и обезьяны является разница. Слѣдовательно, очевидно, что въ построении существуетъ единство со всѣмъ остальнымъ животнымъ міромъ.

При внимательномъ анатомическомъ изслѣдованіи обезьяны, сходство это становится еще ближе, особенно если взять для сравненія ближайшую къ человѣку по формѣ — Гориллу. Существуетъ убѣжденіе, и до сихъ поръ проповѣдуемое зоологическими учебниками, что только у одного человѣка двѣ руки, а что у обезьянъ ихъ будто бы четыре. Однако ближайшее изслѣдованіе конечностей человѣка и обезьяны показываетъ, что такое заключеніе ошибочно и что ни въ какомъ случаѣ его нельзя основывать на одномъ наружномъ сходствѣ нижнихъ конечностей обезьяны съ верхними. Рука Гориллы почти ничѣмъ не отличается отъ руки человѣ-

ка; что же касается до ея нижней руки, то по анатомическому устройству это такая же нога, какъ и нога человѣка, съ той только разницей, что она имѣетъ весьма подвижный большой палецъ. Поэтому Гексли называетъ ее «хватательной ногой».

Совершенно такое же сходство существуетъ и въ мозгѣ обезьяны и человѣка, указывающее на переходъ одной формы въ другую. Въ мозгу гориллы есть всё тѣ же части, какія находятся и въ мозгу человѣка, и вообще мозговое вещество, въ постепенномъ своемъ развитіи отъ низшихъ животныхъ формъ къ человѣку, представляетъ такой же послѣдовательный переходъ, какъ и во всемъ остальномъ анатомическомъ устройствѣ. Можно сказать даже, что разница между высшей и низшей человѣческой расой въ анатомическомъ отношеніи гораздо больше, чѣмъ между низшей расой и ближайшей къ намъ человѣкообразной обезьяной. Напримеръ, самый узкій человѣческій черепъ, изъ измѣренныхъ у различныхъ племенъ, имѣлъ емкость въ 63 кубическихъ дюйма, но утверждаютъ, что нѣкоторые индѣйскіе черепа равняются емкости 46 куб. дюймовъ. Самый же большой человѣческій черепъ представлялъ емкость въ 115 куб. дюйм. Слѣдовательно, разница составляетъ 69 дюймовъ. У гориллы же наибольшая емкость, опредѣленная до сихъ поръ, составляла 34 $\frac{1}{2}$ куб. дюйм. или разница съ наименьшимъ человѣческимъ черепомъ составляетъ только 11 $\frac{1}{2}$ дюймовъ. Поэтому индѣецъ съ 46 дюймовымъ черепомъ гораздо ближе къ гориллѣ, чѣмъ къ тѣмъ европейцамъ, количество мозга которыхъ превышаетъ приведенное выше отношеніе.

Европейскіе жители, видя предъ собой только представителей высшей, кавказской человѣческой породы, имѣютъ, разумѣется, весьма смутное понятіе о постепенномъ пониженіи человѣческаго типа. Можетъ быть, поэтому-то они и преисполнены гордаго убѣжденія въ полную, совершенную особность человѣческой формы. Между тѣмъ, въ дѣйствительности оказывается, что такое заключеніе нѣсколько поспѣшно и что есть полная возможность прослѣдить переходъ изъ одной формы въ другую, причѣмъ низшія человѣческія племена и тѣ несчастные, которыхъ зовутъ идиотами, служатъ какъ бы связующимъ звѣномъ вполнѣ развитнаго человѣческаго типа съ человѣкообразными обезьянами. Разумѣется, мы не хотимъ сказать этимъ, что между человѣкомъ и обезьяной нѣтъ никакой разницы: разница есть огромная, мы только утверждаемъ, что человѣкъ есть высшее развитіе того плана, по

которому создавались непосредственно слѣдующія за нимъ челоѵкообразныя обезьяны. Приведемъ еще нѣсколько фактовъ.

Человѣческіе черепа различныхъ племенъ отличаются не только величиной и емкостью, но и расположеніемъ, и размѣромъ остальныхъ костей черепа. У однихъ расъ развиты болѣе лицевыя кости, у другихъ менѣе; у однихъ верхняя челюсть выдвигается сильно вперед, зубы имѣютъ болѣе или менѣе косое направленіе, такъ что все лицо принимаетъ форму рыла; у другихъ этихъ обезьянпыхъ признаковъ нѣтъ. Въ формѣ черепа представляются также различія, приближающія людей болѣе или менѣе къ обезьянному типу. Вообще, по образованію черепа, челоѵческія племена дѣлятся на длинноголовыхъ, короткоголовыхъ и среднеголовыхъ. Крайнія противоположности представляютъ черепъ готтентотскій для длинноголовыхъ и калмыцкій для короткоголовыхъ. Средину занимаютъ разныя другія національности, представляющія постепенныя переходы изъ одного типа въ другой. Къ короткоголовому типу причисляютъ: лапландцевъ, макасарцевъ, модурцовъ, башкировъ, турокъ; къ длинноголовому—нугагавцевъ, эскимосовъ, негровъ, кафровъ, бушменовъ и готтентотовъ, достигающихъ наибольшей длинноголовости. Одинъ изъ измѣренныхъ готтентотскихъ череповъ далъ вполне обезьянье отношеніе длины головы къ ширинѣ. Всѣ остальные національности располагаютъ между этими крайностями въ такомъ порядкѣ, начиная съ болѣе короткоголовыхъ: нѣмцы, русскіе, японцы, французы, евреи, цыгане, индусы, китайцы, финны, древніе греки и римляне, бразильцы, голландцы. Если вывести изъ этого степень способности народа къ цивилизаціи, то, разумѣется, наиболѣе благоприятное для нея отношеніе длины черепа къ ширинѣ должно быть у народа, приближающагося къ серединѣ между двумя крайностями, слѣдовательно, у французовъ. Но, разумѣется, выводъ этотъ не будетъ вполне правиленъ, потому что способности людей не зависятъ исключительно отъ формы черепа. Такое заключеніе особенно благоприятно для насъ, русскихъ, потому что если, съ одной стороны, эта таблица могла возбуждать въ насъ самолюбивую мысль, что мы способны къ цивилизаціи, тѣмъ нѣмцы за то; съ другой стороны, она могла лишить насъ надежды занять первое мѣсто во главѣ образованныхъ народовъ, приближая насъ къ короткоголовымъ калмыкамъ.

Если смотрѣть на челоѵческія черепа въ профиль, то, легко замѣтны различныя отношенія между лицомъ и собственно черепомъ,

т. е. мозговой покрывкой. У однихъ расъ лицо чрезвычайно велико и выдается особенно своей нижней частью, а лобъ имѣть сильный склонъ назадъ. Наибольшее уклоненіе въ этомъ отношеніи отъ нормальнаго кавказскаго типа представляютъ идіоты, которыхъ каждый имѣлъ возможность, разумѣется, видѣть. При идіотизмѣ головной мозгъ задерживается въ своемъ развитіи и, сообразно его формѣ, слагается и черепъ. Задержка происходитъ главнѣйше въ переднихъ лобныхъ частяхъ, и потому мозгъ микроцефаловъ представляетъ типъ, свойственный человѣкообразнымъ обезьянамъ, и вся форма головы принимаетъ животный характеръ. Въ остальныхъ частяхъ тѣла идіоты представляютъ тоже переходъ къ обезьянному типу. Руки у нихъ бываютъ гораздо длиннѣе, чѣмъ у правильно развитыхъ людей, ноги коротки, лба почти нѣтъ и весь черепъ убѣгаетъ назадъ, вслѣдствіе чего лицо выдается несоразмѣрно впередъ и принимаетъ форму рыла; зубы стѣяютъ косо, черепъ покрытъ густыми волоками, похожими на шерсть, и вообще вся голова приближается по формѣ болѣе къ обезьянѣй, чѣмъ къ человѣчѣй. Такимъ образомъ, ясно, что идіотизмъ представляетъ типъ, хотя и перешедшій границы типа обезьяны, но неразвившійся до формы совершеннаго человѣка. У низшихъ человѣческихъ расъ признаки, характеризующіе ихъ, хотя значительно уклоняются отъ идіотизма, но, тѣмъ не менѣе, переходность формы вполне очевидна. Однимъ изъ болѣе рѣзкихъ признаковъ этой переходности служить косозубость, на основаніи которой всѣ человѣческія породы дѣлятся на косозубыхъ (прогнатовъ) и прямозубыхъ (ортогнатовъ). У косозубыхъ, напр. у готтентотовъ, негровъ, зубы образуютъ выдающійся уголъ, и лицо вытягивается въ видѣ рыла; тогда какъ у прямозубыхъ, напр. европейцевъ, передніе зубы стоятъ совершенно вертикально, и при сжатомъ ртѣ рѣзцы нижней челюсти заходятъ за верхніе. Между этимъ признакомъ и степенью культуры народовъ находится прямое отношеніе. Только прямозубые народы достигли высшей цивилизаціи, тогда какъ косозубые, къ которымъ принадлежатъ кафры, австрайлійскіе негры, негры, ново-голландцы, находятся на весьма низкой степени развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, косозубостью опредѣляется относительно меньшая вмѣстимость черепа, а слѣдовательно, и меньшее количество мозга, потому что рылообразное лицо является только при перевѣсѣ развитія лицевыхъ костей надъ черепными. По измѣреніямъ оказалось, что всѣ европейскіе народы имѣютъ вмѣстимость черепа, превышающую 1,400 кубиче-

скихъ сантиметровъ, тогда какъ не-европейцы имѣютъ всегда меньшій черепъ. Самая малая цифра измѣреній получалась для народовъ, находящихся въ варварскомъ, почти дикомъ состояніи, умственное развитіе которыхъ соотвѣтствуетъ вполне тому мѣсту, какое выпало на ихъ долю по черепной вмѣстимости, именно для австралійцевъ, полинезцевъ и готтентотовъ.

Не меньшаго вниманія заслуживаетъ относительная длина и наружная форма конечностей. Въ этомъ случаѣ указываютъ обыкновенно на типъ, изслѣдованный лучше другихъ, — негритянской, который мы и разсмотримъ подробнѣе, во всѣхъ его частяхъ. Ростъ негръ меньше европейца, и хотя между черными племенами попадаются люди атлетическаго сложенія, но и они меньше и слабѣе подобныхъ же гигантовъ между бѣлыми. Руки и ноги негровъ отличаются крайнимъ безобразіемъ, и безобразіе это происходитъ отъ ихъ сходства съ конечностями обезьянъ. Прежде всего сходство это заключается въ относительной длинѣ рукъ и ногъ, и въ различномъ отношеніи длины отдѣльныхъ ихъ частей, по сравненію съ руками и ногами европейцевъ. У негровъ плечевая кость относительно короче, а предплечіе относительно длиннѣе; самая же кость руки абсолютно длиннѣе на одинъ дюймъ, чѣмъ у людей бѣлой расы. Размѣры эти приближаютъ руку негровъ болѣе къ обезьяньей. Негры и сами сознаютъ вполне безобразіе своихъ длинныхъ, болтающихся рукъ, которыя бывають обыкновенно до того велики, что негръ можетъ, не наклоняясь, чесать кожу подъ колѣномъ, и чтобы скрыть ихъ длину, негры, если руки ихъ не заняты ничѣмъ, скрещивають ихъ на груди. Это самое обыкновенное положеніе рукъ у американскихъ невольниковъ, производящее на европейцевъ, привыкшихъ, чтобы прислуга держала руки по швамъ, непріятное впечатлѣніе; имъ все кажется, что негръ собирается сгрубить или сдѣлать что-нибудь еще болѣе скверное, тогда какъ онъ принимаетъ такую, повидимому, угрожающую позу просто по чувству изащнаго, — изъ желанія скрыть свое безобразіе. Кроме того, руки негра очень узки, съ тонкими, длинными пальцами, съ плоской, не мясистой ладонью, почти безъ подушекъ на костевыхъ суставахъ и у большого пальца. Большой палецъ очень длинный, тонкій и достигаетъ дальше середины указательнаго пальца, что хотя и дѣлаетъ руку негра способной для игры на скрипкѣ и виолончели, для которой нужны именно такіе длинные пальцы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, приближаетъ руку негра къ обезьяньей, отличающейся именно

узкой пястью и длинными пальцами. Наконецъ, рука негра отличается худобой и равномерностью распредѣленія мышечныхъ пучковъ по всей ея длинѣ, что составляетъ тоже обезьянью принадлежность.

Нога негра еще безобразнѣе, чѣмъ его рука. Голень его относительно длиннѣе, а бедро короче; ступня же совершенно плоская и похожа на лопату. Въ ней-то преимущественно и заключается безобразіе, потому что пятка очень низка и выдается къ заду; наружный боковой край ступни плоскій; внизу же, тамъ гдѣ у европейцевъ выгибъ къ верху—у негра толстый жировой наростъ; къ этому присоединяются еще распяченные пальцы, съ тонкимъ большимъ пальцемъ, отдѣленнымъ значительнымъ промежуткомъ отъ второго. При такомъ устройствѣ ступни, вся тяжесть тѣла негра лежитъ на жировомъ наростѣ подъ подошвой и оттого походка его дѣлается неловкой и неуклюжей, потому что тѣло упирается не на пятку и передній конецъ ступни, какъ у бѣлой расы, а именно на этотъ наростъ, находящійся какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ европейская нога вовсе не прикасается къ землѣ. Поэтому же высокіе каблуки, составляющіе необходимую принадлежность европейской обуви, придающіе красоту ногѣ и облегчающіе походку, для негра вещь невыносимая. Его вообще стѣсняеть обувь, и потому онъ дома ходитъ босикомъ или надѣваетъ низкія туфли, или же носитъ башмаки, но непременно широкіе, увеличивающіе еще болѣе безобразіе ноги. Далѣе къ верху нога негра не становится красивѣе, потому что тощая, и не имѣетъ шкря, сдавлена съ боковъ и кажется жесткой, деревянной. Всѣ эти особенности, и преимущественно сухость ноги, тонкость большого пальца и промежутокъ между нимъ и вторымъ составляютъ животныя признаки, чрезвычайно напоминающіе ногу гориллы.

Черепъ негра представляетъ подобное же отклоненіе къ животному типу. Мозговая полость черного человѣка меньше, а лицо, носовая полость и полость рта больше, чѣмъ у бѣлаго. При подробномъ изслѣдованіи мозга оказалось, что головной и спинной мозгъ негра близокъ по своему типу къ мозгу бѣлыхъ женщинъ и дѣтей, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сходенъ съ мозгомъ обезьяны. Зубы имѣютъ косое направленіе, и случается, что у нѣкоторыхъ особей встрѣчается въ верхней челюсти одинъ коренной зубъ, лишній противъ обыкновеннаго, или небольшіе промежутки между рѣзцами и клыками, чего никогда не бываетъ у европейцевъ и что показываетъ переходность формы, ибо промежутокъ между рѣзцами и клыками у обезьянъ су-

ществуетъ постоянно, точно такъ же, какъ 34 зуба, вмѣсто нормальныхъ 32, составляютъ очевидный шагъ къ 36 зубамъ американскихъ обезьянъ. Затылочное отверстіе у негровъ лежитъ дальше, чѣмъ у бѣлыхъ; шея коротка, затылочные ея мышцы развиты сильно, и оттого она напоминаетъ шею гориллы. Вслѣдствіе подобнаго воловьяго устройства шеи, негры носятъ тяжести не на плечахъ или спинѣ, какъ европейцы, а всегда на головѣ; поэтому же въ поединкахъ они бьютъ другъ друга черепами, какъ это дѣлаютъ быки или бараны. Тазъ у негра уже и длиннѣе, чѣмъ у бѣлаго, и приближается по формѣ къ тазу гориллы, что и слѣдовало ожидать, зная, что у негра голова болѣе вытянута и меньше, чѣмъ у европейца. Тазъ негрятинки, по своимъ поперечнымъ размѣрамъ, подходитъ къ тазу бѣлаго мужчины и далеко уклоняется отъ таза бѣлой женщины. Отъ этого же животъ негра раздутъ, виситъ къ низу и напоминаетъ безобразное брюхо обезьяны.

Приведенные выше признаки относятся къ чистому негрятянскому типу; но есть черныя племена, у которыхъ эти характеристическія черты или слабѣе, или еще рѣзче; такъ измѣняются размѣры и очертаніе носа, губъ; уменьшается иногда значительно косозубость, не исчезая однако никогда совершенно; тазъ становится болѣе округленнымъ, ноги мясистѣе и стопа получаетъ видъ свода на манеръ ноги бѣлаго; но форма черепа, сохраняющая всегда свои особенности, и остальные признаки, хотя и смягченные иногда, даютъ всегда полную возможность отличить чорнаго по скелету отъ бѣлаго и отъ всякой другой расы. Что же касается до отзывовъ путешественниковъ, встрѣчавшихъ будто бы у нѣкоторыхъ чорныхъ племенъ кавказскія черты, то Пруперъ-Бей говоритъ, что между тысячами негровъ, которыхъ онъ изучалъ, будучи въ теченіе многихъ лѣтъ лейбъ-медикомъ египетскаго паши, ему не попалось ни одного индивидуума, который оправдалъ бы подобный взглядъ.

Тотъ же Пруперъ-Бей приводитъ интересный фактъ нечувствительности негровъ къ боли. «Я, говоритъ онъ, не видѣлъ никогда какого бы то ни было выраженія боли; при самой тяжкой внутренней болѣзни, какъ скоро она достигала извѣстной степени, негръ лежитъ, скорчившись, на своей кровати (я наблюдалъ ихъ въ госпиталяхъ), не обращая ни зачѣмъ къ доктору и не спрашивая у него ничего. Въ рабскомъ состояніи, вслѣдствіе продолжительнаго знакомства съ бѣлыми, негръ дѣлается сообщительнѣе, но и въ этихъ случаяхъ не удается замѣтить какихъ-либо выраженій боли,

которыя бы указывали на степень чувствительности. Дурное обращеніе вызываетъ у негрятянки, у ея ребенка, даже у негра-мужчины, обильные ручьи слезъ; но ничего подобнаго не вызывается физической болью. Негръ часто сопротивляется хирургическимъ операціямъ; но если онъ разъ рѣшился, то неподвижно устремляетъ свои глаза на инструментъ и на руку оператора, и не показываетъ ни малѣйшихъ знаковъ боли, беспокойства или нетерпѣнія; и однакожь, губы блѣднѣютъ у него и по тѣлу струится потъ въ продолженіи операціи. — Какъ видите, негры—настоящіе стойки; впрочемъ, надо полагать, скорѣе отъ какихъ-либо особенныхъ условій организаціи, чѣмъ отъ воспитанія или привычки.»

Развитіе негра-ребенка представляетъ также расовыя особенности. Признаки негрятянскаго типа обнаруживаются на черепѣ вполне ясно послѣ развитія молочныхъ зубовъ; но до эпохи зрѣлости молодой негръ имѣетъ все еще красивую наружность. У дѣвочки между 10 и 13, а у мальчиковъ между 13 и 15 годами, т. е. въ періодъ зрѣлости, являются перемѣны въ формѣ и отношеніяхъ скелета: развитіе мозга задерживается, тогда какъ челюсти и лицо растутъ съ прежней быстротой. Совершенно подобное явленіе замѣчается и у человѣкообразныхъ обезьянъ. И у нихъ до появленія постоянныхъ зубовъ черепъ имѣетъ большое сходство съ человѣческимъ; но потомъ мозговая часть черепа останавливается въ развитіи, а лицо, напротивъ, растетъ и наконецъ достигаетъ безобразной обезьяньей формы. Рядомъ съ остановкой въ развитіи мозга замѣчаются и перемѣны въ характерѣ и способностяхъ обезьяны: понятливыя и добрыя въ молодости, онѣ становятся потомъ дикими, глупыми и злыми, и совершенно неспособными къ приученію и дрессировкѣ. То же самое происходитъ и съ негромъ. Въ молодости черные люди не отличаются по способностямъ и вообще душевнымъ свойствамъ отъ бѣлыхъ. Они также понятливы и способны къ ученью, и при воспитаніи въ школахъ не отстаютъ нисколько отъ своихъ бѣлыхъ товарищей; съ періодами же зрѣлости, когда срастаются черепные швы и разовьются челюсти, наступаетъ и переломъ въ душевной дѣятельности. Негръ останавливается въ своемъ развитіи на степени умственныхъ способностей юноши и уже не идетъ дальше. Поэтому негръ напоминаетъ, съ одной стороны, ребенка бѣлой расы, а съ другой—обезьяну. У него недостаетъ умственныхъ силъ для собственнаго изобрѣтенія и для серьезнаго, основательнаго мышленія; но онъ понятливъ и перемчивъ, и склоненъ къ подражанію.

Эта нѣсколько обезьянья черта причиною, что многіе негры обладаютъ весьма сильнымъ мимическимъ талантомъ; они отлично копируютъ извѣстныя имъ личности и подражаютъ чрезвычайно искусно голосамъ животныхъ. На этой же подражательной способности основанъ и ремесленный талантъ негра. Самъ онъ не можетъ выдумать почти ничего; но за то превосходно изготовить то, что видѣлъ: ремеслами въ Америкѣ занимаются обыкновенно негры. Что же касается до сходства негра съ ребенкомъ, то оно выражается прежде всего въ его склонности къ удовольствіямъ. Негръ любитъ въ особенности пляску и пѣніе. Страсть къ забавамъ такъ велика въ негрѣ, что онъ пляшетъ даже во время работы; если же ему не удастся повеселиться днемъ, то, не смотря на то, что онъ возвращается съ поля послѣ заката солнца и утомленный, онъ все-таки разложить огонекъ передъ своей хижиной и попляшетъ съ пріятелями. Далѣе, въ немъ развита чрезвычайно страсть къ чувственнымъ наслажденіямъ, суетность и щегольство. Непостоянство его ощущеній совершенно такое же, какъ и у дитяти; наконецъ, не имѣя широкой фантазіи, онъ увлекается воображеніемъ на дѣтскій ладъ, оживотворяя окружающій міръ. «Всего страннѣе, говоритъ одинъ нѣмецкій путешественникъ, видѣть негра, идущаго одиноко по дорогѣ, съ тяжестью на головѣ. Онъ и тогда не бываетъ одиакъ, а имѣетъ своимъ спутникомъ свое собственное я, съ которымъ всю дорогу громко разсуждаетъ и спорить, не обращая никакого вниманія на окружающіе предметы.»

Эти факты имѣютъ, какъ кажется, достаточную убѣдительность, чтобы признать типъ негра формой, переходной отъ высшихъ расъ къ низшимъ. Но читатель возразитъ, что негръ все-таки человѣкъ; да равнѣ мы говорили, что онъ обезьяна? Мы только приводили факты, добытые новѣйшими изслѣдованіями и указывающіе на то, что по анатомическому устройству, да и въ остальныхъ отношеніяхъ, въ челоуѣкообразной формѣ существуютъ переходы отъ типовъ высшихъ къ низшимъ, и что хотя въ челоуѣческихъ племенахъ нѣтъ типа, стоящаго непосредственно подлѣ обезьяны и составляющаго ближайшій переходъ отъ нея къ челоуѣку, но, тѣмъ не менѣе, многіе обезьяньи признаки существуютъ у низшихъ породъ людей, и, слѣдовательно, общность плана очевидна. Что же касается до отсутствія ближайшей переходной формы, то очень можетъ быть, что она неизвѣстна только потому, что натуралисты не успѣли еще ея отыскать. Горилла, наиболѣе челоуѣкообразная обезьяна, открыта

всего только въ 1847 г.; почему же нельзя предполагать, что въ той же Африкѣ найдется обезьяна болѣе совершенная? Наконецъ, если и не найдется, то неужели подобное отрицательное доказательство можетъ быть на столько сильно, чтобы отвергать единство плана построения всей зоологической человѣкообразной формы, когда анатомическія изслѣдованія представляютъ такіе ясные факты его существованія? Къ этому нужно прибавить еще и то, что если намъ не поможетъ живущій міръ, то весьма вѣроятно, что окажетъ подобную услугу міръ отжившій. Тщательныя геологическія изысканія начались только въ недавнее время; люди, жившіе двадцать пять лѣтъ назадъ, даже не догадывались о возможности существованія того міра, который открыли Шмерлингъ, Буше-де-Пертесъ и другіе; еще шесть лѣтъ тому назадъ, ученые и образованные люди не хотѣли признавать того, что въ настоящее время сдѣлалось уже невозможнымъ отвергать, не рискуя прослыть неучемъ и обжурантомъ; поэтому можно надѣяться, что откроется еще не одинъ остовъ человѣка въ прежнихъ земныхъ пластахъ, и что найдется и переходная форма, болѣе совершенная, чѣмъ даже неандертальскій скелетъ.

Между тѣмъ, геологическія открытія, сдѣланныя даже до сихъ поръ, служатъ неотразимымъ подтвержденіемъ правильности теоріи Дарвина. Положимъ, что эти открытія еще недостаточно обширны; положимъ, что не открыта еще непосредственная переходная форма отъ человѣка къ обезьянѣ; но подобныхъ переходныхъ формъ не существуетъ и между другими семействами животныхъ, и, во всякомъ случаѣ, это единственная теорія, дающая наиболѣе точные отвѣты на всѣ вопросы по этому предмету, такъ что Гексли совершенно справедливо говоритъ про нее, что если она не совершенно истинна, то, по крайней мѣрѣ, на столько же близка къ истинѣ, какъ, напримеръ, гипотеза Коперника приближалась къ настоящей теоріи движенія свѣтила. Изъ сравненія ископаемыхъ череповъ съ черепами живущихъ теперь племенъ и съ обезьянами, оказалось, что древнія племена, населявшія Европу, принадлежали къ чрезвычайно низкому человѣческому типу. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи неандертальскій черепъ. Докторъ Шафгаузенъ, сдѣлавшій первое описаніе неандертальскихъ костей, пришелъ къ выводу, что неандертальскій черепъ—формы до сихъ поръ невиданной и неизвѣстной ни у одного, даже изъ самыхъ варварскихъ племенъ, и что эти остатки принадлежатъ, по всей вѣроятности, одному изъ дикихъ племенъ, населявшихъ въ глубоко-отдаленныя времена сѣверо-западную Евро-

пу; изъ обломковъ средней части реберъ, которыя по необыкновенно округленной формѣ и крутому изгибу похожи скорѣе на ребра плотояднаго животнаго, нужно заключить о чрезвычайномъ развитіи грудныхъ мышцъ. Наиболѣ замѣчательная особенность неандертальскаго черепа заключается въ необыкновенномъ развитіи бровныхъ дугъ и во впадинѣ въ лобной кости; лобъ узкій, низкій, затылокъ отлогій; все это напоминаетъ въ немъ обезьяну и приводитъ къ заключенію, что это самый обезьянообразный черепъ изъ всѣхъ найденныхъ до сихъ поръ. Что этотъ черепъ не составляетъ какое нибудь частное, патологическое уклоненіе отъ нормальной формы того времени, къ которому онъ относится, — видно изъ того, что всѣ части скелета находятся въ физиологической связи съ черепными особенностями. По чрезвычайной выпуклости нижней части лба и по другимъ признакамъ черепа заключаютъ о чрезвычайной силѣ и сносливости этого бывшего человѣка, что вполне подтверждается его костями, которыя въ полтора раза толще обыкновенныхъ, такъ что ихъ сохраняютъ въ Бонскомъ анатомическомъ музеѣ подъ названіемъ ископанныхъ. Нѣкоторыя изъ живущихъ нынче австралійскихъ племенъ отличаются тоже узкостью черепа и толщиной его стѣнокъ, особенно надбровныхъ дугъ, которыя придаютъ физиономіи мрачный, угрожающій характеръ; но и эти черепа болѣе человѣкообразны, и чтобы изъ австралійскаго черепа сдѣлать неандертальскій, нужно первый сплющить еще болѣе, вытянуть его и, наконецъ, значительно утолщить бровныя дуги. Такимъ образомъ, неандертальскій черепъ оказывается по формѣ значительно ниже череповъ, наименѣ развитыхъ современныхъ человѣческихъ племенъ. Паралельные чертежи извѣстныхъ типическихъ череповъ дали слѣдующій восходящій рядъ: шимпанзе (обезьяна), неандертальскій, австралійскій, европейскій. Неандертальскій стоитъ ближе всѣхъ къ обезьянѣ. Другіе древніе черепа, найденные въ Даніи, около Борреби, и принадлежатъ племени, жившему въ каменный періодъ, чрезвычайно близки къ неандертальской формѣ; тотъ же сжатый и убѣгающій назадъ лобъ, значительно выдающіяся бровныя дуги и отлогій затылокъ; но эти черепа нѣсколько шире и составляютъ какъ бы переходъ къ австралійской формѣ. Впрочемъ не всѣ черепа Борреби имѣютъ эту форму, нѣкоторые представляютъ болѣе высокую степень развитія, т. е. относительно, но вообще такъ же далеки отъ теперешняго европейскаго типа, какъ далеки отъ него черепа пивѣшнихъ австралійцевъ.

По отношенію къ теоріи Дарвина, ископаемые черепа важны тѣмъ, что ихъ уклоненіе отъ нормальнаго типа происходитъ именно въ томъ направленіи, въ какомъ оно согласно съ этой теоріей. Въ этихъ черепахъ мы находимъ не какія нибудь случайныя измѣненія или уродливости, а общее пониженіе всего типа къ слѣдующей за нимъ, болѣе низкой человѣкообразной формѣ. Слѣдовательно, ясно, что высшій современный кавказскій типъ получился рядомъ постепенныхъ развитій, а вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, и вымираніемъ менѣе совершенныхъ племенъ. Это вымираніе могло быть даже весьма значительно; можетъ быть, даже болѣе того, какое происходило и происходить до сихъ поръ въ Америкѣ, и между инородцами Сибири, гдѣ менѣе совершенный типъ замѣщается постоянно болѣе сильной и развитой народностью. Ни исторія, ни преданіе не говорятъ ничего, какъ болѣе совершенная человѣческая порода одолевала другія, менѣе совершенныя; но конечно, не одна національность исчезла съ лица европейскаго материка, прежде чѣмъ выработался и распространился по всей Европѣ теперешній кавказскій типъ. Эта же теорія подтверждается и другими современными фактами. Породы людей, наиболѣе уклоняющіяся отъ европейской, отличаются и теперь тѣмъ же образомъ жизни, какой вели люди каменнаго періода, на которыхъ они болѣе всего похожи. Австральцы съ черепами, подобными неандертальскому и Борребби, живутъ и нынче такъ, какъ жили эти исчезнувшія племена. Они готовятъ подобные же каменные топоры, они разбиваютъ такъ же кости животныхъ для извлеченія мозга, какъ это дѣлали древніе дикари съ костями лани и дикаго быка; они также ѣдятъ моллюсковъ и собираютъ раковины въ кучи, въ родѣ тѣхъ, какія найдены въ Даніи; наконецъ, по ту сторону Торрессова пролива живетъ племя, которое строитъ и до сихъ поръ свои жилища подобно древнимъ швейцарскимъ озернымъ поселеніямъ. Такимъ образомъ, та или другая форма находится въ прямомъ отношеніи со всѣмъ бытомъ; чѣмъ совершеннѣе типъ, тѣмъ выше его цивилизація; а какъ цивилизація идетъ постоянно впередъ и быть бѣдныхъ племенъ улучшается, то очевидно, что улучшается и весь типъ бѣлой породы, и это совершается не только накопленіемъ признаковъ наиболѣе выгодныхъ породъ, но и вымираніемъ менѣе совершенныхъ расъ, такъ что есть полное основаніе предполагать, что бѣлая порода вытѣснитъ наконецъ на землѣ всѣ остальные. А когда это случится, и земля не сохранитъ остатковъ вымершихъ типовъ, то будущіе геологи найдутъ еще большую пропасть между

своей совершенной человѣческой породой и типомъ человѣкообразной обезьяны, чѣмъ геологи нашего времени.— Не въ подобномъ ли положеніи находятся и современные этнологи, которые не хотятъ допускать перехода формъ, не потому, чтобы это противорѣчило закону развитія, а только потому, что не нашли въ землѣ остатковъ вымершихъ породъ? Но едва ли отрицаніе, основанное на такомъ слабомъ основаніи, можетъ имѣть значеніе. Не говоря уже про тѣ переходныя формы, которыя представляютъ остатки ископаемыхъ людей и низшія расы, — какъ негры, австралійцы, приближающіеся постепенно къ признакамъ высшихъ человѣкообразныхъ обезьянъ; но даже и ежедневное наблюденіе людей кавказской породы указываетъ на переходность и подвижность формы, ведущую человѣчество все къ болѣе и болѣе совершенному типу.

Та же переходность является въ случаяхъ ненормального развитія, вслѣдствіе болѣзненного состоянія. Такъ, дѣти съ поврежденнымъ позвоночнымъ хребтомъ, дѣлаясь горбатыми, получаютъ вполне обезьяной типъ; у нихъ является косозубость, и вся голова принимаетъ форму переходную къ низшимъ расамъ. Почему же, спрашивается, должны были явиться именно подобные переходные признаки? Очень естественно, только потому, что кавказскій типъ произошелъ изъ слѣдующаго за нимъ низшаго, и, слѣдовательно, въ случаѣ какихъ-либо помѣхъ въ своемъ нормальномъ развитіи, онъ долженъ уклониться къ своему прототипу. Есть еще явленіе аналогичное съ замѣченнымъ въ обезьянахъ и въ низшихъ человѣческихъ породахъ. У обезьянъ переломъ въ ихъ умственныхъ способностяхъ наступаетъ съ появленіемъ постоянныхъ зубовъ; у низшихъ расъ—въ пору ихъ зрѣлости, около 15-ти-лѣтняго возраста; у бѣлой же породы это время отодвигается значительно далѣе. По наблюденіямъ Паршанна, оказывается, что черепъ кавказской расы растетъ до 50 лѣтъ; а послѣ 60 значительно уменьшается въ своей лобной части, причемъ увеличиваются лобныя ямки. Если этотъ фактъ не подтвержденъ большимъ числомъ наблюденій—именно надъ черепами бѣлыхъ людей,—чтобы признать его безусловно правильнымъ, то, съ другой стороны, нѣтъ и фактовъ, на основаніи которыхъ можно было бы утверждать противное; а какъ наблюденія надъ черепами обезьянъ показали дѣйствительность существованія подобнаго уменьшенія, то нѣтъ повода сомнѣваться и въ правильности вывода Паршанна, тѣмъ болѣе, что онъ можетъ быть проверенъ ежедневными наблюденіями. Какъ часто дѣти и юноши обнаруживаютъ черты:

чайно быстрыя способности, и потомъ, въ пору зрѣлости, напр около 30 лѣтъ, становятся какими-то тупыми, упорными въ разъ усвоенномъ пониманіи и совершенно неспособными къ прогрессивному развитію. Подобные факты каждый встрѣчалъ, разумѣется, часто въ своей жизни; что же касается до перелома способностей въ старости, то дѣйствительность его извѣстна всѣмъ. Такая перемѣна можетъ произойти только вслѣдствіе какихъ нибудь измѣненій въ самомъ организмѣ, и потому очевидно, что, смотря по болѣе или менѣе высшему развитію организма, редукція способностей и процессъ совершенно подобный тому, какой происходитъ въ низшихъ человѣческихъ породахъ, случается и въ высшихъ, но въ періоды тѣмъ болѣе отдаленные, чѣмъ совершеннѣе индивидуумъ. Если организмъ по своимъ анатомическимъ и физиологическимъ признакамъ стоитъ ближе къ низшему типу, то онъ подвергается ранѣ подобной перемѣнѣ; если же онъ стоитъ ближе къ формѣ вполнѣ совершенной, то далѣе сохраняетъ интеллектуальныя силы. Бѣлая раса, по признакамъ своего средняго типа или средняго человѣка, стоитъ, разумѣется, далеко выше средняго негра; но было бы большимъ заблужденіемъ не признавать постепенныхъ переходовъ отъ этой нормы къ низшимъ и высшимъ представителямъ человѣческой породы. Поэтому въ бѣломъ человѣкѣ можно преслѣдовать всѣ постепенности, которыми онъ прошелъ путь развитія, начиная съ самаго низкаго, пограничнаго съ негромъ состоянія, и возвысился наконецъ до той совершенной, для нашего времени, формы, представителемъ которой служить, на примѣръ, А. Гумбольдъ. Въ этой постепенности формы каждая національность должна имѣть своего средняго человѣка, и если этнологическія изысканія, за которыя принялись такъ усердно современные ученые, пойдутъ успѣшно, то, можетъ быть, и мы доживемъ до того времени, когда узнаемъ, какое мѣсто принадлежитъ каждому народу по его способностямъ и по его національному типу въ спискѣ челоѣчества. Что же касается до накопленія признаковъ, выгодныхъ для усовершенствованія породы, то въ короткую челоѣческую жизнь замѣтить ихъ, разумѣется, нельзя съ той легкостью, какая представляется при деградации челоѣка отъ болѣзней или другихъ првчищъ. Поэтому наблюденія подобнаго рода возможны лишь въ большіе промежутки времени; но и тутъ сравненіе череповъ XII и XIX столѣтій, найденныхъ въ Парижѣ, подтвердило вполнѣ правильность теоріи прогрессивнаго развитія: нынѣшніе черепа больше прежнихъ.

Такимъ образомъ, современное естествознаніе включило человѣка снова въ тотъ же разрядъ, въ который, сто лѣтъ назадъ, поставилъ его Линней. Человѣкъ въ одномъ разрядѣ организмовъ съ летучей мышью.—Для тѣхъ, кому подобная безцеремонность зоологовъ будетъ обидной, я приведу слова Линнея, цитируемые Гексли: «Многимъ можетъ показаться, что разница между человѣкомъ и обезьяной больше, чѣмъ между днемъ и ночью; сравнявши же величайшихъ героевъ Европы съ готтентотами, живущими на мысѣ Доброй Надежды, они съ трудомъ повѣрятъ, что и тѣ, и другіе происходятъ отъ однихъ родоначальниковъ. Если вздумаютъ они еще сопоставить благородную, нравственно-развитую женщину съ лѣснымъ человѣкомъ, самому себѣ предоставленнымъ, то врядъ ли придутъ къ заключенію, что оба эти существа относятся къ одному и тому же виду.» Не будемъ же огорчаться тѣмъ, что мы, строители желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, электрическихъ телеграфовъ и другихъ чудесъ цивилизаціи, находимся въ одномъ разрядѣ съ летучимъ лемуромъ, потому что это нисколько не обязываетъ насъ летать, подобно летучей мышли, или гримасничать и жить, какъ мартышки; наши человѣческіе признаки останутся при насъ и послужатъ только подтвержденіемъ того, до какихъ результатовъ можетъ привести постепенное накопленіе особенностей, выгодныхъ для развитія формы, и къ какому усовершенствованію породы приводитъ такое накопленіе.

Въ настоящей статьѣ я далеко не исчерпалъ затронутого вопроса; но я и не имѣлъ въ виду этого. Если мнѣ удалось возбудить въ читателѣ интересъ къ предмету, давшему поводъ къ этой статьѣ, то это все, чего я желаю, и мнѣ остается только указать ему на появившіяся въ послѣднее время, въ русскомъ переводѣ, сочиненія Ляфелля, Гексли, Фохта и Дарвина, которыми я пользовался и въ которыхъ читатель найдетъ полныя и въ высшей степени интересныя отвѣты на все то, что его не удовлетворило въ моемъ изложеніи.

И. Миллеръ.

ВОСПОМИНАНІЯ РЕКРУТА 1813 ГОДА.

(Романъ Э. Шатріана).

Кто не видалъ славы императора Наполеона въ 1810, 1811 и 1812 годахъ, тотъ никогда не пойметъ, до какого могущества можетъ достигнуть отдѣльная личность. Когда онъ проѣзжалъ черезъ Шампанію, Лотарингію и Альзасъ, народъ оставлялъ полевые работы, сборъ винограда, оставлялъ все, чтобы бѣжать ему на встрѣчу, миль за восемь, за десять; женщины, дѣти, старики бросались на дорогу и, поднявъ руки къверху, кричали: «Да здравствуетъ императоръ! Да здравствуетъ императоръ!» Можно было подумать, что это богъ, дающій жизнь міру, и что съ его смертью все должно кончиться. Если какимъ нибудь старымъ республиканцамъ случалось говорить подъ хмѣлькомъ, что императоръ можетъ пасть,—ихъ принимали за сумасшедшихъ. Это казалось такъ невѣроятно, что объ этомъ и думать никто не смѣлъ.

Я былъ съ 1804 года въ ученіи у стараго часовщика, Мельхіора Гульдена, въ Пфальцбургѣ. Такъ какъ я казался нѣсколько с ладнымъ и немного прихрамывалъ, то мать моя и хотѣла выучить меня болѣе легкому ремеслу, чѣмъ наши деревенскія занятія, состоявшія изъ рубки дровъ, выжиганія угля и дѣланія саней. Старикъ Гульденъ очень любилъ меня. Мы жили въ первомъ этажѣ большого углового дома, прямо противъ трактира *Краснаго быка*, подлѣ Французской заставы.

По нашей улицѣ проѣзжало бездна народу, князей, посланниковъ, генераловъ изъ всѣхъ частей свѣта, и всѣ они останавливались въ *Красномъ быкѣ* и проматывали не мало денегъ. Здѣсь же случалось останавливаться и мѣстнымъ жителямъ, занимавшимся прежде собираніемъ въ лѣсу хвороста или подбираніемъ по дорогамъ навоза. Нѣкоторые изъ нихъ, повоевавъ во всѣхъ странахъ

свѣта, проѣзжали уже командирами, полковниками и генералами.

Старикъ Мельхиоръ, съ надвинутой черной шолоховой шапочкой на волосатыя уши, съ вялыми, обвисшими вѣками, острымъ носомъ, осѣдланнымъ большими черепаховыми очками, никакъ не могъ утерпѣть, чтобы не положить на верстаки луны и щипчиковъ, и не посмотреть на трактиръ, въ особенности, когда удары бича давали знать о прибытіи новаго лица. Тогда онъ вглядывался довольно пристально и иногда восклицалъ:

— Да вѣдь это сынъ кровельщика Якова, старой штопальщицы Маріи Анны или бочара Франца Сепеля! Онъ проложилъ себѣ дорогу... полковникъ и, кромѣ того, баронъ имперіи! Зачѣмъ же онъ не остановился у отца, въ улицѣ капуциновъ?

Но когда онъ видѣлъ, что пріѣзжій отправлялся вдоль по улицѣ, пожимая руки встрѣчнымъ, которые его узнавали,—выраженіе лица его измѣнялось; онъ вытиралъ глаза своимъ клѣтчатымъ носовымъ платкомъ и шепталъ:

— Вотъ будетъ-то рада бѣдная старуха Анна! Слава Богу! Слава Богу! этотъ не свихнулся отъ гордости,—славный малый; жаль, если его рано снесетъ какаянибудь шальная дуля!

Но были и такіе, которые стыдились заглянуть въ свое старое гнѣздо; другіе же гордо проходили по городу, чтобы повидаться съ какойнибудь сестрой или кузиной. Объ этихъ всё говорили съ гордостью, какъ-будто весь Пфальцбургъ носилъ ихъ кресты и эполеты; другихъ же презирали больше, чѣмъ если бы они мели улицы.

— Какъ ты думаешь, Жозефъ, говорилъ мнѣ часто старикъ Мельхиоръ:—сколько прошло мимо насъ съ 1804 года?

— Не знаю, г. Гульденъ, отвѣчалъ я:— четыреста или пятьсотъ тысячъ прошло.

— Да... по крайней мѣрѣ! говорилъ онъ.—А ты видѣлъ, много ли вернулось?

Тутъ я понималъ, что онъ хотѣлъ сказать, и отвѣчалъ ему:

— Можетъ быть, они возвращаются черезъ Майнцъ или какимънибудь другимъ путемъ... Иначе вѣдь быть не можетъ!

Но онъ, покачивая головою, говорилъ:

— Тѣ, которыхъ ты не видѣлъ возвращающимися, умерли, какъ умрутъ сотни и сотни тысячъ другихъ, если Господь не сжалятся надъ нами, потому что императоръ только и думаетъ о войнѣ! Онъ пролилъ больше крови, чтобы раздарить короны своимъ братьямъ, чѣмъ наша великая революція, чтобы завоевать права чело-
вѣка.

Мы снова сажались за работу, и размышленія старика Гульдена заставляли меня страшно задумываться.

Хотя я немного прихрамывалъ на лѣвую ногу, но вѣдь сколько людей и съ такими же недостатками ушли въ походъ. Эта мысль не выходила у меня изъ головы и страшно беспокоила меня; во-первыхъ потому, что я не любилъ войны, а во-вторыхъ потому, что хотѣлъ жениться на кузинѣ моей изъ *Четырехъ вѣтровъ*. — Воспитывались мы вмѣстѣ. Она была самая свѣжая и веселая дѣвушка въ цѣломъ окологдѣ, бѣлокурая, голубоглазая, съ розовыми щеками и бѣлыми зубами; ей было около восемнадцати лѣтъ, а мнѣ было девятнадцать, и тетка Маргретель радовалась, когда по воскресеньямъ я приходилъ съ утра завтракать и обѣдать съ ними.

Я провожалъ Катерину къ обѣднѣ и къ вечернѣ, а по праздникамъ она не выпускала моей руки и не танцевала съ другими деревенскими парнями. Всѣ знали, что мы женимся, но если бы мнѣ пришлось быть рекрутомъ; — все было бы кончено. Въ то время брали сначала холостыхъ, потомъ женатыхъ бездѣтныхъ, потомъ женатыхъ съ однимъ ребенкомъ, и мнѣ невольно приходило въ голову: «Развѣ хромые хуже отцовъ семейства? Развѣ не возьмутъ меня въ кавалерію?»

Страхъ мой увеличился въ особенности въ 1812 году, въ началѣ войны съ русскими. Съ февраля до конца мая передъ нами постоянно проходили полки и полки: драгуны, гусары, артиллерія, обозы, и все это тянулось безъ конца.

Но вотъ, 10 мая 1812 года, рано утромъ пушки арсенала возвѣстили приближеніе всеобщаго властедина. Когда раздался первый выстрѣлъ, я еще спалъ; мои маленькія окна задрожали, какъ барабанъ, и почти въ ту же минуту старикъ Гульдентъ, съ огнемъ въ рукахъ, отворилъ мою дверь и сказалъ мнѣ:

— Вставай... Онъ ѣдетъ!

Мы отворили окно. Не смотря на темноту ночи, мы увидѣли сотню драгуновъ, выѣзжавшихъ изъ-за заставы Франціи; у нѣкоторыхъ были въ рукахъ факелы. Они ѣхали съ страшнымъ шумомъ и трескомъ, освѣщая факелами дома, изъ оконъ которыхъ раздавались безконечныя крики: «Да здравствуетъ императоръ! Да здравствуетъ императоръ!»

Я смотрѣлъ на карету, какъ вдругъ около мясной лавки упала лошадь вмѣстѣ съ драгуномъ; въ ту же самую минуту изъ окна высунулась большая, блѣдная и толстая голова, съ прядью волосъ на лбу: это былъ Наполеонъ. Онъ держалъ поднятую руку, какъ-

будто собираясь взять щепотку табаку, и рѣзко сказалъ нѣсколько словъ. Офицеръ, скакавшій подлѣ, наклонился, чтобы отвѣтить ему. Онъ понохалъ, и карета скрылась за угломъ; крики, между тѣмъ, усилились и пальба не переставала.

Вотъ все, что я видѣлъ.

Императоръ не остановился въ Пфальцбургѣ; онъ уже ѣхалъ по Совернской дорогѣ, когда перестали палить. Потомъ водворилась тишина. У Французской заставы караульные подняли мостъ, а старый часовщикъ сказалъ мнѣ:

— Видѣлъ?

— Да, господинъ Гульденъ.

— Ну! сказалъ онъ: — въ рукахъ этого человѣка жизнь всѣхъ насъ; ему стоитъ дунуть на насъ, и мы сгинемъ прахомъ. Надо благодарить Бога, что онъ не злой человѣкъ, а то мнѣ бы ужасы временъ дикихъ царей и турокъ.

Черезъ минуту онъ прибавилъ:

— Иди спать, уже пробило три часа.

Съ этого дня и до самаго конца сентября, въ церкви служилось много молебновъ, и всякій разъ палили двадцать одинъ ударъ по случаю какой нибудь новой побѣды; старикъ Гульденъ всякій разъ восклицалъ:

— Слышишь, Жозефъ? еще побѣда! пятьдесятъ тысячъ человѣкъ убитыхъ, двадцать пять знаменъ, сто пушекъ!.. Недурно... недурно... недостаетъ теперь новаго набора, чтобы замѣстить убитыхъ.

— Какъ вы думаете, господинъ Гульденъ, въ страшномъ смущеніи говорилъ я ему: — будутъ ли вербовать и хромыхъ?

— Нѣтъ-нѣтъ, добродушно замѣтилъ онъ: — не бойся, дитя мое, ты дѣйствительно не можешь служить. Мы это уладимъ. Работай хорошенько и ни о чемъ не безпокойся.

Онъ видѣлъ мое безпокойство, и ему было жаль меня. Возвращаясь изъ города, куда онъ ходилъ чинить часы, онъ говаривалъ мнѣ:

— Армія теперь въ Вильнѣ или въ Смоленскѣ, я узналъ это у коменданта. Дай Богъ, чтобы и тамъ осталась побѣда за ними и былъ бы заключенъ миръ. Война—вещь ужасная.

Легко понять, какъ я, съ своей стороны, желалъ мира.

Наконецъ, 15-го сентября 1812 года, пришло извѣстіе о взятіи Москвы. Нашлись болтуны, которые говорили, что теперь остается только взять Китай. Черезъ недѣлю мы узнали, что русскіе сожгли Москву, и наши отступили къ Польшѣ. Всѣ ходили мрачные, блѣдные и ждали писемъ, а я на все смотрѣлъ въ розовое стекло, потому что глубоко былъ погруженъ въ одну мысль.

Уже пять мѣсяцевъ собирался я сдѣлать великолѣпный подарокъ Катеринѣ, въ день ея именинъ, 18-го декабря. Между часами, выставленными на окнѣ господина Гульдена, были маленькіе, прелестныя часики, съ серебряной крышкой. На циферблатѣ была нарисована влюбленная чета: молодой человѣкъ предлагалъ дѣвушкѣ букетъ цвѣтовъ, а она, потупивъ глаза, протягивала къ нему руку.

Увидавъ въ первый разъ эти часы, я сказалъ самъ себѣ: «ты не долженъ выпустить ихъ изъ рукъ; ихъ надо подарить Катеринѣ. Надо приобрести ихъ, хотя бы тебѣ пришлось работать каждый день до полуночи.» Послѣ семи часовъ, я работалъ у господина Гульдена на себя. У насъ бывали починка, чистка и вывѣрка старыхъ часовъ. Это дѣло было нелегкое, и за такую работу старикъ Гульденъ хорошо платилъ мнѣ. Но часики стоили тридцать пять франковъ. Сколько ночей пришлось мнѣ работать, и я увѣренъ, что, знай старикъ Гульденъ, что я хочу купить часы, онъ подарилъ бы мнѣ ихъ; но я считалъ стыдомъ—принять такой подарокъ и говорилъ самъ себѣ: «надо заработать эти часы... чтобы ничего въ нихъ не было чужого.» Но, боясь чтобы кто нибудь другой не купилъ ихъ; я сказалъ господину Гульдену, что знаю покупателя для этихъ часовъ.

Работая такимъ образомъ, я предавался мечтамъ, а между тѣмъ, наступила зима раньше обыкновеннаго. Холодъ былъ неслыханный; мы сидѣли точно закупоренные, боясь на минуту отворить дверь.

Часто, работая и слушая трескъ топившейся печки, господинъ Гульденъ вдругъ останавливался и, глядя на побѣлѣвшія стекла, восклицалъ:

— Бѣдныя, бѣдныя наши солдаты!

Онъ говорилъ это съ такой грустью, что у меня сердце сжималось, и я отвѣчалъ ему:

— Вѣдь теперь они должны быть въ Польшѣ, въ хорошихъ казармахъ; кто же можетъ переносить такой холодъ!

— Такой холодъ! говорилъ онъ; — да что значить этотъ холодъ въ сравненіи съ сѣверными холодами Россіи и Польши? Слава Богу еще, если они во время ушли!.. Господи, какъ тяжела обязанность людей, взявшихся руководить другими!

Между тѣмъ, день именинъ Катерины приближался. Я уже скопилъ тридцать пять франковъ и не зналъ только, какъ сказать хозяину, что покупаю часы; но наканунѣ торжественнаго дня, вечеромъ, когда мы молча работали при свѣтѣ лампы, я рѣшился сказать:

— Помните, господинъ Гульденъ, я говорилъ вамъ о покупщикѣ маленькихъ серебряныхъ часовъ?

— Да, Жозефъ, сказалъ онъ, — но онъ еще не являлся.

— Покупщикъ этотъ—я, господинъ Гульденъ.

Онъ съ удивленіемъ поднялъ голову; я же вынулъ тридцать пять франковъ и положилъ ихъ на верстакъ. Онъ все еще смотрѣлъ на меня.

— Эти часы тебѣ не годятся, сказалъ онъ: — тебѣ надо большіе часы съ секундной стрѣлкой, а это дамскіе часы.

Я не зналъ, что отвѣчать.

Господинъ Гульденъ, подумавъ нѣсколько, началъ улыбаться.

— Хорошо-хорошо, сказалъ онъ; теперь я понимаю, — завтра именины Катерины! Такъ вотъ зачѣмъ ты день и ночь работалъ!— Возьми свои деньги, мнѣ ихъ не нужно.

Я совсѣмъ сконфузился.

— Господинъ Гульденъ, благодарю васъ, сказалъ я ему; но часы эти для Катерины, и я радъ, что выработалъ ихъ. Вы огорчаете меня, отказываясь отъ денегъ; я лучше не возьму часовъ.

Онъ ничего болѣе не сказалъ и взялъ тридцать пять франковъ; потомъ отворилъ шкафъ, вынулъ превосходную стальную дѣпочку съ двумя вызолоченными ключиками и приложилъ еѣ часамъ, положивъ все вмѣстѣ въ ящикъ съ розовой ленточкой. Все это онъ дѣлалъ тихо, будто былъ чѣмъ-то тронутъ, и наконецъ отдалъ мнѣ ящикъ.

— Хорошенькій подарокъ, Жозефъ, сказалъ онъ: — Катерина должна быть довольна, что у нея такой женихъ, какъ ты. Она честная дѣвушка.—Теперь мы можемъ сѣсть ужинать; накрывай на столъ, а я сниму покуда супъ.

Господинъ Гульденъ вынулъ изъ шкафа бутылку метцкаго вина, и мы поужинали пріятельски. Онъ все время рассказывалъ мнѣ о дняхъ своей юности, о томъ, что онъ былъ влюбленъ, но, поступивъ, въ 92 году, на службу, онъ нашель, возвратясь въ Фенестражъ, милую свою замужемъ; вещь очень понятная, потому что онъ никогда не рѣшался сказать ей о своей любви.

Мы просидѣли такъ до десяти часовъ; потомъ, подложивъ въ печку хворосту, отправились спать.

На слѣдующій день, 18-го декабря, я проснулся въ шесть часовъ утра. На дворѣ былъ страшный холодъ, окно мое застилалось толстымъ слоемъ инея.

Наканунъ я развѣсилъ на спинку стула свой голубой фракъ съ длинными фалдами, палтоны, жилетъ изъ шерстяной матеріи,

чистую рубашку и свой хорошій чорный шолковый галстухъ. Все было готово: чулки и вычищенные башмаки лежали у постели; стоило мнѣ только одѣться, и, не смотря на то, я заранѣ дрожалъ отъ холода. Не будь тогда день именинъ Катерины, я пролежалъ бы въ постели часовъ до двѣнадцати. Но когда я вспомнилъ объ этомъ, то вскочилъ съ постели и торопливо побѣжалъ къ большой пазрцовой печи, гдѣ всегда къ утру оставалось нѣсколько горячихъ угольевъ. Я растопилъ ими печь и опять улегся въ постель.

Господинъ Гульдентъ, прячась подъ одѣяло, закричалъ мнѣ, что такого холода не бывало ужь лѣтъ сорокъ.—Я одѣлся и хотѣлъ уже уходить, когда хозяинъ воротилъ меня, сказавъ, чтобы я надѣлъ его шубу, потому что можно замерзнуть, и что вчера подняли тѣло оконченнаго солдата. Дѣйствительно, холодъ былъ такъ великъ, что казалось, будто въ воздухѣ летаютъ иглы и колютъ все тѣло. Почти всю дорогу до *Четырехъ вѣтровъ* я бѣжалъ бѣгомъ, и только мысль о невѣстѣ согрѣвала меня. Вскорѣ показались дома *Четырехъ вѣтровъ*.

У пятой двери направо я остановился, снялъ рукавицы и быстро отворилъ и затворилъ за собою дверь. Это былъ домъ тетки моей, Гредель Бауеръ, вдовы Матвѣя Бауера и матери Катерины.

Когда я раздѣлся и повѣсилъ вещи свои на гвоздь, я поблѣднѣлъ отъ удовольствія.

— Вотъ, моя дорогая, кое-что тебѣ на именины; но сначала ты должна еще хорошенько поцѣловать меня.

Она подставила мнѣ свои свѣжія, розовыя щочки и подошла къ столу; тетушка Гредель подошла тоже. Когда Катерина развязывала ленточку, я стоялъ сзади, и сердце у меня билось отъ страха, что подарокъ не понравится. Но чрезъ минуту Катерина всплеснула руками и прошептала:

— О Господи! какая прелесть!.. Часы.

— Да, сказала тетушка Гредель: — превосходно, я никогда не видывала такихъ прелестныхъ часиковъ... Точно серебряные.

— Да они и есть серебряные, сказала Катерина, оборачиваясь и вопросительно глядя на меня.

— Неужели вы предполагали, тетушка, что я способенъ подарить посеребренные часы той, которую люблю больше жизни? Если бы я могъ сдѣлать это, я презиралъ бы себя, какъ грязь съ башмаковъ моихъ.

Катерина, выслушавъ это, обвила мою шею руками, и я думалъ,

сжимая ее въ своихъ объятіяхъ, что это самый счастливый день въ моей жизни.

Тетушка Гредель спросила:

— Что тамъ нарисовано на стеклѣ?

— Тамъ нарисованы двое влюбленныхъ, отвѣчалъ я: — Жозефъ Берта и Катерина Бауеръ; Жозефъ предлагаетъ букетъ розъ своей милой, а она протягиваетъ руку, чтобы принять его.

Разсмотрѣвъ часы, тетушка Гредель сказала:

— Иди, поцѣлуй меня, Жозефъ; я вижу, сколько надо было тебѣ копить и работать для этихъ часовъ. Ты хорошій работникъ... и мы гордимся тобой.

Послѣ обѣда Катерина прогѣла намъ *Der liebe Gott!* а когда начало смеркаться, мы подсѣли съ ней къ очагу, держа другъ друга за руки, и я готовъ былъ не трогаться съ мѣста хоть до самаго утра.—Такъ прошло съ добрыхъ полчаса, когда тетушка Гредель вскричала:

— Ну, Жозефъ... пора отправляться; мѣсяцъ выйдетъ только въ полночь, и скоро совсѣмъ стемнѣетъ. Въ такія ночи долго ли до несчастья...

Эти слова поразили меня, а Катерина, между тѣмъ, удерживала меня за руку. Но тетушка Гредель была сообразительнѣе насъ...

— Довольно, сказала она, вставая и снимая шинель съ гвоздя; ты придешь опять въ воскресенье.

Нечего дѣлать, пришлось одѣваться и уходить. Выйдя изъ деревни, я встрѣтилъ разнощика Пинакля, моего заклятаго врага. Узнавъ меня, онъ сталъ браниться и угрожалъ, что съ первымъ наборомъ я буду взятъ въ рекруты, не смотря на свою храмоту. — Легко себѣ представить, какъ я струсилъ такого предсказанія, и потому пустился отъ Пинакля бѣгомъ и остановился только у дверей, поднявшись на лѣстницу.

Отворивъ комнату, меня обдало пріятной теплотой. Господинъ Гульдены сидѣлъ въ креслѣ передъ топившейся печкой, съ надвинутой черной шолковой шапочкой и съ сложенными на колѣняхъ руками.

— Это ты, Жозефъ? не обертываясь, сказалъ онъ.

— Да, господинъ Гульдены, отвѣчалъ я; какъ здѣсь хорошо. Какъ на дворѣ холодно! Кажется, такой зимы еще не бывало.

— Нѣтъ, задумчиво сказалъ онъ: — нѣтъ, о такой зимѣ долго будутъ помнить.

Я ушелъ въ другую комнату, чтобы положить на мѣсто теплыя

вещи, и думалъ разсказать ему встрѣчу свою съ Пинаклемъ, какъ вдругъ онъ спросилъ меня, услыжавъ, что я вернулся въ его комнату:

— Весело тебѣ было, Жозефъ?

— Весело! тетушка Гредель и Катерина велѣли вамъ кланяться.

— Хорошо! хорошо! сказалъ онъ:—молодые должны веселиться, потому что стараго челоуѣка уже ничто не радуеть; онъ столько натерпѣлся, столько насмотрѣлся несправедливостей, жестокости и горя, что веселиться ему не подѣ силу.

Онъ говорилъ все это точно самъ съ собою, и я никогда не видалъ его такимъ печальнымъ.

— Вы больны, господинъ Гульдентъ?

Но онъ, не отвѣчая мнѣ, прошепталъ:

— Да-да, вотъ и великія воинственныя націи... вотъ и слава!

Онъ покачалъ головой и задумчиво селонился, нахмурилъ брови.

Я не зналъ, что и думать; но онъ, приподнявъ голову, сказалъ мнѣ:

— Въ настоящую минуту, Жозефъ, во Франціи плачутъ четыреста тысячъ семействъ: наша великая армія погибла въ снѣгахъ Россіи; всѣ эти молодые, сильные люди, проходившіе въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ мимо насъ, похоронены въ снѣгахъ. Вѣсть эта пришла сегодня послѣ обѣда. Вспомнить объ этомъ ужасно!

Я молчалъ; мнѣ ясно представлялось одно, что скоро у насъ будетъ новый наборъ, какъ бывало послѣ каждой компаніи, и что на этотъ разъ рекрутами пойдутъ и хромые. Я стоялъ блѣдный, какъ жертвецъ, и предсказаніе Пинакля приводило меня въ отчаяніе.

— Отправляйся, Жозефъ, спать, сказалъ мнѣ старикъ Гульдентъ:— а мнѣ и сонъ на умъ нейдетъ; я останусь тутъ... все это волнуеть меня.

Я ушелъ къ себѣ въ комнату и легъ, но мысли о наборѣ и Катеринѣ, о нашихъ солдатахъ, погребенныхъ въ снѣгахъ, не давали мнѣ сомкнуть глазъ до трехъ часовъ,—когда пришелъ спать и господинъ Гульдентъ.

Когда я вышелъ на слѣдующее утро къ яванну, онъ лежалъ еще въ постели и просилъ меня сходить за него поправить часы у разныхъ лицъ въ городѣ.

У ратуши на углу мнѣ представилось зрѣлище, которое всю жизнь не выйдесть у меня изъ памяти. Тамъ висѣлъ большой листъ бюллетеней, около котораго толпилось челоуѣкъ пятьсотъ горожанъ и мужиковъ, старыхъ и молодыхъ. Всѣ они, блѣдные, какъ покой-

ники, лѣзли другъ на друга, стараясь прочесть объявленіе. Отъ времени до времени слышались слова:

— Да неужели они всё умерли?.. вѣдь ктонибудь да вернется.

Другіе же кричали:

— Ничего не видно... подойти нельзя!

Какая-то старуха, поднимая руки къверху, кричала:

— Христофоръ... мой бѣдный Христофоръ!

Другіе же точно приходили въ негодованіе отъ ея криковъ и говорили:

— Велите же замолчать этой ревуны!

Всякій думалъ только о себѣ. Къ этой толпѣ все прибывалъ народъ изъ нѣмецкой заставы.

Наконецъ изъ подъ арки кордегардіи вышелъ городской сержантъ Гармантье и, ставъ наверху лѣстницы, началъ читать объявленіе, точно такое же, какое было прибито на углу. Это объявленіе называлось 29-мъ бюлетенемъ, и въ немъ императоръ рассказывалъ, что при отступленіи каждую ночь лошади гибли тысячами.—О людяхъ онъ ничего не говорилъ.

Сержантъ читалъ медленно, молчаніе было глубокое; старуха, непонимавшая по французски, слушала вмѣстѣ съ другими. Молчаніе длилось, пока не дошло до слѣдующаго мѣста: — «Наша кавалерія лишилась столькихъ лошадей, что пришлось собрать офицеровъ, у которыхъ оставались лошади, чтобы образовать изъ нихъ четыре эскадрона, въ полтораста человѣкъ каждый. Генералы занимали въ нихъ должности капитановъ, а полковники—унтеръ-офицеровъ.»— Но тутъ, узнавъ о бѣдствіяхъ нашей великой арміи, со всѣхъ сторонъ полетѣли крики и стоны; двѣ-три женщины упали... и ихъ увели подъ руки.

Правда, что въ объявленіи было прибавлено: «Здоровье его величества находится въ отличномъ состояніи»,—что было большимъ утѣшеніемъ. Къ несчастью, здоровье его не могло возвратитъ жизни тремъстамъ тысячамъ человѣкъ, погибшихъ въ сѣняхъ.—Всѣ печально разошлись, и Гармантье выходилъ по временамъ и снова прочитывалъ объявленіе вновь накопившимся толпамъ. Такое чтеніе длилось до вечера.

Я убѣжалъ, не желая ничего знать.

Придя къ мѣстному коменданту, я засталъ его за завтракомъ. Комендантъ былъ почтенный старикъ, съ краснымъ лицомъ и хорошимъ аппетитомъ.

— А, это ты, сказалъ онъ: — такъ Гульдентъ не придетъ?

— Нѣтъ, господинъ комендантъ, онъ болѣнъ отъ всѣхъ этихъ печальныхъ вѣстей.

— Понимаю, понимаю, сказалъ онъ, осушая свой стаканъ;— да, все это грустно.

И пока я возился съ часами, онъ велѣлъ передать хозяину, что еще не все потеряно, что и на нашей улицѣ будетъ праздникъ.

Къ десяти часамъ мнѣ оставалось побывать только у двоихъ: у господина де-ла-Ваблери-Шамберланъ, стараго дворянина, жившаго съ мадамъ Шамберланъ д'Эвофъ и дочерью ихъ Жанною. Это были эмигранты, возвратившіеся три или четыре года тому назадъ. Въ городѣ они ни съ кѣмъ не знали, и къ нимъ ходили только три-четыре старыхъ попа изъ окрестностей. Господинъ де-ла-Ваблери-Шамберланъ только и любилъ что охоту, держалъ у себя на дворѣ шесть собакъ и карету съ парой лошадей; а дѣдушка Робертъ, изъ улицы капуциновъ, исправлялъ у него должности и кучера, и лакея, и разсыльнаго, и егеря. Господинъ де-ла-Ваблери ходилъ всегда въ охотничьемъ платьѣ, и весь городъ называлъ ее *мжавой собакой*.

Среди всеобщаго унынія, меня странно поразили звуки фортепіано и голосъ поющаго господина де-ла-Ваблери. Войдя къ нему, я подумалъ: «они, вѣрно, не знаютъ еще о печальныхъ вѣстяхъ изъ Россіи.»

Изъ кухни высунулась голова служанки ихъ Луизы, спросившей:

— Кто тамъ?

— У васъ гости?

— Нѣтъ, но мнѣ не велѣно никого пускать.

— Что это у васъ веселятся?

— Да-да, сказала она:— не знаю, что съ ними, первый разъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Я поправилъ часы и вышелъ, удивляясь и думая, что есть же люди, которые радуются общему горю.

— Выйдя отъ господина де-ла-Ваблери, я отправился за уголь къ дѣдушкѣ Ферая, котораго называли *знаменщикомъ*, потому что, когда ему было сорокъ пять лѣтъ и онъ былъ дровосѣкомъ и отцомъ семейства, онъ несъ, въ 92 году, знамя волонтеровъ Пфальдбурга и воротился только послѣ цюрихской кампаніи. Въ арміи, ушедшей въ Россію, у него были три сына: Жанъ, Людвигъ, и Жоржъ; Жоржъ былъ батальоннымъ командиромъ драгуновъ, а двое другихъ офицерами инфантеріи.

Я заранѣе представлялъ себѣ горе дѣдушки Ферая, но не ожидалъ ничего подобнаго, что увидѣлъ, войдя въ комнату его.

Несчастный, слѣпой и совершенно лысый старикъ сидѣлъ на крестѣ за печкой, склонивъ голову на грудь и бессмысленно глядя впередъ, какъ-будто у ногъ его лежали его сыновья; онъ не произносилъ ни слова, но крупныя капли пота капали со лба его на щеки, и лицо его было такъ блѣдно, какъ-будто онъ умиралъ. Четверо или пятеро его старыя товарищей, время республики, пришли утѣшать его. Они стояли вокругъ въ глубокомъ молчаніи, курили трубки и выражали отчаянье.

Иногда кто нибудь изъ нихъ говорилъ:

— Полно, Фераль, полно!.. развѣ мы не старые солдаты арміи Самбры и Мозеля?

Или:

— Не отчаявайся, знаменщикъ, не отчаявайся!.. Развѣ мы не атаковали большой батареи подъ Флерусомъ, бѣглымъ шагомъ? Или что нибудь въ этомъ родѣ.

Но онъ не отвѣчалъ ничего, иногда вздыхалъ и еще ниже наклонялся, а присутствующіе качали головою, какъ-будто говоря: «Плохо!»

Я посиѣнилъ поправить часы и уйти. У меня сердце надрывалось, глядя на этого несчастнаго старика.

Возвратясь домой, я нашелъ господина Гульдена за верстакомъ.

— Вотъ и ты, Жозефъ, сказалъ онъ:—ну что?

— Ахъ, господинъ Гульденъ, хорошо, что вы остаетесь: ужасныя вещи!

И я все подробно рассказалъ ему.

— Да, я это зналъ, задумчиво сказалъ онъ:—но несчастія наши только начинаются: эти пруссаки, австрійцы, русскіе, испанцы и всѣ, кого мы били съ 1804 года, воспользуются нашею бѣдой и нападутъ на насъ. Такъ какъ мы хотѣли сажать имъ королей, которыхъ они совсѣмъ не знали, да и не хотѣли, то теперь они приведутъ къ намъ другихъ, и съ дворянами, и со всѣми принадлежностями; такъ что, проливъ кровь за братьевъ императора, мы еще лишимся всего, что приобрѣли революціей. Вмѣсто того, чтобъ быть первыми, мы станемъ самыми послѣдними. — Да, вотъ что съ нами теперь будетъ; все время, что ты ходилъ по городу, я думалъ съ этомъ, это почти неизбежно: — все наша сила была въ солдатахъ, а солдатъ теперь не стало; следовательно, пропала и сила!

Онъ всталъ, а я пошелъ накрывать на столъ. Въ то время, какъ мы сѣли обѣдать, зазвонили церковныя колокола.

— Въ городѣ кто нибудь умеръ, сказалъ г. Гульденъ.

— Да... но я ничего не слышалъ.

Минуть черезъ десять пришелъ равнинъ Розъ—отдать вставить въ часы стекло.

— Кто это умеръ? спросилъ его г. Гульденыъ.

— Старикъ знаменщикъ.

— Какъ! старикъ Фераль?

— Да, полчаса или минутъ двадцать тому назадъ. Старикъ Демаре и еще нѣкоторые другіе хотѣли его утѣшить; наконецъ, онъ попросилъ ихъ прочесть ему послѣднее письмо сына его Жоржа, командира драгуновъ, который писалъ ему, что надѣется пріѣхать—обнять его весною въ полковничьихъ эполетахъ. Выслушавъ письмо, онъ вдругъ хотѣлъ встать, но упалъ мертвый: письмо разбило ему сердце!

Господинъ Гульденыъ не сказалъ ни слова.

— Вотъ, господинъ Розъ, сказалъ онъ, отдавая часы равнину:— двѣнадцать су.

Господинъ Розъ ушелъ, а мы молча продолжали обѣдъ.

Въ газетахъ печатались все такія новости, которыя заставляли меня все болѣе и болѣе бояться рекрутчины.

Когда мы оставались одни, господинъ Гульденыъ иногда говорилъ мнѣ, что только война за свободу — война справедливая, на которую нельзя жаловаться; а идти за славу одного человѣка, стыдно и унижительно.

Восьмого января къ дому городской полиціи прибили огромное объявленіе, изъ котораго узнали, что императоръ, по соглашенію съ сенатомъ, какъ говорилось тогда, дѣлалъ наборъ въ 150,000 рекрутъ 1813 года; затѣмъ сто когорть перваго отдѣла набора 1812 года и сто тысячъ рекрутъ набора съ 1809 по 1812 годъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе; такъ что всѣ прорѣхи будутъ заштопаны, и армія наша будетъ больше той, что погребена въ Россіи.

Когда Фузъ, стекольщикъ, пришелъ намъ рассказать объ этомъ объявленіи, я упалъ почти безъ чувствъ, думая:

— Теперь берутъ все: отцовъ семейства, съ 1809 года; я пропалъ!

Господинъ Гульденыъ вспрыснулъ меня водою; руки у меня висѣли, я былъ блѣденъ, какъ мертвецъ.

Въ тотъ же день я отправился къ тетускѣ Гредель, которую засталъ блѣдною отъ негодованія, а Катерину въ слезахъ: онѣ уже знали о наборѣ.

Мы молча поцѣловались, и тетуска Гредель, откинувъ за уши свои сѣдые волосы, начала слѣдующія рѣчи:

— Ты не пойдешь!.. Что намъ за дѣло до войны? Самъ священ-

нияз говорилъ намъ, что войны уже слишкомъ много, что надо наконецъ заключить и миръ!.. Ты останешься! Не плачь, Катерина: — говорю тебѣ, что онъ останется.

Она совершенно позеленѣла отъ злости и, говоря, перемывала посуду.

— Давно уже противна мнѣ эта ужасная бойня, сказала она: — мало что у насъ ушли и Касперъ, и Йокель, изъ-за этого императора, — теперь онъ беретъ у насъ и молодыхъ; не довольно развѣ ему, что въ Россіи погибло триста тысячъ человѣкъ.—Посмотримъ! посмотримъ!

— Ради Бога, тетушка Гредель, молчите, говорите тише, ска-заль я, посмотрѣвъ въ окно, — васъ могутъ услышать; мы пропадемъ всѣ.

— Я говорю, чтобъ меня слышали, отвѣчала она: — я не боюсь твоего Наполеона; онъ началъ тѣмъ, что запретилъ намъ говорить, чтобъ дѣлать все по своему... но всему этому будетъ конецъ!.. Въ одной нашей деревнѣ четыре молодыя женщины лишаются мужей, и десять молодыхъ людей бросаютъ все, не смотря на отца, мать, не смотря на справедливость, на Бога, на религію... развѣ это не отвратительно?

И когда я хотѣлъ отвѣчать, она сказала мнѣ:

— Постой, Жозефъ, молчи, у этого человѣка нѣтъ сердца!.. онъ плохо кончитъ!.. Перстъ божій показался уже нынѣшней зимой, Господь увидѣлъ, что люди чувствовали болѣе страха передъ чело-вѣкомъ, чѣмъ передъ нимъ самимъ, и что матери не смѣли не жертвовать ему своею плотью, какъ это было во времена Ирода. Увидавъ это, Онъ наслалъ холодъ, и армія наша погибла... Тутъ видѣнъ бичъ божій!.. Ты, ты не уйдешь, говорила мнѣ ожесточен-ная женщина; я не хочу, чтобъ ты уходилъ; ты спрячешься въ лѣса съ Жаномъ Крафтомъ, Людвигомъ Вемомъ и всѣми отважными здѣшними молодцами; вы пройдете горами въ Швейцарію, а мы съ Катериной пойдемъ за вами до окончанія бойни.

Тетушка Гредель замолчала. Въмѣсто обыкновеннаго обѣда, она изготвила намъ обѣдъ лучше, чѣмъ въ послѣднее воскресенье, и твердымъ голосомъ сказала намъ:

— Бушайте, дѣти мои, не бойтесь... все измѣнится.

Возвращаясь домой, я услыхалъ, какъ на углу улицы читалось объявленіе.

Гармантъе, окруженный толпою, читалъ, что, по предписанію сената отъ третьяго числа, рекрутскій наборъ назначается пят-надцатаго.

Въ тотъ день было восьмое, слѣдовательно, оставалось только семь дней. Это привело меня въ отчаянье.

Всѣ слушавшіе молча разошлись. Я пришелъ домой совершенно опечаленный и сказалъ хозяйину:

— Жребіи вынимаютъ въ будущій четвергъ.

— А! замѣтилъ онъ,—они не теряютъ времени... дѣло спѣшное.

Всю эту недѣлю я прбвелъ въ страшныхъ мученіяхъ, такъ что въ четвергъ утромъ былъ болѣнъ, и родственники рекрутовъ завидовали моей болѣзни, говоря: «какой счастливецъ... онъ едва живъ!.. Родятся же люди подъ счастливой звѣздой.»

Стоило посмотрѣть на пфальцбургское мерство утромъ 15 января 1813 г., во время рекрутскаго засѣданія. Теперь хотя и грустно уходить изъ дому въ солдаты, чтобы неизвѣстно гдѣ учиться: «Разъ... два!.. разъ... два!.. Стой!.. Глаза направо... глаза налѣво... смирно!.. на караул!.. и т. д.» но все-таки есть надежда вернуться; тогда же надежды этой не было: часто изъ ста человѣкъ не возвращалось ни единого.

Приемъ начался въ девять часовъ.

Я надѣлъ свой фракъ и хотѣлъ уже идти, когда вошли тетушка Гредель и Катерина, говоря:

— Здравствуйте, господишь Гульденъ! мы пришли къ приему.

Я тотчасъ же замѣтилъ по краснымъ глазамъ Катерины, какъ много она плакала; войдя, она бросилась мнѣ на шею.

Гульденъ сказалъ имъ:

— Пора идти и городскимъ рекрутамъ.

— Да, господинъ Гульденъ, отвѣчала Катерина, гарбергскіе рекруты уже кончили.

— Хорошо... хорошо... Ну, Жозефъ, пора отправляться, сказалъ онъ. Не огорчайся... Не пугайтесь. Этотъ жребій только вѣдь для виду. Уже давно никто не выигрываетъ, а если и выигрываетъ, то все-таки попадаетъ года черезъ два-три: всѣ номера дурны! Когда соберется ревизіонный совѣтъ, мы посмотримъ, что можно будетъ сдѣлать. Теперь вѣдь лотерея устроивается только для потѣхи... вѣдь всѣ проигрываютъ.

— Все равно, замѣтила тетушка Гредель: — Жозефъ выиграстъ.

— Да... да... улыбайся, отвѣчала господинъ Гульденъ: — онъ выиграетъ.

Послѣ этого я вышелъ съ Катериной и съ тетушкой Гредель, и мы пошли къ площади, гдѣ толпился народъ. Во всѣхъ лавкахъ толпами тѣснились рекруты, покупая себѣ ленты; они плакали, распѣвая въ какомъ-то изступленіи. Другіе, рыдая, обнимались въ

харчевняхъ, и все-таки пѣли. Въ Пфальцбургъ пришли окрестные музыканты, и музыка, смѣшиваясь съ рыданіями, казалась чѣмъ-то ужаснымъ.

Катерина сжимала мнѣ руку, а тетушка Гредель шла за нами.

Противъ казармъ я издали узналъ разнощика Пинакля, съ коробомъ, раскрытымъ на маленькомъ столикѣ, подлѣ котораго стояла жердь, увѣшанная лентами, которыя онъ продавалъ рекрутамъ.

Я хотѣлъ поскорѣе пройти; онъ закричалъ мнѣ:

— Эй ты! хромоногий, стой... стой! иди-ка сюда... я припасъ тебѣ славную ленту... тебѣ надо понарядише...

Онъ махнулъ надъ своей головой длинной черной лентой, и я невольно поблѣднѣлъ. Въ то время, какъ мы поднимались по лѣстницѣ мерства, сверху спускался рекрутъ, Клипфель, кузнецъ съ Французской заставы; онъ вынулъ 8 номеръ и издали кричалъ:

— Черную ленту, Пинакль, черную ленту!.. Подавай... во что бы ни стало.

Онъ былъ мраченъ и смѣялся. Сзади шелъ, рыдая, его маленькій братъ Жанъ и кричалъ:

— Нѣтъ, Яковъ, нѣтъ не черную ленту!

Но Пинакль привязывалъ уже ленту къ шляпѣ кузнеца, а тотъ говорилъ:

— Готъ что теперь намъ надо... мы всѣ покойники... и должны носить по себѣ трауръ!

И дикимъ голосомъ онъ крикнулъ: «Да здравствуетъ императоръ!»

Видѣть такую ленту на его шляпѣ мнѣ было пріятнѣе, чѣмъ видѣть ее на своей, и я ускользнулъ въ толпу, чтобы скрыться отъ Пинакля.

Мы вошли наверхъ въ большую залу, откуда выходили блѣдные рекруты, прикрѣпляя номеръ свой къ фуражкѣ. Изъ залы присутствія раздавались голоса, громко выкликавшіе номера, какъ-будто какойнибудь приговоръ; да всѣ номера и были приговорами.

Мы ждали долго. Во мнѣ кровь застыла, когда наконецъ крикнули мое имя.

Я пошелъ, ничего не видя и не слыша, сунулъ руку въ ящикъ и вынулъ номеръ.

Супрефектъ крикнулъ: «номеръ 17!»

Послѣ этого, я молча вышелъ, а за мною вышли Катерина и тетушка. Когда мы добрались до площади, гдѣ было просторнѣе, я вспомнилъ, что вытащилъ 17 номеръ.

Тетушка Гредель была въ совершенномъ изступленіи.

— А вѣдь я сунула тебѣ кое-что въ карманъ, сказала она:—но тебя сглазилъ этотъ негодяй, Пинакль.

Она при этомъ выдернула изъ моего кармана кусочекъ веревки. У меня капали крупныя капли пота; Катерина шла блѣдная, какъ полотно.

— Какой у тебя номеръ? сказалъ г. Гульдентъ, какъ только мы вошли къ нему.

— Семнадцатый, отвѣчала тетка, садясь.

Это на минуту встревожило старика, но потомъ онъ сказалъ:

— Все равно, какой бы то ни было... всѣ пойдутъ... надо дополнить выбывшихъ. Жозефу это все равно. Я пойду поговорить съ меромъ и комендантомъ... Весь городъ знаетъ, что Жозефъ хромаетъ, объ этомъ можно вѣдь и напечатать. Такъ вотъ зачѣмъ я пойду къ нимъ. Не горюйте пока, успокойтесь...

Эти слова добряка Гульдена такъ успокоили тетку и Катерину, что онѣ возвратились къ себѣ, съ надеждою въ душѣ. На меня они не подѣйствовали, и съ этой минуты я не успокоивался ни на одно мгновеніе.

Черезъ недѣлю послѣ этого, въ ратушѣ засѣдалъ ревизіонный совѣтъ, со всѣми окрестными мерами и нѣсколькими извѣстными людьми, чтобы, въ случаѣ нужды, давать нѣкоторыя разъясненія.

Наканунѣ того дня Гульдентъ надѣлъ свой сюртукъ каштановаго цвѣта, нарядный парикъ и отправился заводить часы къ господину меру и господину коменданту. Онъ воротился съ сіяющимъ лицомъ и сказалъ мнѣ, чтобы я ничего не боялся.

Слова хозяина успокоили меня, и я спалъ въ эту ночь сномъ младенца. Но на слѣдующій день возвратился прежній страхъ: боясь, чтобы меня не сочли здоровымъ человѣкомъ, я, не сказавъ ни слова хозяину, выпилъ весь уксусъ изъ судка. Но когда я вошелъ въ комнату Гульдена и онъ взглянулъ на меня, то у него вырвался невольный крикъ:

— Жозефъ, что съ тобой? ты красенъ, какъ пѣтухъ!

Взглянувъ въ зеркало, я увидѣлъ, что все лицо у меня совершенно красно. Я испугался и, вмѣсто того, чтобы поблѣднѣть со страху, я еще болѣе покраснѣлъ и въ отчаяннѣ закричалъ:

— Теперь я пропаю! Теперь не замѣтятъ моихъ недостатковъ и, пожалуй, сочтутъ меня за здороваго; это отъ уксуса кровь бьетъ мнѣ въ голову:

— Какого уксуса? спросилъ старый часовщикъ.

— Укуси изъ судка, что я выпилъ для того, чтобы поблѣднѣть... Господи, зачѣмъ я это сдѣлалъ!

— Это вѣдь не убавить твоей храмоты, сказала Гульдентъ; ты хотѣлъ обмануть совѣтъ, и это нечестно!—Вотъ бьетъ половина десятаго. Вернеръ заходилъ вчера сказать, чтобы ты былъ тамъ въ десять. Такъ торопись.

Нечего дѣлать,—мнѣ надо было идти въ такомъ положеніи,—съ пылавшими отъ укуса щеками. Тетушка и Катерина, ожидавшія меня въ воротахъ мерства, едва узнали меня.

— Какой у тебя довольный и веселый видъ! сказала мнѣ тетушка Гредель.

Услыхавъ это, мнѣ вѣрно сдѣлалось бы дурно, если бы я невольно не поддѣрился укусомъ. Я поднялся на лѣстницу, проклявша свою глупость.

Наверху двадцать пять рекрутовъ, выдававшихъ себя за негодящихся, были уже приняты, и столько же сидѣло въ ожиданіи.

Старый жандармъ Кельць ходилъ взадъ и впередъ, и, увидавъ меня, съ удивленіемъ остановился и вскричалъ:

— Ну, слава Богу! слава Богу! хоть одинъ наконецъ отправляетъ съ удовольствіемъ: любовь къ славѣ пылаетъ въ его глазахъ.

И положивъ руку ко мнѣ на плечо, онъ прибавилъ:

— Это хорошо, Жозефъ, предсказываю тебѣ, что къ концу кампаніи ты будешь капраломъ.

— Да вѣдь я хромой! съ негодованіемъ вскричалъ я.

— Хромой! сказалъ Кельць, подмигнувъ: — хромой! Ничего, съ такимъ лицомъ никогда не останешься назадъ.

Послѣ этихъ словъ, дверь въ присутствіе отворилась и другой жандармъ, Вернеръ, крикнулъ:

— Жозефъ Берта!

Я вошелъ, хромя изъ всей мочи. Два доктора разговаривали посреди комнаты; супрефекты, меры и секретарь сидѣли за столомъ. Одинъ изъ докторовъ обернулся и сказалъ:

— Раздѣвайтесь.

Я раздѣлся до рубашки, которую снялъ съ меня Вернеръ. Доктора осматривали меня.

Господинъ супрефектъ сказалъ:

— Вотъ здоровый дѣтина!

Эти слова взбѣсили меня, но я снойко сказалъ:

— Вѣдь я хромоногій, господинъ супрефектъ.

Доктора осматривали меня, и докторъ нашего госпиталя, которому, вѣроятно, комендантъ говорилъ обо мнѣ, сказалъ:

— Лѣвая нога немного коротка.

— Но она здорова, замѣтилъ другой.

Потомъ, положивъ мнѣ руку на грудь, онъ сказалъ:

— Славное тѣлосложеніе.—Кашляните-ка.

Я кашлянулъ такъ слабо, какъ только могъ; но, не смотря на это, онъ нашель, что я крѣпокъ, и прибавилъ еще:

— Взгляните, какой у него цвѣтъ лица; это ужь видно, что хорошая кровь.

Видя, однако, что меня возьмутъ, если я не буду говорить, я отвѣчалъ:

— Я выпилъ уксусу.

— А! сказалъ онъ:—это доказываетъ, что у васъ хороній желудокъ, если вы любите уксусъ.

— Но вѣдь я хромой! въ отчаяннѣ вскричалъ я.

— Не горюйте, возразилъ докторъ: — ручаюсь вамъ, что нога у васъ крѣпкая.

— Все это, сказалъ тогда господинъ меръ, не мѣшаетъ этому молодому человѣку хромать отъ рожденія; это извѣстно всему Пфальцбургу.

— Конечно, подхватилъ госпитальный докторъ, — лѣвая нога слишкомъ коротка; такой недостатокъ избавляетъ отъ службы.

— Да, продолжалъ господинъ меръ: — я увѣренъ, что онъ не вынесетъ продолжительной службы и останется послѣ второго привала.

Первый докторъ замолчалъ.

Я уже думалъ, что избавился отъ войны, какъ вдругъ супрефектъ спросилъ меня:

— Вы Жозефъ Берта?

— Да, господинъ супрефектъ, отвѣчалъ я.

— Ну, такъ, господа, сказалъ онъ, вынимая письмо изъ портфеля:—слушайте!

И онъ началъ читать письмо, въ которомъ рассказывалось, что, шесть мѣсяцевъ тому назадъ, я бился о закладъ, что пройду въ Соверенъ и назадъ скорѣ Пинавли; что мы дѣйствительно ходили вмѣстѣ менѣе, чѣмъ въ три часа, и что я выигралъ.

Къ несчастью, это была правда! Этотъ негодяй Пинакль вѣчно обзывалъ меня хромымъ, и я, взбѣсившись, побился съ нимъ о закладъ. Весь городъ зналъ объ этомъ, и потому отрекаться я не могъ.

Я совершенно растерялся, а докторъ сказалъ мнѣ:

— Это разрѣшаетъ дѣло; одѣвайтесь.

— Онъ закричалъ, обернувшись къ секретарю:

— Годенъ къ службѣ.

Я одѣлся и вышелъ въ страшномъ отчаяннѣ, разразившемся въ риданіяхъ на улицѣ.

Тетушка Гредель всю дорогу кричала; и такъ мы дошли до дому, гдѣ ждалъ насъ хозяинъ, никакъ неожиданный такой развязки. Я рассказалъ ему исторію съ письмомъ, прибавивъ, что, въ несчастію, все, что въ немъ рассказывалось,—справедливо.

— Бьетъ двѣнадцать часовъ, сказалъ хозяинъ послѣ нѣкотораго молчанія:—сядемте обѣдать.—Матушка Гредель и Катерина, садитесь.

Онѣ сѣли, и мы стали обѣдать. Тетушка Гредель кусала губы и наконецъ сказала:

— Мнѣ дѣла нѣтъ до страны, гдѣ берутъ отцовъ семействъ, послѣ того, какъ забрали всѣхъ холостыхъ! Будь я на мѣстѣ Жозефа, я сейчасъ бы убѣжала,

— Я люблю болѣе всего миръ и спокойствіе, отвѣчалъ я; но все-таки не хотѣлъ бы скрываться въ чужихъ земляхъ, какъ какойнибудь бездомникъ. И не смотря на все это, я сдѣлаю все, что пожелаетъ Катерина; если она велитъ мнѣ бѣжать въ Швейцарію,—я убѣгу...

Тогда Катерина потушила голову, чтобы скрыть свои слезы, и тихо прошептала:

— Я не хочу, чтобы тебя могли назвать дезертиромъ.

— Ну, такъ я поступлю, какъ другіе! вскричалъ я; такъ какъ рекруты Пфальцбурга и Дагеберга отправляются на войну, то и я пойду!

Господинъ Гульдентъ ничего не сказалъ на это.

Къ двумъ часамъ тетушка Гредель встала и взяла свою корзинку. Она казалась точно убитою.

— Ты не хочешь слушать меня, Жозефъ, сказала она; но все равно, съ божьей помощью, все кончится: ты воротись, а Катерина подождетъ тебя.

Сойдя съ лѣстницы, онѣ кривнули мнѣ, чтобы я приходилъ къ нимъ почаще.

Я чувствовалъ себя такимъ несчастнымъ въ тотъ день, что даже теперь сжимается сердце отъ воспоминанія.

Утромъ 25 января, когда я собрался идти къ Катеринѣ, Гульдентъ, работавшій у верстака, обернулся и со слезами на глазахъ сказалъ мнѣ:

— Я не хотѣлъ беспокоить тебя на ночь Жозефъ; но вѣдь надо

же сказать: вчера вечеромъ жандармъ принесъ мнѣ твой подорожный билетъ. Ты отправляешься съ пьемонтцами и генуэзцами, и кое съ кѣмъ изъ нашихъ городскихъ рекрутовъ, между прочимъ, идетъ и Гаспаръ Зебеде; вы отправляетесь въ Майнцъ.

Услыхавъ это, я такъ и упалъ на стулъ. Хозяинъ досталъ билетъ и прочелъ его. Въ головѣ у меня только и удержалось, что я назначаюсь въ 6-й линейный полкъ.

Чтеніе этого билета страшно подѣйствовало на меня, такъ какъ я ничего не зналъ заранѣе.

Помолчавъ немного, хозяинъ прибавилъ:

— Итальянцы выступаютъ сегодня въ одиннадцать часовъ.

Послѣ этихъ словъ, я точно очнулся отъ дурного сна и вскричалъ:

— Такъ я не увижу больше Катерины?

— Увидишь, Жозефъ, увидишь, въ волненіи сказалъ онъ:—я послалъ сказать матушкѣ Гредель и Катеринѣ; такъ что, дитя мое, онѣ придутъ и ты простишься съ ними здѣсь.

Видя его печаль, я едва сдерживался, чтобы не зарыдать.

Черезъ минуту онъ продолжалъ.

— Тебѣ не о чемъ беспокоиться, я все заранѣе приготовилъ. И когда ты возвратишься, и я буду еще живъ, ты найдешь меня все тѣмъ же. Я уже становлюсь старъ, и былъ бы счастливъ принять тебя и Катерину, какъ своихъ дѣтей... Я уступилъ бы тебѣ свое заведеніе... Но надо покориться, если Богу не угодно, хотя я увѣренъ, что ты вернешься: вѣдь увидятъ же наконецъ, что ты не можешь много ходить.

Онъ вынулъ изъ шкафа кожаный мѣшокъ.

— Вотъ твой мѣшокъ, сказалъ онъ:—я положилъ въ него все, что тебѣ нужно: двѣ рубашки, двѣ теплыхъ фуфайки и все остальное. Въ Майнцѣ ты получишь еще двѣ рубашки; больше тебѣ ничего и не надо, я заказалъ тебѣ башмаки; нѣтъ ничего хуже казенныхъ башмаковъ; они почти всегда изъ конской кожи и страшно горячатъ ноги. Ты и безъ того нетвердъ на ногахъ, бѣдняга мой, такъ, по крайней мѣрѣ, чтобы хоть не было больно.—Ну, вотъ и все.

Онъ положилъ мѣшокъ на столъ, и самъ опять сѣлъ.

Не стану описывать ужаснаго прощанія съ тетушкой, съ Катериной и со старикомъ Гульденомъ. Простившись съ ними, я покидалъ все дорогое въ этой жизни.

Въ тотъ же день мы дошли до Битча, а на слѣдующій до Горнбаха, до Кайзерлаутерна и т. д. Погода испортилась и шелъ снѣгъ. Сколько разъ въ продолженіи этого перехода мечталъ я о теплой шинели господина Гульдена и о рантовыхъ башмакахъ его!

Мы проходили многое множество деревень, то въ горахъ, то въ долинахъ. При входѣ въ каждую деревушку барабанщики били маршъ, причѣмъ мы выпрямлялись и шагали въ тактъ, чтобы походить на старыхъ солдатъ. Жители деревень говорили при видѣ насъ: «вотъ идутъ рекруты!»

Вечеромъ на ночлегахъ мы съ наслажденіемъ вытягивали усталыя ноги, въ особенности я. Не могу сказать, чтобы у меня особенно болѣла короткая нога, но болѣли вообще обѣ ноги... Въдѣя никогда не ходилъ до такого утомленія! Нашъ квартирный билетъ давалъ намъ право на мѣсто у очага; но добрые люди давали намъ мѣсто и за своимъ столомъ. Намъ почти всегда давали простогваши и картофеля, а иногда и свиного сала съ жареной кислой капустой. Дѣти прибѣгали посмотрѣть на насъ, а старухи разспрашивали, откуда мы родомъ и чѣмъ прежде занимались; дѣвушки смотрѣли на насъ съ грустью, вспоминая о своихъ возлюбленныхъ, съ которыми онѣ также должны были разстаться. Послѣ этого, намъ показывали наши постели. Съ какимъ блаженствомъ я вытягивался! Какъ хотѣлось проспать часовъ двѣнадцать! Но рано, почти со свѣтомъ будили насъ барабаномъ, и рекруты соскакивали, торопливо одѣвались и уже на ходу благодарили пробудившихся хозяевъ.

Никогда я не забуду, какъ въ Кейзерлаутернѣ, на второй день послѣ нашего выступленія, развязавъ свой мѣшокъ, чтобы достать чистую рубашку, я нашель между бѣльемъ довольно тяжелый свертокъ и, развернувъ его, увидѣлъ пятьдесятъ четыре франка и записочку, написанную Гульденомъ: «Будь всегда добрымъ и честнымъ на войнѣ. Вспоминай о своихъ родственникахъ и о всѣхъ тѣхъ, для которыхъ ты готовъ жертвовать жизнью; обращай человѣколюбиво съ иностранцами, для того, чтобы и они такъ же обращались съ нами. Да благословить тебя небо!.. и спасетъ тебя отъ опасностей! Вотъ, Жозефъ, немного денегъ. Вдалекѣ отъ своихъ не мѣшаетъ имѣть немного денегъ. Пиши намъ какъ можно чаще. Цѣлую тебя, дитя мое.»

Читая эти строки, я заливался слезами и думалъ: «Ты не брошенъ... Есть добрые люди, которые думаютъ о тебѣ! Совѣтовъ ихъ не слѣдуетъ забывать.»

Наконецъ, на пятый день вечеромъ мы вошли въ Майнцъ. Пока буду живъ, воспоминаніе о Майнцѣ не изгладится изъ моей памяти. Холодъ былъ страшный; цѣлый день съ утра, проходя по деревнямъ, мы встрѣчали все солдатъ; всѣ деревни были наполнены ими. Ноги у меня такъ болѣли, что я едва поднялся съ послѣдняго

привала. Когда мы подошли къ укрѣпленіямъ города, у подъемнаго моста караульный закричалъ:

— Кто идетъ?

Капитанъ, ѣхавшій впереди, отвѣчалъ:

— Франція.

— Какой полкъ?

— Рекруты 6-го линейнаго.

Все смолкло. Подъемный мостъ спустился. Капитанъ Видалъ проѣхалъ впередъ и, поговоривъ съ дежурнымъ офицеромъ, крикнулъ намъ идти. Такимъ образомъ, мы вошли въ городъ, гдѣ, не смотря на поздній часъ, всѣ кофейныя и магазины были освѣщены и народъ разгуливалъ, какъ днемъ. Пройдя нѣсколько улицъ, насъ остановили у высокихъ казармъ.

Подъ воротами казармъ сидѣла маркитантка подъ большимъ трехцвѣтнымъ зонтикомъ, гдѣ висѣло два фонаря.

Лишь только мы остановились, къ намъ вышелъ командиръ и нѣсколько офицеровъ, и объявили намъ, что завтра въ восемь часовъ будетъ сборъ и раздача оружія. Намъ дали по хлѣбу и по квартирному билету, и велѣли расходиться.

Но куда же идти въ такомъ большомъ городѣ? Мнѣ тотчасъ же пришло въ голову обратиться къ маркитанткѣ, толстой старухѣ, родомъ изъ Альсаза. Когда я спросилъ у нея, гдѣ Капуньеръ Страссе, она отвѣчала мнѣ:

— Что купишь?

И мнѣ пришлось выпить съ ней по рюмѣ водки, послѣ чего она сказала:

— Прямо противъ насъ, повернуть направо, тамъ и увидишь Капуньеръ Страссе.—Прощай, рекрутъ!

Она смѣялась.

У длиннаго Фюрста изъ Пфальцбурга и у Зебеде квартирные билеты были тоже въ Капуньеръ Страссе. Мы были довольны ужъ и тѣмъ, что могли дѣлать невзгоды вмѣстѣ въ этомъ чужомъ городѣ.

Фюрстъ прежде насъ отыскалъ свою квартиру; пока онъ стучался, я нашелъ и свою; въ окнахъ означеннаго въ моемъ билетѣ дома былъ свѣтъ, и я вошелъ въ отворенную дверь. Въ корридорѣ меня обдало запахомъ свѣжаго хлѣба. Зебеде пошелъ далѣе. А я крикнулъ изъ корридора: «Кто тутъ есть?»

Наверху деревянной лѣстницы показалась старуха, заслонявшая рукою свѣчу.

— Что вамъ угодно? сказала она.

Я объяснял, что назначенъ имъ на постой. Она сошла, посмотрѣла на мой билетъ и сказала по нѣмецки:

— Идемте!

Войдя на лѣстницу и проходя мимо отворенной двери, я увидѣлъ двухъ человекъ въ штанахъ, но безъ рубашекъ, мѣсившихъ тѣсто. Я попалъ къ булочнику, и вотъ почему эта старуха еще не спала. На ней былъ чепецъ съ черными лентами, засученные по локоть рукава и толстая синяя шерстяная юбка, державшаяся на помочахъ. Она казалась грустною.

— Вы поздно пришли, сказала она, приведя меня въ довольно большую комнату, съ хорошей изразцовой печкой и постелью въ глубинѣ.

— Да, мы шли весь день, отвѣчалъ я, едва ворочая языкъ:— я умираю отъ голода и усталости.

Она посмотрѣла на меня, и я слышалъ, какъ она сказала:

— Бѣдный мальчикъ, бѣдный!

Она посадила меня у печки и спросила:

— У васъ болятъ ноги?

— Ужъ три дня, какъ болятъ.

— Снимите ваши башмаки и надѣньте эти. Я сейчасъ приду.

Она поставила свѣчку на столъ и спустилась съ лѣстницы. Я снялъ мѣшокъ и башмаки; ноги у меня были въ пузыряхъ, и я думалъ: «Господи, какое мученье! не лучше ли умереть?»

Эта мысль часто являлась мнѣ дорогой; но тутъ, въ теплой комнатѣ, я чувствовалъ себя такимъ усталымъ и такимъ несчастнымъ, что съ удовольствіемъ заснулъ бы на вѣки, не смотря на Катерину, не смотря на тетушку Гредель, на Гульдена и всѣхъ, желавшихъ мнѣ добра. Да, я былъ такъ несчастливъ!

Въ то время, какъ я думалъ объ этомъ, дверь отворилась и въ комнату вошелъ высокій, крѣпкій, но уже сѣдой мужчина. Это былъ одинъ изъ работавшихъ тамъ внизу. Онъ надѣлъ рубашку и несъ кружку и два стакана.

— Доброй ночи! сказалъ онъ, задумчиво глядя на меня.

Я наклонилъ голову. За нимъ вошла старуха съ лоханью въ рукахъ, которую она поставила подлѣ моего стула.

— Возьмите ножную ванну, сказала она мнѣ:— это облегчитъ вамъ!

Я былъ тронутъ, услышавъ это, и подумалъ, что есть же на свѣтѣ добрые люди!—Когда я снялъ чулки, и старуха увидѣла, что изъ лопнувшихъ пузырей шла кровь, она воскликнула:

— Бѣдняжка! бѣдняжка!

Старикъ же спросилъ меня:

— Откуда вы родомъ?

— Изъ Пфальцбурга, въ Лотаринги.

— А! проговорилъ онъ.

Потомъ, помолчавъ, онъ сказалъ женѣ:

— Принеси-ка одну изъ нашихъ лепешекъ; а молодой человекъ выпьетъ стаканъ вина и потомъ мы уложимъ его спать, ему надо отдохнуть.

Онъ придвинулъ ко мнѣ столъ, такъ что ноги мои были въ ваннѣ, а я, между тѣмъ, могъ пить. Онъ налилъ оба стакана бѣлымъ виномъ, говоря мнѣ:

— За ваше здоровье!

Старуха вышла. Она воротилась съ горячей лепешкой, намазанной свѣжимъ, еще не вполне растопившимся масломъ. Только тутъ я почувствовалъ, до чего я голодень; мнѣ чуть не сдѣлалось дурно. Кажется, эти добрейшіе люди замѣтили это, потому что старуха сказала мнѣ:

— Дитя мое, сначала надо вынуть изъ воды ноги, а потомъ ужъ начать ѣсть.

Она наклонилась и стала вытирать ноги мои своимъ передникомъ, прежде чѣмъ я успѣлъ понять, что она дѣлаетъ. Но потомъ я воскликнулъ:

— Господи, вы обращаетесь со мной, какъ съ своимъ сыномъ!

Она отвѣчала мнѣ, немного помолчавъ:

— У насъ есть сынъ въ арміи.

Я слышалъ, что, произнося эти слова, голосъ ея дрожалъ, и это сжало мнѣ сердце: я вспомнилъ о Катеринѣ, о тетушкѣ Гредель, и не могъ ничего отвѣтить.

— Кушайте и пейте, сказалъ старикъ, разрѣзая мнѣ лепешку.

Это я сдѣлалъ съ блаженствомъ, какого до сихъ поръ не испытывалъ. Оба старики задумчиво глядѣли на меня. Когда я кончилъ, старикъ всталъ.

— Да, сказалъ онъ, у насъ сынъ въ арміи; онъ отправился въ прошломъ году въ Россію, и съ тѣхъ поръ мы не имѣемъ о немъ вѣвѣстій... Эти войны ужасны!

Онъ говорилъ точно самъ съ собою, расхаживая съ задумчивымъ видомъ и заложивъ руки за спину. Я же чувствовалъ, что у меня спяжутся глаза.

— Ну, прощайте! проговорилъ старикъ.

Онъ вышелъ; старуха ушла за нимъ, взявъ съ собою лоханку.

— Спасибо, закричалъ я имъ: — дай Богъ вашему сыну возвратиться!

Потомъ я раздѣлся и заснулъ.

Только въ Франкфуртѣ началъ я понимать военную жизнь. Кромѣ военного ученя, я узналъ еще, что капралъ всегда правъ, когда говорить съ солдатомъ, сержантъ — когда говорить съ капраломъ, сержантъ-маіоръ — когда говорить съ сержантомъ, подпоручикъ — когда говорить съ сержантъ-маіоромъ, и такъ далѣе до маршала Франціи, — если бы даже они говорили, что дважды-два — пять, и что луна свѣтитъ среди бѣлаго дня.

Изъ Франкфурта я написалъ къ своимъ въ Пфальцбургъ, и написалъ въ Майнцъ въ [Капуньеръ Страссе, извиняясь передъ добрыми людьми, приглубившими меня, что я долженъ былъ уйти не простившись съ ними.

Около этого времени случилось нѣчто необыкновенное.

Зебеде, съ которымъ я спалъ на одной постели, былъ снѣ пфальцбургскаго могильщика, и мы иногда въ шутку звали его «могильщикомъ». Онъ не обижался этимъ прозвищемъ; но разъ вечеромъ, послѣ ученя, онъ проходилъ черезъ дворъ, какъ какой-то гусаръ вдругъ крикнулъ ему:

— Эй ты, могильщикъ, иди-ка — помоги мнѣ поднять солому!

Зебеде обернулся и отвѣчалъ ему:

— Я не могильщикъ, и вы можете сами снести солому! Я вамъ не скотина.

Тогда гусаръ еще громче закричалъ ему:

— Рекрутъ, иди сюда или берегись — я тебя!

Зебеде не отличался вротостью. Онъ подошелъ къ гусару и спросилъ его:

— Что вы говорите?

— Я говорю тебѣ: снеси эту солому, и живѣй, слышишь, рекрутъ?

Гусаръ былъ человѣкъ старый, съ большими рыжими усами и щетинистыми бакенбардами. Зебеде схватилъ его за одну изъ бакенбардъ, а гусаръ далъ ему двѣ пощечины. Не смотря на это, въ рукѣ у Зебеде остался комокъ волосъ; на эту ссору сбѣжалось много народу, и потому гусаръ, поднявъ палецъ, сказалъ ему:

— Рекрутъ, завтра услышишь обо мнѣ.

— Хорошо, сказалъ Зебеде, — посмотримъ. Я тоже кое-что приподнесу вамъ, старина.

Онъ пришелъ тотчасъ же рассказать мнѣ все, но я, зная, что у

него, кромѣ заступа, и въ рукахъ ничего не бывало, пришелъ за него въ ужасъ.

— Послушай, Зебеде, сказала я ему: такъ какъ дезертировать ты не хочешь,—теперь тебѣ больше нечего дѣлать, какъ пойти и попросить прощенья у этого старика... вѣдь эти старики дерутся на славу; они вѣдь бывали и въ Египтѣ, и въ Испаніи, и Богъ знаетъ гдѣ. Повѣрь мнѣ! Если хочешь, я дамъ тебѣ пару франковъ—угостить его, это тронетъ его.

Но онъ нахмурилъ брови и ничего не хотѣлъ слушать.

— Я скорѣе повѣшусь, чѣмъ пойду просить прощенья, сказалъ онъ. Я плюю на всѣхъ гусаровъ вѣстѣ. Онъ умѣетъ драться, да вѣдь и я не безъ рукъ, и съумѣю его толкнуть саблей.

Онъ не могъ забыть его пощечинъ.

Почти вслѣдъ за этимъ вошли фехтмейстеръ Шази, капраль Флери, Клипфель, Фюрстъ; всѣ они оправдывали Зебеде, и фехтмейстеръ говорилъ, что только кровью можно смыть такую обиду, и что, ради чести рекрутовъ, надо драться.

Зебеде отвѣчалъ, что пфальцбургцы никогда не боялись крови и что онъ! готовъ драться. Тогда фехтмейстеръ пошелъ къ ротному капитану Флорантену; человѣку самому представительному, получившему орденъ отъ императора за битву при Эйлау. Капитанъ нашель совершенно естественнымъ—драться за пощечину; онъ сказалъ даже, что это послужитъ хорошимъ примѣромъ рекрутамъ, и что если бы Зебеде не сталъ драться,—онъ недостоенъ быть въ 3 батальонѣ 6 линейнаго полка.

Всю эту ночь я не могъ сомкнуть глазъ; слыша, какъ товарищ мой храпитъ, я думалъ: «Вѣднй Зебеде, завтра ты храпѣть больше не будешь!» Меня дрожь пробирала при мысли, что я лежу подлѣ такого человѣка. Наконецъ къ свѣту я заснулъ, но вдругъ почувствовалъ ужасный холодъ; я открылъ глаза, и что же увидѣлъ! старый рыжій гусарь сдернулъ съ насъ одѣяло, говоря:

— Ну, вставай, лѣнтяй, я покажу тебѣ, какъ со мной шутить.

Зебеде спокойно всталъ и отвѣчалъ:

— Я спалъ, ветеранъ, я спалъ.

Гусарь, услыжавъ, что его назвали ветераномъ, хотѣлъ броситься на моего товарища, но два солдата, служившіе ему свидѣтелями, удержали егѣ; къ тому же, въ комнатѣ всѣ пфальцбургцы были на лицѣ.

— Ну-ну... пошевеливайся!... кричалъ старикъ.

Но Зебеде одѣвался, не торопясь. Черезъ минуту онъ сказалъ:

— Позволятъ ли намъ отлучиться изъ города, старина?

— И на дворѣ будетъ мѣсто помѣриться, сказалъ одинъ изъ гусаровъ.

Мѣсто, куда они вышли, было полно крапивой; изъ нашихъ оконъ оно было совершенно видно.

Зебеде взявъ фуражку и, обернувшись ко мнѣ, сказалъ:

— Жозефа и тебя, Клипфель, я выбираю себѣ въ свидѣтели.

Я отрицательно покачалъ головой.

— Ну, такъ пойдѣмъ же, Фюрст! сказалъ онъ.

Я считалъ Зебеде уже погибшимъ, и съ отчаяньемъ думалъ: вотъ не только русскіе и пруссаки давятъ насъ, но и свои-то тоже.

Всѣ, бывшіе въ комнатѣ, бросились къ окошкамъ, только я не тронулся съ постели. Черезъ минуту бряцанье сабель заставило меня поблѣднѣть, и я точно замеръ.

Но это продолжалось недолго, Клипфель вдругъ крикнулъ: «Тронуть!»

Тутъ я уже не помню, какъ я добрался до окна и, заглядывая черезъ другія, увидѣлъ гусара, прислонившагося къ стѣнѣ, а Зебеде поднимался съ земли съ окровавленною саблею въ рукѣ: во время битвы онъ упалъ на колѣни, сабля старика проскочила выше плеча, а онъ, не теряя ни минуты, проткнулъ ему животъ. Не упавъ онъ нечаянно, старикъ прокололъ бы его въ самое сердце.

Вотъ что я сразу увидѣлъ: гусаръ падалъ на стѣну, товарищи поддерживали его подъ руки; а Зебеде, блѣдный, какъ мертвецъ, смотрѣлъ на свою саблю въ то время, какъ Клипфель подавалъ ему фуражку.

Вслѣдъ за этимъ, мы сошли къ утренней переключкѣ.

Въ тотъ же день мы выступили изъ Франкфурта. Зебеде утѣшался тѣмъ, что увидѣлъ маршала, храбраго изъ храбрыхъ. Я же думалъ: «приятнѣе было бы увидѣть его, сидя дома.»

Маршалъ Ней долженъ былъ дѣлать намъ смотръ.

Наконецъ онъ пріѣхалъ. Это былъ красивый мужчина и, кажется, не гордый, потому что, проѣзжая мимо нашей роты и посмотрѣвъ на капитана, дѣлавшаго ему на караулъ, онъ вдругъ обернулся на своей высокой лошади и громко сказалъ:

— Да это ты, Флорентинъ!

При этомъ капитанъ выпрямился, не зная, что отвѣчать. Кажется, что Флорентинъ и маршалъ были вмѣстѣ простыми солдатами во времена республики. Капитанъ отвѣчалъ наконецъ:

— Да, маршалъ, я Севастьянъ Флорентинъ.

— Я радъ, что вижу тебя, сказалъ маршалъ, указывая рукою въ ту сторону, гдѣ Россія: — я думалъ, что ты погибъ тамъ.

Вся наша рота была довольна, а Зебеде сказалъ мнѣ:

— Вотъ это такъ человѣкъ; я готовъ положить за него свою голову.

Я не понималъ, почему Зебеде хочетъ положить голову, ради того, что маршалъ поздоровался съ своимъ старымъ товарищемъ.

Все это происходило въ Ашафенбургѣ. Въ тотъ же вечеръ мы пришли въ Швейнгеймъ, гдѣ я попалъ на квартиру къ деревенскому почтмейстеру, у котораго взяли нѣсколько лошадей подъ нашу кавалерію,—что, конечно, не могло доставить ему особеннаго удовольствія. Къ нему ходилъ пасторъ, не разъ говорившій мнѣ, что французы — нація тщеславная, и что нѣмцы устроили *союзъ добродѣтели*, чтобы покорить насъ.

— Въ началѣ, говорилъ онъ мнѣ, вы говорили о свободѣ; мы любили слушать это и сочувствовали вашимъ арміямъ больше, чѣмъ арміямъ короля прусскаго и императора австрійскаго; вы воевали тогда съ нашими солдатами, а не съ нами; вы боролись за идеи, которыя мы находили справедливыми и великими; и вотъ почему вы имѣли дѣло не съ народами, а съ ихъ правительствами. Теперь все перемѣнилось, теперь пойдетъ вся Германія, возстанетъ вся молодежь, и мы заговоримъ Франціи о свободѣ, о добродѣтели и о справедливости. Сила всегда будетъ на сторонѣ тѣхъ, кто говоритъ объ этихъ вещахъ, потому что противъ нихъ могутъ быть только негодяи, а за нихъ будутъ и молодость, и храбрость, и великія идеи,—все, что возвышаетъ душу и заставляетъ безъ сожалѣнія жертвовать жизнью. Генералы ваши бились прежде за свободу, они спали на соломѣ, въ сараяхъ, какъ простые солдаты: это были желѣзные люди! Теперь имъ нужны диваны, теперь они больше дворяне, чѣмъ наши бароны, и богаче нашихъ банкировъ. Теперь выходитъ, что война, бывшая нѣкогда жертвою, преданностью отечеству, — сдѣлалась ремесломъ, и ремесломъ очень выгоднымъ. Конечно, воевать — дѣло благородное, но все-таки большая разница — воевать за всемірныя идеи или воевать, чтобы нажиться грабежомъ. — Теперь наша очередь говорить о свободѣ, и вы напрасно думаете, что одержите верхъ; всѣ нѣмцы понимаютъ, что грѣшно воевать съ своими братьями.

Такъ говорилъ пасторъ, а я думалъ: «все это слова, а не удары штыками, и если бы противъ насъ шли только студенты и теологи — дѣло было бы недурно. Видно, что пасторъ никогда не служилъ, а то онъ зналъ бы, что мысли ничего не значатъ, а что главное — служба.»

Вскорѣ мы получили приказъ выступить 27 марта. Всѣ въ полку

говорили, что мы подходимъ къ мѣсту битвы: Клифель и Зебеле только и говорили о томъ, какъ напасть на пруссаковъ, а я, не желая показаться трусомъ и чтобы не остаться отъ другихъ, говорилъ тоже, что это радуетъ меня.

Въ Эрфуртѣ я получилъ письмо, и тотчасъ же узналъ руку Катерины; это такъ меня обрадовало, что я едва могъ держаться на ногахъ.

Зебеле тоже былъ очень радъ услышать что нибудь новенькое изъ Пфальцбурга. Всѣ пфальцбургцы подошли ко мнѣ. Я плакалъ, читая, что Катерина молится за меня; а земляки мои, слушая, говорили:

— Да и за насъ тоже, вѣрно, кто нибудь молится!

Одинъ говорилъ о матери, другой о сестрѣ, третій о невѣстѣ. Въ концѣ письма господинъ Гульденъ писалъ, что всѣ въ городѣ здоровы, чтобы я терпѣливо переносилъ все, потому что бѣдствія такія не вѣчны. Онъ поручалъ мнѣ передать товарищамъ, что о нихъ думаютъ и что родные жалуются, не получая отъ нихъ вѣстей.

Это письмо сильно утѣшило всѣхъ насъ. И когда теперь я припоминаю, что мы получили его незадолго до начала битвы,—оно мнѣ кажется какимъ-то прощаніемъ нашей родины съ большею частью нашихъ товарищей: многіе никогда больше не слышали о своихъ родныхъ, о своихъ друзьяхъ и о всѣхъ, кого любили въ этомъ мірѣ.

18-го марта мы еще стояли въ Эрфуртѣ. Придя разъ съ караула, я встрѣтилъ сержанта Пинто, очень полюбившаго меня, и онъ сказалъ мнѣ:

— Рядовой Берта, императоръ пріѣхалъ.

Никто еще не слышалъ объ этомъ, и я отвѣчалъ ему:

— Съ вашего позволенія, сержантъ, мы только-что сейчасъ выпили рюмку-другую съ саперомъ Мерленомъ, стоявшимъ ночью на караулѣ у генерала, и онъ ничего не говорилъ мнѣ.

Сержантъ же, мигнувъ глазомъ, сказалъ мнѣ:

— Да это чувствуется въ воздухѣ, — все ожило. Подожди первой битвы, тогда и кайзерлики, и казаки безъ очковъ увидятъ, что онъ съ нами,—чутьемъ услышатъ.

Говоря это, сержантъ смѣялся себѣ подъ носъ.

Я предчувствовалъ большое несчастье, а между тѣмъ, принужденъ былъ показывать довольный видъ.

Сержантъ не ошибся, потому что въ тотъ же день, въ три часа по полудни, всѣ войска, стоявшія лагеремъ вокругъ города,

тронутись съ мѣста, а къ пяти часамъ мы взяли ружья: маршалъ принцъ московскій входилъ въ городъ, среди множества офицеровъ и генераловъ, составлявшихъ его штабъ; почти въ то же время въ городъ прибылъ генераль Сугамъ, старый, сѣдой старикъ, и сдѣлалъ намъ на площади смотръ. Онъ сказалъ намъ громкимъ голосомъ:

— Солдаты! вы будете авангардомъ 3-го корпуса; постарайтесь помнить, что вы—французы. «Да здравствуетъ императоръ!»

Послѣ этого всѣ крикнули: «Да здравствуетъ императоръ!»

Генераль уѣхалъ. Въ эту же ночь насъ смѣнили гессенцы, и мы вышли изъ Эрфурта съ 10-мъ гусарскимъ и *полкомъ баденскихъ стрѣлковъ*. Къ девяти часамъ мы остановились варить супъ и услышали вдали трескъ ружейныхъ выстрѣловъ; гусары наши встрѣтили на улицахъ прусскихъ гусаровъ и стали перестрѣливаться. Но это было такъ далеко, что мы почти не видали этой битвы.

Черезъ часъ гусары воротились, у нихъ было двое убитыхъ. Такииъ образомъ началась компанія.

Мы оставались тамъ пять дней, пока не подошелъ весь третій корпусъ. Такъ какъ мы были въ авангардѣ, то намъ пришлось выступить раньше къ Сульзѣ и Вартау. Тутъ-то мы увидали непріятеля: казаковъ, отступавшихъ все болѣе, чѣмъ на разстояніе выстрѣла, что придавало намъ все болѣе и болѣе храбрости.

Меня ужасно злило, что Зебеде говорилъ съ неудовольствіемъ:

— Когда же они остановятся? когда же они остановятся?

А я думалъ: «Хорошо, кабы они ушли, лучшаго и желать нельзя! Мы выиграемъ, ничего не потерявъ.»

Но они остановились по другую сторону довольно широкой и глубокой рѣки; тамъ тянулась долина, а по дорогѣ роились все конные отряды. Сержантъ Пинто узналъ въ нихъ русскихъ.

Мы подошли къ самому берегу, чтобы стрѣлять въ удаляющуюся конницу. Ночью мы варили супъ, когда подошли другіе полки и тоже расположились бивуакомъ на берегу. Никому не хотѣлось спать; Зебеде, Клипфель, Фюрстъ и я ѣли изъ одной чашки и говорили, глядя другъ на друга:

— Завтра, если перейдемъ рѣку, зададимъ мы пару! У насъ въ Пфальцбургѣ и не подозреваютъ, что мы сидимъ теперь на берегу рѣки, бѣдствуемъ и спимъ на землѣ, добывая себѣ на старость ревматизмы, не говоря уже объ ожидающихъ насъ ранахъ.

— Ну, что же! говорилъ Клипфель:—такъ жить веселѣе. А что касается ранъ, такъ вѣдь и мы сумѣемъ нанести столько же, сколько получимъ.

— Да, говорилъ Зебеде, закуривая трубку: — я знаю, что я не положу охулки на руку.

Такъ мы разговаривали часа три; Лежеръ завернулся въ плащъ, легъ и заснулъ, протянувъ ноги къ огню, когда шаговъ за двѣсти отъ насъ караулъ крикнулъ:

— Кто идетъ?

— Франція!

— Какой полкъ?

— Шестой линейный.

Это ѣхалъ маршалъ Ней и генераль Бренъе, съ понтонными офицерами и пушками. Маршалъ отвѣчалъ 6-й линейный, потому что заранѣе зналъ, гдѣ мы стоимъ: это намъ доставило удовольствіе и даже польстило намъ. Не смотря на ночь, мѣсяцъ свѣтилъ такъ ярко, что мы узнали его, ѣдущаго верхомъ вмѣстѣ съ генераломъ Сугамомъ и пятью или шестью старшими офицерами.

Они остановились у поворота рѣки, гдѣ поставили шесть пушекъ, и вслѣдъ за этимъ стали строить мосты.

Къ разсвѣту я заснулъ, и меня насилу растолкалъ Клинфель. Вездѣ били сборъ. Мы перешли на другой берегъ, и когда утренній туманъ разсѣялся, мы увидали справа какой той-то старый городъ съ замкомъ: это былъ Вейсенфельсъ.

Между городомъ и нами тянулась лощина. Подъѣхавшій маршалъ Ней хотѣлъ сначала узнать, что такое въ этой лощинѣ. Двѣ роты 27-го полка рассыпали въ застрѣльщики, а каре пошли ровнымъ шагомъ.

Никто не довѣрялъ этой лощинѣ. А я думалъ: «можетъ быть, они отступятъ при видѣ насъ, это все-таки было бы лучше и для нихъ, и для насъ».

Я шелъ во второмъ ряду, сзади Зебеде, и глазъ не спускалъ съ лощины.

Застрѣльщики подошли къ лощинѣ, окаймленной кустарникомъ и живыми изгородями. Еще за нѣсколько минутъ до этого, я замѣтилъ издали точно что-то блеститъ и подумалъ:—ужь не русскіе ли это съ своими пиками? Когда же застрѣльщики подошли къ самымъ кустамъ и когда началась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перестрѣлка, я убѣдился, что то были пики. Въ ту же минуту прямо противъ насъ что-то блеснуло и раздался ударъ пушечнаго выстрѣла. Это были русскіе съ пушками; они-то и выстрѣлили въ насъ. Не знаю, какой-то странный шумъ заставилъ меня обернуть голову, и я увидѣлъ налѣво въ рядахъ пустое мѣсто.

Въ то же время полковникъ Цапфель спокойно сказалъ:

— Сомнись!

Капитанъ Флорентинъ тоже проговорилъ:

— Сомнись!

Это сдѣлалось все такъ быстро, что я не успѣлъ опомниться. Но шагахъ въ пятидесяти еще разъ сверкнула молнія, произошелъ въ рядахъ такой же шумъ, какъ прежде — какъ-будто пробѣжалъ вихрь, — и я опять увидѣлъ пустое мѣсто, въ этотъ разъ съ правой стороны. И такъ какъ послѣ каждаго удара русскихъ пушекъ, полковникъ говорилъ: «Сомнись! то я понялъ, что всякій разъ многихъ недостаетъ! Эта мысль совѣмъ смутила меня; но, тѣмъ не менѣе, надо было идти впередъ.

Я не смѣлъ осматриваться и старался не думать, когда генераль Шемино, вѣхавъ въ наше каре, вдругъ крикнулъ страшнымъ голосомъ: «Стой!»

Тогда я посмотрѣлъ и увидѣлъ, что куча русскихъ летитъ на насъ.

— Первый рядъ... на колѣни!.. штыки впередъ! крикнулъ генераль:—готовься!

Такъ какъ Зебеде сталъ на колѣни,—я очутился точно будто въ первомъ ряду. Я будто теперь вижу, какъ летѣла въ рядъ вся эта толпа лошадей и наклонившихся русскихъ, съ саблями въ рукахъ, и какъ генераль спокойно говорилъ за нами, точно на ученьи:

— Слушай команду.—Цѣлься!.. Пли!

Мы выстрѣлили всѣ четыре каре вмѣстѣ; можно было подумать, что рушится весь міръ. Когда дымъ нѣсколько разсѣялся, мы увидѣли, что русскіе во весь опоръ несутся назадъ; но пушки наши грохотали и ядра летѣли быстрѣе ихъ лошадей.

— Заряжай! крикнулъ генераль.

Мнѣ кажется, я никогда въ жизни не испытывалъ такого удовольствія, какъ тогда. «Это что — они бѣгутъ!» говорилъ я самъ себѣ.

А крики «Да здравствуетъ императоръ!» неслись со всѣхъ сторонъ.

Я съ радости сталъ кричать вмѣстѣ съ другими. Это продолжалось съ минуту. Каре опять двинулись дальше, и мы думали, что все уже кончено; но за двѣсти или триста шаговъ отъ лощины послышался шумъ, и генераль крикнулъ:

— Стой!.. На колѣни!.. штыки впередъ!

Изъ лощины, какъ вихрь, неслись на насъ русскіе. Ихъ было еще больше, чѣмъ прежде, такъ что земля дрожала. Хотя команды

не было уже слышно, но чутье французских солдат подсказывало имъ, что надо стрѣлять въ непріятеля, и выстрѣлы раздались, какъ бой барабана. Тотъ, кто не видѣлъ этого самъ, не можетъ имѣть объ этомъ понятія. Иные русскіе подсказывали къ намъ; сквозь дымъ видно было, какъ они поднимались и потомъ опять исчезали.

Черезъ нѣсколько минутъ постоянной стрѣльбы и заряжанія ружей, раздалась команда генерала Шемино: «прекратить огонь!»

Мы едва рѣшались послушаться: всѣ точно торопились еще разъ выстрѣлить; но когда дымъ разошелся, мы увидѣли эту страшную кавалерію, поднимавшеюся на противоположный берегъ долины. Мы же крикнули: «впередь!» и двинулись въ городъ. Русскіе уходили: битва была выиграна!

Въ городъ мы вошли съ трехъ концовъ, перескакивая заборы изгороди и пробѣгая черезъ огороды и сады; выйдя на площадь, мы остановились, а маршалъ, не теряя ни минуты, послалъ отрядъ занять мостъ и отрѣзать непріятелю возможность отступленія. Бургомистръ и совѣтники Вейсенфельса вышли къ намъ съ привѣтствіемъ.

Когда мы всѣ стали въ порядкѣ, маршалъ принцъ московскій проѣхалъ передъ фронтомъ и привѣтливо сказалъ намъ:

— Слава Богу!.. слава Богу!.. Я доволенъ вами!.. Я доволенъ вами!.. Императору будетъ извѣстно ваше отличное поведеніе... Хорошо!

Онъ не могъ удержаться отъ смѣху, потому что мы бѣжали черезъ пушки. И когда генералъ Сугамъ сказалъ ему: «Дѣло идетъ на ладъ!»—онъ отвѣчалъ:

— Да-да, это ужъ въ крови! это ужъ въ крови!

А я радовался, что дешево отдѣлался отъ этого дѣла.

На слѣдующее утро, часовъ въ пять, мы выступили изъ Вейсенфельса и пошли не по мосту, а въ бродъ. Вода была выше коленъ, и мнѣ невольно пришло въ голову, какъ, живя у Гульдена, я боялся промочить ноги и получить насморкъ.

По другую сторону рѣки, на возвышеніяхъ разбѣжались казаки, но не напали на насъ. Мы шли по берегу съ полчаса, когда вдругъ услышали стрѣльбу, а сержантъ Пинто говорилъ:

— Приближается дивизія; ее атаквали.

— Впередъ! крикнулъ командиръ.

Мы побѣжали, и русскіе отступили передъ нашей дивизіей.

Мы расположились въ деревнѣ Гершенъ. Слухъ ходилъ, что предполагается большое сраженіе, и что все, что было до сихъ поръ,

было только началомъ:—для того, чтобы испробовать, какъ стоять рекруты противъ огня. Послѣ этого можно себя представить, что было въ головѣ у человѣка благоразумнаго, поневолѣ попавшаго въ среду такихъ безпечныхъ людей, какъ Фюрстъ, Зебеде, Клиффель, которые даже радовались, какъ-будто большое сраженіе могло привести имъ что нибудь, кромѣ ударовъ штыковъ, сабель и пуль.

На пригоркѣ передъ деревней развели два костра; въ деревню спустился отрядъ и привелъ намъ пять или шесть коровъ для супа; но мы такъ устали, что большинству хотѣлось больше спать, чѣмъ ѣсть.

Я тоже заснулъ отъ утомленія, но просыпался каждый часъ, слыша за нами по дорогѣ, ведущей въ Лютценъ и въ Лейпцигъ, шумъ, звукъ обозныхъ колесъ, пушекъ и зарядныхъ ящиковъ.

Сержантъ Пинто не спалъ; онъ курилъ трубку, высушивая у огня ноги. Каждый разъ, когда кто нибудь шевелился, онъ заговаривалъ:

— Ну что, рекрутъ?—говорилъ онъ.

Но рекрутъ дѣлалъ видъ, что не слышитъ, зѣвая, поворачиваясь и засыпая.

На часахъ Гершена пробило шесть часовъ, когда я проснулся. Поясница и ноги у меня были точно сломаны, но, упершись руками, я всталъ, подсѣлъ къ огню, такъ какъ мнѣ было холодно. Огонь уже почти погасъ, и въ кострѣ тлѣлось только нѣсколько углей. Сержантъ, стоя, смотрѣлъ на бѣлую долину, чуть-чуть освѣщенную солнцемъ.

Вокругъ насъ всѣ спали,—кто на спинѣ, кто на боку, протянувъ ноги къ огню; многіе храпѣли и бредили вслухъ.

— Ну, рядовой Берга, такъ мы теперь въ арбергардѣ, сказалъ мнѣ сержантъ, видя, что я проснулся.

Онъ подошелъ къ костру и взялъ уголекъ—закурить трубку. Я не понималъ, что онъ хочетъ сказать.

— Это удивляетъ тебя, рекрутъ? замѣтилъ онъ; а между тѣмъ, это ясно: мы не тронулись съ мѣста, а армія обошла вокругъ. Теперь она у Лютцена, и вмѣсто того, чтобы быть во главѣ, мы очутились въ хвосту.

И онъ лукаво подмигнулъ глазами, выпустивъ два-три клубка дыму.

— Какой же намъ прокъ отъ этого, сказалъ я ему.

— Прокъ тотъ, что мы первые придемъ въ Лейпцигъ и нападѣмъ на пруссаковъ, отвѣчалъ онъ.—Ты поймешь это потомъ, рекрутъ.

Тутъ я всталъ, чтобы осмотрѣть мѣстность, и увидѣлъ передъ нами большую болотистую долину, по которой текли двѣ рѣчки, а вдали текла широкая рѣка, которую сержантъ назвалъ Эльстеромъ.

Къ семи часамъ намъ роздали хлѣбъ и заряды.

Въ деревню пріѣхали тоже двѣ маркитантки, и такъ какъ у меня было довольно денегъ, я предложилъ по рюмжѣ Клипфелю и Зебеде. Я осмѣлился предложить и сержанту Пинто, который, принявъ, сказалъ: «водка съ хлѣбомъ согрѣваютъ душу».

Мы были совершенно довольны, и никто не предчувствовалъ страшныхъ вещей, которыя должны были совершиться въ этотъ день. Предполагалось, что русскіе и пруссаки далеко отъ насъ и ищутъ насъ гдѣ нибудь за Грунбахомъ; но они знали, гдѣ мы, и вдругъ, около десяти часовъ, генераль Сугамъ съ своими офицерами проскакалъ на гору во весь опоръ: онъ узналъ что-то. Я стоялъ на караулѣ подлѣ козелъ, и какъ теперь вижу его сѣдую голову въ большой шляпѣ, окаймленной бѣлымъ, — какъ онъ пріѣхалъ на вершину горы, посмотрѣлъ въ подзорную трубу и быстро съѣхалъ въ деревню, приказывая бить сборъ.

Всѣ пикеты отступали къ намъ, а Зебеде, имѣвшій необыкновенное зрѣніе, сказалъ:

— Вотъ тамъ, подлѣ Эльстера, киваютъ толпы... нѣкоторыя идутъ въ порядкѣ; что, если они всѣ нападутъ на насъ?

— Э! сказалъ сержантъ Пинто, поднявъ носъ и заслоняясь рукой отъ свѣта:— да это начинается сраженіе, или я ничего не понимаю. Въ то время, какъ наша армія двигается къ Лейпцигу, эти негодяи, пруссаки и русскіе хотятъ захватить насъ враспlohъ и всѣхъ перекрошить. Это ловко съ ихъ стороны; они съ каждымъ днемъ все выучиваются болѣе и болѣе военнымъ хитростямъ!

— А мы-то что же будемъ дѣлать? спросилъ Клипфель.

— Мы будемъ стоять, пока на помощь не подоспѣтъ императоръ.

И тотчасъ пять или шесть офицеровъ понесли въ Мютценъ; я молилъ Бога, чтобы они во время успѣли предупредить армію о нашемъ положеніи.

— Вотъ несчастливилось, рекруты, говорилъ Пинто:— теперь увидите жаркое дѣло; черезъ часъ мы встрѣтимся лицомъ къ лицу съ сотней тысячъ самыхъ отчаянныхъ русскихъ и пруссаковъ. Это будетъ сраженіе, въ которомъ можно получить крестъ, а не получишь, такъ ужъ больше и надѣяться нечего.

— Вы полагаете, что это такъ, сержантъ? сказалъ Зебеде, уло-

того въ головѣ ничего не бывало ясно и которому казалось, что онъ уже получилъ крестъ. Глаза его заблестѣли, какъ у дикаго звѣря при видѣ добычи.

— Да, отвѣчалъ сержантъ, дѣло будетъ жаркое, и если случится, что въ сумятицѣ увидишь полковника, пушку, знамя или что нибудь, что бросится въ глаза,—бросаешься на это, не смотря на удары, хватаешь, и если удасться вернуться — дѣло въ шляпѣ.

Въ то время, какъ онъ это рассказывалъ, мнѣ пришло въ голову, что меръ Фельзенбурга получилъ крестъ за то, что пріѣхалъ съ своими деревенскими сожителями въ телѣгахъ, обвитыхъ гирляндами, на встрѣчу Маріи Лунзы, и всѣ они пѣли старинныя пѣсни. Такой способъ полученія креста казался мнѣ гораздо удобнѣе способа сержанта Пинто.

Забили сборъ, и мы всѣ бросились къ ружьямъ. Непріятель оставилъ за два пушечныхъ выстрѣла, и видя это ужасное количество русскихъ и пруссаковъ, я думалъ, что все погубло и остается только защищаться до послѣдней капли крови.

Генералъ Шемино проѣхалъ на лошади передъ нашимъ фронтомъ и крикнулъ намъ: «Становись въ каре!»

Образовалось четыре каре, которыя пруссаки обсыпали градомъ пуль. Кромѣ того, съ лѣвой стороны они стрѣляли въ насъ изъ пушекъ.

Наши пушки тоже грохотали такъ, что заглушали свистъ и грохотъ ихъ пальбы, но это мало помогало, и что было всего непріятнѣе — это, что офицеры кричали безпрестанно: «Сомкнись! сомкнись!»

Мы стояли всѣ въ дыму, не успѣвъ еще ни разу выстрѣлить. А я думалъ: «черезъ четверть часа мы всѣ погибнемъ, безъ возможности защититься!» Всего страшнѣе мнѣ показалось, когда между двухъ холмовъ показались передовыя колонны пруссаковъ; онѣ шли съ такимъ шумомъ, точно приближавшееся наводненіе. Тутъ сейчасъ же передовая сторона нашего каре и боковыя стороны, развернувшись вправо и влево, дали залпъ. Богъ знаетъ, много ли пруссаковъ легло на мѣстѣ! Но вмѣсто того, чтобы остановиться, пруссаки продолжали подниматься, крича, какъ дикіе звѣри: «Vaterland! Vaterland!» выстрѣливъ въ насъ шаговъ на сто.

Послѣ этого началась драка на штыкахъ; они хотѣли оттѣснить насъ и напали, точно бѣшеные. Одинъ батальонъ этихъ пруссаковъ подошелъ сбоку, бросаясь на насъ со штыками, и былъ совершенно уничтоженъ двумя орудіями, находившимися въ пятидесяти шагахъ отъ каре.

Послѣ этого, никто уже не хотѣлъ больше атаковать наше каре.

Они отступили, а мы стали снова заряжать ружья, чтобы уничтожить ихъ до послѣдняго человѣка, когда загремѣли ихъ пушки и съ правой стороны показалась летѣвшая на насъ кавалерія, желавшая воспользоваться пустыми мѣстами, образовавшимися отъ ихъ ядеръ! Я не видѣлъ этой атаки, потому что она была съ другой стороны, а на насъ, между тѣмъ, пули валили дождинами. Генералу Шемино пробило ногу; и дальши держаться не было никакой возможности, и намъ дали приказъ отступить, что мы сдѣлали съ удовольствіемъ, весьма понятнымъ всякому.

Когда мы поднимались въ гору, прусская кавалерія явилась, чтобы отрѣзать намъ отступление и принудить стоять подъ выстрѣлами ихъ орудій. Я былъ возмущенъ до глубины души, а Зебеде кричалъ: «Нападать лучше, чѣмъ стоять такъ!»

Положеніе было въ высшей степени опасное, потому что эти гусарскіе и стрѣлковые полки двигались въ порядкѣ передъ тѣмъ, чтобы броситься на насъ.

Мы все отступали, когда наверху горы намъ крикнули: «Стой!» и въ ту же минуту залпъ картечи обдалъ гусаровъ, скакавшихъ на насъ, и опрокинулъ ихъ сотнями.

Я только и думалъ о мести, и пришелъ въ совершенное бѣшенство и негодованіе противъ людей, желавшихъ лишить меня жизни — лучшаго блага человѣка, которое онъ долженъ беречь, какъ умѣетъ. — Крики этихъ пруссаковъ и ихъ наглый видъ возбуждали ненависть и возмущали меня. Не смотря на это, я очень былъ доволенъ, что подлѣ меня Зебеде, и, въ ожиданіи новой атаки, пожалъ ему руку.

— Хорошо избавились! сказалъ онъ мнѣ. — Хорошо, кабы подѣхалъ императоръ, — ихъ въ двадцать разъ больше, чѣмъ насъ... да кабы привезъ съ собой пушекъ!

Онъ не говорилъ больше о полученіи креста.

Я посмотрѣлъ немного въ сторону — тутъ ли сержантъ, и увидѣлъ, что онъ спокойно обтиралъ свой штаны; выраженіе лица его не измѣнилось; это обрадовало меня. Мнѣ хотѣлось тоже узнать — тутъ ли еще Клифель и Фюрстъ, но крикъ: «смирно!» заставилъ меня думать о другомъ.

Должно быть, было часовъ двѣнадцать, когда двинулись шесть колоннъ. Барабаны начали бить въ каре, предупреждая, что неприятель близко; въ глубинѣ долины пруссаки кричали: «Waterland! Waterland!»

Ихъ батальный огонь закрывалъ насъ дымомъ и мѣшалъ ихъ видѣть, но, не смотря на это, мы открыли бѣглый огонь. Съ чет-

верть часа ничего не было видно и слышно, какъ вдругъ прусскіе гусары очутились въ серединѣ нашего каре. Я не знаю, какъ это случилось, но они были уже въ серединѣ, махая саблями направо и налево, и безъ пощады побивая насъ. Мы принимали ихъ въ штыки, а они стрѣляли въ насъ изъ пистолетовъ. Однимъ словомъ, это было ужасно. Зебеде, сержантъ, я и еще человекъ двадцать изъ нашей роты держались вмѣстѣ. Они бросались на насъ блѣдныя и кричали: »Sshweinpelz!» а сержантъ Пинто не переставалъ кричать: «Смѣлѣй, ребята, смѣлѣй!»

Я до сихъ поръ не знаю, какъ мы вышли оттуда; мы шли ничего не видя въ дыму, отбиваясь отъ штыковъ и сабель. Я помню только, что Зебеде безпрестанно кричалъ мнѣ: «Идемъ! идемъ!» и что наконецъ мы очутились на покато́мъ полѣ, за каре, которое еще держалось, съ сержантомъ Пинто и съ семью или восьмью человекъ изъ нашей роты.

Мы походили на мясниковъ.

— Заряжайте! сказалъ намъ сержантъ.

Заряжая, я увидѣлъ у себя на штыкѣ кровь и волосы, что доказывало, что и я наносилъ страшные удары.

Черезъ минуту старикъ Пинто продолжалъ:

— Полкъ разбитъ... эти каналы, пруссаки, искрошили половину его... Мы найдемъ его потомъ... А теперь надо не допускать неприятеля войти въ деревню... Идемъ налево: впередъ, маршъ!

Мы спустились по маленькой лѣстницѣ въ какой-то огорождъ въ деревнѣ и вошли въ домъ, дверь котораго со стороны полей сержантъ загородилъ большимъ кухоннымъ столомъ; потомъ, указывая на дверь со стороны улицы, онъ сказалъ:

— Вотъ наше отступленіе.

Послѣ этого мы поднялись въ первый этажъ, въ довольно большую комнату, выходящую угломъ у подножья горы; два окна выходили на улицу, а два другія на покато́сть, всю покрытую дымомъ, гдѣ продолжалась стрѣльба изъ ружей и изъ пушекъ. Въ углубленіи въ альковѣ стояла кровать, а подлѣ кровати люлька; народъ, конечно, спрятался въ началѣ битвы; но подъ занавѣской сидѣла собака съ пушистымъ бѣлымъ хвостомъ, торчащими ушами и острой мордой, и смотрѣла на насъ блестящими глазами: все это я припоминаю, точно какой нибудь сонъ.

Сержантъ отворилъ окно и уже стрѣлялъ на улицу, по которой ѣхали два-три прусскихъ гусара; Зебеде и другіе смотрѣли на нихъ съ ружьями наготовѣ. Я взглянулъ на гору—держится ли еще каре, и увидѣлъ его шаговъ за пятьсотъ или за шестьсотъ, от-

ступающимъ въ порядѣ и стрѣляющимъ со всѣхъ четырехъ сторонъ въ толпы кавалеріи, обступившей его. Посреди каре я ясно видѣлъ полковника, и подлѣ него знамя, такое изорванное, что отъ него висѣла только какая-то тряпка.

Непріятель пришелъ въ деревню, чтобы отрѣзать намъ отступление, но по немъ начали стрѣлять изъ всѣхъ оконъ наши солдаты, прибѣжавшіе въ деревню, точно такъ же, какъ и мы. Это его остановило, тѣмъ болѣе, что съ правой стороны съ горы спускались дивизіи Бренье и Маршана.

Пруссаки и мы прекратили огонь. И только около деревни Кайи намъ сдѣлали перекличку, и оказалось, что изъ роты осталось всего сорокъ два человѣка; длиннаго Фюрста и Лежера не было, а Зебеде, Клипфель и я счастливо выпутались изъ бѣды.

Пруссаки этимъ не удовольствовались и стали атаковать насъ и въ Кайѣ; съ другой стороны присоединились къ нимъ русскіе. Вся долина сплошь покрылась войсками.

Мы, съ своей стороны, все отступали, когда вдругъ передъ нами вронесся маршалъ Ней; онъ летѣлъ во весь опоръ, окруженный своимъ штабомъ. Глаза его горѣли, а губы дрожали отъ негодованія! Въ одну минуту онъ очутился во главѣ нашей колонны. Всѣ бросились за нимъ, точно будто бы ихъ влекла сверхъестественная сила; вмѣсто того, чтобы отступать, мы пошли на встрѣчу непріятелю, и черезъ десять минутъ все было въ огнѣ. Но пруссаки стояли твердо; они считали себя побѣдителями и не хотѣли уступать, тѣмъ болѣе, что къ нимъ постоянно прибывали подкрѣпленія, а мы уже были утомлены пятичасовой битвой.

Нашъ батальонъ шелъ на этотъ разъ вторымъ, и пули до него не долетали, но за то летѣла картечь и съ визгомъ ударялась о щиты.

Посреди криковъ, команды и стрѣльбы, мы начали спускаться въ Гершенъ, гдѣ дрались въ рукопанную: на большой улицѣ только и видны были приклады, поднимавшіеся вверхъ, и генералы верхомъ съ саблями въ рукахъ, какъ простые солдаты.

Такъ это длилось нѣсколько минутъ; мы говорили въ строю: «Идетъ хорошо!... идетъ хорошо!... двигаемся!...» Но вдругъ къ пруссакамъ подоспѣло новое подкрѣпленіе, и мы бросились бѣжать въ Кайю.

Я думалъ, что все погибло, потому что посреди каре отступалъ и маршалъ Ней, а солдаты, сложивъ ружья въ видѣ носилокъ, тащили своихъ раненыхъ офицеровъ. Однимъ словомъ, дѣло принимало самый дурной оборотъ.

Я вошелъ въ Кайю, перескакивая палисадники и перелѣзая черезъ заборы. Обогнувъ уголь навѣса, я поднялъ голову и увидѣлъ человѣкъ пятьдесятъ офицеровъ верхами наверху холма, а сзади за ними во всю прыть неслась артиллерія по дорогѣ изъ Лейпцига. Посмотрѣвъ попристальнѣе, я узналъ впереди всѣхъ императора; онъ, какъ въ креслѣ, сидѣлъ на своей бѣлой лошади; и я его отлично видѣлъ: онъ не двигался и смотрѣлъ на битву въ подзорную трубу.

Это меня такъ обрадовало, что я началъ кричать изъ всей мочи: «Да здравствуетъ императоръ!» и потомъ вышелъ на большую улицу Кайи, черезъ переулокъ. Я пришелъ одинъ изъ первыхъ и засталъ еще, какъ жители—мужчины, женщины и дѣти,—прятались въ погреба.

Многіе, услыхавъ это, упрекали меня, что я бѣжалъ такъ скоро; но я отвѣчалъ имъ, что если Мишель Ней отступалъ, то конечно Жозефъ Берта могъ тоже отступить.

Клифель, Зебеде, сержантъ Пинто и другіе изъ роты еще не приходили, а на полѣ битвы шла ужасная сумятица. Дымъ валить черезъ крыши, черепица катилась и падала на улицу, а бомбы пробивали стѣны и съ страшнымъ трескомъ ломали балки.

Въ то же время со всѣхъ сторонъ въ деревню входили наши солдаты, оборачиваясь, чтобы выстрѣлить въ послѣдній разъ. Они перелѣзали черезъ заборы, прыгали черезъ палисадники, оборванные, съ озлобленными лицами, хотя все это были еще дѣти,—почти ни у кого не пробивалось усовъ: но храбрость—въ крови у француза.

Пруссаки, подъ предводительствомъ старыхъ офицеровъ, кричавшихъ: «впередъ! впередъ!» бѣжали, какъ стаи волковъ, прыгая другъ на друга; а мы, человѣкъ по двадцати, по тридцати, стоя у угла амбара противъ сада, стрѣляли въ этихъ негодиевъ, желавшихъ взлѣсть на маленькую стѣну и занять деревню.

Сколько изъ нихъ, добравшись уже до верху стѣны, падало,—я не зналъ, но къ осаждающимъ все прибывали и прибывали новыя подкрѣпленія. Сотни пуль свистали мимо насъ и ударялись о стѣну, а мы все продолжали отстрѣливаться, убѣгая за амбаръ—заряжать ружья, и возвращаясь—выстрѣлить въ взлѣзавшихъ; пятеро или шестеро изъ насъ лежали уже убитыми, но мы были такъ озлоблены, что не обращали на это вниманія.

Когда я вернулся туда въ десятый разъ, ружье выпало у меня изъ рукъ, въ то время, какъ я поднималъ его на плечо; я наклонился, чтобы поднять его, и упалъ самъ: въ лѣвомъ плечѣ у меня была пуля, и кровь, какъ горячая вода, разлилась по моей груди. Я попробовалъ встать, но могъ только прислониться къ стѣнѣ,

тогда кровь побѣжала мнѣ даже на ноги. Мысль, что я умираю, обдала меня холодомъ.

Товарищи стрѣляли через мою голову, а пруссаки все отвѣчали.

Подумавъ, что какая нибудь еще пуля можетъ добить меня, я такъ сильно уцѣпился правой рукой за уголь стѣны, что упалъ въ маленькую канавку, по которой текла вода съ улицы въ садъ. Лѣвая рука казалась мнѣ тяжелою, какъ свинець, а голова кружилась; пальба слышалась, какъ во снѣ.

Когда я открылъ глаза, уже смеркалось, и пруссаки бѣжали по улицѣ. Они уже наполняли деревню, а напротивъ меня, въ саду, сидѣлъ на большой вороной лошади старый генераль, съ дой и безъ шляпы. Онъ кричалъ, какъ труба, чтобы привезли пушки, и офицеры во весь опоръ понесли его приказанія. Подлѣ него, на маленькой стѣнѣ, заваленной мертвыми, стоялъ хирургъ и перевязывалъ ему руку. Сзади, съ другой стороны, стоялъ верхомъ русскій офицеръ, ужасно худой, въ шляпѣ съ зелеными перьями, а въ глубинѣ долины, шаговъ за пятьсотъ, между двумя домами, строились наши солдаты.

Стрѣльбы уже не было, но только раздавались ужасные крики, и черезъ нѣсколько минутъ изъ-за угла показались орудія; колеса ѣхали по убитымъ и раненымъ, такъ что трещали кости, а раненые страшно кричали.

— Сюда! крикнулъ старикъ по нѣмецки.—Поставьте туда, между домами у фонтана.

Два орудія тотчасъ же были обернуты, и, вслѣдъ за ними, прѣѣхали зарядные ящики. Старикъ отправился посмотрѣть, съ поднятой лѣвой рукой, и я слышалъ, какъ онъ, проѣзжая по улицѣ, говоритъ русскому офицеру:

— Скажите императору Александру, что я въ Кайѣ... Сраженіе выиграно, если мнѣ приплюютъ подтвержденіе. Надо дѣйствовать, не мѣшкая! Теперь можно ожидать страшной атаки. Наполеонъ подходит... я это чувствую! Черезъ полчаса онъ будетъ у насъ на шеѣ съ своей гвардіей... чего бы то ни стоило, я буду держаться... Но, ради Бога, просите не терять ни минуты... и тогда побѣда за нами!

Молодой офицеръ поскакалъ въ Гершенъ, а подлѣ меня кто-то проговорилъ:

— Это старикъ Блюхеръ... О! каналья, кабы въ рукахъ у меня было ружье!

Обернувшись, я увидѣлъ стараго, худощаваго сержанта, совершенно сморщенного и сидѣвшаго у дверей амбара, опиравагося на обѣ

руки, какъ на костыли, потому что поясница его была пробита пулей. Помутившіеся глаза его провожали прусскаго генерала, поблѣднѣвшій носъ точно спустился къ длиннымъ усамъ: видъ его былъ страшень и гордъ.

— Будь у меня ружье, еще разъ сказалъ онъ:—посмотрѣлъ бы ты, будетъ ли побѣда за вами!

Кажется, въ этомъ углу, заваленномъ тѣлами, мы только двое были еще живы.

Думая, что, можетъ быть, завтра похоронять и меня со всѣми этими трупами и что я не увижу болѣе Катерины, слезы покатились у меня изъ глазъ, и я не могъ не протворить:

— Теперь всему конецъ!

Сержантъ искоса взглянулъ на меня и, увидавъ, что я еще такъ молодъ, онъ спросилъ меня:

— Что у тебя такое, рекрутъ?

— Пуля въ плечѣ, сержантъ.

— Въ плечѣ, ну, это лучше, чѣмъ въ поясницѣ,—можно еще поправиться!

Потомъ, посмотрѣвъ на меня еще разъ, онъ сказалъ уже нѣсколько мягче:

— Не бойся, право... ещё увидишь родину!

Мнѣ казалось, что онъ жалѣлъ меня ради моихъ лѣтъ и хотѣлъ утѣшить меня; но грудь моя точно ломилась, и это лишало меня всякой надежды.

Сержантъ не говорилъ ни слова, только отъ времени до времени съ трудомъ приподнималъ голову, чтобы посмотрѣть — идутъ ли наши колонны. Онъ бранился сквозь зубы и наконецъ скатился въ уголокъ двери, говоря:

— Дѣло мое кончено!... но все-таки долговязый негодяй поплачется.

Онъ взглянулъ черезъ изгородь направо, гдѣ лежалъ прусскій гренадеръ, съ животомъ, проткнутымъ штыкомъ.

Тогда было около шести часовъ; непріятель былъ во всѣхъ домахъ, въ садахъ, въ огородахъ, на улицахъ и въ переулкахъ. Холодъ пробѣгалъ у меня по всему тѣлу, и я забылся, какъ вдругъ меня разбудилъ пушечный выстрѣлъ. Оба орудія, стоявшія въ саду, и нѣсколько орудій позади ихъ—гремя, освѣщая, точно молнія; а по большой улицѣ толпились пруссаки и русскіе. Изъ всѣхъ оконъ раздавались тоже выстрѣлы. Но эту пальбу нельзя было и сравнить съ залпами французовъ съ противоположнаго холма; въ глубинѣ, внизу, поднималась, тѣсными колоннами, молодая гвардія; полковники, коман-

дыры и генералы ѳхали верхомъ среди штыковъ, съ поднятыми саблями: все это было какого-то сѣраго цвѣта и освѣщалось только свѣтомъ отъ выстрѣловъ изъ восьмидесяти орудій, поставленныхъ императоромъ въ одну батарею. Эти восьмидесятъ пушекъ гремѣли такъ, что не смотря на разстояніе, старый домишка, къ которому я подползъ, чтобы упереться, дрожалъ до основанія. На улицѣ бомбы валяли цѣлыя вѣреницы пруссаковъ и русскихъ, точно коса, подкашивающая траву: теперь пришла ихъ очередь смыкаться.

За нами я слышалъ, какъ отвѣчала прусская артиллерія, и думалъ: «Господи! Господи! хоть бы побѣдили французы, тогда ихъ раненые будутъ подобраны! а иначе эти пруссаки и казаки сначала позаботятся о своихъ, а насъ бросять».

Я не обращать болѣе вниманія на сержанта, и только смотрѣлъ на прусскихъ артиллеристовъ, какъ они заряжали, наводили и палили, проклиная ихъ въ душѣ, и съ наслажденіемъ слушалъ крики: «Да здравствуетъ императоръ!» летѣвшіе со стороны долины и раздававшіеся въ промежуткахъ между пальбой.

Наконецъ, минутъ черезъ двадцать, пруссаки и русскіе начали отступать; они тошами бросались съ улицы въ сторону, а крики: «Да здравствуетъ императоръ!» все приближались. Артиллеристы, бывшіе позади насъ, торопились, какъ обезумѣвшіе; но вдругъ нѣсколько бомбъ сломали колесо и обсыпали ихъ землею. Одно орудіе опрокинулось; два артиллериста были убиты и два ранены. Тутъ я почувствовалъ, что меня схватили за руку; я обернулся и увидѣлъ полумертваго сержанта, смотрѣвшаго на меня съ какимъ-то дикимъ хохотомъ. Крыша на нашемъ домѣ погнулась и стѣна наклонилась, но мы не обращали на это вниманія; мы видѣли только пораженіе непріятеля, и среди всего этого гвалта слышали только крики приближавшихся нашихъ солдатъ.

Вдругъ совершенно помертвѣвшій сержантъ сказалъ:

— Вотъ они!

И нагнувшись впередъ, стоя на колѣняхъ и упираясь на одну руку, онъ поднялъ другую и звонкимъ голосомъ закричалъ:

— Да здравствуетъ императоръ!

Потомъ онъ упалъ ницъ лицомъ, и болѣе уже не двигался.

Я наклонился посмотреть и увидѣлъ Наполеона, поднимавшагося среди пальбы, со шляпою, надвинутою на его большую голову, въ разстегнутомъ сѣромъ сюртукѣ, съ широкой красной лентой черезъ плечо на бѣломъ жилетѣ; онъ былъ спокоенъ, холодный, точно озаренный блескомъ штыковъ. Все подавалось передъ нимъ, и прусскіе

артиллеристы бросали орудія и бѣжали, прыгая черезъ изгороди, не смотря на крики своихъ офицеровъ, желавшихъ удержать ихъ.

Все это я видѣлъ и все точно запечатлѣлось у меня въ памяти; но съ этой минуты я ничего не помню больше о сраженіи, потому что, въ надеждѣ на побѣду, я лишился чувствъ и лежалъ, какъ мертвый среди жертвцовъ.

Я проснулся ночью среди мертвой тишины. По небу пробѣгали облака, и мѣсяцъ смотрѣлъ на брошенную деревню, на опрокинутыя пушки и груды мертвцовъ, такъ же какъ стогрять на бѣгущій ручеекъ, растущую траву и листья, падающія осенью. Люди ничтожны передъ вѣчностью, и умирающіе понимаютъ это лучше другихъ.

Я не могъ пошевелиться и ужасно страдалъ; только правая рука моя могла еще дѣйствовать. Однако, мнѣ удалось привстать на локоть, и я увидѣлъ вокругъ только жертвцовъ, освѣщенныхъ луною; я хотѣлъ крикнуть, но, вмѣсто крику, испустилъ что-то въ родѣ дѣтскаго рыданія. Но этотъ слабый крикъ пробудилъ и другихъ раненыхъ, думавшихъ, что идутъ на помощь, и всякій, кто могъ кричать,—кричалъ. Эти крики длились нѣсколько минутъ; потомъ все смолкло, и подлѣ меня раздавалось только дыханіе лошади за заборомъ; она хотѣла привстать, но подняла только голову и опять упала.

Отъ усилія рана моя опять раскрылась и я опять впалъ въ забытѣе. Въ головѣ у меня проходили картины изъ моего дѣтства; потомъ я сталъ думать, что будутъ дѣлать дома, когда получатъ вѣсть о моей смерти. Потомъ мнѣ представилось, что тридцать или сорокъ тысячъ семействъ во Франціи, Россіи и Германіи получаютъ такое же извѣстіе, или даже еще худшее, потому что у большинства несчастныхъ, погибшихъ на полѣ битвѣ, были живы еще и отцы, и матери; и все это казалось мнѣ чѣмъ-то отвратительнымъ, казалось воплемъ челоуѣчества, несущимся къ небесамъ.

Я вспомнилъ, какъ несчастныя матери молились въ Пфальцбургѣ о душахъ погибшихъ дѣтей, и слезы полились у меня изъ глазъ.

Къ утру пошелъ дождикъ и наполнилъ канавку. Отъ времени до времени слышно было, какъ падала какая нибудь стѣна, скатывалась крыша, животныя, испуганныя битвой и успокоившіяся къ утру, начинали помаленьку выходить; въ сосѣднемъ хлѣву закричала коза, прошла большая пастушья собака, повѣсивъ хвостъ и оглядывая мертвцовъ; лошадь, увидѣвъ ее, начала страшно дышать, вѣроятно, принимая ее за волка, — и собака убѣжала.

Всѣ эти мелкія подробности остались у меня въ памяти, потому что, умирая, видишь и слышишь все; тогда точно говоришь себѣ: «Смотри... слушай... скоро ничего не будешь ни слышать, ни видѣть въ этомъ мірѣ!»

Но что осталось у меня въ памяти еще лучше и чего я не забуду, если проживу хоть сто лѣтъ, — это, когда я услышалъ издали звукъ голосовъ. Какъ я очнулся... какъ началъ прислушиваться... и какъ приподнялся, чтобы закричать: «помогите!» Было еще темно, и чуть начало свѣтатъ; вддали, сквозъ дождикъ, посреди поля двигался огонекъ; онъ двигался то тутъ, то тамъ, останавливаясь... а вокругъ него наклонялись темныя тѣни; тѣни эти едва были видны, но ихъ все-таки разсмотрѣлъ не я одинъ, потому что со всѣхъ сторонъ раздались стоны, жалобные крики, голоса такіе слабые, что они походили на голоса маленькихъ дѣтей, зовущихъ мать.

Огонекъ ходилъ взадъ и впередъ, потомъ тихо вошелъ въ лощину и скрылся; а я опять упалъ безъ чувствъ.

Я пришелъ въ себя въ глубинѣ большого сарая, — кто-то подавалъ мнѣ пить воды съ виномъ, что казалось мнѣ очень вкуснымъ. Открывъ глаза, я увидѣлъ стараго солдата съ сѣдыми усами, который поддерживалъ мнѣ голову, держа у рта кружку.

— Ну, ласково сказалъ онъ мнѣ: — лучше?

Я улыбнулся ему при мысли, что еще живъ. Грудь и плечи мои были плотно забинтованы; я чувствовалъ на нихъ точно обжогъ, но до этого мнѣ было все равно: — я былъ живъ!

Вокругъ меня на матрацахъ и на соломѣ лежали раненые; посрединѣ сарая стоялъ большой столъ, на которомъ хирурги дѣлали перевязки, а пять или шесть пѣхотинцевъ подавали раненымъ пить.

Передъ сараемъ ждала большая телѣга, полная соломы. Къ намъ вошелъ еще хирургъ—поболтать съ тѣмъ, который перевязывалъ въ нашемъ сараѣ, и изъ разговора ихъ я узналъ, что раненыхъ восемнадцать тысячъ.

Немного поодаль отъ меня сидѣлъ старый капралъ съ перевязанной ногой; онъ, подмигивая глазомъ, говорилъ своему сосѣду, которому отняли руку:

— Рекрутъ, взгляни на эту кучу; бьюсь о закладъ, что ты не узнаешь своей руки.

Рекрутъ, блѣдный, какъ мертвецъ, но, тѣмъ не менѣе, выказавшій большую храбрость, взглянулъ и почти сейчасъ же упалъ въ обморокъ; послѣ чего капралъ началъ смѣяться и сказать:

— Онъ узналъ ее... Вотъ она внизу съ голубымъ пятнышкомъ... это всегда такъ дѣйствуетъ.

Онъ восхищался самъ своимъ открытіемъ; но никто не смѣлся съ нимъ.

Вскорѣ пріѣхалъ отрядъ гусаровъ и фуры для раненыхъ. Всѣхъ насъ или усадили, или уложили и отравили. Проѣзжая мимо поля битвы, я увидѣлъ, какъ крестьяне поспѣшно зарывали убитыхъ для предотвращенія заразы. Пріѣхавъ въ Лютценъ, мы узнали, что всѣ госпитали набиты ранеными, и что насъ повезутъ въ Лейпцигъ.

Подъѣзжая къ Лейпцигу, всѣ раненые были въ бреду или безъ чувствъ. Меня вынули двое мужчинъ и понесли вверхъ по лѣстницѣ въ большую залу, гдѣ уложили на постель; но только утромъ на слѣдующій день я хорошенько увидѣлъ, что дѣлается вокругъ меня.

Когда я проснулся, вокругъ меня стояло человѣкъ десять хирурговъ; одинъ изъ нихъ, толстый брюнетъ, котораго звали господиномъ барономъ, развязывалъ мнѣ руку; помощникъ держалъ чашку съ теплой водой. Баронъ осмотрѣлъ мою рану, а всѣ другіе наклонились, чтобы послушать, что онъ скажетъ. Онъ вымылъ и перевязалъ рану. Я чувствовалъ себя гораздо лучше; хирургъ остановился у другой койки и сказалъ:

— Да ты опять тутъ, старина!

— Да, господинъ баронъ, опять тутъ, отвѣчалъ канонеръ, довольный тѣмъ, что онъ его узналъ:—первый разъ это случилось въ Аустерлицѣ отъ картечи, потомъ въ Іенѣ и потомъ въ Смоленскѣ,—оба раза отъ пикъ.

— Такъ-такъ, сказалъ тронутый хирургъ; ну, а теперь что съ вами?

— Три удара сабель въ лѣвую руку, защищая свое орудіе противъ-прусскихъ гусаровъ.

Хирургъ подошелъ и, развязывая руку, спросилъ у канонера:

— У тебя есть крестъ?

— Нѣтъ, господинъ баронъ.

— Какъ твое имя?

— Христіанъ Циммеръ, квартирмейстеръ 2-й бригады конной артиллеріи.

— Хорошо! хорошо!

Онъ перевязалъ раны и, отходя, сказалъ:

— Это пойдетъ хорошо.

Старый канонеръ совсѣмъ повеселѣлъ. Услыжавъ по его имени,

что онъ долженъ быть изъ Эльзаса, я заговорилъ съ нимъ на нашемъ нарѣчїи, что еще болѣе развеселило его. Это былъ выговір дѣтина, глаза котораго прищуривались, когда съ нимъ говорили по эльзасски; на этомъ нарѣчїи можно было спросить у него все, и онъ все отдалъ бы, если бы у него было что нибудь, кромѣ такихъ пожатій рукъ, отъ которыхъ трещали кости. Онъ звалъ меня по нашему, Жозефелемъ, и говорилъ мнѣ:

— Жозефель, смотри!— не принимай тѣхъ лекарствъ, что тебѣ даютъ... Можно глотать только что нибудь знакомое... Все, что нехорошо пахнетъ,—никуда не годится. Если бы намъ подавали каждый день бутылку *рикетира*, мы выздоровѣли бы скорѣе; но имъ удобнѣе разстроивать намъ желудокъ щепоткой какой нибудь гадкой травы, сваренной въ водѣ, чѣмъ приносить бутылку благаго вина изъ Эльзаса.

Когда я боялся чего нибудь во время лихорадки, онъ дѣлалъ сердитый видъ и, глядя на меня своими сѣрыми глазами, говорилъ:

— Жозефель, ты съ ума сошелъ, что боишься чего-то! Развѣ такіе молодцы, какъ мы, могутъ умереть въ госпиталѣ? Нѣтъ... нѣтъ!.. выкинь это у себя изъ головы.

Что онъ ни говорилъ, но каждое утро, послѣ обхода докторовъ, изъ нашей залы выносили семь или восемь покойниковъ. Одни умирали отъ горячки, другіе отъ простуды, но то и другое кончалось носилками, которые уносились сторожами! — такъ что никто не зналъ, что лучше для здоровья: чтобы было холодно или жарко.

Циммеръ говорилъ мнѣ:

— Все это, Жозефель, отъ этихъ лекарствъ, выдуманныхъ докторами. Видишь этого длиннаго, худощаваго доктора? Онъ можетъ похвастать, что убилъ больше народу, чѣмъ всякое орудіе; онъ, въ нѣкоторомъ родѣ, начиненъ картечью и носить зажженный фитиль. А этотъ маленькій, черномазый? на мѣстѣ императора, я отослалъ бы его въ пруссакамъ и русскимъ,—онъ убьетъ у нихъ народу больше цѣлой арміи.

Не проноси мимо насъ насилоекъ, я, вѣрно, свѣдѣлся бы надъ его шутками.

Недѣли черезъ три, кость у меня въ плечѣ начала срастаться, обѣ раны почти закрылись и я сталъ поправляться. Сабельные удары Циммера тоже заживали. Кормили насъ хорошо.

Около этого времени намъ позволили ходить въ госпитальный садъ. Тамъ стояли скамейки подъ густыми деревьями, и мы гуляли по дорожкамъ, какъ богатые бары, въ своихъ сѣрыхъ халатахъ.

Въ іюнь мѣсяцѣ начались жары, предвѣщавшія урожайный годъ.

Часто, любуясь превосходными окрестностями, я вспоминалъ Пфальцбургъ и начиналъ плакать. Циммеръ говорилъ мнѣ:

— Чортъ возьми! хотѣлось бы мнѣ знать, объ чемъ ты плачешь, Жозефель? Въмѣсто того, чтобы схватить госпитальную заразу, лишиться ноги или руки, какъ сотни другихъ, мы сидимъ себѣ преспокойно на лавочкѣ подъ тѣнью деревъ, получаемъ супъ, говядицу и вино; намъ позволяютъ даже курить, когда у насъ есть табакъ, и ты недоволенъ! Чего же тебѣ еще надо?

Тогда я рассказывалъ ему о любви своей къ Катеринѣ, о своихъ надеждахъ, о будущемъ бракѣ и о всемъ хорошемъ, пролетѣвшемъ, какъ сонъ. Онъ слушалъ меня, покуривая трубку.

— Да-да, говорилъ онъ:—это все-таки печально. Передъ наборомъ 1798 года, я тоже долженъ былъ жениться на одной дѣвушкѣ изъ нашей деревни, по имени Маргретель, которую я любилъ, какъ душу. Мы надавали другъ другу обѣщаній, и, въ продолженіи всей цюрихской кампаніи, не проходило дня, чтобы я не думалъ о Маргретели.—Но вотъ въ первый же отпускъ я отправляюсь къ себѣ въ деревню, и что же узнаю?— Три мѣсяца тому назадъ, она вышла замужъ за одного нашего сапожника, Пассофа. — Можешь представить себѣ мою злобу, Жозефель! я свѣту не взвидѣлъ, все хотѣлъ переломать, и когда мнѣ сказали, что Пассофъ въ пивной *Большого оленя*, я пошелъ туда, не оглядываясь. Войдя въ пивную, я увидѣлъ его на концѣ стола, около окна. Онъ смѣялся, распивая пиво еще съ тремя или четырьмя такими же негодяями, какъ и онъ. Я подошелъ, и онъ сталъ кричать мнѣ: «Ба! да это ты, Христіанъ Циммеръ! Какъ поживаешь, Христіанъ? тебѣ кланяется Маргретель. Онъ подмигивалъ глазомъ, а я хватилъ кружку — и бацъ его въ лѣвое ухо, проговоривъ при этомъ: «Снеси ей это отъ меня, Пассофъ,—это свадебный подарокъ.» Конечно, всѣ бывшіе тутъ бросились на меня; двухъ-трехъ я хватилъ еще, чѣмъ попало, и выскочилъ въ окно.

— Не успѣлъ я придти къ матери, какъ явились жандармы и арестовали меня. Меня привязали къ тележкѣ и препроводили въ поле, находившійся тогда въ Страсбургѣ. Шесть недѣль пробылъ я въ Финкмагѣ, а потомъ мы пошли въ Гогеншинденгъ. Самъ командиръ круто сказалъ мнѣ: «Ну, счастье твое, что ты хорошій артиллеристъ; но если тебѣ случится еще когда нибудь бить людей кружками,—тебѣ будетъ плохо, предупреждаю тебя. Развѣ такъ дерутся, скотина? Зачѣмъ же у насъ сабля, какъ не для того, чтобы драться, дѣлая честь странѣ?»

Отвѣчать мнѣ было нечего.

— Съ этихъ поръ, Жозефель, охота къ женитьбѣ у меня прошла. Солдату нечего думать о бабахъ. Посмотри-ка, развѣ женившіеся генералы дерутся такъ, какъ они дрались прежде? Дѣдушка мой говаривалъ, что охотничью собаку надо держать впроголодь,—то же самое я думаю и о хорошихъ генералахъ, и о солдатахъ.

Изъ госпиталя я написалъ господину Гульдену о всемъ, что со мною случилось, и ждалъ отвѣта съ нетерпѣніемъ. Когда мнѣ приходило въ голову, что Катерина забыла меня, я жалѣлъ, что не остался убитымъ на полѣ. Наконецъ, раздавая разъ утромъ письма, крикнули и мое имя.

— Ну вотъ, сказалъ мнѣ Циммеръ:—и ты наконецъ дождался.

Письмо было отъ Катерины, а г. Гульденъ посылалъ мнѣ сто франковъ. Прочитавъ письмо, я залился слезами и сказалъ пришедшему Циммеру:

— Садись, я прочту тебѣ, что пишетъ мнѣ моя милая, посмотришь, похожа ли она на твою Маргредель.

Закуривъ трубку, онъ сказалъ:

— Можешь начинать, Жозефель, но предупреждаю тебя, что я старый воробей, и не всему вѣрю, что пишутъ; женщины вѣдь хитрые насъ.

Не смотря на это, я ему прочелъ письмо Катерины. Онъ ни слова не говорилъ во время чтенія, а по окончаніи взялъ письмо, долго держалъ его, о чемъ-то думая, и, возвращая, сказалъ:

— Да, Жозефель, она хорошая, честная дѣвушка и не измѣнитъ тебѣ.

— Ты думаешь, она очень любить меня?

— Да, она никогда не выйдетъ за какогонибудь Пассофа, въ этомъ можешь быть увѣренъ. Я скорѣе не повѣрилъ бы императору, нежели такой дѣвушкѣ.

Мнѣ хотѣлось разцѣловать Циммера за эти слова, и я сказалъ ему:

— Я получилъ изъ дому повѣстку на сто франковъ, которые мы получимъ на почтѣ. Вотъ и возможность пить бѣлое вино. Постараемся выйдти отсюда.

— Это хорошо, сказалъ онъ, покручивая усы и положивъ трубку въ карманъ. Я не люблю киснуть въ саду, когда въ городѣ есть трактиры. Надо постараться получить позволеніе выйдти.

Мы весело встали и пошли вверхъ по госпитальной лѣстницѣ, когда спускавшійся вахмистръ остановилъ Циммера и спросилъ его:

— Не вы ли Христіанъ Циммеръ, коноверъ 2-й конной артиллерійской бригады?

— Прошу извиненія, вахмистръ, имѣю эту честь.

— Ну, такъ вотъ все-что для васъ, сказалъ онъ, передавая ему небольшую посылку и большой пакетъ.

Циммеръ былъ совершенно удивленъ; онъ никогда ни откуда ничего не получалъ. Онъ открылъ посылку и нашелъ коробочку, а въ коробочкѣ орденъ Почетнаго легіона. Увидавъ орденъ, онъ поблѣднѣлъ, въ глазахъ у него помутилось, и онъ схватился за перила, чтобы не упасть; но потомъ крикнулъ: «Да здравствуетъ императоръ!» такъ что всѣ залы задрожали.

Вахмистръ весело смотрѣлъ на него.

— Вы довольны? сказалъ онъ.

— Еще бы! вахмистръ. Теперь недостаетъ только одного.

— Чего?

— Позволенія прогуляться по городу.

— Надо обратиться къ г. Тардье, къ главному хирургу.

Онъ сошелъ, смѣясь, и мы пошли подъ руку наверхъ—спрашивать у доктора позволенія. Съдой докторъ, слышавшій громогласное «Да здравствуетъ императоръ!» серьезно спросилъ насъ:

— Что это такое?

Циммеръ показавъ ему крестъ и сказалъ:

— Извините, господинъ докторъ, я совершенно здоровъ.

— Вѣрю, сказалъ г. Тардье: — вы хотите выйти?

— Если будете такъ добры, позвольте мнѣ и товарищу моему Жозефу Берта.

Наканунѣ хирургъ смотрѣлъ мою рану. Онъ вынулъ бумажникъ и далъ намъ два выходныхъ билета.

Мы сошли внизъ съ гордостью царей: Циммеръ гордился крестомъ, а я кнѣземъ.

Внизу привратникъ крикнулъ намъ.

— Что вы, что вы! куда вы?

Циммеръ показавъ наши билеты, и мы вышли, довольные, что можемъ любить на свободѣ. Часовой показавъ намъ почту, куда мы отправились за ста франками.

По дорогѣ намъ встрѣчались бѣдные раненые съ подвязанными руками или на востыляхъ. Циммеръ водилъ меня по городу, который онъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ, и говорилъ мнѣ:

— Вотъ церковь св. Николая, вотъ зданіе университета, вотъ ратуша...

Онъ помнилъ все, видя Лейпцигъ еще въ 1807 году, передъ Фриланцскимъ сраженіемъ, и постоянно повторялъ мнѣ:

— Здѣсь мы все равно, какъ въ Метцѣ, въ Страсбургѣ или гдѣ

нибудь въ другомъ мѣстѣ во Франціи. Жители любятъ насъ. Послѣ кампаніи 1806 года, намъ дѣлали любезности, какія только можно было ожидать. Граждане приглашали насъ къ себѣ обѣдать. Они давали даже балы, и насъ называли іенскими героями. Ты увидишь, какъ насъ любятъ! Войдемъ, куда хочешь, вездѣ насъ встрѣтятъ, какъ благодѣтелей страны: вѣдь мы же назвали ихъ курфирста саксонскимъ королемъ и дали ему порядочный кусокъ Польши.

Вдругъ Циммеръ остановился передъ маленькой дверью и вскричалъ:

— Постой! это вѣдь пивная *Золотою барана*, главный входъ съ той улицы, но мы можемъ пройти и отсюда.—Идемъ!

Мы вошли въ пивную: Сквозь табачный дымъ я насилу разсмотрѣлъ длинный рядъ столовъ, окруженныхъ посѣтителями, большей частью въ коротенькихъ пальто и маленькихъ шапочкахъ, и саксонскими солдатами. Циммеръ сказалъ мнѣ, что посѣтители въ шапочкахъ—нѣмецкіе студенты.

Когда мы вошли, они говорили что-то о родинѣ (*Waterland*) и чокались съ саксонскими солдатами. Но при нашемъ появленіи все замолчало. Двое или трое встали, тотчасъ же и вышли; остальные стали расходиться, посидѣвъ еще немного. Изъ газеты мы узнали, что назначено перемиріе и что въ Прагѣ ведутся конференціи. Циммеръ, не стѣсняясь, кричалъ и дѣлалъ вслухъ замѣчанія, что не надо было перемирія, что императоръ слишкомъ добръ. Онъ обращался съ вопросами къ оставшимся посѣтителямъ, но тѣ сердито смотрѣли на насъ и не отвѣчали ничего.

Наконецъ Циммеръ всталъ и мы вышли. Дорогой онъ жаловался на нынѣшнихъ студентовъ и хвалилъ прежнихъ, говоря, между прочимъ, что у пяти или у шести изъ нихъ, которыхъ называли сеньорами, были уже сѣдые борода и почтенный видъ.

Озлобленіе виднѣлось во всемъ, и Циммеръ, убѣдясь въ этомъ, говорилъ:

— Хорошо же! если будетъ здѣсь война... ужь не сдобровать же имъ! Мы осыпали ихъ благодѣяніями, а они вотъ какъ принимаютъ насъ!

Однажды мы пошли купаться, и какой-то прохожій указалъ намъ такое мѣсто, что Циммеръ, раздѣвшійся прежде меня, ушелъ футовъ на пятнадцать и едва спасся, доплывъ до извѣстнаго намъ брода.

Возвращаясь въ городъ, Циммеръ только и бредилъ мщеніемъ.

— Вся страна противъ насъ, говорилъ онъ: — мужчины встрѣчаютъ насъ съ злыми рожами, женщины отвертываются, мужи-

ки хотять утопить, трактирщики не дають ничего въ долгъ, точно будто мы не побѣждали ихъ ужъ раза три или четыре; и все это оттого, что мы ужъ слишкомъ добры: намъ слѣдовало объявить себя побѣдителями! — Мы даровали нѣмцамъ королей и герцоговъ, мы создали даже графовъ и бароновъ по названіямъ ихъ деревень, мы осыпали ихъ почестями, а вотъ ихъ благодарность! Въмѣсто того, чтобы велѣть намъ обращаться съ ними съ почтениемъ, слѣдовало бы позволить намъ распоряжаться съ ними, какъ мы хотимъ. Все заключается въ силѣ. Сначала берутъ силой рекрутовъ, потому что, если не брать ихъ силой, всё остались бы дома. Изъ рекрутовъ дѣлають силой солдатъ, объясняя имъ, что такое дисциплина; съ солдатами силою выигрываютъ сраженія, и тогда силою заставляютъ побѣжденныхъ давать все: они устроиваютъ вамъ триумфальныя арки и называютъ васъ героями, потому что трусятъ. Вотъ! а императоръ слишкомъ добръ... Не будь онъ такъ добръ, я не рисковалъ бы сегодня утонуть; при видѣ одного мундира, мужикъ не осмѣлился бы обмануть меня.

Придя въ Лейпцигъ, мы замѣтили радость, сіявшую на лицахъ жителей; она не проявлялась шумно, но граждане, встрѣчаясь, пожимали другъ другу руки; женщины бѣгали въ гости; какое-то внутреннее удовольствіе проглядывало въ глазахъ прислуги и самыхъ жалкихъ работниковъ.

Циммеръ сказалъ мнѣ:

— Нѣмцы точно радуются чему-то: у всѣхъ у нихъ такой веселый видъ.

— Да, отвѣчалъ я ему, — это вслѣдствіе хорошей погоды и хорошаго урожая.

Потомъ мы узнали, что нѣмцы радовались потому, что австрійцы объявили намъ войну. — Положеніе наше въ Лейпцигѣ еще ухудшилось. Жители на насъ косились, и если не душили насъ, то только потому, что наша армія была недалеко. Къ концу августа начались дожди, и мнѣ невольно приходили въ голову мои товарищи, которые мокли, можетъ быть, гдѣ нибудь на большой дорогѣ. Наконецъ Тардье, попробовавъ мою руку, нашель, что я могу опять служить, и на слѣдующій же день мнѣ дали амуницію и билетъ на дорогу въ Гаурницу, гдѣ стоялъ нашъ полкъ.

Насъ вышло пятнадцать человѣкъ подъ командою фурьера 27-го полка, Пуатевена. По дорогѣ мы оставляли то одного, то другого, и шли къ Гаурницу только Пуатевень, я и еще четыре пѣхотныхъ солдата. Мы шли по большой дорогѣ, съ ружьями на перевязи, съ завернутыми шинелями и съ мѣшками за спиною. Дождь скатывалъ

ся намъ за спину; вѣтеръ разносилъ сухія листья и постоянно напоминалъ намъ о приближеніи зимы. Изрѣдка попадалась намъ какая нибудь деревня, а тамъ опять тянулась безконечная дорога. Ничего не могло быть печальнѣе такой картины, въ особенности, когда думаешь, что приближается зима и что придется спать на снѣгу. Всѣ шли молча, за исключеніемъ фурьера Пуатевена. Это былъ желтый, морщинистый солдатъ, съ выпальными щеками, краснымъ носомъ и съ усами длиною въ аршинъ, какъ у всѣхъ пьяницъ. Онъ говорилъ, какъ человѣкъ образованный, перемеживая рѣчи свои казарменными выраженіями; когда дождь начиналъ лить сильнѣе, онъ восклицалъ съ страннымъ хохотомъ: «Да... Пуатевень... да... это научить тебя свистать!»—Этотъ старый пьяница, замѣтивъ, что карманъ у меня не сохвѣтъ пустъ, шелъ подлѣ меня, говоря иногда: «Молодой человѣкъ, если вашъ жѣночекъ вамъ мѣшаетъ, передайте его мнѣ.» Но я благодарилъ его за любезность.

Хотя мнѣ надоѣдало идти постоянно съ человѣкомъ, который все только заглядывался на вывѣски кабаковъ, проходя черезъ деревни, и который говорилъ: «Хорошо бы выпить въ такую погоду...» я все-таки не могъ удержаться, чтобы иногда не угостить его, такъ что онъ не отставалъ больше отъ меня.

Подходя къ Вурцену, дождь пошелъ ливнемъ, и фурьеръ въ двадцатый разъ вскричалъ:

— Да, Пуатевень... каково житье!.. это выучить тебя свистать!

— Что это у васъ за поговорка, фурьеръ? сказалъ я ему.—Хотѣлось бы мнѣ знать, какъ дождь можетъ выучить васъ свистать?

— Это не поговорка, молодой человѣкъ, это мысль, непокидающая меня въ пріятныя минуты.

Черезъ минуту онъ продолжалъ:

— Въ 1806 году, я учился въ Руанѣ, и мнѣ случилось освистать піесу вмѣстѣ съ другими такими же молодыми людьми, какъ я. Кто свисталъ, кто аплодировалъ, и изъ этого произошла драка, а за драку полиція посадила насъ десятками подъ арестъ. Императоръ, узнавъ о происшествіи, сказалъ: «такъ какъ они любятъ такъ драться,—взять ихъ въ мои арміи! Они удовлетворяютъ моему желанію.» Разумѣется, дѣло было сдѣлано, никто не посмѣлъ и пикнуть, ни отцы и ни матери.

— Такъ вы подлежали рекрутскому набору? сказалъ я ему.

— Нѣтъ, отецъ купилъ за меня охотника. Императоръ просто выкинулъ шутку,—такую шутку, о которой долго будешь помнить: двадцать или тридцать изъ насъ умерли отъ истощенія... Нѣскольکو другихъ, вмѣсто того, чтобы приносить пользу странѣ, занимая

мѣста докторовъ, судей, адвокатовъ,—спились. Такую штуку, можно, дѣйствительно, назвать хорошей шуткой.

Онъ захоталъ, искоса поематривая на меня. Я задумался и еще раза два или три передъ приходомъ въ Гаурницъ угостилъ рюмочкой этого бѣдняка.

Около пяти часовъ, приближаясь къ деревнѣ Риза, мы увидѣли старую мельницу съ деревяннымъ мостомъ. Мельница стояла на проселочной дорогѣ. Мы пошли по этой дорогѣ, такъ какъ она вела прямо, и, шаговъ за двѣсти отъ мельницы, услышали страшные крики. Въ то же самое время черезъ садъ бѣжали двѣ женщины—одна совершенно старая, а другая молодая,—и тащили за собою дѣтей. Онъ торопился добратся до небольшого лѣса, идущаго вдоль дороги, по другую сторону рѣки. Вслѣдъ же за этимъ, изъ мельницы вышло нѣсколько нашихъ солдатъ съ мѣшками, а еще нѣсколько солдатъ поднимались изъ погреба, неся маленькіе бочонки, и нагружали ими телѣгу; изъ хлѣва вывели наши же солдаты коровъ и лошадей, а въ дверяхъ стоялъ блѣдный старикъ мельникъ, поднимая руки къверху; его окружало человекъ пять—шесть этихъ негодяевъ.

Все это—и мельница, и плотина, и выбитыя окна, и бѣгущія женщины, и солдаты наши въ полицейскихъ шанкахъ, походившіе на бандитовъ, и старикъ, проклинающій ихъ, и коровы, ушправшіяся и подгоняемыя сзади штыками,—все это... такъ ясно передо мною, что точно я все это еще вижу.

— А! сказалъ фурьеръ Пуатевенъ,—это мародеры... Мы недалеко отъ арміи.

— Вѣдь это отвратительно! вскричалъ я, вѣдь это разбой!

— Да, сказалъ фурьеръ, это противно дисциплинѣ; если бы императору это было извѣстно, ихъ разстрѣляли бы, какъ собакъ.

Мы переходили тогда черезъ мостъ, а у мельницы открыли одинъ боцонюкъ, и всѣ солдаты по очереди подходили съ кружками. Это возмутило фурьера, и онъ закричалъ повелительнымъ тономъ:

— По чьему позволенію производите вы такой разбой!

Нѣсколько мародеровъ обернулись, и, видя, что насъ всего трое,—такъ какъ остальные ушли, не останавливаясь,—одинъ изъ нихъ отвѣчалъ:

— Ахъ ты, балагуръ!.. и тебѣ хочется поживиться... Это очень просто... Для этого не зачѣмъ было заирать носъ. На—выпей и ты!

Онъ подаль ему кружку; фурьеръ взялъ ее и выпилъ, посмотрѣвъ на меня искоса.

— Молодой человекъ, сказалъ онъ потомъ:—если угодно, вино это отличное.

— Благодарю, отвѣчалъ я.

Многіе кричали вокругъ насъ:

— Въ дорогу, въ дорогу! ужь пора.

А другіе отвѣчали:

— Нѣтъ-нѣтъ, подождите, надо еще посмотрѣть!

— Послушайте, сказалъ фурьеръ добродушнымъ тономъ:—знаете, братцы, ненужно ужь очень-то распоряжаться.

— Да-да, старина, отвѣчалъ какой-то тамбуръ-мажоръ, насмѣшливо улыбаясь и полузакрывъ глаза;—да, будь покоенъ, мы опцилемъ курицу, какъ слѣдуетъ, и побережемъ... побережемъ.

Послѣ этого фурьеръ замолчалъ, онъ точно стыдился меня.

— Что дѣлать, молодой человекъ! сказалъ онъ мнѣ, прибавляя шагу, чтобы догнать товарищей:— на войнѣ дѣйствуютъ по военному... Нельзя же умирать съ голоду!

Мнѣ кажется, онъ остался бы, если бы не боялся наказанія. Мнѣ же стало грустно, и я думалъ: вотъ каковы пьяницы! у нихъ могутъ быть хорошія побужденія, но одинъ взглядъ на кружку вина, заставляетъ ихъ забывать все.

Наконецъ, около десяти часовъ вечера, мы увидѣли бивуачный огонь на темной горѣ, справа отъ деревни Гаурницъ и стараго замка, гдѣ горѣло тоже нѣсколько костровъ. Далѣе въ долину тоже вездѣ виднѣлись огни.

Когда мы подошли, насъ окликнули, и потомъ къ намъ вышелъ сѣдой офицеръ. Онъ взялъ наши билеты и велѣлъ намъ идти за собой подъ навѣсъ, гдѣ былъ разведенъ огонь. Это былъ старыи кирпичный сарай, весь наполненный спящими солдатами. Старый солдатъ, черный, сухой, не спалъ одинъ и сидѣлъ, скрестивъ ноги; между колѣнами онъ держалъ башмакъ, который зачинивалъ шиломъ и дратвой.

Офицеръ отдалъ мнѣ первому билетъ, сказавъ:

— Вы пойдете завтра въ свой батальонъ за двѣ мили отсюда, подлѣ Торгау.

Старый солдатъ, смотрѣвшій на меня, положилъ руку на землю, показывая мнѣ, что есть мѣсто, и я сѣлъ подлѣ него.—Я открылъ свой мѣшокъ и надѣлъ чистые носки и новые башмаки, полученные мною въ Лейпцигѣ; это облегчило, меня.

Старикъ спросилъ меня:

— Въ какой идешь?

— Въ 6-й, въ Торгау.

— А откуда?

— Изъ лейпцигскаго госпиталя.

— Это и видно, сказалъ онъ: — ты жиренъ, какъ мошакъ. Тебя откармливали тамъ курами, а мы тутъ бѣдствуемъ.

Я посмотрѣлъ на спящихъ вокругъ и согласился съ нимъ: несчастные рекруты были совершенными скелетами—желтые, сморщенные, какъ старики; можно было подумать, что они не могутъ держаться на ногахъ.

Черезъ минуту старикъ продолжалъ:

— Ты былъ раненъ?

— Да, старина, въ Лютценѣ.

— Четыре мѣсяца въ госпиталѣ, сказалъ онъ: — счастливо! Я вотъ изъ Испаніи. Надѣялся встрѣтить кайзерликовъ 1807 года... барановъ... настоящихъ барановъ... Но нѣтъ, они хуже гверильясовъ; портятся, портятся!

Онъ говорилъ шепотомъ, не обращая на меня вниманія, и выдерживалъ драгву, какъ саножникъ, стиснувъ зубы. Отъ времени до времени онъ примѣрялъ башмакъ, чтобы посмотрѣть, не будетъ ли мѣшать заплата. Наконецъ онъ положилъ ишию въ мѣшокъ, надѣлъ башмакъ и легъ головой на солону.

На слѣдующее утро мы опять пустились въ ходъ съ Пуатевеномъ. Было вѣтрено и дождливо. Мы шли уже съ часъ, какъ вдругъ фурьеръ сказалъ:

— Слушай!

Онъ остановился, выгнувъ голову, какъ охотничья собака. Мы остановились, но вѣтеръ и шумѣвшая подлѣ рѣка мѣшали слышать. Но ухо Пуатевена было болѣе чутко, чѣмъ мое.

— Тамъ стрѣляютъ, сказалъ онъ, указывая направо; войдемте въ лѣсокъ. Это застрѣльщики стрѣляютъ въ кавалерію, потому что они имъ не отвѣчаютъ.

Онъ не ошибся. Минутъ черезъ десять, мы увидѣли между деревьями батальонъ французской нѣжоты, приготовлявшей супъ, а вдали по долинѣ отрядъ казаковъ, ѣдущій изъ одной деревни въ другую. Вдоль лѣса стрѣляло нѣсколько застрѣльщиковъ.

— Ну вотъ, молодой человѣкъ, вы и дома, улыбаясь, сказалъ мнѣ Пуатевенъ.

Онъ издали прочелъ номеръ; я же, какъ ни смотрѣлъ, только и могъ различить страшно-худыя лица съ острыми носами и съ торчащими ушами. Шинели ихъ были такъ широки, что висѣли на нихъ складками, точно на вѣшалкахъ. О грязи ужъ я говорить нечего.

Мы сошли къ палаткамъ, гдѣ былъ полковникъ. Я подаю ему билетъ: онъ сурово взглянулъ и сказалъ:

— Идите въ свою роту.

Поля такъ были перемѣшаны, что я никого не узнавалъ. Солдаты, видя новаго пришельца, косо посматривали на меня, какъ-будто говоря:

— Этогь, вѣрно, тоже хочеть супу! Посмотримъ, что-то онъ дастъ за свою долю.

Мнѣ было стыдно попросить себѣ мѣста у своей роты, когда вдругъ какой-то костлявый солдатъ, съ орлинымъ, острымъ носомъ, широкими плечами, на которыхъ висѣла старая, изношенная шинель, поднялъ голову и, посмотрѣвъ на меня, сказалъ совершенно спокойнымъ голосомъ:

— Да это ты, Жозефъ! а я уже четыре мѣсяца считаю тебя убитымъ.

Тутъ только я узналъ бѣднаго Зебеде. Кажется, лицо мое тронуло его, потому что онъ протянулъ мнѣ руку, не вставая, и крикнулъ:

— Клипфель... вотъ и Жозефъ!

Солдатъ, сидѣвшій у сосѣднаго котла, обернулся и сказалъ:

— Это ты, Жозефъ? Такъ ты не умеръ?

Вотъ всѣ привѣтствія, полученныя мною. Нужда сдѣлала этихъ людей такими эгоистами, что они только и думали о своемъ тѣлѣ. Не смотря на это, Зебеде остался въ душѣ такимъ же добрымъ; онъ пригласилъ меня сѣсть къ своему котелку, бросивъ на товарищѣ взглядъ, внушавшій къ нему почтеніе, и предложилъ мнѣ свою ложку. Но я поблагодарилъ его, потому что наканунѣ догадался зайти въ Ризъ къ колбаснику и купить тамъ дюжину колбасъ, хлѣбъ и бутылку воды. Я развязалъ свой мѣшокъ, вынулъ свертокъ съ колбасами и далъ двѣ Зебеде, что тронуло его до слезъ. Я хотѣлъ дать и другимъ товарищамъ, но, угадывая мою мысль, онъ задумчиво взялъ меня за руку и сказалъ:

— Что хорошо поѣсть, то хорошо и спрятать.

Послѣ этого, онъ отошелъ отъ товарищѣ, и мы стали ѣсть, запивая водкой; другіе молча искоса поглядывали на насъ. Клипфель, услыжавъ запахъ чесноку, обернулся и сказалъ:

— Жозефъ, иди же ѣсть съ нами:—товарищи всегда останутся товарищами.

— Хорошо-хорошо, отвѣчалъ Зебеде:— по моему, самые лучшіе товарищи—колбасы.

Потомъ онъ самъ завязалъ мой мѣшокъ и сказалъ мнѣ:

— Побереги это, Жозефъ,—вотъ ужъ цѣлый мѣсяцъ я не ѣлъ тажъ, какъ сегодня. Будь покоенъ, ты не проиграешь оттого, что угостилъ меня.

Черезъ полчаса забили сборъ; застрѣльщики приблизились, а сержантъ Пинто, большій въ ихъ числѣ, узналъ меня и сказалъ:

— А, такъ вы спаслись? Это пріятно... Но вы пришли въ плохое время!—Нехорошая война... нехорошая война, прибавилъ онъ, качая головой.

Мы выступили, Зебеде, какъ и прежде, шель подлѣ меня. Къ концу перемирія всѣ были противъ насъ; кромѣ того, и погода не благопріятствовала намъ. Дожди лили безъ устали и мѣшали намъ передвигаться. Молодые солдаты умирали отъ утомленія и недостатка пищи, и только тѣ, которые побывали и въ Испаніи, и прежде въ Германіи,—не гибли, какъ мухи.

— Все противъ насъ, говорилъ мнѣ Зебеде:—страна, дожди и даже сами генералы, утомленные всѣмъ этимъ. Одни герцоги и принцы утомлены—вѣчно быть въ грязи, вмѣсто того, чтобы сидѣть въ удобныхъ креслахъ; а другіе, какъ Вандамъ, хотятъ поскорѣе сдѣлаться маршалами, —слишкомъ рискуютъ; а мы, несчастные, останемся калеками, потому что мы—дѣти мужиковъ и работниковъ, которые дрались, чтобы уничтожить дворянство, и намъ приходится драться, чтобы образовать новое.

Тутъ я увидѣлъ, что бѣдныя и несчастныя не всегда глупѣе счастливыхъ, и что страданія раскрываютъ глаза на печальную истину.

Солдаты только и стремились къ дракѣ. Постоянная ходьба, ночлеги въ грязи, голодъ, насѣкомые отравили имъ жизнь. Всякій думалъ: «Надо какъ нибудь съ собой кончить... Это слишкомъ... такъ жить нельзя!

Черезъ нѣсколько дней я такъ отошалъ, что едва волочилъ ноги; я замѣтно худѣлъ. Всякій вечеръ приходилось быть въ караулѣ, потому что намъ приходилось оберегаться и отъ крестьянъ.

14 октября батальонъ нашъ отправился къ городу Ахену; всюду передвигались войска, и всѣ мы почему-то говорили:

— Битва близка!.. Близка битва!

Сержантъ Пинто утверждалъ, что императоръ чувствуетъ въ воздухѣ. Я только чувствовалъ, что мы идемъ къ Лейпцигу и что около Лейпцига дѣйствительно началось сраженіе, и такое, что сержантъ Пинто говорилъ: «Это пожарче, чѣмъ въ Эйлау!»

Батальонъ нашъ началъ спускаться съ пригорка противъ Лейпцига, когда вдругъ полковникъ закричалъ:

— Справа рядами!—и мы повернули назадъ въ лѣсъ. Батальонъ нашъ разсыпалъ цѣпью застрѣльщиковъ. Мы шли шагахъ въ двадцати другъ отъ друга, озираясь во всѣ стороны. Сержантъ Пинто безпрестанно говорилъ:

— Берегитесь! прячьтесь!

Но онъ напрасно предупреждалъ насъ, всѣ мы глядѣли во всѣ глаза, и только постоявъ за толстымъ деревомъ и высмотрѣвъ хорошенько, рѣшались идти далѣе.

Такъ шли мы минутъ десять и, ничего не вида, начинали становиться немного похрабрѣе, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ, потомъ другой, потомъ еще, еще и еще вдоль всей нашей линіи, и упалъ товарищъ мой съ лѣвой стороны; я вострепенулся, посмотрѣлъ въ другую сторону, и что же увидѣлъ за пятьдесятъ или шестьдесятъ шаговъ?—старога прусскаго солдата, съ большими рыжими усами, приложивъ ружье къ щекамъ, который цѣлился въ меня. Я въ одинъ мигъ наклонился, и въ ту же секунду раздался выстрѣлъ, и что-то треснуло у меня на головѣ: въ шапкѣ у меня лежала гребенка, щетка и платокъ, и пуля пруссака все переломала.—Я совсѣмъ обмеръ.

— Ну, спасся же ты чудомъ! крикнулъ мнѣ сержантъ, пустившись бѣжать; я пустился за нимъ, не желая оставаться въ такомъ мѣстѣ.

Порутчикъ нашъ кричалъ:

— Впередъ! впередъ!

Далѣе направо шла пальба.

Вдругъ мы вышли на лужайку, посреди которой стояло пять-шесть пней и ни одного дерева, за которымъ можно было бы укрыться. Не смотря на это, многіе храбро шли впередъ, но сержантъ сказалъ намъ:

— Стойте!... пруссаки, вѣрно, вокругъ гдѣ нибудь въ засадѣ, смотрите хорошенько!

Только-что онъ сказалъ это, какъ между вѣтвями просвистало нудъ двѣнадцать, и въ то же время стала удаляться въ глубь вучка пруссаковъ.

— Ну, вотъ они и ушли, сказалъ Пинто.

Но выстрѣлъ въ шапку такъ проучилъ меня, что я видѣлъ все точно сквозь деревья, и когда сержантъ хотѣлъ идти черезъ лужайку, я удержалъ его за руку, показывая ему дуло ружья, торчавшее изъ кустарника, шаговъ за сто отъ насъ.

Подопедшіе товарищи тоже увидѣли его, а сержантъ шопотомъ сказалъ:

— Ты, Берта, оставайся здѣсь,—не теряй его изъ виду... а мы обойдемъ его.

Они ушли, а я, приложивъ ружье къ щекамъ, ждалъ за деревомъ. Минуты черезъ двѣ, пруссакъ, не слыша ничего, тихо всталъ. Это былъ молодой, стройный, высокій солдатъ съ маленькими бѣловатыми усиками; я могъ стрѣлять въ него на вѣрняка, но пришелъ въ ужасъ убить человѣка такъ прямо. Вдругъ онъ увидѣлъ меня и бросился въ сторону. Тутъ я выстрѣлилъ и вздохнулъ свободно, увидѣвъ, что онъ бѣжитъ по лѣсу, какъ олень.

Но въ то же время раздалось пять выстрѣловъ, и за сто шаговъ мы прошли мимо этого пруссака, лежавшаго всего въ крови; онъ со страхомъ смотрѣлъ на насъ, поднявъ руку, какъ-будто желая отстранить удары штыковъ. Сержантъ весело сказалъ ему:

— Не бойся! съ тебя и такъ довольно!

Никто не хотѣлъ добывать его, только Клипфель взялъ прецошенскую трубку, торчавшую у него изъ кармана, говоря:

— Давно хотѣлось мнѣ имѣть такую трубку... вотъ и добылъ.

— Рядовой Клипфель! съ неподдѣльнымъ негодованіемъ вскричалъ Пинто: — извольте оставить эту трубку! Пусть казаки обираютъ раненныхъ! Французскій солдатъ долженъ руководиться честью.

Клипфель бросилъ трубку, и наконецъ мы вышли оттуда, не оборачиваясь. Мы получили приказъ выгнать изъ кустовъ застрѣльщиковъ, и бросились, но прибѣжавъ на пригорокъ, Пинто вдругъ крикнулъ: «гусары!»

Я поднялъ голову и увидѣлъ изъ-за пригорка поднимавшихся гусаръ: они летѣли на насъ. Увидѣвъ это, я, не разсуждая, повернулъ назадъ и бросился бѣжать подъ гору, прыгая, какъ серна, не смотря на усталость и на все остальное. Передъ собою я видѣлъ и сержанта Пинто, и Зебеде, и другихъ, бѣжавшихъ изъ всей мочи. Сзади мчали гусары съ такимъ гамомъ, что морозъ пробѣгалъ по кожѣ.

Я побѣжалъ напрямикомъ къ лѣсу, и уже почти добѣжалъ до него, но у самой опушки увидѣлъ передъ собою яму, въ которой мужики мнутъ глину, шириною футовъ въ двадцать и длинною въ пятьдесятъ. Дождь размылъ края, и они были совершенно скользки; но я уже слышалъ надъ собою дыханіе лошадей, и потому, не разсуждая ни о чемъ, бросился въ эту яму, гдѣ уже лежалъ кто-то изъ нашей роты и собирался встать. Въ ту же минуту туда скатились два прусскихъ гусара. Первый гусаръ съ страшною бранью ударилъ моего товарища саблей по головѣ, и въ ту минуту, какъ онъ замахивался на него во второй разъ, я проткнулъ его штыкомъ. Въ это

*

время другой гусаръ хватилъ меня по плечу, но попалъ по эпюлету; онъ замахнулся опять, но сверху пуля попала ему въ голову. Я взглянулъ и увидѣлъ наверху одного изъ солдатъ, увязнувшего по колѣна въ глину. Онъ слышалъ ржаніе лошадей и крики, и подошелъ къ ямѣ посмотрѣть, что тамъ дѣлается.

— Ну, пріятель! смѣясь, сказалъ онъ мнѣ: — едва подоспѣлъ.

Я не могъ отвѣтить ему и дрожалъ, какъ листъ. Онъ снялъ штыкъ и протянулъ мнѣ ружье, чтобы помочь вылѣзти; тогда я взялъ его за руку и сказалъ:

— Вы спасли меня!.. Какъ васъ зовутъ?

Онъ сказалъ мнѣ свое имя. Съ тѣхъ поръ мнѣ часто приходило въ голову, что, приведись мнѣ встрѣтить этого человѣка, я счастливъ былъ бы оказать ему какую нибудь услугу; но на слѣдующій день была вторая Лейпцигская битва, потомъ Гаваусское отступленіе, и я никогда его не видѣлъ болѣе.

Сержантъ Пинто и Зебеде пришли вскорѣ, и Зебеде сказалъ мнѣ:

— Намъ посчастливилось и въ этотъ разъ, Жозефъ; теперь въ батальонѣ мы съ тобой послѣдніе пфальцбургцы... Клипфеля гусары истрешили.

— Ты видѣлъ его? сказалъ я, поблѣднѣвъ.

— Да, онъ получилъ больше двадцати ударовъ саблями и кричалъ: «Зебеде! Зебеде!»

Минуту спустя, онъ прибавилъ:

— Ужасно слышать, какъ зоветъ на помощь товарищъ дѣтства, и не быть въ состояніи помочь ему... Но ихъ было такъ много!.. они окружили его.

Это опечалило насъ, и мы стали думать о родинѣ. Я вообразилъ себѣ, какъ будетъ горевать бабушка Клипфеля, и невольно вспомнилъ о Катеринѣ.

Къ шести часамъ забили отступленіе. Въ батальонѣ недоставало шестидесяти человѣкъ; мы шли весь вечеръ и къ ночи остановились у кладбища и сложили ружья въ козлы.

Тутъ только я поднялъ голову и увидѣлъ, что мы у Шенфельда. Сколько разъ приходили мы съ Циммеромъ изъ Лейпцига—выпить вина въ бесѣдкѣ дяди Винтера, когда солнце ярко блестяло и согрѣвало насъ!.. Тѣ времена миновались!

Пикеты были разставлены; нѣсколько человѣкъ пошло въ деревню за дровами и припасами. Я сѣлъ въ стѣнѣ кладбища и заснулъ. Часамъ къ тремъ утра, меня разбудилъ Зебеде и сказалъ:

— Жозефъ, иди погрѣться; если останешься тутъ, такъ схватишь лихорадку.

Я всталъ, точно опьянѣвъ отъ утомленія и страданія. Шель мелкій дождикъ. Зебеде привелъ меня къ огню, тлѣвшему подъ дождемъ. Этотъ огонь былъ, казалось, только для виду и нѣсколько не грѣлъ. Зебеде далъ мнѣ выпить водки, что немного согрѣло меня, и я сталъ смотрѣть на огни, пылавшіе по ту сторону парты.

— Пруссаки грѣются, сказали мнѣ Зебеде: — теперь они въ нашемъ лѣсу.

— Да, отвѣчалъ я, — и бѣдный Клипфель тамъ же, ему ужъ теперь не холодно.

У меня стучали зубы. Эти слова опечалили насъ; спустя нѣсколько минутъ, Зебеде сказалъ:

— Помнишь, Жозефъ, черную ленту, которую онъ надѣлъ на свою шляпу въ день пріема? Онъ кричалъ: — «мы всѣ приговорены къ смерти, какъ тѣ, что въ Россіи. Я хочу черную ленту!.. Надо носить по себѣ трауръ!» А его маленькій братъ говорилъ: «Нѣтъ, Яковъ, я не хочу!» Онъ плакалъ, но Клипфель все-таки надѣлъ ленту: онъ предчувствовалъ гусаровъ!

По мѣрѣ того, какъ говорилъ Зебеде, я припоминалъ все это, а вмѣстѣ съ тѣмъ, припоминалъ и этого негодяя Пинакля, на площади передъ ратушей, какъ онъ, помахивая черной лентой, кричалъ мнѣ: «Эй ты, хромой! тебѣ нужно хорошую ленту, — ленту такихъ, которые выигрываютъ.

Эта мысль и холодъ, пробѣгавшій по моему тѣлу, заставляли меня дрожать; я думалъ: «Ты не поправишься... Пинакль былъ правъ... Всему конецъ! Я думалъ о Катеринѣ, о тетусѣ Гредель и о господинѣ Гульденѣ, и проклиналъ тѣхъ, кто заставилъ меня попасть въ настоящее положеніе.

Три четверти батальона было въ такомъ же положеніи, какъ я. Изъ Шенфельда батальонъ отправился въ Кольгартенъ. Всю дорогу только и встрѣчались или телѣги, набитыя ранеными, или полумертвые солдаты съ подвязанными руками. Вдругъ на встрѣчу намъ пронеслись человѣкъ двадцать гусаровъ, съ поднятыми вверхъ пистолетами; они разгоняли толпу съ дороги, крича во все горло: «Императоръ! Императоръ!»

Нашъ батальонъ, не медля, выстроился, сдѣлавъ на караулъ, стоя неподалеку отъ дороги; черезъ нѣсколько минутъ проскакали гвардейскіе конные гренадеры — настоящіе гиганты, въ высокихъ сапогахъ, въ громадныхъ мѣховыхъ шапкахъ, изъ подъ которыхъ

видѣлись только носъ, глаза и усы. Всѣ были довольны, глядя на нихъ и говоря себѣ: «Эти съ нами... это крѣпкіе молодцы!»

Послѣ нихъ показался штабъ. Представьте себѣ полтора ста или двѣсти генераловъ, маршаловъ и офицеровъ, все верхами и въ мундирахъ, залитыхъ золотомъ и орденами.

Среди всѣхъ этихъ воиновъ, двадцать лѣтъ заставлявшихъ трепетать Европу,—болѣе всѣхъ поразилъ меня самъ Наполеонъ; онъ былъ въ старой шляпѣ и сѣромъ сюртукѣ. Онъ ѣхалъ, прижавъ къ шеѣ свой широкой подбородокъ и поднявъ плечи. Всѣ кричали: «Да здравствуетъ императоръ!» Но онъ не обращалъ вниманія ни на насъ, ни на накрапывавшій дождь. Онъ смотрѣлъ, нахмуривъ брови, на прусскую армію, танувшуюся вдоль парты, чтобы соединиться съ австрійцами.

Батальонъ снова пустился въ путь. Черезъ четверть часа Зебеде сказалъ мнѣ:

— Ты видѣлъ его, Жозефъ?

— Да, отвѣчая я,—хорошо видѣлъ, теперь буду помнить всю жизнь.

— Странно, продолжалъ Зебеде:—кажется, будто онъ недоволенъ чѣмъ-то... Въ Вурттенѣ, на другой день послѣ битвы, онъ былъ такъ доволенъ, когда мы кричали ему, и у всѣхъ генераловъ были такія веселыя лица. А сегодня они точно черти... А капитанъ еще говорилъ сегодня утромъ, что мы одержали побѣду по ту сторону Лейпцига.

Другіе думали то же самое, но не высказывали этого. Безпокойство овладѣло всѣми.

Мы нашли нашъ полеъ около Кольгартена и соединились съ нимъ. Вскорѣ послѣ этого, произошло извѣстное сраженіе подъ Лейпцигомъ, гдѣ намъ пришлось биться одному противъ троиухъ. Мы должны были отступать. Пройдя нѣсколько времени вдоль Шлейсы, мы подошли къ мосту. Господи, съ какой радостью мы подходили къ нему! Но это было нелегко. И конные, и пѣшіе точно сплотились въ одну массу и двигались съ глухими воплями, слышными, не смотря на стрѣльбу. Кто попадалъ на края моста, тотъ падалъ въ воду, и на него никто ни обращалъ вниманія... Но какъ добраться до моста? Непріятель наступалъ все ближе и ближе. Хотя у насъ и было по нѣскольку орудій съ обѣихъ сторонъ, чтобы прочищать дорогу, но за то у пруссаковъ, австрійцевъ и русскихъ тоже были пушки, чтобы прочищать мостъ, и тѣ, которые оставались послѣдними, понимали, что на нихъ полетятъ ядра, бомбы и картечь; вотъ поэтому-то всѣмъ и хотѣлось идти впередъ.

Шаговъ за двѣсти или за триста отъ моста, мнѣ пришло на мысль бѣжать и вмѣшаться въ толпу, и такимъ образомъ перебѣжать на ту сторону; но нашъ капитанъ и нашъ поручикъ говорили:

-- Кто первый выйдетъ изъ строя,—будетъ застрѣленъ!

Что за наказаніе быть такъ близко и думать, что надо остаться!

Это происходило часовъ въ одиннадцать или въ двѣнадцать; пальба приближалась къ намъ съ обѣихъ сторонъ, и изъ города, вмѣстѣ съ нашими солдатами, валили и пруссаки. — Около моста происходило что-то ужасное: кавалеристы, желая прочистить себѣ дорогу, рубили саблями пѣхотинцевъ, а тѣ отвѣчали имъ ударами штыковъ! При каждомъ шагѣ толпы кто нибудь сваливался съ моста и, желая удержаться, стаскивалъ съ собой человѣкъ пять-шесть.

Эта сумятица, ревъ, пальба, крики падавшихъ увеличивались все болѣе и болѣе, и все это было такъ ужасно, что, казалось, ничего ужаснѣе и быть не могло; но вдругъ раздался точно ударъ грома, и первая арка моста обрушилась со всеми бывшими на ней: сотни несчастныхъ скрылись въ водѣ; другіе лежали или изуродованные, или разорванные въ куски. Какой-то саперъ взорвалъ мостъ.

При видѣ этого, крикъ объ измѣнѣ разлетѣлся, какъ молнія: «Мы пропали!.. намъ измѣнили!.. Иные отъ ярости и отчаянья бросались назадъ на непріятеля, какъ дикіе звѣри, ничего не видя и преслѣдуемые мыслью о мщеніи; другіе разбивали свое оружіе, обвиняя судьбу въ своемъ несчастіи. Офицеры и генералы прыгали на лошадахъ въ рѣку, чтобы переплыть ее; солдаты бросались за ними, забывая снять мѣшки. Мысль, что была возможность уйдти и что теперь приходится погибнуть въ послѣднюю минуту, сводила съ ума... Всѣ несчастные, бросившіеся въ рѣку, бились, страшно крича и цѣпляясь другъ за друга; вся рѣка была набита ими:—руки и головы точно кипили на поверхности.

Въ эту минуту капитанъ Видаль, человѣкъ спокойный характеромъ и видомъ своимъ удержавшій насъ въ порядкѣ,—въ эту минуту и самъ капитанъ казался смущеннымъ; онъ вложилъ свою саблю въ ножны и, какъ-то странно засмѣявшись, сказалъ:

— Ну... все кончено!

И когда я взялъ его за руку, онъ взглянулъ на меня чрезвычайно кротко и спросилъ:

— Что тебѣ, дитя мое?

— Капитанъ, отвѣчалъ я ему, я провелъ четыре мѣсяца въ

лейпцигскомъ госпиталѣ и купался часто въ рѣкѣ, и знаю мѣсто, гдѣ можно пройти въ бродъ.

— Гдѣ это?

— Минуть десять ходьбы отъ моста.

Онъ тотчасъ же видернулъ саблю и громовымъ голосомъ крикнулъ:

— Ребята, за мной! а ты иди впередъ.

Весь батальонъ, состоявшій всего изъ двухсотъ человѣкъ, двинулся; сотня другихъ солдатъ, видя, что мы пошли твердымъ шагомъ, пошли за нами, не зная, куда мы идемъ. Я пошелъ по дорогѣ, по которой мы такъ часто ходили съ Циммеромъ, когда все было въ цвѣту. Австрійцы были уже близко, и до насъ долетали пули. Я первый вошелъ въ рѣку, за мной вошелъ капитанъ Видалъ и весь батальонъ попарно. Вода, подымавшаяся отъ осеннихъ дождей, доходила намъ до плечъ; но, не смотря на это, мы перебрались счастливо и никто не утонулъ. Всѣ мы почти сохранили свои ружья, перейдя на другой берегъ, и прямо пошли черезъ поле. Шли мы молча, оглядываясь иногда на ужасы, совершавшіеся по улицамъ Лейпцига. Въ Лютценѣ полки кое-какъ опять сформировали, къ намъ въ батальонъ прибыли рекруты и мы двинулись къ дому.

Многіе изъ товарищей нашихъ приняли дурную привычку мародерствовать по вечерамъ, пока мы стояли на бивуакахъ; они часто добывали кое-что, но за то не являлись на переключку, и караулу былъ отданъ приказъ стрѣлять въ тѣхъ, которые уходили.

Меня била лихорадка со дня нашего отступленія въ Лейпцигъ, и все постоянно усиливалась, такъ что я дрожалъ и день, и ночь. Я такъ ослабъ, что едва могъ вставать по утрамъ и идти дальше. Зебеде съ грустью смотрѣлъ на меня и говорилъ иногда:

— Потерни, Жозефъ, потерни! мы навѣрно вернемся къ себѣ.

Эти слова поддерживали меня; я чувствовалъ, что краска выступала у меня на лицѣ.

— Да-да, мы вернемся домой, говорилъ я: — надо еще разъ увидеть родину...

Я плакалъ. Зебеде несъ мой мѣшокъ; когда же я черезчуръ уставалъ, онъ говорилъ мнѣ:

— Обонрисъ на меня.... Мы съ каждымъ днемъ подходимъ ближе, Жозефъ.... Что значать пятнадцать ночлеговъ?

Онъ подкрѣплялъ меня нравственно; но я уже не могъ нести своего ружья,—оно казалось мнѣ слишкомъ тяжелымъ. Я не могъ болѣе ѣсть и колѣна мои дрожали; но, не смотря на это, я не терялъ еще надежды и говорилъ самъ себѣ: «Это все ничего.... Когда

увидишь пфальцбургскія колокольни, лихорадка пройдетъ; тамъ хорошій воздухъ, а Катерина будетъ за тобой ухаживать.... Все пойдетъ отлично.... вы обвѣнчаетесь.

Я видѣлъ, какъ другіе остаются на дорогѣ, но не чувствовалъ еще себя такъ плохо, какъ они.

Я все еще надѣялся, когда вдругъ, за три мили отъ Фульда, на дорогѣ въ Сальмюнстеръ, во время привала, мы узнали, что пятьдесятъ тысячъ баварцевъ перерѣзали намъ путь къ отступленію, и что они стоятъ въ большихъ лѣсахъ, черезъ которые намъ надо перейти. Это извѣстіе окончательно поразило меня, такъ какъ я не могъ ни двгаться, ни цѣлить, ни защищаться штыкомъ и, значить, прошелъ такую даль напрасно. Когда намъ приказали продолжать путь далѣе, я еще попытался встать.

— Полно, Жозефъ, говорилъ мнѣ Зебеде, полно.... попытайся! Но у меня неоставало силы, и я началъ рыдать, говоря:

— Я не могу!

— Встань, продолжалъ онъ.

— Я не могу, Господи, я не могу!

Я уцѣпился ему за руку.... слезы текли по его впалымъ щекамъ.... Онъ попробовалъ нести меня, но самъ былъ слишкомъ слабъ. Тогда я схватилъ его и сталъ кричать:

— Зебеде, не оставляй меня!

Капитанъ Видаль подошелъ и, съ грустью взглянувъ на меня, сказалъ:

— Все равно, дитя мое, черезъ полчаса пройдутъ наши фуры.... они возьмутъ тебя.

Но я понималъ, что это значитъ, и притянулъ къ себѣ Зебеде, чтобы обнять его. Я сказалъ ему на ухо:

— Поцѣлуй за меня Катерину.... Обѣщай мнѣ это!... Скажи ей, что я умеръ, цѣлуя ее, и что ты несешь ей этотъ прощальный поцѣлуй!

— Да!... шопотомъ и рыдая сказалъ онъ, да.... я скажу ей!... Вѣднй мой Жозефъ!

Я не могъ оторваться отъ него; онъ положилъ меня на землю и быстро, не оглядываясь, ушелъ. Колонна удалялась.... Я долго смотрѣлъ вслѣдъ за нею, какъ смотрятъ за удаляющеюся надеждой. Отсталые въ батальонѣ тоже скрылись за холмами.... Послѣ этого я закрылъ глаза, и проснулся только черезъ часъ и болѣе, отъ шума пушки, и увидѣлъ, это по дорогѣ ѣдетъ усиленнымъ маршемъ гвардейская дивизія, съ фургонами и артиллеріей. На фур-

гонахъ было нѣсколько больныхъ, вслѣдствіе чего я и стала кричать:

— Возьмите меня!... возьмите меня!...

Но никто не обращалъ вниманія на мои крики... всѣ ѣхали мимо... а пальба усиливалась. Такимъ образомъ, проѣхало болѣе десяти тысячъ человѣкъ кавалеріи и артиллеріи, и у меня не было болѣе силъ кричать.

Наконецъ показались и задніе ряды; я смотрѣлъ на удалявшіяся спины и легъ, чтобы заснуть на вѣки, но опять услышалъ шумъ по дорогѣ. Ёхало пять или шесть орудій, запряженныхъ хорошими лошадьми—канонеры ѣхали справа и слѣва съ саблями въ рукахъ,—сзади были зарядные ящики. Я не надѣялся уже болѣе, но все-таки смотрѣлъ. Подлѣ одного орудія скакалъ высокій, худой, рыжий квартирмейстеръ, съ крестомъ на груди, и я узналъ Циммера, моего стараго лейпцигскаго товарища. Онъ ѣхалъ, не замѣчая меня; но тутъ я крикнулъ изъ всѣхъ силъ:

— Христіанъ!... Христіанъ!...

Онъ остановился, не смотря на грохотъ пушекъ, обернулся и, увидавъ меня у дерева, выпучилъ глаза.

— Христіанъ! закричалъ я: скажись надо мной!

Онъ подѣхалъ, взглянулъ на меня и поблѣднѣлъ:

— Какъ, это ты, мой милый Жозефъ? вскричалъ онъ, соскочивъ съ лошади.

Онъ взялъ меня на руки, какъ ребенка, крича солдатамъ, ѣхавшимъ съ послѣднимъ фургономъ:

— Стойте!.. держите!..

И поцѣловавъ меня, онъ положилъ въ фургонъ, головою на мѣшокъ. Я видѣлъ еще, что онъ положилъ мнѣ на ноги большой кавалерійскій плащъ, говоря:

— Теперь въ дорогу... тамъ дерутся!

Вотъ все, что я помню, и потому я лишился чувствъ. Я видѣлъ, точно во снѣ,—крики, пальбу, команду, высокія сосны, мерцавшія по небу. За Сальмюнстеромъ, въ Ганаусскомъ лѣсу, была въ тотъ день битва съ баварцами, которыхъ побили.

15 января 1814 г., черезъ два съ половиною мѣсяца послѣ битвы при Гану, я проснулся въ хорошей постели, въ теплой комнатѣ и, взглянувъ на балки потолка и потомъ на маленькія окошечка, покрытыя инеемъ, я сказалъ себѣ: «зима!»—Въ то же время я слышалъ пушечный выстрѣлъ и трескъ огонька въ очагѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, обернувшись, я увидѣлъ сидѣвшую у очага молодую, блѣдную женщину, и узналъ Катерину. Я узналъ и комнату,

куда приходилъ проводить счастливыя воскресенья, передъ уходомъ на войну. Только звукъ пушки наводилъ на меня сомнѣніе — не сонъ ли все это.

Долго я смотрѣлъ на Катерину, казавшуюся мнѣ таковой хорошенькой, и думалъ: гдѣ же тетушка Гредель? Какъ же я воротился домой? Развѣ мы съ Катериной ужь обвѣнчались? Господи! чтобы только это не былъ сонъ.

Наконецъ, собравшись съ духомъ, я тихонько сказалъ: «Катерина!» послѣ чего она обернулась, вскричавъ:

— Жозефъ... ты узнаешь меня?

— Да, сказалъ я ей, протянувъ руку.

Она подошла, дрожа, какъ листъ, и я долго цѣловалъ ее. Мы оба рыдали.

Въ это время опять раздались выстрѣлы, и у меня вдругъ сжалось сердце.

— Что это за пальба, Катерина? спросилъ я.

— Это пфальцбургская пушка, сказала она, цѣлуя меня еще крѣпче.

— Пушка?

— Да, городъ осажденъ.

— Пфальцбургъ?.. Такъ непріятель во Франціи?

Я не могъ болѣе говорить... Какъ! столько страданій, столько слезъ два милліона человѣкъ, погибшихъ на полѣ битвы, привели только къ тому, что теперь наша бѣдная родина захвачена непріателемъ?.. Болѣе часу мысль эта не покидала меня, не смотря на счастье свиданья съ той, которую я любилъ болѣе всего на свѣтѣ; и даже теперь, уже состарившись и посѣдѣвъ, я не могу безъ горечи вспомнить объ этомъ. Мы, старики, видѣли, какъ нѣмцы, русскіе, испанцы, англичане распоряжались во Франціи, стояли гарнизономъ въ нашихъ городахъ, брали все, что хотѣли, въ нашихъ крѣпостяхъ, оскорбляли нашихъ солдатъ, мѣняли наши знамена и дѣлили между собою не только все, завоеванное нами съ 1804 г., но и завоеванія республики:—это была дорогая плата за десять лѣтъ славы!

Все это будетъ судиться будущими поколѣніями, которыя скажутъ, что послѣ Лютцена и Бауцена непріатели предлагали намъ Бельгію, часть Голландіи, весь лѣвый берегъ Рейна до самаго Базеля, Савойю и Италію, и что императоръ отказался отъ этихъ условій—очень хорошихъ однако же,—потому что удовлетвореніе своей гордости ставилъ выше счастья Франціи.

Черезъ двѣ недѣли послѣ Ганаусскаго сраженія, по дорогѣ изъ Страсбурга въ Нанси тянулись тысячи телѣгъ, заваленныхъ ране-

ными и больными. Онъ, не прерываясь, тянулись изъ Эльзаса въ Лотарингію. Тетушка Гредель и Катерина, стоя въ дверяхъ, смотрѣли на эти печальные поѣзды. Проѣхали уже болѣе тысячи телѣтъ, а меня не было ни въ одной изъ нихъ.

На третій день Катерина узнала меня среди множества такихъ же несчастныхъ, какъ и я, съ впалыми щеками и умиравшими съ голоду.

— Это онъ... это Жозефъ! кричала она издали.

Но никто не хотѣлъ ей вѣрить; тетускѣ Гредель надо было долго смотрѣть, чтобы сказать наконецъ: «да, это онъ!... выйдите его оттуда... это нашъ Жозефъ!»

Она велѣла перенести меня къ себѣ въ домъ и ходила за мною день и ночь. Я только все кричалъ: «воды! воды!» Никто въ деревнѣ не хотѣлъ вѣрить, что я очнусь, но счастье быть дома и видѣть тѣхъ, кого любишь,—спасло меня.

Черезъ полгода послѣ этого, мы съ Катериной обвинчались. Г. Гульдены, любившій насъ, какъ своихъ дѣтей, удѣлилъ мнѣ часть въ своей торговлѣ, и мы всѣ жили вмѣстѣ.

Тогда всѣ войны кончились, союзныя войска возвращались, императоръ попалъ на островъ Эльбу, а король Людовикъ XVIII даровалъ намъ умѣренно-свободныя учрежденія. Это было хорошее время юности—время любви, труда и мира. Можно было надѣяться на будущее, можно было думать, что всякій, при хорошемъ поведеніи и бережливости, устроитъ свои дѣла и заслужитъ уваженіе честныхъ людей, не боясь быть взятымъ въ рекруты лѣтъ черезъ семь или восемь послѣ своей очереди.

Господинъ Гульдены не очень-то былъ доволенъ, что ворстились наши старые короли и старые дворяне, но думалъ, что эти люди сами столько выстрадали въ чужихъ странахъ, и поймутъ, что они не одни въ этомъ мірѣ, и будутъ уважать наши права; онъ также думалъ, что и императоръ Наполеонъ будетъ на столько благодаренъ, что присмирѣетъ... Но онъ ошибался: Бурбоны возвратились съ своими старыми идеями, а императоръ только и ждалъ возможности приняться за прежнее.

Все это повело за собою не мало несчастій, о которыхъ я расскажу вамъ съ удовольствіемъ, если этотъ рассказъ не надоѣлъ вамъ. Если люди благоразумные найдутъ, что я хорошо сдѣлалъ, описавъ свою кампанію 1813 года, и что это можетъ показать юношамъ всю пустоту военной славы, и, кромѣ того, можетъ показать, что счастье возможно только при мирѣ, свободѣ и трудѣ, то я буду продолжать свои воспоминанія и расскажу вамъ о великомъ Ватерлоо.

КУМИРЪ.

(Стихотвореніе Барбье.)

О, Корсь обстриженный! какъ Франція твоя
Блистала красотой подъ солнцемъ мессидора!
Какъ гордый коць она неслась; боковъ ея
Не трогали ни бичъ, ни золотая шпора.
Вся дикости простой и свѣжести полна.

Лишь въ первый разъ ногой свободною она
На почву древнюю отважно становилась.
Съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, — еще ничья рука
Для оскорбленія по ней не проходила
И чужеземнаго тирана-сѣдока

Могучая спина ни разу не носила.
Блистала шерсть ея и искрились глаза,
И на дыбы она взвивалась горделиво,
И ржанье по свѣту катилось, какъ гроза,
И міръ ему внималъ тревожно и пугливо.
Но ты пришелъ... Ея могучая краса
И поступи гордая твои плѣнила взоры...
Ты, злой центавръ, схватилъ ее за волоса
И на хребетъ вскочилъ, и грубо далъ ей шпоры.
Ты понялъ, что она любила барабанъ
И грохотъ пушечный, и ужасы сраженья,—
И для арены ей далъ почву разныхъ странъ,
И битвы славныя послалъ для развлеченья.
Съ тѣхъ поръ безъ усталы, безъ отдыха, безъ сна,
Всегда на воздухѣ, всегда въ крови по шею,
Подъ страшнымъ сѣдокомъ неслась, неслась она,
Дава мильоны тѣлъ подъ тяжестью своею.
Пятнадцать лѣтъ она подкованной пятой
Дробила, какъ песокъ, людскія поколѣнья;
Пятнадцать лѣтъ неслась съ ужасной быстротой
По трупамъ падавшихъ отъ страха и смущенья...

Но наконец и ей не въ мочь пришло летать,
Не видя предъ собой конца своей дороги,
И ей пришло не въ мочь людей, какъ пыль, взметать...
И гнуться начали измученныя ноги.
Совсѣмъ лишившись силъ, она у своего
Тирана-всадника просила все лошади, —
Но ты, безжалостный, не слушалъ ничего
И дальше гналъ ее на битвы и осады!
Чтобъ воплей всѣхъ ея никто не услышалъ,
Ты ротъ ей раздиралъ стальными удилами,
И зубы въ бѣшенствѣ несчастной ты ломалъ,
И нѣжные бока билъ грубыми ногами.
Она приподнялась, и снова въ пламя съѣхъ
Съ тобою ринулась, — но разъ, въ большомъ сраженьи,
Всѣ силы потерявъ, упала на картечь, —
Переломивъ тебѣ бока въ своемъ паденьи!

Е. Зинцовъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПРОГУЛКА ПО САДАМЪ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

I.

Въ прошломъ году умеръ послѣдній крупный представитель рос- сійскаго идеализма. Друзья и сотрудники покойника превознесли его похвалами, которымъ я нисколько не намѣренъ противорѣчить. Воз- величивая отдѣльную личность, эти похвалы убиваютъ на поваль тотъ принципъ, за который эта личность сражалась. Читатель, быть можетъ, уже догадался, что я говорю объ Аполлонѣ Григорье- вѣ, умершемъ въ половинѣ прошедшаго года и воспѣтомъ въ «Эпохѣ» гг. Страховымъ и Достоевскимъ. Въ своихъ «воспомина- ніяхъ объ А. А. Григорьевѣ», г. Страховъ говоритъ объ умершемъ дѣятелѣ почти съ благоговѣніемъ; онъ называетъ его своимъ учи- телемъ, говоритъ, что Григорьевъ былъ «зрячѣе и чутче другихъ», что Григорьевъ имѣлъ полное право принимать «въ журналѣ» тонъ чело- вѣка, власти имущаго, «что письма Григорьева читались въ ре- дакціи «Времени» вслухъ для общаго назиданія, что сочиненія Гри- горьева, собранныя въ полномъ изданіи, «представляютъ цѣлыя громады мыслей», дадутъ «неистощимую пищу», и такъ далѣе, и такъ далѣе. Кромѣ того, въ той же статьѣ г. Страхова разсыпано множество похвалъ искренности Григорьева, и въ этомъ послѣднемъ свойствѣ покойнаго идеалиста дѣйствительно не могутъ усомниться ни друзья его, ни враги. Читая всѣ эти похвалы, я улыбаюсь, потираю себѣ руки и говорю про себя: прекрасно! превосходно! Хвалите больше, господа! Чѣмъ выше вы поднимете личность Гри- горьева, тѣмъ глубже и безвозвратнѣе вы зароете въ могилу все- ваше литературное направленіе.—Статья г. Страхова есть, нѣкото- рымъ образомъ, литературное самоубійство. Рассмотрѣть ее съ этой

стороны будетъ очень любопытно и увеселительно, потому что этой статьей посягаетъ на свою убогую жизнь не только цѣлый журналъ, но даже цѣлый строй понятій, весь тотъ строй, который, прикрываясь различными фирмами и вывѣсками, старается задушить и истребить всѣ проявленія нашего новорожденнаго реализма. Въ самомъ дѣлѣ, если Григорьевъ былъ «человѣкъ, власть имущій», если онъ былъ «зряче и чутье другихъ», если эти другіе, тотчасъ послѣ его смерти, находятъ необходимымъ печатать—вѣроятно, «для всеобщаго назиданія»,—частную переписку покойника, и притомъ печатать съ такою скрупулезною точностью, что обозначаютъ даже точками тѣ мѣста, гдѣ Григорьевъ ругается непечатными словами, если, говорю я, Григорьева признаютъ, такимъ образомъ, великимъ вождемъ цѣлаго направленія,—то, разумѣется, мы имѣемъ полное право принимать за наличную монету тѣ сужденія, которыми этотъ вождь самъ произноситъ о своемъ направленіи. Кажется, господа почвенники, идеалисты и эстетика не могутъ упрекнуть насъ въ недостатокѣ великодушія, если мы, вступая съ ними въ литературное состязаніе, будемъ опираться на авторитетъ того писателя, которому они поклоняются. Хорошо. Посмотримъ же, что изъ этого маневра произойдетъ.—Спрашивается, вѣрнѣ ли самъ Григорьевъ въ побѣдоносную силу тѣхъ идей, за которыя онъ неутомимо боролся? Письма Григорьева, изданныя г. Страховымъ, даютъ на этотъ основной вопросъ совершенно отрицательный отвѣтъ. Григорьевъ любилъ свои идеи неистребимой любовью, онъ былъ имъ канатически преданъ, онъ не могъ имъ пожертвовать, онъ боролся за нихъ съ мужествомъ отчаянья и, въ то же время, онъ понималъ съ пучительною ясностью, что эти идеи ожили свой вѣкъ, что у нихъ нѣтъ будущаго и что онъ врядъ ли когда-нибудь воскреснуть. Всѣ письма его проникнуты глубокимъ уныніемъ, вытекающимъ не изъ личныхъ огорченій, а изъ страданія за умирающую идею. Какъ человѣкъ, который былъ «зряче и чутье другихъ», Григорьевъ понималъ то, чего эти другіе не понимали. Онъ видѣлъ ясно, что все бесполезно и что никакими медоточивыми рѣчами невозможно увлечь отрезвляющееся общество въ старую область эстетики и мистицизма. Когда другіе, мѣнѣе зрячіе и чутьіе люди, стали издавать эстетико-мистическій журналъ, съ примѣсю планетныхъ жителей и французскихъ уголовныхъ процессовъ, тогда Гри-

горьевъ не отказалъ имъ въ своемъ содѣйствіи, но въ душѣ его постоянно сохранялось то безотраднѣе убѣжденіе, что

Какъ не садитесь,

А все въ музыканты не годитесь,

потому что музыканять новые люди, такъ называемые теоретики, которыхъ всѣ слушаютъ и съ которыми эстетическіе разводы и мистическіе туманы никакъ не могутъ тягаться. Григорьевъ называлъ себя «однимъ изъ ненужныхъ людей» и говорилъ своимъ друзьямъ, какъ свидѣтельствуемъ г. Страховъ, «что онъ дѣйствительно человѣкъ ненужный въ настоящее время, что ему нѣтъ мѣста для дѣйствительности, что духъ времени слишкомъ враждебенъ къ людямъ такого рада, какъ онъ.» Григорьевъ сознается передъ своими друзьями, что только чудо можетъ воскресить его идеи и повернуть общество назадъ, къ старымъ идеаламъ. «А этого, пишетъ онъ, Богъ знаетъ, дождемся ли мы! Шутка—чего я жду!—я жду того стиха, который бы

Ударилъ по сердцамъ съ невѣдомою силой,

того упоенія, чтобы «журчаніе этихъ стиховъ наполняло окружающую насъ воздухъ... Шутка! Вѣдь это—вѣра, любовь, порывъ, апризмъ!..» Изъ этихъ словъ ясно видно, что Григорьевъ ожидалъ спасенія только отъ чуда, и что, не смотря на весь свой мистичизмъ, онъ самъ плохо вѣрилъ въ возможность такого чуда. Дѣйствительно, хоть наше общество и очень простодушно, но все-таки оно, въ послѣднее десятилѣтіе, успѣло поумнѣть на столько, что «ударить по сердцамъ съ невѣдомою силою» можетъ, въ настоящее время, никакъ не стихъ, а развѣ только какое нибудь великое историческое событіе или какое нибудь колосальное научное открытіе. Тогда, пожалуй, отъ полноты души и стихи посыпятся, и общество станетъ ихъ слушать съ удовольствіемъ, но сила, очевидно, будетъ все-таки заключаться не въ стихахъ, а въ той общей причинѣ, которая ихъ вызвала.—Какъ человѣкъ, неизлечимо влюбленный въ отжившую идею, Григорьевъ постоянно, съ болѣзненно-напряженнымъ вниманіемъ, ловилъ въ каждомъ мельчайшемъ событіи текущаго времени какіе нибудь проблески несбыточной надежды; онъ, съ глубокимъ отчаяньемъ въ душѣ, все-таки не смѣлъ произнести надъ своимъ міросозерцаніемъ рѣшительный, смертный приговоръ; онъ все ждалъ, не шевельнется ли его отжившая идея, не подни-

мется ли изъ могилы его мертвая красавица. «Извѣстіе, сообщенное «С. Пчелой,» пишетъ онъ, объ окончаніи Островскимъ Кузьмы Минина—вотъ это событіе. Тутъ вотъ прямое *быть или не быть* положительному представленію народности,—можетъ быть, такой толчокъ *впередъ*, какового еще и не предвидѣлось.» «Кузьма Мининъ» вышелъ въ свѣтъ, и Россія его не замѣтила, не смотря на то, что онъ былъ напечатанъ на самомъ видномъ мѣстѣ, въ самомъ любимомъ журналѣ. Григорьевъ упивался Кузьмою и даже врачевалъ имъ свои душевные недуги, но не могъ же Григорьевъ не видѣть, что никакого «событія» не произошло и никакого толчка ни впередъ, ни назадъ не получилось. Почти въ одно время съ Кузьмою вышелъ въ свѣтъ романъ Тургенева, отъ котораго Григорьевъ «не ждалъ многого въ отношеніи къ содержанію», и этотъ романъ поднималъ цѣлую бурю въ литературѣ и въ обществѣ, не смотря на то, что самый сильный и любимый журналъ старался убить и похоронить его тотчасъ послѣ его появленія. Очевидно, все развитіе нашей умственной жизни шло въ разрѣзъ съ симпатіями и стремленіями Григорьева. На сколько этотъ разладъ былъ глубокъ и радикаленъ,—это обнаружилось совершенно ясто въ 1863 году. Если когда нибудь мертвая красавица Григорьева могла воскреснуть, то именно въ этомъ году. Для теоретиковъ этотъ годъ былъ невыносимо тяжелъ. Разныя, совершенно нелитературныя обстоятельства привлекали вниманіе общества къ такимъ предметамъ, которые не поддавались спокойному анализу. Лирическіе восторги были въ полномъ ходу. Можно было ожидать тѣхъ же дисирабловъ, какіе мы слышали во времена Синюша и Башъ-Кадыкъ-Лара. По-видимому, Кузьма Мининъ необходимо долженъ былъ въ такое время развернуться во всея величіи своей красоты. Не тутъ то было. Кузьма продолжалъ оставаться незамѣченнымъ, не смотря на всѣ выгоды, предоставленныя ему данною минутою. И этого мало. Чтобы окончательно огорчить Григорьева, безжалостная и насмѣшливая судьба взяла на себя трудъ устроить обратное испытаніе. Ты видишь, о Григорьевъ, говоритъ судьба, что твои собственныя идеи совершенно бессмысленны, даже при самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Посмотримъ же мы съ тобою теперь, каковы силы твоихъ противниковъ, при самыхъ невыгодныхъ для нихъ условіяхъ.—И посмотрѣли. Весною 1863 года, появилось въ свѣтъ то, что Григорьевъ весьма игриво называлъ эпосею о бѣлой Аравіи. Говорятъ, что

тѣ книжки «Современника», въ которыхъ напечатана эта бѣлая Арапія, обратились теперь въ библиографическую рѣдкость. Но зачѣмъ ссылаться на неопредѣленные слухи? Гораздо основательнѣе будетъ указать на то, что говорятъ печатно о «Бѣлой Арапіи» ея неутомимые противники. Весьма враждебная намъ, но чрезвычайно наивная «Эпоха» даетъ намъ въ этомъ случаѣ самые подходящіе матеріалы. Въ ноябрьской книжкѣ этого журнала помѣщена небольшая статья г. М. Ва.: «Литературныя впечатлѣнія повопрѣзжаго». Авторъ этой статьи говоритъ, что онъ почти два съ половиною года прожилъ за границею и совсѣмъ отсталъ отъ того движенія мысли, которое совершалось въ это время въ Россіи. И какіе же факты приводитъ онъ въ доказательство своей отсталости? Мыѣ придется выписать подлинныя слова этого господина, и я это сдѣлаю безъ заврѣнія совѣсти, не смотря на то, что въ этихъ словахъ упоминается моя собственная фамилія. «Ибо тотъ фактъ, что я отсталъ,— говоритъ г. М. Ва,—для меня не подлежитъ никакому сомнѣнію. Я не только не читалъ «талантливыхъ статей» *) г. Писарева, но я, къ собственному ужасу, долженъ признаться, что не читалъ даже «Что дѣлать». Вы поймете конечно, сколько побужденийъ къ стыду и отчаянью таилось въ этомъ фактѣ». — Слова: «талантливыхъ», «къ собственному ужасу», «къ стыду и отчаянью» употреблены, разумѣется, ради ироніи; но тутъ дѣло не въ томъ, какъ смотреть на теоретиковъ самъ г. М. Ва. Тутъ важно его откровенное признаніе, что вся русская литература заключается именно въ теоретикахъ. Отсталъ отъ литературы, значитъ, по его собственнымъ словамъ, не читать того, что пишутъ теоретики. Человѣкъ прѣзжаетъ изъ-за границы и спрашиваетъ у своихъ знакомыхъ: что новаго дѣлается въ нашей литературѣ? — Ему на этотъ вопросъ не говорятъ, что г. Ключниковъ написалъ романъ «Марево», что г. Боборыкинъ кончаетъ романъ «въ Путь-дорогу!», что возникъ новый журналъ «Эпоха», что сіяетъ, подъ господствомъ новой редакціи, старая газета «Московскія вѣдомости». Нѣтъ! Ему говорятъ, какъ о самой крупной новости, о романѣ «Что дѣлать?» и о дру-

---

*) Кавычки при словахъ „талантливыхъ статей“ поставлены въ подлинникѣ. Значитъ, въ эпиготѣ „талантливыхъ“ скрывается ѣдкая иронія, и это обстоятельство должно совершенно успокоить мою авторскую скромность. Значитъ, я выписалъ эти слова не затѣмъ, чтобы похвастаться полученнымъ комплиментомъ.

гихъ работахъ теоретическаго лагеря. Скажите на милость, есть ли возможность болѣе чистосердечно признать превосходство теоретиковъ надъ всѣми остальными направленіями русской мысли? И это говорятъ наши враги! И это говорится о тѣхъ двухъ годахъ, когда мы находились въ самомъ невыгодномъ положеніи! Послѣ подобныхъ признаній, какой же смыслъ имѣеть извѣстная фраза «Славянофилы побѣдили»? Можно сказать только, что славянофилы еще не совсемъ побѣждены, и что они возвышаютъ голосъ тогда, когда общество, испуганное историческими обстоятельствами, кидается на короткое время въ бессмысленную сентиментальность и въ позорную мыслебоязнь. Но побѣдить они никогда не могутъ, потому что ихъ полная умственная несостоятельность обнаружится въ ту самую минуту, когда они привлекутъ на себя вниманіе общества. — Такимъ образомъ, жестокая судьба весьма наглядно показала Григорьеву, что онъ нисколько не ошибается, называя себя человѣкомъ ненужнымъ. Письма Григорьева къ г. Страхову повѣствуютъ еще объ одномъ очень любопытномъ разочарованіи покойнаго идеалиста. Въ концѣ 1861 года, была напечатана «Въ Отечественныхъ запискахъ» статья г. Щапова: «Великорусскія области во времена междоусобствія». Въ календарь на 1862 годъ была напечатана статья профессора Павлова: «Тысячелѣтіе Россіи». Эти двѣ статьи привели Григорьева въ восторгъ. На этотъ разъ ему показалось, что его мертвая красавица сію минуту раскроетъ глазки и что нѣкій стихъ немедленно

Ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой.

«Вотъ эта статья, да статья Павлова въ новомъ календарѣ, восплицаетъ Григорьевъ, — эпохи, а не... повѣствованіе въ водяныхъ стихахъ о «чувствіяхъ»...! Тутъ, въ этихъ статьяхъ, новымъ вѣетъ и пахнетъ. Оно идетъ, это новое — и въ этихъ статьяхъ, и, можетъ быть, въ «Мининѣ» Островскаго, — идетъ на конечное истребленіе б... словія «Вѣстника», празднословія западниковъ, суесловія «Дня», хохлословія Костомарова и буесловія «Современника». — Подъ именемъ «повѣствованія въ водяныхъ стихахъ о чувствіяхъ» подразумѣвается, какъ видно изъ другихъ мѣстъ тѣхъ же самоубійственныхъ «воспоминаній», поэма г. Полонскаго, то «Свѣжее преданіе», въ которомъ редакція «Времени» усматривала великое событіе въ исторіи русской литературы. Съ особеннымъ удовольствіемъ я отиѣ-

чаю то обстоятельство, что Григорьевъ наградилъ это «повѣтствованіе» какимъ-то такимъ эпитетомъ, котораго даже невозможно было изобразить печатно. Приятно также замѣтить, что «Русскій Вѣстникъ» обвиняется въ какомъ-то «б...словіи», то есть, въ чемъ-то столь неблаговидномъ, что даже и сказать нельзя. И все это говорить не озорникъ, не теоретикъ, не нигилистъ! Не правъ ли я былъ, когда я назвалъ «Воспоминанія объ А. А. Григорьевѣ» литературнымъ самоубійствомъ цѣлаго направленія? Почвенники стараются поставить своего учителя какъ можно выше, чтобы удары его, падая сверху, поражали ихъ самихъ какъ можно больше. Намъ остается только радоваться этому добросовѣстному самоизбіенію. То «новое», которое, по мнѣнію Григорьева, шло «на конечное истребленіе» разныхъ неприятныхъ вещей,—повернуло однако совсѣмъ не туда, куда желалъ его направить пылкій идеалистъ. Одинъ изъ представителей «новаго», нашъ сотрудникъ г. Шаповъ, совершенно обманулъ ожиданія Григорьева. Въмѣсто того, чтобы воскрешать мертвую красавицу, г. Шаповъ принялся изучать Либиха, Дарвина, Ляйелля, Карла Фохта и другихъ, столь же вредныхъ и легкомысленныхъ негодяевъ. Эти безнравственныя занятія, разумѣется, привели его прямымъ путемъ въ «Русское Слово». Какъ только Григорьевъ почувствовалъ въ статьяхъ г. Шапова струю естественнаго, такъ, разумѣется, онъ съ негодованіемъ отвернулся отъ этихъ статей, потому что онъ, какъ вѣрный, но несчастный рыцарь мертвой красавицы, ненавидѣлъ естественныя науки, по крайней мѣрѣ, такъ же сильно, какъ ненавидятъ ихъ въ настоящее время знаменитые русскіе натуралисты, Страховъ, Игдєвъ, Авергіевъ и Николай Соловьевъ. Разочарованіе Григорьева въ г. Шаповъ изображено имъ, какъ замѣчаетъ самъ г. Страховъ, въ послѣдней его критической статьѣ, помѣщенной въ іюльской книжкѣ «Эпохи». Такимъ образомъ, Кузьма не вывезъ, Шаповъ перебѣжалъ въ неприятельскій лагерь, и Григорьеву оставалось только, обращаясь къ г. Страхову, повторить слова Сенеки на счетъ того, что «вѣтеръ крѣпкій

Потопить насъ среди зыбей,
Какъ обезсмысленныя щепки
Побѣдоносныхъ кораблей».

И прекрасно, господа, могу я прибавить отъ себя. Туда вамъ и дорога. Каковы бы ни были высокія достоинства вашихъ личностей,

во всякомъ случаѣ, достоверно то, что ваши идеи негодны для общества, потому что онѣ дѣйствуютъ на него, какъ опиумъ или гашишъ. Онѣ, быть можетъ, доставляютъ обществу очаровательныя видѣнія, но дѣйствительная жизнь представляетъ собою мерзость запустѣнія въ тѣ счастливыя эпохи, когда рифмованныя строчки лупать по сердцамъ съ невѣдомою силой. А что Григорьевъ относился равнодушно и съ грубѣйшимъ непониманіемъ къ самымъ великимъ и грознымъ вопросамъ дѣйствительной жизни, это обнаруживается съ достаточною ясностью все въ тѣхъ же самоубійственныхъ «вспоминаніяхъ». Какъ вамъ нравятся, напримѣръ, слѣдующія строки? Мнѣ кажется, достаточно однихъ этихъ строкъ, чтобы навсегда отбить у общества охоту стремиться къ григорьевскимъ идеаламъ. «Есть, пишетъ необузданный идеалистъ, вопросъ и глубже, и обширнѣе по своему значенію всѣхъ нашихъ вопросовъ, — и вопроса (каковъ цинизмъ?) *) о крѣпостномъ состояніи, и вопроса (о ужасъ!) о политической свободѣ. Это вопросъ о нашей умственной и нравственной *самостоятельности*. Въ допотопныхъ формахъ этотъ вопросъ явился только въ покойникѣ «Москвитянинѣ» 50-хъ годовъ, — явился молодой, смѣлый, пьяный, но честный и блестящій дарованіями (Островскій, Писемскій и т. д.) О, какъ мы тогда пламенно вѣрили въ свое дѣло, какія высокія пророческія рѣчи лились бывало на попойкахъ изъ устъ Островскаго, какъ безобязательно принималъ тогда старикъ Погодинъ отвѣтственность за свою молодежь, какъ сознательно, не смотря на пьянство и безобразіе, шли мы всѣ тогда къ великой и честной цѣли!» Ну-съ! И благополучно вы изволили дойти? И къ чему же васъ привело ваше сознательное хожденіе къ великой и честной цѣли? — Григорьевъ самъ немедленно отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. «Пуста и гола жизнь послѣ этого сна», говоритъ онъ. — Значитъ, вамъ «молодой, смѣлый, пьяный, но честный и блестящій дарованіями» вопросъ «о нашей умственной и нравственной *самостоятельности*» былъ только сонъ. Значитъ, весь этотъ *глубокій и обширный* вопросъ исчерпался въ юношескихъ попойкахъ и не оставилъ послѣ себя никакихъ результатовъ, кромѣ тяжелаго похмѣлья. И между тѣмъ, этотъ *сонъ* называется «глубже и обширнѣе по своему значенію» вопроса о крѣпостномъ состояніи и политической свободѣ. И это говорятъ обо-

*) Слова въ скобкахъ принадлежать самому Григорьеву.

жатели русскаго народа! Правда, что эти обожатели — идеалисты и что они, слѣдовательно, любятъ свой предметъ платоническою любовью. До конкретнаго русскаго мужика, который можетъ чувствовать боль и удовольствіе, имъ нѣтъ никакого дѣла. Для нихъ драгоценна только *идея* о русскомъ мужикѣ, и поэтому «высокія пророческія рѣчи, изливаемые на попойкахъ, нажуются имъ важнѣе тѣхъ вопросовъ, которые своимъ разумнымъ разрѣшеніемъ могутъ создать экономическое благосостояніе цѣлыхъ милліоновъ. Что прикажете думать о такихъ курьезныхъ заявленіяхъ? Въ нихъ, разумѣется, нѣтъ ни *цинизма*, ни *ужаса*. Въ нихъ есть только изумительное невѣжество, которое, съ своею всегдашнею наивною, принимаетъ себя за проявленіе величайшей мудрости, доступной только немногимъ избраннымъ. Всѣ идеалисты хромаютъ на эту ногу, и комментируя приведенный мною отрывокъ, я обращался не къ личности покойнаго Григорьева, а ко всему лагерю нашихъ пѣгихъ противниковъ.

II.

Глубокое уныніе, которымъ пронизаны всѣ письма и вся дѣятельность Григорьева, тяготѣетъ надъ всею нашею литературою, кромѣ такъ называемаго теоретическаго лагеря. У Григорьева, какъ у человѣка, глубоко преданнаго отжившимъ идеямъ, была, по крайней мѣрѣ, неопредѣленная надежда на какой-то чудодѣйственный стихъ, который ударитъ и т. д. Онъ чего-то страстно желалъ, и поэтому онъ не могъ относиться къ будущему совершенно враждебно. Это обстоятельство ставитъ его гораздо выше всѣхъ остальныхъ дѣятелей отжившихъ направленій. У этихъ остальныхъ дѣятелей, то есть, почти у всѣхъ русскихъ людей, нишущихъ и печатающихъ стихи, романы, повѣсти, драмы, критическія, ученныя и политическія статьи, — нѣтъ никакихъ завѣтныхъ надеждъ, никакихъ сознанныхъ и прочувствованныхъ убѣжденій, никакихъ опредѣленныхъ желаній. У нихъ нѣтъ ничего, кромѣ тупой ненависти и безотчетнаго страха къ будущему. Имъ бы хотѣлось ничего не видѣть, ничего не слышать, ни о чемъ не думать и только повторять машинально тѣ уроки, которые они заучили въ дѣтствѣ или въ крайней молодости. И разумѣется, имъ хотѣлось бы еще получать отъ благодарныхъ соотечественниковъ за повтореніе этихъ уроковъ большія деньги и большіе лавровые вѣнки. Это не консервато-

ры, это даже не реакционеры, это — египетскія муми, вынутыя изъ пирамидъ и приведенныя въ движеніе какимъ-то необыкновеннымъ гальваническимъ аппаратомъ. Консерваторы и реакционеры политическаго міра понятны; мудрено имъ сочувствовать, но, по крайней мѣрѣ, можно отдать себѣ отчетъ въ томъ, чего они хотятъ и почему именно они хотятъ того, а не другого.—Но консерваторы въ мірѣ идей составляли бы для меня навсегда неразрѣшимую загадку, если бы я долженъ былъ смотрѣть на нихъ, какъ на людей, которые дѣйствительно чего нибудь хотятъ и которые пишутъ и печатаютъ для того, чтобы въ чемъ нибудь убѣдить своихъ читателей. Бояться движенія мысли, смотрѣть съ ужасомъ на все, что еще не обратилось въ избитую фразу, и въ то же время быть писателемъ, то есть, фабрикантомъ идей,—это такое смѣшное внутреннее противорѣчіе, которое можетъ объясниться только тѣмъ предположеніемъ, что наши писатели смотрятъ на литературу такъ, какъ старые титулярные совѣтники смотрятъ на свою службу. Далъ бы, дескать, намъ только Господь Богъ умереть спокойно на тѣхъ теплыхъ мѣстахъ, которыя мы занимаемъ. Повышенія намъ никакого ожидать невозможно, а напротивъ того, можетъ случиться какая нибудь непріятность, въ родѣ сокращенія штатовъ. Вотъ поэтому-то мы и боимся всякаго движенія мысли; поэтому-то мы ежимся и отплевываемся всякій разъ, какъ только мы слышимъ какой нибудь свѣжій и энергическій голосъ. Именно такъ разсуждаютъ про себя тѣ писатели, которые декламируютъ громко и торжественно противъ поспѣшности и неосмотрительности такъ называемыхъ теоретиковъ. Иногда они сами проговариваются чрезвычайно наивно. Напримѣръ, г. Писемскій, написавши очень хорошій разсказъ «Батка», пускается подъ конецъ въ размышленія, начинаетъ тосковать о несовершенствахъ жизни, и вдругъ изумляетъ читателя слѣдующею ругадою: «о, если бы, говоритъ онъ, можно было забыть прошедшее и не понимать будущаго!» Не знаю, удалось ли г. Писемскому забыть прошедшее, но вторая половина его желанія, относящаяся къ будущему, исполнена въ наилучшемъ видѣ. Онъ дѣйствительно не понимаетъ будущаго, и даже счелъ долгомъ торжественно заявить свое непониманіе въ своемъ знаменитомъ романѣ, доказывающемъ очень убѣдительно необходимость мертваго застоя. Послѣ «Взбаломученнаго моря», г. Писемскому оставалось только превратиться въ веселаго разсказчика смѣхотворныхъ анекдотиковъ, и это превра-

щеніе дѣйствительно произведено имъ на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ», въ которыхъ онъ описываетъ въ настоящее время «Русскихъ агнузовъ». Эти рассказы могли бы съ большимъ успѣхомъ фигурировать даже въ московскомъ «Развлеченіи», и я теряю надежды на то, что г. Писемскій, вымолившій собоѣ непониманіе будущаго, когда нибудь дѣйствительно пойдетъ оканчивать свою литературную карьеру въ какой нибудь столь же мизерной газеткѣ. Далеко не всѣ наши пишущіе рутинеры высказываютъ свои задушевные желанія такъ откровенно, какъ высказалъ г. Писемскій, но эти желанія обнаруживаются у нихъ въ выборѣ и разработкѣ сюжетовъ. Всѣ они трусливо и злобно отвертываются отъ будущаго, но отвертываются въ разные стороны, смотря по своимъ личнымъ наклонностямъ и смотря по обстоятельствамъ. Одни, самые бойкіе и задорные, стараются увѣрить себя и другихъ, что будущее со-всѣмъ не существуетъ, что это все одна фантазмагорія, что стоитъ только топнуть ногою и крикнуть: «аминь, аминь, разсыпья! для того, чтобы все это проклятое будущее исчезло безъ малѣйшаго слѣда, и для того, чтобы смѣрные мальчишки, осмѣливающіеся размышлять, тотчасъ превратились въ мидыхъ полугаевъ, повторяющихъ заданные уроки. Эти бойкіе и задорные, но въ сущности трусливые и тупоумные ненавистники будущаго пишутъ истребительные романы и повѣсти, въ родѣ «Взбаломученнаго моря», «Марева» и «Некуда». — Долго толковать объ этой категоріи писателей не стоитъ, тѣмъ болѣе, что въ статьѣ моей «Сердитое безсиліе» я достаточно охарактеризовалъ одного изъ такихъ истребителей. Не могу однако пройти молчаніемъ одну любопытную замѣтку, помѣщенную въ декабрьской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» г. Стебницкимъ, авторомъ истребительнаго романа «Некуда». Находя, вѣроятно, что онъ еще недостаточно уронилъ себя своимъ романомъ, г. Стебницкій пожелалъ еще довершить это дѣло особымъ «объясненіемъ», напечатаннымъ въ томъ же журналѣ, который такъ любовно усывовилъ романъ «Некуда».

Въ этомъ объясненіи доблестный г. Стебницкій говоритъ, что «многимъ петербургскимъ литераторамъ крайне не нравится направленіе романа», и что, влѣдствіе этого, «антрепренерами литературныхъ труппъ, лицедѣйствующихъ въ либеральныхъ комедіяхъ, на редакцію *Библіотеки для Чтенія* были сущены вѣрные люди.» Но, разумѣется, г. Стебницкому нечего было бояться «вѣрныхъ лю-

дей». «Нападать на меня прямо, говорить онъ, за направленіе романа было неудобно по многимъ существующимъ положеніямъ, а простить этого направленія мнѣ не могли, и придрались къ подысканному кѣмъ-то *внѣшнему* сходству нѣкоторыхъ лицъ романа съ лицами живыми изъ литературнаго міра, — и пошли писать.»—Съ небольшимъ три года тому назадъ, въ самомъ концѣ 1861 года, въ петербургскихъ литературныхъ кружкахъ разнесся слухъ, что профессоръ Чичеринъ, написавшій тогда какую-то статью, сдѣлался почему-то лицомъ неприкосновеннымъ для литературной критикп. Этотъ слухъ вскорѣ дошелъ до Москвы, и «Русскій Вѣстникъ» съ горячимъ негодованиемъ сталъ опровергать этотъ слухъ, какъ вздорную сплетню, пущенную въ ходъ для того, чтобы набросить тѣнь на личность профессора Чичерина. Искусственная неприкосновенность считалась, стало быть, три года тому назадъ, весьма незавиднымъ подаркомъ фортуны. Теперь, когда сформировался типъ потребителей, литературные нравы, повидимому, измѣнились. Теперь люди насильно врываются въ журналъ для того, чтобы заявить передъ читающей публикой, что нападать на нихъ прямо никакъ невозможно. Впрочемъ, я полагаю, что авторское самолюбіе ослѣпляетъ г. Стебницкаго. На него не нападали прямо за направленіе совсѣмъ не потому, что это было неудобно, а потому что это было бесполезно. На такихъ джентельменовъ, какъ гг. Писемскій, Ключниковъ и Стебницкій, всѣ здравомыслящіе люди смотрятъ, какъ на людей отпѣтыхъ. Съ ними не разсуждаютъ о направленіяхъ; ихъ обходятъ съ тою осторожностью, съ какою благоразумный путникъ обходитъ очень топкое болото. Нападенія нѣкоторыхъ критиковъ на «*внѣшнее сходство*» нисколько не были придирками, и оправданія, которыя представляетъ г. Стебницкій, доказываютъ всего лучше, что эти обвиненія были въ высшей степени основательны. Начало оправданія заключается въ томъ, что г. Стебницкій пишетъ курсивомъ слово *внѣшнее*. Онъ не отрицаетъ сходства, а доказываетъ только, что оно было чисто *внѣшнее*. Онъ ссылается на примѣръ нѣкоторыхъ извѣстныхъ писателей. Привожу цѣликомъ его ссылку на г. Писемскаго: «съ выходомъ *Взболомученнаго моря*, всѣ, читавшіе этотъ романъ въ Петербургѣ, въ одно словоговорили, что Галкинъ г. Писемскаго есть извѣстное въ столичномъ коммерческомъ мірѣ лицо, и опять, безъ дальнихъ обиняковъ, называли это лицо прямо по имени. Но никто же на основаніи этого

сходства не сталъ требовать опознаваемое живущее лицо къ отвѣту за убійство, совершенное въ романѣ по инициативѣ Галкина, и г. Писемскаго не обязывали къ представленію юридическихъ уликъ въ доказательство этого, конечно вымышленнаго имъ, преступленія.» Заручившись ссылками на авторитеты, г. Стебницкій бросается на своихъ критиковъ и, подобно маленькому, но очень сердитому вулкану, изливаетъ на нихъ потоки не лавы, а грязи. Тутъ-то и встрѣчаются тѣ «многочисленные намеки», которые сконфузили редакцію *Библиотеки*. Но стыдливость ея тутъ неумѣстна. Если редакція, печатая сотни страницъ такого романа, какъ «Некуда», пожелала слизнуть пѣнку съ этого ароматическаго напитка, то отчего же ей не проглотить и поддонки? — Произведя изверженіе, вулканчикъ продолжаетъ свое разсужденіе о сходствѣ. «Ссылаюсь, говоритъ онъ, на безпристрастный судъ каждаго, кто прочтетъ эти строки: могутъ ли идти всѣ, только слегка помѣченные мною поступки въ параллель съ тѣмъ, что въ одномъ изъ лицъ или въ нѣсколькихъ лицахъ романа встрѣчается какое-то чисто внѣшнее сходство съ живущими людьми, которые (въ чемъ не можетъ быть никакого сомнѣнія) *никогда не дѣлали ничего такого, что дѣлаютъ дѣйствующія лица въ романахъ*, и, слѣдовательно, не могутъ нести ни похвалы, ни упрековъ за эти *вымышленныя дѣйствія?*» — Этими краткими выписками я исчерпалъ все внутреннее содержаніе замѣтки. Посмотримъ, на сколько убѣдительны оправдательные аргументы г. Стебницкаго. Замѣтите, во-первыхъ, что онъ постоянно говоритъ о *внѣшнемъ*, о чисто внѣшнемъ сходствѣ, и что онъ ни разу не употребляетъ слова «случайное сходство», того единственнаго слова, которое сразу могло бы совершенно оправдать его. Если бы г. Стебницкій сказалъ: что вы ко мнѣ пристааете! Я никогда въ глаза не видалъ тѣхъ людей, которыхъ вы узнаете въ моемъ романѣ; сходство вышло случайное. — Если бы онъ это сказалъ, говорю я, критикамъ его оставалось бы только развести руками. Но онъ этого не сказалъ, значить, по всей вѣроятности, *не можъ* сказать; то есть, онъ не имѣлъ возможности отречься печатно отъ знакомства съ тѣми живыми людьми, которые обазались нарисованными во весь ростъ въ его романѣ. И такъ, для насъ не подлежатъ сомнѣнію тотъ фактъ, что г. Стебницкій нарисовалъ своихъ знакомыхъ. Спрашивается теперь: есть ли возможность нарисовать портретъ своего знакомаго *нечаянно*? Разумѣется,

нѣтъ. Значить, знакомые были нарисованы *съ умысломъ*. Н. Стебницкій говоритъ, что эти нарисованныя знакомые *«никогда не дѣлали ничего такого, что дѣлаютъ дѣйствующія лица въ романахъ.»* Фраза, очевидно, бессмысленная! Въ романахъ дѣйствующія лица, ѣдятъ, пьютъ, ходятъ, сидятъ, думаютъ, чувствуютъ, разсуждаютъ. Неужели г. Стебницкій твердо увѣренъ въ томъ, что его знакомые *«никогда не дѣлали ничего такого»*, то есть, никогда не ѣли, не пили, не ходили, не сидѣли, не думали, не чувствовали и не разсуждали? Но простимъ г. Стебницкому его безграмотность. Онъ, очевидно, говоритъ совсѣмъ не то, что хочетъ сказать. Онъ хочетъ сказать, что его знакомые не проносили тѣхъ неблагонамѣренныхъ словъ и не позволяли себѣ тѣхъ предосудительныхъ или нелѣпыхъ поступковъ, которые онъ приписываетъ дѣйствующимъ лицамъ своего романа. Прекрасно! Но тѣмъ хуже для г. Стебницкаго. Если бы онъ рисовалъ своихъ шалопаевъ съ такихъ живыхъ оригиналовъ, которые шалопайствуютъ въ дѣйствительной жизни, то онъ воздалъ бы каждому по его заслугамъ. Но вы представьте себѣ слѣдующую штуку: г. Стебницкій записываетъ ваши примѣты, особенности вашего костюма и вашей походки, ваши привычки, ваши поговорки; онъ изучаетъ васъ во всѣхъ подробностяхъ и потомъ содѣлаетъ въ своемъ романѣ отъявленнаго мошенника, который всѣми *внѣшними* признаками похожъ на васъ, какъ двѣ капли воды. А между тѣмъ, вы—честнѣйшій человекъ и провинились только тѣмъ, что пустили къ себѣ въ домъ этого подслушивающаго и подсматривающаго господина. А между тѣмъ, всѣ ваши знакомые узнаютъ васъ въ изображенномъ мошенникѣ и съ изумленіемъ разспрашиваютъ другъ друга о томъ, есть ли какая нибудь доля правды въ томъ, что о васъ написано. Начинаются догадки, предположенія и сплетни. Какъ вы находите, пріятно ваше положеніе или нѣтъ? Къ суду васъ никто не потянетъ, но это именно и сѣверно. Въ судѣ вы могли бы оправдаться, но противъ сплетень, возбужденныхъ наедой мистификаціей г. Стебницкаго, вы оказываетесь совершенно беззащитнымъ. Въ «Ревизорѣ» давно уже было сказано: «хорошо если мошенникъ, а что, если еще того хуже?» Въ романѣ г. Стебницкаго выведены именно не мошенники, а «еще того хуже», такъ что попадаютъ въ разрядъ этихъ людей «еще того хуже» — можетъ, быть, гораздо опаснѣе, чѣмъ прослѣдить мошенникомъ. — Ссылка на г. Писемскаго, разумѣется, ничего не доказываетъ. Если противникъ Гайдана не

сдѣлалъ никакого преступленія, то со стороны г. Писемскаго было въ высшей степени сиверно накладывать на честнаго человѣка темное пятно, отъ котораго этотъ господинъ не имѣеть никакой возможности отмыться. Такія продѣлки называются именно бросаніемъ камней и грязи *изъ-за уха*. Косвенная инсинуація неизмѣримо хуже прямого доноса, именно потому, что составитель инсинуаціи не обязанъ представлять никакихъ доказательствъ и всегда имѣеть полную возможность увернуться въ сторону, ссылаясь на свободную игру своей фантазіи.—Спрашивается, съ какимъ же умысломъ г. Стебницкій превратилъ своихъ знакомыхъ въ натурщиковъ, съ которыхъ онъ копировалъ наружность своихъ «еще того хуже»? Если г. Стебницкій скажетъ, что это была пріятельская шутка, то ему на это возразятъ, что это шутка глупая, плоская и дерзкая. Всего интереснѣе то, что самъ же г. Стебницкій въ концѣ своего романа произноситъ приговоръ надъ подобною шуткой. Извольте послушать: «Да, говорить одна барыня, представьте себѣ, у нихъ живописцы работали. Ну, она на воротахъ назначила нарисовать страшный судъ—картину. Ну, мой внукъ, разумѣется, мальчикъ молодой... знаете, скучно, онъ и далъ живописцу двадцать рублей, чтобы тотъ въ аду нарисовалъ и Агнію, и всѣхъ ея главныхъ помощницъ...»—«Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ глупо, сказалъ за столомъ Евгенія Петровны — Розановъ»—«Вѣстимо, отвѣчала хозяйка.» (Библ. Декабрь стр. 33). При этомъ надо замѣтить, что Розановъ и Евгенія Петровна—любимцы автора. Изъ-за чего же г. Стебницкій вламывался въ журналъ съ своимъ «объясненіемъ»? Зачѣмъ онъ оправдывался, когда онъ самъ произнесъ надъ собою приговоръ? Ну да, именно. «Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ глупо.» Хорошо! Но что если рисованіе знакомыхъ было совершено затѣмъ, чтобы напакостить ближнему, чтобы отомстить за оскорбленіе или чтобы доставить плохому роману тотъ успѣхъ, который называется *un succès de scandale*? Что тогда?—Тогда, чего добраго, изреченіе Розанова придется передѣлать такъ: «все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грязно.»—Меня очень интересуютъ слѣдующія два вопроса: 1) Найдется ли теперь въ Россіи—вромѣ «Русскаго Вѣстника»,—хоть одинъ журналъ, который осмѣлился бы напечатать на своихъ страницахъ что нибудь, выходящее изъ подъ пера г. Стебницкаго и подписанное его фамилією? 2) Найдется ли въ Россіи хоть одинъ честный писатель, который будетъ на столько неостороженъ и

равнодушенъ къ своей репутации, что согласится работать въ журналѣ, украшающемъ себя повѣстями и романами г. Стебницкаго?— Вопросы эти очень интересны для психологической оцѣнки нашего литературнаго міра.

III.

Отъ свирѣпныхъ истребителей будущаго я перехожу къ тѣмъ, болѣе кроткимъ людямъ, которые, не видя для себя впереди ничего привлекательнаго, уходятъ всѣми своими помыслами въ темную глубину давнопрошедшаго. Съ легкой руки г. Островскаго, воспѣваемаго «Козьму Минина» въ какомъ-то странномъ произведеніи, несколько непохожемъ на драму, — историческія трагедіи, драмы и комедіи начинаютъ плодиться въ нашей литературѣ. Въ прошломъ году, г. Чаевъ напечаталъ въ «Библиотекѣ» трагедію «Князь Александръ Михайловичъ Тверской»; въ томъ же году, г. Аверкіевъ — тотъ самый, который терпѣть не можетъ популяризаторовъ вообще и Карла Фохта въ особенности, — помѣстилъ въ «Эпохѣ» драму: «Мамаево побоище». Наконецъ, въ нынѣшнемъ году, г. Островскій нагрузилъ январскую книжку несчастнаго «Современника» комедію «Воевода», изображающую нравы XVII столѣтія. «Князь Тверской» занимаетъ 84 страницы, «Мамаево побоище» — 136, «Воевода» — 135. Итого — 355. «Князь Тверской», отличаясь похвальною скромностью въ отношеніи къ объему, отличается еще другимъ важнымъ достоинствомъ: онъ написанъ прозою, и въ немъ есть одна не совсѣмъ плохая сцена; именно, 2-я сцена 2-го дѣйствія, та, гдѣ псковичи, отстаивая Александра Михайловича, сажаютъ его къ себѣ на княженіе и разрываютъ свою связь съ Новгородомъ и съ Иваномъ Калитою. Вслѣдствіе этого, я оставляю въ покоѣ «Князя Тверскаго», надѣясь на то, что г. Чаевъ, какъ писатель начинающій, можетъ еще обратиться на путь истины и уразумѣть всю суетность историческаго драмодѣланія. Г. Аверкіевъ — дѣло другое; онъ уже съ головою окунулся въ мутную премудрость «Эпохи» и въ своихъ многочисленныхъ критическихъ статьяхъ заплатилъ уже такую обильную дань духу мракобѣсія и сикофанства *) , что навсегда отрѣзалъ себѣ дорогу къ прямой литературной дѣятельности. Его

*) Сикофантами назывались въ Ассіяхъ клеветники и наушники.

«Мамаево побоище» есть тенденціозный панегирикъ прошедшему, которое, разумѣется, должно назаться г. Аверкіеву очень привлекательнымъ, потому что въ XIV столѣтіи еще не было людей, способныхъ выводить на свѣжую воду литературныхъ шарлатановъ. Впрочемъ, легко можетъ быть, что и шарлатановъ было тогда поменьше, чѣмъ теперь.—«Мамаево побоище», написанное стихами, снабжено предисловіемъ, въ которомъ почтенный авторъ объясняетъ, что главная цѣль его произведенія — «изобразить въ картинахъ прошлую жизнь съ возможно-большаго числа сторонъ.» Въ этомъ же предисловіи г. Аверкіевъ даетъ нѣсколько совѣтовъ относительно сценической постановки пьесы; первый изъ этихъ совѣтовъ показываетъ намъ наглядно, что г. Аверкіевъ умѣетъ понимать слова лѣтописей совершенно на выворотъ. Полюбуйтесь остроуміемъ и проникательностью писателя, взявшагося «изобразить прошлую жизнь съ возможно-большаго числа сторонъ.»—«Должна быть ярко изображена противоположность между дворами мосновскимъ и рязанскимъ. При первомъ господствуетъ своеобразная вѣжливость и утонченность нравовъ; при второмъ—отношенія болѣе простыя и грубыя. Не даромъ же москвичи говорили, что «рязанцы—люди суровые, свирѣпые, высокоумные, гордые, чаятельные, вознесшись умомъ и возгордившись величаніемъ, помыслили въ высокоуміи своемъ, полоумные люди, какъ чудища.»—Кто былъ грубѣе, Рязанцы или Москвичи,—этого я не знаю. Я русскихъ лѣтописей не читалъ и никогда не буду читать. Можетъ быть, г. Аверкіевъ дѣйствительно правъ, но неподражаемымъ комизмомъ дышетъ тотъ фактъ, что, въ подтвержденіе своей мысли, г. Аверкіевъ приводитъ такія слова, которыя ее опровергаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ изъ отзыва москвичей о рязанцахъ можно заключить, что москвичи смотрѣли на рязанцевъ сверху внизъ, какъ цивилизованные люди смотрятъ на полудикарей? Совсѣмъ напротивъ. Слова, приведенныя г. Аверкіевымъ, можно было бы, безъ малѣйшаго измѣненія, вложить въ уста какого нибудь мелкопомѣстнаго дворянина, отзывающагося съ горькою завистью и съ чувствомъ оскорбленнаго самолюбія о богатомъ и гордомъ сосѣдѣ. «*Вознесшись умомъ и возгордившись величаніемъ*»—не правда ли, какъ ясно указываютъ эти слова на «*отношенія болѣе простыя и грубыя*»? Посѣтивши Константинополь и насмѣтрѣвшись на тамошнія придворныя церемоніи, русскій человѣкъ XIV столѣтія навѣрное сказалъ бы также, что византіяцы—

«вознесишь умомъ и возгордишишь величаніемъ», а г. Аверкіевъ, съ свойственнымъ ему остроуміемъ, навѣрное вывелъ бы то заключеніе, что при византійскомъ дворѣ господствовали *«отношенія болѣе простыя и грубыя»*, чѣмъ при московскомъ. Если я папому публикѣ то обстоятельство, что авторъ «Мамаева побоища», такъ успѣшно понимающій на выворотъ слова лѣтописей, вступалъ въ состязанія съ г. Н. Костомаровымъ, — то, разумѣется, надъ злополучнымъ г. Аверкіевымъ засмѣются не только всѣ читатели, но даже всѣ куры и цыплята великой, малой и бѣлой Россіи. — Посуливши намъ «изобразить прошлую жизнь съ возможно-большаго числа сторонъ», г. Аверкіевъ на самомъ дѣлѣ изображаетъ только безконечно-растянутые и удивительно безцвѣтные разговоры между князьями и боярами. Есть, правда, двѣ-три сцены яко бы простонародныя; но эти сцены состоятъ исключительно въ томъ, что мужики, уходя на войну, говорятъ: «мы ихъ, такихъ-сякихъ, шапками закидаемъ»; а бабы ревуть и говорятъ: «дай вамъ, Господи, добраго здоровья.» Вотъ вамъ и вся «прошлая жизнь», и все «возможно-большее число сторонъ.» — Но удовольствуемся тѣмъ, что даетъ намъ авторъ. Посмотримъ, по крайней мѣрѣ, какъ обрисованы князья и бояре. Что г. Аверкіевъ желалъ представить ихъ въ самомъ привлекательномъ видѣ, — это намъ доподлинно извѣстно, потому что г. Аверкіевъ сражался съ г. Костомаровымъ именно изъ-за того, что сей послѣдній недостаточно благоговѣлъ передъ доблестями древнихъ москвичей вообще и Дмитрія Донскаго въ особенности. Но г. Аверкіевъ, подобно всѣмъ писателямъ, удрученнымъ бездарностью и честолюбіемъ, совершенно равнымъ его бездарности, всегда оказываетъ медвѣжьи услуги тѣмъ лицамъ и принципамъ, которые онъ принимаетъ подъ свое просвѣщенное покровительство. Дмитрій Донской и его сподвижники представлены у г. Аверкіева такими чудаками, что даже мнѣ, человеку, непитающему ни малѣйшей вѣжности къ людямъ XIV столѣтія, придется защищать этихъ людей противъ ихъ остроумнаго панегириста. Всѣ дѣйствующія лица «Мамаева побоища», безъ исключенія, одержимы неизлечимымъ пристрастіемъ къ риторическому размазыванію; то, что можно выразить въ трехъ словахъ, растягивается ими, по меньшей мѣрѣ, на десять строкъ. Съ точки зрѣнія литературнаго гонорара, такая наклонность куликовскихъ героевъ очень понятна и даже извинительна, потому что г. Аверкіевъ

ву, разумѣется, пріятнѣе было помѣстить въ журналѣ 136 страницъ, чѣмъ помѣстить только 40 или 50. Но такъ какъ г. Аверкіевъ корчитъ изъ себя патріота и такъ какъ онъ даже пристаётъ къ другимъ русскимъ писателямъ съ упреками въ недостатокъ патріотизма, то я полагаю, что, при воспѣваніи куликовскихъ героевъ, г. Аверкіеву не мѣшало бы думать поменьше объ умноженіи печатныхъ строчекъ и побольше о достоинствѣ тѣхъ историческихъ личностей, которыя, по его милости, превращены въ болтуновъ. — Великая Княгиня, жена Дмитрія, совѣтуетъ мужу сходить, передъ выступленіемъ противъ Мамай, къ игумну Сергію. Кажется, дѣло очень простое и естественное; совѣтъ хорошъ; онъ доказываетъ, что княгиня—женщина благочестивая; но такъ какъ въ XIV столѣтіи всѣ русскіе люди были очень благочестивы, то въ этомъ хорошемъ совѣтѣ нѣтъ ничего особенно-новаго и удивительнаго; Дмитрій пошелъ бы къ игумну по собственному влеченію, безъ всякихъ постороннихъ внушеній. Посмотрите же теперь, что тутъ дѣлаетъ г. Аверкіевъ:

княгиня.

Послушай, княже, моего совѣта
И къ Сергію игумену сходи.
Со всѣхъ сторонъ народъ къ нему стремится,
Печальные идутъ со всѣхъ концовъ.
Несутъ къ нему тяжелую кручину,
А отъ него идутъ съ веселой думой,
Веселымъ сердцемъ славословятъ Бога.
Сходи къ нему въ своемъ великомъ горѣ,
Повѣдай тяжкую свою печаль;
Онъ словомъ Божіимъ тебя утѣшитъ,
Разумною бесѣдой ободритъ.

Итого *одинадцать* строкъ, чтобы сказать: «сходи къ Сергію». Но вѣдь это еще далеко не все. Князю надобно теперь благодарить княгиню за ея краснорѣчіе, хотя впрочемъ, за это краснорѣчіе платятъ деньги не Дмитрію Донскому, а Дмитрію Аверкіеву.

в. князь.

Спасибо, милая моя голубка!
Самъ думалъ я объ этомъ, самъ хотѣлъ
Сходить къ игумену.

Кажется, тема исчерпана и разговоръ долженъ прекратиться или

принять другое направлѣніе. — Ничуть не бывало! Вы не знаете изобрѣтательности г. Аверкіева. Княгиня продолжаетъ долбить своего мужа:

КНЯГИНЯ.

Да, милый княже,
Сходи къ мему; сходи ты безпремѣнно.

В. КНЯЗЬ.

Вотъ, какъ управлюсь, такъ сейчасъ схожу.

Но Княгиня наладила свою пѣсню и непремѣнно желаетъ доставить г. Аверкіеву еще нѣсколько копѣекъ:

КНЯГИНЯ.

Не отлагай ты дѣла въ долгій ящикъ:
Еще успѣешь разослать гонцовъ,
Собрать полки еще успѣешь, княже,
А главное — ты къ Сергію сходи.

В. КНЯЗЬ.

Схожу, голубушка.

Когда остроумная княгиня такимъ образомъ окончательно убѣдила Дмитрія, что разсылать гонцовъ и собирать полки — самое пустое и вздорное занятіе, тогда читатель начинаетъ думать, что дѣло о ходженіи къ Сергію наконецъ рѣшено и что о немъ не будутъ больше толковать. Вѣдь и то ужъ г. Аверкіевъ сколотилъ себѣ на эту тему *двадцать две* строчки. Можно бы, кажется, удовлетвориться. Не тутъ-то было. Разговоръ о ходженіи къ Сергію, угасши на страницѣ 17, возгорается съ новою силою на стр. 30, когда княгиня узнаетъ, что совѣщаніе князя съ боярами окончилось.

КНЯГИНЯ.

Ну, слава Богу! Только знаешь, Дмитрій,
Не отъ людей — отъ Господа удача;
Ты къ Сергію игумену сходи,
У Троицы усердно помолися.

Можно было ожидать, что Дмитрію надоѣдятъ наконецъ эти безконечныя повторенія, и что онъ скажетъ княгинѣ: ахъ, матуш-

ка, да оставь же ты меня въ покоѣ! Что я, нехристь, что ли, какой нибудь? Не знаю я, что ли, когда и гдѣ мнѣ нужно молиться?—Но Дмитрій, сотворенный г. Аверкіевымъ, этого не говорить. Онъ даже приходитъ въ какой-то совершенно непонятный восторгъ, точно будто княгиня подала ему совершенно новую мысль, которая, безъ ея помощи, ни за что не пришла бы ему въ голову.

В. князь.

О, милая голубка, дорогая!
 Совѣтовъ много слышалъ я сегодня;
 Свою повѣдали мнѣ братья думу
 И молвили свое бояре слово.
 Но твой совѣтъ — дороже всѣхъ совѣтовъ,
 Разумнѣй всѣхъ твоя простая дума;
 Какъ солнце, слово милое горитъ,
 Горитъ оно и путь мнѣ указываетъ,
 Надежный путь къ обители Господней,
 Къ честнымъ вратамъ монастыря святого.

Глядишь: еще *четырнадцать* стишковъ набѣжало. *Двадцать два* да *четырнадцать* — выходитъ *тридцать шесть*. При такихъ условіяхъ, патриотизмъ оказывается очень хорошею оброчною статьею.

Желая оживить свою драму комическою струею, г. Аверкіевъ считаетъ необходимымъ устроить дѣло такъ, чтобы Дмитрій въ думѣ обругалъ одного изъ бояръ «дуракомъ». Что-жь? Эффектъ придуманъ недурно, и для г. Аверкіева не безвыгодно, потому что на подготовленіе и произнесеніе двусложнаго слова: «дуракъ», въ которомъ заключается вся соль сцены, потрачено *двадцать пять* строкъ.—На другую, столь же комическую сцену, основанную на томъ, что бояринъ, получившій «дурака», труситъ и старается отдѣлаться отъ похода, отговариваясь болѣзнию, — израсходовано *пятьдесятъ пять* строкъ, хотя эта сцена, происходящая только между двумя совершенно второстепенными лицами, не рисуетъ ни «прошлой жизни», ни «возможн-большаго числа сторонъ». На прощаніе Боброка съ женою отпущено *семьдесятъ три* строки, хотя прощаются они такъ, какъ и въ наше время могутъ прощаться супруги. Характернаго въ этой сценѣ нѣтъ ровно ничего, кромѣ ея непомѣрной растянутости, которая, впрочемъ, характеризуетъ собою не XIV столѣтіе, а г. Аверкіева. Какія глупости городятъ князья и бояре на воен-

номъ совѣтъ, за два дня до рѣшительной битвы, — такъ это просто уши вянуть. Въмѣсто того, чтобы разсуждать о планѣ сраженія, о движеніи и расположеніи войскъ, они упражняются въ литературномъ изливаніи похвальныхъ чувствъ, точно будто они воспитаны на критическихъ статьяхъ гг. Аверкіева и Николая Соловьева. Вотъ вамъ образчики:

кн. дм. ольгердовичъ.

Что было тамъ за Пьяной, — я не знаю;
Ты, можетъ, былъ; тебѣ и книги въ руки.
А я читалъ другія, какъ князь Игорь
Шеломомъ зачерпнулъ воды изъ Дона,
Какъ наполни коня струей донскою,
Какъ рыскала хорабрая дружина,
Что волки сѣрые, по чисту полю,
Себѣ искали чести, князю—славы.

Это называется подавать свое мнѣніе на военномъ совѣтъ. — Другой Ольгердовичъ, Андрей, соревнуя своему брату, желаетъ также сказать нѣсколько глупостей и, разумѣется, исполняетъ свое желаніе:

кн. анд. ольгердовичъ.

И за Донъ перейдемъ, да побѣдимъ,
Коль есть на то Господня воля; нѣтъ, —
Такъ отъ бѣды и здѣсь не убережся.
А мысль моя такая, княже Дмитрій
Ивановичъ: коль ты пришелъ на дѣло,
Коль крѣпкаго ты бою хочешь,
Сегодня же вели перевозиться.
И у кого на мысли ворочаться,
Пусть эту мысль отбросить; пусть никто
Не думаетъ спастись отъ смерти; бьется
Съ погаными безъ хитрости, и смерти
Пусть съ часу на часъ ждетъ. А говорятъ,
Что сила велика у нихъ, то что
На это намъ смотрѣть. Не въ силѣ Богъ,
А въ правдѣ.

в. князь.

Ай да, князь Андрей, спасибо!
Такія рѣчи, право, любо слушать.

Скажите, пожалуйста, не правду ли я говорилъ, что мнѣ придется защищать куликовскихъ героевъ противъ ихъ усерднаго, но крайне ограниченаго панегириста? Надо переходить за Донъ, говоритъ Андрей Ольгердовичъ, на томъ основаніи, что Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ. А Дмитрій Донской благодарить и находить, что такія рѣчи пріятно слушать. Желая расписать самыми яркими красками благочестіе нашихъ предковъ, г. Аверкіевъ, очевидно, хватилъ черезъ край, возвелъ русское «авось» въ религиозный догматъ и навязалъ несчастнымъ сподвижникамъ Дмитрія чистѣйшій магометанскій фатализмъ, противъ котораго всегда возмущался здравый смыслъ всѣхъ европейскихъ народностей. Г. Аверкіевъ до самаго конца остается вѣренъ себѣ: послѣ побѣды, Дмитрій три раза подъ рядъ благодарить войско въ самыхъ витиеватыхъ выраженіяхъ, а войско отвѣчаетъ ему на разные манеры: «ради стараться». На эти взаимные комплименты уходитъ *сто* строкъ.—И это, по мнѣнію г. Аверкіева, называется «изобразить прошлую жизнь съ возможно-большаго числа сторонъ»?

IV.

Къ «Воеводѣ» г. Островскаго не приложено никакого предисловія, и это очень жаль, потому что было бы желательно, чтобы къ этой комедіи было приложено два предисловія: одно отъ автора, другое отъ редакціи «Современника». Въ первомъ — авторъ долженъ былъ объяснить русской публикѣ, что такое онъ хотѣлъ выразить своимъ новымъ произведеніемъ и съ какой стати онъ его написалъ. Сама комедія на эти вопросы не даетъ рѣшительно никакого отвѣта. Во второмъ предисловіи, редакція «Современника» должна была объяснить, съ какой точнѣ зрѣнія она находитъ комедію г. Островскаго интересною или полезною для русскихъ читателей вообще и для подписчиковъ «Современника» въ особенности. Упорство, съ которымъ «Современникъ» держится за увядшій талантъ г. Островскаго, составляетъ для меня необъяснимую загадку, тѣмъ болѣе, что тотъ же «Современникъ» не разъ ставилъ себѣ въ особенную заслугу ту стоическую твердость, съ которою онъ отвернулся отъ Тургенева, какъ только замѣтилъ въ немъ фальшивыя ноты. Тургеневъ, при всѣхъ своихъ немощахъ, несравненно

свѣжѣе г. Островскаго, и было бы несравненно приличнѣе для «Современника» напечатать даже «Призраки», чѣмъ печатать «Воеводу». Г. Островскій былъ дорогъ для «Современника», какъ изобрѣтатель «Темнаго царства», но о «Темномъ царствѣ» г. Островскій давно произнесъ свое послѣднее слово, и теперь онъ странствуетъ по такимъ пустынямъ и дебрямъ, въ которыхъ онъ можетъ встрѣтиться только съ г-жею Кохановскою, съ г. Аксаковымъ, съ г. Юревичемъ, а никакъ не съ мыслящими реалистами нашего времени. — Сюжетъ «Воеводы» изумляетъ читателя своею несообразностью. Въ одномъ приволжскомъ городѣ господствуетъ, въ половинѣ XVII столѣтія, старый воевода Шалыгинъ, зашекотавшій до смерти двухъ своихъ жонъ и желающій на старости лѣтъ жениться еще разъ, для того, чтобы зашекотать третью. Онъ дѣлаетъ предложеніе одной красивой дѣвицы, Прасковьи, дочери богатаго посадскаго, Власа Дюжого. Его предложеніе принимаютъ съ радостью, и будущая его теща, Настасья, уже заранѣе обнаруживаетъ свою гордость тѣмъ, что, идя по улицѣ, ни съ того, ни съ сего, кричитъ на всѣхъ прохожихъ: «фу! смерды». Но прохожіе, съ своей стороны, обнаруживаютъ свою самостоятельность, отвѣчая ей такъ: «шире, народъ, навозъ плыветъ». Если бы г. Островскій снабдилъ свою комедію объяснительнымъ предисловіемъ, то изъ этого предисловія мы узнали бы навѣрное, для чего созданы діалогъ между гордою Настасьею и самостоятельными прохожими: для того ли, чтобы очертить нравы XVII столѣтія, или же для того, чтобы, въ XIX столѣтіи, породить хохотъ и рукоплесканія въ райкѣ Александринскаго театра. Теперь же, за неимѣніемъ предисловія, мы недоумѣваемъ. — Придя съ визитомъ въ Власу Дюжому, воевода случайно сталкивается съ Марьею, младшею сестрою Прасковьи, и тотчасъ рѣшаетъ, что лучше жениться на Марьѣ, чѣмъ на Прасковьѣ. Марья влюблена въ молодого помѣщика Бастрюкова, котораго отецъ, поссорившись съ Шалыгинымъ, поѣхалъ въ Москву жаловаться на воеводу отъ лица цѣлаго города. Молодой Бастрюковъ хочетъ похитить Марью, но шутъ воеводы подкарауливаетъ ихъ и разстроиваетъ ихъ планъ. Воевода, чтобы уберечь Марью отъ ея поклонника, перевозитъ ее въ одинъ изъ своихъ теремовъ, еще до свадьбы. Самъ же онъ уѣзжаетъ на нѣсколько дней за городъ, по дѣламъ. Въ одной избѣ онъ видитъ пророческіе сны: будто молодой Бастрюковъ похищаетъ Марью; потомъ будто старый Бастрюковъ пожаловался на него, Шалыгина, въ Москвѣ, и будто ѣдетъ на воеводство

дворянинъ Поджарый. Встревоженный снами, онъ возвращается въ городъ, захватываетъ Марью въ ту самую минуту, когда она совсѣмъ собралась бѣжать, и начинаетъ ее щекотать; но въ это время является на сцену новый воевода, Поджарый, и Марья, избавленная отъ щекотанія, находитъ себѣ счастье въ объятіяхъ Бастрюкова.—Вотъ вамъ и комедія вся. Комедія, разумѣется, изобилуетъ вводными лицами; тутъ есть и пустынный, размышляющій о суетности земного величія; и разбойникъ, смахивающій на Карла Моора; и старая нянька Недвига, рассказывающая сказки; и корыстолюбивая вдова Ульяна, исполняющая при особѣ Марьи роль дуэны; и колдунъ Мизгирь, появляющійся на сценѣ въ оковахъ; есть даже и домовый, настоящій домовый, который ходитъ по сценѣ съ фонаремъ, декламируетъ стихи и спшибаетъ шляпъ съ головы спящей Недвиги. Но г. Островскій и этимъ не удовлетворился: для большей фантастичности, онъ устроилъ такъ, что пророческіе сны воеводы разыгрываются передъ глазами всѣхъ зрителей. Воевода лежитъ на сценѣ и спитъ, а въ это время на заднемъ планѣ открывается новая сцена, на которой изображается въ лицахъ то, что воевода видитъ во снѣ. Черезъ это, комедія начинаетъ смахивать на волшебную оперетку и получаетъ для райка удвоенную занимательность. Но мыслящій читатель, наткнувшись на домового и на пророческіе сны, болѣе чѣмъ когда либо, начинаетъ чувствовать необходимость тѣхъ двухъ предисловій, о которыхъ я говорилъ выше. Возникаетъ вопросъ: вѣрить или не вѣрить г. Островскій въ существованіе домовыхъ и въ пророческія свойства сновидѣній? Что люди XVII столѣтія вѣрили въ то и въ другое, это, разумѣется, не подлежитъ сомнѣнію. Но тутъ дѣло не въ томъ. Домовой ходитъ по сценѣ и говоритъ; значить, его видятъ и слышатъ не только дѣйствующія лица комедіи, а кромѣ того, еще всѣ зрители, то есть, люди XIX-вѣка. Собственно говоря, онъ даже приходитъ на сцену только для зрителей, потому что дѣйствующія лица всѣ спятъ въ минуту его появленія, и просыпаются только послѣ его ухода.—Такое же реальное существованіе имѣютъ для зрителей пророческіе сны Шалыгина. Зрители видятъ и слышатъ ясно все, что грезится воеводѣ; и потомъ, тѣ же зрители видятъ и слышатъ такъ же ясно, что всѣ эти грезы осуществляются съ буквальной точностью. Что же это, въ самомъ дѣлѣ, значить? Если г. Островскій вѣритъ во всякую чертовщину, то чего же смотреть редакция: «Современника»? Если г. Островскій, не вѣря въ чертов-

щину, считаетъ своею обязанностью поддѣлываться подъ народное міросозерцаніе и *смиряться передъ народною правдою* до призыванія домовыхъ и пророческихъ сновъ включительно, — то, опять-таки, чего же смотреть редація «Современника»? Если, наконецъ, г. Островскій, отложивъ попеченіе о какомъ бы то ни было серьезномъ взглядѣ на литературу, наполняетъ свои досуги сочиненіемъ комико-магическихкихъ оперетокъ, то и въ этомъ случаѣ, мы, въ крайнемъ недоумѣніи, повторяемъ тотъ же самый вопросъ: чего же смотреть редація «Современника», та самая редація, которая ведетъ непримиримую войну съ Тургеневымъ? — Безъ двухъ предисловій съ «Воеводою» невозможно справиться.

У.

Яростные романы, въ родѣ «Марева» и «Некуда», очень скоро набиваютъ публикѣ оскомину; археологическія драмы, въ родѣ Козьмы Мишина и «Мамаева побоища», всегда нагоняютъ на читателей истерическую зѣвоту. Поэтому, писатели, желающіе систематически усыплять общественное самосознаніе, должны лускать въ ходъ какое нибудь другое, болѣе тонкое и пріятное наркотическое вещество. Къ счастью для этихъ писателей, такое наркотическое вещество изобрѣтено съ незапамятныхъ временъ. Чтобы отвлекать людей отъ серьезныхъ размышленій, чтобы отводить имъ глаза отъ крупныхъ и мелкихъ нецѣлостей жизни, чтобы скрывать отъ нихъ насущныя потребности вѣка и народа, — писатель долженъ уводить своихъ читателей въ крошечный мірокъ чисто-личныхъ радостей и чисто-личныхъ огорченій; онъ долженъ рисовать имъ милостивыя картинки любовныхъ томленій и любовнаго восторга; онъ долженъ обставлять свои рассказы очаровательными описаніями лунныхъ ночей, лѣтнихъ вечеровъ, страстныхъ замираній и роскошныхъ бюстовъ; и при этомъ — самое главное, — онъ долженъ тщательно замаскировать отъ читателя ту неразрывную связь, которая существуетъ между участіемъ отдѣльной личности и положеніемъ цѣлаго общества. Если всѣ эти условія будутъ соблюдены, то простодушный читатель развѣжится, замечается и повѣритъ хитрому усыпителю, что человекъ прежде всего долженъ отыскать себѣ родственную душу, а потомъ, въ теченіе всей своей жизни, упиваться виѣстѣ съ нею благоуханіемъ цвѣтовъ, пѣніемъ соловья, восходомъ солнца и блескомъ

луны. Разумѣется, *одна* пріемъ такого наркотическаго вещества усыпляетъ и расслабляетъ человѣка не на долго, но когда пріемы быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ, когда вся литература переполнена гашишемъ платоническихъ и анакреонтическихъ сладостей, когда ни откуда нѣтъ отпора этимъ пошлостямъ, тогда самыя здоровыя головы тупѣютъ и теряютъ способность мыслить.—Западный романтизмъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, сбиль съ толку и изуродовалъ, по меньшей мѣрѣ, два поколѣнія французовъ и нѣмцевъ. Мы, въ настоящее время, довольно прочно застрахованы противъ подобной опасности; дряхлый романтизмъ смѣшонъ и гадокъ для нашей здоровой молодежи, но, тѣмъ не менѣе, романтизмъ существуетъ, какъ въ беллетристикѣ, такъ и въ критикѣ нашихъ рутинныхъ журналовъ. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны тѣ повѣсти, которыми украшаетъ себя «Русскій Вѣстникъ». Всѣ онѣ очень недалеко уѣхали отъ «Бѣдной Лизы» Карамзина и отъ «Барышни-крестьянки» Пушкина. Всѣ онѣ стремятся къ тому, чтобы терзать чувствительныя сердца *кисейныхъ двушекъ*, совершенно неспособныхъ обороняться отъ глупыхъ людей и отъ глупыхъ книгъ.—Въ концѣ прошлаго года, начиная съ сентября, «Русскій Вѣстникъ», отложивъ въ сторону бранныя дослѣхи, ударился съ буколическое направленіе и поднесъ своимъ читателямъ нѣсколько повѣстей, такихъ сладостныхъ и усыпительныхъ, какія рѣдко можно встрѣтить въ нашемъ желѣзномъ и тревожномъ вѣкѣ.—Въ сентябрьской книжкѣ помѣщена повѣсть г. Н. О. «Гдѣ же счастье?» Вся повѣсть состоитъ изъ писемъ. Замужняя сестра, Наталья, пишетъ своей незамужней сестрѣ, Екатеринѣ, что она чрезвычайно счастлива. Счастье наводитъ Наталью на самыя удивительныя размышленія. «Бьетъ два часа, пишетъ она. Я люблю эту ночную тишину; одна вода все клокочетъ, бьется и шумитъ на мельницѣ, подъ горою, и какъ будто тоже бесѣдуетъ о моемъ блаженствѣ съ незримымъ духомъ, подающимъ жизнь всему живущему.» Блаженство Натальи, о которомъ бесѣдуетъ вода на мельницѣ, состоитъ въ томъ, что мужъ ея, Валерьянъ, восемь лѣтъ подъ рядъ говоритъ ей сладости и цѣлуетъ ея руки. Вотъ образчикъ ея блаженства. «Какой-то подрядчикъ досадила мужу; онъ разсердился на него и презлой пришелъ къ обѣду, сталъ придиратся, ворчать. Я вижу, что онъ раздраженъ чѣмъ-то и молчу. Онъ кричитъ, шумитъ и уже мнѣ говоритъ дерзости; я уткнулась въ работу и ни слова. Вижу: человѣкъ дурно на-

строень — ну, что-жъ съ этимъ дѣлать? Валерьянъ посердился и опять убѣжалъ на стройку. Вечеромъ... какъ бы ты думала? возвратился до того сконфуженъ, что смѣшно смотрѣть; не смѣетъ глазъ на меня поднять — совѣстится, просить прощенія; но видя, что я улыбаюсь, опускается передо мною на колѣни. И тутъ послѣдовалъ взрывъ горячаго раскаянья, пламенной любви, восторга... Ну, точь въ точь какъ-будто ему 18 лѣтъ! Да, истинная любовь съ лѣтами какъ-будто юнѣетъ до того, что превращается наконецъ въ какую-то дѣтскую привязанность. Я слушала, слушала его и потомъ, съ гордостью эфионской царицы, протянула ему руку, сказавъ: «держай, слабый смертный!» Повѣришь ли, онъ и тутъ еще не увидѣлъ шутки, не разглядѣлъ комизма, а серьезно превозносилъ мою вротость, уступчивость, благоразуміе и тысячу другихъ добродѣтелей. Ей Богу, боюсь, Ката, онъ меня совсѣмъ избалуесть. Я, пожалуй, зазнаюсь.» Но вдругъ мрачная туча набѣгаетъ на тотъ эдемъ, въ которомъ истинная любовь превращается въ дѣтскую привязанность, въ которомъ слабый смертный ползаетъ на колѣняхъ передъ эфионскою царицею и въ которомъ вода бесѣдуетъ съ незримымъ духомъ о блаженствѣ Натали Николаевны Голубинцевой. Мрачная туча эта является въ видѣ коварной женщины, Клеопатры Александровны, которая своимъ преступнымъ кокетствомъ разрушаетъ дѣтскую привязанность и отвлекаетъ слабого смертнаго отъ эфионской царицы. Эфионская царица начинаетъ рвать и метать, и доводитъ себя разными глупостями до того, что рождаетъ раньше срока мертваго ребенка.— Вотъ, напримѣръ, исторія одной кавалькады, происходившей въ эдемѣ, послѣ водворенія въ немъ *мрачной тучи*. «Я чувствовала себя опять очень дурно и рѣшилась было остаться дома; но когда увидѣла изъ окна, что Клеопатра Александровна въ изящной амазонкѣ, съ хлыстикомъ въ рукѣ вышла на крыльцо въ ожиданіи верховой лошади, а Валерьянъ готовился сопроводить ее верхомъ... вся кровь закипіла въ моихъ жилахъ и прилила къ сердцу съ такой силой, что, забывъ все на свѣтѣ, я объявила Валерьяну, что поѣду съ нимъ въ кабріолетъ. Это его озадачило: онъ пробовалъ меня убѣждать; но я наотрѣзъ сказала ему, что если онъ не сдѣлаетъ по моему, то я... не пощажу никого! — Угроза подействовала. Эфионскую царицу повезли въ кабріолетъ, но *мрачная туча* посылаетъ слабому смертному такой взоръ, въ которомъ скрывалось «что-то повелительно-насмѣшливое» и ко-

торый «и ласкалъ, и кололъ въ одно и то же время». Не выдержавши долѣе «этой клятвы», беременный Отелло начинаетъ буйнить, такъ что Валерьянъ говоритъ: «пожилосердуй, Наташа!». Но свирѣлая Наташа нисколько не милосердуетъ, а напротивъ тѣмъ, поднимаетъ въ кабріолетъ лютую возню, чтобы опять у мужа какую-то жолтенькую записку, случайно выглянувшую изъ его раскрывшейся сигарочницы. Неумѣстная возня кончается тѣмъ, что кабріолетъ опрокидывается и что воинственную царичу Эюіопіи, лежащую въ обморокъ, отвозятъ домой. Поздно вечеромъ, оправившись отъ испуга, она подходитъ къ окну, и тутъ, при свѣтѣ молніи, видитъ таинственную картину, которая, очевидно, должна раздрать на части всѣ чувствительныя сердца кісейныхъ дѣвушекъ. «Вдругъ молнія широко раскинулась, освѣтивъ флигель; на стеклѣ итальянскаго окна ясно нарисовались двѣ фигуры. Но что это? Игра воображенія?.. или ужасающая дѣйствительность?.. Опять все етемирѣло... Сердце такъ сильно билось въ моей груди, что мѣшало дышать свободно. Вѣтъ еще блеснула молнія... И на этотъ разъ я ясно увидѣла... Это онъ! Это она! Какъ страстно прижалъ онъ ее къ своему сердцу! Какъ нѣжно обвила рука ея около его шеи!.. Голова ея покоилась у него на груди... Я обомлѣла... Высунулась въ окно, таращу глаза, хочу еще разъ убѣдиться въ потрясающей истинѣ, но вся природа погрузилась въ страшный мракъ и съ шумомъ полилъ дождь.» Надо полагать, что на этотъ разъ дождевая вода не съ кѣмъ не бесѣдовала о блаженствѣ Натальи Николаевны, которая къ утру родила мертваго ребенка.—Затѣмъ слабый смертный съ своею супругою ѣдетъ въ Москву, но и тамъ продолжаетъ свои амурны съ Клеопатрою, которой безразличность нисколько не должна изумлять читателей, потому что «о, не даромъ у нея мать полька», говоритъ Наталья Николаевна на стр. 113. — Далѣе, Наталья Николаевна уѣзжаетъ отъ мужа въ Дрезденъ, гдѣ и умираетъ черезъ два года, отъ разбитости своего любящаго сердца и отъ пустоты своей убогой головы. Еще далѣе, коварная дочь польки разбиваетъ сердце Валерьяна: она выходитъ замужъ за стараго князя Бахрушинскаго, и прерываетъ всѣ сношенія съ своимъ бывшимъ любовникомъ. — Еще того далѣе, Валерьянъ, который такъ же глухъ, какъ его покойная супруга, впадаетъ въ помѣшательство и умираетъ. Вся повѣсть заканчивается тѣмъ, что толстый и добродѣтельный кузичъ покойнаго Валерьяна, Василій фонъ-Лембахъ, въ письмѣ къ Екатеринѣ

Николаевнѣ, подобно здравосуду старинныхъ комедій, произносить нравоученіе. Онъ говоритъ, что княгиня Бахрушинская очень безпощадно румянится, очень «низко вырѣзываетъ свои лифы» и очень «безъ ума» отъ молодого гусара «съ рыжими усами и съ нахальнымъ видомъ.» Изъ этихъ данныхъ глубокомысленный фонъ-Лембахъ выводитъ то заключеніе, что порокъ непременно будетъ наказанъ или, какъ онъ выражается, что «перстъ божій близокъ.» Кромѣ того, тотъ же мыслитель утверждаетъ, что «дни бѣгутъ, новые люди тѣсняются въ жизнь, а мы все не хотимъ сомкнуться». Надо полагать, что когда эти «мы» сомкнутся, тогда дни перестанутъ бѣжать, и новымъ людямъ будетъ строго запрещено тѣсниться въ жизнь.

Въ ноябрьской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» напечатана повесть «Нѣмая» г. В. К—ова. Тутъ даже и усладительнаго нѣтъ ничего. Одинъ юноша, богатый помѣщикъ, влюбляется въ нѣмую красавицу неизвѣстнаго происхожденія, усыновленную дворовымъ человѣкомъ и воспитанную въ барскомъ домѣ. Нѣмая отвѣчаетъ ему взаимностью, и влюбленные проводятъ нѣсколько недѣль въ самыхъ идиллическихъ увеселеніяхъ. «Мнѣ, рассказываетъ юноша, доставляло безконечное удовольствіе, гуляя съ Леттой, — учиться у нея деревенскимъ лакомствамъ, въ родѣ пупырей, просвирки и т. п. Она показывала мнѣ, какъ дѣлаются *колышки* изъ березовой коры для собиранія земляники; найдя крупную ягоду и радуясь, какъ ребенокъ, она жестомъ требовала, чтобъ я подставилъ ей губы, и осторожно, будто выкармливая молодую птичку, опускала мнѣ ее въ ротъ.»—Разумѣется, юношу очень скоро одолѣла скука, и всѣ деревенскія лакомства, вмѣстѣ съ самою Леттой, надоѣли ему, какъ горькая рѣдка. Порхая, подобно мотыльку, съ цвѣтка на цвѣтокъ, юноша влюбился въ Лисхенъ, дочь своего новаго управляющаго. Онъ поѣхалъ съ нею въ Петербургъ и хотѣлъ на ней жениться, но ему пришлось убѣдиться въ томъ, что Лисхенъ — продувная шельма. За нѣсколько дней до свадьбы, онъ подслушалъ слѣдующій разговоръ между купцами, у которыхъ Лисхенъ дѣлала различные заказы.—«За Fräulein тепло, говорилъ одинъ:— она своихъ не выдаетъ; вотъ, напримѣръ, я дѣлаю карету: мнѣ она стоитъ пятьсотъ, а въ счетъ тысяча слипкомъ; профитъ пополамъ съ ней. S'ist gund, Kamerad? А?—Хе-хе! Мы всѣ очень довольны, отвѣтилъ другой. Давай Богъ здоровья.»—Юноша возмущенъ и, разорвавъ всякія сношенія съ коварною Лисхенъ, хочетъ

возвратиться къ добродѣтельной, но безсловесной Леттѣ. Но оказывается, что возвращаться уже не къ кому, потому что покинутая Летта, предавшись безутѣшной тоскѣ, умерла отъ чахотки. Юноша, сокрушенный всѣми этими ударами судьбы, уѣзжаетъ на Кавказъ, а потомъ возвращается назадъ и завѣряетъ читателей «Русскаго Вѣстника» «что двойная фальшь—чувственной вспышки и головного чувства,—не прошла ему даромъ.»—«Я сталъ неспособенъ, продолжаетъ онъ, къ истинному, живому чувству, и не думаю, чтобъ оно когда нибудь пробудилось во мнѣ.» Это какъ вамъ угодно будетъ, скажутъ читатели.

Въ декабрьской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» напечатана «Скромная доля», повѣсть г-жи Л. Я. Черкасовой. Эта повѣсть гораздо проще всѣхъ предыдущихъ, но за то гораздо скучнѣе и безсвязнѣе ихъ. У помѣщика Луговскаго умираетъ молодая жена. Сцена смерти написана, по возможности, раздирательно. Луговскій съ горя хочетъ пойти въ монастырь. Его не пускаетъ Надежда Николаевна, сестра покойницы. При помощи Надежды Николаевны, Луговскій принимается за хозяйственныя заботы и за воспитаніе своихъ осиротѣвшихъ дѣтей. Сосѣди распускаютъ сплетни на счетъ Луговскаго и Надежды Николаевны. Надежда Николаевна не обращаетъ на нихъ вниманія. Ей дѣлаетъ предложеніе богатый помѣщикъ Гребенской. Она ему отказывается. Потомъ приѣзжаетъ въ имѣніе Луговскаго молодой докторъ, Ланинъ, приглашенный для управленія вновь-устроенною крестьянскою больницею. Надежда Николаевна влюбляется въ Ланина, но Ланинъ, уже влюбившись въ нее, говоритъ какія-то глупости о томъ, что онъ долженъ посвятить себя наукѣ, что любовь—роскошь, которую не смѣетъ себѣ позволить бѣднякъ, и что онъ никогда не женится. Это называется *moral restraint* по всѣмъ правиламъ мальтузіанской политической экономіи. Но потомъ оказывается, что все это—пустой разговоръ. Происходятъ нѣжныя объятія; Ланинъ женится на Надеждѣ Николаевнѣ, и «Скромная доля» оканчивается, захвативши събою ровно *пятьдесятъ* страницъ.—Теперь будемъ подводить итоги.

VI.

Многимъ читателямъ, по всей вѣроятности, уже давно хочется предложить мнѣ вопросъ: да чѣмъ же плохи рассказанныя вами по-

вѣсти? И почему вы рассказывали ихъ насмѣшливымъ и даже презрительнымъ тономъ?—А тѣмъ онѣ плохи, отвѣчу я, что онѣ совершенно бесполезны. И рассказывалъ я ихъ съ отгѣнкомъ насмѣшливаго презрѣнія потому, что нѣтъ никакой возможности почувствовать радостямъ и страданіямъ тѣхъ фигуръ, которыя въ нихъ дѣйствуютъ. Я не говорю, что эти фигуры вымышлены авторами и не встрѣчаются въ дѣйствительной жизни, — нѣтъ. Напротивъ того. Дѣйствительная жизнь переполнена такими фигурами, но до ихъ радостей и страданій здравомыслящему человѣку все-таки не можетъ быть никакого дѣла, потому что всё эти радости и страданія—ничто иное, какъ естественный результатъ хроническаго тунейдства. Когда человѣкъ не трудится совершенно серьезно, то есть, когда онъ не зарабатываетъ себѣ собственнымъ трудомъ того куска хлѣба, которымъ онъ питается, — тогда онъ не можетъ быть счастливъ; тогда онъ скучаетъ, блажитъ, фантазируетъ, диллетантствуетъ, донжуанствуетъ, разстроиваетъ себѣ нервную систему глупыми чувствами, глупыми мыслями, глупыми желаніями и глупыми поступками, тиранитъ самого себя, тиранитъ другихъ, все чего-то ищетъ и никогда не находитъ того, что ему необходимо. При такихъ условіяхъ, каждая радость оказывается непрочною и быстро ведетъ за собою пресыщеніе, а каждое горе становится невыносимымъ, потому что не встрѣчаетъ себѣ никакого отпора. При такихъ условіяхъ, человѣку недостаетъ того, что придаетъ огромную силу мыслящему работнику; ему недостаетъ нравственной связи съ тѣмъ обществомъ, среди котораго онъ живетъ; его гнететъ чувство его собственной безцѣльности и ненужности; и это чувство не искореняется никакими филантропическими подвигами; надо быть работникомъ, вполнѣ работникомъ, съ головы до ногъ, съ утра до вечера, или же надо помириться со всѣми печальми тунейдства, подобно тому, какъ старый подагрикъ поневолѣ мирится съ своею неизлечимою болѣзнью.—Всѣ три повѣсти «Русскаго Вѣстника» изображаютъ жизнь такихъ людей, которые живутъ на всемъ готовомъ и которые, съ самой ранней молодости, чтобы не умереть во цвѣтѣ лѣтъ отъ невыносимой скуки, должны были искусственно наполнять свою жизнь разными хитрыми развлеченіями. Тутъ подоспѣваютъ къ нимъ на помощь и утонченное обжорство, и облагороженное пьянство, и высокое искусство, которое всегда обиваетъ пороги у всѣхъ богатыхъ тунейдцевъ, и азартная игра, и всякая

охота, и швейцарскія горы, и итальянское небо, и парижскія лоретки, и, наконецъ, любовь въ своихъ безчисленныхъ варьяціяхъ и модуляціяхъ. Любовь, разумѣется, оказывается обыкновенно внимательнѣе и пріятнѣе всѣхъ остальныхъ развлеченій, потому что любовь вытекаетъ изъ естественной, неистребимой и чрезвычайно сильной потребности животнаго организма. Но тунеядецъ и въ любви является несчастнымъ человѣкомъ. Чѣмъ искреннѣе и сильнѣе онъ любитъ, тѣмъ хуже для него. Онъ видитъ весь міръ въ любимомъ существѣ; весь смыслъ жизни сосредоточивается для него въ одномъ чувствѣ; онъ носится съ этимъ чувствомъ, какъ съ какою нибудь неземною драгоценностью; онъ разсматриваетъ его съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ и, разумѣется, открываетъ въ немъ кое-какія пятнышки, которыхъ благоразумный работникъ не замѣтилъ бы и не захотѣлъ бы замѣчать, но которые для несчастнаго тунеядца становятся обильнымъ источникомъ глушійшихъ сомнѣній и страданій. Эти сомнѣнія и страданія приводятъ за собою или тотъ результатъ, что тунеядецъ, надѣвшись своему предмету нелѣпою придирчивостью, позорно изгоняется изъ эдема, или же тотъ, что тунеядецъ, по собственной охотѣ, мѣняетъ старый эдемъ на новый, который издали кажется ему болѣе привлекательнымъ и безукоризненнымъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, происходитъ развитіе вааго нибудь тунеядческаго сердца, мужского или женскаго. Это развитіе можетъ быть очень эффектно изображено въ повѣсти или въ романѣ. Но всѣ подобныя романы и повѣсти, какъ бы ни были они талантливо написаны, непремѣнно фальшивы въ основномъ взглядѣ автора на предметъ. Герои или героини оказываются трогательными жертвами необъяснимой случайности. Это чистый вздоръ, сохраняющій видъ правдоподобія только потому, что авторъ не умѣетъ или не желаетъ показать намъ тѣ уродливыя отношенія, которыя существуютъ между героемъ и всею массою общественнаго организма. Если бы эти отношенія были обрисованы, то герои оказались бы гнилыми наростами на общественномъ тѣлѣ, и тогда читатель понялъ бы, что эти герои носятъ въ себѣ съ самаго ранняго дѣтства зародышъ разложенія, и, что они страдаютъ именпо отъ этого зародыша, воспитаннаго въ нихъ всѣмъ направленіемъ ихъ праздной жизни, а вовсе не отъ того, что ихъ одурачила какая нибудь коварная кокетка. Если бы отношенія между обществомъ и праздношатающимся героемъ были ясно поняты и вѣрно очерчены авторомъ, то герой навѣрное былъ бы

разжалованъ изъ героевъ; все сочувствіе автора было бы перенесено на сторону общества, а для героя не осталось бы ничего, кромѣ презрительнаго состраданія; вдумываясь въ отношенія тунеядца къ обществу, авторъ разглядѣлъ бы въ обществѣ столько серьезнаго страданія, столько глубокаго и реальнаго горя, столько неподдѣльнаго и громаднаго трагизма, что какія нибудь трогательныя разбитія паршивыхъ тунеядческихъ сердець показались бы ему приличнымъ сюжетомъ развѣ только для водевильчика съ переодѣваніями. Позволительно ли сокрушаться надъ любовными неудачами и надъ любовными измѣнами въ такихъ обществахъ, гдѣ сплошь и рядомъ свирѣпствуютъ надъ живыми людьми голодъ, холодъ, суевѣріе, невѣжество, самодурство и разныя другія, столь же ощутительныя неудобства? Какая нибудь несчастная любовь кажется горемъ только тогда, когда вы изолируете ее отъ всего остальнаго міра, когда вы вносите ее въ оранжерею и ставите ее подъ стеклянный колпакъ. А попробуйте вынести ее изъ теплицы на открытый воздухъ, въ суровую атмосферу дѣйствительной, трудовой жизни, въ тотъ міръ, гдѣ «стонъ раздастся надъ великой русской рѣкой» — ничего отъ нея и не останется. Плюнуть не на что будетъ, не только что сокрушаться и сочувствовать. Поэтому писатель, заглянувшій серьезно въ самую глубину общественной жизни и общественнаго горя, никогда не будетъ въ состояніи тратить свое чувство и свою наблюдательность на изображеніе *слабыхъ смертныхъ и эфюпскихъ царичъ*, изнывающихъ подъ бременемъ несчастной любви. Для него эти страданія будутъ стоять на ряду съ страданіями несчастнаго гастронома, испортившаго себѣ аппетитъ. Имѣя всегда въ виду интересы общественнаго организма, писатель пойметъ, что всякіе тунеядцы—будь они гастрономы, азартные игроки или несчастные любовники,—составляютъ для общества отрѣзанный ломоть, который не можетъ и даже не желаетъ прилѣпиться обратно къ хлѣбу. Писатель пойметъ, что общество не можетъ получить отъ всѣхъ этихъ дряблыхъ страдальцевъ никакой пользы, и что, вслѣдствіе этого, оно само не можетъ предложить имъ ни малѣйшаго утѣшенія. Усвоивши себѣ эти очевидныя истины, писатель навсегда отвернется отъ всѣхъ коптителей неба и займется изученіемъ того настоящаго горя, которое дѣйствительно требуетъ себѣ облегченія и которое дѣйствительно можетъ быть облегчено, когда оно обратитъ на себя вниманіе и сочувствіе общественныхъ дѣятелей. И начнетъ этотъ писа-

тель изображать, съ одной стороны, «бѣдность, да бѣдность, да несовершенства нашей жизни», а съ другой стороны, тѣ проблески самосознанія и энергіи, которые даютъ намъ право рассчитывать въ будущемъ на облегченіе нашего общественнаго горя, то есть, на постепенное обузданіе голода, колода, суетвѣрія, невѣжества и самодурства.—Теперь читатель мой, по всей вѣроятности, понимаетъ, почему я осмѣлялъ четыре повѣсти, помѣщенные въ прошлогоднемъ «Русскомъ Вѣстникѣ». Смѣшно въ этихъ повѣстяхъ именно то, что изъ авторы относятся серьезно къ такимъ радостямъ и огорченіямъ, которые не стоятъ выдуманнаго яйца. Смѣшно то, что авторы обращаются съ вѣчными недорослями, какъ съ взрослыми людьми, и съ полоумными существами, какъ съ особами совершенно здравомыслящими.

VII.

Отмѣтивъ жалкія и смѣшныя стороны нашей беллетристики, я обращаюсь къ тому, что исправляетъ должность критики въ нашихъ филистерскихъ журналахъ. Здѣсь умственное безсиліе нашего пишущаго филистерства проявляется съ особенною яркостью. «Русскій Вѣстникъ», стоящій выше всѣхъ остальныхъ филистерскихъ журналовъ по своему вліянію на общественное мнѣніе, избралъ себѣ благую часть. Онъ совершенно отказался отъ критики, и это самое лучшее, что только можно было придумать, находясь въ его положеніи. Съ тѣхъ поръ, какъ Добролюбовъ создалъ реальную критику, филистерская критика сдѣлалась невозможною. Съ тѣхъ поръ, какъ ясно обозначилось въ нашей литературѣ строго-опредѣленное міросозерцаніе такъ называемаго теоретическаго лагеря, каждый пинущій человѣкъ долженъ неизменно или примыкать къ этому міросозерцанію, или же противопоставлять ему какое нибудь другое міросозерцаніе, совершенно самостоятельное и такъ же строго опредѣленное. Постоянное и послѣдовательное проведеніе того или другаго міросозерцанія въ обществѣ всѣхъ текущихъ явленій жизни, науки и литературы называется въ наше время критикою. У нашихъ филистеровъ нѣтъ и не можетъ быть своей критики, потому что у нихъ нѣтъ и не можетъ быть міросозерцанія, нѣтъ и не можетъ быть такихъ принциповъ, которые они выдерживали и проводили бы до конца

съ непреклонною энергіею и съ неутомимымъ постоянствомъ. Что такое принципы «Русскаго Вѣстника» или принципы «Отечественныхъ Записокъ»? Этотъ вопросъ похожъ на злую насмѣшку, потому что у нихъ нѣтъ никакихъ принциповъ. У нихъ есть журнальная спаровка, тактика или политика, но руководящихъ идей, основныхъ взглядовъ нѣтъ и быть не можетъ. Наши филистеры все безъ исключенія—эклектики, то есть, люди, наполнившіе свою голову такими идеями, которыя взаимно уничтожаютъ другъ друга и никакими средствами не могутъ быть примирены между собою. Съ одной стороны, у нихъ множество предрасудковъ, отъ которыхъ они не желаютъ отдѣлаться; съ другой стороны, у нихъ множество отрывочныхъ знаній, которыми они очень сильно гордятся; повидимому, должно было бы произойти одно изъ двухъ: или предрасудки должны были исчезнуть, или знанія должны были подвергнуться изгнанію, какъ вредныя заблужденія. Но у филистера дѣло идетъ не такъ: и предрасудки, и знанія живутъ тихо и смиренно рядомъ, въ одной и той же головѣ, потому что эта голова разгорожена на нѣсколько отдѣльныхъ клѣтокъ, неимѣющихъ между собою никакого сообщенія. Въ одной клѣткѣ лежитъ у филистера политическая экономія; въ другой—нравственная философія; въ третьей—эстетика; въ четвертой—уголовное право; въ пятой—физиологія; въ шестой—исторія и такъ далѣе. Ключами отъ всѣхъ этихъ клѣтокъ завѣдуетъ самородная чичиковщина, которая знаетъ очень хорошо, что въ однихъ случаяхъ слѣдуетъ выпускать на свѣтъ политическую экономію, въ другихъ—нравственную философію и такъ далѣе. Разумѣется, перегородки между клѣтками могутъ возникнуть и окрѣпнуть только въ такой головѣ, для которой процессъ мышленія никогда не былъ серьезнымъ дѣломъ, поглощающимъ и увлекающимъ всего человѣка. Тяжелыя сомнѣнія, умственные бури, умственные страданія и умственные перевороты, хорошо знакомые всѣмъ людямъ, мыслящимъ честно и безстрашно, переломали бы въ головѣ всякія перегородки и не успокоились бы до тѣхъ поръ, пока не уничтожилось бы безъ остатка послѣднее внутреннее противорѣчіе. Но филистеры предоставляютъ это тревожное и стремительное мышленіе такъ называемымъ теоретикамъ; филистеры сами мыслятъ умеренно и аккуратно, берутъ себѣ съ идей удовлетворительные доходы и никогда не привязываются къ идеямъ на столько, чтобы изъ-за идей сѣсть на мель или налетѣть на подводный

камень. Пока въ обществѣ не было людей, искренно мыслящихъ, или пока эти люди не были въ состояніи высказаться, до тѣхъ поръ филистеры или эксплуататоры идей могли находить себѣ слушателей и могли передъ этими слушателями выкладывать, съ тупымъ самодовольствомъ, разнохарактерное содержаніе своихъ клѣтокъ. Это выкладываніе называлось критикою. Но людямъ свойственно любить неподдѣльную силу и нерасчетливую искренность человѣческой мысли. Какъ только слышались въ литературѣ голоса, проникнутые искреннимъ воодушевленіемъ, какъ только выразились пѣльныя и опредѣленныя убѣжденія, такъ филистерское фанатичество тотчасъ было оцѣнено по достоинству. Противъ такихъ фанатиковъ идеи, какъ Добролюбовъ, могли выступить, съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ, только фанатики противоположнаго направленія.—Чистымъ и честнымъ фанатикомъ отжившаго романтическаго міросозерцанія былъ Григорьевъ. Григорьева должны были носить на рукахъ, какъ священный палладіумъ, всѣ литературныя враги добролюбовской школы. Но именно въ судьбѣ Григорьева выразилось все трусливое безсиліе нашего филистерства. Ненавидя Добролюбова, филистеры въ то же время боялись Григорьева, какъ чловѣка, смѣло идущаго въ самый вопіющій обскурантизмъ. Добролюбовъ былъ для филистеровъ непримиримымъ врагомъ; но Григорьевъ, неспособный лавировать и дипломатизировать, былъ для тѣхъ же филистеровъ слишкомъ опаснымъ союзникомъ. Вслѣдствіе этого, Григорьевъ, единственный чловѣкъ, способный выдвинуть какое нибудь міросозерцаніе противъ нашего міросозерцанія, постоянно принужденъ былъ скитаться изъ журнала въ журналъ, вездѣ попадалъ подъ опеку такихъ людей, которые, въ умственномъ отношеніи, приходились ему по колѣно, и нигдѣ не могъ довести до конца того, что онъ хотѣлъ высказать.—Проявляя Добролюбова и почтительно сторонясь отъ Григорьева, филистеры, очевидно, обрекали себя на полное ничтожество въ области мысли. Изъ этого затруднительнаго положенія оберъ-филистеръ «Русскій Вѣстникъ» выпутался съ замѣчательною находчивостью. Подобно лисицѣ, разсуждающей о незрѣлости винограда, онъ сталъ относиться съ презрительнымъ равнодушіемъ ко всему, что было ему недоступно, то есть, ко всему тому, что имѣло общій интересъ для всѣхъ образованныхъ людей вообще. Всякія размышленія объ основахъ житейства, общества, нравственности «Русскій Вѣстникъ» называлъ бесплодною

болтовнею. Всякую мысль, шедшую въ глубину разбираемаго вопроса, онъ оттажкивалъ съ негодованіемъ. Достаточно вспомнить, напримѣръ, его разсужденія о женщинахъ въ мартовской книжкѣ 1861 года. Не имѣя ни малѣйшей возможности дѣйствовать на общечеловѣческія убѣжденія своихъ читателей, «Русскій Вѣстникъ» постоянно напоминалъ себя такими статьями, которыя были интересны только для людей извѣстной профессіи. Такъ, напримѣръ, одна статья была занимательна для золотопромышленниковъ, другая для преподавателей латинскаго языка, третья для лѣсоводовъ, четвертая для юристовъ, пятая для винокуровъ и такъ далѣе. Искусство редакціи состояло въ томъ, чтобы изъ множества односторонностей составлять какое-то подобіе разносторонности и общезанимательности. Редактированіе журнала превратилось, при такихъ условіяхъ, въ ловкое сшиваніе спеціальныхъ статей, соединяющихъ и не могущихъ жить между собою ни малѣйшей солидарности. Если назначеніе литературы состоитъ въ томъ, чтобы быть самосознаніемъ общества, чтобы связывать единствомъ общихъ руководящихъ идей разрозненные умы отдѣльныхъ личностей, чтобы превращать всѣхъ золотопромышленниковъ, преподавателей, лѣсоводовъ, юристовъ и винокуровъ въ выслышкѣ членовъ одного общественнаго организма, то, разумѣется, «Русскій Вѣстникъ» всегда стоялъ и всегда будетъ стоять внѣ литературы. Изъ отрывочныхъ клочковъ спеціальныхъ знаній невозможно сложить общее міросозерцаніе, но за то этими клочками можно приманить къ журналу самую разнообразную публику. Эта цѣль дѣйствительно была достигнута, и, такимъ образомъ, внутренняя слабость журнала была очень удачно замаскирована. Но эта внутренняя слабость обнаруживается каждый разъ, когда «Русскому Вѣстнику» приходится рѣшать какой нибудь вопросъ, выходящій изъ сферы узкой спеціальности и требующій самостоятельнаго обсужденія. Такъ, напримѣръ, въ послѣднее время, «Московскія Вѣдомости», находящаяся, какъ извѣстно, въ самомъ тѣсномъ родствѣ съ «Русскимъ Вѣстникомъ», разсуждали очень много о превосходствѣ классическаго образованія надъ реальнымъ, и столь же много негодовали противъ дерзкихъ защитниковъ реального образованія. Чтобы разгромить своихъ противниковъ и чтобы убѣдить своихъ читателей, «Московскія Вѣдомости», очевидно, должны были доказать, что изученіе латинскаго и греческаго языковъ приноситъ огромную пользу умамъ учащагося юношества; и что это

изученіе не можетъ быть замѣнено, съ пользою для воспитанниковъ, никакимъ другимъ учебнымъ занятіемъ. Если бы «Московскія Вѣдомости» поступили такимъ образомъ, то вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ классическаго и реальнаго образованія оказался бы совершенно исчерпаннымъ и окончательно рѣшеннымъ въ ту или въ другую сторону. Но «Московскія Вѣдомости» распорядились совсемъ не такъ; онѣ даже не коснулись основного вопроса; о вліяніи классическихъ занятій на умы юношества не сказано ни слова; въ пользу этого вліянія не представлено ни одного аргумента; всѣ разсужденія ограничиваются ссылками на авторитеты. Всѣмъ извѣстно, да всѣми признано, да вся Европа такъ дѣлаетъ — вотъ и все, что «Московскія Вѣдомости» сумѣли сказать въ пользу классическаго образованія. *Вся Европа* — это, разумѣется, авторитетъ очень почтенный, но не мѣшаетъ помнить, что *вся Европа* сжигала еретиковъ и колдуновъ, что *вся Европа* считала пытку и мучительныя казни необходимою принадлежностью уголовного процесса. *Вся Европа* дѣлала очень много глупостей, и если она могла дѣлать капитальныя глупости въ XVII и въ XVIII вѣкѣ, то почему жѣ мы должны быть несокрушимо увѣрены въ томъ, что она не дѣлаетъ въ XIX столѣтіи рѣшительно никакихъ глупостей? Русскому писателю, конечно, очень позволительно ошибиться вмѣстѣ со *всею Европою*, но позволительно только въ томъ случаѣ, когда онъ ошибается по собственному, добросовѣстно составленному убѣжденію. Если же онъ рѣшаетъ вопросы съ чужого голоса, не давая себѣ труда всмотрѣться и вдуматься въ ихъ настоящій смыслъ, то его умственная пасивность не можетъ быть оправдана никакими ссылками, на примѣръ, *всей Европы*. Никакой авторитетъ въ мірѣ не можетъ снять съ насъ нравственную обязанность обсуживать каждый вопросъ силами нашего собственнаго ума. «Русскій Вѣстникъ» и «Московскія Вѣдомости» не знаютъ или, вѣриѣ, не хотятъ знать этой простой истины.

VIII.

Трудно составить себѣ понятіе о томъ плачевномъ положеніи, въ которомъ находится критика филистерскихъ журналовъ, непоследовавшихъ примѣру «Русскаго Вѣстника». Зачѣмъ пишутся ихъ

критическія статьи и чѣмъ онѣ наполняются — это просто уму непостижимо. Слезливыя жалобы на «нану журналистику» и бессильныя попытки сказать теоретикамъ какую нибудь непріятность составляютъ все содержаніе этихъ несчастныхъ статей. Слово «наша журналистика» всегда обозначаетъ собою только два журнала: «Современникъ» и «Русское Слово». Изъ этого обстоятельства нетрудно вывести то заключеніе, что «Эпоха», «Отечественныя записки» и «Библіотека для Чтенія» не считаютъ себя за журналистику. Мы, съ своей стороны, можемъ только поощрительно выпустить имъ головою за эту похвальную и совершенно основательную скромность. Вотъ, напримѣръ, отзывъ «Библіотеки» о г. Дмитріевѣ. «Онъ стоитъ внѣ этихъ направленій, и если напоминаетъ кого нибудь, то своему пріему и поэтическому вѣянію страннаго, то развѣ Фета,—ну, а извѣстно, что въ глазахъ нашей журналистики Феть есть уже явленіе прошедшее». (Январь № 2. Стр. 26). Вы видите, что г. критикъ проговорился совершенно неумышленно. Въ чьихъ же глазахъ Феть есть явленіе прошедшее? «Библіотека» и «Русскій Вѣстникъ» до настоящей минуты печатаютъ стихотворенія г. Фета. «Эпоха» и «Отеч. Зап.» ни разу не отзывались о немъ съ пренебреженіемъ. Значитъ «наша журналистика» = «Русское Слово» + «Современникъ». — Все же остальное, по приговору самихъ биллистеровъ, — не журналистика, а торричеллиева пуста. И такихъ нечаянныхъ признаній можно было бы набрать довольно много. На эту тему пишутся даже очень влобныя стихотворенія. Напримѣръ, въ той же книжкѣ «Библіотеки» г. Бабииковъ изливаетъ свои страданія въ слѣдующихъ звукахъ, имѣющихъ самое непосредственное отношеніе къ «Русскому Слову» и къ «Современнику»:

Теперь мы жалки и смѣшны
Обломки прошлыхъ поколѣній;
Въ борьбѣ за святость убѣжденій
Увы! мы всѣ побѣждены.

Позвольте, г. Бабииковъ! кому же это вы жалки и смѣшны? «Библіотека» вы не жалки и не смѣшны, потому что она васъ печатаетъ. «Эпоха» вы также не жалки и не смѣшны, потому что она не только печатаетъ ваши стихи и ваши романы, но даже

хвалится вами въ своемъ объявленіи: какъ постояннымъ сотрудникомъ. «Русскому Вѣстнику» и «Отѣч. Зап.» вы также не жалки и не смѣшны, потому что эти два журнала очень дорожатъ великими обломками прошлыхъ поколѣній. Легко можетъ быть, что «Русскому Слову» и «Современнику» вы дѣйствительно жалки и смѣшны, но и объ этомъ вамъ можно только догадываться, потому что до сихъ поръ ни «Современникъ», ни «Русское Слово» не говорили о васъ ни одного слова, ни прямо, ни косвенно. Но если бы даже и въ самомъ дѣлѣ вы были жалки и смѣшны въ глазахъ этихъ двухъ послѣднихъ журналовъ, то стоитъ ли объ этомъ сокрушаться? Почти вся масса литературы на вашей сторонѣ, а литература, какъ вамъ извѣстно, считается выраженіемъ общественнаго самосознанія; значить, все или почти все общество сочувствуетъ вамъ, а вы хотите насъ увѣрить, будто вы всѣ побѣждены въ борьбѣ за святость убѣжденій. Какъ же это такъ случилось, что *васъ всѣхъ* побѣдила небольшая кучка писателей, и побѣдила въ такомъ великомъ дѣлѣ, какъ борьба за святость убѣжденій? Что-то не вѣрится. Если бы ваши убѣжденія были дѣйствительно святы и если бы вы сами горячо вѣрили въ ихъ святость, то вы продолжали бы за нихъ бороться, вмѣсто того, чтобы писать себѣ живо надгробное слово четырехстопными ямбами.

Намъ говорятъ: пора заснуть,

Намъ дѣла нѣтъ въ той жизни новой,

Въ которой новые бойцы

Идутъ на бой со зломъ упорнымъ.

А вольно-жъ вамъ вѣрить тѣмъ людямъ, которые вамъ это говорятъ. Вамъ говорятъ: «пора заснуть», а вы отвѣчайте: пѣтъ, я гулять хочу. Вамъ говорятъ, что вамъ нѣтъ дѣла *въ той жизни новой*, а вы отвѣчайте: ну, это мы еще посмотримъ. Если же вы сами опускаете руки и отказываетесь отъ работы *въ той жизни новой*, то ужъ извольте винить вашу собственную дряблость и трусость, а никакъ не *новыхъ бойцовъ*, которые рѣшительно ни въ чемъ невиноваты.—Но г. Бабиковъ этого не принимаетъ въ соображеніе, и въ пылу негодованія пророчить намъ, что въ заблужденіяхъ своихъ мы кончимъ безславно свой вѣкъ. Что-жъ? Это правда. Отъ того, что вы называете нашими заблужденіями, мы не

откажемся никогда, а на счет славы мы можем взъ объяснить, что мы за нею не гонимся. Но г. Бабиновъ такъ сердитъ на насъ, что добирается даже до нашихъ будущихъ гробовъ:

Ничья слеза не упадетъ
 На ваши сумрачные гробы,—
 За то, что полны вы лишь злобы,
 За то,—что злоба лишь клянетъ.

Г. Бабиновъ, очевидно, находитъ, что самъ онъ—*полонъ лишь любви*, и что, фантазируя о какихъ-то *сумрачныхъ* гробахъ, онъ нисколько не *клянетъ новыхъ бойцовъ*, а напротивъ того, благословляетъ ихъ на великіе подвиги и желаетъ имъ всякаго благополучія. Впрочемъ, если г. Бабиновъ дѣйствительно желаетъ обидѣть и запугать *новыхъ бойцовъ*, то я совѣтую ему придумать какія нибудь проклятія болѣе страшныя, потому что — скажу ему по секрету,—*новые бойцы* вовсе не интересуются вопросомъ: упадутъ или не упадутъ чьи нибудь слезы на ихъ могилы.—Я остановился на стихотвореніи г. Бабинова единственно потому, что оно выражаетъ очень вѣрно то общее настроеніе, которое, уже лѣтъ семь или восемь, господствуетъ въ нашей филистерской журналистикѣ. Уныніе, озлобленіе, мелкая придирчивость и поразительное безсиліе характеризуютъ нашихъ пишущихъ филистеровъ. Вотъ, напримѣръ, г. Аверкіеву, сотруднику «Эпохи», захотѣлось уличить реалистовъ въ незнаніи народной жизни, въ заносчивости, въ верхоглядствѣ и во многихъ другихъ преступленіяхъ. Несчастный почвенникъ напрягаетъ всѣ силы своего ума и достигаетъ только того результата, что самъ попадаетъ въ просакъ, да еще въ какой просакъ-то. Жертвою своего обличенія онъ выбираетъ разсказъ г. Рѣшетникова: «Поддиповцы», напечатанный въ «Современникѣ». Выписывается изъ этого разсказа слѣдующій эпизодъ, относящійся къ бурлакамъ. «Пила купилъ пекарскую булку. Разломивъ ее на четыре части, *они съѣли чуть не разомъ* ¹⁾.—Што? говоритъ Пила.—Давай ишшо, просить Сысойко.—Они купили еще и съѣли, и все-таки *не натѣмсь*». — Выписавши еще нѣсколько строкъ, г. Аверкіевъ начинаетъ свое обличеніе.

1) Курсивъ употребленъ г. Аверкіевымъ.

«Какое глубокое знаніе быта! восклицаетъ онъ. Какой языкъ! И интересно, какъ бурлакамъ ѣсть хотѣлось,—двѣ булки съѣли, одну *чуть не разомъ* въ четверомъ, и еще ѣсть хотѣли! Глубоко замѣчено, и главное—естественно».—Вся соль и даже весь осязательный смыслъ обличенія заключаются, очевидно, въ томъ, что г. Аверкѣвъ принялъ *пекарскую булку* за одну изъ тѣхъ *французскихъ* трехкопѣечныхъ булокъ, которыя продаются въ петербургскихъ булочныхъ. Увлекаясь желаніемъ обличить г. Рѣшетникова, критикъ «Эпохи» не замѣтилъ, что его обличеніе становится совершенно неправдоподобнымъ. Допустимъ на минуту, что г. Рѣшетниковъ не знаетъ народнаго быта; предположимъ даже, что онъ никогда не видалъ бурлаковъ и писалъ свой очеркъ, сидя въ Петербургѣ и произвольно выдумывая разныя подробности бурлацкой жизни. Но если г. Рѣшетниковъ, какъ петербургскій житель, не знаетъ бурлаковъ, то, во всякомъ случаѣ, французскія булки онъ долженъ знать, какъ нельзя лучше. Онъ долженъ знать по собственному ежедневному опыту, что *одинъ* человекъ можетъ безъ малѣйшаго труда съѣсть сразу цѣлую французскую булку. Стало быть, г. Рѣшетниковъ ни подъ какимъ видомъ не можетъ выдумать, что *четыре* бурлаковъ съѣли *чуть не разомъ* французскую булку. Возможное ли дѣло, чтобы г. Рѣшетниковъ сталъ приписывать своимъ вымышленнымъ бурлакамъ аппетитъ, равняющійся только четвертой долѣ нашего обыкновеннаго аппетита? Стараясь навязать г. Рѣшетникову такую невозможную нелѣпость, г. Аверкѣвъ обнаруживаетъ только свое смѣшное озлобленіе и свою изумительную недогадливость. Нетрудно было, кажется, понять изъ общей связи разсказа, что пекарская булка должна быть чѣмъ-то въ родѣ очень большого каравая, фунтовъ въ десять или въ двѣнадцать вѣсомъ. И кто же оказался человекомъ незнающимъ быта? Кто примѣнилъ петербургскія понятія къ явленіямъ бурлацкой жизни? Именно самъ обличитель, самъ сотрудникъ почвеннаго журнала. Что же касается до г. Рѣшетникова, то его, пожалуй, можно упрекнуть въ нѣкоторой сухости изложенія, но о незнааніи быта не можетъ быть и рѣчи. Кто прочелъ хоть одинъ изъ его разсказовъ, тотъ долженъ былъ убѣдиться въ томъ, что г. Рѣшетниковъ описываетъ только такія явленія, которыя онъ видѣлъ очень близко, изучилъ очень внимательно или даже испыталъ на своей собственной особѣ.—Другой писатель «Эпохи», г. Николай Соловьевъ, взяв-

шей себя за правило сокрушаться и скрежетать зубами по поводу каждой из моих критических статей, далеко превосходить г. Аверниева во дѣлѣ несообразности. Чтобы дать читателю понятіе о томъ, до какихъ размѣровъ могутъ доходить человѣческое тупоуміе и человѣческая безсовѣстность, я выпишу и разберу здѣсь нѣкоторыя разсужденія г. Соловьева изъ его статьи: «Женщинамъ», помещенной въ декабрьской книжкѣ «Эпохи» за прошлый годъ. Я долженъ признаться, что ничего подобнаго этой статьѣ я никогда не встрѣчалъ въ печати. Читая одну фразу за другою, я рѣшительно не могъ отдать себѣ отчета въ томъ, какими образомъ отдѣльные мысли или, вѣрнѣе, влочки отдѣльныхъ мыслей связываются между собою въ головѣ этого пѣдаго критика. Г. Соловьевъ объявляетъ, что онъ намѣренъ поговорить о «женщинахъ, затронутыхъ литературой и чреватыхъ современными идеями.» Онъ говоритъ, что «лесть эмансипаторовъ слишкомъ преувеличиваетъ мнѣніе о готовности женщинъ на всякое дѣло: готовность эта безъ всякихъ слѣдовъ самостоятельности». Въ этой фразѣ г. Соловьева, какъ и во всѣхъ его остальныхъ фразахъ, нѣтъ никакого осязательнаго смысла, а есть только бессильное желаніе облатать и оклеветать какихъ-то эмансипаторовъ. Въ какихъ это эмансипаторахъ г. Соловьевъ усмотрѣлъ «лесть»? Какіе это эмансипаторы говорятъ «о готовности женщинъ на всякое дѣло»? И что такое значить «готовность на всякое дѣло»? Значить ли это, что женщина уже всему на свѣтѣ выучилась и можетъ принять на себя исполненіе всякихъ общественныхъ обязанностей? Или же это значить, что женщина почувствовала желаніе учиться и готова взяться за книгу и пойти на лекцію?—Что женщина всему выучилась — объ этомъ наши эмансипаторы никогда не говорили ни слова. Они повторяли и повторяютъ до сихъ поръ, что женщины почти ничему не учатся и почти ничего не знаютъ, но что сами женщины въ этомъ нисколько невинноваты. А что женщины, затронутыя литературой, желаютъ учиться и трудиться — это правда. Стало быть, въ чемъ же состоитъ лесть эмансипаторовъ и что такое они преувеличиваютъ? Г. Соловьевъ, очевидно, самъ не знаетъ, что онъ хотѣлъ сказать. Онъ даже ровно ничего не хотѣлъ сказать. Написалось что-то, а что именно, объ этомъ вы его не допрашивайте. «Говорятъ, продолжаетъ г. Соловьевъ, напримѣръ, ей, что она должна жить безъ предразсудковъ — и она живетъ.» Отъ какихъ же это предразсудковъ эмансипаторы стараются избавить

женщину? А вотъ послушайте. «Женщина, поучаетъ насъ г. Соловьевъ, опноудъ не должна трусить въ любви; но трусливость со слезами и стыдливость съ прикотями—свойства, зависящія не отъ воспитанія или привычки, а отъ того, что женщины дѣйствительно есть чего трусить, есть о чемъ плакать и есть чего стыдиться.» Безграмотность этой фразы я оставлю безъ вниманія; посмотримъ, есть ли тутъ какой нибудь смыслъ. Женщина не должна трусить въ любви — это, по мнѣнію г. Соловьева, говорятъ эмансипаторы. Если выразить ту же мысль яснѣе, то не трусить въ любви, значить отдаваться, очертя голову, первому встрѣчному. И это, изволите видѣть, говорятъ какіе-то эмансипаторы! Любопытно узнать, въ какой это овощной лавочкѣ или въ какомъ распивочномъ заведеніи г. Соловьевъ собиралъ свѣдѣнія объ эмансипаторахъ? На страницѣ 21, онъ самъ очень наивно сознается, что изучалъ женскій вопросъ въ петербургскихъ танцклассакъ. Онъ съ сокрушеніемъ объявляетъ провинціаламъ, что въ этихъ безнравственныхъ собраніяхъ бываютъ «и люди чиновные, и люди ученые. А жизнь все ждетъ своихъ дѣятелей, а наука — служителей; силы тратятся, женщина падаетъ все ниже и ниже.» Въ будущемъ г. Соловьевъ предвидитъ еще болѣе ужасныя вещи: «танцующіе будутъ разсуждать о разныхъ вопросахъ, а женскій, быть можетъ, и совѣмъ порѣшатъ.» Изъ всѣхъ этихъ воплей вы имѣете полное право вывести то заключеніе, что въ мукомольномъ заведеніи, которое изъ вѣжливости мы назовемъ головой г. Соловьева, царствуетъ невообразимый хаосъ: танцклассы смѣшиваются съ женскимъ вопросомъ; люди чиновные и ученые, отхватывающіе канканъ, оказываются эмансипаторами; камелии становятся рядомъ съ женщинами, затронутыми литературою. А редація «Эпохи» печатаетъ и одобряетъ. Но даже самое крайнее слабоуміе редакціи и ея сотрудниковъ не можетъ оправдать ту грязную клевету, которую позволяетъ себѣ г. Соловьевъ въ слѣдующихъ строкахъ: «Любашій обыкновенно думаетъ о глубинѣ чувства, о силѣ страсти, о первыхъ дняхъ блаженства; все же прочее, какъ, напримѣръ, тяжесть беременности, презрѣніе общества, адскія муки родовъ и несчастное затѣмъ материнство — оставляетъ безъ вниманія. Всякаго, задумывающагося надъ такимъ положеніемъ; мужчины побойчѣ называютъ даже тряпкой; несчастныя послѣдствія оправдываютъ необходимостью природы. Случаи эти составляютъ истощающія темы для повѣстей. Авторы же, одаренные сильными

половымъ влеченіемъ, больше ни о чемъ и не пишутъ; а критики нѣкоторые даже допускаютъ въ любви обманъ.» Что есть негодяи, соблазняющіе неопытныхъ дѣвушекъ и бросающіе ихъ на произволъ судьбы въ самую критическую минуту ихъ жизни, — это мы знаемъ очень хорошо безъ указаній г. Соловьева. Что есть другіе негодяи, одобряющіе подобные поступки, это также не подлежитъ сомнѣнію. Но, во-первыхъ, говоря о такихъ мерзавцахъ, не зачѣмъ употреблять слово «*любящій*», а во-вторыхъ, что общаго имѣютъ эти мерзавцы съ авторами повѣстей и критическихъ статей? Какіе это авторы и критики оправдывали въ своихъ произведеніяхъ поруганіе беззащитныхъ и довѣрчивыхъ дѣвушекъ? Въ какихъ это авторахъ г. Соловьевъ подмѣтилъ сильное половое влеченіе и въ какихъ критическихъ статьяхъ онъ вычиталъ допущеніе любовнаго обмана? Повѣсти и критическія статьи совсѣмъ не то, что неопредѣленные слухи и толки. Пока г. Соловьевъ рассуждалъ о томъ, что говорятъ какіе-то эмансипаторы, до тѣхъ поръ мы не имѣли возможности требовать отъ него фактическихъ доказательствъ. Г. Соловьевъ могъ сослаться на разговоры *людей чиновныхъ и ученыхъ*, посѣщающихъ петербургскіе танцклассы, и мы остались бы ни съ чѣмъ; мы не могли бы изслѣдовать вопросъ: какіе *люди чиновные и ученые* бесѣдовали съ г. Соловьевымъ, и что именно они ему говорили, и въ какой степени эти собесѣдники заслуживаютъ названіе эмансипаторовъ. Но повѣсти и критическія статьи — это печатные документы, которые тотчасъ могутъ уличить во лжи безсовѣстнаго шарлатана. Тутъ ужъ невозможно пустить въ ходъ безтолковыя фразы и уклончивыя отговорки. Вопросъ поставленъ просто и ясно: есть ли въ русской литературѣ такія повѣсти и такія критическія статьи, которыя оправдываютъ обольщеніе женщинъ и которыя совѣтуютъ соблазнительямъ бросать любовницъ, когда онѣ забеременѣютъ? Г. Соловьевъ говоритъ: есть. А я говорю, что такихъ повѣстей и критическихъ статей въ русской литературѣ никогда не было и нѣтъ до сихъ поръ, и что г. Соловьевъ солгалъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Если же г. Соловьевъ несогласенъ съ моимъ мнѣніемъ, то онъ долженъ привести заглавія тѣхъ повѣстей и статей, которыя оправдываютъ обольщеніе. Онъ долженъ указать на тѣ журнальныя книжки, въ которыхъ эти повѣсти и статьи напечатаны. И кромѣ того, онъ долженъ доказать подробнымъ разборомъ названныхъ повѣстей и статей, что въ нихъ дѣйствительно заклю-

чается тотъ грязный смыслъ, который онъ имъ приписываетъ. — Любопытно будетъ посмотрѣть, какимъ маневромъ тупоумный сотрудникъ «Эпохи» вывернется изъ своего затруднительнаго положенія. Любопытно будетъ также посмотрѣть, какими аргументами редакция «Эпохи» будетъ оправдывать грязную клевету, пущенную въ свѣтъ ея убогимъ сотрудникомъ.

IX.

Свѣжая волна новой мысли плеснула недавно на сухія страницы «Отечественныхъ Записокъ», и филистерская редакция, знающая отъ скуки въ аравійской пустынѣ своего собственного журнала, встрѣтила эту волну съ величайшимъ восторгомъ и даже не замѣтила, что эта коварная волна несетъ съ собою совершенно неходящія идеи такъ называемаго теоретическаго лагеря. — Въ двухъ книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ» (январь № 2 и февраль № 1) напечатанъ критическій этюдъ г. Маркова: «Народные типы въ нашей литературѣ», и редакция сдѣлала отъ себя примѣчаніе, въ которомъ говорить, что *«съ удовольствіемъ»* помѣщаетъ *«этотъ превосходный этюдъ»*, хотя въ журналѣ уже была напечатана статья г-жи Евгении Туръ о томъ же предметѣ... и хотя, прибавлю я отъ себя, г. Марковъ очень остроумно осмѣиваетъ эту самую статью г-жи Туръ. *Этотъ превосходный этюдъ* дѣйствительно очень недуренъ, но я замѣчу только редакціи «Отечественныхъ Записокъ», что, помѣщая въ своемъ журналѣ и превознося такіе этюды, она отнимаетъ у себя всякое право глумиться надъ тѣми писателями, которые допускаютъ вліяніе чая и кофе на развитіе историческихъ событій. Если же редакция продолжаетъ глумиться, — что мы дѣйствительно видимъ на стр. 118 первой январской книжки, — то она подобными выходками доказываетъ только свою неспособность къ связному мышленію. — Чтобы дать читателямъ понятіе о томъ, какія идеи преобладаютъ въ *превосходномъ этюдѣ* г. Маркова, я выпишу изъ него нѣсколько очень выразительныхъ строкъ. «Жизнь кабана и буйволыцы показались графу Толстому отраднѣе и выше жизни какихъ нибудь губернскихъ барышень. И онъ, съ чистою душевною, съ прямою древшихъ германцевъ, плюеть на вашихъ орантовъ и барышень, и указываетъ намъ на Ерощку, говорящаго кабана, на Марьянку — красивую, молоденькую буйволыцу съ горячимъ

глазами. Онъ не прячется за преувеличеніями и украшеніями, не пытается дѣлать никакихъ натяжекъ. «*Человѣкъ есть и ничто человѣческое мнѣ не чуждо*» у него просто на просто передѣлывается въ «*скотъ есть и ничто скотское мнѣ не чуждо*»; и этотъ зоологическій языкъ графъ Л. Толстой откровенно прибавляетъ надъ главнымъ входомъ въ свой романъ, чтобы всѣ сразу видѣли, — кто живетъ и какъ живетъ.» (Февр. № 1. Стр. 470.) Тотъ же самый зоологическій ярлыкъ прибить также откровенно надъ главнымъ входомъ въ *превосходный этюдъ*, но редація «Отечественныхъ Записокъ» все-таки не съумѣла разглядѣть, *кто живетъ и какъ живетъ* въ *превосходномъ этюдѣ*. — Одобривъ зоологическій языкъ, я конечно не могу одобрить разсужденій г. Маркова объ искусствѣ. Г. Марковъ, въ концѣ своего этюда, нападаетъ на отрицателей чистаго искусства и, такимъ образомъ, платитъ дань старому филлстерству, но мнѣ кажется, что позиція г. Маркова въ этомъ пунктѣ очень слаба и ненадежна. Мнѣ кажется даже, что авторъ *превосходнаго этюда* самъ чувствовалъ шаткость своего положенія. Вотъ что онъ говоритъ объ отрицателяхъ: «Эти люди, сами того не замѣчая, дѣлаются врагами общества. Они не умѣютъ смотрѣть на него, какъ на живой организмъ, въ которомъ хотя каждый органъ функционируетъ сообразно своему характеру, но всѣ органы, безъ исключенія, служатъ общей жизни. Остановить дѣятельность высшихъ сторонъ человѣческаго духа на томъ основаніи, что массы еще не удовлетворены въ насущныхъ своихъ потребностяхъ—это все равно, что превратить дѣятельность молодого мозга подъ тѣмъ предлогомъ, что не всѣ еще хрящи скелета успѣли огостенѣть.» — Въ словахъ г. Маркова, очевидно, уже начинается пробиваться утилитарный взглядъ на искусство. Онъ смотритъ на общество, какъ на живой организмъ. Мы смотримъ на общество точно такъ же. Онъ говоритъ, что каждый органъ долженъ функционировать сообразно своему характеру! Мы и съ этимъ положеніемъ совершенно согласны. Мы никогда не говорили и не скажемъ; что Дарвинъ и Либихъ должны служить обществу посредствомъ *паханія земли*. Г. Марковъ утверждаетъ далѣе, что «всѣ органы, безъ исключенія, служатъ общей жизни.» Что всѣ органы *должны* служить общей жизни или, говоря яснѣе, что всѣ члены общества *должны*, каждый на своемъ мѣстѣ, приносить пользу обществу, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Но что всѣ органы *дѣйствительно служатъ* общей жизни и что они никогда не могутъ углобняться

отъ этого служенія — это такая очевидная цѣлѣность, которую г. Марковъ, конечно, не рѣшится поддерживать. Это значило бы утверждать, что въ обществѣ нѣтъ и никогда не можетъ быть ни тунеядцевъ, ни паразитовъ, ни эксплуататоровъ. Такимъ образомъ, г. Марковъ, уподобивъ общество живому организму, не сдѣлалъ еще ровно ничего для реабилитаціи искусства. Разсматривая художника, какъ члена извѣстнаго общества, онъ наложилъ на него обязанность -- приносить пользу этому обществу. Пусть художникъ *функционируетъ* сообразно своему характеру, но пусть онъ этимъ *функционируваніемъ* приноситъ пользу. Это и мы говоримъ то же самое.

Теперь г. Марковъ долженъ доказать, что этотъ *функционирующій* художникъ дѣйствительно приноситъ пользу. Тутъ ужъ общія сентенціи ничего не сдѣлаютъ. Каждый отдѣльный случай долженъ быть разобрать самъ по себѣ. Метафора на счетъ мозга и хрящей также совершенно бесполезна. Противъ нея можно выдвинуть другую метафору, которая докажетъ совершенно противное. Можно, напримѣръ, напомнить г. Маркову, что обуздывать половую дѣятельность несложившагося отроческаго организма не только полезно, но даже необходимо, потому что слишкомъ раннее развитіе половой системы расслабляетъ организмъ, вмѣсто того, чтобы служить общей жизни. Значитъ, метафоры надо отложить въ сторону и падо просто и серьезно анализировать вопросы: полезна ли музыка, полезна ли скульптура, полезна ли живопись и т. д. Если вы докажете осязательно, что онѣ полезны, то мы съ величайшимъ уваженіемъ преклонимся передъ ихъ величіемъ. Но взявшись доказывать ихъ пользу, вы сами уже превратились въ реалиста, потому что поклонникъ чистаго искусства никогда не позволилъ бы себѣ даже завести рѣчь о полезности своего кумира. Пушкинъ восклицаетъ объ Аполлонѣ Бельведерскомъ, что «мраморъ сей есть богъ», а вы должны будете доказывать, что мраморъ сей есть тотъ же печной горшокъ, но что онъ только *функционируетъ* сообразно своему характеру.—Далѣе мы видимъ, что г. Марковъ самъ, ставши на точку зрѣнія реализма, плохо вѣруетъ въ полезность искусства. «Исторія, говоритъ онъ, убѣждаетъ насъ, что образованіе, не смотря на постоянное обвиненіе его въ непрактичности, почти исключительно одно работало съ пользою для счастья человѣчества.»—Позвольте, позвольте, г. Марковъ! Зачѣмъ же вы подмѣнили слово *искусство*

словомъ *образованіе*? Вѣдь *искусство* и *образованіе* — двѣ вещи разныя. Доказывать полезность образованія черезчуръ легко. Искусство только тѣмъ и держится въ общественномъ мнѣніи, что постоянно выдаетъ себя за родную сестру науки. А на новѣрку оказывается, что эти двѣ родныя сестры такъ непохожи другъ на друга и такъ враждебны другъ другу по своимъ тенденціямъ, что очень многіе историческіе дѣятели, систематически давившіе науку, такъ же систематически покровительствовали развитію искусства. Наука была опаснѣйшимъ врагомъ ихъ могущества, въ то время, когда искусство было ихъ работнѣйшимъ союзникомъ. И такъ, г. Марковъ, если вы точно хотите побѣдить отрицателей искусства, — потрудитесь отдѣлать искусство отъ науки и доказывайте намъ историческими и всякими другими аргументами пользу *искусства*, а не пользу *образованія*. Въ пользу образованія никто изъ насъ не сомнѣвается. Но мнѣ кажется, что г. Марковъ недолго удержится на той точкѣ зрѣнія, которую онъ занимаетъ въ настоящую минуту. Года черезъ два, а можетъ быть, и раньше, онъ, по всей вѣроятности, разорветъ послѣднія связи съ олистерскою рутинною и примкнетъ окончательно—даже по вопросу объ искусствѣ,—къ міросозерцанію послѣдовательныхъ реалистовъ.—Я не теряю надежды встрѣтиться когда нибудь съ г. Марковымъ въ редакціи «Русскаго Слова». Поэтому говорю ему: до свиданья!

X.

Во второй, февральской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» помѣщена критическая статья подъ слѣдующимъ длиннымъ заглавіемъ: «Предисловіе къ литературному обзору. О качествѣ и количествѣ прогресса въ новѣйшемъ движеніи нашей литературы». Подписано: «Incognito». Эта статья представляетъ собою опустошительный набѣгъ на «Русское Слово» и преимущественно на «Нерѣшенный вопросъ», который, какъ извѣстно, уже почти полгода волнуетъ мятежное сердце нашего пріятеля, г. Посторонняго сатирика. Г. Посторонній сатирикъ и г. Incognito, вполне сходившіеся между собою въ чувствѣ ненависти къ «Нерѣшенному вопросу», совершенно непохожи другъ на друга по своимъ полемическимъ приемамъ. Г. In-

cognito можетъ сдѣлать своимъ девизомъ извѣстный стихъ Пушкина: «Я ѣду-ѣду — не свищу», а г. Посторонній Сатирикъ, напротивъ того, долженъ будетъ вывернуть этотъ стихъ на изнанку и приложить его къ своимъ полемическимъ подвигамъ въ слѣдующемъ видѣ: «я свищу-свищу — и не ѣду». Дѣйствительно, г. Incognito ни слова не говорилъ о «Нерѣшенномъ вопросѣ» и потомъ вдругъ, въ одинъ прекрасный день, разобралъ его по косточкамъ и доказалъ, что онъ весь составленъ изъ внутреннихъ противорѣчій. Это значитъ — наѣхалъ и не спустилъ. Г. Посторонній сатирикъ, напротивъ того, все собирается разгромить «Нерѣшенный вопросъ», и все никакъ не можетъ собраться съ силами, такъ что я начинаю думать, что онъ никогда на меня не наѣдетъ. Впрочемъ, съ г. Постороннимъ сатирикомъ мы еще поговоримъ впоследствии, а теперь мнѣ надо отражать тѣ жестокіе удары, которые наноситъ мнѣ г. Incognito. — Когда я повѣствовалъ читателю о томъ, что голова филистера разгорожена на множество отдѣльныхъ клѣтокъ, тогда я не имѣлъ въ виду голову г. Incognito. Теперь же, всматриваясь въ статью этого писателя, я замѣчаю съ особеннымъ удовольствіемъ, что моя теорія головныхъ клѣтокъ получаетъ себѣ блистательное оправданіе на отдѣльномъ примѣрѣ. Г. Incognito не только самъ обладаетъ головою, разгороженною на множество несообщающихся между собою клѣтокъ, но онъ даже настоятельно требуетъ, чтобы всѣ другіе люди обладали точно такими же разгороженными головами. Отсутствие общаго міросозерцанія вмѣняется въ непремѣнную обязанность каждому человѣку, каждому мыслителю и каждому писателю. Г. Incognito съ горькою ироніею задаетъ читателю слѣдующій вопросъ: «изъ всѣхъ литературно критическихъ статей, въ такомъ обиліи посвященныхъ передовымъ движеніемъ, «Отцамъ и дѣтямъ» или вызванныхъ «Взбаломученнымъ моремъ» и постоянно вызываемыхъ болѣе мелкими явленіями текущей литературы, случалось ли ему (читателю) прочесть хоть одну, которая, при своей чисто-литературной матеріи, не касалась бы или философскаго ученія о свободѣ человѣческой воли, или теоріи Дарвина о происхожденіи видовъ, или возрѣній Бекля на развитіе цивилизаціи въ человѣческомъ родѣ, или вообще не стремилась бы установить истиннаго взгляда на сущность всѣхъ вещей и ихъ отношенія между собою? Читатель не можетъ сказать, чтобы ему случалось и это». (Стр. 697). Г-ну Incognito, очевидно, не правится то, что литературный критикъ позволяетъ себѣ говорить о

такихъ вопросахъ, которые не входятъ въ курсъ риторики и пн-тики, иначе говоря, находятся въ равныхъ перегородахъ головы г. Incognito. Онъ даже категорически выражаетъ свою жалобу на отсутствіе перегородокъ. «Этому-то недостаточному разграниченію различныхъ областей человѣческаго духа мы, безъ сомнѣнія, и обя-заны тѣмъ фактомъ, печальнымъ даже для насъ самихъ, что, го-воря о нашемъ движеніи, какую бы фактическую нецѣпность мы ни приписали ему, она все-таки можетъ быть подтверждена примѣромъ». (Стр. 697). *Достаточное разграниченіе*, котораго требуетъ г. In-cognito, вполнѣ, очевидно, въ тому, чтобы ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не смѣлъ задавать себѣ вопроса объ отношеніи отдѣльныхъ отраслей человѣческой дѣятельности къ общей жизни человѣчества и народа. Коротче сказать, ни одинъ человѣкъ въ мірѣ никогда не дол-женъ быть ни челоѣкомъ, ни гражданиномъ. Представьте себѣ, что вы взяли очень дорогой билетъ въ итальянскую оперу; съ той минуты, какъ вы вошли въ театральную залу, вы должны превратиться въ меломана; вы имѣете право радоваться только тому, что г. Тамберлики беретъ *ut-dièse*, и огорчаться только тѣмъ, что г. Поломини деретъ уши. На другой день послѣ оперы вы узнаете, что въ Вологодской гу-берніи начался сильный голодъ; тутъ вы тотчасъ должны превра-титься въ филантропа и устремить всѣ силы вашего духа на то, чтобы помочь страждущимъ братьямъ. Потомъ вы приходите домой, и ваша супруга говоритъ вамъ, что для вашего сына необходимо нанять гувернера; тутъ вы должны немедленно превратиться въ ча-долюбиваго отца и погрузиться въ семейные интересы. Вслѣдъ за-тѣмъ, вы отправляетесь въ какое нибудь учебное общество, и ванъ объявляютъ ваши товарищи, что снаряжается ученая экспедиція для отысканія верховьевъ Нила; тутъ вы должны превратиться въ во-площенную любознательность и употребить всѣ усилія на то, чтобы экспедиція состоялась.—Но позволяйте же однако: духъ бодръ, а плоть немощна; кошелекъ же, который долженъ оплачивать и меломанію, и филантропію, и чадолюбіе, и любознательность, — еще немощнѣе всякой плоти. Для того, чтобы свести концы съ концами, то есть, для того, чтобы *ut-dièse* не отбилъ хлѣба у вологжанъ или во-лотжане не съѣли гувернера, или африканская экспедиція не поглотила гувернера, вологжанъ и *ut dièse*, для того, чтобы всѣ эти подержки уживались мирно другъ возлѣ друга, необходимо же, чтобы явился какой нибудь общій регуляторъ, поддерживающій между ними

нѣкоторое равновѣсіе. Необходимо, чтобы вы сами были не только поочередно мелочникомъ, филантропомъ, чадолюбивымъ отцомъ и любознательнымъ ученымъ, но еще, кромѣ того, постоянно благоразумнымъ человекомъ и растетливымъ хозяиномъ, соображающимъ отдѣльныя цѣны расхода съ общою цѣною дохода. Иначе выйдетъ кутерьма и банкротство. И такая же кутерьма, и такое же банкротство, только менѣе быстра и менѣе очевидна, получаются тогда, когда цѣлое общество, увлекаясь ежеминутно частными впечатлѣніями и мимолетными интересами, никогда не задаетъ себѣ вопроса о томъ, въ какой связи находятся эти впечатлѣнія и интересы съ его постоянными жизненными потребностями. Если же вы допустите, что общество должно вызвышаться до самосознанія и до всеобъемлющаго взгляда на свою собственную жизнь, то вы должны также признать необходимость такихъ людей, которые, при встрѣчѣ съ каждымъ отдѣльнымъ явленіемъ жизни, науки или искусства, тотчасъ стараются рассмотреть отношеніе этого частнаго явленія ко всей совокупности жизненныхъ отравленій общественнаго организма. Я вовсе не думаю утверждать, что мы, именно мы, то есть «Русское Слово» и «Современникъ», выполняемъ эту громадную задачу удовлетворительно. Я вовсе не утверждаю, что мы — вполне достойные органы общественнаго самосознанія. Я только констатирую тотъ фактъ, что общественное самосознаніе необходимо, что оно въ настоящее время стремится создать себѣ достойныхъ выразителей, что мы изображаемъ собою первыя, слабыя и робкія попытки общества на этомъ новомъ для него пути, и что филантеры, требующіе, вмѣстѣ съ г. Incognito, *достаточнаго разграниченія различныхъ областей человеческого духа*, совершенно не понимаютъ смысла и необходимости того умственнаго движенія, изъ котораго должно выработаться общественное самосознаніе.

Г. Incognito обвиняетъ насъ въ противорѣчіяхъ именно потому, что не умѣетъ подняться на нашу точку зрѣнія. Вы, говорить онъ, отрицаете поэзію и въ то же время восхищаетесь стихами Гейне; вы относитесь съ пренебреженіемъ къ великимъ поэтамъ Шиллеру и Пушкину, и въ то же время посвящаете цѣлый рядъ статей роману второстепеннаго художника Тургенева.—Гдѣ же тутъ противорѣчія? спрашиваю я. Можно находить, что война — великое зло, и въ то же время можно глубоко уважать такого воина, какъ Вашингтонъ, и можно съ величайшимъ сочувствіемъ слѣдить за военными

подвигами Гарибальди. Можно находить, что алхимія—пустая мечта, и въ то же время можно глубоко уважать алхимика Джафара, открывшаго тѣ кислоты, безъ которыхъ химическій анализъ былъ бы невозможенъ. Все дѣло въ томъ, что подвиги Гарибальди и Вашингтона клонятся къ истребленію войны, и что открытія Джафара клонятся къ разсѣянію того мрака, который поощрялъ своимъ существованіемъ развитіе алхимическихъ бредней. — Стихотворенія Гейне не отклоняютъ, а отрезвляютъ читателя; поэтъ самъ разрушаетъ вредное обаяніе поэзіи; поэтъ осмѣиваетъ то, чему поклоняются другіе поэты; на этомъ основаніи, всѣ отрицатели поэзіи считаютъ Гейне своимъ естественнымъ и чрезвычайно полезнымъ союзникомъ. — Что же касается до цѣлаго ряда статей, посвященныхъ роману Тургенева, то, мнѣ кажется, нетрудно понять, что этотъ рядъ статей клонится не къ прославленію романа, а къ пораженію тупыхъ филистеровъ, подобныхъ г. Дудышину, и близорукихъ реалистовъ, подобныхъ г. Антоновичу. Смотрите на это чудовище, заговорили филистеры, указывая юнымъ цигилистамъ на фигуру Базарова, только-что появившагося въ печати. Ваши идеи приведутъ васъ прямымъ путемъ къ этому ужасному результату; поэтому отрекайтесь тотчасъ отъ вашихъ заблужденій. Близорукіе и робкіе реалисты, подъ предводительствомъ г. Антоновича, дѣйствительно приняли Базарова за чудовище и стали доказывать, путаясь и сбиваясь въ своихъ разсужденіяхъ, что ихъ идеи никогда не могутъ привести ихъ къ ужасному результату, изобрѣтенному г. Тургеневымъ. На этой позиціи реалистамъ грозило неизбежное пораженіе, потому что филистеры могли доказать, какъ дважды-два—четыре, что Базаровъ не клевета, не карриатура, а совершенно вѣрный итогъ реалистическихъ тенденцій. Поэтому надо было повернуть вопросъ иначе; надо было доказать, что Базаровъ не чудовище, а мыслящій работникъ и превосходный человекъ. Эту задачу я постарался выполнить, и мнѣ кажется, что я могу считать мою цѣль достигнутою, потому что до сихъ поръ ни филистеры, ни «Современникъ» не представили ни одного возраженія противъ моего взгляда на личность Базарова. Филистеры нападаютъ на разныя частности «Нерѣшеннаго вопроса», не касаясь анализа базаровскаго типа, а «Современникъ» не производитъ до сихъ поръ ничего, кромѣ угрожающихъ демонстрацій. Если же наша литература принуждена будетъ признать умственные и нравственные достоинства Базарова, то вмѣстѣ съ тѣмъ она при-

нуждена будетъ отказаться отъ всѣхъ своихъ нелѣпыхъ предубѣжденій протѣивъ нашего реализма. Значитъ, рядъ статей о Базаровѣ былъ написанъ за тѣмъ, чтобы защитить и разъяснить весь строй нашихъ понятій, а не за тѣмъ, чтобы выставить на показъ красоты тургеневскаго романа. Въ какомъ чинѣ состоитъ Тургеневъ на службѣ у Аполлона, до этого мнѣ итъ никакого дѣла; если вы мнѣ скажете, что Тургеневъ — второстепенный поэтъ, а Пушкинъ — перво-классный гений, я съ вами даже и спорить не буду, потому что этотъ вопросъ меня нисколько не интересуеъ. Я вамъ скажу только, что Тургеневу посчастливилось поднять въ нашей умственной жизни такой вопросъ, какого никогда не поднималъ и не могъ поднять Пушкинъ. Поэтому о Тургеневѣ я писалъ для того, чтобы разъяснить поднятый имъ вопросъ; о Пушкинѣ же я буду писать только за тѣмъ, чтобы образумить суевѣрныхъ обожателей этого устарѣлаго кумира. Въ томъ и другомъ случаѣ, я имѣю въ виду только то количество пользы, которое могутъ доставить данному обществу, въ данную минуту, тѣ или другія идеи. Идеи Базарова я считаю полезными, — поэтому я говорю о нихъ съ уваженіемъ; идеи Пушкина я считаю бесполезными, — поэтому я говорю о нихъ съ пренебреженіемъ. Спрашивается: гдѣ же тутъ внутреннее противорѣчіе? — Само собою разумѣется, что г. Incognito не можетъ допустить той мысли, что произведенія Пушкина въ настоящую минуту устарѣли и сдѣлались бесполезными. Онъ старается доказать, что Пушкинъ полезенъ: «Фактъ состоитъ въ томъ, разсуждаетъ г. Incognito, что если, благодаря стихамъ Пушкина, сотни тысячъ русскихъ умовъ, сотни тысячъ сердецъ, сотни тысячъ воображеній, въ одно ли время, или въ разные времена, поражаются и будутъ поражаться одними и тѣми же представленіями, то между этими сотнями тысячъ образуется духовное родство, образуется связь, которая дѣлаеъ русскихъ болѣе людьми одного племени и одной земли, то есть, связь, которая составляетъ ту самую, если не общечеловѣческую, то общерусскую солидарность, которая въ устахъ критика отдаеъ только мертвымъ звукомъ простой вокабулы.» (Стр. 70.) Какъ видите, вопросъ о стихахъ Пушкина отождествляется съ вопросомъ о существованіи русской литературы. Это тактика г. Маркова, подмѣняющаго слово *искусство* словомъ образование Г. Incognito ставитъ вопросъ такъ: что лучше — читать Пушкина, или совсѣмъ ничего не читать? — Но русскимъ людямъ совсѣмъ не предстоить такая трагическая альтернатива, и, стало быть,

нѣтъ никакого разумнаго основанія предлагать такіе поправительные вопросы. Отказываясь отъ Пушкина, сотни тысячъ русскихъ умовъ, сердецъ и воображеній вовсе не утратятъ своего «духовнаго родства», потому что эти сотни тысячъ по иррежему будутъ поражаться одними и тѣми же представленіями, но только не тѣми, которыми она поражались въ былое время. Прежде они поражались представленіями «Бахчисарайскаго фонтана» и «Кавказскаго плѣнника», а теперь они будутъ поражаться представленіями «Параднаго подъѣзда», «Молотова» и эпопея о бѣлой Арапіи. Значить, со стороны духовнаго родства вы можете быть совершенно сповойны, и если вы хотите доказать полезность и необходимость Пушкина, то вы должны доказать, что представленія «Бахчисарайскаго фонтана» и «Кавказскаго плѣнника» дѣйствуютъ на сотни тысячъ умовъ, сердецъ и воображеній *болѣе* благотворнымъ образомъ, чѣмъ представленія «Параднаго подъѣзда», «Молотова» и бѣлой Арапіи. Если же вы этого не докажете то вамъ дѣло передъ судомъ русской читающей публики будетъ проиграно.—Съ апрѣльской вѣстки я начну рядъ статей о Пушкинѣ, обѣщанный мною въ прошломъ году, и тогда господамъ обожателямъ Пушкина представится удобный случай выдвинуть впередъ все, что имѣется у нихъ въ запасѣ по части защитительныхъ аргументовъ. Предупреждаю только заранѣе моихъ будущихъ оппонентовъ, что я совершенно устранию въ вопросѣ о Пушкинѣ историческую точку зрѣнія. Я очень хорошо знаю, что «Евгеній Онѣгинъ» гораздо лучше «Фелицы» Державина, и что «Капитанская дочка» стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ выше «Бѣдой Лизы» Карамзина. Я нисколько не обвиняю Пушкина въ томъ, что онъ не былъ проникнутъ тѣми идеями, которыя въ его время не существовали или не могли быть ему доступны. Я задамъ себѣ вѣршею только одинъ вопросъ: слѣдуетъ ли намъ читать Пушкина въ настоящую минуту, или же мы можемъ поставить его на полку, подобно тому, какъ мы уже это сдѣлали съ Ломоносовымъ, Державинымъ, Карамзинымъ и Жуковскимъ?—Защитивъ по своему Пушкина, то есть, не защитивъ его нисколько, г. Incognito обращается ко мнѣ съ слѣдующимъ вопросомъ: «полагаетъ ли онъ, что слѣдуетъ издать такой органическій законъ, которымъ бы повелѣвалось писать однимъ только Шекспирамъ, а всѣмъ прочимъ было бы приказано молчать до самаго втораго пришествія Шекспира и послѣ?» — Слѣшной и безтолковый вопросъ! Нисколько я этого не полагаю. Я полагаю, что литература можетъ и должна всегда управляться сама собою,

безъ всякихъ органическихъ законовъ. Пускай пишетъ всякій все, что ему угодно; пусть пишутъ гг. Фетъ, Майновъ и Полонскій; пусть пишутъ гг. Боборыкинъ, Аверкиевъ и Дулышкинъ; пусть пишутъ даже гг. Кюшниковъ, Стебицкий и Пиполой Соловьевъ; пусть пишетъ и печатаетъ всякая тварь, умѣющая держать перо въ рукахъ и имѣющая желаніе и возможность оплатить типографскіе расходы. Мы нисколько не желаемъ имъ въ томъ препятствовать; мы только будемъ читать и осмѣивать ихъ произведенія, если они покажутся намъ смѣшными; если смѣхъ нашъ будетъ разуменъ и честенъ, то публика насъ послушаетъ и отвернется отъ осмѣяннаго писателя; если смѣхъ нашъ будетъ нелѣпъ или пристрастенъ, то публика назоветъ насъ дураками или негодями и отвернется отъ насъ самихъ, какъ отъ бездарныхъ и завистливыхъ зомбоязъ. — Видите, г. Incognito, что дѣло можетъ обойтись безъ всякихъ органическихъ законовъ. Намъ даже нѣтъ ни малѣйшаго основанія желать такихъ законовъ, потому что и безъ ихъ содѣйствія наши идеи, какъ свидѣтельствуешь о томъ самъ г. Incognito, прививаются довольно успешно къ общественному сознанию. По словамъ г. Incognito, «наши выступающіе беллетристы» уже проникнуты «новѣйшимъ» реализмомъ; «они, съ голоса передовыхъ критиковъ и не хуже ихъ самихъ, непрерывно стремятся показать, какъ сильно въ нихъ желаніе заявить себя тоже «новѣйшими» реалистами, какъ диаметрально-противоположными эстетикамъ.» (Стр. 714.) Ну, вотъ и чудесно! Какого же намъ еще органическаго закона желать, когда мы и безъ того уже сформировали цѣлую школу беллетристовъ и когда старая школа вопить устами г. Бабинова: «увы! мы всё побѣждены». Если кто нибудь пзъ пишущихъ людей желаетъ какихъ нибудь нелитературныхъ и анта-литературныхъ органическихъ законовъ, то ужь, во всякомъ случаѣ, къ этимъ желающимъ невозможно причислить новѣйшихъ реалистовъ. — На стр. 708, г. Incognito утверждаетъ, что я прикидываю къ продуктамъ человѣческой дѣятельности мѣрку моихъ собственныхъ потребностей, и что изящное не подходитъ подъ эту мѣрку. «Но опять, продолжаетъ онъ, для того, чтобы оно подходило подъ нее, не слѣдуетъ ли ему расширить кругъ этихъ потребностей, не ограничивая его стражею ногтей, перемѣною бѣлья и тому подобными обиходностями?— Именно слѣдуетъ.» То есть, если я въ настоящую минуту могу обходиться безъ итальянской оперы, безъ балета, безъ концертовъ, безъ картинъ и ста-

туй, то, по мнѣнію г. Incognito, мнѣ слѣдуетъ втянуться въ эти наслажденія и привыкнуть къ нимъ на столько, чтобы они сдѣлались для меня потребностями. Положимъ, что я исполнилъ совѣтъ г. Incognito: втянулся. Что же изъ этого выходитъ? Выходитъ то, что я, расширивъ кругъ моихъ потребностей, оказываюсь очень доволенъ собою и жизнью. Результатъ прекрасный, но, къ сожалѣнію, я долженъ объявить г. Incognito, что я и теперь, до расширенія круга, очень доволенъ собою и жизнью. Стало быть, что же я выиграю? Очень мало или совсѣмъ ничего. Между тѣмъ, расширивъ кругъ моихъ потребностей, я гораздо больше, чѣмъ теперь, буду зависѣть отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Кромѣ того—и это самое важное,—мое содержаніе будетъ обходиться обществу гораздо дороже, чѣмъ оно обходится теперь. Опера, балетъ, концерты, картины, статуи—все это стоитъ денегъ, а деньги, какъ извѣстно всѣмъ и каждому, изображаютъ собою видоизмѣненный продуктъ тяжелаго народнаго труда.—Расширяйте ваши потребности, говоритъ мнѣ г. Incognito.— Я спрашиваю: зачѣмъ? — За тѣмъ, чтобы поглощать какъ можно больше продуктовъ народнаго труда. — Я опять спрашиваю: зачѣмъ?—За тѣмъ, чтобы у васъ были очень широкія потребности.— Въ той же книжкѣ «Отечественныхъ записокъ», въ которой г. Incognito рекомендуетъ мнѣ оперу и балетъ, сообщены слѣдующія подробности о частной жизни Прудона. «Когда онъ издавалъ газету *Народный Голосъ*, то выручалъ много денегъ: газета расходилась на расхватъ; но себѣ онъ оставлялъ изъ прибыли лишь 5 фр. въ день, остальное отдавалъ бѣднымъ. Случались дни, когда газета продавалась въ числѣ ста тысячъ экземпляровъ, но и тогда Прудонъ не оставлялъ себѣ болѣе пяти франковъ». Любопытно мнѣ было бы узнать, что думаетъ г. Incognito о такомъ чудацкѣ, какъ Прудонъ; если бы г. Incognito умѣлъ быть послѣдовательнымъ, то есть, если бы его филистерская голова не была разгорожена на отдѣльныя клѣтки,—онъ долженъ былъ бы смотрѣть на Прудона съ сострадательнымъ презрѣніемъ, потому что, очевидно, при ежедневномъ расходѣ въ 5 франковъ (1 р. 25 к. с.) кругъ личныхъ потребностей Прудона не могъ быть широкимъ и не могъ вмѣщать въ себя ни оперы, ни балета, ни разныхъ другихъ проявленій изящнаго. Меня г. Incognito долженъ уважать несравненно болѣе, чѣмъ Прудона, потому что кругъ моихъ потребностей гораздо шире.—Впрочемъ, сущность моего возраженія состоитъ

не въ томъ, что человѣкъ долженъ употреблять на подвиги частной благотворительности всѣ деньги, остающіяся у него въ рукахъ послѣ покрытія необходимыхъ издержекъ. Благотворительность всегда будетъ и всегда должна быть свободнымъ дѣломъ личной склонности. Но вопросъ въ томъ: долженъ или не долженъ человѣкъ своимъ образомъ жизни поощрять въ обществѣ развитіе непроизводительныхъ отраслей труда? Вопросъ въ томъ, какой человѣкъ полезенъ: тотъ ли, который покупаетъ у художниковъ картины и статуи, или тотъ, который на свои деньги заводитъ фермы и фабрики, а полученные барышни употребляетъ на заведеніе новыхъ фермъ и новыхъ фабрикъ? По разсужденіямъ г. Incognito, выходитъ, что первый полезенъ второму, или, по крайней мѣрѣ, что второй есть существо низшаго разряда въ сравненіи съ первымъ. Если же г. Incognito отречется отъ этого заключенія, тогда онъ долженъ будетъ снять съ меня обязанность втягиваться въ оперу и въ балетъ. И тогда отъ его аргументаціи не останется камня на камнѣ. — Г. Incognito старается поддержать нязное историческими аргументами. Онъ говоритъ, что сознательная человѣческая исторія «началась съ плясовыхъ пѣсень, съ хороводныхъ круженій вокругъ камней и чурбановъ, съ воспѣванія славы солнцу на небѣ высококомъ — словомъ, со всего того, чего никакъ не могло быть, если бы оно не вызывалось потребностями человѣческой природы». (Стр. 708). Эта историческая аргументація доказываетъ слишкомъ много и, вслѣдствіе этого, не доказываетъ ровно ничего. Если принять эту аргументацію во всемъ ея объемѣ, то придется оправдать и рабство, и войну, и человѣческія жертвоприношенія, и содомскій грѣхъ, и проституцію, потому что всѣ эти явленія повторяются у всѣхъ историческихъ народовъ и вызываются всѣ, безъ исключенія, различными потребностями человѣческой природы. Весь вопросъ состоитъ въ томъ, какъ удовлетворяются существующія потребности человѣческой природы; такъ ли, что отъ этого удовлетворенія не страдаетъ ни одно человѣческое существо, или же такъ, что, удовлетворяя своимъ потребностямъ, одна группа людей обездоливаетъ другую группу? Если у васъ есть потребность слушать пѣніе и если вы удовлетворяете эту потребность вашими собственными средствами, то никто не имѣетъ права возражать противъ этого удовлетворенія: пейте или шумите, сколько душѣ вашей будетъ угодно. Но если вы, для удовлетворенія вашей

потребности, формируете себѣ цѣлую школу пѣвцовъ, которыхъ содержаніе ложится на плечи трудящихся людей, то всякій мыслящій человѣкъ имѣетъ право вамъ замѣтить, что вы отнимаете у работниковъ необходимое для того, чтобы доставить себѣ такое развлеченіе, безъ котораго вы легко можете обойтись. Историческій прогрессъ состоитъ преимущественно въ томъ, чтобы понемногу возвращать трудящимся массамъ тотъ насущный хлѣбъ, который, въ темныя времена наслія и невѣжества, былъ у нихъ отнятъ на неразсчетливое удовлетвореніе слишкомъ широко развернувшихся потребностей. Поэтому до историческое существованіе плясовыхъ пѣсень и хороводныхъ круженій нисколько не можетъ служить оправданіемъ современной оперы и новѣйшаго балета. — Въ пользу живописи г. Incognito приводитъ тотъ аргументъ, что новѣйшій реалистъ можетъ «пожелать когда нибудь, по какому нибудь случаю, имѣть портретъ своей вышеозначенной трудолюбивой и начитанной подруги». Въ пользу живописи я самъ, въ третьей части «Нерѣшеннаго вопроса» привелъ гораздо болѣе сильный аргументъ, именно тотъ, что въ учебникахъ и въ популярныхъ, а также и въ ученыхъ сочиненіяхъ по многимъ отраслямъ знанія необходимы хорошіе рисунки. Что же касается до портретовъ «трудолюбивой и начитанной подруги», то мнѣ кажется, что обществу нѣтъ никакой надобности заботиться о ихъ изготовленіи. Бѣды не будетъ никакой, если новѣйшій реалистъ останется безъ портрета, тѣмъ болѣе, что очень многіе люди остаются, по недостатку матеріальныхъ средствъ, не только безъ изящнаго портрета, но даже и безъ оригинала, то есть, безъ «трудолюбивой и начитанной подруги». А есть и такіе люди, которые остаются не только безъ подруги, но даже безъ теплаго платья и безъ куска хлѣба. При такихъ условіяхъ, сокрушаться объ изящныхъ портретахъ, по меньшей мѣрѣ, смѣшно. Впрочемъ, я считаю своею обязанностью успокоить г. Incognito и всѣхъ добродушныхъ людей, полагающихъ, что реалистическая критика стремится къ конечному истребленію всѣхъ живописцевъ, музыкантовъ, скульпторовъ и другихъ эксплуататоровъ человѣческой наивности. Реалистическая критика очень хорошо понимаетъ, что такая цѣль недостижима; поэтому она и не задаетъ себѣ этой задачи. Чего же она хочетъ? А вотъ чего. Въ Россіи каждый годъ нѣсколько десятковъ тысячъ юношей средняго сословія задаютъ себѣ вопросъ: куда мы пойдѣмъ? за какое

дѣло мы возьмемся? Какимъ ремесломъ мы будемъ зарабатывать себѣ насущный хлѣбъ? Въ тѣ дни, когда гремѣли имена великаго Брюллова, великаго Глинки, великаго Мочалова, въ тѣ дни, когда наша критика стояла на козлѣняхъ передъ святымъ искусствомъ вообще и передъ Пушкинымъ въ особенности, сотни, а можетъ быть, и тысячи лѣгковѣрныхъ юношей тянулись всѣми своими помышленіями къ лавровому вѣнку художника. Нарисуетъ юноша двѣ березы въ альбомъ своей кузны, и вообразить себѣ, что у него непреодолимая страсть къ живописи, что онъ обязанъ развивать свой талантъ, что онъ побѣдетъ сначала въ Петербургѣ, потомъ въ Италію, а потомъ въ храмъ славы, гдѣ признательное человѣчество увѣнчиваетъ своихъ вдохновенныхъ благодѣтелей. — Подыщетъ юноша музыку къ какому нибудь водевильному куплетнику, и сейчасъ уразумѣетъ, что онъ музыкантъ, что ему необходимо отропстить длинные волосы, напустить на лицо задумчивое выраженіе и отказать навсегда отъ всякой полезной работы, потому что

Не для житейскаго волненья,
 Не для корысти, не для битвѣ
 Мы рождены—для вдохновья,
 Для звуковъ сладкихъ и молитвѣ.

Сыграетъ юноша, безъ особеннаго посрамленія, роль водевильнаго *jeune premier* на домашнемъ спектаклѣ, и въ одну минуту сообразитъ, что ему невозможно не идти по слѣдамъ Мочалова. И почнетъ онъ колотить себя въ грудь и выводить на распѣвъ монсологи изъ Гамлета, который однако, по его мнѣнію, далеко не такъ заборнеть, какъ «Уголино» Полевого, или «Джуліо Мости» Кукольника. Что вы о всемъ этомъ скажете, гг. эстетика? Хороша была вся эта катавасія? Хорошо это было, что неглупые молодые люди, способные сдѣлаться хорошими хозяевами, честными конторщиками, смышленными машинистами, изображали своими особами лягушку, желающую раздуться до размѣровъ вола? Хорошо это было, что эти несчастные недоросли, обманутые въ своихъ нелѣпыхъ надеждахъ, спивались съ кругу, объѣдали своихъ родственниковъ и превращались въ отъявленныхъ мерзавцевъ или, во всякомъ случаѣ, въ празношатающихъ шалопаевъ? Хорошо это было, что самые счастливые изъ этихъ юношей, сдѣлавшись посредственными актерами, посредственными музыкантами, посредственными живописцами, лебезили

передъ откупщиками, чтобы отобѣдать у нихъ на даровщинку, или чтобы всучить имъ за выгодную цѣну картену, билетъ на мондертъ или ложу на бенефисъ? Если положить на одну чашку вѣсовъ великаго Брюллова, великаго Глинку, великаго Мочалова, а на другую — многія тысячи несчастныхъ лягушекъ, соблазненныхъ славою воловъ и лопнувшихъ во время нелѣпныхъ попытокъ — дорости до ихъ величія, то — какъ вы думаете, гг. эстетика, — которая изъ двухъ чашекъ перетянетъ? Или, другими словами, стоитъ ли овчинка выдѣлки? Стоитъ ли уродовать тысячи человѣческихъ существованій для того, чтобы добыть одну бесплодную знаменитость? — Реалистическая критика думаетъ, что *не стоитъ*, и, вслѣдствіе этого своего глубокаго убѣжденія, она старается на мѣсто имени великаго Брюллова, великаго Глинки, великаго Мочалова подставить имена великаго Дарвина, великаго Либиха, великаго Кюда Бернара. Критика Бѣлинскаго стояла на колѣняхъ передъ святымъ искусствомъ. Реалистическая критика стоитъ на колѣняхъ передъ святою наукою. Стремясь по слѣдамъ Глинки, Брюллова и Мочалова, довѣрчивые юноши не приобрѣтали ничего, кромѣ печальной привычки къ тунеядству и къ сивухѣ. Выбирая себѣ въ образцы и въ руководители Дарвина, Либиха, Бернара и другихъ, довѣрчивые юноши приобретаютъ и будутъ приобретать себѣ знанія, привычку къ труду и уваженіе къ слѣдъ человѣческаго разума, то есть, такіа сокровища, которыя пригодятся имъ на всякомъ житейскомъ поприщѣ. До Бернара не доростетъ, быть можетъ, ни одинъ изъ десяти тысячъ, но за то общество обогатится многими хорошими умными врачами. Либихомъ не сдѣлается ни одинъ изъ десяти тысячъ, но за то общество обогатится многими дѣльными агрономами. — Посредственный художникъ, даже по мнѣнію эстетиковъ, есть отрицательная величина; посредственный ученый, напротивъ того, можетъ быть очень полезенъ, не смотря на свою посредственность. Что же касается до гениальныхъ натуръ, то ихъ не останавливать и не соблазнять съ толку никакая реалистическая критика. Гениальныя натуры преодолеваютъ самыя серьезныя препятствія; они борются съ деспотическою волею родителей, съ предрасудками общества, съ бѣдностью, съ невѣжествомъ, и все-таки, не смотря ни на что, идутъ туда, куда ихъ тянетъ преобладающая страсть. Если у насъ народится лавойнибудь Рафаэль или Моцартъ, то объ немъ никакія возраженія не поднятъ въ машинисты или въ медики; и

наплюетъ на всякія реалистическія проповѣди. Значить, реалистическая критика не давить великихъ талантовъ, потому что ихъ давить невозможно. Она только кормитъ здоровою умственною пищею ту толпу, которую эстетики опаивали дурманомъ.

ХІ.

Дерзкій авторъ «Нерѣшеннаго вопроса» осмѣлился уподобить *лукошку* того великаго г. Антоновича, который считаетъ себя въ настоящую минуту единственнымъ представителемъ реальной критики и единственнымъ законнымъ преемникомъ Добролюбова. Великій г. Антоновичъ, какъ человѣкъ неглупый, не обратилъ никакого вниманія на непочтительную выходку такъ называемаго *enfant terrible*. Но г. Посторонній сатирикъ, какъ человѣкъ очень раздражительный и очень ограниченный, огорчился *лукошкой* до глубины души и началъ изливать свои страданія въ горячихъ и безтолковыхъ полемическихъ статьяхъ. Надо полагать, что *лукошко* дѣйствуетъ подобно шпанской мушкѣ, сохраняя притомъ свою раздражающую силу въ теченіе многихъ мѣсяцевъ. Съ каждымъ мѣсяцемъ страданія г. Посторонняго сатирика становятся невыносимѣе, такъ что наконецъ, въ январьской книжкѣ «Современника», несчастный Донъ-Кихоть, удрученный *лукошкой*, впадаетъ въ горячечный бредъ и съ болѣзненною страстностью принимаетъ свои видѣнія за существующіе факты. Ему мерещится какой-то призракъ, который онъ называетъ «Русскимъ Словомъ»; ему кажется, что этотъ призракъ отлыниваетъ отъ его вопросовъ и увертывается отъ прямыхъ объясненій съ нимъ; ему кажется, что онъ, Посторонній сатирикъ, бѣжитъ за этимъ призракомъ, схватываетъ его, окружаетъ его сплошною стѣною занумерованныхъ «тезисовъ и вопросовъ», тычетъ его носомъ «на номеръ, неполучившій отвѣта или объясненія», разбиваетъ его на всѣхъ пунктахъ и заставляетъ его «расхлебать кашу», которую онъ, призракъ, заварилъ «Нерѣшеннымъ вопросомъ». Бѣдный страдалецъ обращается къ своему призраку съ слѣдующимъ монологомъ: я непременно выведу васъ на турниръ и вы непременно будете отвѣчать мнѣ; я заставлю васъ отвѣчать и вашими же отвѣтами доведу васъ до молчанія. Вы уже предчувствуете, какая участь ожидаетъ васъ на турнирѣ; вы видите передъ собою

прахъ поверженнаго мною г. Косицы и начинаете дрожать за себя. Не бойтесь, съ вами я не поступлю такъ жестоко, какъ съ нимъ; васъ я не обращаю пока въ прахъ; но все-таки побѣду надъ вами отпраздную блистательно». Всѣ эти разговоры можно вести только съ призракомъ, а никакъ не съ «Русскимъ Словомъ», потому что настоящее, реальное «Русское Слово» говорить и молчить, когда ему угодно, не тревожится никакими предчувствіями, не дрожить даже передъ великимъ г. Антоновичемъ и не рассыпется въ прахъ даже отъ поразительныхъ каррикатуръ всеусыпляющаго «Будильника». Между тѣмъ, боль отъ *лукошка* усиливается и галлюцинація становится еще безсвязнѣе; г. Постороннему сатирику представляется, что г. Зайцевъ и г. Благосвѣтловъ превратились въ два *буттерброда*; это видѣніе, по всей вѣроятности, выражаетъ собою желаніе пациента съѣсть живьемъ г. Зайцева и г. Благосвѣтлова; однако г. Постороннему сатирику не суждено насладиться полнымъ блаженствомъ даже въ области горьчечныхъ видѣній; буттерброды мнутъ его зіяющую пасть; одинъ изъ буттербродовъ заключаетъ союзъ съ американскими плантаторами, другой обижаетъ г. Воронова; сердце г. Посторонняго сатирика изнываетъ за негровъ, изнываетъ за бѣдствующаго литератора, недописавшаго повѣсть «Тяжолые годы», изнываетъ за покойнаго А. Григорьева, обворованнаго г. Писаревымъ, изнываетъ за «одно лицо», обиженное призракомъ, изнываетъ за г. Антоновича, увѣнчаннаго «*лукошкомъ*», изнываетъ за Шопенгауэра, искаженнаго г. Зайцевымъ, — и не изнываетъ только за «Современникъ», который бесконечно позорится всѣми этими бессмысленными изнываніями. — Я до сихъ поръ говорилъ о подвигахъ г. Посторонняго сатирика шутивнымъ тономъ, потому что о нихъ, по настоящему, не стоитъ говорить серьезно; но такъ какъ г. Сатирикъ, по своему безграничному самолюбію, можетъ принять мой шутивный тонъ за неспособность опровергать его болтовню серьезными аргументами, то я дамъ ему небольшой образчикъ моего полемическаго искусства. Во-первыхъ, позвольте вамъ замѣтить, г. Посторонній Сатирикъ, что «Русское Слово» ни отъ чего не отлыниваетъ; тотъ отвѣтъ, котораго вы требовали отъ «Русскаго Слова» на счетъ «Нерѣшеннаго вопроса», былъ вамъ данъ въ октябрьской книжкѣ; этотъ отвѣтъ, совершенно ясный и опредѣлительный самъ по себѣ, былъ подкрѣпленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что «Русское Слово» продолжало печатать «Нерѣшенный вопросъ» до самаго конца,

не смотря на всѣ ваши восмицанія и не смотря на то, что вы, въ октябрьской книжкѣ «Современника», замѣтили совершенно неосновательную, будто «Нерѣшенный вопросъ» могъ быть напечатанъ съ большимъ удобствомъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» или въ «Эпохѣ». Неосновательность этого послѣдняго замѣчанія доказывается, какъ нельзя лучше, тѣмъ обстоятельствомъ, что «Отеч. Зап.» напечатали именно *противъ* «Нерѣшеннаго вопроса» статью г. Incongnito, а «Эпоха» напечатала также *противъ* «Нерѣшеннаго вопроса» двѣ статьи г. Николая Соловьева. («Теорія пользы и выгоды» и «Безплодная плодовитость»). Изъ этого факта вы можете вывести для себя одно изъ двухъ заключеній: или то, что вы не понимаете тенденціи тѣхъ журналовъ, о которыхъ беретесь разсуждать, или то, что вы желали оклеветать «Нерѣшенный вопросъ», отбрасывая его въ категорію тѣхъ статей, которыя могутъ быть напечатаны въ филпстерскихъ журналахъ.

И такъ, «Русское Слово» отвѣчало вамъ совершенно ясно и въ то же время очень умѣренно, что оно не видитъ никакой надобности отказываться отъ солидарности съ «Нерѣшеннымъ вопросомъ». Послѣ этого отвѣта, всякія предварительныя объясненія съ вашей стороны были бесполезны. Вы должны были прямо приступить къ разгромленію той статьи, которая вамъ не нравилась. Если же вы не приступали, то въ этомъ вы должны винить исключительно самого себя. Если вы медлили вслѣдствіе великодушнаго состраданія къ заблуждающимся грѣшникамъ, то я долженъ вамъ замѣтить, что ваше милосердіе было совершенно неумѣстно. Ваше долготерпѣніе никого не обратило на путь истины. Вы имѣете дѣло съ людьми неблагодарными, законсиѣлыми во грѣхъ и чрезвычайно недовѣрчивыми. Эти люди думали и думаютъ до сихъ поръ, что ваше великодушіе есть нечто иное, какъ замаскированная пустота. У васъ нѣтъ доводовъ противъ «Нерѣшеннаго вопроса», у васъ нѣтъ самостоятельнаго міросозерцанія, которое вы могли бы противопоставить нашимъ идеямъ, у васъ нѣтъ даже щедринской веселости, которая умѣла осмѣивать и оплевывать то, чего она не понимала, — у васъ нѣтъ ничего, кромѣ грошоваго самолюбія, а между тѣмъ, вы стоите на виду, вы — первый атлетъ «Современника», на вашихъ плечахъ лежитъ фирма журнала, за ваши добродюбовскія преданія, за ваши «полежитическія красоты», все это вы должны поддержать, каждая ваша ошибка будетъ замѣ-

чена и осмѣяна вашими многочисленными противниками, и все это вы сами понимаете вполне. И поневолѣ, по инстинктивному чувству самосохраненія, вы стараетесь отдалить ту неприятную минуту, когда ваше безсиліе обнаружится во всей своей наготѣ. Вы придираетесь къ мелочамъ, вы валите съ большой головы на здоровую, вы выдаетесь по сторонамъ, вы хватаетесь то за негровъ, то за г. Воронова, вы собираете сплетни, вы выдумываете небылицы и въ то же время вы притворяетесь неустрашимымъ бойцомъ и великодушнымъ героемъ. Но когда нибудь вся эта плоская комедія должна же кончиться. Положимъ, вы наполните еще пять-шесть книжекъ «Современника» *предварительными объясненіями*, — ну, а потомъ что будетъ? Съ «Нерѣшеннымъ вопросомъ» вы все-таки ничего не сдѣлаете; а между тѣмъ, у васъ не хватитъ честности и мужества на то, чтобы откровенно отказаться отъ «Асмодея нашего времени», какъ отъ грубой, но извинительной ошибки. Стараясь защитить проигранное дѣло, вы окончательно запутаетесь въ софизмахъ и заведете критику «Современника» въ тѣ дебри, въ которыхъ гнѣздится наше элистерство. Я васъ предостерегаю заранѣе, но вы, разумѣется, меня не послушаете и будете по прежнему сыпать цѣлыми лукошками самого неблагоприятнаго лганья, и наконецъ, такъ уроните вашъ журналъ, что васъ не выручатъ никакія добролюбовскія преданія. Во всякомъ случаѣ, вы видите теперь, что вамъ больше не зачѣмъ великодушничать и что всякія дальнѣйшія промедленія выставятъ васъ, въ глазахъ вашихъ читателей, въ самомъ жалкомъ и смѣшномъ видѣ. Поэтому или принимайтесь за «Нерѣшенный вопросъ», или признавайтесь на чистоту, что вы до сихъ поръ говорили о Базаровѣ пустяки, и что «Асмодей нашего времени» написанъ великимъ критикомъ по неопытности. Кстати объ «Асмодеѣ». Г. Посторонній сатирикъ совершенно напрасно проводитъ ту мысль, что отвѣтственность за эту статью лежитъ на томъ лицѣ, которое въ то время завѣдывало редакціею «Современника». Если бы въ статьѣ г. Антоновича заключались очевидныя нелѣпости или глупости, тогда, конечно, эта статья составляла бы пятно на совѣсти редактора, потому что добросовѣстный редакторъ долженъ читать все, что онъ помѣщаетъ въ своемъ журналѣ. Но для того, чтобы увидѣть несостоятельность «Асмодея», редакторъ долженъ былъ прочесть сначала — и прочесть очень внимательно, — самый романъ Тургенева. «Асмодей» былъ напечатанъ въ мартовской книжкѣ «Со-

временника», а романъ Тургенева въ февральской книжкѣ «Русскаго Вѣстника». Значить, антрактъ между напечатаніемъ романа и напечатаніемъ статьи былъ такъ невеликъ, что редакторъ, какъ человѣкъ заваленный работою, имѣлъ полное право не прочесть романа во время этого антракта. Редакторъ обязанъ читать все, что пишутъ его сотрудники для журнала, но онъ нисколько не обязанъ читать все, что читаютъ его сотрудники. Въ январьской книжкѣ «Русскаго Слова» помѣщена, напримѣръ, статья г. Щапова, биткомъ набитая ссылками на Лепехина, на Кастрена, на Палласа, на Миддендорфа и еще чортъ знаетъ на какіе мудреные источники и пособия. Неужели же редакторъ «Русскаго Слова» обязанъ провѣрять всѣ эти ссылки и перечитывать все, что прочиталъ г. Щаповъ? Ничуть не бывало. Отвѣтственность за основную мысль, за ея направленіе лежитъ на авторѣ *и на редакторѣ*. Но отвѣтственность за вѣрность сообщаемыхъ фактовъ лежитъ *исключительно на одномъ авторѣ*. Если бы кто нибудь доказалъ, что г. Щаповъ искажилъ слова лѣтописей или путешественниковъ, то одному г. Щапову и пришлось бы за это развѣдываться съ критикомъ. И если бы какой нибудь озорникъ поднесъ г. Щапову *лукошко*, то ни одна частица этого *лукошка* не досталась бы редактору «Рус. Слова.» — Печатаемая статья г. Антоновича, редакторъ «Современника» имѣлъ полное право довѣряться г. Антоновичу на столько, чтобы не заподозрѣвать его въ злонамѣренномъ искаженіи или въ неумышленномъ непониманіи разбираемыхъ фактовъ. Если оказывается теперь, что г. Антоновичъ обманулъ это довѣріе, то вся вина ложится цѣликомъ на одного г. Антоновича. Статья г. Посторонняго сатирика, помѣщенная въ январьской книжкѣ «Современника», даетъ мнѣ превосходный примѣръ для подтвержденія моей мысли. Въ этой статьѣ мы читаемъ слѣдующія изумительныя строки: «я утверждалъ и утверждаю, что взглядъ г. Писарева на Катерину, какъ свѣтлое явленіе русской жизни, несогласенъ съ взглядомъ А. Григорьева, который высказалъ свой взглядъ прежде г. Писарева; слѣдовательно, взглядъ этотъ принадлежитъ А. Григорьеву, а не г. Писареву. Ужели же это неправда, и есть только мое изобрѣтеніе?» (Стр. 159.) На оберткѣ январьской книжки написано: «редакторъ Н. Некрасовъ». Но я никакъ не рѣшусь утверждать, что ложное обвиненіе въ литературномъ воровствѣ возведено на меня по милости г. Некрасова. Г. Некрасовъ тутъ ни въ чемъ не виноватъ. Онъ не обязанъ помнить наизусть всѣ критическія статьи, напеча-

танныя въ русскихъ журналахъ. Онъ не обязанъ знать, что г. Нисаревъ никогда ни въ чемъ не сходился съ г. Григорьевымъ. Когда человѣкъ говоритъ: «я утверждалъ и утверждаю», тогда не одному честному человѣку въ голову не придетъ подумать, что это я утверждаю и утверждаетъ чистѣйшую ложь, неоснованную рѣшительно ни на чемъ. Помѣщая въ своемъ журналѣ клевету г. Посторонняго сатирика, г. Некрасовъ былъ навѣрное глубоко убѣжденъ въ томъ, что печатаетъ святую истину. А между тѣмъ, это — *клевета*, и г. Посторонній сатирикъ самъ долженъ будетъ признать себя *клеветникомъ*, если не представитъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, фактическихъ доказательствъ, то есть, если не уважетъ печатно на тотъ номеръ журнала, въ которомъ были изложены взгляды Григорьева, совпадающіе съ моими взглядами на Катерину. Но за статью «Денежное несчастье съ г. Благосвѣтловымъ» ответственность падаетъ на редактора, потому что тутъ дѣло не въ фактахъ, а въ тенденціи. Г. Некрасовъ долженъ былъ сообразить, что, печатая эту статью, онъ возстаетъ противъ принципа гласности, когда этотъ принципъ прилагается къ отношеніямъ литераторовъ между собою. Кто громитъ г. Лохвицкаго, тому возставать противъ гласности не приходится. — За тѣмъ прощайте, господа. *Dominus vobiscum!*

Д. Нисаревъ.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Исторія Юлія Цезаря. Соч. Наполеона III. Томъ первый. Спб. Изданіе Вольфа. 1865.—О современныхъ духовныхъ потребностяхъ мысли и жизни, особенно русской. Собраніе разныхъ статей А. Бухарева. М. 1865.—Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Мамзницкій. Е. Феохтистова. Спб. 1865.—Национальности италіянская и славянская въ политическомъ и литературномъ отношеніяхъ. Сочиненіе Владимира Ламанскаго. Спб. 1865. — Человѣкъ и развитіе его способностей или опытъ общественной физики. Сочиненіе А. Бетле. Томъ первый. Изданіе Бакста. Спб. 1865.—Д. Л. Мотлей. Исторія нидерландской революціи и основанія республики Соединенныхъ провинцій. Т. I, часть I. Изданіе Сумина. Спб. 1865. — Ф. Шлоссеръ. Житіяны французской революціи, Сталь и Роланъ. Изданіе Сумина. Спб. 1865.

Сочиненіе Наполеона III, тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ въ подлинникѣ, явилось почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ,—на нѣмецкомъ, англійскомъ, италіянскомъ, португальскомъ, датскомъ, шведскомъ, венгерскомъ, голландскомъ и польскомъ. Для каждаго русскаго патріота было бы истинною обидою, если бы русскій языкъ не раздѣлилъ эту честь со всѣми прочими европейскими языками. Отъ такого огорченія избавилъ насъ самоотверженный книгопродавецъ Вольфъ, который, одновременно съ прочими переводами «Исторіи Юлія Цезаря», воспроизвелъ это твореніе на русскомъ языкѣ. Тѣ, кто любопытствовалъ познакомиться съ произведеніемъ Наполеона III, надѣясь встрѣтить въ немъ нѣчто въ родѣ его profession de foi, не раскаются, прочитавъ I томъ этой книги, хотя сама по себѣ—не только какъ ученое, но даже какъ литера-

турное произведение,—она далеко ниже посредственности. Ученость этого сочиненія состоитъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, гдѣ изъясняется всякій классическій вздоръ, въ родѣ того, сколько кораблей имѣли въ такомъ-то году родоссы и сколько въ другомъ, — словомъ, подробности, совершенно неумѣстныя въ книгѣ, гдѣ вся исторія Рима до Цезаря рассказана на 250 страницахъ, напечатанныхъ монументальнымъ шрифтомъ. Нечего, конечно, и говорить о полнѣйшемъ неумѣнн разбирать историческіе вопросы, обращаться съ матеріаломъ и давать сколько нибудь ясное понятіе о положеніи общества въ данную эпоху, о событіяхъ и характерахъ. Что же касается до литературной стороны сочиненія, то трудно выдумать, что нибудь болѣе неуклюжее и нестройное, какъ рассказъ автора. Но особенно неприятное впечатлѣніе производитъ на читателя стараніе автора поддѣлаться подъ классическій стиль Саллюстія и Монтескьё. Этотъ поддѣланный классическій стиль производитъ такую же тошноту, какъ желе изъ телячьихъ ножекъ. Такіе недостатки дѣлають чтеніе «Исторіи Юлія Цезаря» занятіемъ далеко непривлекательнымъ и скучнымъ, не смотря на интересъ, возбуждаемый въ читателѣ политическими разсужденіями автора. На эти разсужденія нельзя не обратить вниманіе читателя.

Въ своемъ предисловіи, которое было напечатано во многихъ русскихъ журналахъ, авторъ прежде всего желаетъ, чтобы было принято за аксіому, что всякое великое событіе порождено великими причинами. Это ему нужно для того, чтобы потомъ, когда ему придется говорить о какомъ нибудь *coup d'état* или другомъ подобномъ событіи, — можно было бы сказать, что оно произведено великою причиною, т. е. великимъ человѣкомъ. Далѣе авторъ—весьма назидательно для французовъ,—разсуждаетъ о томъ, какое почтеніе должно питать къ великимъ людямъ. «Совершенно, молъ, противно здравому смыслу предполагать въ великихъ людяхъ обыкновенныя человѣческія страсти и помыслы.» И затѣмъ изъясняется такъ: «Отрицать превосходство (великихъ людей) было бы, впрочемъ, оскорбленіемъ для человѣчества, которое надобно было бы предположить способнымъ *предать себя, въ теченіи долгаго времени* и добровольно (?) *господству*, неоснованному ни на истинномъ величій, ни на неоспоримой пользѣ.» (стр. IV). Это однако ловко и справедливо сказано, и французы вполнѣ заслуживаютъ поучаться подобнымъ вещамъ.

Въ нашихъ газетахъ были пренаивныя разсужденія о томъ, что будто бы Наполеонъ III въ своей книгѣ оказывается постѣдователемъ Карлейля въ его поклоненіи героямъ. Разсужденія эти вну-

шены нашимъ газетнымъ публицистамъ тѣми словами Наполеона (въ предисловіи къ его книгѣ), гдѣ онъ прямо и безцеремонно требуетъ уваженія къ лицамъ, имѣющимъ сходство съ Юліемъ Цезаремъ. Слова эти очень замѣчательны. Въ предисловіи, безъ всякихъ церемоній, объясняется, что цѣль книги—доказать, «что Providence возводитъ такихъ людей, какъ Цезарь, Карлъ Великій, Наполеонъ (конечно первый) для того, чтобы проложить народамъ путь, по которому они должны слѣдовать, запечатлѣть ихъ гениемъ новую эру и въ нѣсколько годовъ завершить работу многихъ столѣтій.»—«Счастливы народы, восклицаетъ авторъ, которые разумѣютъ ихъ и слѣдуютъ за ними! Горе тѣмъ, которые не признаютъ ихъ и противятся имъ!» Последнее восклицаніе особенно вѣрно. Далѣе объясняется, что такіе народы слѣпы и преступны (и потому, конечно, заслуживаютъ строгихъ мѣръ), но что усилія ихъ тщетны, потому что Цезари и Наполеоны все-таки выходятъ побѣдителями.

Всѣ эти мысли, высказываемыя авторомъ конечно, очень замѣчательны, и я знаю, чтобы слѣдовало отвѣчать на нихъ французамъ. Но весьма забавно читать разсужденія о нихъ русскихъ публицистовъ, видящихъ въ нихъ какіе-то принципы, убѣжденія, выраженіе мнѣнія Карлейля, раздѣляемаго авторомъ «Юлія Цезаря».

Что же касается до самой книги, то въ ней также нѣтъ недостатка и въ курьезахъ. Укажу на нѣкоторые:

«..... Цезарь имѣлъ отвращеніе къ гражданскимъ войнамъ. Оставаясь постоянно вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ, онъ въ первые годы своего поприща, казалось, тщательно избѣгалъ всего, что могло создать между нимъ и его противниками ту неодолимую преграду, которая всегда раздѣляетъ, послѣ пролитія крови, дѣтей одной и той же отчизны. Онъ имѣлъ въ виду сберечь для своихъ высокихъ судебъ свое прошедшее чистымъ отъ всякаго насилія...» (стр. 303).

Ги!...

Далѣе (на стр. 267) краснорѣчиво описываются поступки Силлы: «Силла, говоритъ Наполеонъ III, не пренебрегалъ ничѣмъ для достиженія своей власти: ни порчею нравовъ въ войскѣ, ни разграбленіемъ городовъ, ни избіеніемъ своихъ противниковъ,—ничѣмъ не пренебрегалъ онъ, для удержанія своей власти за собою.» Послѣ этихъ словъ, очень странно слышать черезъ 6 страницъ (273—74) что Италия сама требовала одного властителя, желая порядка и спокойствія; что *достоинства и страстная демократія* всегда увѣрена, что все выгоды могутъ быть лучше представляемы

одною личностью и т. д. Какой же, во-первыхъ, порядокъ и какое спокойствіе, если властитель истребляетъ? А во-вторыхъ, какъ же можно говорить о желаніи Итали, когда только-что фактъ былъ объясненъ «средствами, которыми Силла не пренебрегалъ»? Что касается до меня, то я склоняюсь на сторону послѣдняго объясненія, тѣмъ болѣе, что выше (241) авторъ самъ говорить: «Въ государствѣ, гдѣ законныя (т. е. республиканскія) формы уважались въ теченіи 400 лѣтъ, слѣдовало или свято уважать ихъ, или имѣть въ своемъ распоряженіи армію.» Силлы, Цезари и Наполеоны (конечно, рѣчь идетъ о Наполеонѣ I) выбирали второе, и потому, говоря о нихъ, нечего ссылаться на желаніе народа и *довѣрчивой* демократіи.—Наконецъ, приведу еще одну цитату: «Необходимо, говорить одинъ изъ нашихъ первыхъ писателей, чтобы истина была чѣмъ-то божественнымъ, ибо заблужденіе честныхъ людей бываетъ такъ же пагубно для человѣчества, какъ порокъ, который составляетъ заблужденіе злыхъ.» (стр. 209).

Собственно говоря, эта цитата въ «Исторіи Юлія Цезаря» ни—къ селу, ни къ городу; но слова эти слишкомъ заманчивы, чтобы не процитировать ихъ. Будь Наполеонъ III помоложе, онъ, быть можетъ, написалъ бы по поводу ихъ цѣлую особую книгу; но теперь второго сочиненія отъ него нельзя ждать, и потому ихъ нужно было непременно вклеить въ «Исторію Юлія Цезаря». Дѣло въ томъ, что если эти слова справедливы, то что же можетъ быть лучше? «Истина должна быть чѣмъ-то божественнымъ», говоритъ авторитетъ Наполеона III. Но сама по себѣ истина и есть божественна въ томъ смыслѣ, что она вѣчна и свята. Таковы, напр. истинны, что $2 \times 2 = 4$, что палочные побои неприятны, что чловѣку нужно ѣсть и т. д. Истины эти вѣчны, потому что ихъ всегда знали и будутъ знать за истины; святы онѣ, потому что-противъ нихъ никогда никто не возстанетъ. Никакой другой санкціи этимъ истинамъ и не нужно; поэтому, когда рѣчь идетъ о необходимости дать истинамъ санкцію, то ясно, что здѣсь подразумѣваются истинны, въ родѣ той, въ доказательство которой написана книга о Цезарѣ. Поэтому въ словахъ, цитируемыхъ Наполеономъ III, представляется не только оправданіе современнаго политическаго положенія Франціи, но и всевозможныхъ политическихъ положеній, какія только можно себѣ представить.

Книга Наполеона, совершенно незамѣчательная въ научномъ отношеніи, имѣетъ для Франціи важный интересъ въ политическомъ отношеніи. Что же касается до другихъ націй, на языки которыхъ она переведена, то имъ интересенъ не самый вопросъ, а рѣшеніе

его Франціей.—Поэтому переводы «Исторіи Юлія Цезаря» не сто-
ятъ потраченной на нихъ бумаги.

Только-что я прочелъ произведеніе императора французовъ, какъ
мнѣ попалась книга, изданная въ Москвѣ подъ заглавіемъ: «О со-
временныхъ духовныхъ потребностяхъ мысли и жизни, особенно
русской. Собраніе разныхъ статей А. Бухарева». Вообразите себѣ,
читатель, мое изумленіе, когда среди безчисленныхъ славянско-цер-
ковныхъ цитатъ, которыми усѣяны страницы этой книги, я нашелъ
изрѣченія Наполеона III и, такимъ образомъ, увидѣлъ, что суще-
ствуютъ у насъ люди, чтущіе его на ряду съ Кирилломъ и Мефо-
діемъ и съ отцами церкви. Приведа слова Наполеона, г. Бухаревъ назы-
ваетъ ихъ «золотыми, неоцѣненными, правдою которыхъ этотъ ве-
ликій государственный умъ можетъ посвѣтить и русскому самосозна-
нію.» (стр. 177). Самосознаніе г. Бухарева, которому свѣтитъ Наполе-
онъ III, оказывается въ его книгѣ необыкновенно оригинальнымъ. Раз-
суждаетъ г. Бухаревъ о разныхъ современныхъ и несовременныхъ во-
просахъ,—о польскомъ вопросѣ, объ освобожденіи крестьянъ, объ от-
ношеніи духовныхъ вопросовъ къ свѣтскимъ, о русской журналистикѣ,
о романахъ «Отцы и Дѣти» и «Что дѣлать?» и рассуждаетъ такъ
забавно, что ничего подобнаго и не видано, и не слышано.
Такъ, напр. кому придетъ въ голову рѣшать вопросъ о свѣтской
власти папы—совѣтомъ папѣ обратиться въ православіе? Въ та-
комъ случаѣ, по мнѣнію г. Бухарева, никто не сталъ бы возста-
вать противъ свѣтской власти римскаго первосвященника, и сами
римляне были бы очень довольны этою властью. Или кому вой-
детъ въ голову написать статью подъ такимъ заглавіемъ: *Важ-
ный урокъ, подаваемый современной мыслительности юродствомъ?*
Г. Бухаревъ еще въ другой статьѣ (стр. 313) строго порицаетъ ли-
тературу за ея нападки на все, «что хотя сколько нибудь отзы-
валось бы юродствомъ». Въ статьѣ же подъ этимъ оригинальнымъ
заглавіемъ онъ говоритъ, что смѣяться надъ юродствующими—не-
прилично «разумности и образованности».—«Какъ же иначе по-
нимать, рассуждаетъ г. Бухаревъ, напримѣръ, то сужденіе о по-
койномъ Иванѣ Яковлевичѣ, по которому имя его поставляли обык-
новенно въ головѣ «дармоѣдовъ» юродивыхъ, тогда какъ люди
духовно-образованные и удостоенные благодати священства, не слу-
чайно и одновременно посѣтивъ покойнаго Корейшу, а въ продол-

женіи многихъ лѣтъ и многократно посѣщавшіе его, фактами свидѣтельствуютъ о благодати, дѣйствующей черезъ него, даже чудодѣйственно.» (Стр. 549). Далѣе повѣствуется, какъ самъ авторъ посѣщаль одного юродиваго и съ какой проникательностью комментировалъ не только славяно-церковныя изрѣченія этого «глубочайшаго старца», но и столь обыкновенныя и, для ума непросвѣщеннаго благодатью, даже профанскіе возгласы его, какъ, напр. обращеніе къ одной бабѣ съ словами: «Ничего, matka,—вывезешь! такимъ грубымъ голосомъ, какимъ нашъ мужикъ кричитъ иногда на лошадь». (Стр. 317).

Съ одной стороны, уваженіе автора къ юродству, а съ другой,—достоинства его книги (въ 630 страницъ!) заставляютъ предполагать, что вся книга есть просто подвигъ юродства и написана единственно съ этой цѣлью. Дѣйствительно, у насъ варварство исчезаетъ, а цивилизація идетъ впередъ далеко непараллельно и непропорціонально, чему служатъ доказательствомъ единовременный успѣхъ Бокля и «Московскихъ Вѣдомостей», сочиненій Помяловскаго и «Марева», общественное мнѣніе, достойное татарскихъ степей, распространеніе точныхъ наукъ и т. д. Поэтому, весьма естественно предполагать, что живучесть варварства и успѣхи цивилизаціи доведутъ дѣла наши до того, что юродствующие будутъ печатать свои юродства при помощи паровыхъ скоропечатныхъ машинъ и издавать ихъ съ приложеніемъ таблицъ и рисунковъ, гравированныхъ на мѣди.

Юродствующій г. Бухаревъ славно разсуждаетъ о наукахъ: «Политическая экономія, говоритъ онъ, въ нашемъ христіанскомъ мірѣ, скажемъ хоть примѣнительно, есть ничто иное, какъ раскрытіе или выясненіе, въ приложеніи къ новымъ условіямъ и жизненнымъ нуждамъ нашего міра, той самой владычественной надъ всѣмъ истины, которая въ древнемъ мірѣ,—и именно въ ветхозавѣтномъ Израилѣ, сообразно тогдашнимъ его условіямъ и нуждамъ,—развивала и утверждала политическій его бытъ.» (Стр. 292—93).

А то еще любитъ г. Бухаревъ поучать читателя въ формѣ діалоговъ. Особенно курьезны діалоги его по крестьянскому дѣлу—одинъ съ мужикомъ, а другой съ помѣщикомъ «въ порѣ зрѣлаго мужества.» (Стр. 284). Изъ этихъ діалоговъ второй—только и замѣчательнъ тѣмъ, что происходилъ съ господиномъ въ порѣ зрѣлаго мужества. Но первый—любопытенъ. Дѣло это происходитъ такъ:

Встрѣтившись съ мужикомъ, г. Бухаревъ приглашаетъ его радваться волѣ. На это мужикъ отвѣчаетъ отказомъ, объясняя г. Бу-

хареву, что «намъ, почитай, все равно, что прежде: такой же сброкъ. Ну, и господа, таперича, разя свой братъ? Все тѣ же господа. Мы чаяли, будетъ заправская воля.» (Стр. 276—77). Г. Бухаревъ не можетъ пропустить случая покородствовать. Онъ пускается толковать мужику, что съ освобожденіемъ онъ получилъ личную свободу, и объясняетъ ему все значеніе ея. Но мужикъ, сей грубый матеріалистъ, не внемлетъ и, безнадежно для г. Бухарева, повторяетъ: «Коли являть правду и милость, такъ уже настоящую, начистую». — Г. Бухаревъ приписываетъ упорство мужиковъ тому, что будто имъ представилось, что помѣщики владѣли ими незаконно, и онъ, къ изумленію читателя, начинаетъ доказывать, что владѣніе крестьянами было вполнѣ законное, хотя только-что самъ толковалъ о значеніи личной свободы человѣка и о томъ, что, при ерѣвостномъ правѣ, крестьяне были вещами, а не людьми. Увлечшись новой идеей, онъ уже не хочетъ и произносить слово: *помѣщикъ*, и во всемъ дальнѣйшемъ разговорѣ замѣняетъ его словомъ *благодѣтель*. Ну, развѣ это не юродство?

Но что уже окончательно сбиваетъ съ толку всякаго, кто лишень дара уразумѣвать рѣчи юродствующихъ,—это отзывъ г. Бухарева о романѣ «Отцы и дѣти» и «Что дѣлать?» особенно о послѣднемъ. Вообразите, читатель,—хвалить! Хвалить «Что дѣлать?»! Хотя еще до этого онъ выказалъ замѣчательное добродушіе, восхваливъ сподрядъ всѣ журналы, «Русское Слово», точно такъ же, какъ «Русскій Вѣстникъ» и «Современникъ», точно такъ же, какъ «Отечественныя Записки», но, тѣмъ не менѣе, такая выходка г. Бухарева рѣшительно выше всякаго ожиданія. Впрочемъ есть нѣкоторыя обстоятельства, за которыя г. Бухаревъ порицаетъ русскую литературу. Такъ, «Отечественныя Записки» онъ порицаетъ за то, что будто они выдумали геологію, а «Русское Слово» за скептицизмъ. Все это впрочемъ было бы очень курьезно и забавно, если бы было написано на 30 стр., вмѣсто 600; а то ужасно надоѣдаетъ, тѣмъ болѣе, что благодушное юродство г. Бухарева ничѣмъ въ сущности не отличается отъ злобнаго юродства «Домашней Бесѣды».

Нельзя, однако, не порадоваться, видя, что знаменитыя *idées napoléoniennes* проникаютъ въ скромныя обители московскихъ юродствующихъ. Такова сила этого генія!

Напечатанная въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статья г. Феокистова: «Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Магницкій» вышла теперь отдѣльной книгой. Въ этой книжкѣ много замѣчательнаго и поучительнаго, хотя совершенно невозможно согласиться съ г. Феокистовымъ во взглядѣ его на разбираемый имъ вопросъ. Впрочемъ г. Феокистовъ самъ скромно замѣчаетъ, что книжка его есть не болѣе, какъ довольно полное собраніе матеріаловъ для оцѣнки дѣятельности Магницкаго, и что составленіе настоящей біографіи его онъ предоставляетъ тѣмъ, которымъ удастся ознакомиться вполнѣ подробно съ похождениями этого человѣка; многія стороны жизни его остались неизвѣстны г. Феокистову, который только вскользь упоминаетъ о *проискахъ* Магницкаго у министра Голицына и объ отношеніяхъ его къ Аракчееву, говоря, что, касательно этого, ему почти ничего неизвѣстно.—И такъ, остается только официальная дѣятельность Магницкаго въ бытность его попечителемъ казанскаго учебнаго округа. Только этой эпохи и этой стороны его жизни касается г. Феокистовъ; поэтому, желая судить о дѣятельности Магницкаго по книжкѣ г. Феокистова, нужно устранить всѣ намеки на его личныя нравственныя качества, встрѣчающіеся въ «Матеріалахъ», и судить его только, какъ одного изъ дѣятелей нашего официального *просвѣщенія*.

Взглядъ г. Феокистова на Магницкаго крайне неблагоприятенъ послѣднему. На сколько взглядъ этотъ касается личныхъ свойствъ Магницкаго—спорить противъ г. Феокистова никто не будетъ; но нельзя сказать того же о воззрѣніи г. Феокистова на официальную дѣятельность этого человѣка. Авторъ «Матеріаловъ» желаетъ представить Магницкаго какимъ-то ненормальнымъ, уродливымъ явленіемъ въ исторіи русскаго просвѣщенія, какимъ-то злымъ духомъ, интригами проникшимъ въ такую сферу, гдѣ, составляя печальное исключеніе, онъ могъ распространять свой ядъ и портить доброе дѣло своимъ коварствомъ.

Такой приговоръ совершенно несправедливъ, и, не смотря на антипатію, которую возбуждаетъ Магницкій во всякомъ, не только порядочномъ, но теперь даже и въ безпорядочномъ человѣкѣ, приходится взять его подъ защиту противъ г. Феокистова. Г. Феокистовъ самъ даетъ средства и матеріалы для полного оправданія официальной дѣятельности Магницкаго. Магницкій началъ свое просвѣтительское поприще въ 1819 году. Въ это время лицамъ, занимавшимъ такія должности, какъ Магницкій, предлагались высшимъ начальствомъ инструкціи, о которыхъ можно судить

по образцамъ, представленнымъ самимъ г. Феоктистовымъ. Въ «Наставленіи для руководства ученаго комитета, учрежденнаго при Главномъ правленіи училищъ», цитируемомъ товарищемъ Магницкаго, Руничемъ, находились, между прочимъ, инструкціи такого рода:

«Комитетъ въ преподаваніи объ умозрительномъ законодательствѣ и феоріи о естественномъ правѣ обязанъ допускать тѣ токмо книги, кои не восписуютъ, (т. е., на человѣческомъ языкѣ, не приписываютъ) добродѣтелей и учреждений гражданскихъ *чуждому* инстинкту; что же до феоріи о естественномъ правѣ касается, — такія, которыя не основаны на ложномъ понятіи о нѣкоемъ первобытномъ состояніи человѣка. (стр. 11.)

Въ такомъ-то духѣ были составлены «Наставленія» и всякія другія инструкціи. — Магницкій ревностно и неутомимо заботился объ искорененіи изъ просвѣщенія всякихъ «феорій», противорѣчащихъ практической нравственности и «восписующихъ» и т. д. Г. Феоктистовъ приводитъ много примѣровъ преслѣдованія, которому подвергались съ его стороны «восписующія феоріи». Но хотя бы примѣры эти были несравненно многочисленнѣе и разительнѣе, то и тогда нельзя было бы обвинять Магницкаго за его поступки такъ строго, какъ обвиняетъ его г. Феоктистовъ. Я приведу примѣры нападокъ Магницкаго на «восписующія феоріи», чтобы показать, какъ несправедливъ авторъ «Матеріаловъ» въ своемъ обвиненіи Магницкаго.

Разбирая сочиненіе профессора Куницына: «Право естественное», другъ Магницкаго, Руничъ, котораго г. Феоктистовъ порицаетъ не менѣе самого Магницкаго, указываетъ на заключающіяся въ немъ положенія, «столь же отвратительныя, какъ и ядовитыя». Въ примѣрѣ такихъ положеній, Магницкій приводитъ, между прочимъ, слѣдующія: «абсолютныхъ истинъ, по которымъ можно бы было опредѣлять понятіе о добрѣ и злѣ, о дозволенномъ и недозволенномъ, — не существуетъ; соединеніе людей для достиженія общей цѣли не можетъ иначе произойти, какъ черезъ договоръ, и никто не имѣетъ права принуждать другихъ желать того, чего онъ желаетъ, и дѣйствовать для цѣлей, имъ назначенныхъ; основаніе родительской власти заключается только въ обязанности воспитывать дѣтей; родительская власть должна прекращаться съ окончаніемъ воспитанія дѣтей» и т. д. (См. стр. 13—15).

Далѣе, разбирая сочиненіе профессора Срезневскаго: «Разсужденія о разныхъ системахъ, сравненныхъ по ихъ началамъ», самъ Магницкій вооружается противъ положенія автора, что «дѣйствія наши

сами по себѣ ни добры, ни злы,» и что «нѣтъ другого различія между добродѣтелью и порокомъ, кромѣ того, которое полагаетъ принятый какимъ нибудь обществомъ образъ поведенія». (Стр. 42—44).

Наконецъ, разсматривая лекціи профессора Солнцева по естественному праву, Магницкій порицаетъ слѣдующія мнѣнія профессора:

«Всякій человѣкъ властенъ употреблять принужденія для приведенія въ дѣйствіе своего права противъ несправедливости, какъ препятствующей не только своей, но и внѣшней общей свободѣ, которая при несправедливости существовать не можетъ.

«Всякое общество основывается на договорѣ соединенія (растии unionis), ибо оно происходитъ отъ соединенія воли многихъ къ достиженію общей дѣли; но ни одинъ человѣкъ не имѣетъ права ограничивать поступки другихъ, въ разсужденіи чего-либо противъ ихъ воли, исключая тѣ случаи, когда будутъ нарушены права его.

«Права и обязанности супруговъ равны: въ свойствѣ супружескаго союза не можетъ находиться никакой причины, по которой бы одному изъ супруговъ прилично было надъ другимъ главное начальство.» (Стр. 80—81).

Порицаніе подобныхъ положеній со стороны Магницкаго и Рунича приводится г. Феоктистовымъ въ доказательство ихъ уродливаго обскурантизма и самаго мрачнаго сикофанства. Но для доказательства этого г. Феоктистову слѣдовало бы подобрать другіе примѣры; что же касается до приведенныхъ, то они доказываютъ, что Магницкій далеко не «нравственный феноменъ», т. е. уродъ, какъ называли его современники и какъ думаетъ г. Феоктистовъ, а наоборотъ, весьма просвѣщенный и благонамѣренный гражданинъ, принимая особенно въ соображеніе время, когда онъ жилъ. Доказать это нетрудно.

Магницкій порицаетъ теорію договора; за это его называютъ нравственнымъ уродомъ! Но позвольте же, г. Феоктистовъ, неужели вамъ неизвѣстно, что такое эта теорія? Неужели вы не читали Руссо? Для спасенія вашей благонамѣренности, считаю долгомъ думать, что вы не знаете и не читали.

Но я вижу, что у васъ еще остается лазейка. Вы можете сказать, что самыя права, о защитѣ которыхъ идетъ рѣчь, могутъ быть опредѣлены такъ удобно, что теорію договора все-таки можно будетъ — хоть съ грѣхомъ пополамъ, — нанялить на вашу собственную либеральную теорію; — что свобода и воля человѣ

ческія могутъ быть, при помощи извѣстныхъ всему свѣту софизмовъ, опредѣлены такъ удачно, что затѣмъ уже ничто не будетъ препятствовать вамъ принять положенія, порицаемыя Магницкимъ, и все-таки настоять на обскурантизмѣ. Но опять-таки, дальнѣйшія изъ приведенныхъ вами порицаемыхъ имъ положеній лишаютъ васъ этой лазейки, и вамъ, волей-неволей, придется сейчасъ оправдать Магницкаго и признать свою солидарность съ нимъ.

Я особенно не могу надивиться редакціи «Русскаго Вѣстника», напечатавшей въ своемъ журналѣ статью г. Феокистова. Редакція эта вотъ уже нѣсколько лѣтъ неутомимо преслѣдуетъ идеи, гораздо болѣе невинныя, чѣмъ тѣ, противъ которыхъ ратовалъ Магницкій. И потомъ вдругъ воздвигнуть гоненіе на человѣка, — благо бы еще за расхищеніе казенныхъ денегъ, — а то за то, что Магницкій не соединялъ въ себѣ съ добродѣтелями Катона, обольстительныхъ манеръ и изящныхъ пріемовъ русскаго публициста 60-хъ годовъ! Вотъ вопіющая несправедливость!

Я сейчасъ сказалъ, что Магницкій равнымъ образомъ порицается г. Феокистовымъ за преслѣдованіе идей, образцами которыхъ могутъ служить мнѣнія Куницина и Солнцева о правахъ отца и мужа. Явись подобныя мнѣнія, равно какъ и разобранныя выше, въ настоящее время, — нѣтъ сомнѣнія, что они подверглись бы строгимъ нареканіямъ. Неужели же «Русскій Вѣстникъ» и г. Феокистовъ выступили бы на защиту ихъ? Это было бы съ ихъ стороны совершеннымъ безуміемъ, потому что какъ «Русскій Вѣстникъ», такъ и сотрудники г. Феокистова по «Отечественнымъ Запискамъ» возставали противъ такихъ вещей, которыя ничто въ сравненіи съ мнѣніями нашихъ старыхъ казанскихъ профессоровъ. — Нѣтъ, господа, какъ хотите, вы должны видѣть въ Магницкомъ своего достойнаго предка, мужа ума прозорливаго и администратора, многихъ тостовъ достойнаго. Иначе, значитъ, вы сами не подмаете ни своихъ, ни враждебныхъ вамъ принциповъ, и болѣе обращаете вниманіе на вѣншее благолѣпіе, чѣмъ на внутреннее достоинство.

Что Магницкій не былъ феноменомъ, это, между прочимъ, видно изъ того, что другой дѣятель просвѣщенія, Руничъ, дѣйствовалъ совершенно въ томъ же духѣ, какъ и онъ. Слѣдовательно, Магницкій ужъ ни въ какомъ случаѣ не былъ единственнымъ исключеніемъ. Но что онъ не былъ вовсе исключеніемъ, это, помимо всего прочаго, видно даже изъ нѣкоторыхъ фактовъ, сообщаемыхъ г. Феокистовымъ. Г. Феокистовъ сообщаетъ, между прочимъ, дѣло, произволившееся Руничемъ, о возмутительномъ направленіи лекцій про-

фессоровъ Германа, Раупаха, Галича и Арсеньева. Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, было ли направленіе этихъ профессоровъ дѣйствительно возмутительно; мы уже имѣли случай убѣдиться, что Магницкій возставалъ вовсе не противъ какихъ нибудь благонамѣренностей, какъ думаетъ г. Феоктистовъ, и что его инвизиціонная дѣятельность была направлена именно противъ того, что должно было подлежать гоненію. Поэтому, очень можетъ быть, что и въ лекціяхъ названныхъ профессоровъ Руничъ нашелъ мнѣнія, подлежащія гоненію. Г. Феоктистовъ, представляя примѣры выражений, подвергшихся нареканію, выбиралъ, конечно, самыя невинныя. Но даже и здѣсь видно, что Руничъ, подобно Магницкому, вовсе не былъ такимъ бессмысленнымъ инвизиторомъ, какъ думаетъ г. Феоктистовъ.

Поведеніе Рунича въ дѣлѣ профессоровъ могло бы показаться крайне-возмутительнымъ какому нибудь англичанину или американцу, у которыхъ на этотъ счетъ развита крайняя деликатность и щепотливость. Но я рѣшительно протестую противъ тѣхъ безгнѣвныхъ ужимокъ, съ которыми относится къ этому дѣлу мой компанріотъ изъ «Русскаго Вѣстника».

Вотъ нѣсколько образчиковъ поведенія Рунича въ этомъ дѣлѣ въ его собственномъ разсказѣ:

«...Профес. Балугіанскій сдѣлалъ мнѣ вопросъ... который состоялъ именно въ томъ: что нужно было бы знать, какіе суть виды правительства и съ какимъ намѣреніемъ требуются отъ профессоровъ отвѣты? — Само собою разумѣется (видите ли, какая увѣренность въ своей правотѣ), что, вмѣсто отвѣта на сіе, я замѣтилъ неприличіе такого вопроса, приказавъ записать оный въ журналъ, и оставилъ сіе единственно по убѣжденію г. директора университета... и по увѣренію самого Балугіанскаго, что онъ не то хотѣлъ сказать, что сказалъ, и не умѣлъ выразить своихъ мыслей!...» — «Дерзкое покушеніе пр. Шармуа — отвергнуть законное право, которое я имѣлъ, было оцѣнено конференціей... Я ввелъ въ надлежція границы дерзостнаго чужеземца, и наибольшая часть членовъ университета осудила противозаконный поступокъ, который положено предать сужденію высшаго начальства.» — «Профессоръ Раупахъ, отвергая безусловно вопросы, основанные на его ученіи, забылъ, что собственноручными своими тетрадами обличенъ быть можетъ и что онъ скоро уничтожатъ неправильныя его отговорки и заpiresательства; а потому и заключилъ его въ простомъ отрицаніи, забывъ и то, что правительству ненужны критическія его

замѣчанія и ученое защищеніе своей системы, какъ частнаго лица; но что оно въ правѣ запретить всякому преподавателю распростра-неніе вредныхъ ученій, какъ скоро найдетъ таковыми оныя»... «Поступокъ экст. проф. Галича, изъясненный въ протоколѣ чрезвычайнаго засѣданія 4 числа и поразившій все собраніе, не подлежитъ суду человѣческому. Внутренность сердца одному Богу извѣстна. Наружность совершенно на сторонѣ его, и никто не рѣшится бросить въ него камень. Общее собраніе университета возложило на меня ходатайствовать у вашего сіятельства о сей блуждавшей овцѣ дома израилева, которую великій пастырь овецъ,—поколику слѣпотствующій умъ человѣческій судить можетъ,—кажется, подъялъ на рамена (должно быть, славно отличалась эта овца!). И я сладостнѣйшею поставляю себѣ обязанностью къ просьбѣ университета присовокупить и мою убѣдительнѣйшую просьбу объ оказаніи Галичу испрашиваемой ему милости. Время покажетъ чистоту и искренность его обращенія; съ радостью и готовностью берусь лично наблюдать за тѣмъ, и за величайшее счастье почту, если онъ докажетъ на опытѣ то, въ чемъ настоящее положеніе его подаетъ нѣкоторый поводъ сомнѣваться. Строгая осторожность будетъ руководствовать меня въ дальнѣйшемъ опредѣленіи рода ученыхъ его занятій по университету. Галичъ далъ мнѣ, сверхъ того, обѣщаніе въ непродолжительномъ времени изготовить изданную имъ «Исторію системъ философскихъ» съ опроверженіями; а въ предувѣдомленіи описать самое свое обращеніе, и тѣмъ торжественно запечатлѣть чистоту и истину онаго!»... «Проф. Балугіанскій, когда требовалось его мнѣніе о поступкѣ Шармуа, отрицаясь дать оное, присовокупилъ, что «присутствіе университета превращается въ инквизицію». Желая освободиться единожды навсегда отъ подобныхъ замѣчаній, я приказалъ было записать въ журналъ слова г. Балугіанскаго и отложилъ опять по убѣжденію только г. директора, а не потому, что г. Балугіанскій изъяснялъ латинское слово *inquisitio*—русскимъ: *ислѣдованіе*, ибо оно, безъ всякаго сомнѣнія, не въ семъ смыслѣ сказано и, по содержанію матеріи сказано быть не могло.» (Стр. 20—29).

Изъ этого видно, что непослѣдовательное и неблагоприятное отношеніе «Русскаго Вѣстника» и г. Феохтистова къ такимъ дѣятелямъ, какъ Магницкій и Руничъ, можетъ произвести большой соблазнъ.

Въ брошюркѣ своей объ итальянской и славянской національности г. В. Ламанскій разсуждаетъ о предметахъ до крайности праздныхъ. Такъ, напримѣръ, онъ недоволенъ, что русскіе знакомятъ-ся съ романскими народами при помощи нѣмецкихъ писателей. Ему хочется, чтобы русскіе, вмѣсто чтенія Грота, Моммзена и другихъ европейскихъ ученыхъ, занимались вполнѣ самостоятельно исторіей Греціи и Рима, а особенно самостоятельно изучали бы романскія національности, преимущественно итальянскую. Онъ полагаетъ, что такое изученіе было бы очень важно и полезно, и, въ примѣръ важности и пользы такихъ занятій, указываетъ на необходимость самостоятельнаго отношенія падающей Греціи къ Риму; вопросъ этотъ важенъ и рѣшеніе его полезно, видите ли, потому, что, рѣшивъ его, можно будетъ провести параллель между этими отношеніями и тѣми, которыя существуютъ между Европой и Россіей. Для изученія же Рима необходимо заняться изученіемъ современной итальянской національности по народнымъ пѣснямъ, такъ что для русскаго, въ настоящее время, не можетъ быть ничего лучшаго и болѣе полезнаго, какъ приняться за изученіе итальянскихъ народныхъ пѣсень. Самъ г. Ламанскій подаетъ примѣръ этого въ той же брошюркѣ. Онъ довольно обстоятельно разсуждаетъ о томъ, какъ изъясняются итальянскія пѣсни: о женской красотѣ, о крестинахъ, о любви и о разныхъ другихъ предметахъ. Верхъ торжества для него, если въ пѣснѣ упоминается о Неронѣ или если попадается выраженіе, сходное съ выраженіемъ римскихъ поэтовъ, но особенно съ выраженіемъ русскихъ пѣсень. Все это, конечно, весьма невинно, и никто не имѣетъ права мѣшать г. Ламанскому рыться въ сборникахъ итальянскихъ пѣсень.

Но этимъ г. Ламанскій не ограничиваетъ свои желанія. Ему мало, чтобы русскіе принялись за параллели между Римомъ и Россією,—и за изученіе итальянскихъ пѣсенокъ. Ему еще хочется, чтобы всѣ славянскіе народы заговорили по русски. Онъ полагаетъ, что эти народы дали тайное согласіе признать игемонію русскихъ, и потому должны обзавестись, если не говорить, то хоть писать по русски. Нельзя не замѣтить г. Ламанскому, что, съ его стороны, толковать объ этомъ еще бесполезнѣе, чѣмъ объ итальянскихъ пѣсенкахъ. Вѣдь какъ бы то ни было, но ни болгары, ни чехи, ни сербы, ни иные всякіе—брошюры его читать не стануть; а если какому нибудь славянину она и попадетъ на глаза, то вѣдь ему отъ этого пользы мало: ни онъ, ни соотечественники его не урезонятся. Охота же г. Ламанскому даромъ тратить порохъ своего краснорѣчія.

Притомъ, краснорѣчіе г. Ламанскаго нигуда не годится; требуя, чтобы славяне признали игомнію русскаго языка, онъ указываетъ имъ на примѣръ Франціи, гдѣ нарѣчіе Иль-де-Франса сдѣлалось господствующимъ. Но если бы я не имѣлъ несказаннаго благополучія быть русскимъ, то замѣтилъ бы г. Ламанскому, не вступая съ нимъ въ споръ о томъ, чѣмъ говорятъ малороссы, нарѣчіемъ или языкомъ, — замѣтилъ бы, что онъ самъ не понимаетъ, чего добивается, и что ему какъ нельзя удобнѣе сказать о себѣ:

Дики желанія мои!

Въ самомъ дѣлѣ, что можемъ доказывать господство, котораго достигло во Франціи нарѣчіе Иль-де-Франса? Я полагаю, что, даже въ самомъ благоприятномъ для г. Ламанскаго случаѣ, ничего болѣе, какъ только то, что со временемъ, лѣтъ этакъ черезъ 300, а можетъ и черезъ 500 (вообще одному Богу вѣдомо, черезъ сколько именно), русскій языкъ сдѣлается господствующимъ между славянскими. Можетъ ли это доказывать еще чтонибудь? Можетъ, а именно, что толковать объ этомъ совершенно праздно и бесполезно, потому что и нарѣчіе Иль-де-Франса, если и получило преобладаніе, то не потому, чтобы иль-де-францы хлопотали объ этомъ; имъ и въ голову этого никогда не приходило. Вообще это вещь, нигдѣ невиданная и неслышанная, чтобы хлопотали о такомъ предметѣ. Правда, бывало, что завоеватели навязывали побѣжденнымъ свой языкъ, но только какъ официальный. Такъ было, напр. въ Англіи; однако, правда и то, что даже эта цѣль нигдѣ не достигалась, и навязанный языкъ мало по малу вытѣснялся. Завоеваніе доставляло языку завоевателей полное торжество только въ тѣхъ случаяхъ, когда они совершенно наводняли собою завоеванную страну, какъ франки Галлію, и гдѣ господство ихъ продолжалось притомъ очень долго. Что же касается до попытки уговорить или, какъ бы то ни было, убѣдить нѣсколько народовъ принять какойнибудь языкъ, какъ бы онъ не былъ прекрасенъ и какими бы выгодами не сопровождалось это принятіе, то надо удивляться, какъ могутъ залазить въ голову столь богатыхъ идеи.

Это заставляетъ жалѣть, что столь скабрзные помыслы отвлекаютъ г. Ламанскаго отъ его плодотворныхъ занятій итальянскими писателями.

Въ послѣднее время мы опять получили нѣсколько прекрасныхъ иностранныхъ сочиненій въ русскомъ переводѣ. Прежде всего упо-

мяну объ известномъ сочиненіи Кетлэ: «Человѣкъ и развитіе его способностей или опытъ общественной физики». Чрезвычайно важное, хотя впрочемъ единственное достоинство этой книги заключается въ установленномъ ею методѣ. Ею было положено основаніе всей статистикѣ, какъ наукѣ, и затѣмъ окончательно упроченъ тотъ методъ, который въ послѣднее время создалъ Бокля. Поэтому, первыя страницы ея очень интересны, и истины, заключающіяся въ нихъ никогда не состарѣются.

«Что касается физической стороны человѣка, то охотно допускаютъ, что развитіе ея зависитъ отъ дѣйствія природы и подчинено такимъ законамъ, которые, въ известныхъ случаяхъ, могутъ быть опредѣлены въ цифрахъ,—говоритъ Кетлэ въ началѣ своего сочиненія;—но не допускаютъ того же самаго, когда дѣло идетъ о нравственной сторонѣ или о тѣхъ способностяхъ, дѣятельность которыхъ нуждается въ участіи воли; многіе считаютъ даже желѣнностью отыскивать законы тамъ, гдѣ существуетъ вліяніе такой капризной и аномальной причины».

Уже Кетлэ видѣлъ весьма многіе изъ выводовъ, вытекающихъ изъ основаннаго имъ метода и принятыхъ началъ. Онъ говоритъ очень прямо и какъ нельзя лучше объ одномъ изъ практически важнѣйшихъ выводовъ:

«То, что мы говоримъ о смертности человѣка, можетъ быть распространено и на его способности, физическія и нравственныя... Во всемъ, что касается преступленій, числа повторяются съ такимъ постоянствомъ, что этого нельзя не замѣтить, и даже въ такихъ преступленіяхъ, которыя, кажется, менѣе всего подлежатъ предусмотрительности человѣка, каковы убійства, такъ какъ они вообще случаются вслѣдствіе ссоръ, рождающихся непреднамеренно и при обстоятельствахъ, повидимому, самыхъ случайныхъ. Но опытъ доказываетъ, что не только убійства ежегодно совершаются почти въ одномъ и томъ же числѣ, но что и орудія, которыми они совершаются, употреблены въ однихъ и тѣхъ же пропорціяхъ. *Что же говорить посылъ этого о преднамеренныхъ преступленіяхъ?*... Общество заключаетъ въ себѣ зародыши всѣхъ имѣющихся совершиться преступленій, потому что въ немъ заключаются условія, способствующія ихъ развитію. Оно, такъ сказать, подготавливаетъ преступленіе, а преступникъ есть только орудіе. Всякое социальное состояніе предполагаетъ, слѣдовательно, известное число и известный порядокъ преступленій, которыя являются, какъ необходимое слѣдствіе его организаціи». (Стр. 5—7).

Но положеніе Кетлэ годъ отъ году получаетъ все болѣе и болѣе силы; недавно А. Вагнеръ доставилъ ему новое торжество при помощи статистики самоубійствъ.

«Исторія нидерландской революціи» Дж. Лотрона Мотлея, первая часть которой только-что вышла, считается въ Европѣ лучшимъ сочиненіемъ по этому предмету и принадлежитъ къ числу классическихъ историческихъ трудовъ, какъ «Исторія XVIII столѣтія» Шлюссера или «Исторія папъ» Ранке. Для тѣхъ, кто уважаетъ объективный методъ въ исторіи, сочиненіе это покажется вполне безуровненнымъ, потому что авторъ судитъ лица и событія съ современной имъ точки зрѣнія, и, вдобавокъ, сочиненіе читается, какъ романъ. Но слишкомъ много можно сказать противъ самаго метода. Можно утверждать, что объективность въ историческихъ сочиненіяхъ лишаетъ ихъ всякаго серьезнаго значенія. Разсказъ, написанный съ объективной точки зрѣнія объ интересныхъ событіяхъ, можетъ быть, конечно, очень занимателенъ. Но трудно сказать, чѣмъ отличается занимательность такого рода отъ той, которую представляютъ романы и повѣсти, хорошо, т. е. занимательно написанные. Я не вижу никакой разницы между, напр. «Исторіей Филиппа II» Прескотта и романами Вальтеръ Скота, и многими другими. Что изъ того, что въ первой нѣтъ ни одного слова, неподтвержденнаго актами, хрониками и компетентными авторами; а во вторыхъ, многое или даже все принадлежитъ фантазій сочинителя? Вѣдь какъ то, такъ и другое относится собственно къ области искусства и на никакія житейскія цѣли непригодно. Для читателя можетъ быть равно интересно описаніе, какъ вымышленнаго сраженія, напр., или приѣма, такъ и самаго достовернаго и подтвержденнаго всѣми источниками. Вѣдь все равно, подробности какого нибудь аустерлицкаго сраженія, какъ бы онѣ ни были вѣрны, никакого серьезнаго значенія имѣть не могутъ. Какая польза мнѣ знать, что храбрый генералъ какой-то ходилъ на батарею именно два раза и ввзялъ именно 6 пушекъ? Какими мыслями я обогащаюсь, какіе результаты извлеку, если достоверно узнаю, что честь побѣды при Сенъ-Кантенѣ принадлежитъ именно Эгмонтю? Не все ли равно мнѣ, если бы я полагалъ, что честь эта принадлежитъ какому нибудь герою романа, одаренному всѣми талантами и совершающему подвиги, чтобы покорить сердце героини? Знаніе или

незнаніе такихъ фактовъ рѣшительно ни къ чему не ведетъ, и въ этомъ отношеніи историческое сочиненіе, написанное объективно, можетъ что нибудь значить только, какъ собраніе матеріаловъ, тщательно пробѣренныхъ и искусно выбранныхъ, которыми можетъ удачно воспользоваться историкъ, занятый болѣе важными мыслями.

Обыкновенно въ историческихъ сочиненіяхъ, относящихся къ предмету объективно, существуетъ даже вредная сторона. Занимательностью разсказа онѣ привлекаютъ массу читателей, для которыхъ болѣе серьезныя сочиненія мало доступны и которые очень рады имѣть чтеніе поучительное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, легкое. Когда передъ такими читателями сочинители начинаютъ судить историческія событія и характеры съ точки зрѣнія современной этимъ событіямъ эпохи, то въ головахъ читающей публики должно все перевернуться вверхъ дномъ.

Извѣстно, какъ самымъ блистательнымъ образомъ доказали Карлейль и Канфигъ, что нѣтъ такого безобразія, которое нельзя было бы оправдать и даже возвеличить съ объективной точки зрѣнія. Для этого существуетъ особая теорія, краснорѣчиво и обстоятельно изложенная у многихъ историковъ, — о справедливомъ судѣ исторіи, о томъ, что нельзя судить людей, жившихъ за 1,000 и болѣе лѣтъ, съ нашей точки зрѣнія и т. д. Но «справедливый судъ исторіи» и все прочее, обыкновенно произносимое по этому поводу, — не болѣе, какъ громкія фразы.

Во-первыхъ, судить мертвыхъ, какъ живыхъ, съ единственной цѣлью оправдать или осудить ихъ, было привычно развѣ египтянамъ, а нивагъ не европейцамъ XIX вѣка. Таковой судъ никому рѣшительно ненуженъ; а тѣмъ болѣе нечего заботиться о его справедливости. Какому нибудь Эдмонту темеръ совершенно все равно что объ немъ говорятъ: изъ него и лопухъ-то давно пересталъ расти. Поэтому, когда объективный историкъ заботится о такой справедливости и залѣзаетъ на современную описываемымъ событіямъ точку зрѣнія такъ удачно, что съ успѣхомъ оправдываетъ все, что для его собственныхъ современниковъ должно служить предметомъ отвращенія, — онъ этимъ производитъ только путаницу въ понятіяхъ читателей, не доставляя никому пользы.

Г. Писаревъ, въ одной изъ своихъ статей, говорилъ о нежеланности историковъ, которые проводятъ всю жизнь, занимаясь какъ-будто чѣмъ-то серьезнымъ и важнымъ, отмѣчиваніемъ балловъ за поведеніе разныхъ историческихъ лицъ. Это вполне вѣрно относительно объективныхъ историковъ, для которыхъ кажется чѣмъ-то

необходимо важнымъ поставить данной личности именно тотъ Бокль, какой она заслужила. Такое занятіе дѣйствительно праздное; но необходимо замѣтить, что замѣчаніе г. Писарева можетъ распространяться только именно на то, что носитъ величавыя названія «справедливаго суда исторіи» и «объективности въ исторіографіи». Очень жаль, что у многихъ развились, отъ увлеченія Боклемъ, охота распространять его на всякій историческій трудъ, разсматривающій событія съ иной точки зрѣнія, чѣмъ Бокль. Нѣтъ сомнѣнія, что переворотъ, произведенный въ исторіографіи Боклемъ, громаденъ, и что его точка зрѣнія есть единственно плодотворная и вѣрная при занятіи исторіей, какъ наукой. Но было бы очень печально, если бы значеніе Бокля, хотя на время, заслонило значеніе прежней исторіографіи. Весьма ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что послѣ Бокля всѣ прежніе историки совершенно лишились своего значенія. Объективная историческая школа, конечно, не имѣетъ темеръ никакого значенія, но нельзя сказать того же о тѣхъ историкахъ, которые пользуются историческимъ матеріаломъ такъ, какъ, напримѣръ, Макиавелли и Шлоссеръ. У такихъ писателей исторія теряетъ свой научный характеръ, но за то пріобрѣтаетъ важное общественное значеніе. Изъ богини она дѣлается слугою, но въ повседневной жизни слуги полезнѣе боговъ. Правда, изъ Шлоссера читатель не вынесетъ такого богатства идей и знанія, сколько изъ Бокля, но за то никогда не впадетъ въ въ филистерство. Такіе историки приносятъ громадную пользу, заставляя науку сходить съ пьедестала и служить ежедневнымъ нуждамъ людей. Для этого они пользуются ею не для изысканія вѣчныхъ истинъ и законовъ, а для того, чтобы примѣрами научать людей избѣгать вреднаго и злого, выбирать и находить лучшее и хорошее, цѣнить доброе, презирать и преслѣдовать дурное. Конечно, политическая жизнь народовъ не можетъ быть подведена ни подъ какія правила: для нея нельзя писать руководствъ и по параграфамъ учить людей поступать такъ или иначе, въ томъ или другомъ случаѣ. Прошло то время, когда считали возможнымъ писать учебники политической мудрости и мечтали о наукѣ политики. Но сужденіе умаго и благороднаго человѣка, чуждаго всякой тѣни филистерства и потому неупускающаго ни на минуту изъ виду современные интересы,—сужденіе такого лица о давнопрошедшихъ событіяхъ и прежнихъ дѣятеляхъ не можетъ остаться безплоднымъ. Конечно, для этого онъ не долженъ заботиться о достоянствѣ богини исторіи и о справедливости историческаго суда;

для него должно быть совершенно въ сущности индифферентно—честенъ ли, или низко, быть такой-то человекъ. Мысль его должна быть, главнымъ образомъ, обращена на то, чтобы известнымъ образомъ настроить образъ мыслей своихъ слушателей или читателей, чтобы возбуждать ихъ негодование противъ пророковъ живущихъ а не мертвыхъ, и въ оцѣнкѣ полезныхъ дѣятелей поставять передъ ними прекрасные идеалы, вмѣсто того, чтобы только раздавать похвальные аттестаты покойникамъ. Всякому должно быть понятно, какъ важенъ можетъ быть разборъ политическихъ учреждений, переворотовъ и всѣхъ прочихъ явленій общественной жизни, если разборъ этотъ сдѣланъ не съ точки зрѣнія той, быть можетъ, давно прошедшей эпохи, а съ современной.

Конечно, могутъ сказать, что такой взглядъ развѣнчиваетъ науку, лишая ее самостоятельной цѣли. Но дѣло въ томъ, что только то хорошо, что ведетъ къ полезнымъ результатамъ. На основаніи этого, историографія не только не теряетъ своего достоинства, но, напротивъ, возвышается, когда дѣлается непосредственно полезна. Само собою разумѣется, что такой исторической рассказъ носитъ непремѣнно на каждой страницѣ прямой отпечатокъ личныхъ взглядовъ автора. Эта субъективность, когда личныя воззрѣнія автора узки, умъ ограниченъ, характеръ мелоченъ, дѣлаетъ многія историческія сочиненія совершенно нелѣпыми, крайне-вредными и безобразными. Примѣромъ такого рода произведеній могутъ служить сочиненія Маколея, о которыхъ я когда нибудь поговорю подробно. Для англичанина консервативно-либеральнаго образа мыслей, какъ большинство англійской публики, сочиненія Маколея могутъ казаться неосцѣненными. Но для человека, неспособнаго увлекаться интересами англійскихъ либеральныхъ консерваторовъ и даже понимать ихъ,—трудно представить себѣ что нибудь нелѣпѣе сочиненій этого писателя.

Примѣровъ такого безобразія художественныя историческія сочиненія, разсматривающія свой предметъ объективно, не представляютъ. Но это потому, что они—ни рыба, ни мясо, что отъ нихъ ни вреда, ни проку быть не можетъ и что роль ихъ ограничивается только тѣмъ, чтобы служить приятнымъ чтеніемъ на сонъ грядущій.

Небольшая брошюра Шюссера: «Женщины французской революціи» заключаетъ въ себѣ характеристику Сталь и Роланъ, и есть какъ бы дополненіе къ «Исторіи XVIII столѣтія» этого автора.

Шлоссеръ говоритъ, что, представляя эту характеристику, онъ имѣлъ въ виду показать, что когда нація оживаетъ и вступаетъ въ великій политическій и общественный переворотъ, то это счастливое событіе обнаруживается, между прочимъ, въ томъ, что вліяніе, которымъ пользуются въ обществѣ женщины, совершенно преобразовывается и значеніе переходитъ отъ куртизанокъ и салонныхъ болтушекъ къ серьезнымъ женщинамъ. Такимъ образомъ, степень значенія, которымъ пользуются женщины, и родъ вліянія, которое онѣ производятъ на общество, могутъ служить для опредѣленія силы прогрессивнаго движенія этого общества. Такъ, напр., никто теперь не станетъ заботиться, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, чтобы мы не ушли ужъ слишкомъ впередъ. Когда мы видимъ, что большинство литературы съ ожесточеніемъ и рвеніемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, преслѣдуетъ женщинъ за стриженные волосы и всякіе другіе признаки серьезности, которые могутъ быть достойны порицанія только потому, что не идутъ дальше вѣшности, то никому, конечно, не придетъ въ голову опасаться за излишнюю поспѣшность нашу на пути прогресса.

Что касается собственно до характеристики Роланъ, то все, что писали о ней въ новѣйшее время французы, отличается крайней односторонностью, и взглядъ на нее Шлоссера несравненно безпристрастнѣе. Конечно, ей никто не можетъ отказать въ личныхъ достоинствахъ, но дѣятельность ея неспособна возбуждать особеннаго сочувствія. Дѣло, которому она служила, было самое неблагоприятное, и для Франціи было бы великимъ несчастьемъ, если бы она не погибла такъ естаті. Прекрасную характеристику ея мы находимъ въ брошюрѣ Шлоссера, въ цитируемыхъ имъ словахъ одной тогдашней французской газеты, написанныхъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ ея смерти. Вотъ эти слова:

«Роланъ, прекрасный умъ, полный великихъ плановъ, философъ въ записочкахъ, королева на часъ, окруженная продажными писателями, которыхъ кормила ужинами и любезностями, которымъ раздавала деньги и титулы, была чудовище во всѣхъ отношеніяхъ. Ея презрѣніе къ народу и къ избраннымъ имъ судьямъ, гордое упорство въ отвѣтахъ, ея постоянная веселость, твердость, которую она выказывала на пути изъ суда на площадь революціи, гдѣ ее должны были казнить, — все это показывало, что у нея не поднималось ни одного болѣзненнаго воспоминанія. Имѣя дочь, она пожертвовала долгомъ и чувствомъ матери, чтобы возвыситься; а желаніе быть ученою заставило ее забыть добродѣтели ея пола; эта забывчивость, всегда опасная, довела ее до смерти отъ руки палача.» (стр. 123—241).

Брошюра Шлоссера очень красиво издана и очень дешева: 30 копѣекъ за 124 странички.

На дняхъ вышло въ русскомъ переводѣ П. А. Бибикова знаменитое сочиненіе Биша: «Исслѣдованія о жизни и смерти». Одновременно съ нимъ явилось сочиненіе В. Сэвори о томъ же вопросѣ, подѣ заглавіемъ: «Жизнь и смерть». Но объ этихъ книгахъ, такъ же какъ и объ «Эстетическихъ отношеніяхъ къ дѣйствительности», Рус. Слово будетъ говорить въ слѣдующихъ книжкахъ.

В. Зайцевъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

Открытие сессіи законодательнаго собранія во Франціи.—Рѣчь маркиза де-Буасси, бонапартиста и леитимиста, изумившая даже сенаторовъ.—Разрѣшеніе католическаго вопроса и. Руланомъ.—Логика и. де-Буасси и его товарища и. Рулана.—Скандалъ, произведенный отступничествомъ и. Эмиля Оливье.—Что такое серединная партія или либеральный бонапартизмъ?—Современное положеніе оппозиціи передъ правительствомъ.—Рѣчь и. Тьера и противника его Тюилле.—Рѣчи и. Пикара и Ж. Фавра, смутившіе законодательное собраніе.—Предложеніе генерала Флери усмирить оппозицію.—Отставка министра внутреннихъ дѣлъ, и. Буда.—Преемникъ его Лавалетъ, братъ герцога Морни.—Критическое положеніе императора Максимиліана въ Мексикѣ.—Послѣднія извѣстія съ театра сѣверо-американской войны.—Политика Анліи въ отношеніи Соединенныхъ Штатовъ и Канады.—Смерть Ричарда Кобдена и критическая оцѣнка его Люи-Бланомъ.

Компанія адреса открылась рѣчью маркиза де-Буасси, самаго почетнѣшаго изъ сенаторовъ, соединившаго въ себѣ трехъ великихъ людей нашего вѣка — католика Лабра, несравненнаго Гранъ-Гильона и неподражаемаго Монталамбера. Рѣчь маркиза де-Буасси составляетъ событіе настоящей сессіи французскаго законодательнаго корпуса, и потому мы приведемъ главнѣйшія мѣста ея, коснувшись только слегка рѣчей оппозиціи, положительно вялыхъ и скучныхъ въ этомъ году. Мы оставляемъ, конечно, за собой право, въ слу-

чаѣ нужды, прибавить нѣсколько объясненій къ официальному résumé. Вотъ начало этой пресловутой рѣчи:

«Я начинаю такъ, говорилъ г. де-Буасси: да будетъ трижды и четырежды благословенъ тотъ, мудрость котораго предохранила насъ отъ новой июльской революціи, давшей намъ тотъ урокъ, что у принцевъ, близкихъ къ трону, честолюбіе играетъ главную роль.» Послѣ такой великой истины, г. Буасси распространился о назначеніи принца Наполеона въ число членовъ частнаго императорскаго совѣта. Мы поговоримъ объ этомъ событіи нѣсколько ниже, по поводу герцога Морни.—Какъ видите, ораторъ сразу попадаетъ на весьма деликатный пунктъ. Оттого вступленіе его было вовсе не по вкусу сенаторамъ, питающимъ къ принцу какую-то темную ненависть. Раздались восклицанія, протесты и крики: довольно! Буасси же, въ свою очередь, напомнилъ сенату, что генералъ Бужо былъ также водовозной лошаdkю палаты депутатовъ, пока не имѣлъ несчастія убить одного изъ своихъ оскорбителей.

«Вступивъ на тронъ и обративъ на себя удивленіе цѣлаго свѣта, императоръ, управляющій вами, обѣщалъ въ точныхъ выраженіяхъ дать намъ конституціонное правленіе.

— *Баронъ де-Гекеренъ*: Долге ждать его придется.

— *Буасси*: Что касается до меня, то я полагаю, что императоръ не замедлитъ исполнить свое обѣщаніе. Ему извѣстно, что правительства всегда бываютъ прочнѣе, если они опираются на свободныхъ гражданъ, а не на рабовъ.

— *Одинъ голосъ*: Однакожъ, конституціонное правленіе опрокинуло много династій!

— *Буасси*: Всего одну.

— *Другой голосъ*: Двѣ.

— *Третій голосъ*: Три.

— *Буасси*: Миѣ не трудно будетъ доказать вамъ справедливость того, что я сказалъ. Я человѣкъ серьезный и, къ сожалѣнію, старый. Вотъ цифры: какъ вы думаете, сколько перемѣнили мы правительствъ въ теченіи сенидесяти пяти лѣтъ? Четырнадцать... Ни менѣе, ни болѣе, и все съ разными ярлыками... Четырнадцать правительствъ въ продолженіи трехъ четвертей вѣка! Если мы обратимъ вниманіе на продолжительность этихъ правительствъ, то увидимъ, что изъ нихъ одно только прожило 33 года, а остальные всѣ вмѣстѣ всего 44 года, что даетъ среднимъ числомъ на каждое по 4 года.

Правительство, прожившее 33 года, лучше тѣхъ, которыя жили среднимъ числомъ только по 4 года. Впрочемъ конституціонное правленіе — я не скажу, что оно хорошо, потому что нѣтъ ни одного безусловно хорошаго правленія, — во всякомъ случаѣ, лучше, чѣмъ всѣ остальные (*рпомтъ*). Прибавлю, что императоръ желаетъ этого правленія. Императоръ — и замѣтите, мил. гос., что когда я хвалю, то уже никакъ не изъ лести, я вовсе не льстець, но хвалю потому, что таково мое убѣжденіе, — и такъ, говорю я, императоръ — исключительный государь, посланникъ провидѣнія. Онъ изъ ряду вонъ, говорю я, потому что вообще правители, подобные ему, мало церемонятся съ нравственностью. Я считаю трехъ высоко нравственными людьми: во-первыхъ, императора (*о-о!*), за тѣмъ папу (*о-о!*) и наконецъ еще одного, котораго не назову, для того, чтобы дать возможность каждому изъ васъ, согласно съ своимъ убѣжденіемъ, сказать, кто этотъ третій. Когда императоръ даетъ обѣщаніе, онъ не измѣняетъ ему. Онъ сказалъ, что возстановитъ парламентское правленіе, онъ и возстановитъ его.

— *Президентъ*: Императоръ никогда не говорилъ этого.

— *Буасси*: Извините, говорилъ.

— *Президентъ*: Нѣтъ, императоръ никогда не говорилъ этого.

— *Буасси*: Императоръ сказалъ, что конституція доступна усовершенствованію. Усовершенствованіе же, котораго слѣдуетъ достигнуть въ правленіи, — это пріобрѣсть правленіе наименѣе несовершенное, которое и есть парламентское правленіе. Декретомъ 24 ноября, императоръ сдѣлалъ первый шагъ къ парламентскому правленію. Безъ сомнѣнія, это правленіе имѣетъ противниковъ: бояться свободной трибуны...

— *Генераль маркизь де-Лавестинъ*: Трибуна свободна.

— *Буасси*: Да! свободна, какъ и пресса свободна, но есть свобода хуже самаго рабства! (*Шумъ*). — Свободная трибуна — это глаза и уши правительства. Безъ нея оно ничего не знаетъ, ничего не слышитъ, — это идолъ, у котораго глаза, чтобъ ничего не видѣть, уши, чтобъ ничего не слышать. Безъ свободной трибуны императоръ получаетъ свѣдѣнія отъ министровъ, а министры получаютъ свѣдѣнія отъ тѣхъ только лицъ, которыхъ весь интересъ — обмануть ихъ. Спросилъ бы я у г. министра внутреннихъ дѣлъ: хороши ли у насъ префекты? и я убѣжденъ, что еслибъ онъ захотѣлъ быть искреннимъ, навѣрно отвѣтилъ бы, что они плохи...

— Г. де-Мекъ (Meutque) бывший президент деп. Жиронды: Нѣтъ!

— Буасси: Конечно, есть презенты, какъ напр. тѣ, которые принадлежатъ къ членамъ этого собранія, честные презенты; но повoglio, что большинство изъ нихъ плохи. Спросите страну:—она отвѣтитъ вамъ; всмотритесь въ выборы:—они отвѣтятъ вамъ! Императору извѣстно, что истина никогда не опровергивала троны, что она представляетъ единственно-вѣрный путь—знать общественное мнѣніе страны. Но когда имъ пренебрегаютъ, оно дѣлается опаснымъ для правительства, подобно тому, какъ стѣсненный паръ угрожаетъ паровику. Я имперіалистъ, я бонапартистъ, я бонапартистъ-легитимистъ. И замѣйте, я преданный бонапартистъ, смысленный легитимистъ; преданный, потому что если бы нужно было мнѣ броситься въ огонь для того, чтобъ спасти Наполеона III, я бросился бы; бонапартистъ-легитимистъ потому я, что желаю императора, за нимъ его сына и его законныхъ наследниковъ въ прямой линіи. Я легитимистъ для императора, для династіи бонапартовъ, такой же, какимъ былъ при всѣхъ другихъ династіяхъ, изъ которыхъ каждой я былъ вѣренъ до послѣдняго дня. (*Крики: это было нетрудно!*)

— Генералъ маркизъ де-Лавестинъ: Точно вы единственный въ своемъ родѣ!

— Буасси: Я знаю, что не единственный; но знаю также, что такихъ найдется очень мало. И потому продолжаю: вотъ почему императоръ такой честный человекъ, хотя на его мѣстѣ это нелегко (*хохотъ*); онъ возвыситъ свободную трибуну, на которой и утвердится его династія и проживетъ многіе вѣка!.. Наполеонъ I сдѣлалъ важную ошибку, сказавъ, что народы и государи — непримиримые враги. Это было справедливо до 89-го года; а послѣ великихъ принциповъ въ 89 г., о которыхъ часто говорятъ, забывая ихъ, — эти непримиримые враги могутъ быть друзьями. Какъ много давалось обѣщаній и какъ мало изъ нихъ исполнялось! Сколько отнятыхъ правъ, какъ напр. свобода прессы!.. Но напередъ скажу, что императоръ, котораго я благословляю въ каждую секунду дня и ночи, когда, разумѣется, не сплю,—возстановитъ всякія права (*хохотъ*)!.. Да-съ, предсказаніе мое исполнится и удивленіе мое нисколько не преувеличено... Я говорю, что Наполеонъ III будетъ имѣть въ исторіи болѣе прекраеную страницу, чѣмъ Наполеонъ I. Онъ будетъ

болѣ великъ свободой, чѣмъ Наполеонъ I деспотизмомъ, приведшимъ насъ въ Москву, изъ которой мы не возвратились.

«Императору принадлежитъ блистательный, высочій фактъ: онъ зналъ, что въ Парижѣ живетъ изгнанный принцъ за нарушеніе законовъ страны; и что же? Онъ не арестовалъ его, но пригласилъ возвратиться въ Англію. Вотъ что сдѣлалъ императоръ, вотъ что подсказала ему его великая душа, и конечно, для его исторіи—это блистательная страница!»

(Замѣтимъ, что маркизъ де-Буасси извращаетъ факты. Со времени переворота 2-го декабря ни одинъ изъ орлеанскихъ принцевъ не былъ въ Парижѣ. Правда, что сюда пріѣзжалъ графъ Шамборъ и не былъ арестованъ. Да къ чему же бы это и послужило?)

На этомъ мѣстѣ рѣчи, ораторъ прочелъ подлинныя слова, въ которыхъ императоръ объявляетъ, что правительству его особенно вредитъ отсутствіе гласности и контроля, что такое отсутствіе гласности благоприятствуетъ клеветѣ; что, нѣтъ сомнѣнія, всѣ его намѣренія почтенны, но и онъ можетъ ошибаться.

«Императоръ можетъ ошибаться, продолжалъ г. де-Буасси. Онъ самъ же сказалъ это. Императоръ—человѣкъ, великій человѣкъ, это правда; воинъ, полдигикъ, писатель. Онъ возвратилъ славу Цезарю: исторія этого послѣдняго написана Наполеономъ III, и надо признаться, что авторъ выше своего героя. Но онъ все-таки можетъ ошибаться.

«И конституція наша также ошибается. Она была превосходной въ началѣ, а теперь сдѣлалась хуже и сдѣлается еще плоше. Во-первыхъ, она имѣетъ тотъ недостатокъ, что министры не могутъ говорить, для чего они такъ, а не иначе дѣлаютъ. Имъ предоставляютъ полную свободу дѣйствовать, но отказываютъ въ возможности объяснять свое поведеніе.

«Министерской отвѣтственности не существуетъ. Недавній фактъ доказалъ, что значить уединеніе министровъ. Я спросилъ бы у г. Руэ, контрастигировалъ ли бы онъ социалистскій докладъ г. Дюрюи, въ счастію, отвергнутый на другой же день официальнымъ объявленіемъ?

«Благоразумнымъ людямъ не дозволяется говорить, что государь долженъ быть отвѣтственъ во всемъ, что дѣлаетъ его правительство. Императоръ—исключительный геній, но и онъ не въ состояніи за все отвѣчать.

— *Президентъ*: Вы нападаете на одну изъ основныхъ принциповъ нашей конституціи. Отвѣтственность императора и неотвѣтственность министровъ составляютъ одну изъ существенныхъ основъ настоящаго правленія. Вы, кажется, приняли на себя трудъ подкапывать основы конституціи, расточая похвалы ей творцу.

— *Буасси*: Вынужденный и, вопреки моему желанію, я оставляю этотъ вопросъ. Перехожу къ другому, болѣе важному. Я нахожу, что императоръ не знаетъ, до какой степени драгоценны его дни для Европы. Онъ слишкомъ мужественъ. Онъ слишкомъ много подвергаетъ себя опасности. Мнѣ чрезвычайно прискорбно, что у насъ нѣтъ министра полиціи. Это обязанность, которой недостаетъ. Съ Мадзини, напр., человѣкомъ, способнымъ на всякое злодѣяніе, мы ничего не умѣемъ сдѣлать. Въ Греціи, маленькой странѣ, которую мы поддерживаемъ нашими деньгами и которая намъ отвѣчаетъ за то неблагодарностью; въ Италіи, отечествѣ Мадзини, — тамъ оцѣняютъ головы бѣдныхъ мелкихъ разбойниковъ. Въ Англіи, въ этой образцовой и филантропической странѣ, опредѣляютъ цѣну головы Нана-Саиба. Между тѣмъ, не находится ни одного правительства въ Европѣ, которое выдало бы Мадзини. Однакожъ, ses gens là покупаются! У Мадзини есть сообщники, такіе же какъ и онъ злодѣи, которые, нѣтъ сомнѣнія, предали бы его за деньги. Прекрасно! пусть же полиція позаботится, чтобъ ей выдали Мадзини.

«Правительства и во главѣ ихъ англійское, давая убѣжище Мадзини, становятся его соучастниками. Они берутъ на себя отвѣтственность за его преступленія. Можно было говорить: Ты спишь, Брутъ. Но нельзя сказать: Ты спишь, Мадзини! Не знаю, почему-то у меня есть предчувствіе. Нашлась же одна восхитительная героиня, молодая дѣвушка, сгоравшая любовью къ отчизнѣ, Шарлота Кордэ, всплывшая кинжалъ въ грудь одного злодѣя. Мадзини точно также думаетъ о такой женщинѣ, которая вооружилась бы кинжаломъ убійцы, чтобъ поразить императора.—Я ничего не скажу болѣе (*шумъ*).

— *Президентъ*: Г. де-Буасси, занимайтесь нѣсколько менѣе жизнью императора и нѣсколько болѣе проектомъ адреса.

— *Буасси*: Дайте мнѣ говорить. Это впервые случается, чтобъ у сенатора отнимали слово за то, что онъ выразилъ желаніе, чтобъ дни его государя были ограждены отъ удара убійцы. (*Довольно! Довольно!*).

— *Президентъ*: Г. де-Буасся, вы занимаете насъ печальными предсказаніями, возбуждающими отвращеніе во всѣхъ умахъ.

— *Буасси*: Я говорю только правду. Хотите, чтобъ я лгалъ? Извольте, для меня это также легко, только я заранѣе скажу вамъ: я лгу.

«Перехожу поэтому къ другому предмету. Я совершенно согласенъ съ конвенціей 15 сентября и похвалю договорившихся. Только я полагаю, что такая мудрая, такая искусная конвенція никогда не будетъ исполнена. Необходимо знать, что существуютъ двѣ Италіи: одна—умная, благородная и разсудительная; другая — Италія Мадзини, состоящая изъ злодѣевъ, безпрестанно кричащихъ: Римъ или смерть! Почему мадзинисты такъ дорожатъ вступленіемъ въ Римъ? Потому что видятъ въ этомъ фактѣ самоубійство, отцеубійство и т. п. Дѣло Пія IX—чисто династическое. Доказать это можно тѣмъ, что когда кажущіеся враги религіи стрѣляютъ въ папу, они попадаютъ рикошетомъ и въ императора.. Папство сорокъ восемь разъ уже выходило изъ Рима; оно войдетъ въ него въ сорокъ девятый разъ, если его выгонять. Но старая пословица говоритъ: «Поѣшь папы—лопнешь.» Папа необыкновенный государь. Гдѣ онъ, тамъ и его царство. За нимъ всюду послѣдуетъ лепта св. Петра.

«Императору хорошо извѣстно, что Франція предана бонапартамъ, предана до мозга костей, но ему извѣстно также, что она еще болѣе предана католицизму. Ему извѣстно, что когда глава его династіи сдѣлалъ изъ Рима французскій городъ, онъ запятналъ себя большой ошибкой, потому что въ тотъ же день, когда папа возвращался въ Римъ, Наполеонъ I покидалъ Францію.—Однимъ словомъ, по моему, самое лучшее въ конвенціи 15 сентября это именно то, что она неисполнима.»

Обратившись затѣмъ къ палогамъ, ораторъ замѣтилъ, что во Франціи всѣ платятъ и за все платятъ: за воздухъ, которымъ дышать, за воду, которую пьютъ, за солнечный свѣтъ, на которомъ грѣются. «Я не осмѣливаюсь даже сказать о всемъ, что оплачивается. Существуетъ презрѣнный промыселъ — избави боже, чтобъ я нападалъ на него, онъ необходимъ, есть промыселъ публичныхъ женщинъ; что же! взимаютъ и съ него подать. Болѣе того: пожелай бѣднякъ имѣть друга,—заплати и за него, заплати за собаку. Да, мы за все платимъ...

«Что касается прессы, то она вполне заслуживаетъ тѣхъ горькихъ

упрековъ, которые сдѣлаю ей напекое окружное посланіе. Журналы печатають все запрещенное и все истинное отвергають.

«Въ этомъ можно было удостовѣриться еще недавно, по поводу одного изданія (*Les Propos de Labienus*), въ которомъ если не прославляютъ положительнымъ образомъ Брута, то почти прямо говорятъ, что самымъ прекраснымъ фактомъ въ эпохѣ Цезаря былъ ударъ кинжаломъ Брута. Вотъ пресса, которую ободряють. Я жаль бы, чтобъ рядомъ съ этой ядовитой прессой существовала другая, въ качествѣ противодія.

«Скажу и о Мексикѣ, и вотъ мое сентиментальное пожеланіе: пусть американская война не оканчивается, пусть она продолжается навсегда, до совершеннаго истребленія враждующихъ. Если же, по несчастью, она будетъ имѣть конецъ, то наша армія сдѣлается плѣнницей (*живые протесты съ разныхъ сторонъ*).

— *Баронъ Гекеренъ*: Невозможно говорить такія вещи въ такомъ собраніи, какъ сенатъ.

— *Буасси*: Какъ! на вашихъ плечахъ очутится армія въ пятьсотъ шестьсотъ тысячъ негодяевъ! (*Шумъ*).

— *Президентъ*: Ваши предположенія оскорбительны для нашихъ солдатъ (а не для Сѣверо-американскихъ Штатовъ).

— *Буасси*: Тѣмъ не менѣе, справедливо, что наша армія погибаетъ.

— *Президентъ*: Довольно!

— *Буасси*: Пусть будетъ такъ! Но я еще ни разу не произносилъ имени Гарибальди. Этотъ человекъ не стоитъ, дѣйствительно, быть названнымъ. И однакожъ онъ перейдетъ въ потомство, не за его победы, потому что дважды ему случалось сталкиваться съ серьезнымъ непріателемъ, и безъ внимательства англичанъ и швейцарцевъ онъ былъ бы захваченъ своими противниками.

«Повторяю: онъ перейдетъ въ потомство не за свои победы, но потому что его имя связано съ другимъ именемъ — Мадзини, привязаннымъ къ позорному столбу исторіи. Онъ перейдетъ въ потомство, потому что былъ принятъ въ Англии, какъ врагъ Франціи; потому что встрѣтилъ тамъ почести, подобающія коронованнымъ лицамъ, потому что былъ тамъ обласканъ, превознесенъ. И кѣмъ же? Самой высокой аристократіей.

«Они вели себя, какъ истые англичане, глубоко-пронизанные ненавистью къ Франціи. Но воздадимъ имъ ненавистью за ненависть;

это Римъ и Карфагенъ. Я не прошу войны съ Англіей потому только, что мнѣ ея не дадутъ, но если бы мнѣ дали ее, то я сталъ бы воевать, хоть бы пришлось мнѣ самому участвовать въ ней въ качествѣ барабанщика.»

Рѣчь маркиза де-Буасси, наполненная всевозможными нелѣпостями, была выслушана въ законодательномъ собраніи серьезно. Что же надо думать о самомъ собраніи, гдѣ слушаютъ подобныхъ ораторовъ? Но отдадимъ справедливость вежливости и наивности этого стараго сплетника, который, говоря нелѣпости, въ то же время громко говорилъ о томъ, о чемъ всѣ думали втихомолку; онъ вложилъ налецъ въ раны второй имперіи и, повернувъ его въ этихъ ранахъ, заставилъ больного издать громкіе крики. Де-Буасси затронулъ самыя чувствительныя стороны въ отношеніяхъ младшей отрасли къ старшей отрасли наполеонидовъ; онъ указалъ на громадную опасность, предстоящую династіи по смерти ея настоящаго главы; онъ не умолчалъ и о томъ, что слуги имперіи и въ частности префекты, — люди крайне ненадежны для поддержанія стараго порядка; рискъ, которому подвергается императоръ — самый нравственный изъ государей, послѣ папы, — де-Буасси связалъ съ итальянскою Юдеею; и о всемъ этомъ онъ говорилъ такъ развязно и откровенно, что сенаторы только пожимали плечами и проглатывали подносимыя имъ горькія пилюли. Пламенный бонапартистъ, какашъ онъ самъ заявилъ себя, онъ клалъ руку на сердце и говорилъ такія вещи, за которыя простой журналистъ оппозиціи былъ бы брошенъ въ тюрьму. Эту рѣчь нельзя разбирать, на нее нельзя ни сердиться, ни возражать, но въ этой смѣси глупостей, пошлостей и здраваго смысла есть кое-что такое, чѣмъ могутъ воспользоваться друзья второй имперіи.

Но не думайте, чтобы между правительственными людьми Франціи одинъ маркизъ де-Буасси обладалъ такой логикой, какую мы видѣли въ его рѣчи. Нѣтъ, ему нисколько не уступить здѣсь прокуроръ, экс-министръ просвѣщенія, а теперь главноуправляющій французскимъ банкомъ, г. Руланъ. Это тотъ самый милый господинъ, который отдалъ образованіе Франціи въ руки іезуитовъ и своимъ знаменитымъ проэктомъ положилъ основаніе новой системѣ народнаго просвѣщенія, которое такъ успѣшно развивается въ продолженіи послѣднихъ десяти лѣтъ. Совѣтую всякому, желающему поучиться,

какъ лучше обезсмыслить и безъ того некрѣпкую на голову націю, -- прочитавъ этотъ проектъ.

Г. Руланъ является, повидимому, противникомъ, а на самомъ дѣлѣ горячимъ защитникомъ католицизма; онъ доказываетъ, что ультрамонтанизмъ, одинъ изъ самыхъ значительныхъ фактовъ XIX вѣка. Въ своей рѣчи онъ набросалъ картину вассалства, которое св. престолъ простираетъ отъ вѣры къ догмату, отъ догмата къ нравственности, отъ нравственности къ мірскимъ вещамъ, — системы, которой служатъ религіозные ордена, возрастающіе силой и богатствомъ; системы, дающей полутора милліонамъ французскихъ дѣтей воспитаніе, какое могутъ дать ингорантины и ингорантинки. Эта партія располагаетъ обширной прессой, дѣятельной и вліятельной; французская администрація болѣе послушно повинуется ей, чѣмъ префектамъ и министрамъ; ей служитъ цѣлая армія святошъ и ханжей. Она не только не боится свѣтской власти, но и деспотически господствуетъ надъ установленной духовной властью. Посредствомъ системы шпіонства, искусно организованныхъ доносовъ, лицемѣрныхъ происковъ, она разоряетъ нравственно и матеріально священниковъ, угнетая и унижая ихъ; она приноситъ въ жертву бѣлое духовенство монашескимъ конгрегациямъ. Къ чему стремится эта партія, враждебная свѣтской власти, враждебная самой духовной власти, въ томъ видѣ, какъ она теперь организована? Папа, покорнымъ слугою котораго она такъ громко объявляетъ себя, въ сущности не болѣе, какъ контръ-революціонное орудіе деспотизма въ ея рукахъ. Эта партія, восклицаетъ г. Руланъ, отважно подвигается впередъ на пути своихъ успѣховъ, преслѣдуя своихъ враговъ и уничтожая самую религію...

Папская энциклика была отвѣтомъ ея на конвенцію 15 сентября. Эта конвенція, застала врасплохъ и глубоко раздражила папское правительство. Римъ захотѣлъ отплатить правительству императора такимъ же волненіемъ и безпокойствомъ: папа издалъ свой политико-религіозный манифестъ и поднялъ на ноги все французское духовенство. Его *Syllabus* *) ничто иное, какъ объявленіе войны со стороны той тайной власти, которая руководитъ всѣмъ подъ именемъ папства.

---

*) Перечень, реестръ всѣхъ политическихъ, научныхъ общественныхъ истинъ и положеній, признаваемыхъ папою враждебными духу христіанской церкви.

Старый министр испускает тревожный вопль. Он не останавливается на заявлении зла, но и требует крайняго средства. «Я хочу разрѣшенія, говорить онъ. Необходимо, чтобы дурныя доктрины исчезли предъ законами страны, и если законы слабы—необходимо, чтобъ правительство подумало о томъ».

Прекрасно; но какое можетъ быть разрѣшеніе такого страшнаго затрудненія? Г. Руланъ совершенно откровенно посвящаетъ насъ въ придуманное имъ разрѣшеніе, но оно... оно такъ напынно,—употребляя въ этомъ случаѣ парламентскій языкъ,—что намъ невольно приходится въ голову вопросъ: такъ ли думаетъ его пр—ство, какъ говорить?

Объявивъ, что претензіи, доктрины и проекты ультрамонтановъ дѣлаютъ невозможнымъ какое-либо соглашеніе съ ними, г. Руланъ прибавляетъ съ тѣмъ искуснымъ видомъ, который принимаютъ всегда люди, говорящіе отъ имени правительства,—что прогрессъ возможенъ исключительно посредствомъ союза государства съ церковью. Здѣсь мы рѣшительно отказываемся понять что нибудь. Какимъ образомъ у г. Рулана выходятъ такъ, что католическая церковь представляетъ въ настоящее время обширный организованный заговоръ противъ новѣйшаго общества вообще и спеціально противъ государства, а затѣмъ тотъ же Руланъ доказываетъ, что необходимо дать этому заговору новыя доказательства довѣрія? Когда вы были прокуроромъ, г. Руланъ, и громкогласно требовали кары закона на главу несчастнаго, котораго приводили предъ васъ жандармы, заключали ли вы когда нибудь ваше требованіе такимъ приговоромъ: эта супруга нарушила всѣ свои обязанности; она обманула своего мужа; она пыталась отравить его. Вслѣдствіе сего, требуемъ ея возстановленія въ домъ мужа, требуемъ, чтобъ она раздѣляла съ нимъ по прежнему трапезу и ложе, и чтобъ помянутый мужъ давалъ ей на издержки болѣе, чѣмъ прежде.—Для министра имперіи 2 декабря это уже черезчуръ великодушно!

Въ самомъ дѣлѣ, если бы въ этомъ жизненномъ вопросѣ, правительство его величества Людовика Бонапарта не могло найти другаго рѣшенія, то было бы ясно, что релігіозный кризисъ самъ по себѣ достаточно силенъ, чтобы разрушить это правительство. Покажь, что ультрамонтанизмъ составляетъ самую эссенцію новѣйшей церкви и что поэтому ультрамонтанская церковь, признаваемая и оплачиваемая государствомъ, представляетъ очевидное противорѣчіе,

г. Руланъ въ то же время требуетъ союза этой церкви съ государствомъ; съ такой логикой, можно претендовать только на званіе церковнаго старосты въ самомъ невзыскательномъ приходѣ. Сказавъ, что галликанизмъ скончался и погребенъ, ораторъ взываетъ къ поддержкѣ этого же самаго умершаго, легендарнаго галликанизма противъ цвѣтущаго здоровьёмъ ультрамонтанства; это значить, что имперія сама не знаетъ, какому святому поручить себя.

Но курьезнѣ всего то, какъ прозорливый г. Руланъ мотивировалъ свое разсужденіе. Онъ не желаетъ, говорить онъ, свободной церкви въ свободномъ государствѣ, потому что этотъ принципъ отвергаетъ евангельское откровеніе, превозноситъ человѣческій разумъ и клонится къ тому, чтобъ положить конецъ свѣтской власти папы. Онъ не хочетъ этого, заключаетъ г. Руланъ, потому что это революціонная система....

Наконецъ-то вырвалось у него словечко, разоблачающее предъ нами тайну той непослѣдовательности, которая уже такъ много надѣлала огорченій старому ренегату.

Странно, что революція, какъ думаетъ г. Руланъ, въ состояніи разрушить церковь. Вѣруя въ церковь такъ, какъ вѣруетъ г. Руланъ, не странно ли, что во имя правительства онъ клянется поддерживать и развивать «бессмертные принципы 1789 г.!» Если поддерживать и развивать принципы 1789 г., то не странно ли отречься отъ французской революціи и считать ее врагомъ католической церкви? Однимъ словомъ, трудно понять, чего хочетъ г. Руланъ; мнѣ кажется, что онъ самъ этого не знаетъ, и произнесъ свою рѣчь только потому, что надо же словоизвергать что нибудь въ такомъ почтенномъ собраніи, какъ законодательное...

Послѣ долгихъ ожиданій, заставлявшихъ сѣтовать и палату депутатовъ, и публику любопытныхъ, французское правительство рѣшилось наконецъ открыть пренія по адресу, которыми долженъ былъ руководить герцогъ Морни. Но Морни умеръ, и правительство чувствуетъ, что ему недостаетъ еще одного ловкаго кормчаго, особенно въ такое время, когда надо обходить множество подводныхъ камней.

Палата депутатов дебютировала утверждением избранія г. Бравэ, господина, нажившаго нѣсколько милліоновъ въ Египтѣ откупомъ налоговъ и переплавкой монеты; а во Франціи, какъ агента конфедератовъ-рабовладѣльцевъ и какъ арендатора домовъ проституціи. Тѣ же скандалы, которые уже два раза помѣшали избранію его въ палату, повторились и въ третій разъ, но палата, щекотливость которой въ point d'honneur истощилась, утвердила избраніе, объявивъ г. Бравэ чистымъ и безупречнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему же домамъ терпимости также не имѣть своего представителя въ законодательномъ корпусѣ?

Избраніе Бравэ было только маленькимъ скандаломъ, который немедленно былъ отодвинутъ на задній планъ «великой измѣной маленькаго Оливье.»

Г. Эмиль Оливье, подобно гг. Руэ и Барошу, принадлежитъ къ тѣмъ высѣдкамъ, которые, вмѣстѣ съ другими хорошими вещами, выкинула на свѣтъ божій республика 1848 г. Отецъ Эмиля былъ ветеранъ революціонной арміи и подвергался большимъ преслѣдованіямъ; его братъ былъ убитъ на дуэли однимъ легитимистомъ. Эти семейныя несчастія предрасположили общественное мнѣніе въ пользу младшаго Оливье, одареннаго впрочемъ большимъ умомъ, но употребленнымъ на мелкія дѣла. Республика усыновила его и послѣдовательно сдѣлала изъ него комиссара съ чрезвычайнымъ полномочіемъ въ Марсели, префекта и наконецъ депутата оппозиціи, представителя отъ Парижа. Женитба подвинула его довольно далеко; онъ женился на дочери графини д'Агу и пианиста Листа, женщины замѣчательной по своей красотѣ, разнообразнымъ талантамъ, которая могла бы быть его добрымъ геніемъ, еслибъ прожила долѣе, и которая, навѣрное, не допустила бы его обезчестить себя, какъ это только что съ нимъ случилось. Давно уже г. Эмиль Оливье сдѣлался подозрителенъ въ разныхъ демократическихъ кружкахъ, но эти подозрѣнія были безсильны предъ популярностью, которую доставляли ему блестящіе его рѣчи. Всѣ замѣчали очень хорошо нѣкоторую кокетливость г. Оливье съ герцогомъ Морни и извѣстные эффекты оболъщенія, которыми Морни дѣйствовалъ на г. Оливье; стали даже толковать по поводу назначенія Дюрюи о министерствѣ Морни-Оливье Дюрюи-Геру, составлявшее beau idéal императорской, социалистской, либеральной и революціонной демократіи. Но дальше этого добрыя парижане ничего не знали, и когда къ концу семи лѣтъ дѣятельности, въ ка-

честь оратора оппозиции, г. Оливье был предложенъ всеми такъ называемыми демократическими журналами снова къ переизбранію, онъ былъ избранъ громаднымъ большинствомъ голосовъ.

Смерть г. Билло, экс-ворюха оппозиции времени Люи-Филиппа раззадорила стремленіе г. Оливье приобрести вліятельное и прибыльное положеніе правительственнаго оратора. Благодаря президенту законодательнаго корпуса, цѣль его честолюбивыхъ исканій придвигалась къ нему день ото дня. Смерть Морни заставила его поторопиться переходомъ—онъ колебался нѣсколько дней, спрашивая себя: примкнуть ли категорически къ правительству, или же превзойти своихъ старыхъ товарищей по оппозиціи какой нибудь отчаянно-бурной рѣчью? Логика обстоятельствъ восторжествовала надъ нимъ; въ одной весьма холодной и изученной рѣчи онъ отдалъ себя подъ покровительство тѣна герцога Морни и объявилъ, что примыкаетъ «со всею искренностью» къ императорскому правительству и отрывается отъ несчастной оппозиціи.

Этотъ поступокъ произвелъ большой говоръ во Франціи. Во-первыхъ, самый скандалъ былъ великъ. Даже сами члены большинства не считали особенно лестнымъ для себя видѣть однимъ дезертеромъ больше въ своихъ рядахъ. Этотъ перебежчикъ, говорили они, вопилъ цѣною своей чести положеніе и вліяніе, принадлежащія по вѣщъ правамъ нашей вѣрности. Они сѣтовали, что лучший способъ приобрести благосклонность и милости правительства—это начать съ неистовой борьбы съ нимъ. Съ другой стороны члены оппозиціи были въ восторгѣ оттого, что въ кругу ихъ стало меньше однимъ лицемеромъ, которому теперь представлялся удобный случай сбросить стѣснявшую его маску. Дезертеръ, одинаково презираемый какъ тѣми, такъ и другими, образуетъ съ г. Даримономъ, денутатомъ департамента Сены, и также однимъ изъ перебежчиковъ партіи Ирудона, ту промежуточную партію, которая въ свою очередь находится въ оппозиціи съ другой партіей, состоящей изъ пятнадцати бонапартистовъ и имѣющей цѣлью не безъ выгоды для себя образовать либеральную партію имперіи, но она до сихъ поръ ни въ чемъ другомъ не успѣла, какъ надоѣсть всемъ.

Скажемъ нѣсколько словъ объ этой пресловутой срединной партіи, имя которой у всѣхъ на языкѣ и которая должна, согласно однимъ, рудить имперію, согласно другимъ—оппозицію.

По нашему мнѣнію, и тѣ и другіе правы. Эта срединная партія, осно-

ванная на жи и открывшаяся лжеприсягой, не может ничего произвести кромѣ исчадіи своей собственной жи. Основанная на государственномъ переворотѣ, вторая имперія всегда нуждалась въ диктатурѣ и должна остаться диктатурой. Къ ней вполне прилагается девизъ іезуитовъ: «sit ut est, aut non sit» Имперія 2-го декабря не можетъ смотрѣть на свое существованіе иначе, какъ съ абсолютной точки зрѣнія и смягчать свои суровые принципы развѣ только одною внѣшностію; и потому оппозиція, вызываемая ею, должна дѣйствовать такъ же категорически, какъ и имперія. Это то, что называютъ физики и психологи закономъ полярности, положительнымъ и отрицательнымъ электричествомъ.

Между бонапартизмомъ, представляемымъ только нѣсколькими, высшими чиновниками, нѣсколькими генералами и полковниками, нѣсколькими банкирами и спекуляторами, и оппозиціей, представляемой небольшимъ меньшинствомъ людей, весьма различныхъ между собою, людей съ убѣжденіями или на половину убѣжденныхъ, но побуждаемыхъ неодолимымъ стремленіемъ своего вѣка, — стоитъ нація. Она состоитъ изъ людей весьма мирныхъ, изъ невѣжественныхъ женщинъ, изъ лицъ, ропщущихъ, когда холодно, когда тепло, когда хлѣбъ слишкомъ дорогъ, когда хлѣбъ слишкомъ дешевъ, но лицъ, которыя, ворча себѣ подъ носъ, принимаютъ всѣ правительства и, въ случаѣ нужды, отчаянно защищаютъ ихъ, лишь бы только они могли продавать, покупать, барышничать, дѣлать свои дѣла, какъ имъ кажется лучше. Это и понятно, потому что матеріальныя нужды преобладаютъ надъ всѣми другими, и прежде чѣмъ предаваться высшамъ соображеніямъ, огромное большинство гражданъ хотятъ доставить своей семьѣ хлѣбъ, и нѣсколько болѣе, чѣмъ одинъ хлѣбъ.

Когда вещи установились подобнымъ образомъ, ни одна изъ обѣихъ полярныхъ сторонъ общества не можетъ претендовать управлять страню безъ согласія большинства жителей, по крайней мѣрѣ, предполагаемаго или подразумѣваемаго согласія, потому что между бонапартистомъ и членомъ оппозиціи не можетъ быть иного столкновенія. Такъ разсуждаютъ *абстенціонисты* *), какъ ихъ назвали; хорошо ли, худо ли, что имперія сочинила войны въ Крыму, въ Италіи, въ Кохинхинѣ, ухудшается оно или улучшается — они ничего не хотятъ знать, воздерживаются, отступаются отъ всего этого,

*) Отъ латинск. слова abstentio — воздержаніе, трезвость.

потому что представляют себя по прежнему на канунъ 2 октября 1851 г. и думают похоронить все, что совершено съ тѣхъ поръ, и начать современную исторію съ учрежденія верховнаго судилища (назначая его президентомъ г. Делангля, въ настоящее время министра юстиціи и исповѣданій). Ясно, что партія, думающая подобнымъ образомъ и выражающаяся тѣмъ языкомъ, съ которымъ выступила недавняя брошюра: *Les propos de Labicheux*, представляетъ лишь самое незначительное меньшинство въ націи и не можетъ оказывать непосредственнаго и сильнаго вліянія на ходъ современныхъ событій во Франціи.

И какъ бонапартисты и члены оппозиціи не имѣютъ возможности вступать въ сослашенія между собою и признаютъ единственнымъ судьей между собою силу, то, чтобъ въ странѣ существовали пренія, необходимо, чтобъ между враждующими явились посредники изъ народной массы, которые склоняются то на одну сторону, то на другую, и образуютъ то, что называется срединной партіей. Посредники борются между собою и увлекаютъ за собою обоихъ непримиримыхъ враговъ, которые сначала стрѣляютъ другъ въ друга издали, навѣсными выстрѣлами, чрезъ головы посредниковъ, но мало по малу увлекаются въ схватку. Это то же, что мы видѣли недавно въ сѣверо-американской борьбѣ: аболіціонисты и рабовладѣльцы принуждены были сначала оспаривать другъ у друга нейтральную почву (*border states*) пограничныхъ штатовъ.

Замѣтите, что бонапартисты и члены оппозиціи одинаково ненавидятъ эту срединную партію, потому что для крайнихъ партій нѣтъ ничего ненавистнѣе нейтральныхъ. Республиканцы преслѣдовали горькими насмѣшками слабыя души, допускавшія имперію и послѣдовательно примыкавшія къ ней; бонапартисты третировали какъ личныхъ враговъ, умѣренныхъ, желавшихъ внести въ имперію растворъ конституціонной оппозиціи, потому что имперія теряетъ всякій *raison d'être*, если она перестаетъ быть отрицаніемъ конституціоннаго баланса.

Бонапартисты, оставаясь властителями положенія, желали воспользоваться имъ до конца и, по крайней мѣрѣ, унижить своихъ противниковъ, желавшихъ пройти чрезъ каудинскія ущелья леженприсяги. Эта изгородь долгое время останавливала многихъ, пока наконецъ каждый не сталъ повторять, что присяга—не что иное, какъ пустая

формальность, и что почему же не присягнуть имперіи такъ же, какъ Бонапартъ присягнулъ республикѣ? Съ этой минуты возникаетъ срединная партія, для которой политическая честность есть утопія и которая съ одинаковою готовностію желала бы служить и нашимъ и вашимъ, и Богу и черту, ненаходя впрочемъ довѣрія ни въ тѣхъ, ни въ другихъ. Мы не требуемъ переворота, говорила эта партія, мы хотимъ реформъ. Мы вступили въ имперію, позвольте же намъ пособить нѣсколько улучшить ее. Въ ожиданіи «полнаго увѣнчанія» дайте намъ немного побольше свободы въ прессѣ, немного побольше свободы въ правѣ собраній, немного побольше свободы совѣсти, немного побольше избирательной свободы, немного побольше муниципальной свободы. И страна, какъ вѣрное эхо, въ свою очередь, стала повторять: мы стѣснены, дайте намъ побольше торговой свободы, побольше промысловой свободы, побольше политической свободы. Это такъ легко, если хотите; вы на столько же будете въ барышахъ какъ и мы, будущность династіи будетъ утверждена, и Эльдorado цивилизаціи будетъ не мечгой, а дѣйствительностію для Франціи.

Съ этой минуты завязалась борьба этой партіи съ правительствомъ; но какъ извѣстно, въ природѣ всякой борьбы ожесточеніе возрастаетъ все болѣе и болѣе до рѣшительной битвы.

Оппозиція, открывшаяся срединной партіей г. Олпвье и его старинными друзьями, будетъ имѣть, поэтому, роковой характеръ для настоящаго порядка вещей; но если ей суждено довазать дѣйствительную слабость имперіи, то она докажетъ также слабость республиканской партіи. Но успѣетъ ли она въ своемъ благонамѣренномъ предпріятіи? Есть ли у нея на столько наличныхъ фондовъ, чтобы осуществить свое Эльдorado? Въ чемъ ея сила и гдѣ ея представители? На всѣ эти вопросы превосходно отвѣчалъ Прудонъ, бросивъ въ лицо этой партіи слѣдующую истину: изъ ничего только бываетъ ничто. Дѣйствительно, до сихъ поръ всѣ попытки этой благонамѣренной партіи увѣнчались *ничѣмъ*; ей не удалось добиться своей срединной свободы и вызвать реакцію противъ 1851 года.

Таково намъ кажется, современное положеніе дѣлъ во Франціи. Мы старались анализировать его возможно строго, какъ какую-нибудь политико-алгебраическую задачу и какъ бы дѣло шло о рѣ-

шеніи уравненія съ тремя неизвѣстными. Судить о выводахъ—предоставляемъ самому читателю.

Послѣ маневра г. Оливье, надѣлавшаго столько же шуму въ законодательномъ корпусѣ, сколько прежде надѣлала въ сенатѣ неожиданная выходка маркиза Буасся, нельзя не обратить вниманія на одну изъ рѣчей г. Тьера, всегда великолѣпно разсчитанныхъ на то, чтобы показать себя съ самой либеральной стороны, когда всего меньше думаютъ о томъ. Г. Тьеръ точно говоритъ 38 милліонамъ французовъ: «И у васъ, и у меня хватитъ достаточно ума, но, между нами будь сказано, у нашего правительства его вовсе нѣтъ. Послушайте, какъ я буду воспѣвать его подвиги.» Затѣмъ съ утонченной вѣжливостью онъ приступаетъ къ критикѣ экспедицій, вмѣшательства, конвенцій и приходитъ къ тому заключенію, что всѣ онѣ сдѣланы вопреки здравому смыслу. Благодушная виѣшность г. Тьера обезоруживаетъ, нельзя подозрѣвать никакой злобы, никакой несправедливости въ чловѣкѣ, выражающемся такъ спокойно, такъ просто и такъ мило, но впечатлѣніе остается: «плутъ и полоумный» вы, г. такой-то и такой-то министръ». Любезность Тьера, его вѣжливость, его умъ скрываютъ въ себѣ замѣчательное лукавство, и если бъ его прошедшее не было такъ глупо и пошло, то ему трудно было бы отказать въ довѣріи.

Ударъ, нанесенный ораторомъ оппозиціи, былъ слишкомъ чувствителенъ, если судить о немъ по воплямъ, изданнымъ ораторомъ правительства, г. Тюлье. Этотъ господинъ поднялъ такой дикій вой, что многіе были принуждены зажать уши.

Въ противоположность своему противнику г. Тюлье, воздавъ похвалу благородству и искренности г. Оливье, сталъ восхищаться съ неистовыми криками всеми игрушечными учрежденіями Франціи и распѣвать сильнымъ голосомъ буколки всѣмъ министрамъ; затѣмъ съ завываніемъ заклиналъ законодательный корпусъ недопускать никакихъ измѣненій въ настоящемъ положеніи прессы, избирательныхъ собраній и пр. У него имперія то являлась правительствомъ справедливости, права и свободы, осуществленіемъ блаженства въ раѣ цивилизаціи, то представлялась городомъ, построенномъ на влочущемъ вулканѣ или осаждаемымъ арміей гунновъ и татаръ.

Кто пришелъ въ восторгъ отъ этой рѣчи? Г.—Эмиль Оливье. Было болѣе чѣмъ очевидно, что для того, чтобъ отвѣчать ораторамъ силы гг. Тьера, Жюль Фавра, Мари и др., нужна была иная личность, чѣмъ г. Тюилье. Чтобъ наказать за нѣкоторыя неблагозвучныя выраженія о неблагонамѣренности прессы, журналы какъ будто согласились напечатать на другой день его рѣчь. Когда ее прочитала публика, тогда, и только тогда сдѣлалось совѣстно не только тупому г. Тюилье, но и г. Оливье, имѣвшему несчастье найти себѣ такого панегириста.

Страсть вызываетъ страсть. Г. Тюилье, слишкомъ слабый, чтобъ возражать на рѣчь г. Тьера, оскорбилъ оппозицію и раздражилъ ее. Въ воздухѣ запахло электричествомъ. Одинъ камергеръ его величества, маркизъ д'Овренкуръ, говорившій ни лучше, ни хуже, какъ обыкновенно говорятъ камергеры, упрекая Людовика XVI и Наполеона I въ уступкахъ, погубившихъ ихъ, оплакивалъ декретъ 24 ноябра и ударился подъ конецъ въ умиленную похвалу «спасительному» перевороту 2 декабря... Вышла суматоха.

На другой день новая суматоха. Г. Жюль Фавръ взялъ слово, чтобъ развить слѣдующую поправку къ проекту адреса:

«Только одна свобода воспитываетъ народовъ, потому что только она одна дѣлаетъ людей; одна она даетъ вліяніе внѣ, гармонію и благосостояніе внутри. Безъ нея самыя побѣды даже бесплодны и реформы непрочны.

«Искать прогресса въ чемъ бы то ни было помимо свободы — иллюзія; искать же свободы гдѣ нибудь, кромѣ свободы политической, также мечта.

«Франція была первая изъ свободныхъ націй. Преподавъ міру свободу, должна ли она отказаться отъ нея сама?»

Нельзя не замѣтить ясности, отчетливости и въ то же время умѣренности этой поправки. Чтобъ поддержать ее, г. Жюль Фавръ началъ одну изъ своихъ обычныхъ рѣчей съ великолѣпными періодами, искусно выводимыми разсужденіями, по все это въ простой формѣ, въ правильныхъ выраженіяхъ и возвышенныхъ идеяхъ, — одну изъ тѣхъ рѣчей, которыя остаются образцами искусства хорошо говорить.—Мы сказали, что г. Жюль Фавръ началъ рѣчь, и это совершенно *точно*, потому что ему не удалось ее кончить. Перечисливъ всѣ обѣщанія свободы, данныя странѣ, начиная съ 1789 г., онъ сталъ

говорить о прокламаціяхъ принца Бонапарта въ Булонѣ, Страсбургѣ и клятвѣ президента республики. Вотъ эти прокламаціи:

«Я хочу дать странѣ порядокъ и свободу...»

«Предъ лицомъ верховности народа я требую лишь моихъ правъ французскаго гражданина, но эти права я буду требовать съ энергіей честнаго сердца...»

«Послѣ тридцати трехъ лѣтъ изгнанія и ссылки я снова нахожу мою родину и права гражданина. Республика подарила меня этимъ счастьемъ. Пусть же республика приметъ мою клятву въ признательности, мою клятву въ преданности... Я послужу развитію демократическихъ учрежденій...»

Долгое время разныя воздыханія, восклицанія и возгласы, и въ особенности шумъ ножей дѣлали весьма невнятную рѣчь Ж. Фавра; наконецъ шумъ совершенно покрылъ голосъ оратора. Когда можно было подать какой нибудь голосъ, исправляющій должность президента, г. Шнейдеръ, запрещалъ г. Фавру развивать свое предложеніе подобнымъ образомъ.

«Слово, отвѣчалъ Ж. Фавръ, — имѣетъ цѣну только тогда, когда оно свободно. Здѣсь не существуетъ свободы слова, и я отказываюсь продолжать. Между палатой и мной пусть разсудитъ Франція...»

Волненіе, наступившее за этими словами, скорѣе можно угадывать, чѣмъ описать, и засѣданіе было закрыто среди полнѣйшаго безпорядка.

Оппозиція собралась, чтобъ обсудить дальнѣйшій образъ дѣйствій. Гг. Жюль Фавръ и Глз-Бизуенъ, энергическій старикъ, пожелали чтобъ оппозиція обрела себя впредь на молчаніе, по крайней мѣрѣ, на все время обсужденія адреса. Эффектъ могъ быть весьма значителенъ. Но эта энергическая мѣра была отвергнута всѣми ихъ сотоварищами, полагавшими, что ихъ долгъ—продолжать борьбу до тѣхъ поръ, пока она физически возможна.

Въ Тюильери также пришли въ немалое волненіе. Тамъ также стали обсуждать, не поторопить ли пренія по адресу. Генералъ Флери, одинъ изъ самыхъ интимныхъ совѣтниковъ императора, взялся заставить оппозицію замолчать голосами большинства, вотировать адресъ бѣглымъ шагомъ, затѣмъ отсрочить сессію и созвать ее не ранѣе іюльскихъ и августовскихъ жаровъ. Императоръ не говорилъ нѣтъ и, казалось, склонялся на сторону мнѣнія своего фаворита, когда явился Руэ и сталъ умолять Наполеона III не вдаваться въ политику случай-

ностей; онъ разсказалъ, благодаря свѣдѣніямъ полиціи, о результатѣ совѣщаній членовъ оппозиціи, и Шнейдеру было послано приказаніе успокоить большинство; быть предупредительнымъ къ меньшинству и поторопиться преніями.

Дѣйствительно, послѣ нѣсколькихъ примпрительныхъ словъ пренія приняли совершенно миролюбивый характеръ; къ поправкѣ, предложенной одной фракціей большинства касательно смягченія нѣкоторыхъ постановленій о прессѣ, примкнуло меньшинство, и оно было вотпровано шестьюдесятью членами, одной третью присутствовавшихъ, что всѣхъ изумило.

Наоборотъ, поправка меньшинства о даровомъ и обязательномъ образованіи была поддержана только 17 голосами. Это постыдно.

Затѣмъ адресъ выражалъ желаніе, чтобъ различныя отрасли публичныхъ работъ живѣе приводились къ окончанію, такъ чтобъ могли осуществиться въ немного лѣтъ. Кто умѣетъ читать между строками, тотъ понимаетъ, что эта фраза равносильна объявленію гигантскаго займа, *le milliard de la paix*, какъ его предупредительно уже навали. Но поправка, къ которой, по какому-то счастью, примкнуло большинство палаты, прибавила: «но безъ разстройства доброй экономіи нашихъ финансовъ и по жѣрѣ нашихъ средствъ.» Это значитъ: не слѣдуетъ слишкомъ обременять настоящее налогомъ, ни отягощать будущее займомъ.

Г. Гарнье Пажесъ явился заявить предъ палатой свое негодованіе на несправедливый процессъ Тринадцати; онъ выставялъ на видъ, что администрація, властью одного своего главы, подавила всякій видъ избирательной свободы. Господа сенаторы, всегда глухіе на ухо къ подобнымъ заявленіямъ, отвѣчали Гарнье-Пажесу пожиманіемъ плечъ.

Къ великому скандалу палаты, г. Оливье, принадлежавшій къ составу избирательнаго комитета такъ называемаго Тринадцати, который содѣйствовалъ избранію этого самаго г. Оливье, объявилъ себя совершенно согласнымъ съ осужденіемъ Тринадцати и съ юридическими рѣшеніями г. правительственнаго комиссара. Это соучастникъ, дѣлающійся деносчикомъ и даже судьей...

Палата занимается теперь обсужденіемъ поправки, требующей отдѣленія церкви отъ государства. Г. Геру вопить о возрастающемъ наводненіи Франціи іезуитами, а большинство отвѣчаетъ, что существованіе іезуитовъ есть клевета, изобрѣтенная злобной прессой.

Когда окончатся обсужденіе адреса, мы скажемъ о немъ свое мнѣніе, которое легко угадать.

Жизнь Юлія Цесаря, написанная Наполеономъ, потерпѣла *fiasco*. Официальные журналы весьма усердно хвалили историка, во избѣжаніе разговора о самой исторіи; критики оказались единодушны въ указанія противорѣчій, какъ въ предисловіи, такъ и въ самомъ сочиненіи; а въ заключеніе пришли къ тому, что общая идея сочиненія натянута и грѣшитъ предвзятыми тенденціями автора. *Revue des deux Mondes* и самъ Сентъ Бѣвъ на чисто отказались высказать свое мнѣніе. Императоръ не имѣетъ причинъ быть довольнымъ приѣмомъ, который сдѣланъ біографу Ю. Цесаря. Онъ въ особенности былъ обиженъ публикаціей *Propos de Labienus*. Теперь уже положительно извѣстно, что недавній еще министръ внутреннихъ дѣлъ, г. Буде, былъ уволенъ отъ должности за дѣло г. Рожара. Императоръ далъ министру порядочный нагоняй за его недовкость: «какимъ образомъ позволили вы напечатать этотъ памфлетъ въ журналѣ, въ первый разъ въ 1500 экз., а во второй въ 5000 экз. и надобно было самому уже типографщику донести о немъ въ полицію, чтобъ вы узнали то, въ чемъ весь Парижъ былъ соучастникомъ!» Г. Буде пробормоталъ нѣсколько извиненій: «Ваше величество подавлены печальнымъ извѣстіемъ о кончинѣ герцога Морни. Я давалъ самыя строгія приказанія относительно прессы, но тутъ небрежность подчиненныхъ...»

— «Вы еще станете говорить мнѣ о вашихъ подчиненныхъ? Что касается до подчиненныхъ, то я не знаю, кромѣ васъ! замѣтилъ гнѣвно императоръ. Вы можете считать себя уволеннымъ отъ должности. Немедленно же г. де-Лавалетъ займетъ ваше мѣсто.»

Г-жа Буде упала въ обморокъ, услыхавъ страшную новость: въ тотъ вечеръ она должна была первенствовать на балѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и въ тотъ же самый день, въ 4 часа по полудни, г. Лавалетъ занялъ свои апартаменты.

Этотъ г. Лавалетъ сводный братъ герцога Морни; Люи-Филиппъ хотѣлъ сдѣлать его своимъ посланникомъ въ германскихъ княжествахъ, затѣмъ въ Греціи, потомъ въ Константинополѣ; съ переворота 2-го декабря онъ становится важнымъ лицомъ. Болѣе того, онъ приобретаетъ богатство. Любовникъ жены одного богатаго американскаго банкира, г-жи Уельсъ (Welles), по смерти мужа, онъ женился на вдовѣ и долларахъ; впоследствии онъ усыновляетъ своего сына, ко-

торый соединяетъ въ своей особѣ имена шимаго отца и дѣйствительнаго пріемнаго отца. Это вѣсть тотъ самый Уэльсъ-Лавалетъ, избраніе котораго сопровождалось нѣсколькими скандалами въ департаментѣ Дордонны.

Принцъ Наполеонъ все въ милости и въ милости. Если вѣрить г. Жирардену, въ настоящее время принцъ и г. Персины единственные искренно преданные императору люди. «Еще разъ ошибся, прибавилъ г. Жирарденъ, принцъ преданъ не императору, но имперіи!»

Императоръ гораздо скорѣе утѣшился въ смерти г. Морни, чѣмъ можно было думать. Когда принцъ Наполеонъ пріѣхалъ заявить ему свое соболѣзнованіе о такой утратѣ, императоръ отвѣчалъ: «О! люди Клермонта еще болѣе насъ опечалены!»

Это относилось до известной переписки Морни съ орлеанскими принцами, извлеченія изъ которой — и весьма предосудительныя, — были доставлены императору г. Фораадъ де-ла Ронетомъ. Между виновниками государственнаго переворота произошло весьма непріятное объясненіе. Морни остерегся отрицать свою переписку, но объяснилъ ее тѣмъ, что хотѣлъ будто бы втянуть орлеанскую фамилію въ какое нибудь разорительное предпріятіе. Императоръ не убѣждался такимъ доводомъ и продолжалъ считать переписку подозрительной; отсюда горькіе упреки, и въ концѣ концовъ Морни оставилъ комнату, сильно хлопнувъ за собою дверь: «когда я буду тебѣ нуженъ, ты придешь ко мнѣ.» Съ этой минуты, говорятъ, Наполеонъ и Морни видѣлись только оффиціально, кромѣ послѣдняго раза, у смертнаго одра послѣдняго.

Кажется также, что поведеніе покойнаго герцога показалось страннымъ, когда императоръ, если припомните, едва не утонулъ въ фонтенблосскомъ пруду, и когда доктора, опасаясь прилива крови къ головѣ императора, телеграфировали къ Морни о томъ, что случай съ императоромъ можетъ разрѣшиться весьма опасно.

Но все это — *c'est du linges sale, qu'il faut laver à la maison...*

Ходитъ любопытный слухъ, что неуспѣхъ «жизни Цезаря» помѣшалъ императрицѣ обнародовать *историю Маріи Антуанетты*, къ которой императрица Евгенія относится съ какими-то мистическимъ и суевѣрнымъ поклоненіемъ.

Мы давно уже не говорили о Мексикѣ. Последнія извѣстія, доходящія до насъ, чрезвычайно удовлетворительны.

Императоръ Максимилианъ былъ принужденъ поврать всякія связи съ клерикальной партіей, которая теперь на столько же, по меньшей мѣрѣ, ненавидитъ его, на сколько и Хуареса. И вотъ, новый императоръ очутился въ войнѣ и съ либералами, и съ реакціонерами, не имѣя другихъ защитниковъ, кромѣ чужеземныхъ войскъ, арміи французовъ съ кабилами и съ нубійцами, и легіона бельгійцевъ и австрійцевъ. Всюду, гдѣ только появляются эти солдаты съ ихъ усовершенствованными карабинами и нарѣзными пушками, они обращаютъ въ бѣгство всѣхъ національныхъ гвардейцевъ, разсѣиваютъ всѣхъ гверильсовъ, рѣжутъ всѣхъ индѣйцевъ, вѣшаютъ и разстрѣливаютъ главныхъ сторонниковъ Хуареса; все это для нихъ плѣвое дѣло;—они учреждаютъ въ каждомъ городѣ правительство во имя императора Максимилиана и затѣмъ продолжаютъ свою военную прогулку. Но за ними тотчасъ же вновь появляются гверильясы, индѣйцы, солдаты либеральной партіи; администраторы, новопоставленные чужеземцами, бѣгутъ, отказываются отъ своихъ должностей или же гибнутъ на висѣлицахъ, и на ихъ мѣсто назначается новое правительство, то оппозиціонное, то клерикальное. Это называютъ «шествіемъ отъ побѣды къ побѣдѣ»; это называютъ «умиротвореніемъ Мексики» и «утвержденіемъ трона Максимилиана на прочныхъ основахъ». Императоръ Наполеонъ объявляетъ объ этихъ блестящихъ успѣхахъ Франціи, сенатъ поздравляетъ императора въ своемъ адресѣ, законодательный корпусъ—въ своемъ, самъ *Times*, и тотъ снимаетъ шляпу передъ такимъ успѣхомъ. Но тѣмъ легче достаются эти побѣды, тѣмъ менѣе онѣ плодотворны:

«A vaincre sans danger, an triomphe sans gloire.» *)

Императоръ Максимилианъ, прибывъ въ Мексику, тѣмъ самымъ уже обязывался стать орудіемъ въ рукахъ клерикаловъ. Клерикалы послали ему корону и сипетръ изъ дутаго золота, это они подписали знаменитое рѣшеніе Нотаблей. Это папа Пій IX призывалъ Божье благословеніе на главу молодого императора и его августѣйшей супруги. Это папскій нунцій сопровождалъ Максимилиана изъ Рима въ Мексику и всегда держался тамъ по

*) Т. е.: Побѣда безъ опасности,—тріумфъ безъ славы.

правую сторону его трона. Это былъ императоръ Максимилианъ, одѣтый въ національный костюмъ *ranchero*, который считалъ честию выйти изъ кареты или слѣзть съ лошади для того, чтобы преклонить колѣна предъ священникомъ, проходившимъ мимо съ святыми дарами.—Мексиканское духовенство считало свое дѣло выиграннымъ, стало просить наконецъ молодого монарха исполнить свои обѣщанія—кассировать законы страны и декреты Хуареса, подвергавшіе секуляризаціи закрѣпощенныя имѣнія, сдѣлавшіяся національными; оно просило о конфискаціи уже проданныхъ имуществъ. Максимилианъ, понимая, что подобныя мѣры совершенно неисполнимы, просилъ дать ему время самостоятельно ознакомиться съ вопросомъ, путешествовалъ для этого въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и рѣшился возвратиться въ Мексику не ранѣе, какъ узнавъ о прибытіи туда австро-бельгійскихъ преторіанцевъ. Ему во что бы то ни стало необходимы были деньги, хотя бы для того, чтобъ заплатить за великолѣпный сервизъ въ 500,000 фр., который онъ заказалъ знаменитому Кристофлю. Денегъ же въ Мексикѣ только и найдется, что у духовенства. Чобъ наполнить свои сундуки, надо было опростать сундуки духовенства. По совѣсти говоря, онъ, можетъ быть, предпочелъ бы опустошить сундуки партіи Хуареса, но съ невозможнымъ ничею не подѣлаешь. Тамъ, гдѣ ничего нѣтъ, король теряетъ свои права.

Разрывъ, такимъ образомъ, совершился. Не смотря на предостереженія и настоятельныя письма св. отца изъ Рима, не смотря на торжественные протесты, увѣщанія и угрозы епископовъ и архіепископовъ, Максимилианъ совершилъ преступленіе, которое церковь никогда не проститъ ему, — утвердилъ законы терпимости относительно евреевъ и протестантовъ, и законы о секуляризаціи недвижныхъ имѣній духовенства.

Это прекрасно, спору нѣтъ. Но если императоръ Максимилианъ рѣшится продолжать правительственную систему, начатую Хуаресомъ, то почему же онъ претендуетъ заступить мѣсто Хуареса? Надѣется ли онъ, что либералы простятъ ему, что онъ возведенъ на тронъ чужеземнымъ вторженіемъ, что онъ помогалъ чужеземцамъ грабить, разстрѣливать и убивать патріотовъ? Какую политику принять между республиканцами и реакціонерами? Въ Мексикѣ вѣдь не существуетъ средней, промежуточной партіи. Императору Максимилиану совѣтуютъ образовать такую

партию. Ему говорятъ, что въ Мексикѣ, изъ 8 милліоновъ жителей, 6 милліоновъ индѣйцевъ. Ему совѣтуютъ вооружить этихъ индѣйцевъ и напустить ихъ подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ на бѣлыхъ, республиканцевъ ли, клирикаловъ ли—все равно... Однако же вотъ до какой крайности доведены совѣтники этого молодого дельца. Никто не зналъ объ этомъ императоръ, никто не беспокоился и вотъ невзначай его пересаживаютъ въ Мексику и для того, чтобъ имѣть одну только простую возможность существовать, видѣть главою дикихъ населеній, разогрѣвать слѣдые предрассудки расы и цвѣта, и быть виновникомъ, можетъ быть, страшныхъ злободѣйствъ...

Къ счастью, трудно создать теперь антипатію между потомками старыхъ индѣйцевъ и испанцевъ. Ихъ сліяніе совершилось и перешло въ нравы. Да еслибъ наконецъ и затѣять войну на этой почвѣ—еще разъ можно встрѣтить Хуареса. Онъ самъ индѣецъ. Не странно ли, что австрійскій пароходъ привезъ одного изъ Габсбурговъ, чтобъ сдѣлать его представителемъ индѣйской расы противъ индѣйцевъ же!...

«Во всякомъ случаѣ, заключаетъ мемуаръ, который лежитъ предъ нашими глазами, въ случаѣ ожидаемаго, со стороны сѣверо-американскаго союза, нападена, императору Максимилиану меньше всего можно рассчитывать опереться на бѣлую расу.» Для насъ достаточно этого заключенія. Единственная вѣроятность, которая представляется императору, чтобъ защитить свой тронъ противъ клерикаловъ и противъ республиканцевъ, и противъ Соединенныхъ Штатовъ,—это тагуировать себѣ животъ, продѣть въ позды кольца, раскрасить въ голубой и красный цвѣта эрцгерцогиню, омыкать ее мовязью изъ перьевъ, однимъ словомъ, сдѣлаться больше индѣйцемъ, чѣмъ сами индѣйцы.

На рыночныхъ площадяхъ намъ попадались мексиканскіе туземцы, размахивающіе томагаунами; они курили калометы и плясали воинственные танцы, покрикивая: хунъ! вуупъ! Попадались намъ и дикари въ нестрыхъ узкихъ панталонахъ, которые улетали сырыхъ куриць. Эти несчастныя подставляли затѣмъ тарелки для мизостыни. Вотъ они цѣликомъ кандидаты на тронъ Монтецумы!

Въ то время, какъ официальный Мониторъ извѣщаетъ публику, что Мексика успокоена и что на будущее время ея благоденствіе упрочено на незыблемыхъ основаніяхъ, Соединенные Штаты, не признающіе иного правительства, кромѣ Хуареса, и всегда протестовавшіе противъ австро-франко-бельгійскаго вторженія, находятся накануне полного торжества.

Весь міръ въ ожиданіи. Каждый день всѣ ждутъ извѣстій о послѣдней рѣшительной битвѣ, которая раздавитъ невольничество, которая освятитъ торжество свободы въ Новомъ Свѣтѣ и станетъ исходнымъ пунктомъ новой политики на обоихъ континентахъ. Какъ билось наше сердце, когда читали мы послѣднюю полученную въ Европѣ депешу:

Нью-Йоркъ, 1 апрѣля, утро.

«Генеральное движеніе арміи Гранта началось въ среду. Пѣхота подвигается къ Гатчерсъ-Прайверу. Шериданъ идетъ, чтобъ прервать сообщеніе по желѣзной дорогѣ, со стороны юга. Томасъ, съ своей стороны, подвигается къ Линчбургу, приближаясь съ юго-запада.»

Можетъ быть, въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, совершилось величайшее событіе новѣйшей міровой исторіи, и рабство, гнусное чудовище, тысячи лѣтъ питавшееся живыми тѣлами и убитыми душами, получило, можетъ быть, смертельный ударъ. Оно крипитъ, испуская свою черную и зловонную кровь, и изрыгаетъ въ предсмертной икотѣ свой ядъ.

Какіе счастливыцы эти храбрые солдаты Гранта,—идутъ съ штыками на перевѣсъ на неправду, истребить которую стоило цѣлые вѣка страшныхъ усилій и пламенной борьбы.

Вотъ нѣсколько подробностей о движеніяхъ обѣихъ армій за послѣдній мѣсяцъ: Шерманъ разбилъ войска Джонстона у Эврисборо и у Бентонвилля, къ югу отъ Ралея, въ сѣверной Каролинѣ. Эти два пораженія принудили рабовладѣльцевъ отступить къ берегамъ Ньюзы и позволили Шерману соединиться при Смитфильдѣ съ Шофильдомъ и съ двумя дивизіями, прибывшими изъ Уильмингтона подъ начальствомъ генерала Терри. Въ своемъ официальномъ донесеніи, Шерманъ извѣщаетъ, что со времени выступленія изъ Файтвилля имъ взято въ плѣнъ 2000 челов. и что непріятелю нанесены значительныя потери убитыми и ранеными.

Но эти подробности кажутся старыми, если знаете, что рѣшительная борьба началась на Потомакѣ. Въ субботу, 25 марта, три

дивизіи конфедератовъ, подъ начальствомъ Гордона и Ли повели внезапную, весьма живую атаку на фортъ Стидмэнъ предъ Питерсбургомъ, представляющемъ сравнительно слабѣйшій пунктъ въ укрѣпленіяхъ федералистовъ. Конфедератамъ удалось сначала овладѣть однимъ редутомъ, пушки котораго они обернули на федералистовъ. Затѣмъ они точно также напали на фортъ Аскель, но были отброшены съ большой потерей. Тѣмъ временемъ подоспѣли подкрѣпленія, и федералисты прогнали неприятеля изъ форта Стидмэна и, продолжая наступать, отбросили конфедератовъ за ихъ линіи, овладѣвъ при этомъ нѣсколькими изъ ихъ ретраншаментовъ и взявъ 1800 чел. плѣнныхъ. Вся же потеря южанъ простирается до 6000 человекъ. Битва продолжалась съ солнечнаго восхода и до 8 часовъ вечера.

За пораженіемъ Ли, очередь Гранта принять наступательное положеніе. «Я дамъ битву на этой линіи, хотя бы пришлось пребыть на ней цѣлый годъ», сказалъ Грантъ, занявъ позицію предъ Ричмондомъ и Питерсбургомъ. Битва, въ самомъ дѣлѣ, не минетъ его, а можетъ быть, уже и была.—Да, была, какъ мы сейчасъ узнаемъ изъ телеграфической депеши. Ричмондъ палъ, Ли обратился въ бѣгство, и великая побѣда свободнаго Сѣвера надъ рабскими Югомъ совершилась.

Эта рековая побѣда Соединенныхъ Штатовъ надъ возмущенными рабовладѣльцами заставляетъ все больше и больше задумываться англичанъ. Палата общинъ только и занята была въ послѣднее время возможностью, даже вѣроятностью войны Англійи съ Соединенными Штатами за Канаду. Требовали денегъ и большихъ денегъ для укрѣпленія Квебека, Монреаля, границы, но на это справедливо возражали, что требуемыя суммы недостаточны, и что если бы они были во сто кратъ больше, то и тогда были бы бессильны защищать Канаду противъ колоссальныхъ силъ, которыми будутъ обладать противъ нея Соединенные Штаты. Вотъ почему Англія хлопочетъ во что бы ни стало сдѣлать Канаду независимой, чтобъ заранѣе развязаться отъ опасной ответственности за нее. Она торопитъ дѣло канадской конфедераціи, о которой мы подробно уже сообщали въ предыдущихъ обзорѣніяхъ. Этотъ проектъ, передавъ всѣ другія законодательныя горняла, наконецъ 11 живущаго марта

былъ принятъ верхней палатой большинствомъ 191 голоса противъ 33. Измѣненія, сдѣланныя въ немъ, весьма незначительны.

Канадцы же пользуются проволоккой, чтобъ усилить Соединенные Штаты. Всюмните безестное сентъ-албанское дѣло, едѣ южано, прирываясь мнимыми правами воюющей стороны, въ союзѣ съ канадцами, напали на территорію Съвера, убивали жителей, грабили банки, и затѣмъ возвращались на британскую территорію, чтобъ быть тамъ торжественно оправданными, при всеобщихъ клякахъ. Оттуда могла возникнуть война. И только послѣ строгихъ представленій, полученныхъ изъ Лондона, грабители были схвачены вновь, не смотря на объявленіе ихъ невинными. Но упрямые канадцы снова освободили ихъ, желая во что бы то ни стало видѣть въ нихъ воюющую сторону. По новому приказанію изъ Лондона, они были однако же арестованы въ третій разъ и обвинены въ убійствѣ.

Разсерженное федеральное правительство обязало путешественниковъ изъ Канады запастись паспортами. Эта строгая шѣра теперь уже отшѣнена и входъ въ свободную страну снова доступенъ каждому.

Британское правительство обнародовало состояніе гесударственныхъ доходовъ за послѣдній финансовый годъ. Положеніе бюджета улучшается съ такой быстротой, которая превосходитъ всякое ожиданіе. По расчетамъ г. Глэдстона, перевѣсъ доходовъ надъ расходами долженъ доходить до 75 милліоновъ франковъ, изъ которыхъ 58 милліоновъ онъ немедленно же скинулъ съ налоговъ. Но и послѣ этой скидки предстоитъ излишекъ въ 75 милліоновъ. Такимъ образомъ, возвышеніе доходовъ за послѣдніе 10 или 12 лѣтъ простиралось среднимъ числомъ не менѣе, какъ отъ 20—28 милліоновъ. Такой быстрой прогрессіей англичане обязаны умноженію общественнаго благосостоянія и контролю, который требуетъ нація въ каждой своей копѣйкѣ. Какъ завистливо, должно быть, поглядываютъ, на ассовую книгу канцлера англійскаго гесударственнаго казначейства бѣдный министръ финансовъ, г. Пленеръ, воссѣдающій на пустомъ сундукѣ австрійскаго казначейства, и г. Фульдъ, воссѣдающій на *milliards de la paix!* Но всѣ эти правительства скорѣе рѣшатся умереть, чѣмъ измѣнить свою финансовую систему. А почему? Потому что въ одно и то же время невозможно вести хорошіе финансы и дурную политику!

Человѣкъ, которому Англія отчасти обязана такими блестящими

результатами, недавно скончался. Англія испытываетъ тяжелое чувство лишенія; великій гражданинъ, одинъ изъ благодѣтелей своей страны и человѣчества,—умеръ. Ричардъ Кобденъ имѣлъ на судьбы Великобританіи и всего міра несравненно болѣе могущественное вліяніе, чѣмъ многіе короли, чѣмъ сама королева Викторія, надъ имперіей которой никогда не заходитъ солнце. Между тѣмъ, Кобденъ вступилъ въ міръ бѣднымъ сиротою, скромнымъ пастухомъ овецъ. Онъ сталъ богатъ, потому что былъ энергическій умный человѣкъ, потому что его страна имѣетъ счастье давать дѣятельности такихъ людей полную свободу. И онъ сталъ однимъ изъ тѣхъ людей, имя которыхъ исторія впишетъ въ свою золотую скрижаль, потому что онъ былъ добръ, правдивъ, прямъ и чистъ сердцемъ. Когда Кобденъ былъ уже богатъ, онъ рисковалъ своимъ богатствомъ, своимъ вліяніемъ, свободой и, можетъ быть, жизнью для того, чтобъ дать хлѣбъ бѣдному работнику; онъ не убоился вступить въ борьбу со всемогущей англійской аристократіей, еще гордой пораженіемъ императора Наполеона I; онъ осмѣлился стать во главѣ народа, который предложилъ ему свою гигантскую силу, и, схвативъ руку англійскаго аристократа, онъ заставилъ его выслушать вопль несчастнаго proletaria.

Съ экономической точки зрѣнія, уничтоженіе цеховъ и привилегій мастеровъ (*jurandes et maîtrises*) и пораженіе протекціонистовъ Брайтомъ, Пилемъ и Кобденомъ — суть два самыя важныя событія этого вѣка. Третье, заря котораго занимается, представляетъ кооперативное движеніе, народненіе народныхъ обществъ взаимнаго кредита, производства и потребления. Послѣ побѣды Кобденъ не заснулъ на лаврахъ. Онъ отказался быть министромъ, отказался быть важнымъ политическимъ лицомъ, чтобъ остаться реформаторомъ и человѣкомъ прогресса. Освободивъ народъ отъ налога на хлѣбъ, онъ сталъ трудиться, чтобъ освободить его отъ налога на кровь; онъ желалъ уничтожить войну.

Вотъ какъ говоритъ г. Луи Бланъ въ статьѣ по поводу смерти своего знаменитаго друга. «Есть два рода великихъ людей: одни, которые являются кстати, другіе, которые являются рано; тѣ, чьихъ геній состоитъ въ энергическомъ резюмированіи, отождествленіи, воплощеніи, такъ сказать, идей и потребностей настоящаго, и тѣ, чьихъ геній заключается въ подготовленіи будущаго, въ народненіи исторіи. Первымъ сопутствуютъ успѣхъ слова, рукопле-

сканія; вторыхъ, хотя и гениевъ высшаго порядка, сопровождаютъ ненависть или презрѣніе, свистки или молчаніе.

«Но отличительная черта Ричарда Кобдена состояла въ томъ, что онъ одновременно принадлежалъ къ этимъ обѣимъ категоріямъ великихъ людей? Какъ адвокатъ свободной торговли, онъ былъ представителемъ потребностей дня, былъ человекъ, пришедшій кстати; какъ страстный апостолъ, недоступный мировой сдѣлкѣ, онъ былъ провозвѣстникомъ будущаго, человекомъ, пришедшимъ рано.

«Отсюда радости, триумфы, отмѣтившіе начало его карьеры; отсюда же неудачи, обманутыя надежды, огорченія, омрачившія его конецъ.

«Отсюда же перемена въ настроеніи его духа, печалившая не разъ его друзей. Онъ сдѣлался нетерпимъ къ противорѣчію, задорливъ и неистовъ въ своей рѣчи, недоверчивъ къ искренности своихъ противниковъ, — онъ, котораго всѣ знали во время борьбы его съ протекціонистами, за такого спокойнаго, такого тихаго, такъ преисполненнаго вѣры въ несодолимый успѣхъ своего дѣла и такого твердаго властелина собою. Да, это потому, что ясность душевная легка для привѣтствуемыхъ убѣжденій. Но чего стоитъ скрѣпить свое сердце, когда въ награду за безусловную преданность истинѣ осыпаютъ подозрѣніями и проклятіями!

Правда, не вполне такова была участь Кобдена, даже въ то время, когда, казалось, популярность отступилась отъ него. Память о заслугахъ, плодами которыхъ наслаждалась его страна и въ *практической* важности которыхъ никто не могъ ошибаться, не переставала покровительствовать ему. Ему всегда прощали великодушную горячность въ подготовленіи будущаго во вниманіе къ выгодамъ, легко цѣнимымъ, материальнымъ, осязаемымъ, которыми было обязано ему настоящее.

«Но съ другой стороны, его успѣхи до 1846 г. и въ этомъ году, естественно, должны были сдѣлать для него еще болѣе чувствительнымъ его радикальное безсиліе — заставить принять вторую половину своей программы. Какое стѣсненіе сердца долженъ былъ онъ испытывать, видя, что его самыя дорогія стремленія третируютъ, какъ бесплодныя грезы; когда подвергали сомнѣнію даже самый его патриотизмъ, потому что онъ протестовалъ противъ военныхъ издержекъ, фортовъ, пушекъ, постановокъ на военную ногу и всего, что представляютъ намъ правительства, бѣгущія за миромъ съ шпагой въ рукахъ! Когда онъ выслушивая въ лицо названіе мечтателя,

утолиста, онъ, называвшій себя прагматическимъ человекомъ по преимуществу! Съ первыхъ же своихъ шаговъ въ дѣятельной жизни, онъ избѣгнулъ крѣпостной дисциплины, которой подвергаютъ *утолисто*. Насмѣлки и насмѣлки общественнаго мнѣнія онъ рано позналъ и противопоставилъ имъ неотразимую силу своей великой идеи. Онъ сразу же былъ принятъ на руки популярностью; въ немъ оставалась невеспитанной только ясность духа. Послѣ 1846 г. онъ долженъ былъ понять съ горечью, что даже въ свободной странѣ успѣхъ весьма много зависитъ отъ того, явился ли онъ во время.

«Къ чему молчать, впрочемъ? Дойдя до ужаса ко всякому національному вѣшателю, какова бы ни была его цѣль, дойдя до культа политическаго единенія для всякаго народа, любовь къ миру у Кобдена хромала логикой и величьемъ. Кобденъ безпрестанно совѣтовалъ своей странѣ ни во что, ни за что не вѣшиваться. Но такъ какъ это не могло бы помѣшать другимъ державамъ вѣшиваться, если бы онѣ того пожелали или признали для себя выгоднымъ, къ чему бы привела его доктрина, спрошу я, если не къ тому, чтобъ сдѣлать Англію равнодушной къ посягательствамъ, которыя могли бы совершаться вокругъ нея.

«Такая политика была бы политикой эгоизма; она была бы также убыточной политикой. Англичане хорошо понимали это. Не менѣе Кобдена они имѣли отвращеніе къ военщинамъ, противъ которой онъ такъ бурно ратовалъ предъ ними; не менѣе его и, прибавлю, также какъ и онъ, они уважали коммерческій гений, превосходство котораго ему такъ нравилось превозносить предъ ними; но когда онъ просилъ ихъ съезжиться исключительно въ кожу дѣловыхъ людей, онъ оскорблялъ ихъ, не убѣждая.

«Если мнѣ остается еще сказать что нибудь въ этой критической оцѣнкѣ, то я прибавлю, что великій человекъ, потерю котораго оплакиваетъ Англія, не былъ достаточно убѣжденъ въ выгодахъ умственнаго образованія, что вліянію литературы онъ не придавалъ того значенія, которое принадлежитъ ей по праву; что онъ смотрѣлъ на вещи слишкомъ уже съ точки зрѣнія коммерческаго интереса и матеріальной выгоды... Но какой великій человекъ когда нибудь не имѣлъ ахиллесовой пяты? Достаточно для славы умершаго, что онъ былъ однажды изъ лучшихъ «своего рода». Въ немъ гений соединялся съ добротою. Онъ былъ надѣленъ всѣми добродѣтелями честнаго человека; былъ во всѣхъ видахъ безкорыстенъ, во всѣхъ

видахъ мужественъ. Схожій въ этомъ отношеніи съ своимъ могучимъ товарищемъ г. Брайтомъ, онъ не колебался, когда совѣсть, подсказывала ему неуважать и клеймить рутину общественнаго мнѣнія, въ странѣ, гдѣ общественное мнѣніе такъ надменно и такъ легко раздражительно. Честь же его памяти!

«Франція, обязанная ему коммерческимъ трактатомъ, также почтитъ скорбію его память. Но что говорю я? Ричардъ Кобденъ — потеря для всѣхъ народовъ. Когда умираетъ подобный человѣкъ, то это то же, что гаснетъ свѣтильникъ. Свѣтильники же теперь такъ же необходимы, какъ они рѣдки; глубока еще ночь, покрывающая міръ, и никто не можетъ предвидѣть, когда наступитъ свѣтлый день среди людей!»

Когда мы уже закончили свой политическій Листокъ, телеграмма приноситъ ужасное извѣстіе объ убійствѣ одного изъ величайшихъ политическихъ дѣятелей, Авраама Линкольна. Издыхающее рабство нашло себѣ послѣдняго защитника въ злодѣѣ Бусѣ. Подробности этого гнуснаго факта будутъ разсказаны въ слѣдующей книгѣ «Русскаго Слова».

Ж. Лесерсъ.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Ръшскіе женскаго вопроса въ Австраліи и разсужденія нашихъ публицистовъ о немъ. — Пробуждающаяся потребность женскаго труда. — Отношеніе ремесленнаго класса женщинъ къ непродвинутому классу Петербурга. — Необходимость новой организаціи женскаго труда. — Проектъ торгово-промышленной компаніи въ Сибири г. Пестерева. — Выводы изъ этого проекта. — Антагонизмъ между трудомъ мускульнымъ и умственнымъ. — Неплпность этого антагонизма. — Публичная лекція г. Карновича о женскомъ трудѣ въ Петербургѣ. — Юбилей Ломоносова и новый уставъ Академіи наукъ.

Въ прошломъ году Австралія, — какъ извѣстно, страна, заселенная потомками англійскихъ ссыльныхъ и дикими туземными племенами, — страна, гдѣ европейская цивилизація началась только нѣсколько десятковъ лѣтъ, — подала старой Европѣ примѣръ самаго простого и спокойнаго разрѣшенія такъ называемаго женскаго вопроса. Австралія разрѣшила его въ самомъ трудномъ и сложномъ политическомъ отношеніи; она признала за женщиной право совершеннолѣтняго члена общества, призвала ее къ участию въ выборахъ и въ управленіи страной. Случись это событіе въ Римѣ или въ Лондонѣ, всѣ публицисты, ревущіе въ одинаково благонамѣренномъ тонѣ отъ Москвы и до Японіи, пришли бы въ неописанное смущеніе. Какъ! сказали бы они, на что это похоже — допускать женщинъ и стриженныхъ дѣвокъ въ парламентъ! Не значить ли это нарушать общественную нравственность и тишину! Затѣмъ они понесли бы ужасную дичь о назначеніи женщины украшать собою домашній очагъ и соблюдать тотъ благовонный букетъ женственности, безъ котораго цивилизованному мужчинѣ, какъ, на примѣръ, г. Фокину, рѣшительно нельзя существовать; и въ заключеніе они пугнули бы Австралію злокачественнымъ *растворомъ* нигилистическаго направленія, послѣ котораго, какъ извѣстно, остается только совершиться землетрясенію или повальной эпидеміи. Къ счастью, дикая Ав-

страля не читаетъ нашихъ московскихъ и петербургскихъ публицистовъ, и потому разсуждаетъ иначе. На всѣ возраженія своихъ бѣльиъ и чорныкъ гг. Катковыхъ и Аксаковыхъ, она отвѣчала коротко и просто: «если женщина несетъ на себѣ общественныя обязанности, то она должна участвовать и въ правахъ своего народа; если она имѣетъ общіе интересы съ страной и содѣйствуетъ имъ по мѣрѣ своихъ силъ, то она должна быть и представительницею этихъ интересовъ наравнѣ съ остальнымъ населеніемъ». Такимъ образомъ, политическія права женщины не есть утопія, а дѣйствительный фактъ въ Австраліи, въ странѣ, по нашимъ понятіямъ, очень дикой.

Но подобныя вопросы намъ, цивилизованнымъ людямъ, достаются гораздо труднѣе, потому что на каждомъ изъ насъ лежитъ такая масса предразсудковъ, что здравому смыслу приходится пробиваться сквозь темныя лѣса всевозможныхъ нелѣпостей. У насъ еще надо доказывать, что женщина нуждается въ самостоятельномъ выборѣ своей дѣятельности, что ей необходимъ трудъ и какое нибудь знаніе, а трудъ ей необходимъ потому, что ей надо ѣсть и одѣваться. Чтобы объяснить эти великія открытія, либеральныя газеты должны нанечатать нѣсколько статей, на которыя столь же либеральныя газеты отпарируютъ другими статьями, такъ что если «Голосъ» будетъ утверждать, что стриженные волосы еще не угрожаютъ отечеству особенной опасностью, то «Петербургскія Вѣдомости» непременно замѣтятъ, что онѣ давно уже были въ этомъ убѣждены и что только однѣ «Московскія Вѣдомости» отстаиваютъ гражданство длинныкъ волосъ. Этого мало; на ту же тему г. Карновичъ долженъ прочесть нѣсколько публичныхъ лекцій и доказать въ нихъ, что, *при хорошио устроенномъ общественномъ порядкѣ, жена должна кормиться работою мужа*. А изъ этого слѣдуетъ, что самый лучшій общественный порядокъ находится тамъ, — на примѣръ, въ Индіи, — гдѣ жена не только обязана кормиться на счетъ своего мужа, но и умирать вмѣстѣ съ нимъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, это было еще въ недавнія времена. И все это говорится не въ Ботаниби или Бомбеѣ, а въ Петербургѣ и въ залѣ Географическаго общества. Публика, разумѣется, все это слушаетъ и диву дается, что у нея есть такіе либеральныя публицисты. — За теоріей слѣдуетъ практика; является «Общество поощренія женскаго труда», такое же мертворожденное общество, какъ и всѣ другія, подобныя ему. Либералы спѣшатъ по этому случаю заявить о своемъ profession de foi, выставить на показъ свои превосходныя личности, предложить своихъ собственныхъ кандидатовъ, которые впрочемъ ничѣмъ не

лучше забраванныхъ ими, и наконецъ повести дѣло такъ искусно, что не разберешь, кто наши друзья и кто наши враги. Изъ всего этого вавилонскаго столпотворенія только одно ясно, что женскій вопросъ самъ по себѣ ни у кого не вызвалъ искренняго сочувствія, глубоко продуманнаго отношенія къ нему, а послужилъ поводомъ къ благородному состязанію разныхъ рыцарскихъ чувствъ. Великодушные филантропы, съ батистовыми платками въ рукахъ, заговорили о трехрублевой гуманности, а непреклонные либералы о пятикопѣечной честности, и турниръ, покрытый, носовыми платками и либеральными фразами, разошелся, къ общему и взаимному удовольствію обѣихъ партій. Затѣмъ выступаютъ на сцену благодушные моралисты, для которыхъ женскій вопросъ представляетъ удобную тѣму произнести нѣсколько поучительныхъ проповѣдей. Дѣло по прежнему ни съ мѣста, а краснорѣчіе расточается безъ всякой жалости. «День» обличаетъ женщинъ въ легкомысленномъ поведеніи и утверждаетъ, что «разрѣшенію вопроса о женскомъ трудѣ представляется самими женщинами препятствіе, которое тормозитъ успѣхъ его хуже всякихъ репрессивныхъ мѣръ общества и правительства.» (См. № 43). Такимъ образомъ, *легкомысленныя женщины*, по мнѣнію «Дня», погубили свое дѣло; а не будь ихъ, то мы давно бы наслаждались великими успѣхами женскаго вопроса: такъ думаетъ г. Аксаковъ. А за нимъ ковыляютъ цѣлыя полчища публицистовъ, въ родѣ г. Соловьева, насиженныхъ г. Катковымъ въ послѣдніе два года и всячески доказывающихъ, что слово *эманципация* есть только предлогъ для утонченнаго разврата, ловушка для невинныхъ жертвъ, и что желать больше того, чего желали наши бабушки, есть чистая фанаберія. По мнѣнію этихъ, насиженныхъ г. Катковымъ, совсѣмъ неприлично для благовоспитаннаго общества заводить такіе порядки, чтобы благородная дама толкалась между наборщиками или въ переплетной; несогласно также съ достоинствомъ науки (филистеры и оберъ-филистеры очень любятъ упираться на это слово) стремленіе молодыхъ дѣвушекъ посѣщать университеты и академіи, какъ несогласно было съ дворянскимъ достоинствомъ Простаковой, чтобы ея сынъ учился географіи, когда на то есть холопы-кучера. У насиженныхъ можно найти даже воззванія къ общественной нравственности о томъ, что всѣ эти модныя фразы ничто иное, какъ зловредная пропаганда съ равными задними цѣлями... Такимъ образомъ, женскій вопросъ прошелъ по всѣмъ ступенямъ нашего прогресса — отъ высшихъ либеральныхъ сферъ и до затхлыхъ подваловъ журналистики, и вездѣ жотериальнѣе полнѣйшее банкротство, какъ въ идеѣ, такъ и въ примѣненіи. Какъ

защитники, такъ и противники его ухватились за него, какъ за благопріятный случай пародировать своими принципами и нагородить короба три разнаго вздору, неотносящагося къ сущности дѣла. Игра была сыграна и игроки разошлись, довольные своимъ безобиднымъ положеніемъ.

Но фактъ по прежнему остается въ полной своей силѣ, и если женскій вопросъ нашелъ такую плохую поддержку въ лучшей части общества, то все-таки онъ напрашивается на наше вниманіе съ неотразимымъ напоромъ. Изъ теоріи онъ проникаетъ въ дѣйствительную жизнь и заявляетъ себя въ такихъ отдѣльныхъ личностяхъ, надъ которыми можетъ глумиться только отпѣтый пошлякъ; а кто умѣетъ отличать подъ угловатыми формами, съ которыми обыкновенно выступаетъ всякая новая идея,—самый смыслъ и значеніе этой идеи, тотъ не станетъ придиратся къ формѣ, а прямо отнесется къ самому дѣлу. Положимъ, что тотъ плохъ, кто, за неимѣніемъ внутренняго содержанія, старается засвидѣтельствовать о своемъ прогрессивномъ культѣ какойнибудь эксцентрической прической или неумытой физиономіей; но еще плоше тотъ, кто въ стриженной косѣ усматриваетъ нарушеніе отеческой власти или политическій переворотъ. Если у перваго есть ребяческія наклонности играть въ куклы, то второй страдаетъ рѣшительнымъ тупоуміемъ. Но, устраняя эти дѣтскія выходки, нельзя не видѣть, что за ними есть такія серьезныя явленія, отъ которыхъ назидательными проповѣдями не отдѣлаешься. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ одна дѣвушка, изъ письма которой я позволяю себѣ привести здѣсь нѣсколько словъ: «...у меня есть, говоритъ она, и богатые родные, и порядочная обстановка, есть чѣмъ жить и даже веселиться, но все это такъ глупо, такъ пошло, что я охотно приняла бы должность какагонибудь разнощика, только бы не зависѣть отъ того круга, въ которомъ я прозябаю, и трудиться для самой себя и по своей доброй волѣ.» Сквозь эти сдержанныя слезы видится цѣлая пропасть затаенныхъ страданій, открывается цѣлый міръ семейнаго гнета и разныхъ мелкихъ дразгъ, изъ подъ которыхъ выбиться отдѣльной личности нѣтъ другого средства, какъ разорвавъ съ ними послѣднюю связь. И эта борьба становится тѣмъ тяжелѣе, что тутъ, собственно, не съ чѣмъ и бороться, а остается киснуть и постепенно замирать; въ открытой борьбѣ есть своего рода жизнь, а въ положеніи травояднаго существованія, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ пассивнаго перехода изо дня въ день, безъ надеждъ, безъ притока свѣжихъ впечатлѣній, безъ цѣли и разумной дѣятельности, не только нѣтъ никакой жизни, но даже утрачивается способность чувствовать

ее. А между тѣмъ, идутъ года, пробуждаются чуждыя, но настоятельныя потребности, и живое существо, еще незаѣденное почтенной рутинной, порывается къ чему-то живому и лучшему, чѣмъ эта рутинна. Достаточно блеснуть надъ омуткомъ стоячей жизни случайному свѣтлому лучу, чтобъ очнуться, подъ вліяніемъ освѣжающихъ впечатлѣній, и потребовать себѣ другого міра, другой обстановки. Ужь лучше мозольная и полуголодная бѣготня разношнана, чѣмъ мертвящая неподвижность.—Для нормальнаго развитія чело-вѣческаго организма такъ же необходимъ трудъ, какъ воздухъ. У паразита, живущаго безъ труда, потребности мускульнаго движенія удовлетворяются разными искусственными средствами, — танцами, прогулками, визитами, гимнастикой, верховой ѣздой и т. п. Эта искусственная, телличная жизнь создала свой собственный міръ, въ которомъ недостатокъ правильной и разумной дѣятельности восполняется наркотическими возбужденіями нервной системы; чело-вѣкъ умеръ бы отъ скуки или отъ ожиренія, еслибъ волею не оставилъ себя такъ, чтобы трудъ замѣнялся для него извѣстнымъ ничего надѣланіемъ и упражненіемъ своихъ мускуловъ въ праздномъ и бесполезномъ передвиженіи. Притомъ замѣтимъ, что экономическій кризисъ застаеъ насъ въ самое тяжелое время. Запросъ на трудъ увеличивается, а уровень общественной дѣятельности значительно понижается. Кому извѣстно, до какой степени въ послѣднее время производительныя силы Россіи упали, какая крупная средняя цифра бѣдности господствуетъ въ большинствѣ населенія, тотъ способенъ сообразить, что, при отсутствіи промышленной дѣятельности, потребность труда должна была возрасти въ обратной пропорціи съ недостаткомъ его наличнаго употребленія. Если образованная женщина идетъ работать въ переплетную или въ наборную, то, конечно, дѣлаетъ она это не оттого, что въ наборной комнатѣ лучше и выгоднѣе работать, чѣмъ у себя дома, а оттого, что дома нечего дѣлать и домашній трудъ не обезпечиваетъ существованія. Такъ, по крайней мѣрѣ, бываетъ въ большинствѣ случаевъ. Только огромнымъ избыткомъ незамятыхъ рукъ и крайне-тѣснымъ кругомъ нашей экономической дѣятельности можно объяснить то обстоятельство, что всѣ фабричныя и торговыя заведенія набиты исключительно здоровыми мужчинами, исполняющими таковой трудъ, какой былъ бы совершенно по силамъ пятнадцатилѣтнимъ дѣвушкамъ. Г. Карновичъ въ своей публичной лекціи о женскомъ трудѣ говоритъ: «Ремесленное населеніе Петербурга состоитъ изъ 48,884 душъ; изъ этого числа 39,170 мужчинъ, и только 4,713 женщинъ. Въ этомъ числѣ еще заключаются 1,400 мастерицъ и работницъ; затѣмъ остается всего

3,300, именно подмастерицъ 1,700 и ученицъ 1,600. Наибольшее число женщинъ занято шитьемъ въ его разныхъ примѣненіяхъ.» Изъ этого видно, что ремесленный классъ мужского пола почти въ девять разъ больше женскаго. А между тѣмъ, въ Петербургѣ женское населеніе простирается до 221,415 душъ; и на эту довольно почтенную цифру приходится только 4,713 ремесленницъ. Спрашивается, чѣмъ же живутъ остальные 216,702 женщины? Если положить на женскую прислугу, живущую поденнымъ трудомъ или работающую на постоянныхъ мѣстахъ, — 16,000 душъ, то это будетъ приблизительно полная сумма производительнаго женскаго труда въ Петербургѣ. Затѣмъ отчислимъ еще 10,000 душъ, занимающихся розничной рыночной торговлей, содержаніемъ мелкихъ квартиръ, исполненіемъ разныхъ комиссіонныхъ порученій, мы получимъ 190,702 женщины, существующія непроизводительно, украшающія собою домашніе очаги. Послѣ этого, кажется, г. Карновичу слѣдовало бы считать самый лучший общественный порядокъ у насъ, потому что около двухъ сотъ тысячъ женщинъ живутъ въ Петербургѣ работою своихъ мужей, и вообще на счетъ мужчинъ.

Судя по одному этому факту, можно заключить о степени экономической зависимости русской женщины отъ семейнаго быта. Какой же женской самостоятельности испугались наши моралисты? Гдѣ же эта самостоятельность, когда общій складъ соціальной жизни таковъ, что, за исключеніемъ самой незначительной доли, все женское населеніе одного изъ самыхъ промышленныхъ городовъ Россіи виситъ на плечахъ мужского населенія и зависитъ отъ него въ своемъ существованіи? И надо замѣтить, что большинство этого чужеднаго класса, ни по воспитанію, ни по образованію, ни даже по физическимъ силамъ, приспособленнымъ для тепличнаго украшенія нашихъ квартиръ, неспособно взяться за какой нибудь серьезный трудъ. Чего испугались господа насиженные М. Н. Катковымъ въ нашей эманципации и въ ея защитникахъ? — *Съ жиру бѣдятся*, выразился одинъ насиженный, заговоривъ о стриженныхъ дѣвкахъ и о желаніи ихъ выйдти изъ подъ опеки семейства и стать на самостоятельную дорожку посредствомъ личнаго труда. Каковъ долженъ быть этотъ насиженный, усматривая жиръ тамъ, гдѣ едва кожа держится на костяхъ? Сравнимъ положеніе нашей работницы, напримѣръ, съ парижской, и посмотримъ, чье положеніе лучше, хотя участь парижской работницы считается также далеко незавидной. Въ Парижѣ швейное мастерство, въ среднемъ итогѣ, доставляетъ дѣвушкамъ 2 франка (т. е. 50 к. сер.) поденнаго заработка; слѣдовательно, около 50 франковъ въ мѣсяцъ.

Петербургская швея, работающая на мастериду по 12 часовъ въ сутки, получаетъ, среднимъ числомъ, 5 р. сер., т. е. 20 франковъ въ мѣсяцъ или 62 сантима въ день, слѣдовательно, меньше, чѣмъ въ три раза противъ парижской швеи. При этомъ не мѣшается принять въ расчетъ и относительную дороговизну жизни. Если въ Парижѣ молодая дѣвушка захочетъ почище одѣться, повеселиться, имѣть получше обѣды, то она истратитъ почти вдвое меньше, чѣмъ петербургская ремесленница, при тѣхъ же условіяхъ труда. Кромѣ того, грубое обращеніе хозяевъ, грязная обстановка мастерскихъ, тяжелые контракты, заключаемые съ отцами отдаваемыхъ въ ученіе дѣвушекъ,—все это достается на долю петербургской ремесленницы при ея жалкомъ содержаніи. Отъ какого же жиру бѣситься бѣдной труженицѣ, если она и захотѣла бы завоевать себѣ нѣкоторую независимость отъ отца, отдающаго ее въ кабалу какому нибудь эксплуататору, и отъ самого эксплуататора. Кажется, тутъ не до жиру, а быть бы только живу.

Вотъ почему совершенно логически явилось въ обществѣ желаніе организовать женскій трудъ на болѣе рациональныхъ началахъ, чѣмъ онъ организованъ теперь. Современная экономическая наука и уже прожитые опыты дѣйствительно цивилизованными народами указываютъ на ассоціацію, какъ на единственно-возможное средство освободить трудъ отъ пожирающаго его капитала и дать человѣческимъ силамъ болѣе производительной энергіи. Нѣтъ сомнѣнія, что это средство чисто-палліативное, неразрѣшающее социальную задачу XIX вѣка, но оно вызвано, какъ оппозиціонная сила, возрастающимъ пролетариатомъ. Оно ближе другихъ средствъ стоять къ понятіямъ современнаго поволенія и легче осуществляется, чѣмъ другія попытки, и потому оно успѣло приобрести къ себѣ довѣріе мыслящаго большинства. У насъ оно явилось вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, но въ такихъ неудачныхъ попыткахъ, что не знаешь, чему болѣе изумляться—невѣжеству ли общества, или тѣхъ лицъ, которыя проектируютъ эти попытки.—Мы не будемъ говорить здѣсь о томъ, въ какой степени русское артельное начало могло бы развиваться съ помощью образованныхъ людей въ самую лучшую современную ассоціацію, но замѣтимъ, что всѣ экономическія данія находятся у насъ для основанія и распространенія ея. И на этотъ разъ мы даже имѣемъ нѣкоторыя случайныя преимущества передъ Западной Европой. У насъ не было такихъ историческихъ обстоятельствъ, которыя бы закрѣпили корпоративный духъ и развеличили сословія на отдѣльныя враждебныя касты; исторія наша все вошла въ одну кучу, и тѣмъ оказала намъ немалыя услуги. Слѣдовательно, для

насъ легче слиться въ одно цѣлое и пользоваться силами другъ у друга. Самый характеръ нашего семейнаго быта благопріятствуетъ развитію ассоціативнымъ, что она легче послужитъ переходной ступенью отъ патриархальной формы народной жизни къ общественной. До сихъ поръ общество наше представляетъ самый вѣрный снимокъ съ семейнаго склада, или, говоря правильнѣе, вся наша общественная жизнь уходитъ въ семейство; тутъ ея начало и конецъ. Но такъ какъ развитію промышленной дѣятельности, безъ которой мы рискуемъ насидѣться голодомъ съ громадными черноземными почвами или опустошить ихъ нелѣпнымъ своимъ хозяйствомъ до совершеннаго истощенія, — вездѣ предшествовала устанавливаемая общественная жизнь, то ассоціация, была бы очень полезна и въ этомъ отношеніи. Она приучила бы насъ, въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, къ самодѣятельности, степенью которой опредѣляется сила и активная способность общества. Кромѣ того, она указала бы народной жизни на ея существенные интересы, на то утилитарное направленіе, которое выводитъ націю изъ области мечты и апатіи. При недостаткѣ капиталовъ и образованія, при разбросанности отдѣльныхъ силъ, дѣйствующихъ теперь во вредъ другъ другу, наконецъ, при постоянномъ стремленіи нашей промышленности и торговли къ произволу и недобросовѣстному веденію своихъ дѣлъ, хорошо организованная ассоціация уничтожила бы многіе изъ этихъ недостатковъ, а взаимная солидарность ея членовъ приобрѣла бы ей тотъ общественный кредитъ, о которомъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго понятія. — Чтобы представить себѣ, въ какомъ варварскомъ состояніи находится у насъ торговая эксплуатація, до какой невообразимой тупости доходитъ непониманіе самыхъ обыкновенныхъ коммерческихъ предпріятій, это можно видѣть изъ прозекта *объ учрежденіи торгово-промышленной компаніи въ Сибири*. Прозектъ этотъ составленъ г. Пестеревымъ, человѣкомъ бывалымъ и знающимъ всю подноготную нашего купеческаго быта. «Занимаясь около 20 лѣтъ, говоритъ г. Пестеревъ, торговыми дѣлами въ Сибири, наблюдая торгово-промышленное дѣло во всѣхъ его фазисахъ и проявленіяхъ, я пришелъ къ убѣжденію, что вся коммерческая и промышленная дѣятельность этого края построена на ложныхъ, рутинныхъ основаніяхъ, и, вслѣдствіе этого, не только никому не приноситъ пользы, но дѣйствуетъ положительно вредно на интересы края и его жителей». Объясняя механизмъ этой допотопной рутинны, г. Пестеревъ, между прочимъ, говоритъ, что все сибирское купечество, воспитываемое на жадныхъ кулебякахъ и предрасудкахъ своихъ отцовъ,

столь же невѣжественное, какъ и его хорошо отвормленные лошади, состоятъ почти на оброчномъ положеніи у московскихъ торговцовъ. У нихъ онопо купаетъ товары, большею частью, въ кредитъ и, обзываясь кредитомъ, постоянно угрожающимъ ликвидаціей наличнаго капитала, принуждено брать все, и по той цѣнѣ, какую назначать поэтому нѣтъ той дряни, которую московскій купецъ, выдумавшій поговорку — *не солгать и не продать*, не навязалъ бы сибиряку. И закрѣпощенный должникъ не смѣетъ и пикнуть, иначе кредиторъ погрозитъ ему ликвидаціей; сибирякъ знаетъ, что ему наваливаютъ гниль, его обмѣриваютъ и обвѣшиваютъ, его обсчитываютъ и дурачатъ, но онъ молчитъ и все это, разумѣется, вымѣщаетъ на покупателя. Гниль отправляется въ Сибирь и расходится между тамошнимъ населеніемъ. А чего стоитъ эта гниль потребителю ея, это можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Пудъ мѣлу въ Казани стоитъ	1 р.
Провозная цѣна на пудъ	3 »
Прибавляя процентъ на затраченный капиталъ, находящійся въ пути отъ 4—5 мѣсяцевъ	» » 5 к.
Въ итогѣ получимъ	4 р. 5 к.

И такъ, пудъ мѣлу обходится сибиряку въ 4 р. 5 к., а жителю Казани въ 1 р.—Саратовскій табакъ испытываетъ ту же процедуру. На мѣстѣ онъ покупается за пудъ отъ 1 р. 60 к. — 2 р., а провозъ его стоитъ 2 р. 20 к., и это дѣлается совершенно на выворотъ всякаго здраваго смысла. Сначала табакъ отправляется изъ Саратова въ Москву, а изъ Москвы путешествуетъ обратно въ Пермь, и наконецъ, совершивъ почти кругосвѣтное путешествіе, привозится въ Иркутскъ. И иркутянинъ очень доволенъ, что имѣетъ пудъ табаку, стоящій 2 р., за 4 р. 20 к. Такое же кругосвѣтное путешествіе совершаютъ и стеариновыя свѣчи. Сдѣланныя въ Екатеринбургѣ или въ Казани, онѣ отправляются сначала въ Москву или на Нижегородскую ярмарку, а отсюда опять черезъ Казань или Екатеринбургъ привозятся въ Сибирь, т. е. дѣлаютъ даромъ назадъ и впередъ 1600 или 2800 верстъ. Кто попробовалъ на своихъ бокахъ наши пути сообщенія, тотъ не позавидуетъ этимъ стеариновымъ свѣчамъ.—Далѣе г. Пестеревъ утверждаетъ, что между производителемъ и потребителемъ надо считать не менѣе двухъ, трехъ и четырехъ посредниковъ, изъ которыхъ у каждаго остается не менѣе 12% барыша отъ продаваемаго товара. «Теперь, говоритъ онъ, сводя вмѣстѣ эти цифры, мы получимъ слѣдующую таблицу poste-

пеннаго возвышенія цѣны продукта, когда онъ доходить къ потребителю. Положимъ, что вещь стоитъ у мастера или фабриканта 1 р.

Первыя руки берутъ барыша	12 %
Вторыя — — — — —	12 »
За кредитъ	12 »
За страхъ	12 »
Несвоевременность въ провозѣ	2 »
Розничный торговецъ деретъ minimum	20 %
Итого	<hr/> 70 %

Такимъ образомъ, московская гниль, отпускаемая сибиряку, обходится потребителю безъ провоза 70% дороже фабричной стоимости предмета, а съ провозомъ достигаетъ баснословной дороговизны. Такъ, напримѣръ, 10 паръ перчатокъ бѣлой замши покупаются у мастера за 3 р. 50 к., московскій купецъ продаетъ ихъ за 4 р. 50 к., провозъ стоитъ 1 р., а въ Иркутскѣ онѣ продаются уже за 8 р. 40 к. Очевидно, что самый скромный комфортъ сибиряка оплачивается имъ почти такъ же дорого, какъ жителемъ дикой Гвинеи, если только не дороже.

Чтобы дать возможность жителю сибирскаго края избавиться отъ этой безсовѣстной эксплуатаціи и вырвать промышленно-торговую дѣятельность изъ рукъ тупоумнѣйшихъ барышниковъ, авторъ проекта предлагаетъ составить компанію, которая была бы главной посредницей торговли между Сибирью и Россіей, между Россіей и коммерческими центрами Западной Европы.—Я нахожу неумѣстнымъ входить здѣсь въ подробную оцѣнку проекта г. Пестерева, потому что эта оцѣнка не относится къ предмету настоящей хроники. Но я остановился на идеѣ почтеннаго сибиряка, какъ на одномъ изъ безчисленныхъ доказательствъ необходимости кооперативнаго труда въ Россіи. Съ какой бы стороны мы не стали разсматривать наше экономическое положеніе, въ послѣднемъ результатѣ приходимъ къ тому выводу, что ассоціація пока есть единственное средство выбраться изъ поголовнаго банкротства. И промышленность, и торговля, и сельское хозяйство, и елѣдышащая журналистика, однимъ словомъ, всѣ отрасли народнаго труда подсказываютъ намъ одну и ту же истину: соединяйте ваши силы, способности и средства для достиженія матеріальнаго благосостоянія; увеличивайте энергію посредствомъ взаимнаго обмѣна идей и капиталовъ, работайте неутомимо на общественныхъ началахъ и разставайтесь, какъ можно поскорѣе, со старой рутинной, которая угрожаетъ хлѣ-

бородную страну оставить безъ хлѣба, земледѣльца безъ земли, домовладѣльца безъ домовъ, сапожника безъ сапоговъ и журналиста безъ журнала.

Вотъ почему и женскій трудъ инстинктивно попалъ на дорогу ассоціаціонной организаціи. Слабѣя, едва замѣтныя попытки его проявились въ заведеніи швейныхъ, переплетныхъ и тому подобныхъ мастерскихъ; но все это—капля въ морѣ, отдѣльныя единицы, соединившія свой трудъ и силы въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ. Не находя поддержки ни въ обществѣ, ни въ самихъ себѣ, эти крошечныя ассоціаціи едва установились, и разсматривать ихъ можно не болѣе, какъ опыты примѣненія новыхъ экономическихъ началъ въ нашему быту; а между тѣмъ, какой дикій вой поднятъ господами насиженными и, съ голоса ихъ, замыторѣвшею въ рутинѣ частью общества. Слово *эманципация* попало въ лексиконъ ругательства, и по нѣкоторымъ уродамъ, въ родѣ Кукушкиной, стали бросать грязью въ самое дѣло, въ самыя чистыя и честныя стремленія молодого поколѣнія. Лукошко г. Антоновича переполнилось черезъ край самымъ постыднымъ лганьемъ и отвратительными интригами его сотоварищей съ другого конца. Въ литературѣ возникаетъ цѣлый ворохъ произведеній, направленныхъ противъ женщины, ищущей дѣла и независимаго положенія; романы, драмы, комедіи, критическія статьи выводятъ на сцену разныя карикатуры, съ намѣреніемъ опошлить новую идею, и, разбиваясь о нее, сами становились пошлыми. Все это доказываетъ, съ одной стороны, старческое, беззубое озлобленіе господъ насиженныхъ, а съ другой,—жизненность идеи, которая не нуждается въ другой защитѣ, какъ въ энергическомъ и разумномъ осуществленіи ея на дѣлѣ.

Нечего и говорить, что въ этомъ отношеніи женскому труду предстоитъ долговременная и тяжелая борьба съ экономическими условіями страны. При совершенномъ застоѣ промышленной дѣятельности и при невозможности возбудить ее въ настоящее время, при самомъ низкомъ уровнѣ народныхъ потребностей, сфера общественнаго труда оказывается очень ограниченной. Мы производимъ исключительно сырые матеріалы и получаемъ ихъ въ переработанномъ видѣ съ заграничныхъ рынковъ. Наши фабрики и мануфактуры составляютъ самый ничтожный процентъ въ народной производительности. Спрашивается, куда же пристроить свой трудъ женщины, неспособной заниматься земледѣльческими трудами? Сельское хозяйство могло бы дать нѣкоторый просторъ незанятымъ силамъ, но оно ведется у насъ въ такомъ патріархальномъ видѣ, такими допотопными орудіями, что тутъ необходима почти одна жи-

вотная сила быка или лошади и грубый мускульный трудъ человѣка. — Замѣтимъ здѣсь для нашихъ насиженныхъ демократовъ, что, употребляя выраженіе *грубый мускульный трудъ*, мы вовсе не придаемъ аристократическаго значенія труду *умственному* и считаемъ ихъ неразлучными факторами въ нормальныхъ отправленіяхъ человѣческаго организма. Нѣтъ сомнѣнія, что безъ извѣстной доли ума нельзя не только воздѣлать поля и собрать съ него жатву, но и вымыть бѣлья; идіоту опасно поручить не только управлять машиннымъ производствомъ, но и затопить печь. Точно также всякая умственная работа требуетъ извѣстной доли мускульнаго движенія; даже аскетъ не обходится безъ него. Нарушеніе равновѣсія между этими двумя факторами производитъ ту аномалію, которая, съ одной стороны, ослабляетъ и разстроиваетъ физическія силы, а съ другой,—притупляетъ умственные способности. Дряблые умники и здоровые идіоты служатъ слѣдствіемъ этого экономическаго дуализма. Великому будущему естественныхъ наукъ предстоить честь бросить свѣтъ на этотъ вопросъ и разрѣшить его въ лучшемъ соціальномъ направленіи. Слѣдовательно, говорить о превосходствѣ того или другого труда и строго раздѣлять ихъ въ самой сущности—нѣтъ никакого основанія. Но, разсматривая съ утилитарной стороны степень полезности умственнаго и мускульнаго труда, мы не можемъ не отдать преимущества первому, какъ не можемъ поставить на одинаковую степень общественной экономіи машину, ткающую шелковую матерію, и голову, приводящую эту машину въ движеніе. По всей вѣроятности, Ньютонъ былъ менѣе полезенъ для своего времени, чѣмъ его садовникъ, но въ концѣ XVIII вѣка за одного Ньютона можно было бы отдать всѣхъ садовниковъ Англій. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что Ньютонъ былъ аристократъ, а садовникъ — плебей, а слѣдуетъ то, что одинъ, по степени своего вліянія, по силѣ развитія своихъ способностей, оказалъ болѣе услугъ человѣчеству, чѣмъ другой. Этого не можетъ оспаривать самая рутинная экономическая теорія. — Обращаясь къ женскому труду и опредѣляя его отношеніе къ экономическимъ требованіямъ Россіи, мы находимъ, что средства прижизненія его чрезвычайно малы; въ области промышленнаго производства ему почти нѣтъ мѣста, потому что его вездѣ вытѣсняетъ трудъ мужчинъ, занимающихъ, какъ выше сказано, даже такія отрасли занятій которыя болѣе свойственны женскому полу. При такомъ порядкѣ вещей, только и можно рассчитывать на хорошо устроенную ассоціацію женскаго труда. Всякая подобная ассоціація представитъ насравненно болѣе выгоды и разумнаго употребленія

силъ, чѣмъ раздробленная дѣятельность мужчинъ. Образованіе въ этомъ случаѣ было бы великой подмогой. Еслибъ на мѣстѣ нашихъ безграмотныхъ типографщиковъ, книгопродавцевъ, кассировъ, управляющихъ фабриками и заводами, плохихъ акушеровъ и медиковъ, никуда негодныхъ портныхъ и сапожниковъ образовались женскія кооперативныя компаніи, съ хорошимъ техническимъ воспитаніемъ и добросовѣстнымъ взглядомъ на вещи, то нѣтъ сомнѣнія, что женскій трудъ оказался бы болѣе полезнымъ и, слѣдовательно, нашель бы себѣ широкое примѣненіе. Но для этого необходимо во сто разъ лучшее образованіе, чѣмъ какое получаютъ теперь наши женщины. Поэтому, умственная эманципация для нихъ не только предметъ первой важности, но насущный хлѣбъ ихъ и все ихъ будущее.

Въ заключеніе мы не можемъ не пожалѣть, что г. Карновичъ, взявшійся читать публичныя лекціи о женскомъ трудѣ, занимаетъ своихъ слушателей чѣмъ-то въ родѣ исторіи «Трехъ мускетеровъ». Вотъ уже прочитано имъ нѣсколько лекцій, и все еще не видно, чего желаетъ г. Карновичъ и къ какому выводу должны придти его разглагольствованія. Поучать такимъ филантропическимъ сочувствіямъ, что «общество должно всѣми силами поддерживать женскій трудъ и покровительствовать ему» — совершенно излишне. Подобныя нравоученія еще нѣкого не обращали на путь истины въ экономическихъ вопросахъ. Кромѣ того, мы не понимаемъ такъ часто повторяемой г. Карновичемъ мысли, что въ Петербургѣ женскій трудъ «долженъ быть разработанъ самостоятельно, безъ усиленныхъ, натянутыхъ сближеній съ положеніемъ этого дѣла въ главныхъ городахъ Европы». Къ чему здѣсь вставлено слово *самостоятельно* — изъ патріотической ли ревности, или потому, что у насъ есть свои великія идеи о женскомъ трудѣ, не въ примѣръ лучше западныхъ, — не беремъ отвѣчать за г. Карновича, но замѣтимъ ему, что наша *самостоятельность* всегда оканчивается только фразой. Ну, куда ужъ намъ до самостоятельной разработки трудныхъ экономическихъ вопросовъ, когда у насъ, вмѣстѣ съ г. Карновичемъ, находится не болѣе трехъ полусшекъ умственнаго капитала. Напротивъ, если гдѣ мы должны заимствовать анализъ, выводы и практическое примѣненіе женскаго труда, такъ это именно у европейскихъ образованныхъ народовъ. Тамъ есть и наука о женскомъ трудѣ, и готовыя организаціи его, тамъ пережиты цѣлыя историческія періоды соціальной жизни, громадныя перевороты, тамъ есть много такого, что для насъ совершенно ново, и потому позаимствоваться у Европы ни въ какомъ случаѣ не мѣшаетъ прежде, чѣмъ мы вы-

думаемъ свою самостоятельность. Нищій всегда склоненъ похвастаться воображаемымъ богатствомъ; такъ и мы словенка не можемъ проронить, не вставивъ *самостоятельности*, второю, на самомъ дѣлѣ, ни у г. Карновича, ни у его соотечественниковъ никогда не было и долго еще не будетъ.—Мы думаемъ, что г. Карновичъ оказалъ бы женскому труду существенную услугу, если бы передалъ эту тему для публичныхъ чтеній другому лицу, болѣе способному и знающему дѣло. Пусть это лицо посвятитъ годъ или два изученію своего предмета, познакоится съ его фактами и теоріей, и потомъ уже созоветъ публику на свои лекціи. Къ такому вопросу, какъ женскій трудъ, надо относиться серьезно и добросовѣстно; важность предмета должна соответствовать силамъ, и если смѣшно поручить какому нибудь г. Кояловичу протанцовать балетное па, то не менѣе смѣшно заставить г. Боборыкина читать о теоріи Дарвина. Намъ нисколько не коробитъ подобное зрѣлище, если оно дается для развлечения, съ какой нибудь благотворительной цѣлью; пусть гг. Монаховъ и Миннаевъ читаютъ свои вирши передъ публикой, — отъ нихъ нечего ждать больше, и если публика довольна этими виршами и баритонами, если она находитъ эстетическое наслажденіе видѣть П. И. Якушкина на эстрадѣ и платитъ за это даже деньги на доброе дѣло, то и Господь съ ней— пусть платитъ, и то годится. Но къ вопросамъ серьезнымъ должна относиться и литература, и публика нѣсколько иначе. Тутъ балетныя представленія Берга—ни къ селу, ни къ городу.

Нельзя нарадоваться вдоволь на самодовольствіе нашихъ филистеровъ, когда имъ отърывается случай отпраздновать какое нибудь патріотическое событіе, а кажется, нѣтъ того случая, который бы они не постарались обратить въ всероссійское торжество. Даже Шекспиръ, человѣкъ вовсе не свой, другого племени, языка и вѣры, и тотъ послужилъ предметомъ изліянія нашихъ патріотическихъ чувствъ. Но вотъ, наконецъ, дождались мы юбилея своего собственного «великаго человѣка», Ломоносова, и понли, и пошли словоизвергать по поводу безсмертныхъ заслугъ холмогорскаго рыбака, *чистокровнаго русскаго*, насадителя и просвѣтителя и т. д. Не знаемъ, сколько съѣдено телятины и произнесено похвальныхъ рѣчей надъ этой телятиной въ Москвѣ, Нижнемъ и Архангельскѣ, но въ Петербургѣ съѣдено и наговорено столько, что можно было бы въ продолженіи года прокормить цѣлый уѣздный городъ и сыпать самими краснорѣчивыми панегириками въ продолженіи двухъ лѣтъ.

Но что всего забавнѣе—это то, что панегиристы попали въ страшный просакъ; вмѣсто похвалъ, они и въ прозѣ, и въ стихахъ при-

нялись ругать Ломоносова, сами не замѣчая того, что они ругаютъ. Желая, во что бы то ни стало, превознести «великаго русскаго че-вѣка», они вскинулись на нѣмцевъ и пошли ихъ отдѣлывать. А, говорить, вы хотѣли насъ въ полонъ забрать вашей басурманской наукой, поработить насъ «рабствомъ духа»... Но нѣтъ, я не могу изобразить такъ, какъ изображаютъ это гг. Майковъ и Розенгеймъ. Первый говоритъ:

И средь безмолвія и страха,
Средь казней, пытокъ и опаль,
Ужь на корону Мономаха
Курляндець дерзкій посягалъ.

Торжествовалъ германскій геній,
Мечтая съ лавромъ на челѣ,
Какъ посреди своихъ владѣній,
Чуть не по всей пройди землѣ.

А насъ, осиленныхъ безъ бою,
Влечить, какъ плѣнныхъ дикарей,
Со всей славянскою семьею,
За колесницею своей...

Но Богъ, изведшій Русь изъ плѣна
Отъ агарянъ, не попустилъ,
Чтобъ извела ее измѣна,
И гнѣвъ на милость предложилъ.

Милость эта послана была въ Ломоносовѣ, который выручилъ насъ изъ плѣна германскаго генія и не позволилъ болѣе влечить дикарей за колесницею его. Неизвѣстно, откуда забралась въ голову автора не колесницы, а «Коляски», даже такая дичь, что будто бы германскій геній хотѣлъ намъ дать:

Кольцо въ ноздрю, ремень на шею—
И весь онъ нашъ, гроза лѣсовъ!

Но и кольца, и ремня мало; нѣмцы хотѣли отнять у русскихъ языкъ ихъ:

Лишь только-бъ въ нравъ ихъ суевѣрій
Науки нашей лучъ проникъ;
Сто лѣтъ не мицетъ—эти звѣри
Забудутъ даже свой языкъ.

Еще бы не забыть, когда германскій геній продѣнетъ кольцо въ поздю и ремень на шею;—поневолю заревешь медвѣдемъ.

Но, слава Богу, этого не случилось, звѣри не забыли свой языкъ, потому что явился «великій русскій человекъ».

Что касается до г. Розенгейма, то онъ, бѣдный, самъ себя на повалъ убиваетъ своими противорѣчїями. Какъ патріотъ, онъ обругалъ нѣмцевъ за то, что они намѣревались поработить насъ «рабствомъ духа»:

Горчайшимъ рабствомъ изо всѣхъ;

но тутъ же образумился и, какъ человекъ, самъ хватившій немножко нѣмецкаго вліянія, говорить:

Искусство, знанія, науку,

Все то, что нѣмецъ выписной

Казалъ намъ издали, какъ штуку,—

Онъ подарилъ странѣ родной.

Онъ эти нѣжныя растенья (у Майкова кольцо и ремень)

На русскій грунтъ пересадишь,

Спасъ нашъ языкъ отъ искаженья

И въ чистотѣ намъ сохранишь.

Такимъ образомъ, у одного и того же пята нѣмцы выходятъ и поработителями нашими, и просвѣтителями. Чего хочешь, того и просишь.

За стихотвореніе г. Розенгейма смѣло можно предложить автору лучшую часть жареной телятины.—Всѣхъ вѣжливѣе въ отношеніи къ нѣмцамъ оказался заклятый ненавистникъ ихъ, г. Ив. Аксаковъ. Въ № 16 «Дня», похваливъ Ломоносова за то, что онъ былъ мужикъ и, слѣдоват., «самый чистокровный представитель русскаго народа», онъ, какъ только дошелъ до того мѣста, гдѣ надо было сказать, что Ломоносовъ учился въ Германіи, въ марбургскомъ университетѣ, — ни гу-гу о нѣмцахъ! Прахъ ихъ, дескать, по-бери; вѣдь они учили Ломоносова и изъ мужика сдѣлали академика; слѣдовательно, ругать ихъ не за что, а хвалить также не приходится,—испортишь направленіе «Дня»; ну, и надо пустить въ носъ читателю о «духовной стихіи», о воплощеніи исторической минуты въ жизни русскаго народа, «о трактирной цивилизаціи» и тому под. Какъ подпустишь подобнаго дурману, такъ они и забудутъ, гдѣ учился Ломоносовъ.

Но за что же вы, господа пята, въ прозѣ и стихахъ, обругали Ломоносова? Вы знаете, что онъ былъ обязанъ своимъ образованіемъ

нѣмцамъ, что онъ учился въ марбургскомъ университетѣ, что онъ всю свою жизнь выражалъ глубокую благодарность Германіи за то, что она открыла ему глаза на науку и дала тѣ знанія, которыхъ не могла ему дать Славяно-Греко-Латинская академія; что Ломоносовъ не любилъ двухъ-трехъ нѣмцевъ, товарищей по академіи, интригантовъ или шарлатановъ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ судилъ по вашему вообще о Германіи. Съ нѣмцами онъ находился въ постоянной перепискѣ, съ ними онъ совѣтовался и постоянно у нихъ учился, а вы въ честь его юбилея ничего не выдумали лучше, какъ ругать нѣмцевъ. Понимаете ли вы всю вашу неловкость въ отношеніи самого Ломоносова, — главнаго предмета вашего торжества и похвалъ? Ужъ лучше бы вы прообѣдали, вмѣсто 7000, вдвое больше, но только не развѣвали бы вашего рта. Ну что, если тетъ холмогорскій мужикъ, котораго вы выписали для вашего патріотическаго обѣда, смекнулъ въ чемъ дѣло? Вѣдь онъ насмѣется надъ вами, какъ надъ послѣдними хвастунами. А нѣмцы могутъ отдѣлать васъ такъ, что вы покраснѣете отъ стыда; они могутъ вамъ сказать и доказать, что у Ломоносова первые враги были русскіе. Кто заставилъ его бѣжать изъ Германіи нищимъ, голоднымъ и полу-раздѣтымъ, и не далъ ему окончить начатаго имъ ученія въ университетѣ?—Русскіе, прекратившіе высылать ему деньги. По чьей милости онъ чуть не попалъ въ солдаты?—По вашей, наши превосходные патріоты. И когда онъ возвратился въ Петербургъ, кто его водилъ безъ сапоговъ?—Все тѣ же патріоты. За что же вы накинулись на нѣмцевъ, когда они, кромѣ добра, ничего не сдѣлали Ломоносову? Нѣтъ, ужъ право лучше кушайте телятину, только не несите такой дичи, какую вы напороли въ вашихъ пѣсногѣвнѣяхъ и рѣчахъ. Съ такимъ патріотизмомъ вы договоритесь до *чудища обла*, какъ выражался вашъ прародитель, Тредьяковскій.

Намъ гораздо больше нравится самовосхваленіе гг. академиковъ; но крайней мѣрѣ, тутъ видимъ практическую цѣль—получить побольше жалованья.

Пробѣгая въ Февральской книжкѣ «Журнала Мин. Народнаго Просв.» «Матеріалы для новаго устава Академіи наукъ и состоящихъ при ней музеевъ», мы усматриваемъ, что общество рѣшительно не цѣнитъ безсмертныхъ заслугъ Академіи наукъ и оплачиваетъ своихъ просвѣтителей крайне скаречно. Всего они стоятъ въ настоящее время 118,202 р., а требуется 237,640 р. Разница выходитъ на 119,437 р., т. е. вдвое менѣе, сколько нужно было бы

для основанія университета въ Иркутскѣ, о которомъ говорятъ у насъ съ незапамятныхъ временъ. Да прибавляя, кромѣ расходовъ по штату, расходы на изданіе календарей, на ремонтъ зданій и на содержаніе типографіи — 146,006 р., всего нужно для содержанія Академіи наукъ 383,646 р. (копѣйки мы не считаемъ). Но такъ какъ Академія наукъ пользуется многими привиллегіями, какъ, напр: изданіемъ календарей и доставленіемъ въ нее всѣхъ открываемыхъ рѣдкостей, и получаетъ съ своихъ привиллегій доходы въ 165,943 р., то общество должно прибавлять каждый годъ, для поддержанія и процвѣтанія своихъ просвѣтителей, только 217,702 р. Самое же увеличеніе идетъ въ такомъ распредѣленіи: на содержаніе академикомъ прибавляется 72,195 р., а на изданіе ученыхъ сочиненій — 19 р. На содержаніе личнаго состава музеевъ прибавка равняется 14,685 р., а на содержаніе самихъ музеевъ 4,176 руб. Слѣдовательно, главный расходъ по новому проекту предназначается на академикомъ. Теперь ординарный академикъ получаетъ 1,800 р., экстра-ординарный 1,380 р., адъюнктъ 1,100 р. Можетъ быть, наши читатели даже не слышали, что у насъ есть азіятскій, этнографическій и греческихъ и римскихъ древностей музеи, а при этихъ музеяхъ есть особенные хранители, въ числѣ трехъ ученыхъ особъ, пзъ которыхъ каждая получаетъ по 850 р. въ годъ жалованья и квартирныхъ денегъ. По новому же окладу предполагается платить академику 3,243 р., т. е. вдвое противъ прежняго; кромѣ того, увеличиваются штаты и прибавляется каждому должностному лицу, соотвѣтственно новому окладу дѣйствительнаго члена Академіи.

Но обществу, конечно, было бы не безынтересно знать, за какія особенныя заслуги, оказанныя отечеству, оно призывается на новое самопожертвованіе? На это Академія наукъ отвѣчаетъ, что она, во-первыхъ, — первенствующее ученое сословіе въ Россійской имперіи; во-вторыхъ, обязанность ея — совершенствовать и обогащать науки новыми изслѣдованіями и открытіями; въ-третьихъ, разрѣшать ученые споры и сомнѣнія; въ-четвертыхъ, издавать ученые сочиненія. въ-пятыхъ доводить до свѣдѣнія правительства сдѣланныя ея членами открытія, отъ которыхъ ожидается особенно полезное примѣненіе въ общежитіи, и въ-шестыхъ, раздавать преміи, и наконецъ, сноситься съ другими академиками и учеными обществами, какъ русскими, такъ и иностранными. Заручившись такимъ высокимъ авторитетомъ, Академія наукъ имѣетъ право печатать свои сочиненія безъ цензуры; тѣмъ же правомъ она пользуется и относительно полученія иностранныхъ періодическихъ изданій, и, надо ска-

зять, что не злоупотребляетъ этимъ правомъ, потому что выписываетъ только двѣ газеты: «Allgemeine Zeitung» и «Le Nord». Что же касается до открытій, то въ проэктѣ не упоминается ни одного подъ собственнымъ именемъ, и всякому извѣстно, что телеграфы, желѣзныя дороги, безчисленныя техническiя изобрѣтенiя нашего вѣка выдуманы не нашей Академiей наукъ, но за то академикъ Гротъ въ послѣднее время открылъ Державина, а г. Билярскiй Ломоносова, такъ что главною заслугою Академiи наукъ въ дѣлѣ просвѣщенiя тѣхъ звѣрей, которымъ, по Майкову, нѣмцы хотѣли продѣть кольцо въ ноздри и ремень на шею,—неоспоримо остается изданiе календарей. А изъ уваженiя къ этимъ бессмертнымъ заслугамъ, обществу не мѣшаетъ прибавить гг. академикамъ еще 119,437 р. И то хорошо!

КОНЧИНА ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА.

Печальное событіе, совершившееся въ Ниццѣ, передано телеграммой въ слѣдующемъ видѣ:

Ницца, 12 (24) апрѣля въ 2 ч. 17 минутъ утра.

«Воля Всевышняго совершилась. Онъ призвалъ къ себѣ нашего Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича, сего числа въ 12 часовъ и 50 минутъ ночи. Государь Императоръ и Государыня Императрица съ умиленіемъ и покорностью переносятъ постигшую ихъ скорбь и преклоняются предъ неисповѣдимыми опредѣленіями Промысла Божія.»

ФЕЛЬЕТОНЪ.

(Изъ провинціальной жизни)

Ньчто въ родѣ баллады.—Знаменія Москвы.—Туристъ и незнакомый городъ.—Памятная книжка Тульской губерніи, или «знать не знаю и въдать не въдаю»!—Пантеонъ господъ писателей «Тульская листка».

Предлагая читателю первое письмо изъ провинціи, я долженъ просить его не искать здѣсь ни особенно характерныхъ этнографическихъ подробностей, ни какихъ бы то ни было отрадныхъ, уродливыхъ или карикатурныхъ явленій въ провинціальной жизни. Все это, безъ сомнѣнія, мнѣ придется увидѣть, и тогда я немедленно подѣлюсь съ читателями; но теперь сдѣлать этого положительно не могу. По настоящему, первое мое письмо должно бы состоять исключительно изъ торжественнаго и благодарственнаго гимна, изложеннаго бѣлыми стихами—объ избавленіи отъ тяжкаго кошмара, давившаго меня днемъ и ночью во время послѣднихъ дней пребыванія моего въ сѣв. столицѣ. Кошмаръ этотъ не оставлялъ меня даже въ то время, когда я сидѣлъ уже въ вагонѣ и когда вагонъ этотъ несся вихремъ, подхватываемый локомотивомъ. Стояло только высунуться изъ окна, чтобъ покурить папиросу,—тотчасъ же въ темномъ ночномъ воздухѣ слышались нестерпимые вопли цѣлыхъ легионовъ литературныхъ тлей и сатириковъ; ни звонъ цѣпей подъ вагонами, ни стукъ колесъ, ни свистъ воздуха, разрываемаго поѣздомъ, — ничто не заглушало ихъ неистоваго крика и визга. Крас-

ный дымъ локомотива, вившійся надъ всѣмъ поѣздомъ, тускло освѣщала ихъ избитыя рожи, съ завязанными кое-гдѣ синяками; концы перьевъ, окрашенные по краямъ тѣмъ же красноватымъ свѣтомъ, совались куда-то впередъ, иногда скопляясь въ одну точку; оторванные фалды ихъ фраговъ и лохмотья сюртуковъ и панталонъ хлестали концами въ безконечной тьмѣ неба. Нѣкоторый покой я испытывалъ только на станціяхъ. Въ это время легіоны литературныхъ тлей опрометью бросались къ буфету, лепились около графиновъ и незамѣтно опрокидывали въ себя цѣлые штофы. Раздавался звонокъ, и въ то же мгновеніе тли бросались вонъ, въ торопяхъ захихывая въ карманы водку, котлету, и скоро вились въ воздухъ, усиленно глотая даровой ужинъ. Погоня эта продолжалась вплоть до Москвы. Должно быть, Москва окружена какою-то особенно непроницаемою атмосферою, что заставила броситься назадъ моихъ враговъ. Ударившись въ какую-то невидимую для меня стѣну, они употребляли усилія двинуться впередъ, корчили еще уродливѣйшія рожи, и все-таки принуждены были броситься назадъ; я видѣлъ ихъ дырявыя подошвы, видѣлъ, какъ одному изъ нихъ проломили голову и какъ два другихъ калашматились въ воздухъ. Какъ ни плоха была московская атмосфера, заставившая отвернуться даже такихъ особъ, какъ литературные тли и сатирики, я все-таки благодарилъ судьбу, которая дала мнѣ возможность вздохнуть свободнѣе.

— Ну, подумалъ я, спасенъ!

Но все-таки я еще не успѣлъ хорошенько опомниться и искалъ случая убѣдиться, дѣйствительно ли я въ Москвѣ: я хотѣлъ знаменій. Знаменія эти явились. Въ тотъ же вечеръ мнѣ пришлось отыскивать на Бронной одного изъ знакомыхъ студентовъ. Я постучалъ въ дверь подъѣзда; черезъ нѣсколько времени внутренняя дверь заскрипѣла петлями и зашумѣла рогожей; показался свѣтъ и послышался шопотъ:

— Иди ты, говорить шопотомъ кто-то.

— А ну-ко онъ?..

— Ничего!.. Перекрестись и смѣло!

Нѣсколько минутъ молчанія и потомъ самый отчаянный возгласъ:

— Кто здѣсь?

— Створите, пожалуйста...

— Вы кто такіе?

— Пріѣзжай...

Снова шопотъ; потомъ минута раздумья, и свѣчи, и люди исче-
заютъ. Дверь снова шумитъ рогожей, скрипитъ петлями и я остаюсь
въ полномъ невѣдѣнн.

Я стучу опять. Свѣтъ является въ двухъ-трехъ окнахъ, выходя-
щихъ на улицу. Открывается форточка и выглядываетъ баба годава въ
бѣловатомъ поворонкѣ:

— Кто здѣсь?..

— Не знаете ли: тутъ живетъ такой-то, или нѣтъ?..

— Да вы кто такіе?..

— Пріѣзжіи.

Повойникъ всовываетъ голову назадъ и передаетъ кому-то: «прі-
ѣзжіи!»

— Здѣсь? спрашиваю я, когда повойникъ показывается снова.

— Да у васъ какъ въ адресѣ сказано?

— Сказано, что въ этомъ домѣ...

— Господина Бѣлякова?

— Бѣлякова...

Повойникъ качаетъ головой и говоритъ про себя:

— Точно, что это господина Бѣлякова домъ.

Между тѣмъ, домъ незамѣтно освѣщается; открываются другія
форточки, въ нихъ суются головы по парѣ и бодѣ, слышатся: «мус-
сти, Маша-а-а!...»

Мнѣ почему-то показалось, что эти слова были произнесены
при усиленномъ всаживанн доктя въ чужой бокъ; въ подворотнѣ
захлебывается собака; на дворѣ кто-то шлепаетъ по лужамъ и го-
воритъ: «Кто тамъ такой?»

Повойникъ все смотритъ въ форточку и говоритъ:

— Такъ вамъ кого же?..

— Такого-то....

Повойникъ съ трудомъ втягиваетъ въ комнату свои жирныя ще-
чи; сквозь форточку слышенъ разговоръ, въ концѣ котораго разгова-
ривающіе возвышаютъ голоса:

— А я почему знала! кричитъ повойникъ.

— Такъ гляди! чортово ты нуѣало, гляди!

— Чего ты орешь-то?.. Какъ еще глядѣть на цего! Слава Богу,
ни картина какая...

— Что ужъ, вывалются глаза-то... Шкура!

— Да кто, кто здѣсь? говорить голось со двора, приближаясь

по дужать къ калитѣ и озлобленными руками грохоча замкомъ. — Шарниръ, молчи! Погоди, любезный, я те бока-то отпробую...

Въ фортку высовывается, вмѣсто повойника, мужская голова съ бакенбардами, въ рубашкѣ, съ помочами, и свѣрѣпѣйшимъ образомъ произносить:

— Тебѣ чего?

— Кто ты такой? раздражается голосъ, только-что говорившій за калитвой...

Я поспѣшно сажусь въ сани и, держась за извощика, говорю:

— Здѣсь такой-то?

— Кто ты самъ-то?

— Пріѣзжай...

— Тань коего жь тебѣ дьявола?..

Между тѣмъ, народъ собирается кругомъ; на противоположной сторонѣ улицы слегка освѣщены свѣтомъ изъ оконъ дома т. Бѣлякова нѣсколько фигуръ.

— Милые! слышалось въ сторонѣ:—изувѣчаютъ они его!..

— Иванъ Прохорычъ! произноситъ голова изъ форточки: — побудьте около него (т. е. меня) малость, я самъ выйду.

Голова быстро влетаетъ въ комнаты и произноситъ:

— Гдѣ тутъ я палку поставилъ бабы, эй вы?..

— Пошелъ! говорю и извощику.

Извощикъ сразу трогаетъ съ мѣста и говоритъ:

— Уйди отъ грѣха! ей-богу, ни за что пришибутъ!

— Ну?

— Да ей-богу!

Когда я былъ уже на Тверской, то рѣшился дохнуть свободнѣе и произнесъ:

— Да, это дѣйствительно Москва!

На другое утро я отправился искать попутчика и, сходя съ лѣстницы Чельшовской гостиницы, увидѣлъ, что два или три человѣка, спокойно шедшіе по театральной площади, вдругъ бросились впередъ, начали, что есть мочи, орать что-то, махали руками, какъ машутъ съ цѣлью остановить вырвавшуюся лошадь; извощики бросились въ разные стороны; въ ту же минуту раздались чьи-то неистовые голоса, сбук, сверху, снизу... Я недоумѣвалъ, растерялся и попытался въ дверь, назадъ. Въ это время произошло что-то въ родѣ всеобщаго разрушенія: невообразимой силой глыба сѣнъ летѣла съ

крыши, заставъ на нѣкоторое время всю картину, которая раскры- валась, начиная отъ театра, до зубчатой стѣны, идущей параллельно Никольской улицѣ. Глыба шлепнулась объ землю, занявъ пространство въ нѣсколько сажень, и засыпала все крыльцо.

Черезъ нѣсколько минутъ, извожикъ, переговариваясь съ дворни- комъ, помѣщавшимся на крышѣ, между прочимъ, говорилъ:

— Этакъ, любезные, недолго человѣка и до смерти пришибить...

— Это что говорить! соглашался дворникъ и прибавилъ, обра- щаясь ко мнѣ:

— Хорошо, баринъ, убѣгъ ты... Ежели-бъ ты чуть помѣшквалъ, мы-бъ тебѣ голову пришибли.. истиннымъ Богомъ!.. Да долго ли! рѣшилъ онъ и, поплевавъ на ладони, схватился за лопату и, вмѣ- стѣ съ другими товарищами, которые, повидимому, были очень до- вольны происшедшей сценой, принялся спихивать другой такой же комъ снѣгу, налегая грудью на рукоятку лопаты. Скоро на- родъ бросился отъ другого крыльца и послѣдовалъ чуть ли не та- кой же самый разговоръ...

Попутчикъ былъ отысканъ, и до отъѣзда, по словамъ ямщиковъ, оставалось не болѣе двухъ часовъ. Дорожа этимъ маленькимъ про- межуткомъ времени, оставшимся у меня, я рѣшился употребить его на прогулку по Прѣсенскому зоологическому саду. Я успѣлъ только мелькомъ взглянуть на эту превосходную московскую новин- ку, и при всемъ томъ, кажется, не ошибусь, если скажу, что эта новинка не на столько еще считается здѣсь полезною и даже при- ятною, чтобы ей предпочесть исконныя московскія развлечения: щел- каніе орѣховъ и подсолнечниковъ, питье чаевъ въ Марьиной рошѣ и проч., и проч. Москвичей (чуть не сказалъ московскую публику) еще до сихъ поръ интересуеть медвѣдь только тогда, когда онъ изо- бражаетъ воровство бабами гороха или способъ, которымъ эти ба- бы угощаютъ мужиковъ; попугай, — когда говорить «дуракъ»; обезья- на, — когда скачетъ на собакѣ верхомъ, наряженная въ треуголь- ную шляпу и мундиръ; кошка, — когда замыкаетъ рыльце и, та- кимъ образомъ, извѣщаетъ о прибытіи гостей, и проч., и проч. Я могу, безъ сомнѣнія, ошибаться въ своихъ скороспѣлыхъ выво- дахъ, но кажется, что пока это такъ.

Въ задней части сада находится обширное зданіе: здѣсь собра- ны отборныя представители животнаго царства. Прежде всего бро- сается въ глаза громадная фигура слона, спокойно провожающа-

го въ себѣ въ ротъ куски бѣлаго хлѣба; потомъ слѣдуютъ рысь, дикообразъ, левъ, барсъ, клѣтка съ обезьянами (мартышка); въ углу помѣщается носорогъ; уткнувшись въ уголъ головой, онъ что-то ушорно и не переставая жуегъ, переступаетъ постоянно съ ноги на ногу и слегка подергиваетъ складками своего непролимаго плаща. На солнечной сторонѣ, въ стеклянномъ навильонѣ, вдвинута большая клѣтка съ довольно рослыми обезьянами, между которыми бросается въ глаза старикъ павианъ съ синей физиономіей. Обитатели этой клѣтки хранили невозмутимое спокойствіе, сидя на солнечномъ припеѣ. Нѣкоторые искали другъ у друга въ головахъ, другіе просто смотрѣли въ окно, не шевелясь ни однимъ членомъ. По временамъ только одинъ изъ юныхъ жильцовъ этой клѣтки, безъ всякихъ обстоятельныхъ причинъ, мгновенно взбирался на самый верхъ, цѣплялся за желѣзныя палки клѣтки и изъ всѣхъ силъ толкалъ ихъ туда и сюда; въ эти минуты онъ обнаруживалъ крайнюю степень оживленія, и потомъ, точно также неожиданно, вдругъ бросался сверху внизъ и сидѣлъ, какъ ни въ чемъ не бывало; черезъ минуту вскакивалъ опять, хватаясь за одну изъ поднимающихся деревянныхъ клѣтокъ пола, и, подсканивая вмѣстѣ съ нею, производилъ ужаснѣйшій трескъ и шумъ. Разбуженный этимъ шумомъ, левъ поворачивался на другой бокъ и вздыхалъ; барсъ, лежа на спинѣ, царапалъ лѣвнвою лапой желѣзную стѣпу своего жилища и тоже какъ-то особенно горько вздыхалъ; какимъ-то металлическимъ рѣзкимъ голосомъ пищали маленькіе *Aй-Ай*; потомъ снова наставала мертвая тишина и слышалось шуршанье ногъ носорога въ соломѣ. Тишина и скука, кажется, надоѣли одному изъ служителей, потому что онъ подошелъ къ клѣткамъ, гдѣ находится рысь, и принялся дразнить ее, хлопая руной по желѣзнымъ спицамъ тамъ, гдѣ лежитъ самка. Самецъ злился и замахивался на врага своей обрубленной капканомъ лапой. Та же исторія продолжалась со всѣми обитателями слѣдующихъ клѣтокъ. Только левъ не отвѣчалъ на разныя заигрыванья и любезности служителя; онъ еще плотнѣе закрылъ свои глаза и старался казаться вѣрно-спящимъ, когда увидалъ, что къ нему приближаются зрители. Левъ, кажется, рѣшился покориться своей печальной судьбѣ,—доживать свой вѣкъ въ этой клѣткѣ; и теперь онъ тише жалаго ребенка.—Служитель этого отдѣленія, повидимому, былъ въ большой дружбѣ съ животными, потому что величалъ ихъ разными фамильярными именами: Ванька,

Петька или что-то въ этомъ родѣ. — Послѣ этого дарового спектакля, устроеннаго служителемъ, тишина воцарилась снова.

Посреди компаты шлялся какой-то двухлѣтній мальчикъ, съ отдувшимся брюхомъ и замазанной около ворота рубахой; въ одной рукѣ у него была катѣлка, обглоданная и заслюнявленная; другой рукой онъ придерживалъ подъ мышкой маленькую гармонику. Видъ этого мальчика былъ самый суровый и серьезный. Увидавъ, какъ одинъ изъ присутствовавшихъ, купецъ или мѣщанинъ, въ пальто съ бобровымъ воротникомъ, тыкалъ пальцемъ въ какого-то звѣрька, свернушагося и плотно притиснушагося къ спицамъ клѣтки, мальчуганъ надулъ губы и забрюзжалъ:

— Ни пужайте звилей.... Николай не велѣлъ.... Я Николаю скажу....

— Ай, батюшки, теперича я совсѣмъ пропалъ, шутить купецъ. Сдѣлайте вашу милость, не жальтесь....

— Не пужайте....

— Не буду, ей Богу не буду.... Эта гармоника-то ваша?

Мальчикъ не говорилъ и тупо смотрѣлъ на купца.

— Я у васъ на минуточку возьму.

Купецъ осторожно взялъ у мальчика гармонику и, помѣстившись около клѣтки съ обезьянами, началъ трогать понемногу одинъ клапанъ. Звукъ привлекъ вниманіе обитателей клѣтки; изъ-за желѣзной рѣшетки высунулись руки обезьянъ и начали щупать гармонику; купецъ пріутихъ и обезьяны успокоились, сидя у рѣшетки. Воспользовавшись этимъ спокойствіемъ, онъ сразу дакнулъ гармонику, налягая на всѣ клапаны. Испугъ былъ до того великъ, что одна изъ обезьянъ оскалила зубы, начала какъ-то визжать, смотря необыкновенно скорбными и проворно бѣгающими глазами. Другая, сдѣлавъ такую-же фizioномію, визжала и болтала усиленно по воздуху кистью руки, какъ-будто неожиданно обожгла эту руку....

Купецъ помиралъ со смѣху.

— Отдайте!... забрюзжалъ снова мальчишка. Отдайт-я-а, повторялъ онъ, готовый плакать.

Купецъ съ сердцемъ сунулъ ему гармонику, присовокупивъ:

— И-на, чортова волюшка!... и вознамѣрившись еще поразвлечься, направился къ другой клѣткѣ, гдѣ былъ павіанъ. Тутъ онъ прежде всего, чтобы обратить на себя вниманіе обезьянъ, началъ громыхать желѣзными спицами клѣтки; потомъ просунулъ между ними концы бѣ-

лаго плажка, и таки добился, что живьцы клѣтки, оставивъ искать блохъ и проч., подошли къ рѣшеткѣ. Тогда купецъ проворно вынулъ сигару, бросилъ ее имъ, а самъ плотно запахнулъ и, осмотрѣвшись, не видѣлъ ли кто, отирянулъ въ сторону и наблюдалъ издали, что будетъ? Угощеніе не пришлось по вкусу, — всѣ принялись пробовать сигару на зубъ, фыркали, плевали, чихали; вслѣдъ за ними фыркалъ потихоньку и купецъ.

— Это что вы дѣлаете? раздался вдругъ голосъ служителя. Развѣ такъ можно? Николай! вотъ они обезьяновъ табакомъ кормятъ.

Купецъ оробѣлъ и, еще болѣе закутыкаясь, говорилъ чуть слышно:

— Это не я...

— Вамъ сказано, не кормить папиросками? заговорилъ и Николай, принимавшій это дѣло горячо къ сердцу, и другой служитель. Вѣдь у насъ начальство-то — вонъ оно!... Возьму да доложу сейчасъ.... Нѣшто за это похвалятъ?

Купецъ сробѣлъ значительно, плотнѣе и плотнѣе заахивалъ свою шубу, такъ что, при послѣднихъ словахъ Николая, изъ плотно сдвинутыхъ концовъ воротника выглядывалъ только одинъ испуганный глазъ; купецъ старался въ воротникѣ спрятаться совсѣмъ и, запустивъ въ мѣхъ свой носъ, чуть внятно говорилъ:

— Это не я...

— Кто-жь, окромя васъ?

Купецъ поспѣшно обвелъ глазомъ присутствующихъ и, опасаясь солгать на кого нибудь изъ нихъ, наконецъ произнесъ, ткнувъ пальцемъ на мальчишку съ гармоникой:

— Это вотъ онъ.

Раздался общій смѣхъ; купецъ мгновенно исчезъ.

Небольшой домикъ, гдѣ помѣщаются наиболѣе замѣчательныя птицы, заканчиваетъ собою всѣ прелести зоологическаго сада. Исчезнувшій купецъ былъ уже здѣсь, когда я вошелъ, и всѣми мѣрами старался раздражить и спугнуть орла. Для этого въ щолку сѣтки, отгораживающей птицъ, онъ просунулъ свой толстый палецъ и, дергая его туда и сюда, приговаривалъ: кшь, кшь!... тюгга!... и пр. Не удовольствовавшись этимъ, онъ началъ всей пятерней шаркать по проволокамъ, изъ которыхъ сплетена сѣть; потомъ пробовалъ было махать руками, какъ утромъ махали миѣ, въ предостереженіе отъ падающаго сверху снѣгу. Но орлы стали что-то

серьезно трактовать между собою, гордо сидя на грудѣ камней, избравшихъ, по всей вѣроятности, сказы: какъ видно, они видѣли, что это только ихъ пожизненный и притомъ весьма изначительный пенсіонъ.

— Будетъ вамъ, сказала наконецъ купцу женщина, прислуживавшая здѣсь и подтверждавшая полъ.

— Тебѣ-то что?

— Какъ что? не вѣрно.

— Да нѣшто я его съѣмъ! Плевать я на него хотѣлъ! Тоу!

Купецъ вскинулъ съѣхавшую съ плечъ шубу; я, хлопнувъ руками о полы, вышелъ.

Такъ кончилась моя прогулка по зоологическому саду; — прогулка скорая и бѣглая, но исполненная петлиного наслажденія. Если-бы я зналъ, что судьба еще хочетъ меня увѣрить въ неотразимомъ присутствіи вокругъ меня Москвы, — я, безъ сомнѣнія, остался бы здѣсь долѣе; но я этого не зналъ и, такимъ образомъ, неожиданно сподобился новаго знаменія. Знаменіе это состояло въ томъ, что вмѣсто 2 часовъ, какъ говорилъ ямщикъ; я выѣхалъ ровно въ 8 часовъ вечера.

Черезъ день я проснулся въ Тулѣ.

До тѣхъ поръ, пока корреспондентъ не войдетъ въ интересы домашняго будничнаго быта обывателей того или другого города, — до тѣхъ поръ онъ не имѣетъ никакихъ точныхъ свѣдѣній о житьѣ-бытьѣ города и, слѣдовательно, не имѣетъ ни малѣйшей возможности исполнить своей задачи, потому что на долю его остается мертвая, неразговорчивая улица, глупѣйшія выѣски овощныхъ лавокъ и цирюльни, удобства или неудобства трактирнаго номера, и т. н.

Туристъ находится въ полномъ недоумѣніи, и только одно смекаетъ: тутъ совѣмъ свое!» Такимъ образомъ, приходится знакомиться съ городомъ, основываясь на первое время на томъ, что именно про себя говоритъ самъ же городъ. Тула въ этомъ отношеніи счастливѣе другихъ городовъ, потому что, кромѣ *Памятной книжки*, составляющей, кажется, сущее божеское наказаніе для самихъ господъ составителей ея, существуетъ еще мѣстный органъ:

Справочный листокъ. Прежде всего, конечно, я взялся за Памятную книжку, думая найти въ ней хоть самого скромнаго руководителя, который укажетъ мнѣ, гдѣ и что есть собственно тульскаго. Но стоило мнѣ только взять въ руки эту книгу, какъ сердце мое обуяла нѣкоторая скорбь о томъ, что ничего этого я не найду. Книжка эта суха и казенна до послѣдней степени; стоитъ вамъ просмотрѣть нѣсколько разныхъ отдѣловъ разныхъ вѣдомостей, въ которыхъ, что называется, ни сучка, ни задоринки, — какъ у васъ въ воображеніи неволью нарисуетъ какой-то фельдфебель, прослужившій безпорочно двадцать пять лѣтъ, награжденный нашивками и имѣющій завидную способность не только вскакивать при приближеніи начальства, снимать шапку ровно за десять шаговъ и проч., но даже просыпаться, если во время сна начальство находится вблизи. Смѣло и бодро, безъ запинокъ отвѣчаетъ книжка на начальническіе вопросы, переплетая свои отвѣты мельчайшими четвертями копѣекъ, — для большой безукоризненности и для показанія рвенія и усердія. Поэтому, ежели начальство желаетъ знать, что число жителей въ такой-то губерніи увеличилось, и ежели оно дѣлаетъ особую графу, вопрошающую: «на сколько число жителей увеличилось, то нужно отвѣчать: «на столько-то»; положимъ, родилось 30, умерло 230, — все-таки нужно сказать увеличилось на... ну, хоть на 200. А ежели начальство спросить: — «Есть нищія?» Надо отвѣчать: — «Никакъ нѣтъ-съ!»

— Неужто? спросите вы, простой человѣкъ.

— Такъ точно-съ, по той причинѣ, что и графы для этого нѣтъ.

Принимая въ расчетъ строгость начальства, я даже боюсь за тульскую памятную книжку, непоказавшую, сколько въ губерніи верблюдовъ и оленей, такъ какъ графы для этого существуютъ.

Вообще, человѣку негрозному и неодоержимому большими чинами какъ-то бываетъ удивительно неловко, когда на его скромные вопросы примутся отвѣчать, вытянувшись вдоль притоля; онъ неволью становится въ положеніе извѣстнаго Ивана Александровича Хлестакова. Все ему думается, что какъ только узнаютъ, что онъ не ревизоръ, то не только не отвѣтятъ на его скромный вопросъ: «какъ пройти туда-то? но безъ разговоровъ стащутъ на съѣзжую. Вотъ и весь разговоръ. — Я тотчасъ же захопнулъ книжку, когда она обдала меня, какъ петербургскимъ дождемъ міриадами цвѣрь,

изображающими и количество учащихся; и число голов rogatого скота, и пр., и пр.

Чтобы узнать, въ какой степени развито образованіе въ этомъ обществѣ, книжна Тульской губерніи предлагаетъ рѣшить этотъ вопросъ, основываясь на числѣ типографій (если бы даже въ нихъ печатались бланки и платежныя книжки?), библіотекъ, на количество выписываемыхъ журналовъ и на числѣ періодическихъ изданій, въ предѣлахъ губерніи издаваемыхъ (срѣза какъ разъ для остроумнаго и притомъ секретнаго ревизора, «проявлятаго *инкогнито!*» Тутъ сейчасъ и цифры).

Библіотекъ насчитано шесть, да, пожалуй, еще двѣ, если по одной класть на «*нѣкоторыя* присутственные мѣста и «*нѣкоторыя* учебныя заведенія»; — итого восемь; а между тѣмъ, сколько существуетъ до сихъ поръ трудностей, сопряженныхъ съ добываніемъ книжки журнала, не говоря уже о новой какой нибудь, недавно вышедшей книгѣ.

Книжный магазинъ или лавка, какъ называется ее самъ содержатель, г. Вороновъ, — гдѣ только и можно иногда разжиться чѣмъ нибудь, — съ каждымъ годомъ падаетъ, и теперь въ этой лавкѣ гораздо болѣе *разныхъ товаровъ*: кошельковъ мужицкихъ, гитаръ, помады *«го-те-роль»*, табакъ, гильзы, казаннаго мыла и проч., нежели книгъ. И это единственная доступная для всѣхъ библіотека для чтенія. Я затрудняюсь объяснить бѣдностью такой важный недостатокъ въ губернскомъ городѣ, имѣющемъ, по показаніямъ полиціи, 56,739, и по показаніямъ духовной консисторіи 41,267 жит., тѣмъ болѣе, что и деньги у этихъ жителей, какъ видно, есть, ибо за одни проданныя въ церквяхъ свѣчи поступило 58,168 р. 55 к., да отъ подаянія въ кошельки и кружки 154,621 р. 59 1/2 коп., да на украшеніе церквей, деньгами и священными предметами отъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ жертвователей, поступило 121,555 р. Итого, за расходами, въ одномъ 1868 г. — 382,777. (Не понятно, куда дѣлись 1/2 коп? Думаю, что незаметно истощили во время расходовъ на возобновленія и поправки).

Правда, эти 382,777 р. — доходъ по всей епархіи; но за то и библіотека г. Воронова, тоже одна во всей губерніи, и 600-тѣмъ почти чѣмъ можетъ существовать. Печору одна, потому что нѣтъ уѣздовъ о просвѣщеніи общества *«свидѣній не-достаточно»*, а эту ерзу, основываясь на официальной точкѣ всей Памятной книжки, и могу

безошибочно объяснить, что *мажорантъ* (т. е. библиотекъ, говорящихъ о степени просвѣщенія) *не имѣется*.

«Особенно замѣчательна (говорить тульс. Пам. книжка, стр. 202) библиотека, состоящая при тульской духовной семинаріи. Она перенесена была изъ Коломны въ Тулу вмѣстѣ съ семинаріей въ 1800 г. Въ ней находится много книгъ, относящихся къ началу XVI столѣтія. Большая часть этихъ книгъ писана на латинскомъ языкѣ.»

Читатель видитъ, что для жителей Тулы эта библиотека не особенно привлекательна. Въ дверяхъ ея, по этому случаю, нужно поставить караульщика или часового, который бы хранилъ это сокровище. Хранить онъ его долженъ будетъ до тѣхъ поръ, пока оно не сгоритъ. А когда сгоритъ, тогда ученымъ людямъ будетъ большой просторъ, съ горькою миною въ лицѣ, тосковать объ этомъ сокровищѣ. (При семъ считаю нужнымъ извѣстить семинарскую библиотеку, что я поджигать ея не буду).

Продолжая далѣе убѣждаться въ образованности и просвѣщеніи жителей г. Тулы (основываясь исключительно на свѣдѣніяхъ, доставляемыхъ Памятною книжкою), я нахожу, что рвеніе къ просвѣщенію дѣйствительно неудержимое, ибо, не смотря на то, что многіе журналы давнымъ-давно покончили свое земное странствіе, давно превратились, а Тула все таки продолжаетъ настойчиво выписывать ихъ и не менѣе настойчиво читать. До сихъ поръ здѣсь читаются еще *Наше время*, *Русскій міръ*, *Разсвѣтъ* и проч. Мало того, туляки могутъ похвастаться, благодаря услужливости Справочной книжки, еще тѣмъ, что они то читаютъ, чего никто никогда не только не читывалъ, но и не видывалъ; ибо ничего подобнаго никогда не существовало. Здѣсь, напримѣръ, читаютъ нѣкоторый журналъ, по имени *Гельсинфорсъ* (стр. 209), и еще другой: *Публичная библиотека* (та же стр.). Собственно я такихъ сочиненій отродясь не видалъ. Невѣжество мое мучить меня, лучи туйскаго просвѣщенія слѣпятъ мнѣ глаза, и я, наскоро заглянувъ на 202 стр. и узнавъ, что въ Тулѣ 3 періодическихъ изданія, торопливо закрываю книгу и спѣшу заткнуть ее въ какую нибудь дыру, откуда бы я не имѣлъ уже никакой возможности видѣть ее, чтобы не возмущаться духомъ и не скорбѣть по поводу собственнаго ничтожества.

Обращаясь къ *Тульскому листку*, я, въ противоположность ка-

зенному тону Памятной книжки, нахожу здѣсь преимущественно стремление къ изящному слогу или, выражаясь яснѣе, къ беллетристичѣскій вѣкъ Карамзина: цвѣтистость и красота изложенія. Я до такой степени дерзую, что, не зная ни одного изъ авторовъ *Листка* въ лицо, рѣшаюсь сказать, что они почему-то кажутся мнѣ племянниками Натальи Борисовны (Записки охот. Наталья Борисовна и ея племянникъ), то есть, свободными художниками, у которыхъ вся задача: «потряхивай кудрями, наслаждайся поэзіей да затягивайся жуковымъ.». Можетъ быть, гг. авторы курятъ не жуковъ, а Лаферми или какой другой табакъ,—я этого, конечно, не знаю, но опять-таки говорю, что почему-то представляю ихъ себѣ въ образѣ племянника Н. Борисовны. Такъ и кажется, что до писанія статьи и послѣ гг. авторы подбирались къ чьимъ нибудь фортепьяно и начинали выводить: «Я плачу, я страдаю», или подбирали однимъ пальцемъ «Тройку». Какъ извѣстно, отъ такого племянника многіе знакомые перестали ѣздить къ Натальѣ Борисовнѣ, и я боюсь, какъ бы не перевелись у «Листка» подписчики.

У гг. племянниковъ есть видимое желаніе затрогивать разные вопросы; но какъ только авторъ, одушевленный этимъ желаніемъ, беретъ въ руки перо,—вопросъ отходитъ на второй планъ, а на первомъ является изліяніе гражданскихъ чувствъ и слезъ обличительнаго свойства. Такимъ образомъ, вопросы задѣваются точно такъ же, какъ задѣваютъ васъ локтемъ, нечаянно наступаютъ на ногу; цвѣты художества кладутся для духу, какъ кладется бобковый корень въ табакъ *). Какъ бы то ни было, гг. племянники дѣлаютъ дѣла по своему, примѣрно такъ:

Господинъ Щелкинъ, авторъ статьи «О коновалахъ», беретъ за перо съ явною цѣлью показать невѣжество этихъ народныхъ врачей и поднять вопросъ о мѣрахъ къ искорененію ихъ шарлатанства. Это намѣреніе невольно лѣзетъ въ голову всякому читателю, если онъ только увидитъ хоть одно заглавіе: «Русскіе лошадиные врачи.» Иначе и быть, кажется, не можетъ, потому что какою же еще

*) Напр. при описаніи бала въ пользу лечебницы:

«...Нельзя умолчать и о рыцарской любезности нашихъ кавалеровъ, которые сочли возможнымъ только благороднымъ золотомъ оцѣнивать конфетку или чашку чаю, любезно предложенную дамами, завѣдывающими буфетомъ.» Это немножко напоминаетъ извѣстныхъ полковниковъ, подносившихъ дамамъ желе на концахъ своихъ шпагъ.

можно имѣть цѣль, помѣщая коротенькую замѣтку?—очевидно, желая что-то нужное довести до свѣдѣнія публики. А между прочимъ, г. Щелкинъ дѣлаетъ вамъ, такъ сказать, неожиданный репримандъ. Начиная описываніемъ костюма коновала, г. Щелкинъ натывается на уродливую фигуру его шапки и недоумѣваетъ, чему бы ее уподобить?

«Нѣтъ! воскликнулъ онъ, послѣ долгаго размышленія: — не придумаешь, чему она (т. е. шапка) подобна!»

Потомъ авторъ говоритъ нѣсколько цвѣтистыхъ фразъ, à la Карамзинъ, изъ которыхъ мы, между прочимъ, узнаемъ причину, побудившую его къ сочиненію статьи... А какъ вы, читатель, думаете, какая, въ самомъ дѣлѣ причина? Падежъ скота? Самъ авторъ лишился многихъ тучныхъ коровъ?

Ничуть. Автора потрясла нѣкоторая ужасная картина, ярко нарисовавшаяся въ его поэтическомъ воображеніи. Сравнивъ коновала съ изображеніемъ смерти съ косою, г. Щелкинъ говоритъ:

«Если она (смерть съ косою) страшна намъ грѣшнымъ людямъ, то во сколько же разъ страшнѣе коноваль для бѣдной лошадки *), когда этотъ злодѣй приступитъ къ ней со своими инструментами и употребитъ ихъ въ дѣло!

— Ужасно! я, собственно отъ себя, жертвую въ пользу лошадки два восклицательныхъ знака (!!).

Фразами, которыя я только-что привелъ, авторъ оканчиваетъ статью, вѣруя, что сказано все, что имѣлось въ виду сказать, ибо далѣе слѣдуетъ финалъ, въ которомъ исключительно господствуетъ чистый лиризмъ:

«За тебя, моя безсловесная лошадка (я говорилъ, что у него лошади падали...), я сказалъ словечко! А ось слова мои найдутъ въ комъ нибудь сочувствіе и помогутъ тебѣ разъ-другой избавиться отъ этихъ грубыхъ неучей и живодеровъ!»

Слова г. Щелкина напали тотчасъ же сочувствіе во мнѣ: я жертвую еще нѣсколько восклицательныхъ знаковъ—на этотъ разъ уже автору.

Непосредственно за г. Щелкиномъ—по важности и глубинѣ затрогиваемыхъ вопросовъ, — слѣдуетъ г. В. Покровский, авторъ

*) У г. Щелкина, стало быть, падали лошади, а не коровы, какъ выше я упоминалъ.

статья «Смерть отъ пьянства». Г. Покровский, очевидно, хотѣлъ объяснить причину увеличившейся смертности отъ пьянства, и для этого привелъ слѣдующія цифры:

Въ 1861 г., въ октябрѣ, умерло 4 (между прочимъ, одна титулярная совѣтница 50 лѣтъ. Остальные крестьяне 65, 55 и 50 л.)

Въ 1862, въ октябрѣ же, умерло 9 (между проч., дьячекъ 60 л. Самому младшему изъ остальныхъ было 35 л.)

Въ 1863., въ октябрѣ, м. умерло 26 (самые старшіе въ 70 л., младшіе до 30, и только одинъ 27.)

Въ 1864 г., въ октябрѣ м., умерло 31 (старики 75 лѣтъ, молодые до 30 и одинъ дворовый человекъ въ 26 лѣтъ.)

Г. Покровский, приведя эти цифры, справедливо заключаетъ, что число пьющихъ и умирающихъ отъ пьянства возрастаетъ видимо. До сихъ поръ сочиненіе читается благополучно, но какъ только авторъ началъ самъ до всего доходить: «что къ чему», то на читателя ринулся такой потокъ суесловія и витійства, что его обуялъ нѣкоторый ужасъ. Причины, по г. Покровскому, увеличивающейся смертности отъ пьянства происходятъ исключительно отъ развращенія рода человѣческаго, ибо онъ говоритъ: «Необходимо подумать о средствахъ къ обузданію его (народа пьющаго) неразумныхъ желаній, къ пресѣченію соблазновъ, на каждомъ шагу ему представляющихся.» (Т. I. N 3). Такимъ образомъ, оказывается, что хотя изъ 70 ч. умершихъ отъ пьянства, только двоимъ было меньше 30 лѣтъ, а остальные, и весьма многіе, имѣли отъ 60—70 л., оказывается, что только соблазны, (каковы, должно быть, вывѣся на выносъ) и неразумныя желанія погубили и престарѣлую титулярную совѣтницу, и дьячка въ 60 л. отъ роду, и множество 60—75 лѣтнихъ стариковъ.

Суемудріе и лжеученіе г. В. Покровскаго далѣе идетъ такимъ образомъ:

«Помимѣ отжившихъ, безвременно сошедшихъ въ могилу, въ ту пору, когда они могли быть полезны своему обществу или безусловно своей семьѣ,—къ какому заключенію придемъ мы о той ереѣ, которую они оставили? Если смерть окончательно поглотила ихъ, что же совершается съ живыми ихъ сообщниками? Что дѣлается съ ними послѣ всѣхъ спиртныхъ увеселеній?» (Трещить башка, рѣшающя я объяснить г. В. П.)

Послѣ нѣсколькихъ фразъ, въ которыхъ, при помощи всеглаго-

тѣльныхъ знаковъ, доказывается, что русскіе пьютъ гуртомъ, олдѣдутъ продолженіе такое:

«... Спрашивается, что же послѣ подобныхъ поносѣ дѣлаютъ оставшіеся еще въ мірѣ этожъ? Нужно ли задумываться? Довольно взглянуть только на то, что происходитъ на глазахъ нашихъ...» Слѣдуютъ точки, которыя, къ несчастью, скрываютъ отъ насъ, во-первыхъ, почему немужно задумываться, во-вторыхъ, что именно происходитъ на глазахъ г. Покровскаго. А любопытно бы взглянуть!— Какъ бы то ни было, и рѣшаюсь самъ объяснить себѣ эти точки, а именно, задумываться не стоитъ потому, что дѣло извѣстное: «оставшіеся еще въ мірѣ этожъ», имѣя на плечахъ своихъ готовую лопнуть голову, всеми мѣрами стремятся цапнуть косушку, дабы онокмѣлиться. Это именно и совершается на нашихъ глазахъ.

Вообще, не одинъ г. Покровскій утверждаетъ или старается увѣрить насъ, что пьяницы рождаются точно такъ же, какъ и поэты, но не дѣлаются обстоятельствами. Существуетъ въ Туувскомъ листѣ писатель, скрывающійся подъ буквами П. О.

Г. П. О. рассказываетъ, что сидѣлъ онъ пьянаго, который сначала безъ чувствъ валялся на землѣ, а потомъ его оттерли снѣгомъ, и ему пометке стало. О такомъ событіи повѣствуется не прямо, въ двухъ строкахъ, а сначала описывается, почему П. О. сидѣлъ у окна (нездоровъ былъ), ланую держалъ въ рукахъ книгу и пр., и пр. И потомъ уже, какъ увидалъ пьянаго *въ костюмѣ гражданина*.

А гражданинъ именно тотъ, кто ни ходитъ, и валется «въ крытомъ чернымъ сукномъ тулупѣ, съ чернымъ воротникомъ, въ худой обуви...» (т. д. № 19.)

Граждане всегда безъ подметокъ!

Нотомъ по шарядку изображено все дѣло, что говорили проѣзжавшіе ямщики, и какъ П. О., свѣдѣя опасное положеніе его (пьянаго), хотѣлъ было бѣжать на улицу и *сказать*, чтобы постарались привести его въ чувство, но его остановила жена». Полагая, должно быть, что П. О. будетъ на улицѣ только разговоры-разговаривать, супруга сочла за лучшее отправиться на улицу сама, и скоро пьяный приведенъ въ чувство. А пока хлопотали надъ нимъ, П. О. сидѣлъ у окна и *размышлялъ*:

«...Неизвѣстно, будетъ ли онъ здоровъ?...»

Когда все дѣло кончилось, то, естественно, П. О. долженъ былъ

сказать монологъ, проникающій въ самый смыслъ совершившагося событія. Монологъ этотъ таковъ:

«...Бѣдные люди! всегда и вездѣ вы остаетесь побѣжденными страстями, и рѣдко разсудокъ и сила воли торжествуютъ надъ слабостью; да и тогда, если избавился отъ одной порочной склонности, ее замѣняютъ другія. Жалкіе люди!

Я говорилъ уже, что, по мнѣнію г. Щелкина, люди такіе рождаются съ нарочитымъ намѣреніемъ пьянствовать, — а не пьянствовать, такъ воровать начнеть или предастся другимъ какимъ порочнымъ склонностямъ. Ужь онъ не можетъ... Жалкіе люди! Даже если число кабаковъ сократятъ, уступая желаніямъ Покровскаго, и тогда они будутъ безчинствовать.... А впрочемъ, Богъ знаетъ, вѣдь не было господъ тульскихъ литераторовъ до тѣхъ поръ, пока не явился листокъ. Закроется онъ—и литераторовъ не будетъ... Или и они примутся дѣлать еще что нибудь хуже, — увлекутся какою нибудь другою, не менѣе порочною склонностью.—Богъ знаетъ!...

Существуетъ въ Т. листкѣ, кромѣ сказанныхъ беллетристовъ, еще г. Алексѣевъ, человѣкъ, какъ видно изъ статей его, нрава строгаго и строптиваго, ибо съ одинаковою смѣлостью нападаетъ онъ какъ на собакъ, такъ и на современныхъ женщинъ, надѣвая и тѣмъ и другимъ намордники. Г. Алексѣевъ, очевидно, публицистъ, составляющій совершенную противоположность г. Чулковскому, художнику чистой крови. Этотъ г. Чулковскій вкладетъ въ свои статьи самую незначительную долю бобковаго корня, въ видѣ краткаго правоученія или предостереженія. Напр., въ послѣдней своей статьѣ объ извозчикахъ, онъ привязывается къ нимъ просто ни за что, надѣдаетъ хуже горькой рѣдьки, и все это для того, чтобы представить изящную картину. Существуетъ у него статья *Быль*, въ которой автору хотѣлось изобразить лѣтній день; и чтобы къ чему нибудь прицѣпить свои художества, онъ вставилъ и эту быль. Добраться до самой были очень трудно.

А именно:

«...Быль ясный лѣтній день; юльское солнце точно пригоршнями сыпало...

Дальше:

«...Полный тепла и запаха полевыхъ цвѣтовъ, воздухъ нѣжилъ...»

Дальше:

...И сгребаетъ потомъ душистое сѣно въ стога съ веселою пѣсней, разгоняющею грусть-тоску...»

Дальше:

«Что за травушка, за муравушка...

Дальше:

«Веселись народъ, коль весна цвѣтеть...» и т. д.

Наконецъ былъ. Мальчишки подложили у плетня хворосту и зажгли его, желая испечь яйца. Огонь схватился за солому, — и что же?

Вся деревушка сгорѣла!! и т. д.

Я было хотѣлъ продолжать свой пантеонъ авторовъ Тульского листка, но внезапно остановился, предварительно содрогнувшись всѣмъ тѣломъ, ибо увидѣлъ слѣдующую вещь:

«Нѣсколько словъ о танцевальномъ искусствѣ:

Это искусство важнѣе, чѣмъ о немъ думаютъ. Молодой человекъ, неумѣющій танцевать, чуждается общества и мало по малу дичаетъ и *грубѣетъ*. Танцованіе даетъ юношѣ поступъ легкую и свободную, тѣлодвиженія правильныя и пріятныя. Но чтобы достичь этого результата, надобно учиться танцевать по строгой методѣ у опытнаго учителя и знающаго свое дѣло. Тутъ вовсе ненужно знанія *офигурь* модныхъ танцевъ; все это узнается легко: надобно *пріучить* ученика къ *непринужденности* и *благородству тѣлодвиженій*. Это ему будетъ полезно не только въ обществѣ, но и *на службѣ* (Амишка! служи!)» и т. д. Н. Сарті. (т. л. № 10).

Прочитавъ это, я неволью снова вспомнилъ племянника Натали Борисовны и подумалъ: «что, если гг. племянники Тульского листка имѣютъ такіе же крѣпкіе мускулы, какъ и племянникъ Натали Борисовны? Что, если г. Сарті, узнавъ о крѣпости мускуловъ господъ племянниковъ, постарался усовершенствовать ихъ и обучить *непринужденнымъ, пріятнымъ, а главное, благороднымъ тѣлодвиженіямъ*?.. Человекъ я subtilный, здоровьемъ слабый...

...Что тогда? Нѣтъ, рѣшилъ я, лучше оставить продолженіе пантеона, а то ужъ и такъ неволью попалъ въ *критиканы* и подвергся опасности, со стороны художниковъ, быть можетъ, нечуждающагося извѣстнаго рода *приемовъ*.

ОТВѢТНЫЙ ЛИСТОКЪ

Къ № 3-му за 1865 годъ.

ОТВѢТЫ ГАЗЕТНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА ЖАЛОБЫ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ
«РУССКАГО СЛОВА».

- На Сокуръ-Уметинскую станцію, г. Абакумову. № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта.*
- Въ Винницу, Штабу 33 Пѣхотной Дивизіи. № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта.*
- Въ Нижній Новгородъ, г. Директору гимназіи. № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта.*
- Въ Курскъ, Библиотеку Рез. эскадрона 7-го Драгунскаго Кинбурскаго полка. № 1-й посланъ Вамъ 11-го Марта.*
- Въ Новомосковскъ, 136-му пѣхотному Таганрогскому полку. № 1-й посланъ Вамъ 1-го марта*
- Въ Острогожскъ г. Тизенгаузенъ. № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта.*
- На ст. Русскую, г-жѣ Карповой. № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта.*
- Въ Мензелинскъ г. Катанскому. № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта.*
- На ст. Чердаклинскую, г-жѣ Виноградовой. № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта.*
- На ст. Крымскую г. Макаренко. № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта*
- Въ Пермь г. Фирсову. № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта.*
- Въ Мелитополь, г-жѣ Бересторудъ. № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта*
- Въ Переконъ, г. Попову. № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта.*
- Въ Карасубазаръ, г. Сахновскому № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта.*
- Въ Ставрополь Кавк., г. Термикелову. № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта.*
- Въ Ростовъ на Дону, г. Мидицзову. № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта.*
- Въ Градизжскъ, г. Абраменко. № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта.*
- Въ Тюмень, г. Молодыхъ. № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта.*

Въ Ростовѣ на Дону, г. Вардалаху. № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта.
Въ Дмитровскѣ, Уездному училищу. № 1-й посланъ Вамъ 1 Марта
Въ Темрюкѣ, г. Протопопову. № 1-й посланъ Вамъ 1 Марта.
Въ Тюмень, г-жѣ Кантиной. № 1-й посланъ Вамъ 11 Марта.
Въ Могилевѣ, г. Ястребцову. № 1-й посланъ Вамъ 11 Марта.
Въ Херсонѣ, Библ. Минскаго пѣхотнаго полка. № 1-й посланъ Вамъ 1
Марта.

**При главной конторѣ Русскаго Слова продается:
полное собраніе сочиненій**

Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО.

Въ двухъ томахъ. Цѣна обоимъ томамъ, въ 12-ю д. около 40 листовъ, съ біографіею и портретомъ автора, 2 р. 50 к.; за пересылку прилагается особо отъ 25 — 50 к.

ОЧЕРКИ БУРСЫ желающіе могутъ покупать отдѣльной книжкой. Цѣна 50 к. безъ пересылки.

Для подписчиковъ „РУССКАГО СЛОВА“ дѣляется уступка 20%⁰ съ вышеозначенной цѣны.

Поступило въ продажу окончаніе (II-я часть) руководства къ изученію дѣтскихъ болѣзней д-ра Фогеля, переведенное подъ редакціею М. Зеленскаго, доктора медицины, приватъ-доцента по дѣтскимъ болѣзнямъ при Императорской С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи, консультанта по дѣтскимъ болѣзнямъ при Максимилиановской лечебницѣ для приходящихъ, съ значительными дополненіями и примѣчаніями доктора Зеленскаго, составляющими около половины всего сочиненія. Съ 6-ю хромотографическими таблицами съ изображенія различныхъ болѣзненныхъ измѣненій въ организмѣ дитяти, также паразитовъ (глистовъ).

Переводъ этотъ съ дополненіями М. Зеленскаго, рекомендованъ Медицинскимъ Департаментомъ Министерства внутрен. дѣлъ всѣмъ ему подвѣдомственнымъ врачамъ циркуляромъ, напечатаннымъ въ «Сѣверной Почтѣ» 1864 года въ № 150.

Содержаніе I-го тома: Особенности дѣтскихъ болѣзней. Физиолого-анатомическія замѣчанія о дѣтскомъ организмѣ: О дыханіи и кровообращеніи у дѣтей, о ростѣ ихъ и черепѣ, образованіе и прорѣзываніе зубовъ молочныхъ и постоянныхъ. Общія правила для изслѣдованія больныхъ дѣтей, изслѣдованіе каждой части тѣла.

Кормленіе ребенка и уходъ за нимъ, о молокѣ и кормилицѣ, правила для искусственнаго вскармливанія, о пищѣ дѣтей старшихъ года, ванны, одежда и помѣщеніе ребенка. Объ умственномъ развитіи дѣтей. Болѣзни дѣтей, часто встрѣчающіяся вскорѣ послѣ родовъ; болѣзни пищеварительныхъ органовъ: рта, желудка, кишечнаго канала и имъ прилежащихъ органовъ. О вліяніи прорѣзыванія зубовъ на организмъ.

Болѣзни органовъ дыханія; гортани, бронховъ и легкихъ, о физиологіи гортани, крупѣ и т. д. болѣзни плевры.

Содержаніе II-го тома: болѣзни сердца и сосудовъ. Болѣзни нервной системы. Общая патологія головного мозга, о конвульсіяхъ, параличахъ и измѣненіяхъ въ умственной сферѣ у дѣтей, вслѣдствіе страданія мозга, и частныя болѣзни мозга.

Общая патологія спинного мозга, конвульсія, параличи, боли и потеря чувствительности, вслѣдствіе страданія спинного мозга. О нервныхъ болѣзняхъ дѣтей. Болѣзни органовъ зрѣнія и слуха. Болѣзни мочевыхъ и половыхъ органовъ (мужскихъ и женскихъ). Навожныя болѣзни, какъ скарлатина, корь, оспа, оспопрививаніе и т. д. Англійская болѣзнь. Золотуха и бугорчатка. Наслѣдственный сифилисъ.

Цѣна полному сочиненію (два тома) 4 руб. сереб. II-я часть

отдѣльно 2 руб. серебр. I-я часть отдѣльно не продается. —
Также продаются остальные экземпляры сочиненія доктора М. Зелен-
скаго о признакахъ и распознаваніи нервныхъ болѣзней въ обла-
сти узловатой системы. Цѣна 1 руб. серебр.

Эти сочиненія продаются въ С.-Петербургѣ, въ книжкомъ ма-
газинѣ Сѣрно-Соловьевича и другихъ. Покупающіе не менѣе 5 экз-
у автора: въ Стремянной улицѣ, домъ Бергова, получаютъ 20%
уступки. Иногородные прилагаютъ за I-е сочиненіе на каждый экз.
за 4 фунта, а на II-е за 1 фунтъ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

П. А. ГАЙДЕБУРОВА.

НА ВАС. ОСТР. ПО ПЕРВОЙ ЛИНИ, ДОМЪ БРУНИ, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

высылаетъ иногороднымъ *всѣ русскія книги* (кромѣ казенныхъ изданій) *по петербургскимъ цѣнамъ*, принимая пересылку на свой счетъ.

Поступили въ продажу:

ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ О ЖИЗНИ И СМЕРТИ. Соч. Биша. Съ примѣчаніями переводчика и съ статьею о жизни, трудахъ и значеніи Биша. Спб. 1865. Ц. 1 р. 75 к.

ОСНОВАНІЯ АНАТОМИИ И ФИЗИОЛОГІИ растительной кѣлочкы. Гуго Моля. Съ 52 рисунками въ текстѣ и одною таблицею рисунковъ. Спб. 1865. Ц. 90 к. сер.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЗЕМНОГО ШАРА. Соч. Россмесслера. Ч. I-я. Спб. 1865. Ц. 1 р. 50 к.

ТАБЛИЦЫ ХИМИЧЕСКАГО АНАЛИЗА, составленныя А. Норманди. Спб. 1865. Ц. 6 р.

НАЧАЛА МІРА. Соч. Жувансея. Спб. 1864. Ц. 85 к. (вмѣсто 1 р. 25 к.).

ОБЗОРЪ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХЪ ЛИТЕРАТУРЪ. А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. Спб. 1865. Ц. 2 р. 50 к.

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Переводъ сочиненія Кенига: «Literarische Bilder aus Russland». Спб. 1862. Ц. 1 р.

СТОЛѢТНЯЯ ПАМЯТЬ М. В. ЛОМОНОСОВУ. 4 апрѣля 1865. Владиміра Ламанскаго. 2-е изд. исправленное и дополненное примѣчаніями. Спб. 1865. Ц. 25 к.

МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЛОМОНОСОВЪ Біографическій очеркъ соч. Владиміра Ламанскаго. Спб. 1864. Ц. 1 р.

ЛОМОНОСОВЪ И ПЕТЕРБУРГСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ. Матеріалы къ столѣтней памяти его. М. 1865. Ц. 75 к.

ЭСТЕТИЧЕСКІЯ ОТНОШЕНІЯ искусства къ дѣйствительности. Изд. 2-е. Спб. 1865. Ц. 75 к.

ЛЕКЦИИ ПО НАУКѢ О ЯЗЫКѢ, читанныя въ королевскомъ британскомъ институтѣ. Макса Мюллера. Спб. 1865. Ц. 2 р.

ОПЫТЪ СРАВНИТЕЛЬНОГО ОБОЗРѢНІЯ древнѣйшихъ памятниковъ народной поэзіи германской и славянской. Исслѣдованіе П. Полевого, писанное на степень магистра русской словесности. Спб. 1864. Ц. 1 р.

РУКОВОДСТВО КЪ УПОТРЕБЛЕНІЮ ГЛОБУСА И. Литтрова Спб. 1865. Ц. 40 к.

НАЦИОНАЛЬНОСТИ ИТАЛЬЯНСКАЯ И СЛАВЯНСКАЯ въ политическомъ и литературномъ отношеніяхъ. Соч. Владиміра Ламанскаго. Спб. 1865. Ц. 50 к.

СУДЕБНЫЙ СВОРНИКЪ, издаваемый подъ редакцію Н. Ламанскаго. Т. I-й. Спб. 1865. Ц. 1 р.

ИРЛАНДСКАЯ ТЮРЕМНАЯ СИСТЕМА. Соч. Франца Гольцендорфа. Спб. 1865. Ц. 60 к.

НАЧАЛА НАРОДНАГО ХОЗЯЙСТВА. Вильгельма Рощера. Т. I-й. Спб. 1862. Ц. 3 р.

ОСНОВАНІЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Дж. Ст. Милля. Первое полное изданіе въ двухъ томахъ. Т. 1-й. Спб. 1865. Ц. 2 р. 50 к.

ШЕКСПИРЪ, рассказанный дѣтямъ. Соч. Мери и Чарльза Ламбъ. М. 1865. Ц. 75 к.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ, его жизнь и сочиненія. Съ портретомъ А. С. Пушкина. Изд. второе. Спб. 1865. Ц. 50 к.

КОРОЛЬ ЛИРЪ. Трагедія Шекспира, переводъ А. Дружинина. Спб. 1857. Ц. 1 р.

Всѣ русскія книги (кромѣ казенныхъ изданій) высылаются магазиномъ П. А. ГАЙДЕБУРОВА на свой счетъ.

СОДЕРЖАНІЕ МАРТОВСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

- Уѣздное училище . . . . . Г. Потанинъ.
- ✓ ВИНОВАТА-ЛИ ОНА? Романъ. Ант. Троллопа.
Часть 2-я (Гл. V—VIII).
- ПЕРЕЛОМЪ ВЪ УМСТВЕННОЙ ЖИЗНИ СРЕДНЕВѢ-
КОВОЙ ЕВРОПЫ . . . . . Д. И. Писаревъ.
- ✓ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ. Изъ воспоминаній прош-
лаго. Часть I-я (Глава I—XI) . . . . . Ѳ. М. Рѣшетниковъ.
- ✓ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ РУС-
СКАГО НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ. (Статья первая.) А. П. Щаповъ.
- РАЗВИТІЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ТИПА ВЪ ГЕОЛОГИ-
ЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ. . . . . Н. В. Шелгуновъ.
- ✓ ВОСПОМИНАНІЯ РЕБРУТА 1813 ГОДА.
«Кумиръ» (стихотвор. Барбье) . . . . . Е. Зиновъ.

ОТДѢЛЪ II.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПРОГУЛКА ПО САДАМЪ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ. Д. И. Писаревъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ . . . . . В. А. Зайцевъ.

Исторія Юлія Цезаря. Соч. Наполеона III. Томъ первый. Спб. Изданіе Вольфа. 1865.—О современныхъ духовныхъ потребностяхъ мысли и жизни, особенно русской. Собраніе разныхъ статей А. Бухарева. М. 1865.—Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Мамичкій. Е. Феофистова. Спб. 1865.—Национальности итальянская и славянская въ политическомъ и литературномъ отношеніяхъ. Сочиненіе Владимира Ламанскаго. Спб. 1865.—Человѣкъ и развитіе его способностей или опытъ общественной физики. Сочиненіе А. Кетлэ. Томъ первый. Изданіе Бакста. Спб. 1865.—Д. Л. Мотлей. Исторія нидерландской революціи и основанія республики Соединенныхъ провинцій. Т. I, часть I. Изданіе Сулина. Спб. 1865.—Ф. Шлоссеръ. Женщины французской революціи, Сталь и Роланъ. Изданіе Сулина. Спб. 1865.

ОГДѢЛЪ III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА. . . . . ЖАКЪ-ЛЕФРЕНЬ.

Открытие сессіи законодательнаго собранія во Франціи.—Рѣчь маркиза де-Буасси, бонапартиста и легитимиста, изумившая даже сенаторовъ.—Разрѣшеніе католическаго вопроса г. Руланомъ.—Дописка г. де-Буасси и его товарища г. Рулана.—Скандалъ, произведенный отступничествомъ г. Эмиля Оливье.—Что такое серединная партія или либеральный бонапартизмъ?—Современное положеніе оппозиціи передъ правительствомъ.—Рѣчь г. Тьера и противника его Тюилле.—Рѣчи гг. Пикара и Ж. Фавра, смутившія законодательное собраніе.—Предложеніе генерала Флери усмирить оппозицію.—Отставка министра внутреннихъ дѣлъ, г. Бюде.—Преемникъ его Лавалетъ, братъ герцога Морни.—Критическое положеніе императора Максимилиана въ Мексикѣ.—Послѣднія извѣстія съ театра сѣверо-американской войны.—Политика Англій въ отношеніи Соединенныхъ Штатовъ и Канады.—Смерть Ричарда Кобдена и критическая оцѣнка его Люи-Бланомъ.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Рѣшеніе женскаго вопроса въ Австраліи и разсужденіе нашихъ публицистовъ о немъ.—Пробуждающаяся потребность женскаго труда.—Отношеніе ремесленнаго класса женщинъ къ непроеизводительному классу въ Петербургѣ.—Необходимость новой организаціи женскаго труда.—Проектъ торгово-промышленной компаніи въ Сибири г. Пестерева.—Выводы изъ этого проекта.—Антагонизмъ между трудомъ мускульнымъ и умственнымъ.—Нелѣпость этого антагонизма.—Публичныя лекціи г. Карновича о женскомъ трудѣ въ Петербургѣ.—Юбилей Ломоносова и проектъ новаго устава Академіи наукъ.

КОНЧИНА ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА.

ФЕЛЬЕТОНЪ (изъ провинціальной жизни) . . . . Г. У.

Нѣчто въ родѣ баллады.—Знаменія Москвы.—Туристъ и незнакомый городъ.—Памятная книжка Тульской губерніи, или «знать не знаю и вѣдать не вѣдаю!»—Пантеонъ господъ писателей «Тульского листка».

